

Аркадий СТРУГАЦКИЙ, Борис СТРУГАЦКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

в тридцати трех томах

ТОМ СЕДЬМОЙ

1963

Концепция издания — Светлана Бондаренко и Александр Воронин

Составители: Светлана Бондаренко, Виктор Курильский, Юрий Флейшман

Редакционная коллегия: С. Бондаренко, В. Борисов, А. Горбов, В. Дьяконов, А. Заршиков, В. Казаков, А. Кузнецова, И. Кузнецова, В. Курильский, Р. Муринский, П. Поляков, Л. Рудман, Ю. Флейшман, И. Юдин

Подготовка иллюстративных материалов — А. Горбов, П. Северцов

В книге использованы фотографии из архива Аркадия Стругацкого, Бориса Стругацкого, в том числе фотографии Лидии Камионко, Александра Копылова

Все права защищены. Ни одна из частей настоящего издания и все издание в целом не могут быть воспроизведены, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другими, без предварительного согласования с правообладателями.

© Стругацкий А., Стругацкий Б., текст, 1963, 2016

© Бондаренко С., Воронин А., концепция, 2016

© Бондаренко С., Курильский В., Флейшман Ю., составление, 2016

© Бондаренко С., Казаков В., варианты произведений, 2016

© Курильский В., Муринский Р., Рудман Л., комментарии, примечания, 2016

© Казаков В., Флейшман Ю., библиография, 2016

© Курильский В., указатели, 2016

I. Художественные произведения

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий Далекая Радуга

Глава 1

Танина ладонь, теплая и немного шершавая, лежала у него на глазах, и больше ему ни до чего не было дела. Он чувствовал горько-соленый запах пыли, скрипели спросонок степные птицы, и сухая трава колола и щекотала затылок. Лежать было жестко и неудобно, шея чесалась нестерпимо, но он не двигался, слушая тихое, ровное дыхание Тани. Он улыбался и радовался темноте, потому что улыбка была, наверное, до неприличия глупой и довольной.

Потом не к месту и не ко времени в лаборатории на вышке заверещал сигнал вызова. Пусть! Не первый раз. В этот вечер все вызовы не к месту и не ко времени.

— Робик, — шепотом сказала Таня. — Слышишь?

— Совершенно ничего не слышу, — пробормотал Роберт.

Он помигал, чтобы пощекотать Танину ладонь ресницами. Все было далеко-далеко и совершенно не нужно. Патрик, вечно обалделый от недосыпания, был далеко. Маляев со своими манерами Ледяного Сфинкса был далеко. Весь их мир постоянной спешки, постоянных заумных разговоров, вечного недовольства и озабоченности, весь этот вневчувственный мир, где презирают ясное, где радуются только непонятному, где люди забыли, что они мужчины и женщины, — все это было далеко-далеко... Здесь была только ночная степь, на сотни километров одна только пустая степь, поглотившая жаркий день, теплая, полная темных, возбуждающих запахов.

Снова заверещал сигнал.

— Опять, — сказала Таня.

— Пускай. Меня нет. Я помер. Меня съели землеройки. Мне и так хорошо. Я тебя люблю. Никуда не хочу идти. С какой стати? А ты бы пошла?

— Не знаю.

— Это потому, что ты любишь недостаточно. Человек, который любит достаточно, никогда никуда не ходит.

— Теоретик, — сказала Таня.

— Я не теоретик. Я практик. И, как практик, я тебя спрашиваю: с какой стати я вдруг куда-то пойду? Любить надо уметь. А вы не умеете. Вы только рассуждаете о любви. Вы не любите любовь. Вы любите о ней рассуждать. Я много болтаю?

— Да. Ужасно!

Он снял ее руку с глаз и положил себе на губы. Теперь он видел небо, затянутое облаками, и красные опознавательные огоньки на фермах вышки на двадцатиметровой высоте. Сигнал верещал непрерывно, и Роберт представил себе сердитого Патрика, как он нажимает на клавишу вызова, обиженно выпятив добрые толстые губы.

— А вот я тебя сейчас выключу, — сказал Роберт невнятно. — Танек, хочешь, он у меня замолчит навеки? Пусть уж все будет навеки. У нас будет любовь навеки, а он замолчит навеки.

В темноте он видел ее лицо — светлое, с огромными блестящими глазами. Она отняла руку и сказала:

— Давай я с ним поговорю. Я скажу, что я галлюцинация. Ночью всегда бывают галлюцинации.

— У него никогда не бывает галлюцинаций. Такой уж это человек, Танечка. Он никогда себя не обманывает.

— Хочешь, я скажу тебе, какой он? Я очень люблю угадывать характеры по видеофонным звонкам. Он человек упрямый, злой и бестактный. И он ни за какие коврижки не станет сидеть с женщиной ночью в степи. Вот он какой — как на ладони. И про ночь он знает только, что ночью темно.

— Нет, — сказал справедливый Роберт. — Насчет коврижек верно. Но зато он добрый, мягкий и рохля.

— Не верю, — сказала Таня. — Ты только послушай. — Они послушали. — Разве это рохля? Это явный «*tenacem propositi virum*»¹.

— Правда? Я ему скажу.

— Скажи. Пойди и скажи.

— Сейчас?

— Немедленно.

Роберт встал, а она осталась сидеть, обхватив руками колени.

— Только поцелуй меня сначала, — попросила она.

В кабине лифта он прислонился лбом к холодной стене и некоторое время стоял так, с закрытыми глазами, смеясь и трогая языком губы. В голове не было ни единой мысли, только какой-то торжествующий голос бессвязно вопил: «Любит!.. Меня!.. Меня любит!.. Вот вам, вы!.. Меня!..» Потом он обнаружил, что кабина давно остановилась, и попытался открыть дверь. Дверь нашлась не сразу, а в лаборатории оказалось множество лишней мебели: он ронял стулья, сдвигал столы и ударялся о шкафы до тех пор, пока не сообразил, что забыл включить свет. Заливаясь смехом, он нащупал выключатель, поднял кресло и присел к видеофону.

Когда на экране появился сонный Патрик, Роберт приветствовал его по-дружески:

— Добрый вечер, поросенок! И чего это тебе не спится, синичка ты моя, трясогузочка?

Патрик озадаченно глядел на него, часто помаргивая воспаленными веками.

— Что же ты молчишь, песик? Верещал-верещал, оторвал меня от важных занятий, а теперь молчишь!

Патрик наконец открыл рот.

— У тебя... Ты... — Он постучал себя по лбу, и на лице его появилось вопросительное выражение. — А?..

— Еще как! — воскликнул Роберт. — Одиночество! Тоска! Предчувствия! И мало того — галлюцинации! Чуть не забыл!

— Ты не шутишь? — серьезно спросил Патрик.

— Нет! На посту не шутят. Но ты не обращай внимания и приступай.

Патрик неуверенно моргал.

— Не понимаю, — признался он.

— Да где уж тебе, — злорадно сказал Роберт. — Это эмоции, Патрик! Знаешь?.. Как бы это тебе попроще, попонятнее?.. Ну, не вполне алгоритмируемые возмущения в сверхсложных логических комплексах. Воспринял?

— Ага, — сказал Патрик. Он поскреб пальцами подбородок, сосредоточиваясь. — Почему я тебе звоню, Роб? Вот в чем дело: опять где-то утечка. Может быть, это и не утечка, но, может быть, утечка. На всякий случай проверь ульмотроны. Какая-то странная сегодня Волна...

Роберт растерянно посмотрел в распахнутое окно. Он совсем забыл про извержение. Оказывается, я сижу здесь ради извержений. Не потому, что здесь Таня, а потому что где-то там — Волна.

— Что ты молчишь? — терпеливо спросил Патрик.

— Смотрю, как там Волна, — сердито сказал Роберт.

Патрик вытаращил глаза.

¹ «Муж, упорный в своих намерениях» (*Гораций*).

— Ты видишь Волну?

— Я? С чего ты взял?

— Ты только что сказал, что смотришь.

— Да, смотрю!

— Ну?

— И все. Чего тебе от меня надо?

Глаза у Патрика опять посоловели.

— Я тебя не понял, — сказал он. — О чем это мы говорили? Да! Так ты непременно проверь ульмотроны.

— Ты понимаешь, что говоришь? Как я могу проверить ульмотроны?

— Как-нибудь, — сказал Патрик. — Хотя бы подключения... Мы совсем потерялись. Я тебе объясню сейчас. Сегодня в институте послали к Земле массу... Впрочем, это ты все знаешь. — Патрик помахал перед лицом растопыренными пальцами. — Мы ждали Волну большой мощности, а регистрируется какой-то жиденький фонтанчик. Понимаешь, в чем соль? Жиденький такой фонтанчик... Фонтанчик... — Он придвинулся к своему видеофону вплотную, так что на экране остался только огромный, тусклый от бессонницы глаз. Глаз часто мигал. — Понял? — оглушительно загремело в репродукторе. — Аппаратура у нас регистрирует квази-нуль-поле. Счетчик Юнга дает минимум... Можно пренебречь. Поля ульмотронов перекрываются так, что резонирующая поверхность лежит в фокальной гиперплоскости, представляешь? Квази-нуль-поле двенадцатикомпонентное, и приемник свертывает его по шести четным компонентам. Так что фокус шестикомпонентный.

Роберт подумал о Тане, как она терпеливо сидит внизу и ждет. Патрик все бубнил, придвигаясь и отодвигаясь, голос его то громыхал, то становился еле слышен, и Роберт, как всегда, очень скоро потерял нить его рассуждений. Он кивал, картинно морщил лоб, подымал и опускал брови, но он решительно ничего не понимал и с невыносимым стыдом думал, что Таня сидит там, внизу, уткнув подбородок в колени, и ждет, пока он закончит свой важный и непостижимый для непосвященных разговор с ведущими нуль-физиками планеты, пока он не выскажет ведущим нуль-физикам свою, совершенно оригинальную точку зрения по вопросу, из-за которого его беспокоят так поздно ночью, и пока ведущие нуль-физики, удивляясь и покачивая головами, не занесут эту точку зрения в свои блокноты.

Тут Патрик замолчал и поглядел на него со странным выражением. Роберт хорошо знал это выражение, оно преследовало его всю жизнь. Разные люди — и мужчины и женщины — смотрели на него так. Сначала смотрели равнодушно или ласково, затем выжидающе, потом с любопытством, но рано или поздно наступал момент, когда на него начинали смотреть вот так. И каждый раз он не знал, что ему делать, что говорить и как держать себя. И как жить дальше.

Он рискнул.

— Пожалуй, ты прав, — озабоченно заявил он. — Однако все это следует тщательно продумать.

Патрик опустил глаза.

— Продумай, — сказал он, неловко улыбаясь. — И не забудь, пожалуйста, проверить ульмотроны.

Экран погас, и наступила тишина. Роберт сидел сгорбившись, вцепившись обеими руками в холодные шероховатые подлокотники. Кто-то когда-то сказал, что дурак, понимающий, что он дурак, уже тем самым не дурак. Может быть, когда-нибудь так оно и было. Но сказанная глупость — всегда глупость, а я никак по-другому не могу. Я очень интересный человек: все, что я говорю, старо, все, о чем я думаю, банально, все, что мне удалось сделать, сделано в позапрошлом веке. Я не просто дубина, я дубина редкостная, музейная, как гетманская булава. Он вспомнил, как старый Ничепоренко поглядел однажды с задумчивостью в его, Роберта, преданные глаза и промолвил: «Милый

Скляр, вы сложены как античный бог. И как всякий бог, простите меня, вы совершенно не совместимы с наукой...»

Что-то треснуло. Роберт перевел дух и с изумлением уставился на обломок подлокотника, зажатый в белом кулаке.

— Да, — сказал он вслух. — Это я могу. Патрик не может. Ничепоренко тоже не может. Один я могу.

Он положил обломок на стол, встал и подошел к окну. За окном было темно и жарко. Может быть, мне уйти, пока не выгнали? Да только как я буду без них? И без этого удивительного чувства по утрам, что, может быть, сегодня лопнет наконец эта невидимая и непроницаемая оболочка в мозгу, из-за которой я не такой, как они, и я тоже начну понимать их с полуслова и вдруг увижу в каше логико-математических символов нечто совершенно новое, и Патрик похлопает меня по плечу и скажет радостно: «Эт-то здорово! Как это ты?», а Маляев нехотя выдавит: «Умело, умело... Не лежит на поверхности...» И я начну уважать себя.

— Урод, — пробормотал он.

Надо было проверить ульмотроны, а Таня пусть посидит и посмотрит, как это делается. Хорошо еще, что она не видела моей физиономии, когда погас экран.

— Танюшка, — позвал он в окно.

— Ау?

— Танек, ты знаешь, что в прошлом году Роджер ваял с меня «Юность Мира»?

Таня, помолчав, негромко сказала:

— Подожди, я поднимусь к тебе.

Роберт знал, что ульмотроны в порядке, он это чувствовал. Но все же он решил проверить все, что можно было проверить в лабораторных условиях, во-первых, для того, чтобы отдышаться после разговора с Патриком, а во-вторых, потому, что он умел и любил работать руками. Это всегда развлекало его и на какое-то время давало ему то радостное ощущение собственной значимости и полезности, без которого совершенно невозможно жить в наше время.

Таня — милый, деликатный человек — сначала молча сидела поодаль, а потом так же молча принялась помогать ему. В три часа ночи снова позвонил Патрик, и Роберт сказал ему, что никакой утечки нет. Патрик был обескуражен. Некоторое время он сопел перед экраном, подсчитывая что-то на клочке бумаги, потом скатал бумагу в трубочку и по обыкновению задал риторический вопрос. «И что мы по этому поводу должны думать, Роб?» — спросил он.

Роберт покосился на Таню, которая только что вышла из душевой и тихонько присела сбоку от видеофона, и осторожно ответил, что вообще не видит в этом ничего особенного. «Обычный очередной фонтан, — сказал он. — После вчерашней нуль-транспортировки был такой. И на той неделе такой же». Затем он подумал и добавил, что мощность фонтана соответствует примерно ста граммам транспортированной массы. Патрик все молчал, и Роберту показалось, что он колеблется. «Все дело в массе, — сказал Роберт. Он посмотрел на счетчик Юнга и совсем уже уверенно повторил: — Да, сто — сто пятьдесят граммов. Сколько сегодня запустили?..» — «Двадцать килограммов», — ответил Патрик. «Ах, двадцать кило... Да, тогда не получается. — И тут Роберта осенило. — А по какой формуле вы подсчитывали мощность?» — спросил он. «По Драмбе», — безразлично ответил Патрик. Роберт так и думал: формула Драмбы оценивала мощность с точностью до порядка, а у Роберта давно уже была припасена своя собственная, тщательно выверенная и выписанная и даже обведенная цветной рамочкой универсальная формула оценки мощности извержения вырожденной материи. И сейчас, кажется, наступил самый подходящий момент, чтобы продемонстрировать Патрику все ее преимущества.

Роберт уже взялся было за карандаш, но тут Патрик вдруг уплыл с экрана. Роберт ждал, закусив губу. Кто-то спросил: «Ты собираешься выключать?» Патрик не отзывался. К экрану подошел Карл Гофман, рассеянно-ласково кивнул Роберту и позвал в сторону: «Патрик, ты еще будешь говорить?» Голос Патрика пробубнил издали: «Ничего не понимаю. Придется этим заняться обстоятельно». — «Я спрашиваю, ты разговаривать будешь еще?» — повторил Гофман. «Да нет же, нет...» — раздраженно откликнулся Патрик. Тогда Гофман, виновато улыбаясь, сказал: «Прости, Роба, мы здесь спать укладываемся. Я выключу, а?»

Стиснув зубы так, что затрещало за ушами, Роберт нарочито медленным движением положил перед собой лист бумаги, несколько раз подряд написал заветную формулу, пожал плечами и бодро сказал:

— Я так и думал. Все ясно. Теперь будем пить кофе.

Он был отвратителен себе до последней степени и сидел перед шкафчиком с посудой до тех пор, пока снова не почувствовал себя в состоянии владеть лицом. Таня сказала:

— Кофе свари ты, ладно?

— Почему я?

— Ты вари, а я посмотрю.

— Что это ты?

— Люблю смотреть, как ты работаешь. Ты очень совершенно работаешь. Ты не делаешь ни одного лишнего движения.

— Как кибер, — сказал он, но ему было приятно.

— Нет. Не как кибер. Ты работаешь совершенно. А совершенное всегда радует.

— «Юность Мира», — пробормотал он. Он был красен от удовольствия.

Он расставил чашки и подкатил столик к окну. Они сели, и он разлил кофе. Таня сидела боком к нему, положив ногу на ногу. Она была замечательно красива, и его опять охватили какое-то щенячье изумление и растерянность.

— Таня, — сказал он. — Этого не может быть. Ты галлюцинация.

Она улыбалась.

— Можешь смеяться сколько угодно. Я и без тебя знаю, что у меня сейчас жалкий вид. Но я ничего не могу с собой поделать. Мне хочется сунуть голову тебе под мышку и вертеть хвостом. И чтобы ты похлопала меня по спине и сказала: «Фу, глупый, фу!...»

— Фу, глупый, фу! — сказала Таня.

— А по спине?

— А по спине потом. И голову под мышку потом.

— Хорошо, потом. А сейчас? Хочешь, я сделаю себе ошейник? Или намордник...

— Не надо намордник, — сказала Таня. — Зачем ты мне в наморднике?

— А зачем я тебе без намордника?

— Без намордника ты мне нравишься.

— Слуховая галлюцинация, — сказал Роберт. — Чем это я могу тебе нравиться?

— У тебя ноги красивые.

Ноги были слабым местом Роберта. У него они были мощные, но слишком толстые. Ноги «Юности Мира» были изваяны с Карла Гофмана.

— Я так и думал, — сказал Роберт. Он залпом выпил остывший кофе. — Тогда я скажу, за что я люблю тебя. Я эгоист. Может быть, я последний эгоист на земле. Я люблю тебя за то, что ты единственный человек, способный привести меня в хорошее настроение.

— Это моя специальность, — сказала Таня.

— Замечательная специальность! Плохо только, что от тебя приходят в хорошее настроение и стар и млад. Особенно млад. Какие-то совершенно посторонние люди. С нормальными ногами.

— Спасибо, Роби.

— В последний раз в Детском я заметил одного малька. Зовут его Валя... или Варя... Этаким белобрысый, конопатый, с зелеными глазами.

— Мальчик Варя, — сказала Таня.

— Не придирайся. Я обвиняю. Этот Варя своими зелеными глазами смел на тебя смотреть так, что у меня руки чесались.

— Ревность оголтелого эгоиста.

— Конечно, ревность.

— А теперь представь, как ревнует он.

— Что-о?

— И представь, какими глазами он смотрел на тебя. На двухметровую «Юность Мира». Атлет, красавец, физик-нулевик несет воспитательницу на плече, а воспитательница тает от любви...

Роберт счастливо засмеялся.

— Танюша, как же так? Мы же были тогда одни!

— Это вы были одни. Мы в Детском никогда не бываем одни.

— Да-а... — протянул Роберт. — Помню я эти времена, помню. Хорошенькие воспитательницы и мы, пятнадцатилетние балбесы... Я до того доходил, что бросал цветы в окно. Слушай, и часто это бывает?

— Очень, — задумчиво сказала Таня. — Особенно часто с девочками. Они развиваются раньше. А воспитатели у нас, знаешь, какие? Звездолетчики, герои... Это пока тупик в нашем деле.

Тупик, подумал Роберт. И она, конечно, очень рада этому тупику. Все они радуются тупикам. Для них это отличный предлог, чтобы ломать стены. Так и ломают всю жизнь одну стену за другой.

— Таня, — сказал он. — Что такое дурак?

— Ругательство, — ответила Таня.

— А еще что?

— Больной, которому не помогают никакие лекарства.

— Это не дурак, — возразил Роберт. — Это симулянт.

— Я не виновата. Это японская пословица: «Нет лекарства, которое излечивает дурака».

— Ага, — сказал Роберт. — Значит, влюбленный тоже дурак. «Влюбленный болен, он неисцелим». Ты меня утешила.

— А разве ты влюблен?

— Я неисцелим.

Тучи разошлись и открыли звездное небо. Близилось утро.

— Смотри, вон Солнце, — сказала Таня.

— Где? — спросил Роберт без особого энтузиазма.

Таня выключила свет, села к нему на колени и, прижавшись щекой к его щеке, стала показывать.

— Вот четыре яркие звезды — видишь? Это Коса Красавицы. Левее самой верхней сла-абенькая звездочка. Вот там мы с вами, девочки, родились. Я раньше, вы позже. Это наше Солнце. Оленька, правда, родилась здесь, на Радуге, но ее мама и папа родились тоже там. И через год в летние каникулы мы всей группой туда слетаем.

— Ой, Татьяна Александровна! — запищал Роберт. — Мы правда полетим? Ой! Ай! — Он поцеловал ее в щеку. — Ой, как мы все полетим! На Д-сигма-звездолете! А мы все полетим? Ой, а можно я возьму с собой куклу? Ай, а мальчик Варя целуется! — И он поцеловал ее еще раз.

Она обняла его за шею.

— Мои девочки не играют в куклы.

Роберт поднял ее на руки, встал, осторожно обогнул столик и только тогда в зеленоватом сумеречном свете приборов увидел длинную человеческую фигуру в кресле перед рабочим столом. Он вздрогнул и остановился.

— Я думаю, теперь можно включить свет, — сказал человек, и Роберт сразу понял, кто это.

— И появился третий, — сказала Таня. — Пусти-ка меня, Роб.

Она высвободилась и нагнулась, ища упавшую туфлю.

— Знаете что, Камилл, — раздраженно начал Роберт.

— Знаю, — сказал Камилл.

— Чудеса, — проговорила Таня, надевая туфлю. — Никогда не поверю, что у нас плотность населения один человек на миллион квадратных километров. Хотите кофе?

— Нет, благодарю вас, — сказал Камилл.

Роберт включил свет. Камилл, как всегда, сидел в очень неудобной, удивительно неприятной для глаз позе. Как всегда, на нем была белая пластмассовая каска, закрывающая лоб и уши, и, как всегда, лицо его выражало снисходительную скуку, и ни любопытства, ни смущения не было в его круглых немигающих глазах. Роберт, жмурясь от света, спросил:

— Вы хоть недавно здесь?

— Недавно. Но я не смотрел на вас и не слушал, что вы говорите.

— Спасибо, Камилл, — весело сказала Таня. Она причесывалась. — Вы очень тактичны.

— Бестактны только бездельники, — сказал Камилл.

Роберт разозлился.

— Между прочим, Камилл, что вам здесь надо? И что это за надоевшая манера появляться как привидение?

— Отвечаю по порядку, — спокойно произнес Камилл. Это тоже была его манера — отвечать по порядку. — Я приехал сюда потому, что начинается извержение. Вы отлично знаете, Роби, — он даже глаза закрыл от скуки, — что я приезжаю сюда каждый раз, когда перед фронтом вашего поста начинается извержение. Кроме того... — Он открыл глаза и некоторое время молча смотрел на приборы. — Кроме того, вы мне симпатичны, Роби.

Роберт покосился на Таню. Таня слушала очень внимательно, замерев с поднятой расческой.

— Что касается моих манер, — продолжал Камилл монотонно, — то они странны. Манеры любого человека странны. Естественными кажутся только собственные манеры.

— Камилл, — сказала Таня неожиданно. — А сколько будет шестьсот восемьдесят пять умножить на три миллиона восемьсот тысяч пятьдесят три?

К своему огромному изумлению, Роберт увидел, как на лице Камилла проступило нечто похожее на улыбку. Зрелище было жутковатое. Так мог бы улыбаться счетчик Юнга.

— Много, — ответил Камилл. — Что-то около трех миллиардов.

— Странно, — вздохнула Таня.

— Что «странно»? — тупо спросил Роберт.

— Точность маленькая, — объяснила Таня. — Камилл, скажите, почему бы вам не выпить чашку кофе?

— Благодарю вас, я не люблю кофе.

— Тогда до свиданья. До Детского лететь четыре часа. Робик, ты меня проводишь вниз?

Роберт кивнул и с досадой посмотрел на Камилла. Камилл разглядывал счетчик Юнга. Словно в зеркало гляделся.

Как обычно на Радуге, солнце взошло на совершенно чистое небо — маленькое белое солнце, окруженное тройным галосом. Ночной ветер утих, и стало еще более

душно. Желто-коричневая степь с проплешинами солончаков казалась мертвой. Над солончаками возникли зыбкие туманные холмики — пары летучих солей.

Роберт закрыл окно и включил кондиционирование, затем не торопясь и со вкусом починил подлокотник. Камилл мягко и бесшумно расхаживал по лаборатории, поглядывая в окно, выходящее на север. Видимо, ему совсем не было жарко, а Роберту жарко было даже смотреть на него — на его толстую белую куртку, на длинные белые брюки, на круглую блестящую каску. Такие каски надевали иногда во время экспериментов нуль-физики: они предохраняли от излучений.

Впереди был целый день дежурства, двенадцать часов палящего солнца над крышей, пока не рассосутся извержения и не исчезнут все последствия вчерашнего эксперимента. Роберт сбросил куртку и брюки и остался в одних трусах. Кондиционирование работало на пределе, и ничего нельзя было сделать.

Хорошо бы плеснуть на пол жидкого воздуха. Жидкий воздух есть, но его мало, и он нужен для генератора. Придется страдать, подумал Роберт покорно. Он снова уселся перед приборами. Как славно, что хотя бы в кресле прохладно и обшивка совсем не липнет к телу!

В конце концов, говорят, что главное — это быть на своем месте. Мое место здесь. И я не хуже других выполняю свои маленькие обязанности. И в конце концов, не моя вина, что я не способен на большее. И между прочим, дело даже не в том, на месте я или нет. Просто я не могу уйти отсюда, если бы даже и захотел. Я просто прикован к этим людям, которые так меня раздражают, и к этой грандиозной затее, в которой я так мало понимаю.

Он вспомнил, как еще в школе поразила его эта задача: мгновенная переброска материальных тел через пропасти пространства. Эта задача была поставлена вопреки всему, вопреки всем сложившимся представлениям об абсолютном пространстве, о пространстве-времени, о каппа-пространстве... Тогда это называлось «проколом Римановой складки». Потом «гиперпросачиванием», «сигма-просачиванием», «нуль-сверткой». И, наконец, нуль-транспортировкой или, коротко, «нуль-Т». «Нуль-Т-установка». «Нуль-Т-проблематика». «Нуль-Т-испытатель». Нуль-физик. «Где вы работаете?» — «Я нуль-физик». Изумленно-восхищенный взгляд. «Слушайте, расскажите, пожалуйста, что это такое — нуль-физика? Я никак не могу понять». — «Я тоже». Н-да...

В общем-то кое-что рассказать было бы можно. И об этой поразительной метаморфозе элементарных законов сохранения, когда нуль-переброска маленького платинового кубика на экваторе Радуги вызывает на полюсах ее — почему-то именно на полюсах! — гигантские фонтаны вырожденной материи, огненные гейзеры, от которых слепнут, и страшную черную Волну, смертельно опасную для всего живого...

И о свирепых, пугающих своей непримиримостью схватках в среде самих нуль-физиков, об этом непостижимом расколе среди замечательных людей, которым, казалось бы, работать и работать плечом к плечу, но они таки раскололись (хотя знают об этом немногие), и если Этьен Ламондуа упрямо ведет нуль-физику в русле нуль-транспортировки, то школа молодых считает самым важным в нуль-проблеме Волну, этого нового джинна науки, рвущегося из бутылки.

И о том, что по неясным причинам до сих пор никак не удастся осуществить нуль-транспортировку живой материи, и несчастные собаки, вечные мученицы, прибывают на финиш комьями органического шлака... И о нуль-перелетчиках, об этой «ревущей десятке» во главе с великолепным Габой, об этих здоровых, сверхтренированных ребятах, которые вот уже три года слоняются по Радуге в постоянной готовности войти в стартовую камеру вместо собаки...

— Скоро мы расстанемся, Роби, — сказал вдруг Камилл.

Задремавший было Роберт встрепенулся. Камилл стоял спиной к нему у северного окна. Роберт выпрямился и провел рукой по лицу. Ладонь стала мокрой.

— Почему? — спросил он.

— Наука. Как это безнадежно, Роби!

— Я это давно знаю, — проворчал Роберт.

— Для вас наука — это лабиринт. Тупики, темные закоулки, внезапные повороты. Вы ничего не видите, кроме стен. И вы ничего не знаете о конечной цели. Вы заявили, что ваша цель — дойти до конца бесконечности, то есть вы попросту заявили, что цели нет. Мера вашего успеха не путь до финиша, а путь от старта. Ваше счастье, что вы не способны реализовать абстракции. Цель, вечность, бесконечность — это только лишь слова для вас. Абстрактные философские категории. В вашей повседневной жизни они ничего не значат. А вот если бы вы увидели весь этот лабиринт сверху...

Камилл замолчал. Роберт подождал и спросил:

— А вы видели?

Камилл не ответил, и Роберт решил не настаивать. Он вздохнул, положил подбородок на кулаки и закрыл глаза. Человек говорит и действует, думал он. И все это внешние проявления каких-то процессов в глубине его натуры. У большинства людей натура довольно мелкая, и поэтому любые ее движения немедленно проявляются внешне, как правило, в виде пустой болтовни и бессмысленного размахивания руками. А у таких людей, как Камилл, эти процессы должны быть очень мощными, иначе они не пробьются к поверхности. Заглянуть бы в него хоть одним глазком. Роберту представилась зияющая бездна, в глубине которой стремительно проносятся бесформенные фосфоресцирующие тени.

Его никто не любит. Его все знают — нет на Радуге человека, который не знал бы Камилла, — но его никто-никто не любит. В таком одиночестве я бы сошел с ума, а Камилла это, кажется, совершенно не интересует. Он всегда один. Неизвестно, где он живет. Он внезапно появляется и внезапно исчезает. Его белый колпак видят то в Столице, то в открытом море; и есть люди, которые утверждают, что его неоднократно видели одновременно и там и там. Это, разумеется, местный фольклор, но вообще все, что говорят о Камилле, звучит странным анекдотом. У него странная манера говорить «я» и «вы». Никто никогда не видел, как он работает, но время от времени он является в Совет и говорит там непонятные вещи. Иногда его удается понять, и в таких случаях никто не может возразить ему. Ламондуа как-то сказал, что рядом с Камиллом он чувствует себя глупым внуком умного деда. Вообще впечатление такое, будто все физики на планете от Этьена Ламондуа до Роберта Склярова пребывают на одном уровне...

Роберт почувствовал, что еще немного, и он сварится в собственном поту. Он поднялся и направился под душ. Он стоял под ледяными струями, пока кожа от холода не покрылась пупырышками и не пропало желание забраться в холодильник и заснуть.

Когда он вернулся в лабораторию, Камилл разговаривал с Патриком. Патрик морщил лоб, растерянно шевелил губами и смотрел на Камилла жалобно и заискивающе. Камилл скучно и терпеливо говорил:

— Постарайтесь учесть все три фактора. Все три фактора сразу. Здесь не нужна никакая теория, только немного пространственного воображения. Нуль-фактор в подпространстве и обеих временных координатах. Не можете?

Патрик медленно помотал головой. Он был жалок. Камилл подождал минуту, затем пожал плечами и выключил видеофон. Роберт, растираясь грубым полотенцем, сказал решительно:

— Зачем же так, Камилл? Это же грубо. Это оскорбляет.

Камилл снова пожал плечами. Это получалось у него так, будто голова его, придавленная каской, ныряла куда-то в грудь и снова выскакивала наружу.

— Оскорбляет? — сказал он. — А почему бы и нет?

Ответить на это было просто нечего. Роберт инстинктивно чувствовал, что спорить с Камиллом на моральные темы бесполезно. Камилл просто не поймет, о чем идет речь.

Он повесил полотенце и стал готовить завтрак. Они молча поели. Камилл удовольствовался кусочком хлеба с джемом и стаканом молока. Камилл всегда очень мало ел. Потом он сказал:

- Роби, вы не знаете, они отправили «Стрелу»?
- Позавчера, — сказал Роберт.
- Позавчера... Это плохо.
- А зачем вам «Стрела», Камилл?
- Камилл сказал равнодушно:
- Мне «Стрела» не нужна.

Глава 2

На окраине Столицы Горбовский попросил остановиться. Он вылез из машины и сказал:

- Очень хочется прогуляться.
- Пойдемте, — сказал Марк Валькенштейн и тоже вылез.

На прямом блестящем шоссе было пусто, вокруг желтела и зеленела степь, а впереди сквозь сочную зелень земной растительности проглядывали разноцветными пятнами стены городских зданий.

- Слишком жарко, — возразил Перси Диксон. — Нагрузка на сердце.

Горбовский сорвал у обочины и поднес к лицу цветочек.

— Люблю, когда жарко, — сказал он. — Пойдемте с нами, Перси. Вы совсем обрюзгли.

Перси захлопнул дверцу.

— Как хотите. Если говорить честно, я ужасно устал от вас обоих за последние двадцать лет. Я старый человек, и мне хочется немножко отдохнуть от ваших парадоксов. И будьте любезны, не подходите ко мне на пляже.

— Перси, — сказал Горбовский, — поезжайте лучше в Детское. Я, правда, не знаю, где это, но там детишки, наивный смех, простота нравов... «Дядя! — закричат они. — Давай играть в мамонта!»

— Только берегите бороду, — добавил Марк осклабясь. — Они на ней повиснут.

Перси что-то буркнул себе под нос и умчался. Марк и Горбовский перешли на тропинку и неторопливо двинулись вдоль шоссе.

— Старееет бородач, — сказал Марк. — Вот и мы ему уже надоели.

— Да ну что вы, Марк, — сказал Горбовский. Он вытащил из кармана проигрыватель. — Ничего мы ему не надоели. Просто он устал. И потом, он разочарован. Шутка сказать — человек потратил на нас двадцать лет: уж так ему хотелось узнать, как влияет на нас космос. А он почему-то не влияет... Я хочу Африку. Где моя Африка? Почему у меня всегда все записи перепутаны?

Он брел по тропинке следом за Марком, с цветком в зубах, настраивая проигрыватель и поминутно спотыкаясь. Потом он нашел Африку, и желто-зеленая степь огласилась звуками тамтама. Марк поглядел через плечо.

— Выплюньте вы эту дрянь, — сказал он брезгливо.

— Почему же дрянь? Цветочек.

Тамтам гремел.

— Сделайте хотя бы потише, — сказал Марк.

Горбовский сделал потише.

— Еще тише, пожалуйста.

Горбовский сделал вид, что делает тише.

— Вот так? — спросил он.

— Не понимаю, почему я его до сих пор не испортил? — сказал Марк в пространство.

Горбовский поспешно сделал совсем тихо и положил проигрыватель в нагрудный карман.

Они шли мимо веселых разноцветных домиков, обсаженных сиренью, с одинаковыми решетчатыми конусами энергоприемников на крышах. Через тропинку, крадучись, прошла рыжая кошка. «Кис-кис-кис!» — обрадованно позвал Горбовский. Кошка опростелью бросилась в густую траву и оттуда поглядела дикими глазами. В знойном воздухе лениво гудели пчелы. Откуда-то доносился густой рыкающий храп.

— Ну и деревня, — сказал Марк. — Столица. Спят до девяти...

— Ну зачем вы так, Марк, — возразил Горбовский. — Я, например, нахожу, что здесь очень мило. Пчелки... Киска вон давеча пробежала... Что вам еще нужно? Хотите, я громче сделаю?

— Не хочу, — сказал Марк. — Не люблю я таких ленивых поселков. В ленивых поселках живут ленивые люди.

— Знаю я вас, знаю, — сказал Горбовский. — Вам бы все борьбу, чтобы никто ни с кем не соглашался, чтобы сверкали идеи, и драку бы неплохо, но это уже в идеале... Стойте, стойте! Тут что-то вроде крапивы. Красивая, и очень больно...

Он присел перед пышным кустом с крупными чернополосыми листьями. Марк сказал с досадой:

— Ну что вы тут расселись, Леонид Андреевич? Крапивы не видели?

— Никогда в жизни не видел. Но я читал. И знаете, Марк, давайте я спишу вас с корабля... Вы как-то испортились, избаловались. Разучились радоваться простой жизни.

— Я не знаю, что такое простая жизнь, — сказал Марк, — но все эти цветочки-крапивочки, все эти стежки-дорожки и разнообразные тропиночки — это, по-моему, Леонид Андреевич, только разлагает. В мире еще достаточно неустройства, рано еще перед всей этой буколиккой ахать.

— Неустройства — да, есть, — согласился Горбовский. — Только они ведь всегда были и всегда будут. Какая же это жизнь без неустройства? А в общем-то все очень хорошо. Вот слышите, поет кто-то... Невзирая ни на какие неустройства...

Навстречу им по шоссе вынесся гигантский грузовой атомокар. На ящиках в кузове сидели здоровенные полуголые парни. Один из них, самозабвенно изогнувшись, бешено бил рукой по струнам банджо, и все дружно ревели:

Мне нужна жена,
Лучше или хуже,
Лишь была бы женщиной,
Женщиной без мужа...¹

Атомокар промчался мимо, и волна горячего воздуха на секунду пригнула траву. Горбовский сказал:

— Вам это должно нравиться, Марк. В девять часов люди уже на ногах и работают. А песня вам понравилась?

— Это тоже не то, — упрямо сказал Марк.

Тропинка свернула в сторону, огибая огромный бетонированный бассейн с темной водой. Они пошли через заросли высокой, по грудь, желтоватой травы. Стало прохладнее — сверху нависла густая листва черных акаций.

— Марк, — сказал Горбовский шепотом. — Девушка идет!

Марк остановился как вкопанный. Из травы вынырнула высокая полная брюнетка в белых шортах и коротенькой белой курточке с оторванными пуговицами. Брюнетка с заметным напряжением тянула за собой тяжелый кабель.

— Здравствуйте! — сказали хором Горбовский и Марк.

Брюнетка вздрогнула и остановилась. На лице ее изобразился испуг. Горбовский и Марк переглянулись.

¹ Из «Переводов» С. Я. Маршака.

— Здравствуйте, девушка! — рявкнул Марк.

Брюнетка выпустила кабель из рук и понурилась.

— Здравствуйте, — прошептала она.

— У меня такое ощущение, Марк, — сказал Горбовский, — что мы помешали.

— Может быть, вам помочь? — галантно спросил Марк.

Девушка смотрела на него исподлобья.

— Змеи, — сказала вдруг она.

— Где? — воскликнул Горбовский с ужасом и поднял одну ногу.

— Вообще змеи, — пояснила девушка. Она оглядела Горбовского. — Видели сегодня восход? — вкрадчиво осведомилась она.

— Мы сегодня видели четыре восхода, — небрежно сказал Марк.

Девушка прищурилась и точно рассчитанным движением поправила волосы. Марк сейчас же представился:

— Валькенштейн. Марк.

— Д-звездолетчик, — добавил Горбовский.

— Ах, Д-звездолетчик, — сказала девушка со странной интонацией. Она подняла кабель, подмигнула Марку и скрылась в траве. Кабель зашуршал по тропинке. Горбовский посмотрел на Марка. Марк смотрел вслед девушке.

— Идите, Марк, идите, — сказал Горбовский. — Это будет вполне логично. Кабель тяжеленный, девушка слабая, красивая, а вы здоровенный звездолетчик.

Марк задумчиво наступил на кабель. Кабель задергался, и из травы донеслось:

— Вытравливай, Семен, вытравливай!..

Марк поспешно убрал ногу. Они пошли дальше.

— Странная девушка, — сказал Горбовский. — Но мила! Кстати, Марк, почему вы все-таки не женились?

— На ком? — спросил Марк.

— Ну-ну, Марк. Не надо так. Это же все знают. Очень славная и милая женщина. Тонкая очень и деликатная. Я всегда считал, что вы для нее несколько грубоваты. Но она, кажется, так не считала...

— Да так, не женился, — сказал Марк неохотно. — Не получилось.

Тропинка снова вывела их к шоссе. Теперь слева тянулись какие-то длинные белые цистерны, а впереди блестел на солнце серебристый шпиль над зданием Совета. Вокруг по-прежнему было пусто.

— Она слишком любила музыку, — сказал Марк. — Нельзя же в каждый полет брать с собой хориолу. Хватит с нас и вашего проигрывателя. Перси терпеть не может музыки.

— В каждый полет, — повторил Горбовский. — Все дело в том, Марк, что мы слишком стары. Двадцать лет назад мы не стали бы взвешивать, что ценнее — любовь или дружба. А теперь уже поздно. Теперь мы уже обречены. Впрочем, не теряйте надежды, Марк. Может быть, мы еще встретим женщин, которые станут для нас дороже всего остального.

— Только не Перси, — сказал Марк. — Он даже не дружит ни с кем, кроме нас с вами. А влюбленный Перси...

Горбовский представил себе влюбленного Перси Диксона.

— Перси был бы отличный отец, — неуверенно предположил он.

Марк поморщился.

— Это было бы нечестно. А ребенку не нужен хороший отец. Ему нужен хороший учитель. А человеку — хороший друг. А женщине — любимый человек. И вообще поговорим лучше о стежках-дорожках.

Площадь перед зданием Совета была пуста, только у подъезда стоял большой неуклюжий аэробус.

— Мне бы хотелось повидаться с Матвеем, — сказал Горбовский. — Пойдемте со мной, Марк.

— Кто это — Матвей?

— Я вас познакомлю. Матвей Вязаницын. Матвей Сергеевич. Он здешний директор. Старый мой приятель, звездолетчик. Еще из десантников. Да вы его должны помнить, Марк. Хотя нет, это было до.

— Ну что ж, — сказал Марк. — Пойдемте. Визит вежливости. Только выключите ваш звонок. Неудобно все-таки — Совет.

Директор им очень обрадовался.

— Великолепно! — басил он, усаживая их в кресла. — Это великолепно, что вы прилетели! Молодчина, Леонид! Ах, какой молодец! Валькенштейн? Марк? Ну как же, как же!.. Однако почему вы не лысый? Леонид определенно говорил мне, что вы лысый... Ах да, это он о Диксоне! Правда, Диксон прославлен бородой, но это ничего не значит — я знаю массу бородатых лысых людей! Впрочем, вздор, вздор! Жарко у нас, вы заметили? Леонид, ты плохо питаешься, у тебя лицо дистрофика! Обедаем вместе... А пока позвольте предложить вам напитки. Вот апельсиновый сок, вот томатный, вот гранатовый... Наши собственные! Да! Вино! Свое вино на Радуге, ты представляешь, Леонид? Ну как? Странно, мне нравится... Марк, а вы? Ну, никогда бы не подумал, что вы не пьете вина! Ах, вы не пьете местных вин? Леонид, у меня к тебе тысяча вопросов... Я не знаю, с чего начать, а через минуту я буду уже не человек, а взбесившийся администратор. Вы никогда не видели взбесившегося администратора? Сейчас увидите. Я буду судить, карать, распределять блага! Я буду властвовать, предварительно разделив! Теперь я представляю, как плохо жилось королям и всяким там императорам-диктаторам! Слушайте, друзья, вы только, пожалуйста, не уходите! Я буду гореть на работе, а вы сидите и сочувствуете. Мне здесь никто не сочувствует... Ведь вам хорошо здесь, правда? Окно я отворю, пусть ветерок... Леонид, ты представить себе не можешь... Марк, вы можете отодвинуться в тень. Так вот, Леонид, ты понимаешь, что здесь происходит? Радуга взбесилась, и это тянется уже второй год.

Он рухнул в застонавшее кресло перед диспетчерским пультом — огромный, дочерна загорелый, косматый, с торчащими вперед, как у кота, усами, — распахнул до самого живота ворот сорочки и с удовольствием посмотрел через плечо на звездолетчиков, прилежно сосавших через соломинки ледяные соки. Усы его задвигались, и он раскрыл было рот, но тут на одном из шести экранов пульта появилась миловидная худенькая женщина с обиженными глазами.

— Товарищ директор, — сказала она очень серьезно. — Я Хаггертон, вы меня, возможно, не помните. Я обращалась к вам по поводу лучевого барьера на Алебастровой горе. Физики отказываются снимать барьер.

— Как так отказываются?

— Я говорила с Родригосом — он, кажется, там главный нулевик? Он заявил, что вы не имеете права вмешиваться в их работу.

— Они морочат вам голову, Элен! — сказал Матвей. — Родригос такой же главный нулевик, как я ромашка-одуванчик. Он сервомеханик и в нуль-проблемах понимает меньше вас. Я займусь им сейчас же.

— Пожалуйста, мы вас очень просим...

Директор, мотая головой, шелкнул переключателями.

— Алебастровая! — гаркнул он. — Дайте Пагаву!

— Слушаю, Матвей.

— Шота? Здравствуй, дорогой! Почему не снимаешь барьер?

— Снял барьер. Почему не снимаю?

— Ага, хорошо. Передай Родригосу, чтобы перестал морочить людям голову, а то я его вызову к себе! Передай, что я его хорошо помню. Как ваша Волна?

— Понимаешь... — Шота помолчал. — Интересная Волна. Так долго рассказывать, потом расскажу.

— Ну, желаю удачи! — Матвей, перевалившись через подлокотник, повернулся к звездолетчикам. — Вот кстати, Леонид! — вскричал он. — Вот кстати! Что у вас говорят о Волне?

— Где у нас? — хладнокровно спросил Горбовский и пососал через соломинку. — На «Гаризле»?

— Ну вот что ты думаешь о Волне?

Горбовский подумал.

— Ничего не думаю, — сказал он. — Может быть, Марк? — Он неуверенно посмотрел на штурмана.

Марк сидел очень прямо и официально, держа бокал в руке.

— Если не ошибаюсь, — сказал он, — Волна — это некий процесс, связанный с нуль-транспортировкой. Я знаю об этом немного. Нуль-транспортировка, конечно, интересует меня, как и всякого звездолетчика, — он слегка поклонился директору, — но на Земле нуль-проблематике не придают особого значения. По-моему, для земных дискретников это слишком частная проблема, имеющая явно прикладное значение.

Директор желчно хохотнул.

— Как это тебе нравится, Леонид? — сказал он. — Частная проблема! Да, видно, слишком далеко от вас наша Радуга, и все, что у нас происходит, кажется вам слишком маленьким. Дорогой Марк, эта самая частная проблема битком набивает всю мою жизнь, а ведь я даже не нулевик! Я изнемогаю, друзья! Позавчера я вот в этом самом кабинете собственноручно разнимал Ламонду и Аристотеля, и теперь я смотрю на свои руки, — он вытянул перед собой мощные загорелые ладони, — и честное слово, я удивляюсь, как это на них нет укусов и царапин. А под окнами ревели две толпы, и одна гремела: «Волна! Волна!» — а другая вопила: «Нуль-Т!» И вы думаете, это был научный диспут? Нет! Это была средневековая квартирная склока из-за электроэнергии! Помните эту смешную, хотя, признаюсь, не совсем понятную книгу, где человека высекли за то, что он не гасил свет в уборной? «Золотой козел» или «Золотой осел»?.. Так вот, Аристотель и его банда пытались высечь Ламонду и его банду за то, что те прибрали к своим рукам весь резерв энергии... Честная Радуга! Еще год назад Аристотель ходил с Ламонду в обнимку! Нулевик нулевикам был друг, товарищ и брат, и никому в голову не приходило, что увлечение Форстера Волной расколется планету пополам! В каком мире я живу! Ничего не хватает: энергии не хватает, аппаратуры не хватает, из-за каждого желторотого лаборанта идет бой! Люди Ламонду воруют энергию, люди Аристотеля ловят и пытаются вербовать аутсайдеров — этих несчастных туристов, прилетевших отдохнуть или написать о Радуге что-нибудь хорошее! Совет — Совет!!! — превратился в конфликтный орган! Я попросил прислать мне «Римское право»... Последнее время я читаю одни исторические романы. Честная Радуга! Скоро я заведу здесь полицию и суд присяжных. Я привыкаю к новой, совершенно дикой терминологии. Позавчера я обозвал Ламонду ответчиком, а Аристотеля истцом. Я без запинки произношу такие слова, как юриспруденция и полицейпрезидиум!..

Один из экранов засветился. Появились две круглолицые девочки лет десяти. Одна в розовом платице, другая в голубом.

— Ну, ты говори! — сказала розовая полупешотом.

— Почему это я, когда договорились, что ты...

— Договорились, что ты!

— Вредная!.. Здравствуйте, Матвей Семенович.

— Сергеевич!..

— Матвей Сергеевич, здравствуйте!

— Здравствуйте, дети, — сказал директор. По лицу его было заметно, что он что-то забыл, а ему напомнили. — Здравствуйте, цыплята! Здравствуйте, мыши!

Розовая и голубая разом зарделись.

— Матвей Сергеевич, мы приглашаем вас в Детское на наш летний праздник.

— Сегодня, в двенадцать часов!..

— В одиннадцать!..

— Нет в двенадцать!

— Приеду! — закричал директор восторженно. — Обязательно приеду! И в одиннадцать приеду и в двенадцать!..

Горбовский допил бокал, налил себе еще, затем лег в кресле, вытянув ноги на середину комнаты, и поставил бокал себе на грудь. Ему было хорошо и уютно.

— Я тоже поеду в Детское, — заявил он. — Мне совершенно нечего делать. А там я скажу какую-нибудь речь. Я никогда в жизни не произносил речей, и мне ужасно хочется попробовать.

— Детское! — Директор снова перевалился через подлокотник. — Детское — это единственное место, где у нас сохраняется порядок. Дети — отличный народ! Они прекрасно понимают слово «нельзя»... О наших нулевиках этого не скажешь, нет! В прошлом году они съели два миллиона мегаватт-часов! В этом — уже пятнадцать и представили заявок еще на шестьдесят. Вся беда в том, что они абсолютно не желают знать слова «нельзя»...

— Мы тоже не знали этого слова, — заметил Марк.

— Дорогой Марк! Мы жили с вами в хорошее время. Это был период кризиса физики. Нам не нужно было больше, чем нам давали. Да и зачем? Ну что у нас было? Д-процессы, электронная структура... Сопряженными пространствами занимались единицы, да и то на бумаге. А сейчас? Сейчас эта безумная эпоха дискретной физики, теория просачивания, подпространство!.. Честная Радуга! Все эти нуль-проблемы! Безусому мальчишке, тонконогому лаборанту на каждый плюгавый эксперимент нужны тысячи мегаватт, уникальнейшее оборудование, которое на Радуге не создашь и которое, между прочим, выходит после эксперимента из строя... Вот вы привезли сотню ультронов. Спасибо вам. Но нужно-то их шесть сотен! И энергия... Энергия! Откуда я ее возьму? Вы же не привезли нам энергию! Более того, вам самим нужна энергия. Мы с Канэко обращаемся к Машине: «Дай нам оптимальную стратегию!» Она, бедняга, только руками разводит...

Дверь распахнулась, и стремительно вошел невысокий, очень изящный и красиво одетый мужчина. В гладко зачесанных черных волосах его торчали какие-то репы, неподвижное лицо выражало холодное, сдержанное бешенство.

— Легок на помине... — начал директор, простирая к нему руки.

— Прошу отставки, — звонким металлическим голосом сказал вошедший. — Я считаю, что не способен более работать с людьми, и поэтому прошу отставки. Извините, пожалуйста. — Он коротко поклонился звездолетчикам. — Канэко — план-энергетик Радуги. Бывший план-энергетик.

Горбовский торопливо заскреб ногами по скользкому полу, стараясь подняться и поклониться одновременно. Бокал с соком он при этом поднял над головой и стал похож на пьяного гостя в триклинии у Лукулла.

— Честная Радуга! — сказал директор озабоченно. — Что еще стряслось?

— Полчаса назад Симеон Галкин и Александра Постышева тайно подключились к зональной энергостанции и взяли всю энергию на двое суток вперед. — По лицу Канэко прошла судорога. — Машина рассчитана на честных людей. Мне неизвестна подпрограмма, учитывающая существование Галкина и Постышевой. Факт сам по себе недопустимый, хотя, к сожалению, и не новый для нас. Возможно, я справился бы с ними сам. Но я не дзюдотэ и не акробат. И я работаю не в детском саду. Я не могу допустить, чтобы мне устраивали ловушки... Они замаскировали подключение в густом кустарнике за оврагом, а попереk тропинки натянули проволоку. Они прекрасно знали, что я должен был

бежать, чтобы предотвратить огромную утечку... — Он вдруг замолчал и принялся нервно вытаскивать репы из волос.

— Где Постышева? — спросил директор, наливаясь венозной кровью.

Горбовский сел прямо и с некоторым испугом поджал ноги. На лице Марка был написан живой интерес к происходящему.

— Постышева сейчас будет здесь, — ответил Канэко. — Я тоже уверен, что именно она является инициатором этого безобразия. Я вызвал ее сюда от вашего имени.

Матвей подтянул к себе микрофон всеобщего оповещения и негромко пробасил:

— Внимание, Радуга! Говорит директор. Инцидент с утечкой энергии мне известен. Инцидент разбирается.

Он встал, боком подобрался к Канэко, положил руку ему на плечо и как-то виновато проговорил:

— Ну что же делать, дружище... Я же тебе говорил: Радуга сошла с ума. Терпи, дружище!.. Я тоже терплю. А Постышеву я сейчас взгрею. Она у меня не обрадуется, вот увидишь...

— Я понимаю, — сказал Канэко. — Прошу извинить меня: я был взбешен. С вашего разрешения я отправляюсь на космодром. Самое, пожалуй, неприятное дело сегодня — выдача ультмотронов. Вы знаете, пришел десантник с грузом ультмотронов.

— Да, — сказал директор с чувством. — Я знаю. Вот. — Он уставил квадратный подбородок на звездолетчиков. — Настоятельно рекомендую — мои друзья. Командир «Гаризля» Леонид Андреевич Горбовский и его штурман Марк Валькенштейн.

— Рад, — сказал Канэко, наклонив голову с репьями.

Марк и Горбовский тоже наклонили головы.

— Постараюсь свести повреждения корабля к минимуму, — сказал Канэко без улыбки, повернулся и пошел к двери.

Горбовский с беспокойством посмотрел ему вслед.

Дверь перед Канэко отворилась, и он вежливо шагнул в сторону, уступая дорогу. В дверях стояла давешняя брюнетка в белой курточке с оторванными пуговицами. Горбовский заметил, что шорты ее были прожжены сбоку, а левая рука испачкана копотью. Рядом с нею изящный и подтянутый Канэко казался пришельцем из далекого будущего.

— Извините, пожалуйста, — сказала брюнетка бархатным голосом. — Разрешите войти. Вы меня вызывали, Матвей Сергеевич?

Канэко, отвернув лицо, обошел ее стороной и скрылся за дверью. Матвей вернулся в кресло, сел и уперся руками в подлокотники. Лицо его вновь посинело.

— Ты что думаешь, Постышева, — едва слышно начал он, — я не знаю, чьи это затеи?..

На экране появился розовощекий юноша в кокетливо сдвинутом набок беретике.

— Простите, Матвей Сергеевич, — весело улыбаясь, сказал он. — Я хотел бы напомнить, что два комплекта ультмотронов наши.

— В порядке очереди, Карл, — буркнул Матвей.

— В порядке очереди мы первые, — сообщил юноша.

— Значит, вы получите первыми. — Матвей все время смотрел на Постышеву, сохраняя вид свирепый и неприступный.

— Простите еще раз, Матвей Сергеевич, но нас очень беспокоит поведение группы Форстера. Я видел, что они уже выслали на космодром свой грузовик...

— Не беспокойтесь, Карл, — сказал Матвей. Он не удержался и расплылся в улыбке. — Ты только полюбуйся, Леонид! Пришел и ябедничает! Кто? Гофман! На кого? На учителя своего — Форстера! Ступайте, ступайте, Карл! Никто не получит вне очереди!

— Спасибо, Матвей Сергеевич, — сказал Гофман. — Мы с Маляевым очень на вас рассчитываем.

— Он с Маляевым! — сказал директор, поднимая глаза к потолку.

Экран погас и через мгновение вспыхнул снова. Пожилой угрюмый человек в темных очках с какими-то приспособлениями на оправе прогудел недовольно:

— Матвей, я хотел бы уточнить относительно ульмотронов...

— Ульмотроны в порядке очереди, — сказал Матвей.

Брюнетка томно вздохнула, зорко поглядела на Марка и с покорным видом присела на край кресла.

— Нам полагается вне очереди, — сказал человек в очках.

— Значит, вы получите вне очереди, — сказал Матвей. — Существует очередь внеочередников, и ты там восьмым...

Брюнетка, грациозно изогнувшись, принялась рассматривать дырку на шортах, затем, посплюнув палец, стерла сажу с локтя.

— Одну минуточку, Постышева, — сказал Матвей и наклонился к микрофону. — Внимание, Радуга! Говорит директор. Распределение ульмотронов, прибывших на звездолете «Таризель», будет производиться по спискам, утвержденным в Совете, и никаких исключений делаться не будет. Так вот, Постышева... Вызвал я тебя для того, чтобы сказать, что ты мне надоела. Я был мягок... Да, да, я был терпелив. Я сносил все. Ты не можешь упрекнуть меня в жестокости. Но честная Радуга! Есть же предел всему! Одним словом, передай Галкину, что я отстранил тебя от работы и с первым же звездолетом отправляю тебя на Землю.

Огромные прекрасные глаза Постышевой немедленно наполнились слезами. Марк скорбно покачал головой, Горбовский пригорюнился. Директор, выпятив челюсть, смотрел на Постышеву.

— И поздно теперь плакать, Александра, — сказал он. — Плакать надо было раньше. Вместе с нами.

В кабинет вошла хорошенькая женщина в плиссированной юбке и легкой кофточке. Она была подстрижена под мальчика, русая челка падала ей на глаза.

— Хэлло! — сказала она, приветливо улыбаясь. — Матвей, я не помешала вам? О! — Она заметила Постышеву. — Что такое? Мы плачем? — Она обняла Постышеву за плечи и прижала ее голову к груди. — Матвей, это вы? Как не стыдно! Вероятно, вы были грубы. Иногда вы бываете невыносимы!

Директор пошевелил усами.

— Доброе утро, Джина, — сказал он. — Отпустите Постышеву, она наказана. Она тяжко оскорбила Канэко, и она украла энергию...

— Какой вздор! — воскликнула Джина. — Успокойся, девочка! Какие слова: «украли», «оскорбила», «энергия»! У кого она украли энергию? Ведь не у Детского же! Не все ли равно, кто из физиков тратит энергию — Аля Постышева или этот ужасный Ламонду!

Директор величественно поднялся.

— Леонид, Марк, — сказал он. — Это Джина Пикбридж, старший биолог Радуги. Джина, это Леонид Горбовский и Марк Валькенштейн, звездолетчики.

Звездолетчики встали.

— Хэлло, — сказала Джина. — Нет, я не хочу с вами знакомиться... Почему вы — двое здоровых красивых мужчин — так равнодушны? Как вы можете сидеть и смотреть на плачущую девочку?

— Мы не равнодушны! — запротестовал Марк. Горбовский с изумлением посмотрел на него. — Мы как раз хотели вмешаться...

— Так вмешайтесь же! Вмешайтесь! — сказала Джина.

— Ну знаете, товарищи! — загремел директор. — Мне это совсем не нравится! Постышева, вы свободны. Идите, идите... В чем дело, Джина? Отпустите Постышеву и изложите ваше дело... Ну, вот видите, она вам всю кофту заревела. Постышева, идите, я вам сказал!

Постышева встала и, закрыв лицо ладонями, вышла. Марк вопросительно посмотрел на Джину.

— Ну, разумеется, — сказала она.

Марк одернул куртку, строго посмотрел на Матвея, поклонился Джине и тоже вышел. Матвей расслабленно махнул рукой.

— Отрекусь, — сказал он. — Никакой дисциплины. Вы понимаете, что вы делаете, Джина?

— Понимаю, — сказала Джина, подходя к столу. — Вся ваша физика и вся ваша энергия не стоят одной Алиной слезинки.

— Скажите это Ламондуа. Или Пагаве. Или Форстеру. Или, к примеру, Канэко. А что касается слезинок, то у каждого свое оружие. И хватит об этом, с вашего позволения! Я вас слушаю.

— Да, хватит, — сказала Джина. — Я знаю, что вы столь же упрямы, сколь и добры. А следовательно, упрямы бесконечно. Матвей, мне нужны люди. Нет-нет... — Она подняла маленькую ладонь. — Дело предстоит очень рискованное и интересное. Мне стоит только поманить пальцем, и половина физиков сбежит от своих зловещих руководителей.

— Если поманите вы, — сказал Матвей, — то сбегут и сами руководители...

— Благодарю вас, но я имею в виду охоту на кальмаров. Мне нужно двадцать человек, чтобы отогнать кальмаров от Берега Пушкина.

Матвей вздохнул.

— Чем вам не понравились кальмары? — сказал он. — У меня нет людей.

— Хотя бы десять человек. Кальмары систематически грабят рыбозаводы. Чем у вас сейчас заняты испытатели?

Матвей оживился.

— Да, верно! — сказал он. — Габа! Где у меня сейчас Габа? Ага, помню... Все в порядке, Джина, у вас будут десять человек.

— Вот и хорошо. Я знала, что вы добры. Я пойду завтракать, и пусть они меня найдут. До свиданья, милый Леонид. Если захотите принять участие, мы будем только рады.

— Уф!.. — сказал Матвей, когда дверь закрылась. — Прелестная женщина, но работать я предпочитаю все-таки с Ламондуа... Но каков твой Марк!

Горбовский самодовольно ухмыльнулся и налил себе еще соку. Он снова блаженно вытянулся в кресле и, молвив тихо: «Можно?» — включил проигрыватель. Директор тоже откинулся на спинку кресла.

— Да! — мечтательно произнес он. — А помнишь, Леонид, — Слепое Пятно, Станислав Пишта кричит на весь эфир... Да, кстати! Ты знаешь...

— Матвей Сергеевич, — сказал голос из репродуктора. — Сообщение со «Стрелы».

— Читай, — сказал Матвей, наклоняясь вперед.

— «Выхожу на деритринитацию. Следующая связь через сорок часов. Все благополучно. Антон». Связь неважная, Матвей Сергеевич: магнитная буря...

— Спасибо, — сказал Матвей. Он озабоченно обернулся к Горбовскому. — Между прочим, Леонид, что ты знаешь о Камилле?

— Что он никогда не снимает шлема, — сказал Горбовский. — Я его однажды прямо об этом спросил, когда мы купались. И он мне прямо ответил.

— И что ты думаешь о нем?

Горбовский подумал.

— Я думаю, что это его право.

Горбовскому не хотелось говорить на эту тему. Некоторое время он слушал тамтам, затем сказал:

— Понимаешь, Матюша, как-то так получилось, что меня считают чуть ли не другом Камилла. И все меня спрашивают, что да как. А я этой темы не люблю. Если у тебя есть какие-нибудь конкретные вопросы, пожалуйста.

— Есть, — сказал Матвей. — Камилл не сумасшедший?

— Не-ет, ну что ты! Он просто обыкновенный гений.

— Ты понимаешь, я все время думаю: ну что он все предсказывает и предсказывает? Какая-то у него мания — предсказывать...

— И что же он предсказывает?

— Да так, пустяки, — сказал Матвей. — Конец света. Вся беда в том, что его, беднягу, никто-никто не может понять... Впрочем, не будем об этом. О чем это мы с тобой говорили?..

Экран снова осветился. Появился Канэко. Галстук у него съехал набок.

— Матвей Сергеевич, — сказал он, чуть задыхаясь. — Разрешите уточнить список. У вас должна быть копия.

— О, как мне все это надоело! — сказал Матвей. — Леонид, прости меня, пожалуйста. Мне придется уйти.

— Конечно, иди, — сказал Горбовский. — А я пока прогуляюсь обратно на космодром. Как там мой «Таризель»...

— К двум часам ко мне обедать, — сказал Матвей.

Горбовский допил стакан, поднялся и с удовольствием увеличил громкость тамтама до предела.

Глава 3

К десяти часам жара стала невыносимой. Из раскаленной степи в щели закрытых окон сочились терпкие пары летучих солей. Над степью плясали миражи. Роберт установил у своего кресла два мощных вентилятора и полулежал, обмахиваясь старым журналом. Он утешал себя мыслью о том, что часам к трем будет гораздо тяжелее, а там, глядишь, и вечер. Камилл застыл у северного окна. Они больше не разговаривали.

Из регистратора тянулась бесконечная голубая лента, покрытая зубчатыми линиями автоматической записи, счетчик Юнга медленно, незаметно для глаза наливался густым сиреневым светом, тоненько пищали ульмотроны — за их зеркальными окошечками зловеще играли отблески ядерного пламени. Волна развивалась. Где-то за северным горизонтом, над необозримыми пустырями мертвой земли били в стратосферу исполинские фонтаны горячей ядовитой пыли...

Завершал сигнал видеофона, и Роберт немедленно принял деловую позу. Он думал, что это Патрик или — что было бы страшно в такую жару — Маляев. Но это оказалась Таня, веселая и свежая; и было сразу видно, что там у нее нет сорокаградусной жары, нет вонючих испарений мертвой степи, воздух сладок и прохладен, а с близкого моря ветер приносит чистые запахи цветников, обнажившихся при отливе.

— Как ты там без меня, Робик? — спросила она.

— Плохо, — пожаловался Роберт. — Пахнет. Жарко. Потно. Тебя нет. Спать хочется невыносимо и никак не заснуть.

— Бедный мальчик! А я славно вздремнула в вертолете. У меня тоже будет трудный день. Летний праздник — всеобщее столпотворение, столоверчение и светопреставление. Ребята носятся как ошалелые. Ты один?

— Нет. Вон стоит Камилл и не видит нас и не слышит. Танек, я сегодня жду тебя. Только где?

— А ты разве сменяешься? Жалко. Полетим на юг!

— Давай. Помнишь кафе в Рыбачьем? Будем есть миноги, пить молодое вино... ледяное! — Роберт застонал и закатил глаза. — Сейчас я буду ждать этого вечера. О, как я буду его ждать!

— Я тоже... — Она оглянулась. — Целую, Роби, — сказала она. — Жди звонка.

— Очень буду ждать, — успел сказать Роберт.

Камилл все смотрел в окно, сцепив руки за спиной. Пальцы его пребывали в непрерывном движении. У Камилла были необычайно длинные белые гибкие пальцы с коротко остриженными ногтями. Они причудливо сплетались и расплетались, и Роберт поймал себя на том, что пытается проделать то же самое с собственными пальцами.

— Началось, — сказал вдруг Камилл. — Советую посмотреть.

— Что началось? — спросил Роберт. Ему не хотелось подниматься.

— Пошла степь, — сказал Камилл.

Роберт неохотно встал и подошел к нему. Сначала он ничего не заметил. Затем ему показалось, что он видит мираж. Но, взглядевшись, он так стремительно подался вперед, что стукнулся лбом о стекло. Степь шевелилась. Степь быстро меняла цвет — жуткая красноватая каша ползла через желтое пространство. Внизу под вышкой можно было разглядеть, как копошатся среди высохших стеблей красные и рыжие точки.

— Мама моя!.. — ахнул Роберт. — Красная зерноедка! Что же вы стоите?! — Он метнулся к видеофону. — Пастухи! — крикнул он. — Дежурный!

— Дежурный слушает.

— Говорит пост Степной. С севера идет зерноедка! Вся степь покрыта зерноедкой!

— Что? Повторите... Кто говорит?

— Говорит пост Степной, наблюдатель Скляров! Красная зерноедка идет с севера! Хуже, чем в позапрошлом году! Поняли? Вся степь кишит зерноедкой!

— Есть... Ясно... Спасибо, Скляров... Вот беда! А у нас все на юге... Вот беда!.. Ну ладно...

— Дежурный! — крикнул Роберт. — Слушайте, свяжитесь с Алебастровой или с Гринфилдом, там полно нулевиков, они помогут!

— Все понял! Спасибо, Скляров. Когда зерноедка кончит идти, сообщите сразу, пожалуйста.

Роберт снова подскочил к окну. Зерноедка шла валом, травы уже не было видно.

— Вот несчастье! — бормотал Роберт, прижимаясь лицом к стеклу. — Вот уж действительно беда!

— Не обольщайтесь, Роби, — сказал Камилл. — Это еще не беда. Это просто интересно.

— А вот выжрет она посевы, — сказал Роберт со злостью, — останемся без хлеба, без скота.

— Не останемся, Роби. Она не успеет.

— Надеюсь. На это только и надеюсь. Вы только посмотрите, как она идет. Ведь вся степь красная.

— Катаклизм, — сказал Камилл.

Неожиданно наступили сумерки. Огромная тень упала на степь. Роберт оглянулся и перебежал к восточному окну. Широкая дрожащая туча закрыла солнце. И опять Роберт не сразу понял, что это. Сначала он просто удивился, потому что днем на Радуге никогда не бывало туч. Но потом он увидел, что это птицы. Тысячи тысяч птиц летели с севера, и даже сквозь закрытые окна слышались непрерывный шелестящий шум крыльев и пронзительные тонкие крики. Роберт попятился к столу.

— Откуда птицы? — проговорил он.

— Все спасается, — сказал Камилл. — Все бежит. На вашем месте, Роби, я бы тоже бежал. Идет Волна.

— Какая Волна? — Роберт нагнулся и посмотрел на приборы. — Нет же никакой Волны, Камилл...

— Нет? — сказал Камилл хладнокровно. — Тем лучше. Давайте останемся и посмотрим.

— Я и не собираюсь бежать. Меня просто удивляет все это. Надо, пожалуй, сообщить в Гринфилд. И главное, откуда эти птицы? Там же пустыня.

— Там очень много птиц, — сказал спокойно Камилл. — Там огромные синие озера, тростники... — Он замолчал.

Роберт недоверчиво смотрел на него. Десять лет он работал на Радуге и всегда был убежден, что к северу от Горячей параллели нет ничего: ни воды, ни травы, ни жизни. Взять флаер и слетать туда с Танюшкой, мельком подумал он. Озера, тростники...

Затрещал сигнал вызова, и Роберт повернулся к экрану. Это был сам Маляев.

— Скляров, — сказал он обычным неприязненным тоном, и Роберт по привычке почувствовал себя виноватым, виноватым за все, в том числе за зерноедок и птиц. — Скляров, слушайте приказ. Немедленно эвакуируйте пост. Забирайте оба ульмотрона.

— Федор Анатольевич, — сказал Роберт, — идет зерноедка, летят птицы. Я только что хотел сообщить вам...

— Не отвлекайтесь. Я повторяю. Заберите оба ульмотрона, садитесь в вертолет и немедленно в Гринфилд. Поняли меня?

— Да.

— Сейчас... — Маляев посмотрел куда-то вниз. — Сейчас десять сорок пять. В одиннадцать ноль-ноль вы должны быть в воздухе. Имейте в виду, я выдвигаю «харибды», и на всякий случай держитесь выше. Если не успеете демонтировать ульмотроны — бросьте их.

— А что случилось?

— Идет Волна, — сказал Маляев и впервые посмотрел Роберту в глаза. — Она перешла Горячую параллель. Торопитесь.

Секунду Роберт стоял, собираясь с мыслями. Затем он снова осмотрел приборы. Судя по приборам, извержение шло на убыль.

— Ну, это не мое дело, — сказал Роберт вслух. — Камилл, вы мне поможете?

— Теперь я уже никому не могу помочь, — отозвался Камилл. — Впрочем, это не мое дело. Что нужно — тащить ульмотроны?

— Да. Только сначала их нужно демонтировать.

— Хотите добрый совет? — сказал Камилл. — Добрый совет за номером семь тысяч восемьсот тридцать два.

Роберт уже отключил ток и, обжигая пальцы, скручивал разъемы.

— Давайте ваш совет, — сказал он.

— Бросьте эти ульмотроны, садитесь в вертолет и летите к Тане.

— Хороший совет, — сказал Роберт, торопливо обрывая соединения. — Приятный.

Помогите-ка мне его вытащить...

Ульмотрон весил около центнера, толстый гладкий цилиндр в полтора метра длиной. Они извлекли его из гнезда и внесли в кабину лифта. Завыл ветер, вышка начала вибрировать.

— Достаточно, — сказал Камилл. — Спустимся вместе.

— Надо взять второй.

— Роби, вам даже этот больше не понадобится. Послушайтесь моего совета.

Роберт посмотрел на часы.

— Время есть, — деловито сказал он. — Спускайтесь и выкатывайте его на землю.

Камилл закрыл дверцу. Роберт вернулся к установке. Снаружи стоял красный сумрак. Птиц больше не было, но небо затягивала мутная пелена, сквозь которую еле просвечивал маленький диск солнца. Вышка вздрагивала и раскачивалась под порывами ветра.

— Успеть бы! — вслух подумал Роберт.

Он, напрягаясь, вытянул второй ульмотрон, поднял на плечо и понес к лифту. Тут за его спиной с раздрающим хрустом вылетели оконные рамы, и в лабораторию ворвались облака колючей пыли пополам с раскаленным ветром. Что-то с силой ударило по ногам.

Роберт поспешно присел, прислонил ульмотрон к стене и нажал кнопку вызова. Двигатель подъемника взвыл вхолостую и сейчас же умолк.

— Ками-илл! — крикнул Роберт, прижавшись лицом к решетчатой двери.

Никто не отозвался. Ветер выл и свистел в разбитых окнах, вышка раскачивалась, и Роберт едва держался на ногах. Он снова нажал кнопку. Подъемник не действовал. Тогда, преодолевая ветер, он подобрался к окну и выглянул наружу. Степь была затянута клубами бешено несущейся пыли. Что-то блестящее мелькнуло внизу у подножия вышки, и Роберт похолодел, сообразив, что это бьется и мотается под ветром вывернутое и растерзанное крыло птерокара. Роберт закрыл глаза и оближал пересохшие губы. Рот наполнился едкой горечью. Хороша ловушка, подумал он. Патрика бы сюда...

— Ками-и-илл! — крикнул он изо всех сил.

Но он еле слышал собственный голос. Через окно... нельзя, сорвет ураганом. Стоит ли вообще барахтаться? Птерокар-то разбит... Тут она меня и накроет. Нет, надо слезть. Что там Камилл возится — я бы на его месте уже починил лифт... Лифт!

Перешагивая через обломки, он вернулся к решетчатой двери и вцепился в нее обеими руками. А ну-ка, «Юность Мира», подумал он. Дверь была сделана добротно. Если бы фермы вышки были сделаны так же, лифт нипочем не вышел бы из строя. Роберт лег спиной на дверь и согнутыми ногами уперся в стену тамбура. Ну-ка... Р-раз! В глазах у него потемнело. Что-то хрустело: не то дверь, не то мускулы. Еще р-раз! Дверь подалась. Сейчас она вылетит, подумал Роберт, и я свалюсь в шахту. Двадцать метров вниз головой, и сверху на меня упадет ульмотрон. Он перевернулся и уперся спиной в стену, а ногами в дверь. Тр-рах!.. У двери вылетела нижняя половина, и Роберт упал на спину, ударившись головой. Несколько секунд он лежал неподвижно. Он был весь мокрый от пота. Потом он заглянул в пролом. Далеко внизу виднелась крыша кабины. Лезть было очень страшно, но в это время вышка начала крениться, и Роберта потащило вниз. Он не сопротивлялся, потому что вышка все кренилась и кренилась, и не было этому конца.

Он спускался, цепляясь за фермы и распорки, и тугой, колючий от пыли ветер прижимал его к теплomu металлу. Он успел заметить, что пыли стало гораздо меньше и что степь снова залита солнцем. Вышка все кренилась. Он так торопился узнать, что с птерокаром и куда девался Камилл, что выпрыгнул из шахты, когда до земли оставалось еще метра четыре. Он больно стукнулся ногами и потом руками. И первое, что он увидел, были пальцы Камилла, вонзившиеся в сухую землю.

Камилл лежал под опрокинутым птерокаром, широко раскрыв круглые стеклянные глаза, и тонкие длинные пальцы его вцепились в землю, словно он пытался вытащить себя из-под разбитой машины, а может быть, ему было очень больно перед смертью. Пыль покрывала его белую куртку, пыль лежала на щеках и открытых глазах.

— Камилл, — позвал Роберт.

Ветер бешено мотал над его головой обломок исковерканного крыла. Ветер нес струи желтой пыли. Ветер свистел и визжал в фермах покосившейся вышки. В мутноватом небе свирепо пылало маленькое солнце. Оно казалось косматым.

Роберт поднялся на ноги и, навалившись, попытался сдвинуть птерокар. На секунду ему удалось приподнять тяжелую машину, но только на секунду. Он снова взглянул на Камилла. Все лицо его было засыпано пылью, и белая куртка стала рыжей, и только к нелепой белой каске не пристало ни единой пылинки, и матовая пластмасса весело отсвечивала под солнцем.

У Роберта задрожали ноги, и он сел рядом с мертвым. Ему хотелось плакать. Прощайте, Камилл. Честное слово, я вас любил. Никто вас не любил, а я любил. Правда, я никогда не слушал вас, так же, как и другие, но, честное слово, я не слушал только потому, что не надеялся вас понять. Вы были на голову выше всех, а уж меня и давно. А теперь я не могу столкнуться с вашей раздавленной груди эту кучу лома. По долгу дружбы мне следовало бы остаться рядом с вами. Но меня ждет Таня, меня, может быть, ждет даже Маляев, и, потом, я ужасно хочу жить. Тут не помогают никакие чувства и никакая

логика. Я знаю, что мне не уйти. И все-таки я пойду. Я буду бежать, буду брести, может быть, даже ползти, но я буду уходить до последнего... Я дурак, мне нужно было послушаться вашего семитысячного совета, но я, как всегда, не понял вас, хотя, казалось бы, чего тут было понимать?..

Он был таким разбитым и усталым, что только с большим трудом заставил себя подняться и пойти. А когда он обернулся, чтобы последний раз поглядеть на Камилла, он увидел Волну.

Далеко-далеко над северным горизонтом за красноватой дымкой оседающей пыли сверкала в белесом небе ослепительная полоса, яркая, как солнце.

Ну, вот и все, вяло подумал Роберт. Далеко мне не уйти. Через полчаса она будет здесь и пойдет дальше, а здесь останется гладкая черная пустыня. Башня, конечно, останется, и ничего не случится с ульмотронами, и птерокар останется, и оторванное крыло повиснет в горячем безветрии. И, может быть, от Камилла останется шлем. А уж от меня вообще ничего не останется. Он, словно прощаясь, осмотрел себя — похлопал по голой груди, пощупал бицепсы. Жалко, подумал он. И тут он заметил флаер.

Флаер стоял за вышкой — маленький двухместный флаер, похожий на пеструю черепашку, скоростной, экономичный, удивительно простой и удобный в управлении. Это был флаер Камилла. Конечно же, это был флаер Камилла!

Роберт сделал к нему несколько неуверенных шагов, а потом сломя голову помчался, огибая вышку. Он не спускал глаз с флаера, словно боясь, что он вдруг исчезнет, споткнулся обо что-то и плашмя проехал по колючей траве, ободрав грудь и живот. Вскочив на ноги, он обернулся. Тяжелый цилиндр ульмотрона с гладкими, досиня полированными боками еще тихонько покачивался от толчка. Роберт взглянул на север. Из-за горизонта уже поднималась черная стена. Роберт подбежал к флаеру, подняв тучу пыли, прыгнул на сиденье и, едва нащупав рукоятку управления, с места дал полный газ.

Степная зона тянулась до самого Гринфилда, и Роберт проскочил ее со средней скоростью пятьсот километров в час. Флаер несся над степью, как блоха, — огромными прыжками. Слепящая полоса скоро вновь скрылась за горизонтом. В степи все казалось обычным: и сухая щетинистая трава, и дрожащие марева над солончаками, и редкие полосы карликового кустарника. Солнце палило беспощадно. И почему-то нигде не было никаких следов ни зерноедки, ни птиц, ни урагана. Наверное, ураган разметал всю эту живность и сам затерялся в этих бесплодных, извечно пустынных просторах Северной Радуги, самой природой предназначенных для сумасшедших экспериментов нуль-физиков. Однажды, когда Роберт был еще новичком, когда Столицу называли еще просто станцией, а Гринфилда не было вообще, Волна уже проходила в этих местах, вызванная грандиозным опытом покойного Лю Фынчена, тогда все здесь было черно, но прошло всего семь лет, и цепкая неприхотливая трава вновь оттеснила пустыню далеко на север, к самым районам извержений.

Все вернется, думал Роберт. Все будет по-прежнему, только Камилла больше не будет. И если когда-нибудь кто-нибудь внезапно возникнет в кресле за моей спиной, я уже буду точно знать, что это всего-навсего привидение. А сейчас я приду к Маляеву и скажу ему прямо в лицо: «Ульмотроны ваши я бросил». А он процедит сквозь зубы: «Как вы смели, Склярков?..» И тогда я ему скажу: «Наплевать мне на ульмотроны, потому что погиб Камилл из-за ваших ульмотронов!» А он скажет: «Это, конечно, очень жаль, но ульмотроны нужно было привезти». И тогда я, наконец, рассвирепею и скажу ему все. «Сосулька ты! — скажу я. — Снежная ты баба с электронным управлением. Как ты смеешь думать об ульмотронах, когда погиб Камилл?.. Равнодушный ты человек, ящерица!»

В двухстах километрах от Гринфилда он увидел «харибды» — гигантские телемеханические танки, несущие отверстые пасти энергопоглотителей. «Харибды» шли цепью от горизонта до горизонта, соблюдая правильные полукилометровые интервалы, с

лязгом и громовым грохотом тысячесильных двигателей. За ними в желтой степи оставались широкие полосы развороченной коричневой земли, вспаханной до самого базальтового основания континента. Траки гусениц вспыхивали под солнцем. А далеко справа в тусклом небе моталась едва заметная точка — это был вертолет-наводчик, руководивший движением этих металлических чудовищ. «Харибды» шли на Волну.

Энергопоглотители, по-видимому, еще не работали, но Роберт на всякий случай круто набрал высоту и начал снижение, только когда навстречу ему из дымки вынырнул Гринфилд — несколько белых домиков и квадратная башня дальнего контроля, окруженные пышной земной зеленью. На северной окраине, подмяв под себя рожицу пальм, угрюмо чернела неподвижная «харибда», устремив прямо на Роберта бездонный раструб поглотителя, и еще две «харибды» стояли справа и слева от поселка. Два вертолета взмыли над башней и ушли на юг. На площади среди зеленых газонов блестели на солнце перепончатые крылья птерокаров. Вокруг птерокаров бегали и копошились люди.

Роберт подогнал флаер к самому входу в башню и выскочил на крыльцо. Кто-то отшатнулся, женский голос вскрикнул: «Кто это?» Роберт взялся за ручку стеклянной двери и на мгновение застыл, вглядываясь в свое отражение, — почти голый, весь в спекшейся пыли, глаза злые, через грудь и живот идет широкая черная царапина... Ладно, подумал он и рванул дверь. «Да ведь это Роберт!» — крикнули сзади. Он медленно поднялся по лестнице и наткнулся на Патрика. Патрик смотрел на него, открыв рот. «Патрик, — сказал Роберт. — Патрик, дружище, Камилл погиб...» Патрик замигал и вдруг зажал себе рот ладонью. Роберт прошел дальше. Дверь в диспетчерскую была открыта. Там были Маляев, глава северных нулевиков Шота Петрович Пагава, Карл Гофман и еще какие-то люди — кажется, биологи. Роберт остановился в дверях, держась за косяк. За спиной топали по ступенькам, и кто-то крикнул: «Откуда он знает?»

— Камилл... — сказал Роберт сипло и закашлялся.

Все с недоумением смотрели на него.

— В чем дело? — резко спросил Маляев. — Что с вами, Скляров, почему вы в таком виде?

Роберт подошел к столу и, уперев грязные кулаки в какие-то бумаги, сказал ему в лицо:

— Камилл погиб. Его раздавило.

Стало очень тихо. Глаза Маляева сузились.

— Как раздавило? Где?..

— Его раздавило птерокаром, — сказал Роберт. — Из-за ваших драгоценных ульмотронов. Он мог спокойно спастись, но он помогал мне таскать ваши драгоценные ульмотроны, и его раздавило. А ваши ульмотроны я бросил там. Подберете их, когда пройдет Волна. Понимаете? Бросил. Они там сейчас валяются...

Ему сунули стакан воды. Он взял стакан и жадно выпил. Маляев молчал. Его бледное лицо стало совсем белым. Карл Гофман бесцельно перебирал какие-то схемы и не поднимал глаз. Пагава поднялся и стоял с опущенной головой.

— Очень тяжело... — сказал наконец Маляев. — Это был большой человек. — Он потерял лоб. — Очень большой человек. — Он снова поглядел на Роберта. — Вы очень устали, Скляров...

— Я не устал.

— Приведите себя в порядок и отдохните.

— И это все? — горько спросил Роберт.

Лицо Маляева стало прежним — равнодушным и жестким.

— Я задержу вас еще на одну минуту. Вы видели Волну?

— Видел. Волну я тоже видел.

— Какого типа Волна?

В мозгу Роберта что-то сдвинулось, и все стало на привычные места. Был властный и умный руководитель Маляев, и был его вечный лаборант-наблюдатель Роберт Складов, он же «Юность Мира».

— Кажется, третьего, — покорно сказал он. — Лю-волна.

Пагава поднял голову.

— Хорош-шо! — неожиданно бодро сказал он. И сейчас же скис, облокотился на стол и вяло сел. — Ай, Камилл, ай, Камилл, — забормотал он. — Ай, бедняга!.. — Он схватил себя за большие, оттопыренные уши и принялся мотать головой над бумагами.

Один из биологов, опасливо косясь на Роберта, тронул Маляева за локоть.

— Виноват, — сказал он робко. — А чем это хорошо — Лю-волна?

Маляев перестал наконец сверлить Роберта жестким взглядом.

— Это значит, — сказал он, — что погибнет только северная полоса посевов. Но мы еще не уверены, что это Лю-волна. Наблюдатель мог ошибиться.

— Ну как же так? — заныл биолог. — Договаривались же... У вас есть эти... «харибды»... Неужели нельзя остановить? Какие же вы физики?

Карл Гофман сказал:

— Возможно, удастся погасить инерцию Волны на линии дискретного перепада.

— Что значит «возможно»? — воскликнула незнакомая женщина, стоявшая рядом с биологом. — Вы понимаете, что это безобразие? Где ваши гарантии? Где ваши прекрасные разговоры? Вы понимаете, что вы оставляете планету без хлеба и мяса?

— Я не принимаю таких претензий, — холодно сказал Маляев. — Я вам глубоко сочувствую, но ваши претензии должны быть адресованы Этьену Ламондуа. Мы не ставим нуль-экспериментов. Мы изучаем Волну...

Роберт повернулся и медленно пошел к двери. И нет им никакого дела до Камилла, думал он. Волна, посевы, мясо... За что они его так не любили? Потому что он был умнее их всех вместе взятых? Или они вообще никого не любят? В дверях стояли ребята, знакомые лица, встревоженные, печальные, озабоченные. Кто-то взял его под локоть. Он поглядел сверху вниз и встретился взглядом с маленькими грустными глазами Патрика.

— Пойдем, Роб, я помогу тебе отмыться...

— Патрик, — сказал Роберт и положил руку ему на плечо. — Патрик, уходи отсюда. Брось их, если хочешь остаться человеком...

Лицо Патрика страдальчески искривилось.

— Ну что ты, Роб, — пробормотал он. — Не надо. Это пройдет.

— Пройдет, — повторил Роберт. — Все пройдет. Волна пройдет. Жизнь пройдет. И все забудется. Не все ли равно, когда забудется? Сразу или потом...

За спиной уже совершенно откровенно ругались биологи. Маляев требовал: «Сводку!» Шота кричал: «Не прекращать замеры ни на секунду! Используйте всю автоматику! Прах с ней, потом бросите!»

— Пойдем, Роб, — попросил Патрик.

И в этот момент, перекрывая говор и крики, в диспетчерской загремел знакомый монотонный голос:

— Прошу внимания!

Роберт стремительно обернулся. У него ослабели колени. На большом экране диспетчерского видеофона он увидел уродливую матовую каску и круглые немигающие глаза Камилла.

— У меня мало времени, — говорил Камилл. Это был настоящий, живой Камилл — у него тряслась голова, шевелились тонкие губы и двигался в такт словам кончик длинного носа. — Я не могу связаться с директором. Немедленно вызывайте «Стрелу». Немедленно эвакуируйте весь север. Немедленно! — Он повернул голову и посмотрел куда-то вбок, и стала видна его щека, испачканная пылью. — За Лю-волной идет Волна нового типа. Вам ее...

Экран ослепительно вспыхнул, что-то треснуло, и экран померк. В диспетчерской стояла гробовая тишина, и вдруг Роберт увидел страшные, прищуренные на него глаза Маляева.

Глава 4

На Радуге был только один космодром, и на этом космодроме стоял только один звездолет, десантный сигма-Д-звездолет «Гаризель-Второй». Он был виден издалека — бело-голубой купол высотой в семьдесят метров сияющим облачком возвышался над плоскими темно-зелеными крышами заправок станций. Горбовский сделал над ним два неуверенных круга. Сесть рядом со звездолетом было трудно: плотное кольцо разнообразных машин окружало корабль. Сверху были видны неуклюжие роботы-заправщики, присосавшиеся к шести баковым выступам, хлопотливые аварийные киберы, прощупывавшие каждый сантиметр обшивки, серый робот-матка, руководивший дюжиной маленьких юрких машин-анализаторов. Зрелище это было привычное, радующее хозяйственный глаз.

Однако возле грузового люка имело место явное нарушение всех установлений. Оттеснив в сторону безответных космодромных киберов, там сгрудилось множество транспортных машин всевозможных типов. Там были обычные грузовые «биндюги», туристские «дилижансы», легковые «тестудо» и «гепарды» и даже один «крот» — громоздкая землеройная машина для рудных разработок. Все они совершали какие-то сложные эволюции возле люка, теснясь и подталкивая друг друга. В стороне, на самом солнцепеке, стояли несколько вертолетов и валялись пустые ящики, в которых Горбовский без труда узнал упаковку ульмотронов. На ящиках грустно сидели какие-то люди.

В поисках места для посадки Горбовский начал третий круг и тут обнаружил, что за его флаером по пятам следует тяжелый птерокар, водитель которого, высунувшись по пояс из раскрытой дверцы, делает ему какие-то непонятные знаки. Горбовский посадил флаер между вертолетами и ящиками, и птерокар тотчас же очень неловко рухнул рядом.

— Я за вами, — деловито крикнул водитель птерокара, выскакивая из кабины.

— Не советую, — мягко сказал Горбовский. — Мне нет никакого дела до очереди. Я капитан этого звездолета.

На лице водителя изобразилось восхищение.

— Великолепно! — вполголоса воскликнул он, осторожно озираясь по сторонам. — Сейчас мы утрем нос нулевикам. Как зовут капитана этого корабля?

— Горбовский, — сказал Горбовский, слегка кланяясь.

— А штурмана?

— Валькенштейн.

— Превосходно, — деловито сказал водитель птерокара. — Итак, вы — Горбовский, а я — Валькенштейн. Пошли!

Он взял Горбовского под локоть. Горбовский уперся.

— Слушайте, Горбовский, мы ничем не рискуем. Эти корабли мне отлично знакомы. Я сам летел сюда на десантнике. Мы проберемся в склад, возьмем по ульмотрону и запремся в кают-компани. Когда все это кончится, — он небрежным жестом указал на машины, — мы спокойно выйдем.

— А вдруг придет настоящий штурман?

— Настоящему штурману придется долго доказывать, что он настоящий, — веско возразил самозванный штурман.

Горбовский хихикнул и сказал:

— Пошли.

Лжештурман пригладил волосы, сделал глубокий вдох и решительно двинулся вперед. Они стали протискиваться между машинами. Лжештурман говорил непрерывно — у него вдруг прорезался глубокий, внушительный бас.

— Я полагаю, — во всеуслышание вещал он, — что прочистка диффузоров только задержит нас. Предлагаю просто сменить половину комплектов, а основное внимание уделить осмотру обшивки. Товарищ, продвиньте немного вашу машину! Вы мешаете... Так вот, Валентин Петрович, при выходе на деритринитацию... Подайте ваш грузовик назад, товарищ. Не понимаю, зачем вы толпитесь? Существует очередь, существует список, закон, наконец... Вышлите представителей... Валентин Петрович, не знаю как вас, а меня поражает дикость аборигенов. Такого мы с вами не видели даже на Пандоре среди тахоргов.

— Вы совершенно правы, Марк, — сказал Горбовский развлекаясь.

— Что? Ну да, само собой... Ужасные нравы!

Девушка в шелковой косынке, высунувшись из кабины «биндюга», осведомилась:

— Штурман и капитан, если не ошибаюсь?

— Да! — с вызовом сказал штурман. — И, как штурман, я рекомендовал бы вам еще раз прочитать инструкцию о порядке разгрузки.

— Вы думаете, это необходимо?

— Несомненно. Вы совершенно напрасно ввели ваш грузовик в двадцатиметровую зону...

— А знаете, друзья, — раздался веселый молодой голос, — у этого штурмана фантазия победнее, чем у первых двух.

— Что вы хотите этим сказать? — оскорбленно спросил лжештурман. В лице его было что-то от лже-Нерона.

— Понимаете, — проникновенно сказала девушка в косынке, — вон там, на пустых ящиках, уже сидят два штурмана и один капитан. А пустые ящики — это упаковка ульмотронов, которые увезла бортинженер — скромная такая молодая женщина. За нею сейчас гонится уполномоченный Совета...

— Как вам это нравится, Валентин Петрович? — вскричал лжештурман. — Самозванцы, а?

— У меня такое ощущение, — задумчиво сказал Горбовский, — что мне не попасть на собственный корабль.

— Верное рассуждение, — сказала девушка в косынке. — И уже не новое.

Штурман решительно было двинулся вперед, но тут «биндюг» справа немного передвинулся влево, черно-желтый «дилижанс» слева чуть-чуть подался вправо, а прямо на пути к заветному люку вдруг злобно заворочались, отбрасывая комья земли, оскаленные зубья «крота».

— Валентин Петрович! — с негодованием воскликнул лжештурман. — В таких условиях я не гарантирую готовность звездолета!

— Старо! — грустно сказал водитель «дилижанса».

Звонкий веселый голос проговорил:

— Какой это штурман! Скука зевотная. Вот помните второго штурмана — этот действительно развлек! Как он задирает на себе майку и показывал следы метеоритных ударов!

— Нет, первый был лучше, — сказал, обернувшись, водитель «крота».

— Да, он был хорош, — согласилась девушка в косынке. — Как это он шел среди машин, держа перед глазами фотографию, и жалобно так приговаривал: «Галю моя, Галю! Галю дорогая! Далек ты, Галю, от ридного краю!»

Лжештурман, подавленно опустив голову, скovyривал комья земли с блестящих зубьев «крота».

— Ну, а вы что скажете? — обратился водитель «дилижанса» к Горбовскому. — Что же вы всё молчите? Надо что-нибудь говорить... Что-нибудь убедительное.

Все с любопытством ждали.

— Вообще я мог бы войти через пассажирский люк, — задумчиво сказал Горбовский.

Лжештурман с надеждой вскинул голову и посмотрел на него.

— Не могли бы, — покачал головой водитель. — Он заперт изнутри.

В наступившей паузе был отчетливо слышен голос Канэко:

— Не могу я вам дать десять комплектов, поймите, товарищ Прозоровский!

— А вы поймите меня, товарищ Канэко! У нас заявка на десять комплектов. Как я вернусь с шестью?

Кто-то вмешался:

— Берите, Прозоровский, берите... Берите пока шесть. У нас четыре комплекта освободятся через неделю, и я вам пришлю.

— Вы обещаете?

Девушка в косынке сказала:

— Прозоровского просто жалко. У них шестнадцать схем на ульмотронах!

— Да, нищета, — вздохнул водитель «дилижанса».

— А у нас пять, — горестно сказал лжештурман. — Пять схем и всего один ульмотрон. Что, казалось бы, им стоило привезти штук двести.

— Мы могли бы привезти и двести, и триста, — сказал Горбовский. — Но ульмотроны нужны сейчас всем. На Земле заложили шесть новых У-конвейеров...

— У-конвейер! — сказала девушка в косынке. — Легко сказать!.. Вы представляете себе технологию ульмотрона?

— В самых общих чертах.

— Шестьдесят килограммов ультрамикрэлементов... Ручное управление сборкой, полумикронные допуски... А какой уважающий себя человек пойдет в сборщики? Вот вы бы пошли?

— Набирают добровольцев, — сказал Горбовский.

— А!.. — с отвращением сказал водитель «крота». — Неделя помощи физикам!..

— Ну что ж, Валентин Петрович, — сказал лжештурман, стыдливо улыбаясь. — Так нас, по-видимому, и не пустят...

— Меня зовут Леонид Андреевич, — сказал Горбовский.

— А меня Ганс, — уныло признался лжештурман. — Пошли посидим на ящиках. Вдруг что-нибудь случится...

Девушка в косынке помахала им рукой. Они выбрались из толпы машин и присели на ящиках рядом с другими лжезвездолетчиками. Их встретили сочувственно-насмешливым молчанием.

Горбовский ощупал ящик. Пластмасса была грубая и жесткая. На солнцепеке было жарко. Делать Горбовскому здесь было совершенно нечего, но, как всегда, ему страшно хотелось познакомиться с этими людьми, узнать, кто они и как дошли до жизни такой, и вообще как идут дела. Он составил вместе несколько ящиков, спросил: «Можно я лягу?», лег, вытянувшись во всю длину, и с помощью струбцинки укрепил возле головы микрокондиционер. Потом он включил проигрыватель.

— Меня зовут Горбовский, — представился он. — Леонид. Я был капитаном этого звездолета.

— Я тоже был капитаном этого звездолета, — мрачно сообщил грузный темнолицый человек, сидевший справа. — Меня зовут Альпа.

— А меня зовут Банин, — заявил голый до пояса худощавый юноша в белой панаме. — Я был и остаюсь штурманом. Во всяком случае, пока не получу ульмотрон.

— Ганс, — коротко сказал лже-Валькенштейн, усевшись на траву поближе к микрокондиционеру.

Третий лжештурман, видимо, не слышал их. Он сидел к ним спиной и что-то писал, положив блокнот на колени.

Из толпы машин выехал длинный «гепард». Дверца приоткрылась, оттуда вылетели пустые коробки из-под ульмотронов, и «гепард» умчался в степь.

— Прозоровский, — сказал Банин с завистью.

— Да, — сказал Альпа горько. — Прозоровскому не приходится врать. Правая рука Ламондуа. — Он глубоко вздохнул. — Никогда не врал. Терпеть не могу врать. И теперь очень нехорошо на душе.

Банин сказал глубокомысленно:

— Если человек начинает врать помимо всякого желания, значит где-то что-то разладилось. Сложное последствие.

— Все дело в системе, — сказал Ганс. — Все дело в этой исходной установке: больше получает тот, у кого лучше выходит.

— А вы предложите другую установку, — сказал Горбовский. — Не получается у тебя ничего — на тебе ульмотрон. Получается — посиди на ящиках...

— Да, — сказал Альпа. — Какой-то страшный срыв. Кто когда-либо слышал об очередях за оборудованием? Или за энергией? Ты давал заявку, и тебя обеспечивали... Тебя никогда даже не интересовало, откуда это берется. То есть интуитивно было ясно, что существует масса людей, с удовольствием работающих в сфере материального обеспечения науки. Между прочим, это действительно очень интересная работа. Помню, я сам после школы с большим удовольствием занимался рационализацией сборки нейтринных схем. Сейчас о них уже не помнят, но когда-то это был очень популярный метод — нейтринный анализ. — Он достал из кармана почерневшую трубку и медленными уверенными движениями набил ее. Все с любопытством следили за ним. — Хорошо известно, что относительная численность потребителей оборудования и производителей оборудования с тех пор существенно не изменилась. Но, видимо, произошел какой-то чудовищный скачок в потребностях. Судя по всему — я просто смотрю вокруг, — среднему исследователю требуется сейчас раз в двадцать больше энергии и оборудования, чем в мое время. — Он глубоко затянулся, и трубка засипела и захрипела. — Такое положение объяснимо. Испокон веков считается, что наибольшего внимания заслуживает та проблема, которая дает максимальный ливень новых идей. Это естественно, иначе нельзя. Но если первичная проблема лежит на субэлектронном уровне и требует, скажем, единицы оборудования, то каждая из десяти дочерних проблем опускается в материю по крайней мере на этаж глубже и требует уже десяти единиц. Ливень проблем вызывает ливень потребностей. И я уже не говорю о том, что интересы производителей оборудования далеко не всегда совпадают с интересами потребителей.

— Заколдованный круг, — сказал Банин. — Прозевали наши экономисты.

— Экономисты тоже исследователи, — возразил Альпа. — Они тоже имеют дело с ливнями проблем. И раз уж мы заговорили об этом, то вот любопытный парадокс, который очень интересует меня последнее время. Возьмите нуль-Т. Молодая, плодотворная и очень перспективная проблема. Поскольку она плодотворная, Ламондуа по праву получает огромное материальное и энергетическое обеспечение. Чтобы сохранить за собой это материальное обеспечение, Ламондуа вынужден непрерывно гнать вперед — быстрее, глубже и... уже. А чем быстрее и глубже он забирается, тем больше ему нужно и тем сильнее он ощущает нехватку, пока наконец не начинает тормозить сам себя. Взгляните на эту очередь. Сорок человек ждут и тратят драгоценное время. Треть всех исследователей Радуги тратит время, нервную энергию и темп мысли! А остальные две трети сидят сложа руки по лабораториям и могут думать сейчас только об одном: привезут или не привезут? Это ли не самоторможение? Стремление сохранить приток материальных ресурсов порождает гонку, гонка вызывает непропорциональный рост потребностей, и в результате возникает самоторможение.

Альпа замолчал и стал выколачивать трубку. Из толпы машин, расталкивая их направо и налево, выбрался «крот». В окне нелепо высокой кабины торчала крышка новенького ульмотрона. Проезжая мимо, водитель помахал лжезвездолетчикам.

— Хотел бы я знать, зачем Следопытам ульмотрон, — пробормотал Ганс.

Никто не ответил. Все провожали взглядом «крота», на задней стенке которого красовался опознавательный знак Следопытов — черный семиугольник на красном щитке.

— По-моему, все-таки, — сказал Банин, — виноваты экономисты. Надо было предвидеть. Надо было двадцать лет назад повернуть школы так, чтобы сейчас хватало кадров для обеспечения науки.

— Не знаю, не знаю, — сказал Альпа. — Возможно ли вообще планировать такой процесс? Мы мало знаем об этом, но ведь может оказаться, что установить равновесие между духовным потенциалом исследователей и материальными возможностями человечества вообще нельзя. Грубо говоря, идей всегда будет гораздо больше, чем ульмотронов.

— Ну, это еще надо доказать, — сказал Банин.

— А я ведь не сказал, что это доказано. Я только предположил.

— Такое предположение порочно, — заявил Банин. Он начинал горячиться. — Оно утверждает кризис на вечные времена! Это же тупик!..

— Почему же тупик? — тихо сказал Горбовский. — Наоборот.

Банин не слушал.

— Надо выходить из кризиса! — говорил он. — Надо искать выходы! И выход уж, конечно, не в мрачных предположениях!

— Почему же в мрачных? — сказал Горбовский. Но на него опять не обратили внимания.

— Отказываться от основного принципа распределения нельзя, — говорил Банин. — Это будет просто нечестно по отношению к самым лучшим работникам. Вы будете двадцать лет жевать одну частную проблемку, а энергии, скажем, получать столько же, сколько Ламондуа. Это же нелепо! Значит, выход не здесь? Не здесь. Вы сами-то видите выход? Или вы ограничиваетесь холодной регистрацией?

— Я старый научный работник и старый человек, — сказал Альпа. — Всю свою жизнь занимаюсь физикой. Правда, сделал я мало, я рядовой исследователь, но не в этом дело. Вопреки всем этим новым теориям я убежден, что смысл человеческой жизни — это научное познание. И право же, мне горько видеть, что миллиарды людей в наше время сторонятся науки, ищут свое призвание в сентиментальном общении с природой, которое они называют искусством, удовлетворяются скольжением по поверхности явлений, которое они называют эстетическим восприятием. А мне кажется, сама история предопределила разделение человечества на три группы: солдаты науки, воспитатели и врачи, которые, впрочем, тоже солдаты науки. Сейчас наука переживает период материальной недостаточности, а в то же время миллиарды людей рисуют картинки, рифмуют слова... вообще создают впечатления. А ведь среди них много потенциально великолепных работников. Энергичных, остроумных, с невероятной трудоспособностью.

— Ну, ну! — сказал Банин.

Альпа промолчал и начал набивать трубку.

— Разрешите, я продолжу вашу мысль, — сказал Горбовский. — Я вижу, вы не решаетесь.

— Попробуйте, — сказал Альпа.

— Хорошо бы всех этих художников и поэтов согнать в учебные лагеря, отобрать у них кисти и гусиные перья, заставить пройти краткосрочные курсы и вынудить строить для солдат науки новые У-конвейеры, собирать тау-такторы, лить эргохронные призмы...

— Вот чепуха! — разочарованно сказал Банин.

— Да, это чепуха, — согласился Альпа. — Но наши мысли не зависят от наших симпатий и антипатий. Мысль эта глубоко мне неприятна, она даже пугает меня, но она возникла... и не только у меня.

— Это бесплодная мысль, — лениво сказал Горбовский, глядя в небо. — Попытка разрешить противоречие между общим духовным и материальным потенциалом человечества в целом. Она ведет к новому противоречию, старому и банальному, — между машинной логикой и системой морали и воспитания. В таком столкновении машинная логика всегда терпит поражение.

Альпа кивнул и окутался облаками дыма. Ганс задумчиво проговорил:

— Мысль страшенькая. Помните «проект десяти»? Когда Совету предложили перебросить в науку часть энергии из Фонда избытка... Во имя чистой науки поприветствовать человечество в области элементарных потребностей. Помните этот лозунг: «Ученые готовы голодать»?

Банин подхватил:

— А Ямакава тогда встал и сказал: «А шесть миллиардов детей не готовы. Так же не готовы, как вы не готовы разрабатывать социальные проекты».

— Я тоже не люблю изуверов, — сказал Горбовский.

— Я вот недавно прочел книгу Лоренца, — сказал Ганс. — «Люди и проблемы»... Читали?

— Читали, — сказал Горбовский.

Альпа отрицательно помотал головой.

— Хорошая книга, правда? И поразила меня там одна мысль. Правда, Лоренц на ней не останавливается, говорит об этом мимоходом.

— Ну, ну? — сказал Банин.

— Я, помню, целую ночь об этом думал. Не хватало аппаратуры, ждали, пока подвезут, — знаете, обычная эта нервотрепка. И вот я пришел к такому выводу. Лоренц упоминает о естественном отборе в науке. Какие факторы определяют главенство научных направлений сейчас, когда наука не влияет или почти не влияет больше на материальное благосостояние?

— Ну, ну? — сказал Банин.

— И вот я пришел к такому выводу. Пройдет некоторое время, и те научные исследования, которые оказались наиболее успешными, впитают в себя все материальное обеспечение, непомерно углубятся, а остальные направления просто сами собой сойдут на нет. И вся наука будет состоять из двух-трех направлений, в которых никто, кроме корифеев, разбираться не будет. Понимаете меня?

— А, чушь! — сказал Банин.

— Ну почему же чушь? — спросил Ганс обиженно. — Вот факты. В науке существуют сотни тысяч направлений. В каждом работают тысячи людей. Лично я знаю четыре группы исследователей, которые из-за систематических неудач бросали работу и вливались в другие, более успешные группы. Я сам дважды так поступал...

Альпа сказал:

— Шутки шутками, а возьмите того же Ламондуа. Вот он рвется сломя голову к осуществлению нуль-Т. Нуль-Т, как и следовало ожидать, дает массу новых ответвлений. Но Ламондуа вынужден обрубить почти все эти ответвления, он просто вынужден игнорировать их. Потому что у него нет никакой возможности тщательно проработать каждое ответвление на перспективность. Мало того, он вынужден сознательно игнорировать заведомо поразительные и интересные вещи. Так, например, случилось с Волной. Неожиданное, удивительное и, на мой взгляд, грозное явление. Но, преследуя свою цель, Ламондуа пошел даже на раскол в своем лагере. Он поссорился с Аристотелем, он отказывается обеспечивать волновиков. Он идет вглубь, вглубь, вглубь, его проблема становится все уже. Волна осталась у него далеко в тылу. Она для него только помеха, он слышать о ней не хочет. А она, между прочим, сжигает посева...

Над космодромом загредел громкоговоритель всеобщего оповещения:

— Внимание, Радуга! Говорит директор. Старшего бригады испытателей Габу вместе с бригадой прошу немедленно явиться ко мне.

— Счастливые люди, — сказал Ганс. — Никакие ульмотроны им не нужны.

— У них своих забот хватает, — сказал Банин. — Видел я однажды, как они тренируются, — нет уж, я лучше буду лжештурманом... А потом два года сидеть без своего дела и каждый день слышать: «Потерпите еще чуть-чуть. Вот, может быть, завтра...»

— Я рад, что вы заговорили о том, что в тылу, — сказал Горбовский. — «Белые пятна» науки. Меня этот вопрос тоже занимает. По-моему, у нас в тылу нехорошо... Например, Массачусетская машина. — Альпа покивал. Горбовский обратился к нему. — Вы, конечно, должны помнить. Сейчас о ней вспоминают редко. Угар кибернетики прошел.

— Ничего не могу вспомнить о Массачусетской машине, — сказал Банин. — Ну, ну?

— Знаете, это древнее опасение: машина стала умнее человека и подмяла его под себя... Полсотни лет назад в Массачусетсе запустили самое сложное кибернетическое устройство, когда-либо существовавшее. С каким-то там феноменальным быстродействием, необозримой памятью и все такое... И проработала эта машина ровно четыре минуты. Ее выключили, зацементировали все входы и выходы, отвели от нее энергию, заминировали и обнесли колючей проволокой. Самой настоящей ржавой колючей проволокой — хотите верьте, хотите нет.

— А в чем, собственно, дело? — спросил Банин.

— Она начала вести себя, — сказал Горбовский.

— Не понимаю.

— И я не понимаю, но ее едва успели выключить.

— А кто-нибудь понимает?

— Я говорил с одним из ее создателей. Он взял меня за плечо, посмотрел мне в глаза и произнес только: «Леонид, это было страшно».

— Вот это здорово, — сказал Ганс.

— А, — сказал Банин. — Чушь. Это меня не интересует.

— А меня интересует, — сказал Горбовский. — Ведь ее могут включить снова. Правда, она под запретом Совета, но почему бы не снять запрет?

Альпа проворчал:

— Каждому времени свои злые волшебники и привидения.

— Кстати, о злых волшебниках, — подхватил Горбовский. — Я немедленно вспоминаю о казусе Чертовой Дюжины.

У Ганса горели глаза.

— Казус Чертовой Дюжины — как же! — сказал Банин. — Тринадцать фанатиков... Кстати, где они сейчас?

— Позвольте, позвольте, — сказал Альпа. — Это те самые ученые, которые срачивали себя с машинами? Но ведь они же погибли.

— Говорят, да, — сказал Горбовский, — но ведь не в этом дело. Прецедент создан.

— А что, — сказал Банин. — Их называют фанатиками, но в них, по-моему, есть что-то притягательное. Избавиться от всех этих слабостей, страстей, вспышек эмоций... Голый разум плюс неограниченные возможности совершенствования организма. Исследователь, которому не нужны приборы, который сам себе прибор и сам себе транспорт. И никаких очередей за ульмотронами... Я это себе прекрасно представляю. Человек-флаер, человек-реактор, человек-лаборатория. Неуязвимый, бессмертный...

— Прошу прощения, но это не человек, — проворчал Альпа. — Это Массачусетская машина.

— А как же они погибли, если они бессмертны? — спросил Ганс.

— Разрушили сами себя, — сказал Горбовский. — Видимо, не сладко быть человеком-лабораторией.

Из-за машин появился багровый от напряжения человек с цилиндром ульмотрона на плече. Банин соскочил с ящика и побежал помочь ему. Горбовский задумчиво наблюдал, как они грузят ульмотрон в вертолет. Багровый человек жаловался:

— Мало того, что дают один вместо трех. Мало того, что теряешь половину дня. Тебе еще приходится доказывать, что ты имеешь право! Тебе не верят! Вы можете себе это представить — тебе не верят! Не верят!!!

Когда Банин вернулся, Альпа сказал:

— Все это довольно фантастично. Если вас интересует тыл, обратите лучше пристальное внимание на Волну. Каждая неделя — очередная нуль-транспортровка. И каждая нуль-транспортровка вызывает Волну. Большое или маленькое извержение. А занимаются Волной дилетантски. Не получилось бы второй Массачусетской машины, только без выключателя. Камилл — вы знаете Камилла? — рассматривает ее как явление планетарного масштаба, но его аргументы неудобопонятны. С ним очень трудно работать.

— Кстати, — сказал Ганс, — знаете точку зрения Камилла на будущее? Он считает, что нынешняя увлеченность наукой — это своего рода благодарность за изобилие, инерция тех времен, когда способность к логическому восприятию мира была единственной надеждой человечества. Он говорил так: «Человечество накануне раскола. Эмоционисты и логики — по-видимому, он имеет в виду людей искусства и людей науки — становятся чужими друг другу, перестают друг друга понимать и перестают друг в друге нуждаться. Человек рождается эмоционистом или логиком. Это лежит в самой природе человека. И когда-нибудь человечество расколется на два общества, так же чуждых друг другу, как мы чужды леонидьянам...»

— А, — сказал Банин. — Ну что за чепуха. Какой там раскол? Куда денется средний человек? Пагава, может быть, и смотрит на новую картину Сурда как баран на новые ворота, а Сурд, возможно, не понимает, зачем на свете существует Пагава, тут ничего не скажешь — вот тебе логик, а вот эмоционист. А кто я? Да, я научный работник. Да, три четверти моего времени и три четверти моих нервов принадлежат науке. Но без искусства я тоже не могу! Вот у кого-то здесь играет проигрыватель, и мне очень хорошо. Я бы обошелся и без проигрывателя, но с ним мне гораздо лучше... Так вот, как же я, спрашивается, расколуюсь?

— Я тоже так думаю, — сказал Ганс. — Но он говорил, что, во-первых, гений нашего времени — это средний человек будущего; а во-вторых, будто существует не один средний человек, а два — эмоционист и логик. Во всяком случае, так я его понял.

— Я тобой восхищаюсь, — сказал Банин. — По-моему, когда слушаешь Камилла, понять нельзя ничего.

— А может быть, это был очередной парадокс Камилла? — сказал Горбовский задумчиво. — Он любит парадоксы. Впрочем, для парадокса это рассуждение, пожалуй, слишком прямолинейно.

— Ну, Леонид Андреевич, — сказал Ганс весело. — Вы все-таки учитывайте, что это не Камилловы рассуждения, а мои. Я вчера загорал на пляже, вдруг на камне возник Камилл — знаете его манеру? — и начал рассуждать вслух, обращаясь преимущественно к морским волнам. А я лежал и слушал, а потом заснул.

Все засмеялись.

— Камилл упражняется, — сказал Горбовский. — Я примерно представляю, зачем ему понадобился этот раскол. Видимо, его занимает вопрос об эволюции человека, и он строит модели. Синтез логика и эмоциониста представляется ему, вероятно, как новый человек, который уже не будет человеком.

Альпа вздохнул и спрятал трубку.

— Проблемы, проблемы... — сказал он. — Противоречия, синтез, тыл, фронт... А вы заметили, кто здесь сидит? Вы, вы... он... я... Неудачники. Отверженные науки. Наука вон — получает ульмотроны.

Он хотел сказать еще что-то, но тут громкоговоритель заревел снова:

— Внимание, Радуга! Говорит директор. Капитан звездолета «Таризель-Второй» Леонид Андреевич Горбовский. План-энергетик планеты товарищ Канэко. Прошу немедленно явиться ко мне.

Из машины сейчас же высунулись водители. На лицах их было написано неопишное удовольствие. Все они смотрели на лжезвездолетчиков. Банин, втянув голову в плечи, развел руками. Ганс весело крикнул: «Это не меня, я штурман!» Альпа закричал и закрыл лицо ладонью. Горбовский торопливо поднялся.

— Мне пора, — сказал он. — Очень не хочется уходить. Я так и не успел высказаться. Вот вкратце моя точка зрения. Не надо огорчаться и заламывать руки. Жизнь прекрасна. Между прочим, именно потому, что нет конца противоречиям и новым поворотам. А что касается неизбежных неприятностей, то я очень люблю Куприна, и у него есть один герой, человек вконец спившийся водкой и несчастный. Я помню наизусть, что он там говорит. — Он откашлялся. — «Если я попаду под поезд, и мне перережут живот, и мои внутренности смешаются с песком и намотаются на колеса, и если в этот последний миг меня спросят: “Ну что, и теперь жизнь прекрасна?” — я скажу с благодарным восторгом: “Ах, как она прекрасна!”» — Горбовский смущенно улыбнулся и запихнул проигрыватель в карман. — Это было сказано три века назад, когда человечество еще стояло на четвереньках. Давайте не будем жаловаться!.. А кондиционер я вам оставлю — здесь очень жарко.

Глава 5

Матвей был не один. На его столе, подложив под себя руки и болтая ногами, сидел маленький черноволосый человек, черноглазый, живой, похожий на школьника-выпускника. Это был Этьен Ламондуа, глава современной нуль-физики, «быстрый физик», как его называли коллеги.

— Можно? — спросил Горбовский.

— А вот и он, — сказал Матвей. — Вы знакомы?

Ламондуа стремительно соскочил со стола и, подойдя вплотную, крепко пожал Горбовскому руку, глядя на него снизу вверх.

— Рад вас видеть, капитан, — сказал он, мило улыбаясь. — Мы как раз говорили о вас.

Горбовский попятился и сел в кресло.

— А мы — о вас, — сказал он.

Этьен живо поклонился и вернулся на стол к директору.

— Итак, я продолжаю. «Харибды» стоят насмерть. Надо отдать Маляеву справедливость: он создал отличные машины. Любопытно, что северная Волна совершенно нового типа. Эти мальчишки уже успели назвать ее. П-волна, каково? По имени носатого Шота. Черт возьми, я вынужден признаться, что рву на себе волосы! Как я раньше не обращал внимания на это великолепное явление? Придется извиниться перед Аристотелем. Он оказался прав. Он и Камилл. Я преклоняюсь перед Камиллом. Я преклонялся перед ним и раньше, но теперь я, кажется, понимаю, что он имел в виду. Кстати, вы знаете, что Камилл погиб?

Матвей дернул головой.

— Опять?

— А, вы уже знаете! Странная история. Погиб и снова воскрес. Я слышал о таких вещах. На свете нет ничего нового. То же самое было с Христом. Между прочим, вы верите, что Склярлов мог бросить его на съедение Волне? Я — нет. Итак, северная Волна достигла пояса контрольных станций. Первая, Лю-волна, рассеяна, вторая, П-волна, теснит «харибд» со скоростью до двадцати километров в час. Так что северные посеы, вероятно, все-таки погибнут. Биологов пришлось выслать на вертолетах...

— Знаю, — сказал директор. — Жаловались.

— Что поделаешь! Они вели себя хотя и понятным образом, но тем не менее недостойно. На океане движение Волны приостановлено. Там наблюдается явление, за которое Лю отдал бы полжизни: деформация кольцевой Волны. Эта деформация удовлетворяет каппа-уравнению, а если Волна — это каппа-поле, то становится сразу ясно все, над чем бился наш бедный Маляев: и Д-проницаемость, и телегенность фонтанов, и «вторичные призраки»... Черт возьми, за эти три часа мы узнали о Волне больше, чем за десять лет! Матвей, учтите: как только все это кончится, нам понадобится У-регистратор, может быть, даже два. Считайте, что я дал заявку. Обычные вычислители не помогут. Только Лю-алгоритмы, только Лю-логика!

— Хорошо, хорошо, — сказал Матвей. — А что на юге?

— На юге — океан. За юг вы можете быть спокойны. Там Волна дошла до Берега Пушкина, сожгла Южный Архипелаг и остановилась. У меня такое впечатление, что она не пойдет дальше, и очень жаль, потому что наблюдатели удирали оттуда так поспешно, что бросили всю автоматику, и о южной Волне мы почти ничего не знаем. — Он с досадой щелкнул пальцами. — Я понимаю, вас интересует совсем другое. Но что делать, Матвей! Давайте смотреть на вещи реалистически. Радуга — это планета физиков. Это наша лаборатория. Энергостанции погигли, и их не вернешь. Когда закончится этот эксперимент, мы их отстроим заново, вместе. Нам ведь понадобится много энергии! А что касается рыбных промыслов, черт возьми... Нулевики морально готовы отказаться от ухи из кальмаров! Не сердись на нас, Матвей.

— Я не сержусь, — сказал директор с тяжелым вздохом. — Но есть, однако, в вас что-то от ребенка, Этьен. Вы как ребенок, играючи ломаете все, что так дорого взрослым. — Он снова вздохнул. — Постарайтесь сберечь хоть бы южные посевы. Очень мне не хочется терять автономию.

Ламондуа посмотрел на часы, кивнул и, не говоря ни слова, выскочил вон. Директор посмотрел на Горбовского.

— Как тебе это нравится, Леонид? — спросил он, невесело усмехаясь. — Да, дружище. Бедная Постышева! Она ангел по сравнению с этими вандалами. Когда я думаю, что ко всем моим болячкам прибавятся еще хлопоты по восстановлению системы снабжения и ассенизации, у меня волосы встают дыбом. — Он подергал себя за ус. — А с другой стороны, Ламондуа прав — Радуга действительно планета физиков. Но что скажет Канэко, что скажет Джина... — Он помотал головой и передернул плечами. — Да! Канэко! А где Канэко?

— Матвей, — сказал Горбовский, — а можно мне узнать, зачем ты меня вызвал?

Директор, повернувшись к нему спиной, возился с клавишами селектора.

— Тебе удобно? — спросил он.

— Да, — сказал Горбовский. Он уже лежал.

— Может, тебе пить хочется?

— Хочется.

— Возьми в холодильнике. Может, тебе есть хочется?

— Еще нет, но скоро захочется.

— Вот тогда и поговорим. А пока не мешай мне работать.

Горбовский достал из холодильника соки и стакан, смешал себе коктейль и снова лег в кресло, откинув спинку. Кресло было мягкое, прохладное, коктейль был ледяной и вкусный. Он лежал, потягивая через соломинку, с полузакрытыми от удовольствия глазами и слушал, как директор разговаривает с Канэко. Канэко сказал, что не может выбраться — его не пускают. Директор спросил: «Кто не пускает?» — «Здесь сорок человек, — ответил Канэко, — и каждый не пускает». — «Сейчас я пришлю к тебе Габу», — сказал директор. Канэко возразил, что здесь и так достаточно шумно. Тогда Матвей рассказал о Волне и напомнил извиняющимся тоном, что Канэко, помимо всего прочего, является начальником СИБ Радуги. Канэко сердито сказал, что он этого не помнит, и Горбовский ему посочувствовал.

Начальники Службы индивидуальной безопасности всегда вызывали у него чувство жалости и сострадания. На каждую освоенную, а иногда и не совсем еще освоенную планету рано или поздно начинали прибывать аутсайдеры — туристы, отпускники (всей семьей и с детьми), свободные художники, ищущие новых впечатлений, неудачники, ищущие одиночества или работы потруднее, разнообразные дилетанты, спортсмены-охотники и прочий люд, не числившийся ни в каких списках, никому на планете не известный, ни с кем не связанный и зачастую старательно уклонявшийся от каких-либо связей. Начальник СИБ был обязан лично знакомиться с каждым из аутсайдеров, инструктировать их и следить, чтобы каждый аутсайдер давал ежедневно о себе знать сигналом на регистрирующую машину. На зловещих планетах типа Яйлы или Пандоры, где новичка на каждом шагу подстерегали всевозможные опасности, команды СИБ спасли не одну человеческую жизнь. Но на плоской, как доска, Радуге, с ее ровным климатом, убогим животным миром и ласковым, всегда тихим морем, СИБ неизбежно должна была превратиться и, судя по всему, превратилась в пустую формальность. И вежливый, корректный Канэко, чувствуя двусмысленность своего положения, занимался, конечно, не инструктажем литераторов, приехавших поработать в одиночестве, и не прослеживанием замысловатых маршрутов влюбленных и молодоженов, а своим планированием или каким-нибудь другим настоящим делом.

— Сколько сейчас на Радуге аутсайдеров? — спросил Матвей.

— Человек шестьдесят. Может быть, немного больше.

— Канэко, дружище, всех аутсайдеров надо немедленно разыскать и переправить в Столицу.

— Я не совсем понимаю, в чем смысл этого мероприятия, — вежливо сказал Канэко.

— В угрожаемых районах аутсайдеры практически никогда не бывают. Там голая сухая степь, там дурно пахнет, очень жарко...

— Пожалуйста, не будем спорить, Канэко, — попросил Матвей. — Волна есть Волна. В такое время лучше, чтобы все незаинтересованные люди были под рукой. Сейчас сюда придет Габа со своими бездельниками, и я пошлю его к тебе. Организуй там.

Горбовский, отложив соломинку, отхлебнул прямо из стакана. Камилл погиб, подумал он. А погибнув, воскрес. Со мной такие вещи тоже бывали. Видно, эта пресловутая Волна вызвала порядочную панику. Во время паники всегда кто-нибудь гибнет, а потом ты очень удивляешься, встретив его в кафе в миллионе километров от места гибели. Физиономия у него поцарапана, голос хриплый и бодрый, он слушает анекдоты и убирает шестую порцию маринованных креветок с сычуаньской капустой.

— Матвей, — позвал он. — А где сейчас Камилл?

— Ах да, ты еще не знаешь, — сказал директор. Он подошел к столику и стал смешивать себе коктейль из гранатового сока и ананасного сиропа. — Со мной говорил Маляев из Гринфилда. Камилл каким-то образом оказался на передовом посту, задержался там и попал под Волну. Какая-то запутанная история. Этот Складов — наблюдатель — примчался на Камилловом флаере, закатил истерику и заявил, что Камилл раздавлен, а через десять минут Камилл выходит на связь с Гринфилдом, по обыкновению пророчествует и снова исчезает. Ну разве можно после таких вот выходов принимать Камилла всерьез?

— Да, Камилл большой оригинал. А кто такой Складов?

— Наблюдатель у Маляева, я же тебе говорю. Очень старательный, милый парень, очень недалекий... Предполагать, что он предал Камилла, — это же нелепо. Вечно Маляеву приходят в голову какие-то дикие мысли...

— Не обижай Маляева, — сказал Горбовский. — Он просто логичен. Впрочем, не будем об этом. Будем лучше о Волне.

— Будем, — рассеянно сказал директор.

— Это очень опасно?

— Что?

— Волна. Она опасна?

Матвей засопел.

— В общем-то Волна смертельно опасна, — сказал он. — Беда в том, что физики никогда не знают заранее, как она будет себя вести. Она, например, может в любой момент рассеяться. — Он помолчал. — А может и не рассеяться.

— И укрыться от нее нельзя?

— Не слыхал, чтобы кто-нибудь пробовал. Говорят, что это довольно страшное зрелище.

— Неужели ты не видел?

Усы Матвея грозно встопорщились.

— Ты мог бы заметить, — сказал он, — что у меня мало времени мотаться по планете. Я все время кого-нибудь жду, кого-нибудь умиротворяю, или кто-нибудь меня ждет... Уверяю тебя, если бы у меня было свободное время...

Горбовский осторожненько осведомился:

— Матвей, я, наверное, понадобился тебе, чтобы искать аутсайдеров, не так ли?

Директор сердито взглянул на него.

— Захотел есть?

— Н-нет.

Матвей прошелся по кабинету.

— Я скажу тебе, что меня расстраивает. Во-первых, Камилл предсказывал, что этот эксперимент окончится неблагоприятно. Они не обратили на это никакого внимания. Я, следовательно, тоже. А теперь Ламондуа признает, что Камилл был прав...

Дверь распахнулась, и в кабинет, блестя великолепными зубами, ввалился молодой громадный негр в коротких белых штанах, в белой куртке и в белых туфлях на босу ногу.

— Я прибыл! — объявил он, взмахнув огромными руками. — Что ты хочешь, о господин мой директор? Хочешь, я разрушу город или построю дворец? Хотел я, угадав твои желания, прихватить для тебя красивейшую из женщин, по имени Джина Пикбридж, но чары ее оказались сильнее, и она осталась в Рыбачьем, откуда и шлет тебе нелестные приветы.

— Я абсолютно ни при чем, — сказал директор. — Пусть шлет свои приветы Ламондуа.

— Воистину, пусть! — воскликнул негр.

— Габа, — сказал директор, — ты знаешь о Волне?

— Разве это Волна? — презрительно сказал негр. — Вот когда в стартовую камеру войду я и Ламондуа нажмет пусковой рычаг, вот тогда будет настоящая Волна! А это вздор, зыбь, рябь! Но я слушаю тебя и готов повиноваться.

— Ты с бригадой? — спросил директор терпеливо. Габа молча показал на окно. — Ступай с ними на космодром, ты поступаешь в распоряжение Канэко.

— На голове и на глазах, — сказал Габа. В тот же момент здоровенные глотки за окном грянули под банджо на мотив псалма «У стен Иерихонских»:

На веселой Радуге,
Радуге, Радуге...

Габа в один шаг очутился у окна и гаркнул:

— Ти-хо!

Песня смолкла. Тонкий чистый голос жалобно протянул:

Dig my grave both long and narrow,
Make my coffin neat and strong!..¹

— Я иду, — с некоторым смущением сказал Габа и мощным прыжком перемахнул через подоконник. За окном взревели.

— Дети... — проворчал директор ухмыляясь. Он опустил раму. — Застоялись младенцы. Не знаю, что я буду делать без них.

Он остался стоять у окна, и Горбовский, прикрыв глаза, смотрел ему в спину. Спина была широченная, но почему-то такая сгорбленная и несчастная, что Горбовский забеспокоился. У Матвея, звездолетчика и десантника, просто не могло быть такой спины.

— Матвей, — сказал Горбовский. — Я тебе правда нужен?

— Да, — сказал директор. — Очень. — Он все смотрел в окно.

— Матвей, — сказал Горбовский. — Расскажи мне, в чем дело.

— Тоска, предчувствия, заботы, — продекламировал Матвей и замолчал.

Горбовский поерзал, устраиваясь, тихонько включил проигрыватель и так же тихонько сказал:

— Ладно, дружок. Я посижу здесь с тобой просто так.

— Угу. Ты уж посиди, пожалуй.

Грустно и лениво звенела гитара, за окном пылало горячее пустое небо, а в кабинете было прохладно и сумеречно.

— Ждать. Будем ждать, — громко сказал директор и вернулся в свое кресло.

Горбовский промолчал.

— Да! — сказал он. — Какой же я невежливый! Я совсем забыл. Что Женечка?

— Спасибо, хорошо.

— Она не вернулась?

— Нет. Так и не вернулась. По-моему, она теперь и думать об этом не хочет.

— Все Алешка?

— Конечно. Просто удивительно, как это оказалось для нее важно.

— А помнишь, как она клялась: «Вот пусть только родится!..»

— Я все помню. Я помню такое, чего ты и не знаешь. Она с ним сначала ужасно мучилась. Жаловалась. «Нет, — говорит, — у меня материнского чувства. Урод я. Дерево». А потом что-то случилось. Я даже не заметил как. Правда, он очень славный поросенок. Очень ласковый и умница. Гулял я с ним однажды вечером в парке. Вдруг он спрашивает: «Папа, что это приседает?» Я сначала не понял. Потом... Понимаешь, ветер, качается фонарь, и тени от него на стене. «Приседает». Очень точный образ, правда?

— Правда, — сказал Горбовский. — Писатель будет. Только хорошо бы отдать его все-таки в интернат.

Матвей махнул рукой.

— Не может быть и речи, — сказал он. — Она не отдаст. И ты знаешь, сначала я спорил, а потом подумал: «Зачем? Зачем отнимать у человека смысл жизни?» Это ее смысл жизни. Мне это недоступно, — признался он, — но я верю, потому что вижу. Может быть, дело в том, что я много старше ее. И слишком поздно для меня появился Алешка. Я иногда думаю, как бы я был одинок, если бы не знал, что каждый день могу его видеть. Женька говорит, что я люблю его не как отец, а как дед. Что ж, очень может быть. Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Понимаю. Но мне это незнакомо. Я, Матвей, никогда не был одиноким.

— Да, — сказал Матвей. — Сколько я тебя знаю, вокруг тебя все время крутятся люди, которым ты позарез нужен. У тебя очень хороший характер, тебя все любят.

---

¹ Выройте мне могилу, длинную и узкую,
Гроб мне крепкий сделайте, чистый и уютный!..
(Народная американская песня.)

— Не так, — сказал Горбовский. — Это я всех люблю. Прожил я чуть не сотню лет и, представь себе, Матвей, не встретил ни одного неприятного человека.

— Ты очень богатый человек, — проговорил Матвей.

— Кстати, — вспомнил Горбовский. — Вышла в Москве книга. «Нет горше твоей радости», Сергея Волкового. Очередная бомба эмоциологов. Генкин разразился желчной статьей. Очень остроумно, но неубедительно: литература, мол, должна быть такой, чтобы ее было приятно препарировать. Эмоциологи ядовито смеялись. Наверное, все это продолжается до сих пор. Никогда я этого не пойму. Почему они не могут относиться друг к другу терпимо?

— Это очень просто, — сказал Матвей. — Каждый воображает, что делает историю.

— Но он делает историю! — возразил Горбовский. — Каждый действительно делает историю! Ведь мы, средние люди, все время так или иначе находимся под их влиянием.

— Не хочется мне об этом спорить, — сказал Матвей. — Некогда мне об этом думать, Леонид. Я под их влиянием не нахожусь.

— Ну, давай не будем спорить, — сказал Горбовский. — Давай выпьем сока. Если хочешь, я даже могу выпить местного вина. Но только если это действительно тебе поможет.

— Мне сейчас поможет одно. Ламондуа явится сюда и разочарованно скажет, что Волна рассеялась.

Некоторое время они молча пили сок, поглядывая друг на друга поверх бокалов.

— Что-то давно к тебе никто не звонит, — сказал Горбовский. — Даже как-то странно.

— Волна, — сказал Матвей. — Все заняты. Раздоры забыты. Все удирают.

Дверь в глубине кабинета отворилась, и на пороге появился Этьен Ламондуа. Лицо у него было задумчивое, и двигался он необычайно медленно и размеренно. Директор и Горбовский молча смотрели, как он идет, и Горбовский почувствовал какое-то неприятное тошное ощущение под ложечкой. Он еще представления не имел о том, что происходит или произошло, но уже знал, что уютно лежать больше не придется. Он выключил проигрыватель.

Подойдя к столу, Ламондуа остановился.

— Кажется, я огорчу вас, — медленно и ровно сказал он. — «Харибды» не выдержали. — Голова Матвея ушла в плечи. — Фронт прорван на севере и на юге. Волна распространяется с ускорением десять метров в секунду за секунду. Связь с контрольными станциями прервана. Я успел отдать приказ об эвакуации ценного оборудования и архивов. — Он повернулся к Горбовскому. — Капитан, мы надеемся на вас. Будьте добры, скажите, какая у вас грузоподъемность?

Горбовский, не отвечая, смотрел на Матвея. Глаза директора были закрыты. Он бесцельно гладил поверхность стола огромными ладонями.

— Грузоподъемность? — повторил Горбовский и встал. Он подошел к директорскому пульта, нагнулся к микрофону всеобщего оповещения и сказал: — Внимание, Радуга! Штурману Валькенштейну и бортиженеру Диксону срочно явиться на борт звездолета.

Потом он вернулся к Матвею и положил руку ему на плечо.

— Ничего страшного, дружок, — сказал он. — Поместимся. Отдай приказ эвакуировать Детское. Я займусь яслями. — Он оглянулся на Ламондуа. — А грузоподъемность у меня маленькая, Этьен, — сказал он.

Глаза у Этьена Ламондуа были черные и спокойные — глаза человека, знающего, что он всегда прав.

Глава 6

Роберт видел, как все это произошло.

Он сидел на корточках на плоской крыше башни дальнего контроля и осторожно отсоединял антенны-приемники. Их было сорок восемь — тонких тяжелых стерженьков, вмонтированных в скользящую параболическую раму, и каждый нужно было аккуратно вывернуть и со всеми предосторожностями уложить в специальный футляр. Он очень торопился и то и дело поглядывал через плечо на север.

Над северным горизонтом стояла высокая черная стена. По гребню ее, там, где она упиралась в тропопазу, шла ослепительная световая кайма, а еще выше в пустом небе вспыхивали и гасли бледные сиреневые разряды. Волна надвигалась неодолимо, но очень медленно. Не верилось, что ее сдерживает редкая цепь неуклюжих машин, казавшихся отсюда совсем маленькими. Было как-то особенно тихо и знойно, и солнце казалось особенно ярким, как в предгрозовые минуты на Земле, когда все затихает и солнце еще светит вовсю, но полнеба уже закрыто черно-синими тяжелыми тучами. В этой тишине было что-то особенно зловещее, непривычное, почти потустороннее, потому что обыкновенно наступающая Волна бросала впереди себя многобалльные ураганы и рев бесчисленных молний.

А сейчас было совсем тихо. До Роберта отчетливо доносились торопливые голоса с площади внизу, где в тяжелый вертолет навалом грузили особо ценное оборудование, дневники наблюдений, записи автоматических приборов. Было слышно, как Пагава гортанно бранит кого-то за то, что преждевременно сняли анализаторы, а Маляев неспешно обсуждает с Патриком сугубо теоретический вопрос о вероятном распределении зарядов в энергетическом барьере над Волной. Все население Гринфилда собралось сейчас в этой башне под ногами Роберта и на площади. Взбунтовавшиеся биологи и две компании туристов, остановившиеся накануне в поселке на ночлег, были отправлены за полосу посевов. Биологов отправили на птерокаре вместе с лаборантами, которым Пагава приказал оборудовать за полосой посевов новый наблюдательный пункт, а за туристами прибыл специальный аэробус из Столицы. И биологи, и туристы были очень недовольны; и когда они улетели, в Гринфилде остались только довольные.

Роберт работал почти машинально и, как всегда, работая руками, думал о самых разных вещах. Очень болит плечо. Странно: плечом нигде не стучался. Живот саднит, ну, живот понятно — когда споткнулся об ульмотрон. Интересно, как сейчас выглядит этот ульмотрон. И как выглядит мой птерокар. И как выглядит... Интересно, что здесь будет через три часа. Цветники жалко... Детишки целое лето трудились, выдумывали самые фантастические сочетания цветов. И тогда мы познакомились с Таней. Та-ня, — тихонько позвал он. Как ты там сейчас? Он прикинул расстояние от фронта Волны до Детского. Безопасно, подумал он с удовлетворением. Они там, наверное, и не знают о том, что Волна, что взбунтовались биологи, что я чуть не погиб, что Камилл...

Он выпрямился, вытер лицо тыльной стороной ладони и посмотрел на юг, на бесконечные зеленые поля хлеба. Он пытался думать о гигантских стадах мясных коров, которых перегоняют сейчас в глубь континента; о том, как много придется работать над восстановлением Гринфилда, когда рассеется Волна; и как неприятно после двухлетнего изобилия снова возвращаться к синтеепице, к искусственным бифштексам, к грушам с привкусом зубной пасты, к хлорелловым «супам сельским», к котлетам бараньим квазибиотическим и к прочим чудесам синтеза, будь они неладны... Он думал о чем попало, но он ничего не мог сделать.

Никуда не уйти от удивленных глаз Пагавы, от ледяного тона Маляева, от преувеличенно-участливого обращения Патрика. Самое страшное, что ничего нельзя сделать. Что со стороны это должно выглядеть, мягко выражаясь, странно. А зачем, собственно, выражаться мягко? Это выглядит попросту однозначно. Испуганный наблюдатель в растерзанном виде прилетает в чужом флаере и заявляет о гибели

товарища. А товарищ, оказывается, был жив. Товарищ, оказывается, погиб уже после, когда испуганный наблюдатель удирал на его флаере. Но он же был раздавлен насмерть, в десятый раз повторял про себя Роберт. А может быть, это был просто бред? Может быть, я перепугался до бреда? Никогда не слышал о таких вещах. Но ведь и о том, что случилось — если это случилось, — я тоже никогда не слышал. Ну и пусть, в отчаянии подумал он. Пусть не верят. Танюшка поверит. Только бы она поверила! А им все равно, они о Камилле забыли сразу. Они будут вспоминать о нем, только когда будут видеть меня. И будут смотреть на меня своими теоретическими глазами, и анализировать, и сопоставлять, и взвешивать. И строить наименее противоречивые гипотезы, и только правды они никогда не узнают... И я тоже никогда не узнаю правды.

Он вывернул последнюю антенну, уложил ее в футляр, затем собрал все футляры в плоский картонный ящик, и тут с севера донесся гулкий хлопок, словно в огромном пустом зале лопнул воздушный шарик. Обернувшись, Роберт увидел, как на аспидно-черном фоне Волны встает длинный белый факел. Горела «харибда». Сейчас же внизу смолкли голоса, взвыл и заглох работавший вхолостую мотор вертолета. Наверное, все там прислушивались и смотрели на север. Роберт еще не понял, что произошло, когда затряслось, задрезжалось и из-под башни, подминая уцелевшие пальмы, поползла резервная «харибда», задирая на ходу раструб поглотителя. На открытом месте она взревела так, что заложило уши, и покатила на север затыкать прорыв, окутавшись облаком рыжей пыли.

Дело было довольно обычное: одна из «харибд» не успела отвести в базальт избыток энергии из емкостей, и Роберт уже нагнулся за картонным ящиком, но тут у подножия черной стены что-то ярко вспыхнуло, взлетел веер разноцветного пламени, и еще один столб белого дыма, наливаясь и густея на глазах, потянулся к небу. Докатился новый хлопок. Внизу дружно закричали, и Роберт сразу увидел далеко к востоку еще несколько факелов. «Харибды» вспыхивали одна за другой, и через минуту тысячекилометровая стена Волны, напоминавшая теперь классную доску, исчерченную мелом, качнулась и поползла вперед, выбрасывая перед собой в степь черные вспухающие кляксы. Роберт с трудом глотнул пересохшим горлом и, подхватив ящик, побежал вниз по лестнице.

По коридорам металась люди. Пробежала перепуганная Зиночка, прижимая к груди пачку коробок с пленкой. Гасан Али-заде и Карл Гофман со сверхъестественной скоростью волокли к выходу громоздкий саркофаг лабораторного хемостазера — их словно ветром несло. Кто-то звал: «Идите сюда! Не могу я один! Гасан!..» В вестибюле зазвенело разбитое стекло. Зафыркали моторы на площади. В диспетчерской, топчя разбросанные карты и бумаги, прыгал перед экраном Пагава и нетерпеливо кричал: «Почему не слышишь? «Харибды» горят! Горят «харибды», говорю! Волна пошла! Ничего, понимаешь, не слышу!.. Этьен! Если понял, кивни!..»

Роберт, морщась от боли, взвалил коробку на плечо и стал спускаться в вестибюль. Позади кто-то, шумно дыша, грохотал по ступенькам. Вестибюль был усеян оберточной бумагой и обломками какого-то прибора. Дверь из небьющегося стекла была расколота вдоль. Роберт боком протиснулся на крыльцо и остановился. Он увидел, как один за другим уходят в небо битком набитые птерокары. Он увидел, как Маляев, молча, с каменным лицом, впихивает в последний птерокар девушек-лаборанток. Он увидел, как Гасан и Карл, разевая от натуги рты, пытаются закинуть свой саркофаг в дверцу вертолета, а кто-то изнутри старается им помочь, и каждый раз саркофаг бьет его по пальцам. Он увидел Патрика, совершенно спокойного, сонного Патрика, прислонившегося спиной к заднему фонарю вертолета с видом сосредоточенным и задумчивым. А повернув голову, он увидел чуть ли не над собой угольно-черную стену Волны, бархатным занавесом закрывающую небо.

— Перестаньте же грузить! — закричал у него над ухом Пагава. — Опомнитесь! Немедленно бросьте этот гроб!

Хемостазер с тяжким звоном рухнул на бетон.

— Выбрасывайте все! — кричал Пагава, сбегая с крыльца. — Всем в вертолет немедленно! Не видите, да? Я кому говорю, Складов! Патрик, заснул?!

Роберт не двигался с места. Патрик тоже. В это время Маляев, навалившись, захлопнул дверцу птерокара и замахал руками. Птерокар растопырил крылья, тяжело подпрыгнул и, перекосившись на борт, ушел за крыши. Из вертолета летели ящики. Кто-то вопил плачущим голосом: «Не дам, Шота Петрович! Это я им не дам!..» — «Дашь, голубчик! — ревел Пагава. — Еще как дашь!» К Пагаве подбежал Маляев, крича что-то и указывая на небо. Роберт поднял глаза. Маленький вертолет-наводчик, утыканный, как еж, антеннами, с ужасным воем перегретого двигателя пронесся над площадью и, быстро уменьшаясь, умчался на юг. Пагава воздел над головой стиснутые кулаки.

— Куда? — заорал он. — Назад! Назад, шени деда! Прекратить панику! Остановить его!

Все это время Роберт стоял на крыльце, удерживая на ноющем плече тяжелый картонный ящик. У него было такое впечатление, будто он в кино. Вот разгружают вертолет. То есть попросту вываливают из него все, что попадает под руку. Вертолет действительно перегружен — это видно по просевшим шасси. Рядом с вертолетом толкуются. Сначала толклись с криками, а теперь замолчали. Гасан сосет косточки на пальцах — наверное, ободрался. Патрик, кажется, совсем заснул. Нашел время и, главное, место!.. Карл Гофман, человек педантичный (то, что называется «вдумчивый и осторожный ученый»), подхватывает летящие из вертолета ящики и пытается складывать их аккуратно — вероятно, для самоутверждения. Пагава нетерпеливо прыгает возле вертолета и все время поглядывает то на Волну, то на башню контроля. Ему явно не хочется улетать, и он жалеет, что он здесь старший. Маляев стоит в стороне и тоже смотрит на Волну — не отрываясь и с холодной враждой. А в тени коттеджа, где жил Патрик, стоит мой флаер. Интересно, кто его туда отвел и зачем? На флаер никто не обращает внимания, да он и не нужен никому: осталось человек десять, не меньше. Вертолет хороший, мощный, класса «гриф», но при таком грузе он пойдет с половинной скоростью. Роберт поставил ящик на ступеньку.

— Не успеем, — сказал Маляев.

В голосе его была такая тоска и горечь, что Роберт удивился. Но он уже знал, что все успеют. Он подошел к Маляеву.

— Есть еще резервная «харибда», — сказал он. — Четверть часа вам хватит?

Маляев смотрел на него, не понимая.

— Есть две резервные «харибды», — холодно сказал он и вдруг понял.

— Ладно, — сказал Роберт. — Не забудьте Патрика. Он с той стороны вертолета.

Роберт повернулся и побежал. Вслед ему закричали, но он не оглянулся. Он бежал изо всех сил, перепрыгивая через брошенные аппараты, через грядки с декоративными растениями, через аккуратно подстриженные кусты с пахучими белыми цветами. Он бежал к западной окраине. Справа над крышами стояла черная бархатная стена, упирившаяся в зенит, а слева палило ослепительное белое солнце. Роберт обогнул последний дом и сразу наткнулся на необъятную корму «харибды». Он увидел клочья зелени, застрявшие в сочленениях исполинских гусениц, растерзанные лепестки яркого цвета, прилипшие к траку, ободранный ствол молодой пальмы, торчащий между ленивцами, и, не поднимая глаз, полез наверх по узкому трапу, обжигая руки о накаливаемые солнцем перекладины. Все так же не поднимая глаз, он съехал на спине в кабину ручного управления, уселся в кресло, откинул стальную заслонку перед лицом, и вновь его руки заработали привычно, автоматически. Правая рука протянулась вперед и врубил ток, левая одновременно включила сцепление, перевела управление на ручное, а правая уже тянулась назад, отыскивая клавишу стартера; и когда все вокруг заревело, загрохотало и затряслось, левая, уже совершенно ни к чему, включила систему кондиционирования. Затем — уже сознательно — он нашарил рычаг управления

поглотителем, отвел его до отказа на себя и только тогда решился посмотреть вперед через отброшенную заслонку.

Прямо перед ним была Волна. Вероятно, ни один человек после Лю еще никогда не был так близко от Волны. Она была просто черная, без малейших прожилок, и залитая солнцем степь до самого горизонта отчетливо рисовалась на ее фоне. Была видна каждая травинка, каждый кустик. Роберт видел даже землероек, желтыми столбиками ошарашенно замерших перед своими норками.

Над головой возник и начал стремительно нарастать сухой звенящий вой — заработал поглотитель. «Харибда» плавно раскачивалась на ходу. В зеркале заднего вида прыгали в пыли здания поселка. Вертолета видно не было. Еще метров сто, нет, еще метров пятьдесят — и довольно. Он покосился налево, и ему почудилось, что стена Волны уже немного выгнулась. Впрочем, судить об этом было очень трудно. А может быть, и не успею, подумал вдруг он. Он не сводил глаз с белых дымных столбов, поднимающихся из-за горизонта. Дым рассеивался быстро и был теперь едва виден. Интересно, что могло гореть в «харибдах»?

Хватит, подумал он, нажимая на тормоз. А то не убежать. Он снова поглядел в зеркало заднего вида. Долго, ох, долго возятся, подумал он. Степь перед «харибдой» медленно темнела огромным треугольником, в вершине которого находился поглотитель. Землеройки вдруг беспокойно запрыгали, одна из них шагах в двадцати вдруг упала на спину, судорожно дергая лапками.

— Убегайте, дурачки! — сказал вслух Роберт. — Вам можно...

И тут он увидел вторую «харибду». Она стояла в полукилометре к востоку, жадно задрав черный раструб поглотителя, и перед ней точно так же темнела трава, ежась от нестерпимого холода.

Роберт ужасно обрадовался. Молодец, подумал он. Умница! Смельчак! Неужели Маляев? А почему бы нет? Ведь он тоже человек, и все человеческое ему не чуждо... А может, сам Пагава? Впрочем, его просто не пустят. Свяжут и сунут под сиденье и еще ногами придавят, чтобы не брыкался. Нет, молодец, молодец! Он толкнул бортовой люк, высунулся и закричал:

— Эге-ге! Держись, дружище! Вдвоем мы тут с тобой год простоим!..

Он посмотрел на приборы и сразу забыл обо всем. Емкости были на исходе: светящаяся стрелка под запыленным стеклом упиралась в ограничитель. Он быстро взглянул в зеркало заднего вида, и у него немного отлегло от сердца. В белом небе над крышами поселка висело быстро уменьшающееся темное пятнышко. Еще минут десять, подумал он. Теперь ясно было видно, что фронт Волны перед поселком прогнулся. Волна обтекала зону действия «харибд» с востока и с запада.

Роберт посидел немного, стиснув зубы. Вся его энергия уходила на то, чтобы отогнать видение обгорелого трупа в водительском кресле. Хорошо бы научиться по желанию выключать воображение... Он встрепнулся и принялся открывать все люки, какие только мог вспомнить. Тяжелый круглый люк над головой. Люк слева — настезь его! Люк справа уже приоткрыт — тоже настезь... Дверцу за спиной, ведущую в машинное отделение... Нет, ее лучше закрыть — взрыв происходит, наверное, именно там, в емкостях... На засов ее, на засов... Как раз в этот момент соседняя «харибда» взорвалась.

Роберт услышал короткий оглушительный гром, его толкнуло горячим воздухом, и, высунувшись из люка, он увидел, что на месте соседа стоит огромная туча желтой пыли, закрывающая степь, и небо, и Волну, а в глубине тучи что-то тлеет ярким вздрагивающим светом. Что-то прошелестело в воздухе и звонко стукнулось о броню. Роберт глянул на приборы и одним движением выбросился через левый люк.

Он упал ничком в горячую сухую траву, сейчас же вскочил и, пригибаясь, пустился бегом к поселку. Так он не бегал никогда в жизни. Его «харибда» взорвалась, когда он был уже в палисаднике крайнего дома. Он даже не оглянулся, только втянул голову в плечи, согнулся еще ниже и побежал еще быстрее. Вечная тебе слава, твердил он. Вечная

тебе слава!.. Потом он сообразил, что повторяет эти слова с того момента, когда увидел на месте соседней «харибды» этот жуткий столб пыли.

Площадь была пуста, газоны вытоптаны, всюду валялись ценнейшая уникальная аппаратура, коробки с уникальными записями, и легкий ветерок лениво перелистывал уникальные дневники уникальных наблюдений.

Тяжело дыша, Роберт пересек площадь и подбежал к флаеру. Двигатель флаера работал, а на водительском месте с обычным своим сонным видом сидел Патрик.

— Ну, вот и ты, — сказал Патрик ласково. Роберт ошарашенно смотрел на него. — Я уж думал, ты там остался. Садись скорее, надо уносить ноги. У нее скорость сейчас — ой-ей-ей!..

Роберт повалился на сиденье рядом с ним.

— Погоди, — сказал он, задыхаясь. — Может быть, второй... тоже спасся? Кто это был? Маляев, Гофман?..

Патрик неуклюже завертел рукояткой, выводя флаер для разгона.

— Второй — это я, — сказал он застенчиво.

— Ты?

— Я, — повторил Патрик и нервно хихикнул. Он вырулил флаер на дорожку и наконец поднял его. — Я почувствовал, что взрываюсь, вылез и убежал. Здорово громынуло, верно? Меня до самого поселка катило...

Поселок медленно повернулся под ними и скользнул назад. Ай да Патрик, подумал Роберт с недоумением.

— А моя посильнее грохнула, — заявил Патрик. — Как тебе кажется, Роб, а?..

— Куда ты летишь? — спросил Роберт.

— В Холодные Ручьи, — сказал Патрик. — Новая база будет там.

Глава 7

Роберт посмотрел через плечо. Ничего уже не было видно, кроме белесого неба и зеленых полей. Два раза я уже сегодня от нее уходил, подумал он. Не миновать и третьего.

— Что теперь будет? — спросил он.

Патрик выпятил толстые губы.

— Плохо будет. У нее огромный запас инерции.

— Ты пробовал подсчитать?

— Да.

— Ну?

Патрик тяжело вздохнул и ничего не ответил. Роберт, сдвинув брови, смотрел прямо перед собой. Потом он включил рацию флаера и настроился на Детское. Он несколько раз нажал на клавишу вызова, но Детское не отзывалось. Не надо беспокоиться, думал он. Летний праздник и все такое. Как странно, они еще ничего не знают. И пусть ничего не знают. Буду знать только я. Он опять спросил:

— Куда мы летим?

— Ты уже спрашивал.

— Ах, да... Патрик, дружище, тебе очень нужно в эти Ручьи?

— Конечно. Куда же нам еще?

Роберт откинулся на сиденье.

— Да, — сказал он. — Зря ты остался.

— В каком смысле «зря»?

— Ты можешь побыстрее?

— Могу...

— А еще быстрее?

Патрик промолчал. Двигатель клокотал, захлебываясь воздухом.

— Мы всегда торопимся, — пробормотал Патрик. — Всегда нас что-то или кто-то подгоняет. Быстрее, еще быстрее... А нельзя ли еще быстрее? Можно, отвечаем мы. Пожалуйста!.. Нет времени осмотреться. Нет времени подумать. Нет времени разобраться — зачем и стоит ли? А потом появляется Волна. И мы опять торопимся.

— Подавай больше горючего, — сказал Роберт. Он думал совсем о другом. — И держи правее.

Патрик замолчал. Внизу проносились зеленые поля созревающего хлеба, редкие белые домики синоптических станций. Было видно, как прямо через хлеба гнали на юг скот. Киберпастухи казались с этой высоты крошечными блестящими звездочками. Все это было уже не нужно.

— Ты не слышал что-нибудь о «Стреле»? — спросил Роберт.

— Нет. «Стрела» далеко. Она не успеет. Брось об этом думать, Роб!

— О чем же мне еще думать? — пробормотал Роберт.

— А ни о чем. Сядь поудобнее и смотри вокруг. Не знаю, как ты, а я ничего этого раньше не замечал. По-моему, я никогда даже не видел эту зеленую волну на хлебах от ветра... Волну! Тьфу! А знаешь, когда я все это впервые увидел? Знаешь? Когда смотрел в степь через железную заслонку на «харибде». Я все смотрел на эту черноту и вдруг увидел степь и понял, что всему конец. И мне стало ужасно жалко этого. А землеройки смотрели на Волну и ничего не понимали... И знаешь, что я открыл, Роб? Где-то мы просчитались.

Роберт молчал. Поздно спохватился, думал он. Надо было смотреть раньше, хотя бы в окно.

Внизу проплывали белые прямоугольники зданий, бетонированные площади, полосатые башни энергоантенн — это была одна из многочисленных энергетических станций северного пояса.

— Снижайся, — сказал Роберт.

— Куда?

— Вон площадь — видишь? — где птерокары.

Патрик глянул через борт.

— Действительно, — сказал он. — А зачем?

— Возьмешь себе птерокар, а мне отдашь флаер.

— Что ты задумал? — спросил Патрик.

— Полетишь дальше один. Мне в Ручьи не надо. Снижайся.

Патрик послушно пошел на посадку. Флаер он все-таки водил отвратительно. Роберт разглядывал площадь.

— Превосходная организация, — пробормотал он насмешливо. — Мы там давимся, все бросаем, а здесь на двух дежурных три птерокара.

Флаер неуклюже сел между птерокарами. Роберт прикусил язык.

— Ох! — сказал он. — Ну, вылезай, вылезай.

Патрик очень медленно и неохотно слез с сиденья.

— Роб, — сказал он неуверенно, — может быть, это не мое дело, но что же ты все-таки задумал?

Роберт проворно передвинулся на его место.

— Не беспокойся, ничего страшного. Ты справишься с птерокаром?

Патрик стоял, опустив руки, и лицо его приняло жалостливое выражение.

— Роб, — сказал он. — Смотри на вещи трезво. Над Волной плазмовый барьер в сто километров. Тебе не перепрыгнуть.

Роберт с изумлением посмотрел на него.

— Он уже давно погиб, — сказал Патрик. — Первый раз ты мог ошибиться, но теперь там прошла Волна.

— О чем ты? — спросил Роберт. — Я не собираюсь прыгать через Волну, будь она проклята. У меня есть дело поважнее. Прощай. Передай Маляеву, я не вернусь. Прощай, Патрик.

— Прощай, — сказал Патрик.

— Ты мне так и не сказал, справишься ты с птерокаром или нет?

— Справлюсь, — печально сказал Патрик. — Птерокар я знаю хорошо. Эх, Роб!..

Роберт круто взял на себя ручку управления, и когда он через пять минут оглянулся, энергостанция уже скрылась за горизонтом. До Детского было два часа лету. Роберт проверил горючее, послушал двигатель, перевел его на самый экономичный режим и включил киберпилот. Потом он снова попробовал вызвать Детское. Детское молчало. Роберт хотел выключить рацию, но подумал и переключил приемник на самонастройку.

— ...девятого класса Асмодей Барро нашел во время экскурсии окаменевшие организмы, напоминающие морских ежей. Место находки отстоит довольно далеко от побережья...

— ...совещание у директора. Здесь ходят какие-то странные слухи. Говорят, Волна дошла до Гринфилда. Не вернуться ли мне на базу? Сейчас, по-моему, не до ульмотронов.

— ...поставить своими силами не удастся. У нас нет Отелло. Если говорить откровенно, идея ставить Шекспира представляется мне абсурдной. Не думаю, чтобы мы оказались способны на новую интерпретацию, а ждать, пока...

— ...Витя, как ты меня слышишь? Витя, изумительная новость! Буллит раскодировал этот ген. Возьми бумагу и пиши. Шесть... Одиннадцать... Одиннадцать, говорю...

— Внимание, Радуга! Начальникам всех поисковых партий. Начать эвакуацию. Обратить особое внимание на то, чтобы все летательные транспортные средства класса не ниже «медузы» были доставлены в Столицу.

— ...небольшой голубой коттеджик прямо на берегу. Здесь очень свежий воздух, превосходное солнце. Я никогда не любила Столицу и никогда не понимала, зачем ее построили на экваторе. Что? Ну конечно, ужасно душно...

— ...Сойер! Сойер! Я Канэко. Немедленно меняй курс. Художники уже нашлись. Иди на юг. Разыщи третий вертолет. Третий вертолет не прибыл...

— Внимание, испытатели! Сегодня в четырнадцать часов состоится внеплановый нуль-запуск человека к Земле. Просьба прибыть в Институт не позже тринадцати часов...

— ...Ничего не понимаю. Никак не могу связаться с директором. Все каналы заняты. Ты не знаешь, что происходит?

— Адольф! Адольф! Умоляю, откликнись! Умоляю, возвращайся немедленно! Еще есть шанс попасть на звездолет!.. (Голос стал уплывать, но Роберт придержал верньер.) Страшная катастрофа! Почему-то об этом ничего не сообщают, но мне сказали, что Радуга обречена! Возвращайся немедленно! Я хочу быть с тобой сейчас...

Роберт отпустил верньер.

— ...как всегда. У Веселовского. Нет, Синица читает новые стихи. По-моему, любопытные. Мне кажется, они должны тебе понравиться. Нет, это, конечно, не шедевр, однако...

— ...Почему же, я все прекрасно понимаю. Но посуди сам, «Таризель-Второй» — это десантный звездолет. Ты пробовал прикинуть, сколько людей он может взять? Нет, я уж останусь здесь. Вера тоже решила остаться. Не все ли равно, где...

— Следопыты, Следопыты! Место сбора — Столица. Все в Столицу! Забирайте с собой «кроты», будем рыть убежище. Может быть, успеем...

— ...«Таризель», говорите? Знаю, как же, Горбовский. Да, грузоподъемность у него, к сожалению, невелика. Ну что ж... Я предлагаю приблизительно такой список: от дискретников — Пагава, от волновиков — Аристотель, может быть Маляев, от барьерщиков я бы рекомендовал Форстера... Ну и что же, что он старый? Он велик! Вам, голубчик, сорок лет, и вы, я вижу, плохо представляете себе психологию старика. Всего-то навсего осталось жить лет пять-десять, и то не дают...

— Габа! Габа! Слышал о нуль-запуске? Что? Занят? Вот странный человек... Я лечу в Институт. Почему же я с ума сошел? Да знаю я все это, знаю... Именно сейчас! А если

вдруг получится? Ну, прощай. Ищи то, что от меня останется, где-нибудь возле Проциона...

— Опять физики что-то взорвали на Северном полюсе. Надо бы слетать посмотреть, но тут прибыл какой-то вертолет, и нас всех приглашают в Столицу... Ах, вас тоже? Странно!.. Ну, там увидимся.

Роберт выключил рацию. «Таризель-Второй», десантник... Он взял управление от киберпилота и до предела увеличил обороты двигателя. Хлеба внизу кончились, началась полоса тропических лесов. Ничего нельзя было разглядеть в пестрой желто-зеленой путанице, но Роберт знал, что там, под сенью исполинских деревьев, проходят прямые шоссе и по этим шоссе, вероятно, уже мчатся на запад машины с беженцами. Несколько тяжелых грузовых вертолетов прошло на юго-запад где-то возле самого горизонта. Они скрылись из виду, и Роберт снова остался один. Он вытащил радифон и набрал номер Патрика. Патрик долго не откликнулся. Наконец послышался его голос:

— Алло?

— Патрик, это я, Скляр. Патрик, что известно о Волне?

— Все то же, Роб. Берег Пушкина затоплен. Аодзора сгорела. Рыбачий горит сейчас. Несколько «харибд» уцелело, их оттаскивают на буксире к Столице. А ты где?

— Это неважно, — сказал Роберт. — Сколько от Волны до Детского?

— До Детского? Зачем тебе Детское? До Детского далеко. Слушай, Роб, если уцелеешь, срочно лети в Столицу. Мы все там будем через полчаса. — Он вдруг хихикнул. — Маляева пытались всадить в звездолет. Жалко, тебя не было. Он разбил Гасану нос. А Пагава куда-то спрятался.

— А тебя не пытались всадить?

— Ну зачем же ты так, Роб...

— Ладно, извини. Значит, от Детского Волна пока далеко?

— Не то чтобы очень далеко... Час-полтора...

— Спасибо, Патрик. До свидания.

Роберт снова попытался связаться с Таней, на этот раз по радифону. Он ждал пять минут. Таня не отвечала...

Детское было пусто. Над стеклянными спальнями, над садами, над пестрыми коттеджами висела тишина. Здесь не было того панического беспорядка, который оставили после себя нулевики в Гринфилде. Песчаные дорожки были аккуратно подметены, парты в саду стояли, как всегда, ровными рядами, постели были старательно прибраны. Только на дорожке перед Таниным коттеджем валялась на песке забытая кукла. Возле куклы сидел большеглазый пушистый ручной калям. Он старательно обнюхивал ее, поглядывая на Роберта с добродушным любопытством.

Роберт вошел в Танину комнату. Здесь было, как всегда, чисто, светло и хорошо пахло. На столе лежала раскрытая тетрадь, через спинку стула свисало большое махровое полотенце. Роберт потрогал его — оно было еще влажное.

Роберт постоял у стола, потом рассеянно скользнул взглядом по тетради. Он дважды прочел свое имя, прежде чем это дошло до его сознания. Имя было написано большими печатными буквами.

«РОБИК! Нас срочно эвакуировали в Столицу. Ищи меня в Столице. Непременно найди! Нам еще ничего не говорили, но, кажется, надвигается что-то страшное. Ты мне нужен, Робик. Найди меня. Твоя Т.»

Роберт вырвал листок из тетради, сложил вчетверо и спрятал в карман. Он последний раз окинул взглядом Танину комнату, открыл стенной шкаф, потрогал ее платье, снова закрыл шкаф и вышел из коттеджа.

От Таниного коттеджа было хорошо видно море — спокойное, похожее на застывшее зеленое масло. Десятки тропинок вели через траву к желтому пляжу, на котором были разбросаны шезлонги и топчаны. Несколько лодок лежали вверх килем у

самой воды. А горизонт на севере горел нестерпимо яркими солнечными бликами. Роберт быстро пошел к флаеру. Он перешагнул через борт, остановился и снова оглянулся на море. И вдруг он понял: это было не солнце, это был гребень Волны.

Он устало опустил на сиденье и тронул флаер. То же самое и на юге, подумал он. Она теснит нас с севера и с юга. Мышеловка. Коридор между двух смертей. Флаер снова понесся над тропическим лесом. Сколько еще осталось, думал он. Два часа, три? Два места в звездолете, десять?

Лес под флаером вдруг кончился, и Роберт увидел на обширной лужайке большой пассажирский аэробус, окруженный толпой людей. Он машинально притормозил и стал снижаться. Видимо, аэробус потерпел аварию, и все эти люди рядом с ним — странно, какие они все маленькие! — ждали, пока пилот исправит повреждение. Он увидел пилота — огромного чернокожего человека, копавшегося в двигателе. Затем он понял, что это дети, и тут же увидел Таню. Она стояла возле пилота и принимала от него какие-то детали.

Флаер упал в десяти шагах от аэробуса, и все сейчас же обернулись к нему. Но Роберт видел только Таню, ее прекрасное измученное лицо, тонкие руки, прижимающие к груди испачканные железки, и удивленно расширившиеся глаза.

— Это я, — сказал Роберт. — Что случилось, Таня?

Таня молча смотрела на него, и тогда он поглядел на чернокожего пилота и узнал Габу. Габа широко заулыбался и крикнул:

— А, Роберт! Иди-ка сюда, помоги! Таня — чудесная девочка, но она никогда не имела дела с аэробусами! И я тоже! А у него все время глохнет двигатель!

Дети — семилетние мальчишки и девчонки — рассматривали Роберта с интересом. Роберт подошел к аэробусу и, мимоходом ласково коснувшись щекой Таниных волос, заглянул в двигатель. Габа похлопал его по спине. Они хорошо знали друг друга. Они отлично сошлись — Роберт и десять отчаянно скучающих нуль-испытателей, которые уже два года сидели здесь без дела после неудачного опыта с собакой Фимкой.

То, что Роберт увидел в двигателе, заставило его на секунду задержать дыхание. Да, Габа, по-видимому, действительно не имел никогда раньше дела с аэробусами. Сделать ничего было нельзя — кончилось горючее. Габа совершенно напрасно почти разобрал двигатель. Это бывает. Такое бывает даже с самыми опытными водителями: в аэробусах не часто кончается горючее. Роберт украдкой поглядел на Таню. Она все прижимала к груди грязные от смазки взрывные цилиндры и ждала.

— Итак? — бодро спросил Габа. — Правильно мы гршили на вот этот рычаг, не знаю, как он там называется?

— Что ж, — сказал Роберт, — очень возможно. — Он взялся за рычаг и подергал его. — Кто-нибудь знает, что вы здесь засели?

— Я сообщал, — ответил Габа. — Но у них там не хватает машин. Ты знаешь историю с эмбриозародышами?

— Ну, ну, — сказал Роберт, бесцельно, но очень аккуратно очищая паз подающего рычага. Он нагнулся так, чтобы его лица не было видно.

— Понадобился транспорт. Канэко стал выращивать «медузы», а оказалось, что это не «медузы», а кибернетические кухни. Ошибка снабжения, а? — Габа захохотал. — Как тебе это нравится?

— Сплошной смех, — сказал Роберт сквозь зубы.

Он поднял голову и осмотрел небо. Он увидел пустую белесую синеву и на севере над верхушками далеких деревьев ослепительно яркий гребень Волны. Тогда он мягко опустил откинутый капот, пробормотал: «Та-ак... Посмотрим!» — и обошел аэробус с другой стороны, где никого не было. Там он сел на корточки, прижавшись лбом к блестящей полированной обшивке. По другую сторону аэробуса Габа нежным гроыхающим голосом запел:

One is none, two is some,
 Three is a many, four is a penny,
 Five is a little hundred...¹

Открыв глаза, Роберт увидел его пляшущую тень на траве — тень от поднятых рук с растопыренными пальцами. Габа развлекал детей. Роберт выпрямился и, распахнув дверцу, влез в аэробус. В кресле водителя сидел мальчик, ожесточенно вцепившийся в рукоятки управления. Он выделывал рукоятками необычайные фигуры и при этом свистел и дудел.

— Смотри — оторвешь, — сказал Роберт.

Мальчик не обратил на него внимания.

Роберт хотел включить СОС-маяк, но увидел, что маяк уже включен. Тогда он снова оглядел небо. Через спектролит фонаря небо казалось нежно-голубым, и оно было совершенно пустое. Надо решаться, подумал он. Он покосился на мальчика. Мальчуган азартно изображал рев ветра.

— Выйди-ка сюда, Роб, — сказал Габа. Он стоял возле двери.

Роберт вышел.

— Прикрой дверь, — сказал Габа.

Было слышно, как Таня рассказывает что-то ребятишкам по ту сторону аэробуса и как свистит и дудит мальчик на сиденье пилота.

— Когда она будет здесь? — спросил Габа.

— Через полчаса.

— Что случилось с двигателем?

— Нет горячего.

Лицо Габы сделалось серым.

— Почему? — бессмысленно спросил он. Роберт промолчал. — А в твоём флаере?

— Такому сундуку этого не хватит и на пять минут.

Габа ударил себя кулаками по лбу и сел на траву.

— Ты механик, — сказал он хрипло. — Придумай что-нибудь.

Роберт прислонился к аэробусу.

— Помнишь сказочку про волка, козу и капусту? Здесь дюжина ребятишек, женщина и мы с тобой. Женщина, которую я люблю больше всех людей на свете. Женщина, которую я спасу во что бы то ни стало. Так вот. Флаер двухместный...

Габа покивал.

— Понимаю. Тут и говорить не о чем, конечно. Пусть Таня садится во флаер и берет с собой столько ребятишек, сколько туда влезет...

— Нет, — сказал Роберт.

— Почему нет? Через два часа они будут в Столице.

— Нет, — повторил Роберт. — Это не спасет ее. Волна будет в Столице через три часа. Там ждет звездолет. Таня должна улететь на нем. Не спорь со мной! — яростно прошептал он. — Возможны только два варианта: либо лечу я с Таней, либо с Таней летишь ты, но тогда ты поклянешься мне всем святым, что Таня улетит в этом звездолете! Выбирай.

— Ты сошел с ума! — сказал Габа. Он медленно поднимался с травы. — Это дети! Опомнись!..

— А те, кто останется здесь, они не дети? Кто выберет троих, которые полетят в Столицу и на Землю? Ты? Иди выбирай!

Габа беззвучно открывал и закрывал рот. Роберт посмотрел на север. Волна была видна уже хорошо. Сияющая полоса поднималась все выше, таща за собой тяжелый черный занавес.

¹ Английская детская считалка.

— Ну? — сказал Роберт. — Ты клянешься?

Габа медленно покачал головой.

— Тогда прощай, — сказал Роберт.

Он сделал шаг вперед, но Габа преградил ему дорогу.

— Дети! — сказал он почти беззвучно.

Роберт обеими руками схватил его за отвороты куртки и приблизил лицо вплотную к его лицу.

— Таня! — сказал он.

Несколько секунд они молча смотрели друг другу в глаза.

— Она возненавидит тебя, — тихо сказал Габа.

Роберт отпустил его и засмеялся.

— Через три часа я тоже умру, — сказал он. — Мне будет все равно. Прощай, Габа.

Они разошлись.

— Она не полетит с тобой, — сказал Габа вдогонку.

Роберт не ответил. Я это и сам знаю, подумал он. Он обошел аэробус и длинными прыжками побежал к флаеру. Он видел лицо Тани, обращенное к нему, и смеющиеся лица детишек, окружавших Таню, и он весело помахал им рукой, чувствуя сильную боль в мускулах лица, судорожно свернутых в беззаботную улыбку. Он подбежал к флаеру, заглянул внутрь, затем выпрямился и крикнул:

— Танюшка, иди-ка помоги мне!

И в это же мгновение с другой стороны аэробуса появился Габа. Он скакал на четвереньках.

— А ну, что вы здесь скучаете? — заорал он. — Кто поймает Шер-Хана — великого тигра джунглей?!

Он испустил протяжный рык и, брыкнув ногами, помчался на четвереньках в лес. Несколько секунд ребятишки, открыв рты, смотрели на него, потом кто-то весело взвизгнул, кто-то воинственно завопил, и всей толпой они побежали за Габой, который уже выглядывал с рычанием из-за деревьев.

Таня, оглядываясь и удивленно улыбаясь, подошла к Роберту.

— Как странно, — сказала она. — Словно и нет никакой катастрофы.

Роберт все глядел вслед Габе. Никого уже не было видно, но смех и визг, хруст кустарников и грозный рык Шер-Хана явственно доносились из чащи.

— Как ты странно улыбаешься, Робик, — сказала Таня.

— Чудак этот Габа! — сказал Роберт и сейчас же пожалел: надо было молчать. Голос не слушался его.

— Что случилось, Роб? — сразу спросила Таня.

Он невольно посмотрел поверх ее головы. Она тоже обернулась и тоже посмотрела и испуганно прижалась к нему.

— Что это? — спросила она.

Волна уже доходила до солнца.

— Надо спешить, — сказал Роберт. — Полезай в кабину и подними сиденье.

Она ловко прыгнула в кабину, и тогда он огромным прыжком вскочил вслед за нею, обхватил ее плечи правой рукой и стиснул так, чтобы она не смогла двинуться, и с места рванул флаер в небо.

— Роби! — прошептала Таня. — Что ты делаешь, Роби?!.

Он не смотрел на нее. Он выжимал из флаера все, что можно. И только краем глаза он увидел внизу поляну, одинокий аэробус и маленькое лицо, с любопытством выглядывающее из водительской кабины.

Глава 8

Дневная жара уже начала спадать, когда последние птерокары, переполненные и перегруженные, сели, ломая шасси, на улицах, прилегающих к площади перед зданием Совета. Теперь на эту обширную площадь собралось почти все население планеты.

С севера и с юга медленно втянулись в город гремящие колонны уродливых землеройных «кротов» с опознавательными знаками Следопытов и с желтыми молниями строителей-энергетиков. Они стали лагерем посередине площади и после стремительного совещания, на котором выступили только два человека — по три минуты вполголоса каждый, — принялись рыть глубокую шахту-убежище. «Кроты» оглушительно загрохотали, взламывая бетон покрытия, а затем один за другим, нелепо выгибаясь, стали уходить в землю. Вокруг шахты быстро выросла кольцевая гора измельченного грунта, и над площадью возник и повис душный кислотный запах денатурированного базальта.

Физики-нулевики заполнили пустующие этажи театра напротив здания Совета. Весь день они отступали, цепляясь аварийными отрядами «харибд» за каждый наблюдательный пункт, за каждую станцию дальнего контроля, спасая все, что успевали спасти из оборудования и научной документации, каждую секунду рискуя жизнью, пока категорический приказ Ламондуа и директора не созвал их в Столицу. Их узнавали по возбужденному, виновато-вызывающему виду, по неестественно оживленным голосам, по несмешным шуткам со ссылками на специальные обстоятельства и по нервному громкому смеху. Теперь они под руководством Аристотеля и Пагавы отбирали и переснимали на микропленку самые ценные материалы для эвакуации с планеты.

Большая группа механиков и метеорологов вышла на окраину города и принялась строить конвейерные цехи для производства небольших ракет. Предполагалось грузить эти ракеты важнейшей документацией и выбрасывать их за пределы атмосферы в качестве искусственных спутников, с тем чтобы позже их подобрали и доставили на Землю. К ракетчикам присоединилась часть аутсайдеров — тех, кто инстинктивно чувствовал, что не в силах ждать сложа руки, и тех, кто действительно мог и желал помочь, и тех, кто искренне верил в необходимость спасения важнейшей документации.

Но на площади, забитой «гепардами», «медузами», «биндюгами», «дилижансами», «кротами», «грифами», осталось еще очень много людей. Здесь были биологи и планетологи, потерявшие на оставшиеся часы смысл жизни, аутсайдеры — художники и артисты, — ошеломленные неожиданностью, рассерженные, потерявшие, не знающие, что делать, куда идти и кому предъявлять претензии. Какие-то очень выдержанные и спокойные люди неторопливо беседовали на разнообразные темы, собираясь кучками среди машин. И еще какие-то тихие люди, молча и понуро сидящие в кабинах или жмущиеся к стенам зданий.

Планета опустела. Все население — каждый человек был вызван, вывезен, выловлен из самых ее отдаленных и глухих уголков и доставлен в Столицу. Столица находилась на экваторе, и теперь на всех широтах планеты, северных и южных, было пусто. Лишь несколько человек осталось там, заявив, что им все равно, да где-то над тропическими лесами потерялся аэробус с детьми и воспитателем и тяжелый «гриф», высланный на его поиски.

Под серебристым шпилем в течение последних часов непрерывно заседал Совет Радуги. Время от времени репродуктор всеобщего оповещения голосом директора или Канэко вызывал по именам самых неожиданных людей. Они бежали к зданию Совета и скрывались за дверью, а затем выбегали, садились в птерокары или флаеры и улетали из города. Многие из тех, кто не был занят делом, провожали их завистливыми взглядами. Неизвестно было, какие вопросы обсуждаются на Совете, но репродукторы всеобщего оповещения уже проревели главное: угроза катастрофы является совершенно реальной; в распоряжении Совета имеется всего один десантный звездолет малой грузоподъемности; Детское эвакуировано, и дети размещены в городском парке под наблюдением

воспитателей и врачей; лайнер-звездолет «Стрела» непрерывно поддерживает связь с Радугой и находится на пути к ней, но прибудет не ранее чем через десять часов. Трижды в час дежурный Совета информировал площадь о положении фронтов Волны. Репродуктор гремел: «Внимание, Радуга! Передаем информацию...» И тогда площадь замолкала, и все жадно слушали, досадливо оглядываясь на шахту, из которой доносился гулкий рокот «кротов». Волна двигалась странно. Ее ускорение то увеличивалось — и тогда люди мрачнели и опускали глаза, — то уменьшалось — и тогда лица светлели и появлялись неуверенные улыбки, — но Волна двигалась, горели посева, вспыхивали леса, пылали оставленные поселки.

Официальной информации было очень мало — может быть, потому, что некому и некогда было ею заниматься, и, как всегда в таких случаях, основным видом информации становились слухи.

Следопыты и строители все глубже врывались в землю, и поднимавшиеся из шахты измазанные усталые люди кричали, весело скаля зубы, что им нужно еще каких-нибудь два-три часа — и они закончат глубокое и достаточно просторное убежище для всех. На них смотрели с некоторой надеждой, и надежда эта подкреплялась упорными слухами о расчете, якобы произведенном Этьеном Ламондуа, Пагавой и каким-то Патриком. Согласно этому расчету северная и южная Волны, столкнувшись на экваторе, должны «взаимно энергетически свернуться и деритринитировать», поглотив большое количество энергии. Говорили, что после этого на Радуге должен выпасть слой снега толщиной в полтора метра.

Говорили также, что полчаса тому назад в Институте дискретного пространства, слепые белые стены которого мог увидеть с площади любой желающий, удалось наконец осуществить успешный нуль-запуск человека к Солнечной системе, и даже назвали имя пилота, первого в мире нуль-перелетчика, в настоящую минуту якобы благополучно пребывающего на Плутоне.

Рассказывали о сигналах, полученных из-за южной Волны. Сигналы были чрезвычайно сильно искажены помехами, но их удалось дешифровать, и тогда якобы выяснилось, что несколько человек, добровольно оставшихся на одной из энергостанций на пути Волны, выжили и чувствуют себя удовлетворительно, что и свидетельствует о том, что П-волна, в отличие от Волн ранее известных типов, не представляет реальной опасности для жизни. Называли даже имена счастливцев, и нашлись люди, знавшие их лично. В подтверждение передавали рассказ очевидца о том, как известный Камилл выскочил из Волны на горящем птерокаре и пронесся мимо чудовищной кометой, что-то крича и размахивая рукой.

Большое распространение получил слух о том, что один старый звездолетчик, работающий сейчас в шахте, сказал якобы примерно следующее: «Командира «Стрелы» я знаю сто лет. Если он говорит, что будет не раньше чем через десять часов, то это значит, что он будет не позже чем через три часа. И не надо кивать на Совет. Там сидят дилетанты, представления не имеющие о том, что такое современный звездолет и на что он способен в опытных руках».

Мир вдруг потерял простоту и ясность. Стало трудно отделять правду от неправды. Самый честный человек, знакомый вам с детства, мог с легким сердцем солгать только для того, чтобы вас поддержать и успокоить, а через двадцать минут вы видели его уже согнувшимся в тоске под тяжестью нелепого слуха о том, что Волна, мол, хотя и не опасна для жизни, но необратимо уродует психику, отбрасывая ее на уровень пещерной.

Люди на площади видели, как в здание Совета вошла высокая большая женщина с заплаканным лицом, ведущая за руку мальчика лет пяти в красных штанишках. Многие узнали ее — это была Женя Вязаницына, жена директора Радуги. Она вышла очень скоро в сопровождении Канэко, который вежливо, но твердо вел ее под локоть. Она больше не плакала, но на лице ее была такая свирепая решимость, что люди испуганно сторонились, уступая ей дорогу. Мальчик спокойно грыз пряник.

Тем, кто был занят, было много лучше. Поэтому большая группа художников, писателей и артистов, проспоровив до хрипоты, приняла наконец окончательное решение и двинулась к окраине города к ракетчикам. Вряд ли они могли чем-нибудь серьезно помочь, но они были уверены, что им найдут дело. Некоторые спустились в шахту, где велись уже горизонтальные выработки. А несколько опытных пилотов сели в птерокары и умчались к северу и к югу, чтобы присоединиться к наблюдателям Совета, уже несколько часов играющим в пятнашки со смертью.

Оставшиеся видели, как перед подъездом Совета опустился опаленный, весь в пятнах и вмятинах флаер. Из него с трудом вылезли двое, постояли на трясущихся ногах и двинулись к дверям, поддерживая друг друга. Лица их были желтые и опухшие, и в них только с трудом признали молодого физика Карла Гофмана и испытателя-нулевика Тимоти Сойера, известного искусством игры на банджо. Сойер только мотал головой и мычал, а Гофман, некоторое время посипев горлом, невнятно рассказал, что они только что пытались перепрыгнуть через Волну, подошли к ней на расстояние двадцати километров, но тут у Тима стало плохо с глазами, и они были вынуждены вернуться. Оказалось, что в Совете была выдвинута идея переброски населения на ту сторону Волны. Сойер и Гофман были разведчиками. И сейчас же кто-то рассказал, что двое Следопытов пытались поднырнуть под Волну в открытом море на исследовательском батискафе, но пока еще не вернулись, и ничего о них не известно.

К этому времени на площади осталось человек двести — меньше половины взрослого населения Радуги. Люди старались держаться группами. Они неторопливо переговаривались между собой, не отрывая глаз от окон Совета. На площади становилось тихо: «кроты» ушли глубоко, и рев их был едва слышен. Разговоры велись невеселые.

— Опять у меня испорчен отпуск. На этот раз, кажется, надолго.

— Убежище, подземелье... подполье... Снова наступает черная стена, и люди уходят в подполье.

— Жалко, что нет никакого настроения писать. Вы посмотрите, как красиво здание Совета. Какая цветовая глубина. Я бы с огромным удовольствием его написал... и передал бы это настроение напряженности и ожидания, но... Не могу. Тошно.

— Странно все-таки. Кажется, мы выбирали не тайный Совет. Типично жреческие замашки. Запереться в кабинете и обсуждать там судьбу планеты... Мне, в конце концов, не так уж и важно, о чем они там говорят, но это же неприлично...

— Мне очень не нравится Ананьев. Полюбуйтесь, вот уже два часа он сидит один, ни с кем не разговаривает и только все время точит ножичек... Пойду с ним поговорю. Пойдемте со мной, хотите?

— Аодзора сгорела... Моя Аодзора. Я ее строил. Теперь опять строить... А потом они ее опять сожгут.

— Мне их жалко. Вот мы с тобой сидим вдвоем, и, честное слово, ничего я не боюсь! А Матвей Сергеевич не может даже в последние часы побыть с женой. Нелепо все это. Зачем?

— Я сижу здесь и болтаю, потому что считаю: единственная возможность — это звездолет. А все остальное — это пшик, барахтанье, самодеятельность.

— Почему я сюда прилетел? Чем плохо мне было на Земле? Радуга, Радуга, как ты нас обидела...

В это время репродуктор всеобщего оповещения проревел:

— Внимание, Радуга! Говорит Совет! Созывается общее собрание населения планеты! Собрание состоится на площади Совета и начнется через пятнадцать минут. Повторяю...

Пробираясь через толпу к зданию Совета, Горбовский обнаружил, что пользуется необычайной популярностью. Перед ним расступались, на него показывали глазами и даже пальцами, с ним здоровались, его спрашивали: «Ну как там, Леонид Андреевич?» —

и за его спиной вполголоса произносили его фамилию, названия звезд и планет, с которыми он имел дело, а также названия кораблей, которыми он командовал. Горбовский, давно уже отвыкший от такой популярности, раскланивался, делал рукой салют, улыбался, отвечал: «Да пока все в порядке», — и думал: «Пусть теперь мне кто-нибудь скажет, что широкие массы больше не интересуются звездоплаванием». Одновременно он почти физически ощущал страшное нервное напряжение, царившее на площади. Это было чем-то похоже на последние минуты перед очень трудным и ответственным экзаменом. Напряжение это передалось и ему. Улыбаясь и отшучиваясь, он пытался определить настроение и коллективную мысль этой толпы и гадал, что они скажут, когда он объявит свое решение. Верю в вас, настойчиво думал он. Верю, верю во что бы то ни стало. Верю в вас, испуганные, настороженные, разочарованные, фанатики. Люди.

У самой двери его нагнал и остановил незнакомый человек в спецкостюме для шахтных работ.

— Леонид Андреевич, — сказал он, озабоченно улыбаясь. — Минуточку. Буквально одну минуточку.

— Пожалуйста, пожалуйста, — сказал Горбовский.

Человек торопливо рылся в карманах.

— Когда прибудете на Землю, — говорил он, — не откажите в любезности... Куда же оно запропастилось?.. Не думаю, чтобы это вас очень затруднило. Ага, вот оно... — Он вынул сложенный вдвое конверт. — Адрес тут есть, печатными буквами... Не откажитесь переслать.

Горбовский покивал.

— Я даже по-письменному могу, — сказал он ласково и взял конверт.

— Почерк отвратительный. Сам себя читать не могу, а сейчас писал в спешке... — Он помолчал, затем протянул руку. — Счастливого пути! Заранее спасибо вам.

— Как ваша шахта? — спросил Горбовский.

— Отлично, — ответил человек. — Не беспокойтесь за нас.

Горбовский вошел в здание Совета и стал подниматься по лестнице, обдумывая первую фразу своего обращения к Совету. Фраза никак не получалась. Он не успел подняться на второй этаж, когда увидел, что члены Совета спускаются ему навстречу. Впереди, ведя пальцем по перилам, легко ступал Ламондуа, совершенно спокойный и даже какой-то рассеянный. При виде Горбовского он улыбнулся странной, растерянной улыбкой и сейчас же отвел глаза. Горбовский посторонился. За Ламондуа шел директор, багровый и свирепый. Он буркнул: «Ты готов?» — и, не дожидаясь ответа, прошел мимо. Следом прошли остальные члены Совета, которых Горбовский не знал. Они громко и оживленно обсуждали вопрос об устройстве входа в подземное убежище, и в громкости этой и в их оживлении отчетливо чувствовалась фальшь, и было видно, что мысли их заняты совсем другим. А последним — на некотором расстоянии от всех — спускался Станислав Пишта, такой же широкий, дочерна загорелый и пышноволосяй, как двадцать пять лет назад, когда он командовал «Подсолнечником» и вместе с Горбовским штурмовал Слепое Пятно.

— Ба! — сказал Горбовский.

— О! — сказал Станислав Пишта.

— Ты что здесь делаешь?

— Ругаюсь с физиками.

— Молодец, — сказал Горбовский. — Я тоже буду. А пока скажи, кто здесь заведует детской колонией?

— Я, — ответил Пишта.

Горбовский недоверчиво посмотрел на него.

— Я, я! — Пишта усмехнулся. — Не похоже? Сейчас ты убедишься. На площади. Когда начнется сvara. Уверяю тебя, это будет совершенно непедagogичное зрелище.

Они стали медленно спускаться к выходу.

— Свара пусть, — сказал Горбовский. — Это тебя не касается. Где дети?

— В парке.

— Очень хорошо. Отправляйся туда и немедленно — слышишь? — немедленно начинай погрузку детей на «Гаризель». Там тебя ждут Марк и Перси. Ясли мы уже погрузили. Ступай быстро.

— Ты молодец, — сказал Пишта.

— А как же, — сказал Горбовский. — А теперь беги.

Пишта хлопнул его по плечу и вперевалку побежал вниз. Горбовский вышел вслед за ним. Он увидел сотни лиц, обращенных к нему, и услышал грохочущий голос Матвея, говорившего в мегафон:

— ...и фактически мы решаем сейчас вопрос, что является самым ценным для человечества и для нас как части человечества. Первым будет говорить заведующий детской колонией товарищ Станислав Пишта.

— Он ушел, — сказал Горбовский.

Директор оглянулся.

— Как ушел? — спросил он шепотом. — Куда?

На площади было очень тихо.

— Тогда разрешите мне, — сказал Ламондуа. Он взялся за мегафон.

Горбовский видел, как его тонкие белые пальцы плотно легли на судорожно стиснутые толстые пальцы Матвея. Директор отдал мегафон не сразу.

— Мы все знаем, что такое Радуга, — начал Ламондуа. — Радуга — это планета, колонизированная наукой и предназначенная для проведения физических экспериментов. Результаты этих экспериментов ждет все человечество. Каждый, кто приезжает на Радугу и живет здесь, знает, куда он приехал и где он живет. — Ламондуа говорил резко и уверенно, он был очень хорош сейчас — бледный, прямой, напряженный, как струна. — Мы все солдаты науки. Мы отдали науке всю свою жизнь. Мы отдали ей всю нашу любовь и все лучшее, что у нас есть. И то, что мы создали, принадлежит, по сути дела, уже не нам. Оно принадлежит науке и всем двадцати миллиардам землян, разбросанным по Вселенной. Разговоры на моральные темы всегда очень трудны и неприятны. И слишком часто разуму и логике мешает в этих разговорах наше чисто эмоциональное «хочу» и «не хочу», «нравится» и «не нравится». Но существует объективный закон, движущий человеческое общество. Он не зависит от наших эмоций. И он гласит: человечество должно познавать. Это самое главное для нас — борьба знания против незнания. И если мы хотим, чтобы наши действия не казались нелепыми в свете этого закона, мы должны следовать ему, даже если нам приходится для этого отступать от некоторых врожденных или заданных нам воспитанием идей. — Ламондуа помолчал и расстегнул воротник рубашки. — Самое ценное на Радуге — это наш труд. Мы тридцать лет изучали дискретное пространство. Мы собрали здесь лучших нуль-физиков Земли. Идеи, порожденные нашим трудом, до сих пор еще находятся в стадии освоения, настолько они глубоки, перспективны и, как правило, парадоксальны. Я не ошибусь, если скажу, что только здесь, на Радуге, существуют люди — носители нового понимания пространства и что только на Радуге есть экспериментальный материал, который послужит для теоретической разработки этого понимания. Но даже мы, специалисты, не способны сейчас сказать, какую гигантскую, необозримую власть над миром принесет человечеству наша новая теория. Не на тридцать лет — на сто, двести... триста лет будет отброшена наука.

Ламондуа остановился, лицо его пошло красными пятнами, плечи поникли. Мертвая тишина стояла над городом.

— Очень хочется жить, — сказал вдруг Ламондуа. — И дети... У меня их двое, мальчик и девочка; они там, в парке... Не знаю. Решайте.

Он опустил мегафон и остался стоять перед толпой весь обмякший, постаревший и жалкий.

Толпа молчала. Молчали нуль-физики, стоявшие в первых рядах, несчастные носители нового понимания пространства, единственные на всю Вселенную. Молчали художники, писатели и артисты, хорошо знавшие, что такое тридцатилетний труд, и слишком хорошо знавшие, что всякий шедевр неповторим. Молчали на горах выброшенной породы строители, тридцать лет работавшие бок о бок с нулевиками и для нулевиков. Молчали члены Совета — люди, которых считали самыми умными, самыми знающими, самыми добрыми и от которых в первую очередь зависело то, что должно было произойти.

Горбовский видел сотни лиц, молодых и старых, мужских и женских, и все они казались сейчас ему одинаковыми, необыкновенно похожими на лицо Ламондуа. Он отчетливо представлял себе, что они думают. Очень хочется жить: молодому — потому что он так мало прожил, старому — потому что так мало осталось жить. С этой мыслью еще можно справиться: усилие воли — и она загнана в глубину и убрана с дороги. Кто не может этого, тот больше ни о чем не думает, и вся его энергия направлена на то, чтобы не выдать смертельного ужаса. А остальные... Очень жалко труда. Очень жалко, невыносимо жалко детей. Даже не то чтобы жалко — здесь много людей, которые к детям равнодушны, но кажется подлым думать о чем-нибудь другом. И надо решать. Ох, до чего же это трудно — решать! Надо выбрать и сказать вслух, громко, что ты выбрал. И тем самым взять на себя гигантскую ответственность, совершенно непривычную по тяжести ответственность перед самим собой, чтобы оставшиеся три часа жизни чувствовать себя человеком, не корчиться от непереносимого стыда и не тратить последний вздох на выкрик «Дурак! Подлец!», обращенный к самому себе. Милосердие, подумал Горбовский.

Он подошел к Ламондуа и взял у него мегафон. Кажется, Ламондуа этого даже не заметил.

— Видите ли, — проникновенно сказал Горбовский в мегафон, — боюсь, что здесь какое-то недоразумение. Товарищ Ламондуа предлагает вам решать. Но понимаете ли, решать, собственно, нечего. Все уже решено. Ясли и матери с новорожденными уже на звездолете. (Толпа шумно вздохнула.) Остальные ребята грузятся сейчас. Я думаю, все поместятся. Даже не думаю, уверен. Вы уж простите меня, но я решил самостоятельно. У меня есть на это право. У меня есть даже право решительно пресекать все попытки помешать мне выполнить это решение. Но это право, по-моему, ни к чему. В общем-то товарищ Ламондуа высказал интересные мысли. Я бы с удовольствием с ним поспорил, но мне надо идти. Товарищи родители, вход на космодром совершенно свободный. Правда, простите, на борт звездолета подниматься не надо.

— Вот и все, — громко сказал кто-то в толпе. — И правильно. Шахтеры, за мной!

Толпа зашумела и задвигалась. Взлетело несколько птерокаров.

— Из чего надо исходить? — сказал Горбовский. — Самое ценное, что у нас есть, — это будущее...

— У нас его нет, — сказал в толпе суровый голос.

— Наоборот, есть! Наше будущее — это дети. Не правда ли, очень свежая мысль! И вообще нужно быть справедливыми. Жизнь прекрасна, и мы все уже знаем это. А детишки еще не знают. Одной любви им сколько предстоит! Я уж не говорю о нуль-проблемах. (В толпе зааплодировали.) А теперь я пошел.

Горбовский сунул мегафон одному из членов Совета и подошел к Матвею. Матвей несколько раз крепко ударил его по спине. Они смотрели на тающую толпу, на оживившиеся лица, сразу ставшие очень разными, и Горбовский пробормотал со вздохом:

— Забавно, однако. Вот мы совершенствуемся, совершенствуемся, становимся лучше, умнее, добрее, а до чего все-таки приятно, когда кто-нибудь принимает за тебя решение...

Глава 9

«Таризель-Второй», десантный сигма-Д-звездолет, создавался для переброски на большие расстояния небольших групп исследователей с минимальным комплектом лабораторного оборудования. Он был очень хорош для высадки на планеты с бешеными атмосферами, обладал огромным запасом хода, был прочен, надежен и на девяносто пять процентов состоял из энергетических емкостей. Разумеется, на корабле был жилой отсек из пяти крошечных кают, крошечной кают-компания, миниатюрного камбуза и вместительной рубки, сплошь заставленной пультами приборов управления и контроля. Был на корабле и грузовой отсек — довольно обширное помещение с голыми стенами и низким потолком, лишённое принудительного кондиционирования, пригодное (в самом крайнем случае) для устройства походной лаборатории. Нормально «Таризель-Второй» принимал на борт до десяти человек, считая с экипажем.

Детей грузили через оба люка: младших — через пассажирский, старших — через грузовой. Возле люков толпились люди, и их было гораздо больше, чем ожидал Горбовский. С первого же взгляда было видно, что здесь не только воспитатели и родители. Поодаль громоздились ящики с нерозданными ульмотронами и с оборудованием для Следопытов Лаланды. Взрослые были молчаливы, но у корабля стоял непривычный шум: писк, смех, тонкоголосое нестройное пение — тот гомон, который во все времена был так характерен для интернатов, детских площадок и амбулаторий. Знакомых лиц видно не было, только в стороне Горбовский узнал Алю Постышеву. Да и она была совсем другая — поникшая и грустная, одетая изящно и аккуратно. Она сидела на пустом ящике, положив руки на колени, и смотрела на корабль. Она ждала.

Горбовский вылез из птерокара и направился к звездолету. Когда он проходил мимо Али, она жалостно улыбнулась ему и сказала: «А я Марка жду». — «Да-да, он скоро выйдет», — ласково сказал Горбовский и пошел дальше. Но его сразу остановили, и он понял, что добраться до люка будет не так просто.

Крупный бородатый человек в панаме преградил ему дорогу.

— Товарищ Горбовский, — сказал он. — Я вас прошу, возьмите.

Он протянул Горбовскому длинный тяжелый сверток.

— Что это? — спросил Горбовский.

— Моя последняя картина. Я Иоганн Сурд.

— Иоганн Сурд, — повторил Горбовский. — Я не знал, что вы здесь.

— Возьмите. Она весит совсем немного. Это лучшее, что я сделал в жизни. Я привозил ее сюда на выставку. Это «Ветер»...

У Горбовского все сжалось внутри.

— Давайте, — сказал он и бережно принял сверток.

Сурд поклонился.

— Спасибо, Горбовский, — сказал он и исчез в толпе.

Кто-то крепко и больно схватил Горбовского за руку. Он обернулся и увидел молоденькую женщину. У нее дрожали губы и лицо было мокрое от слез.

— Вы капитан? — спросила она надорванным голосом.

— Да, да. Я капитан.

Она еще сильнее стиснула его руку.

— Там мой мальчик... На корабле... — Губы начали кривиться. — Я боюсь...

Горбовский сделал удивленное лицо.

— Но чего же? Там он в полной безопасности.

— Вы уверены? Вы обещаете мне?..

— Он там в полной безопасности, — повторил Горбовский решительно. — Это очень хороший корабль!

— Столько детей, — сказала она, всхлипывая. — Столько детей!..

Она отпустила его руку и отвернулась. Горбовский, потоптавшись в нерешительности, пошел дальше, загоразивая руками и боками шедевр Сурда, но его тут же схватили с обеих сторон под локти.

— Это весит всего три кило, — сказал бледный угловатый мужчина. — Я никогда никого ни о чем не просил...

— Вижу, — согласился Горбовский. Это действительно было заметно.

— Здесь отчет о наблюдениях Волны за десять лет. Шесть миллионов фотокопий.

— Это очень важно! — подтвердил второй человек, державший Горбовского за левый локоть. У него были толстые добрые губы, небритые щеки и маленькие умоляющие глазки. — Понимаете, это Маляев... — Он указал пальцем на первого. — Вы непременно должны взять эту папку...

— Помолчите, Патрик, — сказал Маляев. — Леонид Андреевич, поймите... Чтобы это больше не повторилось... Чтобы больше никогда, — он задохнулся, — чтобы больше никто и никогда не ставил перед нами этот позорный выбор...

— Несите за мной, — сказал Горбовский. — У меня заняты руки.

Они отпустили его, и он сделал шаг вперед, но ударился коленом о большой, закутанный в брезент предмет, который с явным трудом держали на весу двое юношей в одинаковых синих беретах.

— Может, возьмете? — пропыхтел один.

— Если можно... — сказал другой.

— Мы два года ее строили...

— Пожалуйста.

Горбовский покачал головой и стал их осторожно обходить.

— Леонид Андреевич, — жалобно сказал первый. — Мы вас умоляем.

Горбовский снова покачал головой.

— Не унижайся, — сказал второй сердито. Он вдруг отпустил свой угол, и закутанный предмет с треском ударился о землю. — Ну что ты держишь?

Он с неожиданной яростью пнул свой аппарат ногой и, сильно прихрамывая, пошел прочь.

— Володька! — крикнул первый с тревогой ему вслед. — Не сходи с ума!

Горбовский отвернулся.

— Скульпторам, конечно, надеяться не на что, — сказал над его ухом вкрадчивый голос.

Горбовский только помотал головой: говорить он не мог. За его спиной, наступая ему на пятки, хрипло дышал Маляев.

Еще группа каких-то людей с рулонами, свертками и пакетами в руках разом стронулась с места и пошла рядом.

— Может быть, имеет смысл сделать так... — нервно и отрывисто заговорил один из них. — Может быть, все... Сложить все у грузового люка... Мы понимаем, что шансов мало... Но вдруг все-таки останутся места... В конце концов, это не люди, это вещи... Рассовать их где-нибудь... как-нибудь...

— Да... да... — сказал Горбовский. — Я вас прошу, займитесь этим. — Он приостановился и переложил шедевр на другое плечо. — Сообщите об этом всем. Пусть сложат у грузового люка. Шагах в десяти и в стороне. Хорошо?

В толпе произошло движение, стало не так тесно. Люди с рулонами и свертками стали расходиться, и Горбовский выбрался наконец на свободное пространство возле пассажирского люка, где малыши, выстроенные парами, ждали очереди попасть в руки Перси Диксона.

Карапузы в разноцветных курточках, штанишках и шапочках пребывали в состоянии радостного возбуждения, вызванного перспективой всамделишного звездного перелета. Они были очень заняты друг другом и голубоватой громадой корабля и одаривали толпившихся вокруг родителей разве что рассеянными взглядами. Им было не до

родителей. В круглом отверстии люка стоял Перси Диксон, облаченный в стариннейшую, давно забытую парадную форму звездолетчика, тяжелую и душную, с наспех посеребрёнными пуговицами, со значками и ослепительными позументами. Пот градом катился по его волосатому лицу, и время от времени он взрывал морским голосом: «По бим-бом-брамселям! По местам стоять, с якоря сниматься!» Это было очень весело, и восторженные мальки не спускали с него замороженных глаз. Тут же были двое воспитателей: мужчина держал в руке списки, а женщина очень весело пела с ребятами песенку о храбром носороге. Ребятишки, не отрывая глаз от Диксона, подпевали с большим азартом, и каждый тянул свое.

Горбовский подумал, что если вот так стоять спиной к толпе, то можно подумать, будто действительно добрый дядя Перси организовал для дошкольников веселый облет Радуги на настоящем звездолете. Но тут Диксон поднял на руки очередного малыша и, обернувшись, передал его кому-то в тамбуре, и тогда за спиной Горбовского женский голос истерически закричал: «Толик мой! Толик...» И Горбовский оглянулся и увидел бледное лицо Маляева, и напряженные лица отцов, и лица матерей, улыбающиеся жалкими, кривыми улыбками, и слезы на глазах, и закушенные губы, и отчаяние, и бьющуюся в истерике женщину, которую поспешно уводил, обняв за плечи, человек в комбинезоне, испачканном землей. И кто-то отвернулся, и кто-то согнулся и торопливо побрел прочь, натываясь на встречающих, а кто-то просто лег на бетон и стиснул голову руками.

Горбовский увидел Женю Вязаницыну, пополневшую и похорошевшую, с огромными сухими глазами и решительно сжатым ртом. Она держала за руку толстого спокойного мальчика в красных штанишках. Мальчик жевал яблоко и во все глаза глядел на блестящего Перси Диксона.

— Здравствуй, Леонид, — сказала она.

— Здравствуй, Женечка, — сказал Горбовский.

Маляев и Патрик отошли в сторону.

— Какой ты худой, — сказала она. — Все такой же худой. И даже еще больше высох.

— А ты похорошела.

— Я не очень отрываю тебя?

— Да нет, все идет, как должно идти. Мне только нужно осмотреть корабль. Я очень боюсь, что у нас все-таки не хватит места.

— Очень плохо одной. Матвей занят, занят, занят... Иногда мне кажется, что ему абсолютно все равно.

— Ему очень не все равно, — сказал Горбовский. — Я разговаривал с ним. Я знаю: ему очень не все равно... Но он ничего не может сделать. Все дети на Радуге — это его дети. Он не может иначе.

Она слабо махнула свободной рукой.

— Я не знаю, что делать с Алешкой, — сказала она. — Он у нас совсем домашний. Он даже в детском саду никогда не был.

— Он привыкнет. Дети очень быстро ко всему привыкают, Женечка. И ты не бойся: ему будет хорошо.

— Я даже не знаю, к кому обратиться.

— Все воспитатели хороши. Ты же знаешь это. Все одинаковы. Алешке будет хорошо.

— Ты меня не понимаешь. Ведь его даже нет ни в каких списках.

— И чего же тут страшного? Есть он в списках или нет, ни один ребенок не останется на Радуге. Списки только для того, чтобы не растерять детей. Хочешь, я пойду и скажу, чтобы его записали?

— Да, — сказала она. — Нет... Подожди. Можно я поднимусь вместе с ним на корабль?

Горбовский печально покачал головой.

— Женечка, — мягко сказал он. — Не надо. Не надо беспокоить детей.

— Я никого не буду беспокоить. Я только хочу посмотреть, как ему там будет... Кто будет рядом...

— Такие же ребяташки. Веселые и добрые.

— Можно я поднимусь с ним?

— Не надо, Женечка.

— Надо. Очень надо. Он не сможет один. Как он будет жить без меня? Ты ничего не понимаешь. Все вы совершенно ничего не понимаете. Я буду делать все, что нужно. Любую работу. Я ведь все умею. Не будь таким бесчувственным...

— Женечка, посмотри вокруг. Это матери.

— Он не такой, как все. Он слабый. Капризный. Он привык к постоянному вниманию. Он не сможет без меня. Не сможет! Ведь я-то знаю это лучше всех! Неужели ты воспользуешься тем, что мне некому на тебя жаловаться?

— Неужели ты займешь место ребенка, который должен будет остаться здесь?

— Никто не останется, — сказала она страстно. — Я уверена, что никто! Все поместятся! А мне ведь совсем не надо места! Есть же у вас какие-нибудь машинные помещения, какие-нибудь камеры... Я должна быть с ним!

— Я ничего не могу сделать для тебя. Прости.

— Можешь! Ты капитан. Ты все можешь. Ты же всегда был добрым человеком, Ленья!

— Я и сейчас добрый. Ты себе представить не можешь, какой я добрый.

— Я не отойду от тебя, — сказала она и замолчала.

— Хорошо, — сказал Горбовский. — Только давай сделаем так. Сейчас я отведу в корабль Алешку, осмотрю помещения и вернусь к тебе. Хорошо?

Она пристально глядела ему в глаза.

— Ты не обманешь меня. Я знаю. Я верю. Ты никогда никого не обманывал.

— Я не обману. Когда корабль стартует, ты будешь рядом со мной. Давай мальчика.

Не отрывая глаз от его лица, она как во сне подтолкнула к нему Алешку.

— Иди, иди, Алик, — сказала она. — Иди с дядей Леней.

— Куда? — спросил мальчик.

— В корабль, — сказал Горбовский, беря его за руку. — Куда же еще? Вот в этот корабль. Вон к тому дяде. Хочешь?

— Хочу к тому дяде, — заявил мальчик. На мать он больше не смотрел.

Они вместе подошли к трапу, по которому поднимались последние ребяташки.

Горбовский сказал воспитателю:

— Внесите в список. Алексей Матвеевич Вязаницын.

Воспитатель посмотрел на мальчика, затем на Горбовского и кивнул, записывая. Горбовский медленно поднялся по трапу, перетащил Алексея Матвеевича через высокий комингс, подняв за руку.

— Это называется тамбур, — сказал он.

Мальчик подергал руку, освободился и, подойдя вплотную к Перси Диксону, стал его рассматривать. Горбовский снял с плеча и поставил в угол картину Сурда. Что еще? — подумал он. Да! Он вернулся к люку и, высунувшись, принял от Маляева папку.

— Спасибо, — сказал Маляев, улыбаясь. — Не забыли... Спокойной плазмы.

Патрик тоже улыбался. Кивая, они попятились к толпе. Женя стояла под самым люком, и Горбовский помахал ей рукой. Потом он повернулся к Диксону.

— Жарко? — спросил он.

— Ужасно. Сейчас бы душ принять. А в душевых дети.

— Освободите душевые, — сказал Горбовский.

— Легко сказать. — Диксон тяжело вздохнул и, скривившись, оттянул тесный воротник мундира. — Борода лезет под воротник, — пробормотал он. — Колется невыносимо. Все тело зудит.

— Дядя, — сказал мальчик Алеша. — А у тебя борода настоящая?

— Можешь подергать, — сказал Перси со вздохом и нагнулся.

Мальчик подергал.

— Все равно ненастоящая, — заявил он.

Горбовский взял его за плечо, но Алеша вывернулся.

— Не хочу с тобой, — сказал он. — Хочу с капитаном.

— Вот и хорошо, — сказал Горбовский. — Перси, отведите его к воспитателю.

Он шагнул к двери в коридор.

— Не упадите в обморок, — сказал Диксон вслед.

Горбовский откатил дверь. Да, такого в корабле еще не бывало. Визг, смех, свист, щебет, воркование, воинственные клики, стук, звон, топот, скрип металла о металл, мяукающие вопли младенцев... Неповторимые запахи молока, меда, лекарств, разгоряченных детских тел, мыла — несмотря на кондиционирование, несмотря на непрерывную работу аварийных вентиляторов... Горбовский пошел по коридору, выбирая место, куда ступить, опасливо заглядывая в распахнутые двери, где прыгали, плясали, баюкали кукол, целились из ружей, набрасывали лассо, толклись в невообразимой тесноте, сидели и ползали на откинутых койках, на столах, под столами, под койками четыре десятка мальчиков и девочек в возрасте от двух до шести лет. Из каюты в каюту бегали озабоченные воспитатели. В кают-компанию, из которой была выброшена почти вся мебель, молодые матери кормили и пеленали новорожденных, и тут же были ясли — пятеро ползунков, переговариваясь на птичьем языке, бродили на четвереньках в отгороженном углу. Горбовский представил себе все это в состоянии невесомости, зажмурился и прошел в рубку.

Горбовский не узнал рубки. Здесь было пусто. Исчез громадный контроль-комбайн, занимавший треть помещения. Исчез пульт управления, исчезло кресло пилота-дублера. Исчез пульт обзорного экрана. Исчезло кресло перед вычислителем. А сам вычислитель, наполовину разобранный, блестел обнажившимися блок-схемами. Корабль перестал быть звездолетом. Он превратился в самоходную межпланетную баржу, сохранившую хороший ход, но годную только для перелетов по инерционным траекториям.

Горбовский сунул руки в карманы. Диксон сопел у него над ухом.

— Так-так, — сказал Горбовский. — А где Валькенштейн?

— Здесь. — Валькенштейн высунулся из недр вычислителя. Он был мрачен и очень решителен.

— Молодец, Марк, — сказал Горбовский. — И вы молодец, Перси. Спасибо!

— Вас уже три раза спрашивал Пишта, — сказал Марк и снова скрылся в вычислителе. — Он у грузового люка.

Горбовский пересек рубку и вышел в грузовой отсек. Ему стало жутко. Здесь, в длинном и узком помещении, слабо освещенном двумя газосветными лампами, стояли, плотно прижавшись друг к другу, мальчики и девочки школьники — от первоклассников до старших классов. Они стояли молча, почти не шевелясь, только переступая с ноги на ногу, и смотрели в распахнутый люк, где виднелось голубое небо да плоская белая крыша далекого пакгауза. Несколько секунд Горбовский, покусывая губу, смотрел на детей.

— Первоклассников перевести в коридор, — сказал он. — Второй и третий классы — в рубку. Сейчас же.

— И это еще не все, — тихо сказал Диксон. — Десять человек застряли где-то на пути из Детского... Впрочем, кажется, они погибли. Группа старшеклассников отказывается грузиться. И есть еще группа детей аутсайдеров, которые только сейчас прибыли. Впрочем, сами увидите.

— Вы все-таки сделайте, как я сказал, — предложил Горбовский. — Первые три класса — в коридор и в рубку. А сюда — свет, экран, показывайте фильмы. Исторические фильмы. Пусть смотрят, как бывало раньше. Действуйте, Перси. И еще — составьте из ребят цепочку до Валькенштейна, пусть по конвейеру передают детали, это их немного займет.

Он с трудом протиснулся к люку и сбежал вниз. У подножия трапа, окруженная воспитателями, стояла большая группа ребятишек разного возраста. Слева беспорядочной грудой было свалено все самое драгоценное из предметов материальной культуры Радуги: связки документов, папки, машины и модели машин, закутанные в материю скульптуры, свертки холстов. А справа, шагах в двадцати, стояли угрюмые юноши и девушки пятнадцати-шестнадцати лет, и перед ними, заложив руки за спину, нагнув голову, расхаживал очень серьезный Станислав Пишта. Негромко, но внятно он говорил:

— ...Считайте, что это экзамен. Поменьше думайте о себе и побольше о других. Ну и что же, что вам стыдно? Возьмите себя в руки, пересильте это чувство!

Старшеклассники упрямо молчали. И подавленно молчали взрослые, сгрудившиеся перед грузовым люком. Некоторые ребята украдкой оглядывались, и было видно, что они не прочь удрать, но бежать было невозможно — вокруг стояли их отцы и матери. Горбовский посмотрел на люк. Даже отсюда было видно, что корабль набит битком. В широком, как ворота, люке тесной шеренгой стояли дети. Лица у них были недетские — слишком серьезные и слишком печальные.

К Горбовскому как-то боком придвинулся огромный, очень красивый молодой человек с тоскливыми просящими глазами, безобразно не соответствующими всему его облику.

— Одно слово, капитан, — проговорил он дрожащим голосом. — Одно только слово...

— Минутку, — сказал Горбовский.

Он подошел к Пиште и обнял его за плечи.

— Места хватит всем, — говорил Пишта. — Пусть это вас не беспокоит...

— Станислав, — сказал Горбовский, — распорядись грузить оставшихся.

— Там нет мест, — очень непоследовательно возразил Пишта. — Мы ждали тебя. Хорошо бы очистить резервную Д-камеру.

— На «Тариэле» нет резервных Д-камер. Но место сейчас будет. Распоряжайся.

Горбовский остался лицом к лицу со старшеклассниками.

— Мы не хотим лететь, — сообщил один из них, белобрысый рослый парнишка с яркими зелеными глазами. — Лететь должны воспитатели.

— Правильно! — сказала маленькая девушка в спортивных брюках.

Позади голос Перси Диксона крикнул:

— Бросайте! Прямо на землю!

Из люка посыпались звонкие пластины блок-схем. Конвейер заработал.

— Вот что, мальчики и девочки, — сказал Горбовский. — Во-первых, у вас еще нет права голоса, потому что вы еще не кончили школу. И во-вторых, нужно иметь совесть. Правда, вы еще молоды и рветесь на геройские подвиги, но дело-то в том, что здесь вы не нужны, а в корабле нужны. Мне страшно подумать, что там будет в инерционном полете. Нужно по два старших на каждую каюту к дошкольникам, по крайней мере три ловкие девочки для яслей и помогать женщинам с новорожденными. Короче говоря, вот где от вас потребуется подвиг.

— Простите, капитан, — насмешливо сказал зеленоглазый, — но все эти обязанности прекрасно могут выполнить воспитательницы.

— Простите, юноша, — сказал Горбовский, — но я полагаю, вам известны права капитана. Как капитан, я вам обещаю, что из воспитателей полетят только два человека. А главное — напрягитесь и попробуйте представить себе, как будут дальше жить ваши воспитатели, если они займут ваши места на корабле. Игры кончились, мальчики и

девочки, перед вами жизнь, какой она бывает иногда, — к счастью, редко. А теперь простите, я занят. В утешение могу сказать вам только одно: в корабль вы войдете последними. Все!

Он повернулся к ним спиной и с размаху наткнулся на молодого человека с тоскливыми глазами.

— Ох, простите, — сказал Горбовский. — Совсем забыл про вас.

— Вы сказали, полетят два воспитателя, — осипшим голосом сказал молодой человек. — Кто?

— Кто вы такой? — спросил Горбовский.

— Я Роберт Скляр. Я физик-нулевик. Но речь не обо мне. Я вам сейчас все расскажу. Но сначала скажите, кто из воспитателей летит?

Скляр... Скляр... Удивительно знакомое имя. Где я о нем слышал?

— Камилл, — сказал Скляр, принужденно улыбаясь.

— А, — сказал Горбовский. — Так вас интересует, кто летит? — Он оглядел Скляра. — Хорошо, я вам скажу. Только вам. Летит заведующий и летит главный врач. Они еще этого не знают.

— Нет, — сказал Скляр, хватая Горбовского за руки. — Еще один... Еще одну. Турчина Татьяна. Она воспитатель. Ее очень любят. Она опытейший воспитатель...

Горбовский освободил руки.

— Нельзя, — сказал он. — Нельзя, милый Роберт! Летят только дети и матери с новорожденными, понимаете? Только дети и матери с грудными младенцами.

— Она тоже! — сейчас же сказал Скляр. — Она тоже мать! У нее будет ребенок... Мой ребенок! Спросите у нее... Она тоже мать!

Горбовского сильно толкнули в плечо. Он пошатнулся и увидел, как Скляр испуганно пятится, отступая, а на него молча идет маленькая тонкая женщина, удивительно изящная и стройная, с сильной сединой в золотых волосах и прекрасным, но словно окаменевшим лицом. Горбовский провел ладонью по лбу и вернулся к трапу.

Теперь здесь оставались только старшеклассники и воспитатели. Остальные взрослые — отцы и матери, и те, кто принес сюда свои творения, и те, кто, видимо, в смутной, неосознанной надежде тянулся к звездолету, медленно пятились, расступаясь и разбиваясь на группы. В люке, расставив руки, стоял Станислав Пишта и кричал:

— Потеснитесь чуть-чуть, ребята! Майкл, крикни в рубку, чтобы потеснились! Еще немного!

Ему отвечали серьезные детские голоса:

— Некуда больше! Все очень плотно стоят!

И густой голос Перси Диксона прогудел:

— Как так некуда? А вот сюда за пульт? Не бойся, маленькая, током не ударит, проходи, проходи... И ты тоже... И ты, курносый... Больше жизни! И ты... Так... так...

И холодный, звякающий, как железо, голос Валькенштейна приговаривал:

— Потеснитесь, ребята... Дайте пройти... Подвинься, девочка... Пропусти, мальчик...

Пишта посторонился, и рядом с ним появился Валькенштейн с курткой через плечо.

— Я остаюсь на Радуге, — сказал он. — Вы уж без меня, Леонид Андреевич. — Глаза его шарили по толпе, отыскивая кого-то.

Горбовский кивнул.

— Врач на борту? — спросил он.

— Да, — ответил Марк. — Из взрослых там только врач и Диксон.

Из люка вдруг раздался смех.

— Эх вы! — с натугой говорил голос Диксона. — Вот как надо... Раз-два... раз-два...

В люке появился Диксон. Он появился над головой Пишты, перевернутое лицо его было потным и ярко-малиновым.

— Держите меня, Леонид, — прошипел он. — Я сейчас свалюсь.

Ребята хохотали. Это было действительно очень смешно: толстый бортинженер, как муха, висел на потолке, цепляясь руками и ногами за карабины для крепления груза. Он был тяжел и горяч; и когда Пишта с Горбовским вытянули его наружу и поставили на ноги, он сказал, тяжело дыша:

— Стар. Стар уже...

Виновато моргая, он поглядел на Горбовского.

— Не могу я там, Леонид. Тесно, душно, жарко... Костюм этот несчастный... Я остаюсь здесь, а вы уж с Марком летите. Да и надоели вы мне, по правде сказать.

— Прощайте, Перси, — сказал Горбовский.

— Прощай, дружок, — сказал Диксон растроганно.

Горбовский засмеялся и похлопал его по позументам.

— Ну что ж, Станислав, — сказал он. — Придется тебе обойтись без бортинженера. Думаю, обойдешься. Твоя задача: выйти на орбиту экваториального спутника и ждать «Стрелу». Остальное сделает командир «Стрелы».

Несколько секунд Пишта ошарашенно молчал. Потом он понял.

— Ты что это, а? — очень тихо сказал он, шаря взглядом по лицу Горбовского. — Ты что это? Ты десантник! Что это за жесты?

— Жесты? — сказал Горбовский. — Я не умею. А ты иди. Ты за всех них отвечаешь до конца. — Он повернулся к старшекласникам. — Марш на борт! — крикнул он. — Иди вперед, а то не протиснешься, — сказал он Пиште.

Пишта посмотрел на понурых старшекласников, медленно бредущих к трапу, посмотрел на люк, из которого высывались лица детей, неловко клюнул Горбовского в щеку, кивнул Марку и Диксону и, поднявшись на цыпочки, взялся за карабины. Горбовский подтолкнул его. Старшекласники один за другим с нарочитой важностью и неторопливостью начали протискиваться внутрь, мужественно покрикивая: «А ну, шевелись! Подбери губы, наступят! Кто это там ревет? Головы выше!» Последней вошла та самая девочка в спортивных брюках. На секунду она остановилась и с надеждой оглянулась на Горбовского, но тот сделал каменное лицо.

— Некуда ведь, — сказала она тихонько. — Видите? Я не помещаюсь.

— Ты похудеешь, — пообещал Горбовский и, взяв ее за плечи, осторожно втиснул в толпу. Потом он спросил Диксона: — А где кино?

— Все рассчитано, — важно ответил Перси. — Кино начнется в момент старта. Дети любят сюрпризы.

— Пишта! — крикнул Горбовский. — Готов?

— Готов! — гулко откликнулся Пишта.

— Стартуй, Пишта! Спокойной плазмы! Закрывай люки! Мальчики и девочки, спокойной плазмы!

Тяжелая плита люка бесшумно выдвинулась из паза в обшивке. Горбовский, прощально махая рукой, отступил от комингса. Вдруг он вспомнил.

— Ай! — закричал он. — А письмо?

В нагрудном кармане письма не было, в боковом тоже. Люк закрывался. Письмо почему-то оказалось во внутреннем кармане. Горбовский сунул его девочке в спортивных брюках и поспешно отдернул руку. Люк закрылся. Горбовский, сам не зная зачем, погладил голубоватый металл, ни на кого не глядя, спустился на землю, и Диксон с Марком оттащили трап. Вокруг корабля осталось совсем мало народу, зато над кораблем в небе кружились десятки вертолетов и флаеров.

Горбовский обогнул груды материальных ценностей, споткнулся о какой-то буст и пошел вокруг корабля к пассажирскому люку, где его должна была ждать Женя Вязаницына. Хоть бы Матвей прилетел, с тоской подумал он. Он чувствовал себя выжатым и высушенным и очень обрадовался, когда увидел Матвея. Матвей шел ему навстречу. Но он был один.

— А где Женя? — спросил Горбовский.

Матвей остановился и оглянулся по сторонам. Жени нигде не было.

— Она была здесь, — сказал он. — Я говорил с ней по радиэфону. Что, люки уже закрыли? — Он все оглядывался.

— Да, сейчас старт, — сказал Горбовский. Он тоже озирался. Может быть, она на вертолете, подумал он. Но он знал, что это невозможно.

— Странно, что нет Жени, — проговорил Матвей.

— Возможно, она на вертолете, — сказал Горбовский. Он вдруг понял, где она. Ай да она, подумал он.

— Алешку так и не увидел, — сказал Матвей.

Станный широкий звук, похожий на судорожный вздох, пронесся над космодромом. Огромная голубая громада корабля бесшумно оторвалась от земли и медленно пошла вверх. Первый раз в жизни вижу старт своего корабля, подумал Горбовский. Матвей все провожал корабль глазами — и вдруг как ужаленный повернулся к Горбовскому и с изумлением уставился на него.

— Постой... — пробормотал он. — Как же это так?.. Почему ты здесь? А как же корабль?

— Там Пишта, — сказал Горбовский.

Глаза Матвея остановились.

— Вот она, — прошептал он.

Горбовский обернулся. Над горизонтом ослепительно сияла блестящая ровная полоса.

Глава 10

На окраине Столицы Горбовский попросил остановиться. Диксон затормозил и выжидательно посмотрел на него.

— Я пойду пешком, — сказал Горбовский.

Он вылез. Сейчас же вслед за ним вылез Марк и, протянув руку, помог выйти Але Постышевой. Всю дорогу от космодрома эта пара молчала на заднем сиденье. Они крепко, по-детски, держались за руки, и Аля, закрыв глаза, прижималась лицом к плечу Марка.

— Пойдемте с нами, Перси, — сказал Горбовский. — Будем собирать цветочки, и уже не жарко. И это будет очень полезно для вашего сердца.

Диксон покачал косматой головой.

— Нет, Леонид, — сказал он. — Давайте лучше попрощаемся. Я поеду.

Солнце висело над самым горизонтом. Было прохладно. Солнце светило словно в коридор с черными стенами: обе Волны — северная и южная — уже высоко поднялись над горизонтом.

— Вот по этому коридору, — сказал Диксон. — Куда глаза глядят. Прощайте, Леонид, прощай, Марк. И ты, девочка, прощай. Идите... Но сначала я попытаюсь последний раз предугадать ваши поступки. Сейчас это особенно просто.

— Да, это просто, — сказал Марк. — Прощайте, Перси. Пошли, малыш.

Коротко улыбнувшись, он взглянул на Горбовского, обнял Алю за плечи, и они пошли в степь. Горбовский и Диксон смотрели им вслед.

— Немножко поздно, — сказал Диксон.

— Да, — согласился Горбовский. — И все-таки я завидую.

— Вы любите завидовать. Вы всегда так аппетитно завидуете, Леонид. Я вот тоже завидую. Завидую, что кто-то будет думать о нем в его последние минуты, а обо мне... да и о вас тоже, Леонид, никто.

— Хотите, я буду думать о вас? — спросил серьезно Горбовский.

— Нет, не стоит. — Диксон, прищурясь, посмотрел на низкое солнце. — Да, — сказал он. — На этот раз нам, кажется, не выбраться. Прощайте, Леонид!

Он кивнул и уехал, а Горбовский неспешно зашагал по шоссе рядом с другими людьми, так же неторопливо бредущими в город. Ему было очень легко и покойно впервые за этот сумбурный, напряженный и страшный день. Больше не надо было ни о ком заботиться, не надо было принимать решений, все вокруг были самостоятельны, и он тоже стал совершенно самостоятельным. Таким самостоятельным он еще не был никогда в жизни.

Вечер был красив, и если бы не черные стены справа и слева, медленно растущие в синее небо, он был бы просто прекрасен: тихий, прозрачный, в меру прохладный, пронизанный косыми розоватыми лучами солнца. Людей на шоссе оставалось все меньше; многие ушли в степь, как Валькенштейн с Алей, другие остались прямо у обочин.

В городе вдоль главной улицы многоцветными пятнами красовались картины, выставленные художниками в последний раз, — у деревьев, у стен домов, на волноводах поперек дороги, на столбах энергопередач. Перед картинами стояли люди, вспоминали, тихо радовались, кто-то — неугомонный — затеял спор, а миловидная худенькая женщина горько плакала, повторяя громко: «Обидно... Как обидно!» Горбовский подумал, что где-то видел ее, но так и не мог вспомнить — где.

Слышалась незнакомая музыка: в открытом кафе рядом со зданием Совета маленький, хилый человек с необычайной страстью и темпераментом играл на концертной хориоле, и люди за столиками слушали его, не шевелясь; и еще много людей сидели и слушали на ступеньках и прямо на газонах перед кафе, а к хориоле был прислонен большой лист картона, на котором кривоватыми буквами было написано: ««Далекая Радуга». Песня. Не оконч.».

Вокруг шахты было много народу, и все были заняты. Матово поблескивал огромный, еще не достроенный купол входного кессона. Из здания театра тянулась цепочка нуль-физиков, тащивших папки, свертки, груды коробок. Горбовский сразу подумал о папке, которую ему передал Маляев. Он попытался вспомнить, куда дел ее. Кажется, оставил в рубке. Или в тамбуре? Не надо вспоминать. Неважно. Следует быть совершенно беззаботным. Странно, неужели физики еще надеются? Правда, всегда можно надеяться на чудо. Но забавно, что на чудо теперь надеются самые скептические и логические люди планеты.

У стены Совета, возле подъезда сидел, вытянув ноги, человек в изодранном пилотском комбинезоне, слепой, с забинтованным лицом. На коленях у него лежало блестящее никелированное банджо. Запрокинув голову, слепой слушал песню «Далекая Радуга».

Из-за купола появился лжештурман Ганс с огромным тюком на плече. Увидев Горбовского, он заулыбался и сказал на ходу: «А, капитан! Как ваши ульмотроны? Достали? А мы вот архивы хороним. Очень утомительно. День какой-то сумасшедший...» Кажется, это был единственный человек на Радуге, который так и не узнал, что Горбовский настоящий капитан «Гаризэля».

Из окна Совета Горбовского окликнул Матвей.

— «Гаризэль» уже на орбите! — крикнул он. — Сейчас прощались. Там все в порядке.

— Спускайся, — предложил Горбовский. — Пойдем вместе.

Матвей покачал головой.

— Нет, дружище, — сказал он. — У меня масса дел, а времени мало... — Он помолчал, затем добавил растерянно: — Женя нашлась, ты знаешь где?

— Догадываюсь, — сказал Горбовский.

— Зачем ты это сделал? — сказал Матвей.

— Честное слово, я ничего не делал, — сказал Горбовский.

Матвей укоризненно покачал головой и скрылся в глубине комнаты, а Горбовский пошел дальше.

...Он вышел на берег моря, на прекрасный желтый пляж с пестрыми тентами и удобными шезлонгами, с катерами и лодками, выстроившимися у невысокого причала. Он опустился в один из шезлонгов, с удовольствием вытянул ноги, сложил руки на животе и стал смотреть на запад, на багровое закатное солнце. Слева и справа нависали бархатно-черные стены, он старался не замечать их.

Сейчас я должен был бы стартовать к Лаланде, думал он сквозь дремоту. Мы сидели бы втроем в рубке, и я рассказывал бы им, какая славная планета Радуга, как я исколесил ее всю за день. Перси Диксон помалкивал бы, накручивая бороду на пальцы, а Марк бы брюзжал, что старо, скучно и везде одинаково. А завтра в это время мы бы вышли из деритринитации...

Мимо него прошла, опустив голову, та прекрасная девушка с сединой в золотых волосах, которая так вовремя прервала его неприятный разговор со Скляровым на космодроме. Она шла по самой кромке воды, и лицо ее уже не казалось каменным, оно было просто бесконечно усталым. Шагах в пятидесяти она остановилась, постояла, глядя в море, и села на песок, уткнулась подбородком в колени. Сейчас же над ухом Горбовского кто-то тяжело вздохнул, и, скосив глаз, Горбовский увидел Склярова. Скляров тоже смотрел на девушку.

— Все бессмысленно, — сказал он негромко. — Скучно жил, ненужно! И все самое плохое прибереглось на последний день...

— Голубчик, — сказал Горбовский. — А что может быть хорошего в последнем дне?

— Вы еще не знаете...

— Знаю, — сказал Горбовский. — Все знаю...

— Не можете вы всего знать... Я же слышу, как вы со мной разговариваете.

— Как?

— Как с обыкновенным человеком. А я трус и преступник.

— Ну, Роберт, — сказал Горбовский. — Ну какой вы трус и преступник?

— Я трус и преступник, — упрямо повторил Роберт. — Я даже, наверное, хуже, потому что считаю, что все делал правильно.

— Трусов и преступников не бывает, — сказал Горбовский. — Я скорее поверю в человека, который способен воскреснуть, чем в человека, который способен совершить преступление.

— Не надо меня утешать. Я же говорю, что вы не знаете всего.

Горбовский лениво повернул к нему голову.

— Роберт, — сказал он, — не тратьте вы зря время. Идите вы к ней. Сядьте рядом... Мне очень удобно лежать, но если хотите, я помогу вам...

— Все получается не так, как хочется, — тоскливо сказал Роберт. — Я был уверен, что спасу ее. Мне казалось, что я готов на все. Но оказалось, что на все я не готов... Пойду, — сказал вдруг он.

Горбовский следил за ним, как он шагает — сначала широко и уверенно, а потом все медленнее и медленнее, как он все-таки подошел к ней, и сел рядом, и она не отодвинулась.

Некоторое время Горбовский смотрел на них, стараясь разобраться, завидует он или нет, а потом задремал по-настоящему. Его разбудило прикосновение чего-то холодного. Он приоткрыл один глаз и увидел Камилла, его вечный нелепый шлем, его вечно постное и угрюмое лицо и круглые немигающие глаза.

— Я знал, что вы здесь, Леонид, — сообщил Камилл. — Я искал вас.

— Здравствуйте, Камилл, — пробормотал Горбовский. — Наверное, это очень скучно — все знать...

Камилл подтащил шезлонг и сел рядом в позе человека с переломленным позвоночником.

— Есть вещи поскучнее, — сказал он. — Мне все надоело. Это была огромная ошибка.

— Как дела на том свете? — спросил Горбовский.

— Там темно, — сказал Камилл. Он помолчал. — Сегодня я умирал и воскресал трижды. Каждый раз было очень больно.

— Трижды, — повторил Горбовский. — Рекорд. — Он посмотрел на Камилла. — Камилл, скажите мне правду. Я никак не могу понять. Вы человек? Не стесняйтесь. Я уже никому не успею рассказать.

Камилл подумал.

— Не знаю, — сказал он. — Я последний из Чертовой Дюжины. Опыт не удался, Леонид. Вместо состояния «хочешь, но не можешь» состояние «можешь, но не хочешь». Это невыносимо тоскливо — мочь и не хотеть.

Горбовский слушал, закрыв глаза.

— Да, я понимаю, — проговорил он. — Мочь и не хотеть — это от машины. А тоскливо — это от человека.

— Вы ничего не понимаете, — сказал Камилл. — Вы любите мечтать иногда о мудрости патриархов, у которых нет ни желаний, ни чувств, ни даже ощущений. Бесплотный разум. Мозг-дальтоник. Великий Логик. Логические методы требуют абсолютной сосредоточенности. Для того чтобы что-нибудь сделать в науке, приходится днем и ночью думать об одном и том же, читать об одном и том же, говорить об одном и том же... А куда уйдешь от своей психической призмы? От врожденной способности чувствовать... Ведь нужно любить, нужно читать о любви, нужны зеленые холмы, музыка, картины, неудовлетворенность, страх, зависть... Вы пытаетесь ограничить себя — и теряете огромный кусок счастья. И вы прекрасно сознаете, что вы его теряете. И тогда, чтобы вытравить в себе это сознание и прекратить мучительную раздвоенность, вы оскопляете себя. Вы отрываете от себя всю эмоциональную половину человеческого и оставляете только одну реакцию на окружающий мир — сомнение. «Подвергай сомнению!» — Камилл помолчал. — И тогда вас ожидает одиночество. — Со страшной тоской он глядел на вечернее море, на холодеющий пляж, на пустые шезлонги, отбрасывающие странную тройную тень. — Одиночество... — повторил он. — Вы всегда уходили от меня, люди. Я всегда был лишним, назойливым и непонятным чудачком. И сейчас вы тоже уйдете. А я останусь один. Сегодня ночью я воскресну в четвертый раз, один, на мертвой планете, заваленной пеплом и снегом...

Вдруг на пляже стало шумно. Увязая в песке, к морю спускались испытатели — восемь испытателей, восемь несостоявшихся нуль-перелетчиков. Семеро несли на плечах восьмого, слепого, с лицом, обмотанным бинтами. Слепой, закинув голову, играл на банджо, и все пели:

Когда, как темная вода,
Лихая, лютая беда
Была тебе по грудь,
Ты, не склоняя головы,
Смотрела в прорезь синевы
И продолжала путь...¹

Они, не оглядываясь, вошли с песней в море по пояс, по грудь, а затем поплыли вслед за заходящим солнцем, держа на спинах слепого товарища. Справа от них была черная, почти до зенита, стена, и слева была черная, почти до зенита, стена, и оставалась только узкая темно-синяя прорезь неба, да красное солнце, да дорожка расплавленного

¹ Из «Переводов» С. Я. Маршака.

золота, по которой они плыли, и скоро их совсем не стало видно в дрожащих бликах, и только слышался звон банджо и песня:

...Ты, не склоняя головы,
Смотрела в прорезь синевы
И продолжала путь...

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий Трудно быть богом

«То были дни, когда я познал, что значит: страдать;
что значит: стыдиться; что значит: отчаяться».

Пьер Абеляр

«Должен вас предупредить вот о чем. Выполняя задание, вы будете при оружии для поднятия авторитета. Но пускать его в ход вам не разрешается ни при каких обстоятельствах. Ни при каких обстоятельствах. Вы меня поняли?»

Эрнест Хемингуэй

Пролог

Ложа Анкиного арбалета была выточена из черной пластмассы, а тетива была из хромистой стали и натягивалась одним движением бесшумно скользящего рычага. Антон новшества не признавал: у него было доброе боевое устройство в стиле маршала Тоца, короля Пица Первого, окованное черной медью, с колесиком, на которое наматывался шнур из воловьих жил. Что касается Пашки, то он взял пневматический карабин. Арбалеты он считал детством человечества, так как был ленив и неспособен к столярному ремеслу.

Они причалили к северному берегу, где из желтого песчаного обрыва торчали корявые корни мачтовых сосен. Анка бросила рулевое весло и оглянулась. Солнце уже поднялось над лесом, и все было голубое, зеленое и желтое — голубой туман над озером, темно-зеленые сосны и желтый берег на той стороне. И небо над всем этим было ясное, белесовато-синее.

— Ничего там нет, — сказал Пашка.

Ребята сидели, перегнувшись через борт, и глядели в воду.

— Громадная щука, — уверенно сказал Антон.

— С вот такими плавниками? — спросил Пашка.

Антон промолчал. Анка тоже посмотрела в воду, но увидела только собственное отражение.

— Исккупаться бы, — сказал Пашка, запуская руку по локоть в воду. — Холодная, — сообщил он.

Антон перебрался на нос и прыгнул на берег. Лодка закачалась. Антон взялся за борт и выжидательно посмотрел на Пашку. Тогда Пашка поднялся, заложил весло за шею, как коромысло, и, извиваясь нижней частью туловища, пропел:

Старый шкипер Вицлипуцли!
Ты, приятель, не заснул?
Берегись, к тебе несутся
Стаи жареных акул!

Антон молча рванул лодку.

— Эй-эй! — закричал Пашка, хватаясь за борта.

— Почему жареных? — спросила Анка.

— Не знаю, — ответил Пашка. Они выбрались из лодки. — А верно, здорово? Стаи жареных акул!

Они потащили лодку на берег. Ноги проваливались во влажный песок, где было полным-полно высохших иголок и сосновых шишек. Лодка была тяжелая и скользкая, но они выволокли ее до самой кормы и остановились, тяжело дыша.

— Ногу отдалил, — сказал Пашка и принялся поправлять красную повязку на голове. Он внимательно следил за тем, чтобы узел повязки был точно над правым ухом, как у носатых ируканских пиратов. — Жизнь не дорогá, о-хэй! — заявил он.

Анка сосредоточенно сосала палец.

— Занозила? — спросил Антон.

— Нет. Содрала. У кого-то из вас такие когти...

— Ну-ка, покажи.

Она показала.

— Да, — сказал Антон. — Травма. Ну, что будем делать?

— На пле-чо — и вдоль берега, — предложил Пашка.

— Стоило тогда вылезать из лодки, — сказал Антон.

— На лодке и курица может, — объяснил Пашка. — А по берегу: тростники — раз, обрывы — два, омуты — три. С налимами. И сомы есть.

— Стаи жареных сомов, — сказал Антон.

— А ты в омут нырял?

— Ну, нырял.

— Я не видел. Не довелось как-то увидеть.

— Мало ли чего ты не видел.

Анка повернулась к ним спиной, подняла арбалет и выстрелила в сосну шагах в двадцати. Посыпалась кора.

— Здорово, — сказал Пашка и сейчас же выстрелил из карабина. Он целился в Анкину стрелу, но промазал. — Дыхание не задержал, — объяснил он.

— А если бы задержал? — спросил Антон. Он смотрел на Анку.

Анка сильным движением оттянула рычаг тетивы. Мускулы у нее были отличные — Антон с удовольствием смотрел, как прокатился под смуглой кожей твердый шарик бицепса.

Анка очень тщательно прицелилась и выстрелила еще раз. Вторая стрела с треском воткнулась в ствол немного ниже первой.

— Зря мы это делаем, — сказала Анка, опуская арбалет.

— Что? — спросил Антон.

— Дерево портим, вот что. Один малек вчера стрелял в дерево из лука, так я его заставила зубами стрелы выдергивать.

— Пашка, — сказал Антон. — Сбегал бы, у тебя зубы хорошие.

— У меня зуб со свистом, — ответил Пашка.

— Ладно, — сказала Анка. — Давайте что-нибудь делать.

— Неохота мне лазить по обрывам, — сказал Антон.

— Мне тоже неохота. Пошли прямо.

— Куда? — спросил Пашка.

— Куда глаза глядят.

— Ну? — сказал Антон.

— Значит, в сайву, — сказал Пашка. — Тошка, пошли на Забытое Шоссе. Помнишь?

— Еще бы!

— Знаешь, Анечка... — начал Пашка.

— Я тебе не Анечка, — резко сказала Анка. Она терпеть не могла, когда ее называли не Анка, а как-нибудь еще.

Антон это хорошо запомнил. Он быстро сказал:

— Забытое Шоссе. По нему не ездят. И на карте его нет. И куда идет, совершенно неизвестно.

— А вы там были?

— Были. Но не успели исследовать.

— Дорога из ниоткуда в никуда, — изрек оправившийся Пашка.

— Это здорово! — сказала Анка. Глаза у нее стали как черные шелки. — Пошли. К вечеру дойдем?

— Ну что ты! До двенадцати дойдем.

Они полезли вверх по обрыву. На краю обрыва Пашка обернулся. Внизу было синее озеро с желтоватыми проплешинами отмелей, лодка на песке и большие расходящиеся круги на спокойной маслянистой воде у берега — вероятно, это плеснула та самая щука. И Пашка ощутил обычный неопределенный восторг, как всегда, когда они с Тошкой удирали из интерната и впереди был день полной независимости с неразведанными местами, с земляникой, с горячими безлюдными лугами, с серыми ящерицами, с ледяной водой в неожиданных родниках. И, как всегда, ему захотелось заорать и высоко подпрыгнуть, и он немедленно сделал это, и Антон, смеясь, поглядел на него, и он увидел в глазах Антона совершенное понимание. А Анка вложила два пальца в рот и лихо свистнула, и они вошли в лес.

Лес был сосновый и редкий, ноги скользили по опавшей хвое. Косые солнечные лучи падали между прямых стволов, и земля была вся в золотых пятнах. Пахло смолой, озером и земляникой; где-то в небе верещали невидимые пичужки.

Анка шла впереди, держа арбалет под мышкой, и время от времени нагибалась за кровавыми, будто лакированными, ягодами земляники. Антон шел следом с добрым боевым устройством маршала Тоца на плече. Колчан с добрыми боевыми стрелами тяжело хлопывал его по заду. Он шел и поглядывал на Анкину шею — загорелую, почти черную, с выступающими позвонками. Иногда он озирался, ища Пашку, но Пашки не было видно, только по временам то справа, то слева вспыхивала на солнце его красная повязка. Антон представил себе, как Пашка бесшумно скользит между соснами с карабином наготове, вытянув вперед хищное худое лицо с облупленным носом. Пашка крался по сайве, а сайва не шутит. Сайва, приятель, спросит — и надо успеть ответить, подумал Антон и пригнулся было, но впереди была Анка, и она могла оглянуться. Получилось бы нелепо.

Анка оглянулась и спросила:

— Вы ушли тихо?

Антон пожал плечами.

— Кто же уходит громко?

— Я, кажется, все-таки нашумела, — озабоченно сказала Анка. — Я уронила таз — и вдруг в коридоре шаги. Наверное, Дева Катя — она сегодня в дежурных. Пришлось прыгать в клумбу. Как ты думаешь, Тошка, что за цветы растут на этой клумбе?

Антон сморщил лоб.

— У тебя под окном? Не знаю. А что?

— Очень упорные цветы. «Не гнет их ветер, не валит буря». В них прыгают несколько лет, а им хоть бы что.

— Интересно, — сказал Антон глубокомысленно. Он вспомнил, что под его окном тоже клумба с цветами, которые «не гнет ветер и не валит буря». Но он никогда не обращал на это внимания.

Анка остановилась, подождала его и протянула горсть земляники. Антон аккуратно взял три ягоды.

— Бери еще, — сказала Анка.

— Спасибо, — сказал Антон. — Я люблю собирать по одной. А Дева Катя вообще ничего, верно?

— Это кому как, — сказала Анка. — Когда человеку каждый вечер заявляют, что у него ноги то в грязи, то в пыли...

Она замолчала. Было удивительно хорошо идти с нею по лесу плечом к плечу вдвоем, касаясь голыми локтями, и поглядывать на нее — какая она красивая, ловкая и необычно доброжелательная и какие у нее большие серые глаза с черными ресницами.

— Да, — сказал Антон, протягивая руку, чтобы снять блеснувшую на солнце паутину. — Уж у нее-то ноги не пыльные. Если тебя через лужи носят на руках, тогда, понимаешь, не запылишься...

— Кто это ее носит?

— Генрих с метеостанции. Знаешь, здоровый такой, с белыми волосами.

— Правда?

— А чего такого? Каждый малек знает, что они влюблены.

Они опять замолчали. Антон глянул на Анку. Глаза у Анки были как черные щелочки.

— А когда это было? — спросила она.

— Да было в одну лунную ночь, — ответил Антон без всякой охоты. — Только ты смотри не разболтай.

Анка усмехнулась.

— Никто тебя за язык не тянул, Тошка, — сказала она. — Хочешь земляники?

Антон машинально сгреб ягоды с испачканной ладони и сунул в рот. Не люблю болтунов, подумал он. Терпеть не могу трепачей. Он вдруг нашел аргумент.

— Тебя тоже когда-нибудь будут таскать на руках. Тебе приятно будет, если начнут об этом болтать?

— Откуда ты взял, что я собираюсь болтать? — рассеянно сказала Анка. — Я вообще не люблю болтунов.

— Слушай, что ты задумала?

— Ничего особенного. — Анка пожала плечами. Немного погодя она доверительно сообщила: — Знаешь, мне ужасно надоело каждый божий вечер дважды мыть ноги.

Бедная Дева Катя, подумал Антон. Это тебе не сайва.

Они вышли на тропинку. Тропинка вела вниз, и лес становился все темнее и темнее. Здесь буйно росли папоротник и высокая сырая трава. Стволы сосен были покрыты мхом и белой пеной лишайников. Но сайва не шутит. Хриплый голос, в котором не было ничего человеческого, неожиданно проревел:

— Стой! Бросай оружие — ты, благородный дон, и ты, дона!

Когда сайва спрашивает, надо успеть ответить. Точным движением Антон сшиб Анку в папоротники налево, а сам прыгнул в папоротники направо, покатился и залег за гнилым пнем. Хриплое эхо еще отдавалось в стволах сосен, а тропинка была уже пуста. Наступила тишина.

Антон, завалившись на бок, вертел колесико, натягивая тетиву. Хлопнул выстрел, на Антона посыпался какой-то мусор. Хриплый нечеловеческий голос сообщил:

— Дон поражен в пятку!

Антон застонал и подтянул ногу.

— Да не в эту, в правую, — поправил голос.

Было слышно, как Пашка хихикает. Антон осторожно выглянул из-за пня, но ничего не было видно в сумеречной зеленой каше.

В этот момент раздался пронзительный свист и шум, как будто упало дерево.

— Уау!.. — сдавленно заорал Пашка. — Пощады! Пощады! Не убивайте меня!

Антон сразу вскочил. Навстречу ему из папоротников, пятясь, вылез Пашка. Руки его были подняты над головой. Голос Анки спросил:

— Тошка, ты видишь его?

— Как на ладони, — одобрительно отозвался Антон. — Не поворачиваться! — крикнул он Пашке. — Руки за голову!

Пашка покорно заложил руки за голову и объявил:

— Я ничего не скажу.

— Что полагается с ним делать, Тошка? — спросила Анка.

— Сейчас увидишь, — сказал Антон и удобно уселся на пень, положив арбалет на колени. — Имя! — рявкнул он голосом Гексы Ируканского.

Пашка изобразил спиной презрение и неповиновение. Антон выстрелил. Тяжелая стрела с треском вонзилась в ветку над Пашкиной головой.

— Ого! — сказал голос Анки.

— Меня зовут Бон Саранча, — неохотно признался Пашка. — «И здесь он, по-видимому, ляжет — один из тех, что были с ним».

— Известный насильник и убийца, — пояснил Антон. — Но он никогда ничего не делает даром. Кто послал тебя?

— Меня послал дон Сатарина Беспощадный, — соврал Пашка.

Антон презрительно сказал:

— Вот эта рука оборвала нить зловонной жизни дона Сатарина два года назад в Урочище Тяжелых Мечей.

— Давай я всажу в него стрелу? — предложила Анка.

— Я совершенно забыл, — поспешно сказал Пашка. — В действительности меня послал Арата Красивый. Он обещал мне сто золотых за ваши головы.

Антон хлопнул себя по коленям.

— Вот брехун! — вскричал он. — Да разве станет Арата связываться с таким негодяем, как ты!

— Можно, я все-таки всажу в него стрелу? — кровожадно спросила Анка.

Антон демонически захохотал.

— Между прочим, — сказал Пашка, — у тебя отстрелена правая пятка. Пора бы тебе истечь кровью.

— Дудки! — возразил Антон. — Во-первых, я все время жую кору белого дерева, а во-вторых, две прекрасные варварки уже перевязали мне раны.

Папоротники зашевелились, и Анка вышла на тропинку. На щеке ее была царапина, колени были вымазаны в земле и зелени.

— Пора бросить его в болото, — объявила она. — Когда враг не сдается, его уничтожают.

Пашка опустил руки.

— Вообще-то ты играешь не по правилам, — сказал он Антону. — У тебя все время получается, что Гекса хороший человек.

— Много ты знаешь! — сказал Антон и тоже вышел на тропинку. — Сайва не шутит, грязный наемник.

Анка вернула Пашке карабин.

— Вы что, всегда так палите друг в друга? — спросила она с завистью.

— А как же! — удивился Пашка. — Что, нам кричать: «Кх-кх! Пу-пу!» — что ли? В игре нужен элемент риска!

Антон небрежно сказал:

— Например, мы часто играем в Вильгельма Телля.

— По очереди, — подхватил Пашка. — Сегодня я стою с яблоком, а завтра он.

Анка оглядела их.

— Вот как? — медленно сказала она. — Интересно было бы посмотреть.

— Мы бы с удовольствием, — ехидно сказал Антон. — Яблока вот нет.

Пашка широко ухмылялся. Тогда Анка сорвала у него с головы пиратскую повязку и быстро свернула из нее длинный кулек.

— Яблоко — это условность, — сказала она. — Вот отличная мишень. Сыграем в Вильгельма Телля.

Антон взял красный кулек и внимательно осмотрел его. Он взглянул на Анку — глаза у нее были как щелочки. А Пашка развлекался — ему было весело. Антон протянул ему кулек.

— «В тридцати шагах промаха в карту не дам, — ровным голосом сказал он. — Разумеется, из знакомых пистолетов».

— «Право? — сказала Анка и обратилась к Пашке: — А ты, мой друг, попадешь ли в карту на тридцати шагах?»

Пашка пристраивал колпак на голове.

— «Когда-нибудь мы попробуем, — сказал он, скаля зубы. — В свое время я стрелял не худо».

Антон повернулся и пошел по тропинке, вслух считая шаги:

— Пятнадцать... шестнадцать... семнадцать...

Пашка что-то сказал — Антон не расслышал, и Анка громко рассмеялась. Как-то слишком громко.

— Тридцать, — сказал Антон и повернулся.

На тридцати шагах Пашка выглядел совсем маленьким. Красный треугольник кулька торчал у него на голове, как шутовской колпак. Пашка ухмылялся. Он все еще играл. Антон нагнулся и стал неторопливо натягивать тетиву.

— Благословляю тебя, отец мой Вильгельм! — крикнул Пашка. — И благодарю тебя за все, что бы ни случилось.

Антон наложил стрелу и выпрямился. Пашка и Анка смотрели на него. Они стояли рядом. Тропинка была как темный сырой коридор между высоких зеленых стен. Антон поднял арбалет. Боевое устройство маршала Тоца стало необычайно тяжелым. Руки дрожат, подумал Антон. Плохо. Зря. Он вспомнил, как зимой они с Пашкой целый час кидали снежки в чугунную шишку на столбе ограды. Кидали с двадцати шагов, с пятнадцати и с десяти — и никак не могли попасть. А потом, когда уже надоело и они уходили, Пашка небрежно, не глядя бросил последний снежок и попал. Антон изо всех сил вдавил приклад в плечо. Анка стоит слишком близко, подумал он. Он хотел крикнуть ей, чтобы она отошла, но понял, что это было бы глупо. Выше. Еще выше... Еще... Его вдруг охватила уверенность, что, если он даже повернется к ним спиной, фунтовая стрела все равно вонзится точно в Пашкину переносицу, между веселыми зелеными глазами. Он открыл глаза и посмотрел на Пашку. Пашка больше не ухмылялся. А Анка медленно-медленно поднимала руку с растопыренными пальцами, и лицо у нее было напряженное и очень взрослое. Тогда Антон поднял арбалет еще выше и нажал на спусковой крючок. Он не видел, куда ушла стрела.

— Промазал, — сказал он очень громко.

Переступая на негнущихся ногах, он двинулся по тропинке. Пашка вытер красным кульком лицо, встряхнув, развернул его и стал повязывать голову. Анка нагнулась и подобрала свой арбалет. Если она этой штукой трахнет меня по голове, подумал Антон, я ей скажу спасибо. Но Анка даже не взглянула на него.

Она повернулась к Пашке и спросила:

— Пошли?

— Сейчас, — сказал Пашка.

Он посмотрел на Антона и молча постучал себя согнутым пальцем по лбу.

— А ты уже испугался, — сказал Антон.

Пашка еще раз постучал себя пальцем по лбу и пошел за Анкой. Антон плелся следом и старался подавить в себе сомнения.

А что я, собственно, сделал, вяло думал он. Чего они надулись? Ну Пашка ладно, он испугался. Только еще неизвестно, кто больше трусил — Вильгельм-папа или Телль-сын. Но Анка-то чего? Надо думать, перепугалась за Пашку. А что мне было делать? Вот

тащусь за ними, как родственник. Взять и уйти. Поверну сейчас налево, там хорошее болото. Может, сову поймаю. Но он даже не замедлил шага. Это значит навсегда, подумал он. Он читал, что так бывает очень часто.

Они вышли на заброшенную дорогу даже раньше, чем думали. Солнце стояло высоко, было жарко. За шиворотом кололись хвойные иголки. Дорога была бетонная, из двух рядов серо-рыжих растрескавшихся плит. В стыках между плитами росла густая сухая трава. На обочинах было полно пыльного репейника. Над дорогой с гудением пролетали бронзовки, и одна нахально стукнула Антона прямо в лоб. Было тихо и томно.

— Глядите! — сказал Пашка.

Над серединой дороги на ржавой проволоке, протянутой поперек, висел круглый жестяной диск, покрытый облупившейся краской. Судя по всему, там был изображен желтый прямоугольник на красном фоне.

— Что это? — без особого интереса спросила Анка.

— Автомобильный знак, — сказал Пашка. — «Въезд запрещен».

— «Кирпич», — пояснил Антон.

— А зачем он? — спросила Анка.

— Значит, вон туда ехать нельзя, — сказал Пашка.

— А зачем тогда дорога?

Пашка пожал плечами.

— Это же очень старое шоссе, — сказал он.

— Анизотропное шоссе, — заявил Антон. Анка стояла к нему спиной. — Движение только в одну сторону.

— Мудры были предки, — задумчиво сказал Пашка. — Этак едешь-едешь километров двести, вдруг — хлоп! — «кирпич». И ехать дальше нельзя, и спросить не у кого.

— Представляешь, что там может быть за этим знаком! — сказала Анка. Она огляделась. Кругом на много километров был безлюдный лес, и не у кого было спросить, что там может быть за этим знаком. — А вдруг это вовсе и не «кирпич»? — сказала она. — Краска-то вся облупилась...

Тогда Антон тщательно прицелился и выстрелил. Было бы здорово, если бы стрела перебила проволоку и знак упал бы прямо к ногам Анки. Но стрела попала в верхнюю часть знака, пробила ржавую жесть, и вниз посыпалась только высохшая краска.

— Дурак, — сказала Анка, не оборачиваясь.

Это было первое слово, с которым она обратилась к Антону после игры в Вильгельма Телля. Антон криво улыбнулся.

— «And enterprises of great pitch and moment, — произнес он, — with this regard their currents turn awry and lose the name of action»¹.

Верный Пашка закричал:

— Ребята, здесь прошла машина! Уже после грозы! Вон трава примята! И вот...

Везет Пашке, подумал Антон. Он стал разглядывать следы на дороге и тоже увидел примятую траву и черную полосу от протекторов в том месте, где автомобиль затормозил перед выбоиной в бетоне.

— Ага! — сказал Пашка. — Он выскочил из-под знака!

Это было ясно каждому, но Антон возразил:

— Ничего подобного, он ехал с той стороны.

Пашка поднял на него изумленные глаза.

— Ты что, ослеп?

— Он ехал с той стороны, — упрямо повторил Антон. — Пошли по следу.

¹ «И начинанья, взнесшиеся мощно, сворачивая в сторону свой ход, теряют имя действия» (Шекспир, «Гамлет»).

— Ерунду ты городишь! — возмутился Пашка. — Во-первых, никакой порядочный водитель не поедет под «кирпич». Во-вторых, смотри: вот выбоина, вот тормозной след... Так откуда он ехал?

— Что мне твои порядочные! Я сам непорядочный, и я пойду под знак.

Пашка взбеленился.

— Иди куда хочешь! — сказал он, слегка заикаясь. — Недоумок. Совсем обалдел от жары!

Антон повернулся и, глядя прямо перед собой, пошел под знак. Ему хотелось только одного: чтобы впереди оказался какой-нибудь взорванный мост и чтобы нужно было прорваться на ту сторону. Какое мне дело до этого порядочного! — думал он. Пусть идут, куда хотят... со своим Пашенькой. Он вспомнил, как Анка срезала Павла, когда тот назвал ее Анечкой, и ему стало немного легче. Он оглянулся.

Пашку он увидел сразу: Бон Саранча, согнувшись в три погибели, шел по следу таинственной машины. Ржавый диск над дорогой тихонько покачивался, и сквозь дырку мелькало синее небо. А на обочине сидела Анка, уперев локти в голые колени и положив подбородок на сжатые кулаки.

...Они возвращались уже в сумерках. Ребята гребли, а Анка сидела на руле. Над черным лесом поднималась красная луна, неистово вопили лягушки.

— Так здорово все было задумано, — сказала Анка грустно. — Эх, вы!..

Ребята промолчали. Затем Пашка вполголоса спросил:

— Тошка, что там было, под знаком?

— Взорванный мост, — ответил Антон. — И скелет фашиста, прикованный цепями к пулемету. — Он подумал и добавил: — Пулемет весь врос в землю...

— Н-да, — сказал Пашка. — Бывает. А я там одному машину помог починить.

Глава 1

Когда Румата миновал могилу святого Мики — седьмую по счету и последнюю на этой дороге, было уже совсем темно. Хваленый хамахарский жеребец, взятый у дона Тамэо за карточный долг, оказался сущим барахлом. Он вспотел, сбил ноги и двигался скверной, вихляющейся рысью. Румата сжимал ему коленями бока, хлестал между ушами перчаткой, но он только уныло мотал головой, не ускоряя шага. Вдоль дороги тянулись кусты, похожие в сумраке на клубы застывшего дыма. Нестерпимо звенели комары. В мутном небе дрожали редкие тусклые звезды. Дул порывами несильный ветер, теплый и холодный одновременно, как всегда осенью в этой приморской стране с душными, пыльными днями и зябкими вечерами.

Румата плотнее закутался в плащ и бросил поводья. Торопиться не имело смысла. До полуночи оставался час, а Икающий лес уже выступил над горизонтом черной зубчатой кромкой. По сторонам тянулись распаханное поля, мерцали под звездами болота, воняющие неживой ржавчиной, темнели курганы и сгнившие частоколы времен Вторжения. Далеко слева вспыхивало и гасло угрюмое зарево: должно быть, горела деревушка, одна из бесчисленных однообразных Мертвожорок, Висельников, Ограбилов, недавно переименованных по августейшему указу в Желанные, Благодатные и Ангельские. На сотни миль — от берегов Пролива и до сайвы Икающего леса — простиралась эта страна, накрытая одеялом комариных туч, раздираемая оврагами, затопляемая болотами, пораженная лихорадками, морами и зловонным насморком.

У поворота дороги от кустов отделилась темная фигура. Жеребец шархнул, задирая голову. Румата подхватил поводья, привычно подпернул на правой руке кружева и положил ладонь на рукоять меча, всматриваясь. Человек у дороги снял шляпу.

— Добрый вечер, благородный дон, — тихо сказал он. — Прошу извинения.

— В чем дело? — осведомился Румата, прислушиваясь.

Бесшумных засад не бывает. Разбойников выдает скрип тетивы, серые штурмовички неудержимо рыгают от скверного пива, баронские дружинники алчно сопят и гремят железом, а монахи — охотники за рабами — шумно чешутся. Но в кустах было тихо. Видимо, этот человек не был наводчиком. Да он и не был похож на наводчика — маленький плотный горожанин в небогатом плаще.

— Разрешите мне бежать рядом с вами? — сказал он, кланяясь.

— Изволь, — сказал Румата, шевельнув поводьями. — Можешь взяться за стремя.

Горожанин пошел рядом. Он держал шляпу в руке, и на его темени светлела изрядная лысина. Приказчик, подумал Румата. Ходит по баронам и прасолам, скупает лен или пеньку. Смелый приказчик, однако... А может быть, и не приказчик. Может быть, книгочей. Беглец. Изгой. Сейчас их много на ночных дорогах, больше, чем приказчиков... А может быть, шпион.

— Кто ты такой и откуда? — спросил Румата.

— Меня зовут Киун, — печально сказал горожанин. — Я иду из Арканара.

— Бежишь из Арканара, — сказал Румата наклонившись.

— Бегу, — печально согласился горожанин.

Чудак какой-то, подумал Румата. Или все-таки шпион? Надо проверить... А почему, собственно, надо? Кому надо? Кто я такой, чтобы его проверять? Да не желаю я его проверять! Почему бы мне просто не поверить? Вот идет горожанин, явный книгочей, бежит, спасая жизнь... Ему одиноко, ему страшно, он слаб, он ищет защиты... Встретился ему аристократ. Аристократы по глупости и из спеси в политике не разбираются, а мечи у них длинные, и серых они не любят. Почему бы горожанину Киуну не найти бескорыстную защиту у глупого и спесивого аристократа? И все. Не буду я его проверять. Незачем мне его проверять. Поговорим, скоротаем время, расстанемся друзьями...

— Киун... — произнес он. — Я знал одного Киуна. Продавец снадобий и алхимик с Жестяной улицы. Ты его родственник?

— Увы, да, — сказал Киун. — Правда, дальний родственник, но им все равно... до двенадцатого потомка.

— И куда же ты бежишь, Киун?

— Куда-нибудь... Подальше. Многие бегут в Ирукан. Попробую и я в Ирукан.

— Так-так, — произнес Румата. — И ты вообразил, что благородный дон проведет тебя через заставу?

Киун промолчал.

— Или, может быть, ты думаешь, что благородный дон не знает, кто такой алхимик Киун с Жестяной улицы?

Киун молчал. Что-то я не то говорю, подумал Румата. Он привстал на стременах и прокричал, подражая глашатаю на Королевской площади:

— Обвиняется и повинен в ужасных, непрощаемых преступлениях против бога, короны и спокойствия!

Киун молчал.

— А если благородный дон безумно обожает дону Рэбу? Если он всем сердцем предан серому слову и серому делу? Или ты считаешь, что это невозможно?

Киун молчал. Из темноты справа от дороги выдвинулась ломаная тень виселицы. Под перекладной белело голое тело, подвешенное за ноги. Э-э, все равно ничего не выходит, подумал Румата. Он натянул повод, схватил Киуна за плечо и повернул лицом к себе.

— А если благородный дон вот прямо сейчас подвесит тебя рядом с этим бродягой? — сказал он, вглядываясь в белое лицо с темными ямами глаз. — Сам. Скоро и проворно. На крепкой арканарской веревке. Во имя идеалов. Что же ты молчишь, грамотей Киун?

Киун молчал. У него стучали зубы, и он слабо корчился под рукой Руматы, как придавленная ящерица. Вдруг что-то с плеском упало в придорожную канаву, и сейчас же, словно для того, чтобы заглушить этот плеск, он отчаянно крикнул:

— Ну, вешай! Вешай, предатель!

Румата перевел дыхание и отпустил Киуна.

— Я пошутил, — сказал он. — Не бойся.

— Ложь, ложь... — всхлипывая, бормотал Киун. — Всюду ложь!..

— Ладно, не сердись, — сказал Румата. — Лучше подбери, что ты там бросил, — промокнет...

Киун постоял, качаясь и всхлипывая, бесцельно похлопал ладонями по плащу и полез в канаву. Румата ждал, устало сгорбившись в седле. Значит, так и надо, думал он, значит, иначе просто нельзя... Киун вылез из канавы, пряча за пазуху сверток.

— Книги, конечно, — сказал Румата.

Киун помотал головой.

— Нет, — сказал он хрипло. — Всего одна книга. Моя книга.

— О чем же ты пишешь?

— Боюсь, вам это будет неинтересно, благородный дон.

Румата вздохнул.

— Берись за стремя, — сказал он. — Пойдем.

Долгое время они молчали.

— Послушай, Киун, — сказал Румата. — Я пошутил. Не бойся меня.

— Славный мир, — проговорил Киун. — Веселый мир. Все шутят. И все шутят одинаково. Даже благородный Румата.

Румата удивился.

— Ты знаешь мое имя?

— Знаю, — сказал Киун. — Я узнал вас по обручу на лбу. Я так обрадовался, встретив вас на дороге...

Ну, конечно, вот что он имел в виду, когда назвал меня предателем, подумал Румата. Он сказал:

— Видишь ли, я думал, что ты шпион. Я всегда убиваю шпионов.

— Шпион... — повторил Киун. — Да, конечно. В наше время так легко и сытно быть шпионом. Орел наш, благородный дон Рэба, озабочен знать, что говорят и думают подданные короля. Хотел бы я быть шпионом. Рядовым осведомителем в таверне «Серая Радость». Как хорошо, как почтенно! В шесть часов вечера я вхожу в распивочную и сажусь за свой столик. Хозяин спешит ко мне с моей первой кружкой. Пить я могу сколько влезет, за пиво платит дон Рэба — вернее, никто не платит. Я сижу, попиваю пиво и слушаю. Иногда я делаю вид, что записываю разговоры, и перепуганные людишки устремляются ко мне с предложениями дружбы и кошелька. В глазах у них я вижу только то, что мне хочется: собачью преданность, почтительный страх и восхитительную бессильную ненависть. Я могу безнаказанно трогать девушек и тискать жен на глазах у мужей, здоровенных дядек, и они будут только подобострастно хихикать... Какое прекрасное рассуждение, благородный дон, не правда ли? Я услышал его от пятнадцатилетнего мальчишки, студента Патриотической школы...

— И что же ты ему сказал? — с любопытством спросил Румата.

— А что я мог сказать? Он бы не понял. И я рассказал ему, что люди Ваги Колеса, изловив осведомителя, вспарывают ему живот и засыпают во внутренности перец... А пьяные солдаты засовывают осведомителя в мешок и топят в нужнике. И это истинная правда, но он не поверил. Он сказал, что в школе они это не проходили. Тогда я достал бумагу и записал наш разговор. Это нужно было мне для моей книги, а он, бедняга, решил, что для доноса, и обмочился от страха...

Впереди сквозь кустарник мелькнули огоньки корчмы Скелета Бако. Киун споткнулся и замолчал.

— Что случилось? — спросил Румата.

— Там серый патруль, — пробормотал Киун.

— Ну и что? — сказал Румата. — Послушай лучше еще одно рассуждение, почтенный Киун. Мы любим и ценим этих простых, грубых ребят, нашу серую боевую скотину. Они нам нужны. Отныне простолюдин должен держать язык за зубами, если не хочет вывешивать его на виселице! — Он захохотал, потому что сказано было отменно — в лучших традициях серых казарм.

Киун съежился и втянул голову в плечи.

— Язык простолюдина должен знать свое место. Бог дал простолюдину язык вовсе не для разглагольствований, а для лизания сапог своего господина, каковой господин положен простолюдину от века...

У коновязи перед корчмой топтались оседланные кони серого патруля. Из открытого окна доносилась азартная хрипящая брань. Стучали игральные кости. В дверях, загораживая проход чудовищным брюхом, стоял сам Скелет Бако в драной кожаной куртке с засученными рукавами. В мохнатой лапе он держал тесак — видно, только что рубил собачину для похлебки, вспотел и вышел отдышаться. На ступеньках сидел, пригорюнясь, серый штурмовик, поставив боевой топор между коленей. Рукоять топора стянула ему физиономию набок. Было видно, что ему томно с перепоя. Заметив всадника, он подобрал слюни и сипло взревел:

— С-стой! Как тебя там... Ты, бла-ародный!..

Румата, выпятив подбородок, проехал мимо, даже не покосившись.

— ...А если язык простолюдина лижет не тот сапог, — громко говорил он, — то язык этот надлежит удалить напрочь, ибо сказано: «Язык твой — враг мой»...

Киун, прячась за круп лошади, широко шагал рядом. Краем глаза Румата видел, как блестит от пота его лысина.

— Стой, говорят! — заорал штурмовик.

Было слышно, как он, гремя топором, катится по ступеням, поминая разом бога, черта и всякую благородную сволочь.

Человек пять, подумал Румата, поддергивая манжеты. Пьяные мясники. Вздор.

Они миновали корчму и свернули к лесу.

— Я мог бы идти быстрее, если надо, — сказал Киун неестественно твердым голосом.

— Вздор! — сказал Румата, осаживая жеребца. — Было бы скучно проехать столько миль и ни разу не подраться. Неужели тебе никогда не хочется подраться, Киун? Все разговоры, разговоры...

— Нет, — сказал Киун. — Мне никогда не хочется драться.

— В том-то и беда, — пробормотал Румата, поворачивая жеребца и неторопливо натягивая перчатки.

Из-за поворота выскочили два всадника и, увидев его, разом остановились.

— Эй ты, благородный дон! — закричал один. — А ну, предъяви подорожную!

— Хамье! — стеклянным голосом произнес Румата. — Вы же неграмотны, зачем вам подорожная?

Он толкнул жеребца коленом и рысью двинулся навстречу штурмовикам. Трусят, подумал он. Мнутся... Ну хоть пару оплеух! Нет... Ничего не выйдет. Так хочется разрядить ненависть, накопившуюся за сутки, и, кажется, ничего не выйдет. Останемся гуманными, всех простим и будем спокойны, как боги. Пусть они режут и оскверняют, мы будем спокойны, как боги. Богам спешить некуда, у них впереди вечность...

Он подъехал вплотную. Штурмовики неуверенно подняли топоры и попятнулись.

— Н-ну? — сказал Румата.

— Так это, значит, что? — растерянно сказал первый штурмовик. — Так это, значит, благородный дон Румата?

Второй штурмовик сейчас же повернул коня и галопом умчался прочь. Первый все пятился, опустив топор.

— Прощенья просим, благородный дон, — скороговоркой говорил он. — Обознались. Ошибочка произошла. Дело государственное, ошибочки всегда возможны. Ребята малость подпили, горят рвением... — Он стал отъезжать боком. — Сами понимаете, время тяжелое... Ловим беглых грамотеев. Нежелательно бы нам, чтобы жалобы у вас были, благородный дон...

Румата повернулся к нему спиной.

— Благородному дону счастливого пути! — с облегчением сказал вслед штурмовик.

Когда он уехал, Румата негромко позвал:

— Киун!

Никто не отозвался.

— Эй, Киун!

И опять никто не отозвался. Прислушавшись, Румата различил сквозь комариный звон шорох кустов. Киун торопливо пробирался через поле на запад, туда, где в двадцати милях проходила ируканская граница. Вот и все, подумал Румата. Вот и весь разговор. Всегда одно и то же. Проверка, настороженный обмен двусмысленными притчами... Целыми неделями тратишь душу на пошлую болтовню со всяким отребьем, а когда встречаешь настоящего человека, поговорить нет времени. Нужно прикрыть, спасти, отправить в безопасное место, и он уходит, так и не поняв, имел ли дело с другом или с капризным выродком. Да и сам ты ничего не узнаешь о нем. Чего он хочет, что может, зачем живет...

Он вспомнил вечерний Арканар. Добротные каменные дома на главных улицах, приветливый фонарик над входом в таверну, благодусные, сытые лавочники пьют пиво за чистыми столами и рассуждают о том, что мир совсем не плох, цены на хлеб падают, цены на латы растут, заговоры раскрываются вовремя, колдунов и подозрительных книгочеев сажают на кол, король, по обыкновению, велик и светел, а дон Рэба безгранично умен и всегда начеку. «Выдумают, надо же!.. Мир круглый! По мне хоть квадратный, а умов не мути!..», «От грамоты, от грамоты все идет, братья! Не в деньгах, мол, счастье, мужик, мол, тоже человек, дальше — больше, оскорбительные стишки, а там и бунт...», «Всех их на кол, братья!.. Я бы делал что? Я бы прямо спрашивал: грамотный? На кол тебя! Стишки пишешь? На кол! Таблицы знаешь? На кол, слишком много знаешь!», «Бина, пышка, еще три кружечки и порцию тушеного кролика!» А по булыжной мостовой — грррум, грррум, грррум — стучат коваными сапогами коренастые красномордые парни в серых рубахах, с тяжелыми топорами на правом плече. «Братья! Вот они, защитники! Разве эти допустят? Да ни в жисть! А мой-то, мой-то... На правом фланге! Вчера еще его порол! Да, братья, это вам не смутное время! Прочность престола, благосостояние, незыблемое спокойствие и справедливость. Ура, серые роты! Ура, дон Рэба! Слава королю нашему! Эх, братья, жизнь-то какая пошла чудесная!..»

А по темной равнине королевства Арканарского, озаряемой заревами пожаров и искрами лучин, по дорогам и тропкам, изъеденные комарами, со сбитыми в кровь ногами, покрытые потом и пылью, измученные, перепуганные, убитые отчаянием, но твердые как сталь в своем единственном убеждении, бегут, идут, бредут, обходя заставы, сотни несчастных, объявленных вне закона за то, что они умеют и хотят лечить и учить свой изнуренный болезнями и погрязший в невежестве народ; за то, что они, подобно богам, создают из глины и камня вторую природу для украшения жизни не знающего красоты народа; за то, что они проникают в тайны природы, надеясь поставить эти тайны на службу своему неумелому, запуганному старинной чертовщиной народу... Беззащитные, добрые, непрактичные, далеко обогнавшие свой век...

Румата стянул перчатку и с размаху треснул ею жеребца между ушами.

— Ну, мертвая! — сказал он по-русски.

Была уже полночь, когда он въехал в лес.

Теперь никто не может точно сказать, откуда взялось это странное название — Икающий лес. Существовало официальное предание о том, что триста лет назад железные роты имперского маршала Тоца, впоследствии первого арканарского короля, прорубались через сайву, преследуя отступающие орды меднокожих варваров, и здесь на привалах варили из коры белых деревьев брагу, вызывающую неудержимую икоту. Согласно преданию, маршал Тоц, обходя однажды утром лагерь, произнес, морща аристократический нос: «Поистине, это невыносимо! Весь лес икает и провонял брагой!» Отсюда якобы и пошло странное название.

Так или иначе, это был не совсем обыкновенный лес. В нем росли огромные деревья с твердыми белыми стволами, каких не сохранилось нигде больше в Империи — ни в герцогстве Ируканском, ни тем более в торговой республике Соан, давно уже пустившей все свои леса на корабли. Рассказывали, что таких лесов много за Красным Северным хребтом в стране варваров, но мало ли что рассказывают про страну варваров...

Через лес проходила дорога, прорубленная века два назад. Дорога эта вела к серебряным рудникам и по ленному праву принадлежала баронам Пампа, потомкам одного из сподвижников маршала Тоца. Ленное право баронов Пампа обходилось арканарским королям в двенадцать пудов чистого серебра ежегодно, поэтому каждый очередной король, вступив на престол, собирал армию и шел воевать замок Бау, где гнездились бароны. Стены замка были крепки, бароны отважны, каждый поход обходился в тридцать пудов серебра, и после возвращения разбитой армии короли арканарские вновь и вновь подтверждали ленное право баронов Пампа наряду с другими привилегиями, как-то: ковырять в носу за королевским столом, охотиться к западу от Арканара и называть принцев прямо по имени, без присовокупления титулов и званий.

Икающий лес был полон темных тайн. Днем по дороге на юг тянулись обозы с обогащенной рудой, а ночью дорога была пуста, потому что мало находилось смельчаков ходить по ней при свете звезд. Говорили, что по ночам с Отца-дерева кричит птица Сиу, которую никто не видел и которую видеть нельзя, поскольку это не простая птица. Говорили, что большие мохнатые пауки прыгают с ветвей на шеи лошадям и мигмом прогрызают жилы, захлебываясь кровью. Говорили, что по лесу бродит огромный древний зверь Пэх, который покрыт чешуей, дает потомство раз в двенадцать лет и волочит за собой двенадцать хвостов, потеющих ядовитым потом. А кое-кто видел, как среди бела дня дорогу пересекал, бормоча свои жалобы, голый вепрь Ы, проклятый святым Микой, — свирепое животное, неуязвимое для железа, но легко пробиваемое костью.

Здесь можно было встретить и беглого раба со смоляным клеймом между лопаток — молчаливого и беспощадного, как мохнатый паук-кровосос. И скрюченного в три погибели колдуна, собирающего тайные грибы для своих колдовских настоев, при помощи которых можно стать невидимым, превращаться в некоторых животных или приобрести вторую тень. Хаживали вдоль дороги и ночные молодцы грозного Ваги Колеса, и беглецы с серебряных рудников с черными ладонями и белыми, прозрачными лицами. Знахари собирались здесь для своих ночных бдений, а разухабистые егеря барона Пампы жарили на редких полянах ворованных быков, целиком насаженных на вертел.

Едва ли не в самой чаще леса, в миле от дороги, под громадным деревом, засохшим от старости, вросла в землю покосившаяся изба из громадных бревен, окруженная почерневшим частоколом. Стояла она здесь с незапамятных времен, дверь ее была всегда закрыта, а у сгнившего крыльца торчали покосившиеся идолы, вырезанные из цельных стволов. Эта изба была самое что ни на есть опасное место в Икающем лесу. Говорили, что именно сюда приходит раз в двенадцать лет древний Пэх, чтобы родить потомка, и тут же, заползши под избу, издыхает, так что весь подпол в избе залит черным ядом, а когда яд потечет наружу — вот тут-то и будет всему конец. Говорили, что в ненастные ночи идолы сами собой выкапываются из земли, выходят к дороге и подают знаки. И говорили еще, что изредка в мертвых окнах загорается нелюдской свет, раздаются звуки, и дым из трубы идет столбом до самого неба.

Не так давно непьющий деревенский дурачок Ирма Кукиш с хутора Благорастворение (по-простому — Смердуны) сдуру забрел вечером к избе и заглянул в окно. Домой он вернулся совсем уже глупым, а оклемавшись немного, рассказал, что в избе был яркий свет и за простым столом сидел с ногами на скамье человек и отхлебывал из бочки, которую держал одной рукой. Лицо человека свисало чуть не до пояса и все было в пятнах. Был это, ясно, сам святой Мика еще до приобщения к вере, многоженец, пьяница и сквернослов. Глядеть на него можно было, только побарывая страх. Из окошка тянуло сладким тоскливым запахом, и по деревьям вокруг ходили тени. Рассказ дурачка сходились слушать со всей округи. А кончилось дело тем, что приехали штурмовики и, загнув ему локти к лопаткам, угнали в город Арканар. Говорить об избе все равно не перестали и называли ее теперь не иначе, как Пьяной Берлогой...

Продравшись через заросли гигантского папоротника, Румата спешил у крыльца Пьяной Берлоги и обмотал повод вокруг одного из идолов. В избе горел свет, дверь была раскрыта и висела на одной петле. Отец Кабани сидел за столом в полной прострации. В комнате стоял могучий спиртной дух, на столе среди обглоданных костей и кусков вареной брюквы возвышалась огромная глиняная кружка.

— Добрый вечер, отец Кабани, — сказал Румата, перешагивая через порог.

— Я вас приветствую, — отозвался отец Кабани хриплым, как боевой рог, голосом.

Румата, звеня шпорами, подошел к столу, бросил на скамью перчатки и снова посмотрел на отца Кабани. Отец Кабани сидел неподвижно, положив обвисшее лицо на ладони. Мохнатые полуседые брови его свисали над щеками, как сухая трава над обрывом. Из ноздрей крупнопористого носа при каждом выдохе со свистом вылетал воздух, пропитанный неусвоенным алкоголем.

— Я сам выдумал его! — сказал он вдруг, с усилием задрал правую бровь и поведя на Румату заплывшим глазом. — Сам! Зачем?.. — Он высвободил из-под щеки правую руку и помотал волосатым пальцем. — А все-таки я ни при чем!.. Я его выдумал... и я же ни при чем, а?! Точно — ни при чем... И вообще мы не выдумываем, а черт знает что!..

Румата растегнул пояс и потащил через голову перевязи с мечами.

— Ну, ну! — сказал он.

— Ящик! — рявкнул отец Кабани и надолго замолчал, делая странные движения щеками.

Румата, не спуская с него глаз, перенес через скамью ноги в покрытых пылью ботфортах и уселся, положив мечи рядом.

— Ящик... — повторил отец Кабани упавшим голосом. — Это мы говорим, будто мы выдумываем. На самом деле все давным-давно выдумано. Кто-то давным-давно все выдумал, сложил все в ящик, провертел в крышке дыру и ушел... Ушел спать... Тогда что? Приходит отец Кабани, закрывает глаза, с-сует руку в дыру. — Отец Кабани посмотрел на свою руку. — Х-хватя! Выдумал! Я, говорит, это вот самое и выдумывал!.. А кто не верит, тот дурак... Сую руку — р-раз! Что? Проволока с колючками. Зачем? Скотный двор от волков... Молодец! Сую руку — дв-ва! Что? Умнейшая штука — мясокрутка называемая. Зачем? Нежный мясной фарш... Молодец! Сую руку — три! Что? Г-горючая вода... Зачем? С-сырые дрова разжигать... А?!

Отец Кабани замолк и стал клониться вперед, словно кто-то пригибал его, взяв за шею. Румата взял кружку, заглянул в нее, потом вылил несколько капель на тыльную сторону ладони. Капли были сиреневые и пахли сивушными маслами. Румата кружевным платком тщательно вытер руку. На платке остались маслянистые пятна. Нечесаная голова отца Кабани коснулась стола и тотчас вздернулась.

— Кто сложил все в ящик — он знал, для чего это выдумано... Колючки от волков?! Это я, дурак, — от волков... Рудники, рудники оплетать этими колючками... Чтобы не бегали с рудников государственные преступники. А я не хочу!.. Я сам государственный преступник! А меня спросили? Спросили! Колючка, грят? Колючка. От волков, грят? От волков... Хорошо, грят, молодец! Оплетем рудники... Сам дон Рэба и оплел. И мясокрутку

мою забрал. Молодец, крик! Голова, крик, у тебя!.. И теперь, значит, в Веселой Башне нежный фарш делает... Очень, говорят, способствует...

Знаю, думал Румата. Все знаю. И как кричал ты у дона Рэбы в кабинете, как в ногах у него ползал, молил: «Отдай, не надо!» Поздно было. Завертелась твоя мясокрутка...

Отец Кабани схватил кружку и приник к ней волосатой пастью. Глотая ядовитую смесь, он рычал, как вепрь Ы, потом сунул кружку на стол и принялся жевать кусок брюквы. По щекам его ползли слезы.

— Горючая вода! — провозгласил он, наконец, перехваченным голосом. — Для растопки костров и произведения веселых фокусов. Какая же она горячая, если ее можно пить? Ее в пиво подмешивать — цены пиву не будет! Не дам! Сам выпью... И пью. День пью. Ночь. Опух весь. Падаю все время. Давеча, дон Румата, не поверишь, к зеркалу подошел — испугался... Смотрю — помоги господи! — где же отец Кабани?! Морской зверь спрут — весь цветными пятнами иду. То красный. То синий. Выдумал, называется, воду для фокусов...

Отец Кабани сплюнул на стол и пошаркал ногой под лавкой, растирая. Затем вдруг спросил:

— Какой нынче день?

— Канун Каты Праведного, — сказал Румата.

— А почему нет солнца?

— Потому что ночь.

— Опять ночь... — с тоской сказал отец Кабани и упал лицом в объедки.

Некоторое время Румата, посвистывая сквозь зубы, смотрел на него. Потом выбрался из-за стола и прошел в кладовку. В кладовке между кучей брюквы и кучей опилок поблескивали стеклянными трубками громоздкий спиртогонный агрегат отца Кабани — удивительное творение прирожденного инженера, инстинктивного химика и мастера-стеклодува. Румата дважды обошел «адскую машину» кругом, затем нашарил в темноте лом и несколько раз наотмашь ударил, никуда специально не целясь. В кладовке залязгало, задрезжалось, забулькало. Гнусный запах перекисшей барды ударил в нос.

Хрустя каблуками по битому стеклу, Румата пробрался в дальний угол и включил электрический фонарик. Там под грудой хлама стоял в прочном силикето-вом сейфе малогабаритный полевой синтезатор «Мидас». Румата разбросал хлам, набрал на диске комбинацию цифр и поднял крышку сейфа. Даже в белом электрическом свете синтезатор выглядел странно среди развороченного мусора. Румата бросил в приемную воронку несколько лопат опилок, и синтезатор тихонько запел, автоматически включив индикаторную панель. Румата носком ботфорты придвинул к выходному желобу ржавое ведро. И сейчас же — дзинь, дзинь, дзинь! — посыпались на мягкое жестяное дно золотые кружочки с аристократическим профилем Пица Шестого, короля Арканарского.

Румата перенес отца Кабани на скрипучие нары, стянул с него башмаки, повернул на правый бок и накрыл облысевшей шкурой какого-то давно вымершего животного. При этом отец Кабани на минуту проснулся. Двигаться он не мог, соображать тоже. Он ограничился тем, что пропел несколько стихов из запрещенного к распеванию светского романа «Я как цветочек аленький в твоей ладошке маленькой», после чего гулко захрапел.

Румата убрал со стола, подмел пол и протер стекло единственного окна, почерневшее от грязи и химических экспериментов, которые отец Кабани производил на подоконнике. За облупленной печкой он нашел бочку со спиртом и опорожнил ее в крысиную дыру. Затем он напоил хамахарского жеребца, засыпал ему овса из седельной сумки, умылся и сел ждать, глядя на коптящий огонек масляной лампы. Шестой год он жил этой странной, двойной жизнью и, казалось бы, совсем привык к ней, но время от времени, как, например, сейчас, ему вдруг приходило в голову, что нет на самом деле никакого организованного зверства и напирающей серости, а разыгрывается причудливое

театральное представление с ним, Руматой, в главной роли. Что вот-вот после особенно удачной его реплики грянут аплодисменты и ценители из Института экспериментальной истории восхищенно закричат из лож: «Адекватно, Антон! Адекватно! Молодец, Тошка!» Он даже огляделся, но не было переполненного зала, были только почерневшие, замшелые стены из голых бревен, заляпанные наслоениями копоти.

Во дворе тихонько ржанул и переступил копытами хамахарский жеребец. Послышалось низкое ровное гудение, до слез знакомое и совершенно здесь невероятное. Румата вслушивался, приоткрыв рот. Гудение оборвалось, язычок пламени над светильником заколебался и вспыхнул ярче. Румата стал подниматься, и в ту же минуту из ночной темноты в комнату шагнул дон Кондор, Генеральный судья и Хранитель больших государственных печатей торговой республики Соан, вице-президент Конференции двенадцати негоциантов и кавалер имперского Ордена Десницы Милосердной.

Румата вскочил, едва не опрокинув скамью. Он готов был броситься, обнять, расцеловать его в обе щеки, но ноги, следуя этикету, сами собой согнулись в коленях, шпоры торжественно звякнули, правая рука описала широкий полукруг от сердца и в сторону, а голова нагнулась так, что подбородок утонул в пенно-кружевных брыжах. Дон Кондор сорвал бархатный берет с простым дорожным пером, торопливо, как бы отгоняя комаров, махнул им в сторону Руматы, а затем, швырнув берет на стол, обеими руками расстегнул у шеи застежки плаща. Плащ еще медленно падал у него за спиной, а он уже сидел на скамье, раздвинув ноги, оперев левую руку в бок, а отставленной правой держась за эфес золоченого меча, вонзенного в гнилые доски пола. Был он маленький, худой, с большими выпуклыми глазами на узком бледном лице. Его черные волосы были схвачены таким же, как у Руматы, массивным золотым обручем с большим зеленым камнем над переносицей.

— Вы один, дон Румата? — спросил он отрывисто.

— Да, благородный дон, — грустно ответил Румата.

Отец Кабани вдруг громко и трезво сказал: «Благородный дон Рэба!.. Гиена вы, вот и все».

Дон Кондор не обернулся.

— Я прилетел, — сказал он.

— Будем надеяться, — сказал Румата, — что вас не видели.

— Легендой больше, легендой меньше, — раздраженно сказал дон Кондор. — У меня нет времени на путешествия верхом. Что случилось с Будахом? Куда он делся? Да сядьте же, дон Румата, прошу вас! У меня болит шея.

Румата послушно опустился на скамью.

— Будах исчез, — сказал он. — Я ждал его в Урочище Тяжелых Мечей. Но явился только одноглазый оборванец, назвал пароль и передал мне мешок с книгами. Я ждал еще два дня, затем связался с доном Гугом, и дон Гуг сообщил, что проводил Будаха до самой границы и что Будаха сопровождает некий благородный дон, которому можно доверять, потому что он вдребезги проигрался в карты и продан дону Гугу телом и душой. Следовательно, Будах исчез где-то здесь, в Арканаре. Вот и все, что мне известно.

— Не много же вы знаете, — сказал дон Кондор.

— Не в Будахе дело, — возразил Румата. — Если он жив, я его найду и вытащу. Это я умею. Не об этом я хотел с вами говорить. Я хочу еще и еще раз обратить ваше внимание на то, что положение в Арканаре выходит за пределы базисной теории... — На лице дон Кондора появилось кислое выражение. — Нет уж, вы меня выслушайте, — твердо сказал Румата. — Я чувствую, что по радио я с вами никогда не объяснюсь. А в Арканаре все переменялось! Возник какой-то новый, систематически действующий фактор. И выглядит это так, будто дон Рэба сознательно натравливает на ученых всю серость в королевстве. Все, что хоть немного поднимается над средним серым уровнем, оказывается под угрозой. Вы слушайте, дон Кондор, это не эмоции, это факты! Если ты умен, образован, сомневаешься, говоришь непривычное — просто не пьешь вина,

наконец! — ты под угрозой. Любой лавочник вправе затравить тебя хоть насмерть. Сотни и тысячи людей объявлены вне закона. Их ловят штурмовики и развешивают вдоль дорог. Голых, вверх ногами... Вчера на моей улице забили сапогами старика, узнали, что он грамотный. Топтали, говорят, два часа, тупые, с потными звериными мордами... — Румата сдержался и закончил спокойно: — Одним словом, в Арканаре скоро не останется ни одного грамотного. Как в Области Святого Ордена после Барканской резни.

Дон Кондор пристально смотрел на него, поджав губы.

— Ты мне не нравишься, Антон, — сказал он по-русски.

— Мне тоже многое не нравится, Александр Васильевич, — сказал Румата. — Мне не нравится, что мы связали себя по рукам и ногам самой постановкой проблемы. Мне не нравится, что она называется Проблемой Бескровного Воздействия. Потому что в моих условиях это научно обоснованное бездействие... Я знаю все ваши возражения! И я знаю теорию. Но здесь нет никаких теорий, здесь типично фашистская практика, здесь звери ежеминутно убивают людей! Здесь все бесполезно. Знаний не хватает, а золото теряет цену, потому что опаздывает.

— Антон, — сказал дон Кондор. — Не горячись. Я верю, что положение в Арканаре совершенно исключительное, но я убежден, что у тебя нет ни одного конструктивного предложения.

— Да, — согласился Румата, — конструктивных предложений у меня нет. Но мне очень трудно держать себя в руках.

— Антон, — сказал дон Кондор. — Нас здесь двести пятьдесят на всей планете. Все держат себя в руках, и всем это очень трудно. Самые опытные живут здесь уже двадцать два года. Они прилетели сюда всего-навсего как наблюдатели. Им было запрещено вообще что бы то ни было предпринимать. Представь себе это на минуту: запрещено вообще. Они бы не имели права даже спасти Будаха. Даже если бы Будаха топтали ногами у них на глазах.

— Не надо говорить со мной, как с ребенком, — сказал Румата.

— Вы нетерпеливы, как ребенок, — объявил дон Кондор. — А надо быть очень терпеливым.

Румата горестно усмехнулся.

— А пока мы будем выжидать, — сказал он, — примериваться да нацеливаться, звери ежедневно, ежеминутно будут уничтожать людей.

— Антон, — сказал дон Кондор. — Во Вселенной тысячи планет, куда мы еще не пришли и где история идет своим чередом.

— Но сюда-то мы уже пришли!

— Да, пришли. Но для того, чтобы помочь этому человечеству, а не для того, чтобы утолять свой справедливый гнев. Если ты слаб, уходи. Возвращайся домой. В конце концов, ты действительно не ребенок и знал, что здесь увидишь.

Румата молчал. Дон Кондор, какой-то обмякший и сразу постаревший, волоча меч за эфес, как палку, прошелся вдоль стола, печально кивая носом.

— Все понимаю, — сказал он. — Я же все это пережил. Было время — это чувство бессилия и собственной подлости казалось мне самым страшным. Некоторые, послабее, сходили от этого с ума, их отправляли на Землю и теперь лечат. Пятнадцать лет понадобилось мне, голубчик, чтобы понять, что же самое страшное. Человеческий облик потерять страшно, Антон. Запачкать душу, ожесточиться. Мы здесь боги, Антон, и должны быть умнее богов из легенд, которых здешний люд творит кое-как по своему образу и подобию. А ведь ходим по краешку трясины. Оступился — и в грязь, всю жизнь не отмоешься. Горан Ируканский в «Истории Пришествия» писал: «Когда бог, спустившись с неба, вышел к народу из Питанских болот, ноги его были в грязи».

— За что Горана и сожгли, — мрачно сказал Румата.

— Да, сожгли. А сказано это про нас. Я здесь пятнадцать лет. Я, голубчик, уж и сны про Землю видеть перестал. Как-то, роясь в бумагах, нашел фотографию одной женщины

и долго не мог сообразить, кто же она такая. Иногда я вдруг со страхом осознаю, что я уже давно не сотрудник Института, я экспонат музея этого Института, генеральный судья торговой феодальной республики, и есть в музее зал, куда меня следует поместить. Вот что самое страшное — войти в роль. В каждом из нас благородный подонок борется с коммунарком. И все вокруг помогает подонку, а коммунар один-одинешенек — до Земли тысяча лет и тысяча парсеков. — Дон Кондор помолчал, глядя колени. — Вот так-то, Антон, — сказал он твердеющим голосом. — Останемся коммунарами.

Он не понимает. Да и как ему понять? Ему повезло, он не знает, что такое серый террор, что такое дон Рэба. Все, чему он был свидетелем за пятнадцать лет работы на этой планете, так или иначе укладывается в рамки базисной теории. И когда я говорю ему о фашизме, о серых штурмовиках, об активизации мешанства, он воспринимает это как эмоциональные выражения. «Не шутите с терминологией, Антон! Терминологическая путаница влечет за собой опасные последствия». Он никак не может понять, что нормальный уровень средневекового зверства — это счастливый вчерашний день Арканара. Дон Рэба для него — это что-то вроде герцога Ришелье, умный и дальновидный политик, защищающий абсолютизм от феодальной вольницы. Один я на всей планете вижу страшную тень, наползающую на страну, но как раз я и не могу понять, чья это тень и зачем... И где уж мне убедить его, когда он вот-вот, по глазам видно, пошлет меня на Землю лечиться.

— Как поживает почтенный Синда? — спросил он.

Дон Кондор перестал сверлить его взглядом и буркнул: «Хорошо, благодарю вас». Потом он сказал:

— Нужно, наконец, твердо понять, что ни ты, ни я, никто из нас реально ощутимых плодов своей работы не увидим. Мы не физики, мы историки. У нас единица времени не секунда, а век, и дела наши — это даже не посев, мы только готовим почву для посева. А то прибывают порой с Земли... энтузиасты, черт бы их побрал... Спринтеры с коротким дыханием...

Румата криво усмехнулся и без особой надобности принялся подтягивать ботфорты. Спринтеры. Да, спринтеры были.

Десять лет назад Стефан Орловский, он же дон Капада, командир роты арбалетчиков его императорского величества, во время публичной пытки восемнадцати эсторских ведьм приказал своим солдатам открыть огонь по палачам, зарубил имперского судью и двух судебных приставов и был поднят на копьа дворцовой охраной. Корчась в предсмертной муке, он кричал: «Вы же люди! Бейте их, бейте!» — но мало кто слышал его за ревом толпы: «Огня! Еще огня!..»

Примерно в то же время в другом полушарии Карл Розенблюм, один из крупнейших знатоков крестьянских войн в Германии и Франции, он же торговец шерстью Пани-Па, поднял восстание мурисских крестьян, штурмом взял два города и был убит стрелой в затылок, пытаясь прекратить грабежи. Он был еще жив, когда за ним прилетели на вертолете, но говорить не мог и только смотрел виновато и недоуменно большими голубыми глазами, из которых непрерывно текли слезы...

А незадолго до прибытия Руматы великолепно законспирированный друг-конфидент кайсанского тирана (Джереми Тафнат, специалист по истории земельных реформ) вдруг ни с того ни с сего произвел дворцовый переворот, узурпировал власть, в течение двух месяцев пытался внедрить Золотой Век, упорно не отвечая на яростные запросы соседей и Земли, заслужил славу сумасшедшего, счастливо избежал восьми покушений, был, наконец, похищен аварийной командой сотрудников Института и на подводной лодке переправлен на островную базу у Южного полюса...

— Подумать только! — пробормотал Румата. — До сих пор вся Земля воображает, что самыми сложными проблемами занимается ноль-физика...

Дон Кондор поднял голову.

— О, наконец-то! — сказал он негромко.

Зацокали копыта, злобно и визгливо заржал хамахарский жеребец, послышалось энергичное проклятье с сильным ируканским акцентом. В дверях появился дон Гуг, старший постельничий его светлости герцога Ируканского, толстый, румяный, с лихо вздернутыми усами, с улыбкой до ушей, с маленькими веселыми глазками под буклями каштанового парика. И снова Румата сделал движение броситься и обнять, потому что это же был Пашка, но дон Гуг вдруг подобрался, на толстощекой физиономии появилась сладкая приторность, он слегка согнулся в поясе, прижал шляпу к груди и вытянул губы дудкой. Румата вскользь поглядел на Александра Васильевича. Александр Васильевич исчез. На скамье сидел Генеральный судья и Хранитель больших печатей — раздвинув ноги, оперев левую руку в бок, а правой держась за эфес золоченого меча.

— Вы сильно опоздали, дон Гуг, — сказал он неприятным голосом.

— Тысяча извинений! — вскричал дон Гуг, плавно приближаясь к столу. — Клянусь рахитом моего герцога, совершенно непредвиденные обстоятельства! Меня четырежды останавливал патруль его величества короля Арканарского, и я дважды дрался с какими-то хамами. — Он изящно поднял левую руку, обмотанную окровавленной тряпкой. — Кстати, благородные доны, чей это вертолет позади избы?

— Это мой вертолет, — сварливо сказал дон Кондор. — У меня нет времени для драк на дорогах.

Дон Гуг приятно улыбнулся и, усевшись верхом на скамью, сказал:

— Итак, благородные доны, мы вынуждены констатировать, что высокоученый доктор Будах таинственным образом исчез где-то между ируканской границей и Урочищем Тяжелых Мечей...

Отец Кабани вдруг заворочался на своем ложе.

— Дон Рэба, — густо сказал он не просыпаясь.

— Оставьте Будаха мне, — с отчаянием сказал Румата, — и попытайтесь все-таки меня понять...

Глава 2

Румата вздрогнул и открыл глаза. Был уже день. Под окнами на улице скандалили. Кто-то, видимо военный, орал: «М-мэр-рзавец! Ты слижешь эту грязь языком! («С добрым утром!» — подумал Румата.) Ма-алчать!.. Клянусь спиной святого Мики, ты выведешь меня из себя!» Другой голос, грубый и хриплый, бубнил, что на этой улице надобно глядеть под ноги. «Под утро дождичек прошел, а мостили ее сами знаете когда...» — «Он мне еще указывает, куда смотреть!..» — «Вы меня лучше отпустите, благородный дон, не держите за рубаху». — «Он мне еще указывает!..» Послышался звонкий треск. Видимо, это была уже вторая пощечина — первая разбудила Румату. «Вы меня лучше не бейте, благородный дон...» — бубнили внизу.

Знакомый голос, кто бы это мог быть? Кажется, дон Тамэо. Надо будет сегодня проиграть ему хамахарскую клячу обратно. Интересно, научусь я когда-нибудь разбираться в лошадях? Правда, мы, Руматы Эсторские, спокон веков не разбираемся в лошадях. Мы знатоки боевых верблюдов. Хорошо, что в Арканаре почти нет верблюдов. Румата с хрустом потянулся, нащупал в изголовье витой шелковый шнур и несколько раз дернул. В недрах дома зазвякали колокольчики. Мальчишка, конечно, глазеет на скандал, подумал Румата. Можно было бы встать и одеться самому, но это — лишние слухи. Он прислушался к брани под окнами. До чего же могучий язык! Энтропия невероятная. Не зарубил бы его дон Тамэо... В последнее время в гвардии появились любители, которые объявили, что для благородного боя у них только один меч, а другой они употребляют специально для уличной погани — ее-де заботами дон Рэбы что-то слишком много развелось в славном Арканаре. Впрочем, дон Тамэо не из таких. Трусоват наш дон Тамэо, да и политик известный...

Мерзко, когда день начинается с дона Тамэо... Румата сел, обхватив колени под роскошным рваным одеялом. Появляется ощущение свинцовой беспросветности, хочется пригорюниться и размышлять о том, как мы слабы и ничтожны перед обстоятельствами... На Земле это нам и в голову не приходит. Там мы здоровые, уверенные ребята, прошедшие психологическое кондиционирование и готовые ко всему. У нас отличные нервы: мы умеем не отворачиваться, когда избивают и казнят. У нас неслыханная выдержка: мы способны выдерживать излияния безнадежнейших кретинов. Мы забыли брезгливость, нас устраивает посуда, которую, по обычаю, дают вылизывать собакам и затем для красоты протирают грязным подолом. Мы великие имперсонаторы, даже во сне мы не говорим на языках Земли. У нас безотказное оружие — базисная теория феодализма, разработанная в тиши кабинетов и лабораторий, на пыльных раскопах, в солидных дискуссиях...

Жаль только, что дон Рэба понятия не имеет об этой теории. Жаль только, что психологическая подготовка слезает с нас, как загар, мы бросаемся в крайности, мы вынуждены заниматься непрерывной подзарядкой: «Стисни зубы и помни, что ты замаскированный бог, что они не ведают, что творят, и почти никто из них не виноват, и потому ты должен быть терпеливым и терпимым...» Оказывается, что колодцы гуманизма в наших душах, казавшиеся на Земле бездонными, иссякают с пугающей быстротой. Святой Мика, мы же были настоящими гуманистами там, на Земле, гуманизм был скелетом нашей натуры, в преклонении перед Человеком, в нашей любви к Человеку мы докатывались до антропоцентризма, а здесь вдруг с ужасом ловим себя на мысли, что любили не Человека, а только коммунара, землянина, равного нам... Мы все чаще ловим себя на мысли: «Да полно, люди ли это? Неужели они способны стать людьми, хотя бы со временем?» И тогда мы вспоминаем о таких, как Кира, Будах, Арата Горбатый, о великолепном бароне Пампа, и нам становится стыдно, а это тоже непривычно и неприятно и, что самое главное, не помогает...

Не надо об этом, подумал Румата. Только не утром. Провалился бы этот дон Тамэо!.. Накопилось в душе кислятины, и некуда ее выплеснуть в таком одиночестве. Вот именно, в одиночестве! Мы-то, здоровые, уверенные, думали ли мы, что окажемся здесь в одиночестве? Да ведь никто не поверит! Антон, дружище, что это ты? На запад от тебя, три часа лету, Александр Васильевич, добряк, умница, на востоке — Пашка, семь лет за одной партией, верный веселый друг. Ты просто раскис, Тошка. Жаль, конечно, мы думали, ты крепче, но с кем не бывает? Работа адова, понимаем. Возвращайся-ка ты на Землю, отдохни, подзаймись теорией, а там видно будет...

А Александр Васильевич, между прочим, чистой воды догматик. Раз базисная теория не предусматривает серых («Я, голубчик, за пятнадцать лет работы таких отклонений от теории что-то не замечал...»), значит, серые мне мерещатся. Раз мерещатся, значит, у меня сдали нервы и меня надо отправить на отдых. «Ну, хорошо, я обещаю, я посмотрю сам и сообщу свое мнение. Но пока, дон Румата, прошу вас, никаких эксцессов...» А Павел, друг детства, эрудит, видите ли, знаток, кладезь информации... пустился напропалую по историям двух планет и легко доказал, что серое движение есть всего-навсего заурядное выступление горожан против баронов. «Впрочем, на днях заеду к тебе, посмотрю. Честно говоря, мне как-то неловко за Будаха...» И на том спасибо! И хватит! Займись Будахом, раз больше ни на что не способен.

Высокоученый доктор Будах. Коренной ируканец, великий медик, которому герцог Ируканский чуть было не пожаловал дворянство, но раздумал и решил посадить в башню. Крупнейший в Империи специалист по ядолечению. Автор широко известного трактата «О травах и иных злаках, таинственно могущих служить причиной скорби, радости и успокоения, а равно о слюне и соках гадов, пауков и голого вепря Ы, таковыми же и многими другими свойствами обладающих». Человек, несомненно, замечательный и настоящий интеллигент, убежденный гуманист и бессребреник: все имущество — мешок

с книгами. Так кому же ты мог понадобиться, доктор Будах, в сумеречной невежественной стране, погрязшей в кровавой трясине заговоров и корыстолюбия?

Будем полагать, что ты жив и находишься в Арканаре. Не исключено, конечно, что тебя захватили налетчики-варвары, спустившиеся с отрогов Красного Северного хребта. На этот случай дон Кондор намерен связаться с нашим другом Шуштулетидоводусом, специалистом по истории первобытных культур, который работает сейчас шаманом-эпилептиком у вождя с сорокапятисложным именем. Если ты все-таки в Арканаре, то, прежде всего, тебя могли захватить ночные работнички Ваги Колеса. И даже не захватить, а прихватить, потому что для них главной добычей был бы твой сопровождающий, благородный проигравшийся дон. Но, так или иначе, они тебя не убьют: Вага Колесо слишком скуп для этого.

Тебя мог захватить и какой-нибудь дурак барон. Безо всякого злого умысла, просто от скуки и гипертрофированного гостеприимства. Захотелось попить с благородным собеседником, выставил на дорогу дружинников и затащил к себе в замок твоего сопровождающего. И будешь ты сидеть в вонючей людской, пока доны не упьются до обалдения и не расстанутся. В этом случае тебе тоже ничто не грозит.

Но есть еще засевшие где-то в Гниловражье остатки разбитой недавно крестьянской армии дона Кси и Пэрты Позвоночника, которых тайком подкармливает сейчас сам орел наш дон Рэба на случай весьма возможных осложнений с баронами. Вот эти пощады не знают, и о них лучше не думать. Есть еще дон Сатарина, родовитейший имперский аристократ, ста двух лет от роду, совершенно выживший из ума. Он пребывает в родовой вражде с герцогами Ируканскими и время от времени, возбудившись к активности, принимается хватать все, что пересекает ируканскую границу. Он очень опасен, ибо под действием приступов холецистита способен издавать такие приказы, что божедомы не успевают вывозить трупы из его темниц.

И, наконец, главное. Не потому главное, что самое опасное, а потому, что наиболее вероятное. Серые патрули дона Рэбы. Штурмовики на больших дорогах. Ты мог попасть в их руки случайно, и тогда следует рассчитывать на рассудительность и хладнокровие сопровождающего. Но что, если дон Рэба заинтересован в тебе? У дона Рэбы такие неожиданные интересы... Его шпионы могли донести, что ты будешь проезжать через Арканар, тебе навстречу выслали наряд под командой старательного серого офицера, дворянского ублюдка из мелкопоместных, и ты сидишь сейчас в каменном мешке под Веселой Башней...

Румата снова нетерпеливо подергал шнур. Дверь спальни отворилась с отвратительным визгом, вошел мальчик-слуга, тощенький и угрюмый. Имя его было Уно, и его судьба могла бы послужить темой для баллады. Он поклонился у порога, шаркая разбитыми башмаками, подошел к кровати и поставил на столик поднос с письмами, кофе и комком ароматической жевательной коры для укрепления зубов и чистки оных. Румата сердито посмотрел на него.

— Скажи, пожалуйста, ты когда-нибудь смажешь дверь?

Мальчик промолчал, глядя в пол. Румата отбросил одеяло, спустил голые ноги с постели и потянулся к подносу.

— Мылся сегодня? — спросил он.

Мальчик переступил с ноги на ногу и, ничего не ответив, пошел по комнате, собирая разбросанную одежду.

— Я, кажется, спросил тебя, мылся ты сегодня или нет? — сказал Румата, распечатывая первое письмо.

— Водой грехов не смоешь, — проворчал мальчик. — Что я, благородный что ли, мыться?

— Я тебе про микробов что рассказывал? — сказал Румата.

Мальчик положил зеленые штаны на спинку кресла и омахнулся большим пальцем, отгоняя нечистого.

— Три раза за ночь молился, — сказал он. — Чего же еще?

— Дурачина ты, — сказал Румата и стал читать письмо.

Писала дона Окана, фрейлина, новая фаворитка дона Рэбы. Предлагала нынче же вечером навестить ее, «томящуюся нежно». В постскриптуме простыми словами было написано, чего она, собственно, ждет от этой встречи. Румата не выдержал — покраснел. Воровато оглянувшись на мальчишку, пробормотал: «Ну, в самом деле...» Об этом следовало подумать. Идти было противно, не идти было глупо — дона Окана много знала. Он залпом выпил кофе и положил в рот жевательную кору.

Следующий конверт был из плотной бумаги, сургучная печать смазана; видно было, что письмо вскрывали. Писал дон Рипат, решительный карьерист, лейтенант серой роты галантерейщиков. Справлялся о здоровье, выражал уверенность в победе серого дела и просил отсрочить должок, ссылаясь на вздорные обстоятельства. «Ладно, ладно...» — пробормотал Румата, отложил письмо, снова взял конверт и с интересом его оглядел. Да, тоньше стали работать. Заметно тоньше.

В третьем письме предлагали рубиться на мечях из-за доны Пифы, но соглашались снять предложение, если дону Румате благоугодно будет привести доказательства того, что он, благородный дон Румата, к доне Пифе касательства не имел и не имеет. Письмо было стандартным: основной текст писал каллиграф, а в оставленных промежутках были коряво, с грамматическими ошибками вписаны имена и сроки.

Румата отшвырнул письмо и почесал искусанную комарами левую руку.

— Ну, давай умываться, — приказал он.

Мальчик скрылся за дверью и скоро, пятясь задом, вернулся, волоча по полу деревянную лохань с водой. Потом сбегал еще раз за дверь и притащил пустую лохань и ковшик.

Румата спрыгнул на пол, содрал через голову ветхую, с искуснейшей ручной вышивкой ночную рубаху и с лязгом выхватил из ножен висевшие у изголовья мечи. Мальчик из осторожности встал за кресло. Поупражнявшись минут десять в выпадах и отражениях, Румата бросил мечи в стену, нагнулся над пустой лоханью и приказал: «Лей!» Без мыла было плохо, но Румата уже привык. Мальчик лил ковш за ковшом на спину, на шею, на голову и ворчал: «У всех как у людей, только у нас с выдумками. Где это видано — в двух сосудах мыться. В отхожем месте горшок какой-то придумали... Полотенце им каждый день чистое... А сами, не помолившись, голый с мечами скачут...»

Растираясь полотенцем, Румата сказал наставительно:

— Я при дворе, не какой-нибудь барон вшивый. Придворный должен быть чист и благоухать.

— Только у его величества и забот, что вас нюхать, — возразил мальчик. — Все знают, его величество день и ночь молятся за нас, грешных. А вот дон Рэба и вовсе никогда не моются. Сам слышал, их лакей рассказывал.

— Ладно, не ворчи, — сказал Румата, натягивая нейлоновую майку.

Мальчик смотрел на эту майку с неодобрением. О ней давно уже ходили слухи среди арканарской прислуги. Но тут Румата ничего не мог поделать из естественной человеческой брезгливости. Когда он надевал трусы, мальчик отвернул голову и сделал губами движение, будто оплевывал нечистого.

Хорошо бы все-таки ввести в моду нижнее белье, подумал Румата. Однако естественным образом это можно было сделать только через женщину, а Румата и в этом отличался непопулярной для разведчика разборчивостью. Кавалеру и вертопраху, знающему столичное обращение и сосланному в провинцию за дуэль по любви, следовало иметь по крайней мере двадцать возлюбленных. Румата прилагал героические усилия, чтобы поддержать свое реноме. Половина его агентуры, вместо того чтобы заниматься делом, распространяла о нем отвратительные слухи, возбуждавшие зависть и восхищение у арканарской гвардейской молодежи. Десятки разочарованных дам, у которых Румата специально задерживался за чтением стихов до глубокой ночи (третья стража, братский

поцелуй в щеку и прыжок с балкона в объятия командира ночного обхода, знакомого офицера), наперебой рассказывали друг другу о настоящем столичном стиле кавалера из метрополии. Румата держался только на тщеславии этих глупых и до отвращения развратных баб, но проблема нижнего белья оставалась открытой. Насколько было проще с носовыми платками! На первом же балу Румата извлек из-за обшлага изящный кружевной платочек и промокнул им губы. На следующем балу brave гвардейцы уже вытирали потные лица большими и малыми кусками материи разных цветов, с вышивками и монограммами. А через месяц появились франты, носившие на согнутой руке целые простыни, концы которых элегантно волочились по полу.

Румата натянул зеленые штаны и белую батистовую рубашку с застиранным воротом.

— Кто-нибудь дожидается? — спросил он.

— Брадобрей ждет, — ответил мальчик. — Да еще два дона в гостиной сидят, дон Тамэо с доном Сэра. Вино приказали подать и режутся в кости. Ждут вас завтракать.

— Поди зови брадобрёя. Благородным донам скажи, что скоро буду. Да не груби, разговаривай вежливо...

Завтрак был не очень обильный и оставлял место для скорого обеда. Было подано жареное мясо, сильно сдобренное специями, и собачьи уши, отжатые в уксусе. Пили шипучее ируканское, густое коричневое эсторское, белое соанское. Ловко разделявая двумя кинжалами баранью ногу, дон Тамэо жаловался на наглость низших сословий. «Я намерен подать докладную на высочайшее имя, — объявил он. — Дворянство требует, чтобы мужикам и ремесленному сброду было запрещено показываться в публичных местах и на улицах. Пусть ходят через дворы и по задкам. В тех же случаях, когда появление мужика на улице неизбежно, например, при подвозе им хлеба, мяса и вина в благородные дома, пусть имеет специальное разрешение министерства охраны короны». — «Светлая голова! — восхищенно сказал дон Сэра, брызгая слюнями и мясным соком. — А вот вчера при дворе...» И он рассказал последнюю новость. Пассия дон Рэбы, фрейлина Окана, неосторожно наступила королю на большую ногу. Его величество пришел в ярость и, обратившись к дону Рэбе, приказал примерно наказать преступницу. На что дон Рэба, не моргнув глазом, ответил: «Будет исполнено, ваше величество. Нынче же ночью!» — «Я так хохотал, — сказал дон Сэра, крутя головой, — что у меня на камзоле отскочили два крючка...»

Протоплазма, думал Румата. Просто жрущая и размножающаяся протоплазма.

— Да, благородные доны, — сказал он. — Дон Рэба — умнейший человек...

— Ого-го! — сказал дон Сэра. — Еще какой! Светлейшая голова!..

— Выдающийся деятель, — сказал дон Тамэо значительно и с чувством.

— Сейчас даже странно вспомнить, — продолжал Румата, приветливо улыбаясь, — что говорилось о нем всего год назад. Помните, дон Тамэо, как остроумно вы осмеяли его кривые ноги?

Дон Тамэо поперхнулся и залпом осушил стакан ируканского.

— Не припоминаю, — пробормотал он. — Да и какой из меня осмеятель...

— Было, было, — сказал дон Сэра, укоризненно качая головой.

— Действительно! — воскликнул Румата. — Вы же присутствовали при этой беседе, дон Сэра! Помню, вы еще так хохотали над остроумными пассажирами дон Тамэо, что у вас что-то там отлетело в туалете...

Дон Сэра побагровел и стал длинно и косноязычно оправдываться, причем все время врал. Помрачневший дон Тамэо приналег на крепкое эсторское, а так как он, по его собственным словам, «как начал с позавчерашнего утра, так по сю пору не может остановиться», его, когда они выбрались из дома, пришлось поддерживать с двух сторон.

День был солнечный, яркий. Простой народ толкался между домами, ища, на что бы поглазеть, визжали и свистели мальчишки, кидаясь грязью, из окон выглядывали

хорошенькие горожанки в чепчиках, вертлявые служаночки застенчиво стреляли влажными глазами, и настроение стало понемногу подниматься. Дон Сэра очень ловко сшиб с ног какого-то мужика и чуть не помер от смеха, глядя, как мужик барахтается в луже. Дон Тамэо вдруг обнаружил, что надел перевязи с мечами задом наперед, закричал: «Стойте!» — и стал крутиться на месте, пытаясь перевернуться внутри перевязей. У дона Сэра опять что-то отлетело на камзоле. Румата поймал за розовое ушко пробежавшую служаночку и попросил ее помочь дону Тамэо привести себя в порядок. Вокруг благородных донов немедленно собралась толпа зевак, подававших служаночке советы, от которых та стала совсем пунцовой, а с камзола дона Сэра градом сыпались застежки, пуговицы и пряжки. Когда они, наконец, двинулись дальше, дон Тамэо принялся во всеуслышание сочинять дополнение к своей докладной, в котором он указывал на необходимость «непричисления хорошеньких особ женского пола к мужикам и простолюдинам». Тут дорогу им преградил воз с горшками. Дон Сэра обнажил оба меча и заявил, что благородным донам не пристало обходить всякие там горшки и он проложит себе дорогу сквозь этот воз. Но пока он примеривался, пытаясь различить, где кончается стена дома и начинаются горшки, Румата взялся за колеса и развернул воз, освободив проход. Зеваки, восхищенно наблюдавшие за происходившим, прокричали Румате тройное «ура». Благородные доны двинулись было дальше, но из окна на третьем этаже высунулся толстый сивый лавочник и стал распространяться о бесчинствах придворных, на которых «орел наш дон Рэба скоро найдет управу». Пришлось задержаться и переправить в это окно весь груз горшков. В последний горшок Румата бросил две золотые монеты с профилем Пица Шестого и вручил остолбеневшему владельцу воза.

— Сколько вы ему дали? — спросил дон Тамэо, когда они пошли дальше.

— Пустяк, — небрежно ответил Румата. — Два золотых.

— Spина святого Мики! — воскликнул дон Тамэо. — Вы богаты! Хотите, я продам вам своего хамахарского жеребца?

— Я лучше выиграю его у вас в кости, — сказал Румата.

— Верно! — сказал дон Сэра и остановился. — Почему бы нам не сыграть в кости!

— Прямо здесь? — спросил Румата.

— А почему бы нет? — спросил дон Сэра. — Не вижу, почему бы трем благородным донам не сыграть в кости там, где им хочется!

Тут дон Тамэо вдруг упал. Дон Сэра зацепился за его ноги и тоже упал.

— Я совсем забыл, — сказал он. — Нам ведь пора в караул.

Румата поднял их и повел, держа за локти. У огромного мрачного дома дона Сатарины он остановился.

— А не зайти ли нам к старому дону? — спросил он.

— Совершенно не вижу, почему бы трем благородным донам не зайти к старому дону Сатарине, — сказал дон Сэра.

Дон Тамэо открыл глаза.

— Находясь на службе короля, — провозгласил он, — мы должны всемерно смотреть в будущее. Д-дон Сатарина — это пройденный этап. Вперед, благородные доны! Мне нужно на пост...

— Вперед, — согласился Румата.

Дон Тамэо снова уронил голову на грудь и больше уже не просыпался. Дон Сэра, загибая пальцы, рассказывал о своих любовных победах. Так они добрались до дворца. В караульном помещении Румата с облегчением положил дона Тамэо на скамью, а дон Сэра уселся за стол, небрежно отодвинул пачку ордеров, подписанных королем, и заявил, что пришла, наконец, пора выпить холодного ируканского. Пусть хозяин катит бочку, приказал он, а эти девочки (он указал на караульных гвардейцев, игравших в карты за другим столом) пусть идут сюда. Пришел начальник караула, лейтенант гвардейской роты. Он долго присматривался к дону Тамэо и приглядывался к дону Сэра; и когда дон

Сэра осведомился у него, «зачем увяли все цветы в саду таинственном любви», решил, что послать их сейчас на пост, пожалуй, не стоит. Пусть пока так полежат.

Румата проиграл лейтенанту золотой и поговорил с ним о новых форменных перевязях и о способах заточки мечей. Он заметил между прочим, что собирается зайти к дону Сатарине, у которого есть оружие старинной заточки, и был очень огорчен, узнав, что почтенный вельможа окончательно спятил: еще месяц назад выпустил своих пленников, распустил дружину, а богатейший пыточный арсенал безвозмездно передал в казну. Стодвухлетний старец заявил, что остаток жизни намеревается посвятить добрым делам, и теперь, наверно, долго не протянет.

Попрощавшись с лейтенантом, Румата вышел из дворца и направился в порт. Он шел, огибая лужи и перепрыгивая через рытвины, полные зацветшей водой, бесцеремонно расталкивая зазевавшихся простолюдинов, подмигивая девушкам, на которых внешность его производила, по-видимому, неотразимое впечатление, раскланивался с дамами, которых несли в портшезах, дружески здоровался со знакомыми дворянами и нарочито не замечал серых штурмовиков.

Он сделал небольшой крюк, чтобы зайти в Патриотическую школу. Школа эта была учреждена иждивением дона Рэбы два года назад для подготовки из мелкопоместных и купеческих недорослей военных и административных кадров. Дом был каменный, современной постройки, без колонн и барельефов, с толстыми стенами, с узкими бойницеобразными окнами, с полукруглыми башнями по сторонам главного входа. В случае надобности в доме можно было продержаться.

По узким ступеням Румата поднялся на второй этаж и, звеня шпорами по камню, направился мимо классов к кабинету прокуратора школы. Из классов несло жужжание голосов, хоровые выкрики. «Кто есть король? Светлое величество. Кто есть министры? Верные, не знающие сомнений...», «...И бог, наш создатель, сказал: «Прокляну». И проклял...», «...А ежели рожок дважды протрубит, рассыпаться по двое как бы цепью, опустив притом пики...», «...Когда же пытаемый впадает в беспамятство, испытание, не увлекаясь, прекратить...»

Школа, думал Румата. Гнездо мудрости. Опора культуры...

Он, не стучась, толкнул низкую сводчатую дверь и вошел в кабинет, темный и ледяной, как погреб. Навстречу из-за огромного стола, заваленного бумагой и тростями для наказаний, выскочил длинный угловатый человек, лысый, с провалившимися глазами, затянутый в узкий серый мундир с нашивками министерства охраны короны. Это и был прокуратор Патриотической школы высокоученый отец Кин — садист-убийца, постригшийся в монахи, автор «Трактата о доносе», обратившего на себя внимание дона Рэбы.

Небрежно кивнув в ответ на витиеватое приветствие, Румата сел в кресло и положил ногу на ногу. Отец Кин остался стоять, согнувшись в позе почтительного внимания.

— Ну, как дела? — спросил Румата благосклонно. — Одних грамотеев режем, других учим?

Отец Кин ослабился.

— Грамотей не есть враг короля, — сказал он. — Враг короля есть грамотей-мечтатель, грамотей усомнившийся, грамотей неверящий! Мы же здесь...

— Ладно, ладно, — сказал Румата. — Верю. Что пописываешь? Читал я твой трактат — полезная книга, но глупая. Как же это ты? Нехорошо. Прокуратор!..

— Не умом поразить тщился, — с достоинством ответил отец Кин. — Единственно, чего добивался, — успеть в государственной пользе. Умные нам ненадобны. Надобны верные. И мы...

— Ладно, ладно, — сказал Румата. — Верю. Так пишешь что новое или нет?

— Собираюсь подать на рассмотрение министру рассуждение о новом государстве, образцом коего полагаю Область Святого Ордена.

— Это что же ты? — удивился Румата. — Всех нас в монахи хочешь?..

Отец Кин стиснул руки и подался вперед.

— Разрешите пояснить, благородный дон, — горячо сказал он, облизнув губы. — Суть совсем в ином! Суть в основных установлениях нового государства. Установления просты, и их всего три: слепая вера в непогрешимость законов, беспрекословное оным повиновение, а также неусыпное наблюдение каждого за всеми!

— Гм, — сказал Румата. — А зачем?

— Что «зачем»?

— Глуп ты все-таки, — сказал Румата. — Ну ладно, верю. Так о чем это я?.. Да! Завтра ты примешь двух новых наставников. Их зовут: отец Тарра, очень почтенный старец, занимается этой... космографией, и брат Нанин, тоже верный человек, силен в истории. Это мои люди, и прими их почтительно. Вот залог. — Он бросил на стол звякнувший мешочек. — Твоя доля здесь — пять золотых... Все понял?

— Да, благородный дон, — сказал отец Кин.

Румата зевнул и огляделся.

— Вот и хорошо, что понял, — сказал он. — Мой отец почему-то очень любил этих людей и завещал мне устроить их жизнь. Вот объясни мне, ученый человек, откуда в благороднейшем доне может быть такая привязанность к грамотею?

— Возможно, какие-нибудь особые заслуги? — предположил отец Кин.

— Это ты о чем? — подозрительно спросил Румата. — Хотя почему же? Да... Дочка там хорошенькая или сестра... Вина, конечно, у тебя здесь нет?

Отец Кин виновато развел руки. Румата взял со стола один из листков и некоторое время подержал перед глазами.

— «Споспешествование»... — прочел он. — Мудрецы! — Он уронил листок на пол и встал. — Смотри, чтобы твоя ученая свора их здесь не обижала. Я их как-нибудь навещу, и если узнаю... — Он поднес под нос отцу Кину кулак. — Ну ладно, ладно, не бойся, не буду...

Отец Кин почтительно хихикнул. Румата кивнул ему и направился к двери, царапая пол шпорами.

На улице Премногоблагодарения он заглянул в оружейную лавку, купил новые кольца для ножен, попробовал пару кинжалов (покидал в стену, примерил к ладони — не понравились), затем, присев на прилавок, поговорил с хозяином, отцом Гауком. У отца Гаука были печальные добрые глаза и маленькие бледные руки в неотмытых чернильных пятнах. Румата немного поспорил с ним о достоинствах стихов Цурэна, выслушал интересный комментарий к строчке «Как лист увядший падает на душу...», попросил прочесть что-нибудь новенькое и, повздыхав вместе с автором над невыразимо грустными строфами, продекламировал перед уходом «Быть или не быть?» в своем переводе на ируканский.

— Святой Мика! — вскричал воспламененный отец Гаук. — Чьи это стихи?

— Мои, — сказал Румата и вышел.

Он зашел в «Серую Радость», выпил стакан арканарской кислятины, потрепал хозяйку по щеке, перевернул, ловко двинув мечом, столик штатного осведомителя, пялившего на него пустые глаза, затем прошел в дальний угол и отыскал там обтрепанного бородатого человечка с чернильницей на шее.

— Здравствуй, брат Нанин, — сказал он. — Сколько прошений написал сегодня?

Брат Нанин застенчиво улыбнулся, показав мелкие испорченные зубы.

— Сейчас пишут мало прошений, благородный дон, — сказал он. — Одни считают, что просить бесполезно, а другие рассчитывают в ближайшее время взять без спроса.

Румата наклонился к его уху и рассказал, что дело с Патриотической школой улажено.

— Вот тебе два золотых, — сказал он в заключение. — Оденься, приведи себя в порядок. И будь осторожнее... хотя бы в первые дни. Отец Кин опасный человек.

— Я прочитаю ему свой «Трактат о слухах», — весело сказал брат Нанин. — Спасибо, благородный дон.

— Чего не сделаешь в память о своем отце! — сказал Румата. — А теперь скажи, где мне найти отца Тарра?

Брат Нанин перестал улыбаться и растерянно замигал.

— Вчера здесь случилась драка, — сказал он. — А отец Тарра немного перепил. И потом, он же рыжий... Ему сломали ребро.

Румата крикнул от досады.

— Вот несчастье! — сказал он. — И почему вы так много пьете?

— Иногда бывает трудно удержаться, — грустно сказал брат Нанин.

— Это верно, — сказал Румата. — Ну что ж, вот еще два золотых, береги его.

Брат Нанин наклонился, ловя его руку. Румата отступил.

— Ну-ну, — сказал он. — Это не самая лучшая из твоих шуток, брат Нанин. Прощай.

В порту пахло, как нигде в Арканаре. Пахло соленой водой, тухлой тиной, пряностями, смолой, дымом, лежалой солониной, из таверн несло чадом, жареной рыбой, прокисшей брагой. В душном воздухе висела густая разноязыкая ругань. На пирсах, в тесных проходах между складами, вокруг таверн толпились тысячи людей диковинного вида: расхлюстанные матросы, надутые купцы, угрюмые рыбаки, торговцы рабами, торговцы женщинами, раскрашенные девки, пьяные солдаты, какие-то неясные личности, увешанные оружием, фантастические оборванцы с золотыми браслетами на грязных лапах. Все были возбуждены и обозлены. По приказу дон Рэбы вот уже третий день ни один корабль, ни один челнок не мог покинуть порта. У причалов поигрывали ржавыми мясницкими топорами серые штурмовики — поплевывали, нагло и злорадно поглядывая на толпу. На арестованных кораблях группами по пять-шесть человек сидели на корточках ширококостные меднокожие люди в шкурах шерстью наружу и медных колпаках — наемники-варвары, никудышные в рукопашном бою, но страшные вот так, на расстоянии, своими длиннющими духовыми трубками, стреляющими отравленной колючкой. А за лесом мачт, на открытом рейде чернели в мертвом штиле длинные боевые галеры королевского флота. Время от времени они выпускали красные огненно-дымные струи, воспламеняющие море, — жгли нефть для устрашения.

Румата миновал таможенную канцелярию, где перед запертыми дверями сгрудились угрюмые морские волки, тщетно ожидающие разрешения на выход, протолкался через крикливую толпу, торгующую чем попало (от рабынь и черного жемчуга до наркотиков и дрессированных пауков), вышел к пирсам, покосился на выложенные в ряд для всеобщего обозрения на самом солнцепеке раздутые трупы в матросских куртках и, описав дугу по захламленному пустырю, проник в вонючие улочки портовой окраины. Здесь было тише. В дверях убогих притончиков дремали полуголые девки, на перекрестке валялся разбитой мордой вниз упившийся солдат с вывернутыми карманами, вдоль стен крались подозрительные фигуры с бледными ночными физиономиями.

Днем Румата был здесь впервые и сначала удивился, что не привлекает внимания: встречные заплывшими глазами глядели либо мимо, либо как бы сквозь него, хотя и сторонились, давая дорогу. Но, сворачивая за угол, он случайно обернулся и успел заметить, как десятка полтора разнокалиберных голов, мужских и женских, лохматых и лысых, мгновенно втянулись в двери, в окна, в подворотни. Тогда он ощутил странную атмосферу этого гнусного места, атмосферу не то чтобы вражды или опасности, а какого-то нехорошего, корыстного интереса.

Толкнув плечом дверь, он вошел в один из притонов, где в полутемной зальце дремал за стойкой длинноносый старичок с лицом мумии. За столами было пусто. Румата неслышно подошел к стойке и примерился уже щелкнуть старика в длинный нос, как вдруг заметил, что спящий старик вовсе не спит, а сквозь голые прижмуренные веки

внимательно его разглядывает. Румата бросил на стойку серебряную монетку, и глаза старичка сейчас же широко раскрылись.

— Что будет угодно благородному дону? — деловито осведомился он. — Травку? Понюшку? Девочку?

— Не притворяйся, — сказал Румата. — Ты знаешь, зачем я сюда прихожу.

— Э-э, да никак это дон Румата! — с необычайным удивлением вскричал старик. — Я и то смотрю, что-то знакомое...

Сказавши это, он снова опустил веки. Все было ясно. Румата обошел стойку и пролез сквозь узкую дверь в соседнюю комнатку. Здесь было тесно, темно и воняло душной кислятиной. Посредине за высокой конторкой стоял, согнувшись над бумагами, сморщенный пожилой человек в плоской черной шапочке. На конторке мигала копилка, и в сумраке виднелись только лица людей, неподвижно сидевших у стен. Румата, придерживая мечи, тоже нашарил табурет у стены и сел. Здесь были свои законы и свой этикет. Внимания на вошедшего никто не обратил: раз пришел человек, значит, так надо, а если не надо, то мигнут — и не станет человека. Ищи его хоть по всему свету... Сморщенный старик прилежно скрипел пером, люди у стен были неподвижны. Время от времени то один из них, то другой протяжно вздыхал. По стенам, легонько топоча, бегали невидимые ящерицы-мухоловки.

Неподвижные люди у стен были главарями банд — некоторых Румата давно знал в лицо. Сами по себе эти тупые животные стоили немного. Их психология была не сложнее психологии среднего лавочника. Они были невежественны, беспощадны и хорошо владели ножами и короткими дубинками. А вот человек у конторки...

Его звали Вага Колесо, и он был всемогущим, не знающим конкурентов главою всех преступных сил Запроливья — от Питанских болот на западе Ирукана до морских границ торговой республики Соан. Он был проклят всеми тремя официальными церквями Империи за неумеренную гордыню, ибо называл себя младшим братом царствующих особ. Он располагал ночной армией общей численностью до десяти тысяч человек, богатством в несколько сотен тысяч золотых, а агентура его проникала в святая святых государственного аппарата. За последние двадцать лет его четырежды казнили, каждый раз при большом стечении народа; по официальной версии, он в настоящий момент томился сразу в трех самых мрачных застенках Империи, а дон Рэба неоднократно издавал указы «касательно возмутительного распространения государственными преступниками и иными злоумышленниками легенд о так называемом Ваге Колесе, на самом деле не существующем и, следовательно, легендарном». Тот же дон Рэба вызывал к себе, по слухам, некоторых баронов, располагающих сильными дружинами, и предлагал им вознаграждение: пятьсот золотых за Вагу мертвого и семь тысяч золотых за живого. Самому Румате пришлось в свое время потратить немало сил и золота, чтобы войти в контакт с этим человеком. Вага вызывал в нем сильнейшее отвращение, но иногда был чрезвычайно полезен — буквально незаменим. Кроме того, Вага сильно занимал Румату как ученого. Это был любопытнейший экспонат в его коллекции средневековых монстров, личность, не имеющая, по-видимому, совершенно никакого прошлого...

Вага, наконец, положил перо, распрямился и сказал скрипуче:

— Вот так, дети мои. Две с половиной тысячи золотых за три дня. А расходов всего одна тысяча девятьсот девяносто шесть. Пятьсот четыре маленьких кругленьких золотых за три дня. Неплохо, дети мои, неплохо...

Никто не пошевелился. Вага отошел от конторки, сел в углу и сильно потер сухие ладони.

— Есть чем порадовать вас, дети мои, — сказал он. — Времена настают хорошие, изобильные... Но придется потрудиться. Ох как придется! Мой старший брат, король Арканарский, решил известить всех ученых людей в нашем с ним королевстве. Ну что ж, ему виднее. Да и кто мы такие, чтобы обсуждать его высокие решения? Однако выгоду из этого его решения извлечь можно и должно. И поскольку мы его верные подданные, мы

ему услужим. Но поскольку мы его ночные подданные, мы и свою малую толику не упустим. Он этого не заметит и не будет гневаться на нас. Что?

Никто не пошевелился.

— Мне показалось, что Пига вздохнул. Это правда, Пига, сынок?

В темноте заерзали и прокашлялись.

— Не вздыхал я, Вага, — сказал грубый голос. — Как можно...

— Нельзя, Пига, нельзя! Правильно! Все вы сейчас должны слушать меня, затаив дыхание. Все вы разъедетесь отсюда и возьметесь за тяжкий труд, и некому будет тогда посоветовать вам. Мой старший брат, его величество, устами министра своего дона Рэбы обещал за головы некоторых бежавших и скрывающихся ученых людей немалые деньги. Мы должны доставить ему эти головы и порадовать его, старика. А с другой стороны, некоторые ученые люди хотят скрыться от гнева моего старшего брата и не пожалеют для этого своих средств. Во имя милосердия и чтобы облегчить душу моего старшего брата от бремени лишних злодейств, мы поможем этим людям. Впрочем, впоследствии, если его величеству понадобятся и эти головы, он их получит. Дешево, совсем дешево...

Вага замолчал и опустил голову. По щекам его вдруг потекли старческие медленные слезы.

— А ведь я старею, дети мои, — сказал он, всхлипнув. — Руки мои дрожат, ноги подгибаются подо мною, и память начинает мне изменять. Забыл ведь, совсем забыл, что среди нас, в этой душной, тесной клетушке томится благородный дон, которому совершенно нет дела до наших грошовых расчетов. Уйду я. Уйду на покой. А пока, дети мои, давайте извинимся перед благородным доном...

Он встал и, кряхтя, согнулся в поклоне. Остальные тоже встали и тоже поклонились, но с явной нерешительностью и даже с испугом. Румата буквально слышал, как трещат их тупые, примитивные мозги в тщетном стремлении угнаться за смыслом слов и поступков этого согбенного старичка.

Дело было, конечно, ясное: разбойничек пользовался лишним шансом довести до сведения дона Рэбы, что ночная армия в происходящем погроме намерена действовать вместе с серыми. Теперь же, когда настало время давать конкретные указания, называть имена и сроки операций, присутствие благородного дона становилось, мягко выражаясь, обременительным, и ему, благородному дону, предлагалось быстренько изложить свое дело и выметаться вон. Темненький старичок. Страшненький. И почему он в городе? Вага терпеть не может города.

— Ты прав, почтенный Вага, — сказал Румата. — Мне недосуг. Однако извиниться должен я, потому что беспокою тебя по совершенно пустяковому делу. — Он продолжал сидеть, и все слушали его стоя. — Случилось так, что мне нужна твоя консультация... Ты можешь сесть.

Вага еще раз поклонился и сел.

— Дело вот в чем, — продолжал Румата. — Три дня назад я должен был встретиться в Урочище Тяжелых Мечей со своим другом, благородным доном из Ирукана. Но мы не встретились. Он исчез. Я знаю точно, что ируканскую границу он пересек благополучно. Может быть, тебе известна его дальнейшая судьба?

Вага долго не отвечал. Бандиты сопели и вздыхали. Потом Вага откашлялся.

— Нет, благородный дон, — сказал он. — Нам ничего не известно о таком деле.

Румата сейчас же встал.

— Благодарю тебя, почтенный, — сказал он. Он шагнул на середину комнаты и положил на конторку мешочек с десятком золотых. — Оставляю тебя с просьбой: если тебе станет что-нибудь известно, дай мне знать. — Он прикоснулся к шляпе. — Прощай.

Возле самой двери он остановился и небрежно сказал через плечо:

— Ты тут говорил что-то об ученых людях. Мне пришла сейчас в голову мысль. Я чувствую, трудами короля в Арканаре через месяц не отыщешь ни одного порядочного книгочея. А я должен основать в метрополии университет, потому что дал обет за

излечение меня от черного мора. Будь добр, когда подналовишь книгочеев, извести сначала меня, а потом уже дона Рэбу. Может статься, я отберу себе парочку для университета.

— Недешево обойдется, — сладким голосом предупредил Вага. — Товар редкостный, не залеживается.

— Честь дороже, — высокомерно сказал Румата и вышел.

Глава 3

Этого Вагу, думал Румата, было бы очень интересно изловить и вывезти на Землю. Технически это несложно. Можно было бы сделать это прямо сейчас. Что бы он стал делать на Земле? Румата попытался представить себе, что Вага стал бы делать на Земле. В светлую комнату с зеркальными стенами и кондиционированным воздухом, пахнущим хвоей или морем, бросили огромного мохнатого паука. Паук прижался к сверкающему полу, судорожно повел злобными глазками и — что делать? — боком, боком кинулся в самый темный угол, вжался, угрожающе выставив ядовитые челюсти. Конечно, прежде всего Вага стал бы искать обиженных. И, конечно, самый глупый обиженный показался бы ему слишком чистым и непригодным к использованию. А ведь захирел бы старичок. Пожалуй, даже и умер бы. А впрочем, кто его знает! В том-то все и дело, что психология этих монстров — совершенно темный лес. Святой Мика! Разобраться в ней гораздо сложнее, чем в психологии негуманоидных цивилизаций. Все их действия можно объяснить, но чертовски трудно эти действия предсказать. Да, может быть, и помер бы с тоски. А может быть, огляделся бы, приспособился, прикинул бы, что к чему, и поступил бы лесничим в какой-нибудь заповедник. Ведь не может же быть, чтобы не было у него мелкой, безобидной страстишки, которая здесь ему только мешает, а там могла бы стать сутью его жизни. Кажется, он кошек любит. В берлоге у него, говорят, целое стадо, и специальный человек к ним приставлен. И он этому человеку даже платит, хотя скуп и мог бы просто пригрозить. Но что бы он стал делать на Земле со своим чудовищным властолюбием — непонятно!

Румата остановился перед таверной и хотел было зайти, но обнаружил, что у него пропал кошелек. Он стоял перед входом в полной растерянности (он никак не мог привыкнуть к таким вещам, хотя это случилось с ним не впервые) и долго шарил по всем карманам. Всего было три мешочка, по десятку золотых в каждом. Один получил прокуратор, отец Кин, другой получил Вага. Третий исчез. В карманах было пусто, с левой штанины были аккуратно срезаны все золотые бляшки, а с пояса исчез кинжал.

Тут он заметил, что неподалеку остановились двое штурмовиков, глазают на него и скалят зубы. Сотруднику Института было на это наплевать, но благородный дон Румата Эсторский осатанел. На секунду он потерял контроль над собой. Он шагнул к штурмовикам, рука его непроизвольно поднялась, сжимаясь в кулак. Видимо, лицо его изменилось страшно, потому что насмешники шарахнулись и с застывшими, как у паралитиков, улыбками торопливо юркнули в таверну.

Тогда он испугался. Ему стало так страшно, как было только один раз в жизни, когда он — в то время еще сменный пилот рейсового звездолета — ощутил первый приступ малярии. Неизвестно, откуда взялась эта болезнь, и уже через два часа его с удивленными шутками и прибаутками вылечили, но он навсегда запомнил потрясение, испытанное им, совершенно здоровым, никогда не болевшим человеком, при мысли о том, что в нем что-то разладилось, что он стал ущербным и словно бы потерял единоличную власть над своим телом.

Я же не хотел, подумал он. У меня и в мыслях этого не было. Они же ничего особенного не делали — ну, стояли, ну, скалили зубы... Очень глупо скалили, но у меня, наверное, был ужасно нелепый вид, когда я шарил по карманам. Ведь я их чуть не зарубил, вдруг понял он. Если бы они не убрались, я бы их зарубил. Он вспомнил, как

совсем недавно на пари разрубил одним ударом сверху донизу чучело, одетое в двойной соанский панцирь, и по спине у него побежали мурашки... Сейчас бы они валялись вот здесь, как свиные туши, а я бы стоял с мечом в руке и не знал, что делать... Вот так бог! Озверел...

Он почувствовал вдруг, что у него болят все мышцы, как после тяжелой работы. Ну, тихо, сказал он про себя. Ничего страшного. Все прошло. Просто вспышка. Мгновенная вспышка, и все уже прошло. Я же все-таки человек, и все животное мне не чуждо... Это просто нервы. Нервы и напряжение последних дней... А главное — это ощущение наползающей тени. Непонятно чья, непонятно откуда, но она наползает и наползает совершенно неотвратно...

Эта неотвратимость чувствовалась во всем. И в том, что штурмовики, которые еще совсем недавно трусливо жались к казармам, теперь с топорами наголо свободно разгуливают прямо посередине улиц, где раньше разрешалось ходить только благородным донам. И в том, что исчезли из города уличные певцы, рассказчики, плясуны, акробаты. И в том, что горожане перестали распевать куплеты политического содержания, стали очень серьезными и совершенно точно знали, что необходимо для блага государства. И в том, что внезапно и необъяснимо был закрыт порт. И в том, что были разгромлены и сожжены «возмущенным народом» все лавочки, торгующие раритетами, — единственные места в королевстве, где можно было купить или взять на время книги и рукописи на всех языках Империи и на древних, ныне мертвых, языках аборигенов Запроливья. И в том, что украшение города, сверкающая башня астрологической обсерватории, торчала теперь в синем небе черным гнилым зубом, спаленная «случайным пожаром». И в том, что потребление спиртного за два последних года выросло в четыре раза — в Арканаре-то, издревле славившемся безудержным пьянством! И в том, что привычно забытые, замордованные крестьяне окончательно зарылись под землю в своих Благорастворениях, Райских Куцах и Воздушных Лобзаниях, не решаясь выходить из землянок даже для необходимых полевых работ. И, наконец, в том, что старый стервятник Вага Колесо переселился в город, чуя большую поживу... Где-то в недрах дворца, в роскошных апартаментах, где подагрический король, двадцать лет не видевший солнца из страха перед всем на свете, сын собственного прадеда, слабоумно хихикая, подписывает один за другим жуткие приказы, обрекающие на мучительную смерть самых честных и бескорыстных людей, где-то там вызревал чудовищный гнойник, и прорыва этого гнойника надо было ждать не сегодня-завтра...

Румата поскользнулся на разбитой дыне и поднял голову. Он был на улице Премногоблагодарения, в царстве солидных купцов, менял и мастеров-ювелиров. По сторонам стояли добротные старинные дома с лавками и лабазами, тротуары здесь были широки, а мостовая выложена гранитными брусками. Обычно здесь можно было встретить благородных да тех, кто побогаче, но сейчас навстречу Румате валила густая толпа возбужденных простолюдинов. Румату осторожно обходили, подобострастно поглядывая, многие на всякий случай кланялись. В окнах верхних этажей маячили толстые лица, на них остывало возбужденное любопытство. Где-то впереди начальственно покрикивали: «А ну проходи!.. Разойдись!.. А ну, быстро!..» В толпе переговаривались:

— В них-то самое зло и есть, их-то и опасайся больше всего. На вид-то они тихие, благодетельные, почтенные, поглядишь — купец купцом, а внутри яд горький!..

— Как они его, черта... Я уж на что привычный, да, веришь, замутило смотреть...

— А им хоть что... Во ребята! Прямо сердце радуется. Такие не выдадут.

— А может, не надо бы так? Все-таки человек, живое дыхание... Ну, грешен — так накажите, поучите, а зачем вот так-то?..

— Ты, это, брось!.. Ты, это, потише: во-первых, люди кругом...

— Хозяин, а хозяин! Сукно есть хорошее, отдадут, не подорожатся, если нажать... Только быстрее надо, а то опять Пакиновы приказчики перехватят...

— Ты, сынок, главное, не сомневайся. Поверь, главное. Раз власти поступают — значит, знают, что делают...

Опять кого-то забили, подумал Румата. Ему захотелось свернуть и обойти стороной то место, откуда текла толпа и где кричали проходить и разойтись. Но он не свернул. Он только провел рукой по волосам, чтобы упавшая прядь не закрыла камень на золотом обруче. Камень был не камень, а объектив телепередатчика, и обруч был не обруч, а рация. Историки на Земле видели и слышали все, что видели и слышали двести пятьдесят разведчиков на девяти материках планеты. И потому разведчики были обязаны смотреть и слушать.

Здрав подбородок и растопырив в стороны мечи, чтобы задевать побольше народу, он пошел прямо на людей посередине мостовой, и встречные поспешно шарахались, освобождая дорогу. Четверо коренастых носильщиков с раскрашенными мордами пронесли через улицу серебристый портшез. Из-за занавесок выглянуло красивое холодное личико с подведенными ресницами. Румата сорвал шляпу и поклонился. Это была дона Окана, нынешняя фаворитка орла нашего, дона Рэбы. Увидя великолепного кавалера, она томно и значительно улыбнулась ему. Можно было, не задумываясь, назвать два десятка благородных донов, которые, удостоившись такой улыбки, кинулись бы к женам и любовницам с радостным известием: «Теперь все прочие пусть поберегутся, всех теперь куплю и продам, все им припомню!..» Такие улыбки — штука редкая и подчас неопределимо дорогая. Румата остановился, провожая взглядом портшез. Надо решаться, подумал он. Надо, наконец, решаться... Он поежился при мысли о том, чего это будет стоить. Но ведь надо! Надо... Решено, подумал он, все равно другого пути нет. Сегодня вечером. Он поравнялся с оружейной лавкой, куда заглядывал давеча прицениться к кинжалам и послушать стихи, и снова остановился. Вон оно что... Значит, это была твоя очередь, добрый отец Гаук...

Толпа уже рассосалась. Дверь лавки была сорвана с петель, окна выбиты. В дверном проеме стоял, упершись ногой в косяк, огромный штурмовик в серой рубашке. Другой штурмовик, пожиже, сидел на корточках у стены. Ветер катал по мостовой мятые исписанные листы.

Огромный штурмовик сунул палец в рот, пососал, потом вынул изо рта и оглядел внимательно. Палец был в крови. Штурмовик поймал взгляд Руматы и благодушно просипел:

— Кусается, стерва, что твой хорек...

Второй штурмовик торопливо хихикнул. Этаким жиденький, бледный парнишка, неуверенный, с прыщавой мордой, сразу видно: новичок, гаденыш, щенок...

— Что здесь произошло? — спросил Румата.

— За скрытого книгочея подержались, — нервно сказал щенок.

Верзила опять принялся сосать палец, не меняя позы.

— Смир-рна! — негромко скомандовал Румата.

Щенок торопливо вскочил и подобрал топор. Верзила подумал, но все-таки опустил ногу и встал довольно прямо.

— Так что за книгочей? — осведомился Румата.

— Не могу знать, — сказал щенок. — По приказу отца Цупика...

— Ну и что же? Взяли?

— Так точно! Взяли!

— Это хорошо, — сказал Румата.

Это действительно было совсем не плохо. Время еще оставалось. Нет ничего дороже времени, подумал он. Час стоит жизни, день бесценен.

— И куда же вы его? В Башню?

— А? — растерянно спросил щенок.

— Я спрашиваю, он в Башне сейчас?

На прыщавой мордочке расплылась неуверенная улыбка. Верзила заржал. Румата стремительно обернулся. Там, на другой стороне улицы, мешком тряпья висел на перекладине ворот труп отца Гаука. Несколько оборванных мальчишек, раскрыв рты, глазели на него со двора.

— Нынче в Башню не всякого отправляют, — благодушно просипел за спиной верзила. — Нынче у нас быстро. Узел за ухо — и пошел прогуляться...

Щенок снова захихикал. Румата слепо оглянулся на него и медленно перешел улицу. Лицо печального поэта было черным и незнакомым. Румата опустил глаза. Только руки были знакомы, длинные слабые пальцы, запачканные чернилами...

Теперь не уходят из жизни,
Теперь из жизни уводят.
И если кто-нибудь даже
Захочет, чтоб было иначе,
Бессильный и неумелый,
Опустит слабые руки,
Не зная, где сердце спрута
И есть ли у спрута сердце...

Румата повернулся и пошел прочь. Добрый слабый Гаук... У спрута есть сердце. И мы знаем, где оно. И это всего страшнее, мой тихий, беспомощный друг. Мы знаем, где оно, но мы не можем разубить его, не проливая крови тысяч запуганных, одурманенных, слепых, не знающих сомнения людей. А их так много, безнадежно много, темных, разъединенных, озлобленных вечным неблагодарным трудом, униженных, не способных еще подняться над мыслишкой о лишнем медяке... И их еще нельзя научить, объединить, направить, спасти от самих себя. Рано, слишком рано, на столетия раньше, чем можно, поднялась в Арканаре серая топь, она не встретит отпора, и остается одно: спасать тех немногих, кого можно успеть спасти. Будаха, Тарру, Нанина, ну еще десяток, ну еще два десятка...

Но одна только мысль о том, что тысячи других, пусть менее талантливых, но тоже честных, по-настоящему благородных людей фатально обречены, вызвала в груди ледяной холод и ощущение собственной подлости. Временами это ощущение становилось таким острым, что сознание помрачалось, и Румата словно наяву видел спины серой сволочи, озаряемые лиловыми вспышками выстрелов, и перекошенную животным ужасом всегда такую незаметную, бледненькую физиономию донна Рэбы, и медленно обрушивающуюся внутрь себя Веселую Башню... Да, это было бы сладостно. Это было бы настоящее дело. Настоящее макроскопическое воздействие. Но потом... Да, они в Институте правы. Потом неизбежное. Кровавый хаос в стране. Ночная армия Ваги, выходящая на поверхность, десять тысяч головорезов, отлученных всеми церквями, насильников, убийц, растлителей; орды меднокожих варваров, спускающиеся с гор и истребляющие все живое, от младенцев до стариков; громадные толпы слепых от ужаса крестьян и горожан, бегущих в леса, в горы, в пустыни; и твои сторонники — веселые люди, смелые люди! — вспарывающие друг другу животы в жесточайшей борьбе за власть и за право владеть пулеметом после твоей неизбежно насильственной смерти... И эта нелепая смерть — из чаши вина, поданной лучшим другом, или от арбалетной стрелы, свистнувшей в спину из-за портьеры. И окаменевшее лицо того, кто будет послан с Земли тебе на смену и найдет страну, обезлюдевшую, залитую кровью, догорающую пожарищами, в которой все, все, все придется начинать сначала...

Когда Румата пнул дверь своего дома и вошел в великолепную обветшалую прихожую, он был мрачен, как туча. Муга, седой, сгорбленный слуга с сорокалетним лакейским стажем, при виде его съежился и только смотрел, втянув голову в плечи, как

свирепый молодой хозяин срывает с себя шляпу, плащ и перчатки, швыряет на лавку ремни с мечами и поднимается в свои покои. В гостиной Румату ждал мальчик Уно.

— Вели подать обедать, — прорычал Румата. — В кабинет.

Мальчик не двинулся с места.

— Вас там дожидаются, — угрюмо сообщил он.

— Кто еще?

— Девка какая-то. А может, дона. По обращению вроде девка — ласковая, а одета по-благородному... Красивая.

Кира, подумал Румата с нежностью и облегчением. Ох, как славно! Как чувствовала, маленькая моя... Он постоял, закрыв глаза, собираясь с мыслями.

— Прогнать, что ли? — деловито спросил мальчик.

— Балда ты, — сказал Румата. — Я тебе прогоню!.. Где она?

— Да в кабинете, — сказал мальчик, неумело улыбаясь.

Румата скорым шагом направился в кабинет.

— Вели обед на двоих, — приказал он на ходу. — И смотри: никого не пускать! Хоть король, хоть черт, хоть сам дон Рэба...

Она была в кабинете, сидела с ногами в кресле, подпершись кулачком, и рассеянно перелистывала «Трактат о слухах». Когда он вошел, она вскинулась, но он не дал ей подняться, подбежал, обнял и сунул нос в пышные душистые ее волосы, бормоча: «Как кстати, Кира!.. Как кстати!..»

Ничего в ней особенного не было. Девчонка как девчонка, восемнадцать лет, курносенькая, отец — помощник писца в суде, брат — сержант у штурмовиков. И замуж ее медлили брать, потому что была рыжая, а рыжих в Арканаре не жаловали. По той же причине была она на удивление тиха и застенчива, и ничего в ней не было от горластых, пышных мещанок, которые очень ценились во всех сословиях. Не была она похожа и на томных придворных красавиц, слишком рано и на всю жизнь познающих, в чем смысл женской доли. Но любить она умела, как любят сейчас на Земле, — спокойно и без оглядки...

— Почему ты плакала?

— Почему ты такой сердитый?

— Нет, ты скажи, почему ты плакала?

— Я тебе потом расскажу. У тебя глаза совсем-совсем усталые... Что случилось?

— Потом. Кто тебя обидел?

— Никто меня не обидел. Увези меня отсюда.

— Обязательно.

— Когда мы уедем?

— Я не знаю, маленькая. Но мы обязательно уедем.

— Далеко?

— Очень далеко.

— В метрополию?

— Да... в метрополию. Ко мне.

— Там хорошо?

— Там дивно хорошо. Там никто никогда не плачет.

— Так не бывает.

— Да, конечно. Так не бывает. Но ты там никогда не будешь плакать.

— А какие там люди?

— Как я.

— Все такие?

— Не все. Есть гораздо лучше.

— Вот это уж не бывает.

— Вот это уж как раз бывает!

— Почему тебе так легко верить? Отец никому не верит. Брат говорит, что все свиньи, только одни грязные, а другие нет. Но я им не верю, а тебе всегда верю...

— Я люблю тебя...

— Подожди... Румата... Сними обруч... Ты говорил — это грешно...

Румата счастливо засмеялся, стянул с головы обруч, положил его на стол и прикрыл книгой.

— Это глаз бога, — сказал он. — Пусть закроется... — Он поднял ее на руки. — Это очень грешно, но когда я с тобой, мне не нужен бог. Правда?

— Правда, — сказала она тихонько.

Когда они сели за стол, жаркое остыло, а вино, принесенное с ледника, степлилось. Пришел мальчик Уно и, неслышно ступая, как учил его старый Муга, пошел вдоль стен, зажигая светильники, хотя было еще светло.

— Это твой раб? — спросила Кира.

— Нет, это свободный мальчик. Очень славный мальчик, только очень скупой.

— Денежки счет любят, — заметил Уно не оборачиваясь.

— Так и не купил новые простыни? — спросил Румата.

— Чего там, — сказал мальчик. — И старые сойдут...

— Слушай, Уно, — сказал Румата. — Я не могу месяц подряд спать на одних и тех же простынях.

— Хэ, — сказал мальчик. — Его величество по полгода спят и не жалуются...

— А маслице, — сказал Румата, подмигивая Кире, — маслице в светильниках. Оно что — бесплатное?

Уно остановился.

— Так ведь гости у вас, — сказал он, наконец, решительно.

— Видишь, какой он! — сказал Румата.

— Он хороший, — серьезно сказала Кира. — Он тебя любит. Давай возьмем его с собой.

— Посмотрим, — сказал Румата.

Мальчик подозрительно спросил:

— Это куда еще? Никуда я не поеду.

— Мы поедем туда, — сказала Кира, — где все люди как дон Румата.

Мальчик подумал и презрительно сказал: «В рай, что ли, для благородных?..» Затем он насмешливо фыркнул и побрел из кабинета, шаркая разбитыми башмаками. Кира посмотрела ему вслед.

— Славный мальчик, — сказала она. — Угрюмый, как медвежонок. Хороший у тебя друг.

— У меня все друзья хорошие.

— А барон Пампа?

— Откуда ты его знаешь? — удивился Румата.

— А ты больше ни про кого и не рассказываешь. Я от тебя только и слышу — барон Пампа да барон Пампа.

— Барон Пампа — отличный товарищ.

— Как это так: барон — товарищ?

— Я хочу сказать, хороший человек. Очень добрый и веселый. И очень любит свою жену.

— Я хочу с ним познакомиться... Или ты стесняешься меня?

— Не-ет, я не стесняюсь. Только он хоть и хороший человек, а все-таки барон.

— А... — сказала она.

Румата отодвинул тарелку.

— Ты все-таки скажи мне, почему плакала. И прибежала одна. Разве сейчас можно одной по улицам бегать?

— Я не могла дома. Я больше не вернусь домой. Можно, я у тебя служанкой буду? Даром.

Румата просмеялся сквозь комок в горле.

— Отец каждый день доносы переписывает, — продолжала она с тихим отчаянием. — А бумаги, с которых переписывает, все в крови. Ему их в Веселой Башне дают. И зачем ты только меня читать научил? Каждый вечер, каждый вечер... Перепишет пыточную запись — и пьет... Так страшно, так страшно!.. «Вот, — говорит, — Кира, наш сосед-каллиграф учил людей писать. Кто, ты думаешь, он есть? Под пыткой показал, что колдун и ируканский шпион. Кому же, — говорит, — теперь верить? Я, — говорит, — сам у него письму учился». А брат придет из патруля — пьяней пива, руки все в засохшей крови... «Всех, — говорит, — вырежем до двенадцатого потомка...» Отца допрашивает, почему, мол, грамотный... Сегодня с приятелями затащил в дом какого-то человека... Били его, все кровью забрызгали. Он уж и кричать перестал. Не могу я так, не вернусь, лучше убей меня!..

Румата встал возле нее, глядя по волосам. Она смотрела в одну точку блестящими сухими глазами. Что он мог ей сказать? Поднял на руки, отнес на диван, сел рядом и стал рассказывать про хрустальные храмы, про веселые сады на много миль без гнилья, комаров и нечисти, про скатерть-самобранку, про ковры-самолеты, про волшебный город Ленинград, про своих друзей — людей гордых, веселых и добрых, про дивную страну за морями, за горами, которая называется по-странному — Земля... Она слушала тихо и внимательно и только крепче прижималась к нему, когда под окнами на улице — грррум, грррум, грррум — протопывали подкованные сапоги.

Было в ней чудесное свойство: она свято и бескорыстно верила в хорошее. Расскажи такую сказку крепостному мужичку — хмыкнет с сомнением, утрет рукавом соплю да и пойдет, ни слова не говоря, только оглядываясь на доброго, трезвого, да только — эх, беда-то какая! — тронутого умом благородного дона. Начни такое рассказывать дону Тамэо с доном Сэра — не дослушают: один заснет, а другой, рыгнув, скажет: «Это, — скажет, — очень все бла-ародно, а вот как там насчет баб?..» А дон Рэба выслушал бы до конца внимательно, а выслушав, мигнул бы штурмовичкам, чтобы заломили благородному дону локти к лопаткам да выяснили бы точно, от кого благородный дон сих опасных сказок наслушался да кому уже успел их рассказать...

Когда она заснула, успокоившись, он поцеловал ее в спокойное спящее лицо, накрыл зимним плащом с меховой опушкой и на цыпочках вышел, притворив за собой противно скрипнувшую дверь. Пройдя по темному дому, спустился в людскую и сказал, глядя поверх склонившихся в поклоне голов:

— Я взял домоправительницу. Имя ей Кира. Жить будет наверху, при мне. Комнату, что за кабинетом, завтра же прибрать тщательно. Домоправительницу слушаться, как меня. — Он обвел слуг глазами: не скалятся ли кто. Никто не скалился, слушали с должной почтительностью. — А если кто болтать за воротами станет, язык вырву!

Окончив речь, он еще некоторое время постоял для внушительности, потом повернулся и снова поднялся к себе. В гостиной, увешанной ржавым оружием, заставленной причудливой, источенной жучками мебелью, он встал у окна и, глядя на улицу, прислонился лбом к холодному темному стеклу. Пробили первую стражу. В окнах напротив зажигали светильники и закрывали ставни, чтобы не привлекать злых людей и злых духов. Было тихо, только один раз где-то внизу ужасным голосом заорал пьяный — то ли его раздевали, то ли ломился в чужие двери.

Самым страшным были эти вечера, тошнотные, одинокие, беспросветные. Мы думали, что это будет вечный бой, яростный и победоносный. Мы считали, что всегда будем сохранять ясные представления о добре и зле, о враге и друге. И мы думали в общем правильно, только многого не учили. Например, этих вечеров не представляли себе, хотя точно знали, что они будут...

Внизу загремело железо — задвигали засовы, готовясь к ночи. Кухарка молилась святому Мике, чтобы послал какого ни на есть мужа, только был бы человек самостоятельный и с понятием. Старый Муга зевал, омахиваясь большим пальцем. Слуги на кухне допивали вечернее пиво и сплетничали, а Уно, поблескивая недобрыми глазами, говорил им по-взрослому: «Будет языки чесать, кобели вы...»

Румата отступил от окна и прошелся по гостиной. Это безнадежно, подумал он. Никаких сил не хватит, чтобы вырвать их из привычного круга забот и представлений. Можно дать им все. Можно поселить их в самых современных спектроскопических домах и научить их ионным процедурам, и все равно по вечерам они будут собираться на кухне, резаться в карты и ржать над соседом, которого лупит жена. И не будет для них лучшего времяпрепровождения. В этом смысле дон Кондор прав: Рэба — чушь, мелочь в сравнении с громадой традиций, правил стадности, освященных веками, незыблемых, проверенных, доступных любому тупице из тупиц, освобождающих от необходимости думать и интересоваться. А дон Рэба не попадет, наверное, даже в школьную программу. «Мелкий авантюрист в эпоху укрепления абсолютизма».

Дон Рэба, дон Рэба! Не высокий, но и не низенький, не толстый и не очень тощий, не слишком густоволос, но и далеко не лыс. В движениях не резок, но и не медлителен, с лицом, которое не запоминается, которое похоже сразу на тысячи лиц. Вежливый, галантный с дамами, внимательный собеседник, не блещущий, впрочем, никакими особенными мыслями...

Три года назад он вынырнул из каких-то заплесневелых подвалов дворцовой канцелярии, мелкий, незаметный чиновник, угодливый, бледненький, даже какой-то синеватый. Потом тогдашний первый министр был вдруг арестован и казнен, погибли под пытками несколько одуревших от ужаса, ничего не понимающих сановников, и словно на их трупах вырос исполинским бледным грибом этот цепкий, беспощадный гений посредственности. Он никто. Он ниоткуда. Это не могучий ум при слабом государе, каких знала история, не великий и страшный человек, отдающий всю жизнь идее борьбы за объединение страны во имя автократии. Это не златолюбец-временщик, думающий лишь о золоте и бабах, убивающий направо и налево ради власти и властвующий, чтобы убивать. Шепотом поговаривают даже, что он и не дон Рэба вовсе, что дон Рэба — совсем другой человек, а этот бог знает кто, оборотень, двойник, подменьш...

Что он ни задумывал, все проваливалось. Он натравил друг на друга два влиятельных рода в королевстве, чтобы ослабить их и начать широкое наступление на баронство. Но роды помирились, под звон кубков провозгласили вечный союз и отхватили у короля изрядный кусок земли, искони принадлежавший Тоцам Арканарским. Он объявил войну Ирукану, сам повел армию к границе, потопил ее в болотах и растерял в лесах, бросил все на произвол судьбы и сбежал обратно в Арканар. Благодаря стараниям донна Гуга, о котором он, конечно, и не подозревал, ему удалось добиться у герцога Ируканского мира — ценой двух пограничных городов, а затем королю пришлось выскрести до дна опустевшую казну, чтобы бороться с крестьянскими восстаниями, охватившими всю страну. За такие промахи любой министр был бы повешен за ноги на верхушке Веселой Башни, но дон Рэба каким-то образом остался в силе. Он упразднил министерства, ведающие образованием и благосостоянием, учредил министерство охраны короны, снял с правительственных постов родовую аристократию и немногих ученых, окончательно развалил экономику, написал трактат «О скотской сущности земледельца» и, наконец, год назад организовал «охранную гвардию» — «Серые роты». За Гитлером стояли монополии. За доном Рэбой не стоял никто, и было очевидно, что штурмовики в конце концов сожрут его, как муху. Но он продолжал крутить и вертеть, нагромождать нелепость на нелепость, выкручивался, словно старался обмануть самого себя, словно не знал ничего, кроме параноической задачи — истребить культуру. Подобно Ваге Колесу, он не имел никакого прошлого. Два года назад любой аристократический ублюдок с презрением говорил о «ничтожном хаме, обманувшем государя», зато теперь, какого

аристократа ни спроси, всякий называет себя родственником министра охраны короны по материнской линии.

Теперь вот ему понадобился Будах. Снова нелепость. Снова какой-то дикий финт. Будах — книгочей. Книгочей — на кол. С шумом, с помпой, чтобы все знали. Но шума и помпы нет. Значит, нужен живой Будах. Зачем? Не настолько же Рэба глуп, чтобы надеяться заставить Будаха работать на себя? А может быть, глуп? А может быть, дон Рэба просто глупый и удачливый интриган, сам толком не знающий, чего он хочет, и с хитрым видом валяющий дурака у всех на виду? Смешно, я три года слежу за ним и так до сих пор и не понял, что он такое. Впрочем, если бы он следил за мной, он бы тоже не понял. Ведь все может быть, вот что забавно! Базисная теория конкретизирует лишь основные виды психологической целенаправленности, а на самом деле этих видов столько же, сколько людей, у власти может оказаться кто угодно! Например, человек, всю жизнь занимавшийся уязвлением соседей. Плевал в чужие кастрюли с супом, подбрасывал толченое стекло в чужое сено. Его, конечно, сметут, но он успеет вдосталь наплеваться, нашкодить, натешиться... И ему нет дела, что в истории о нем не останется следа или что отдаленные потомки будут ломать голову, подгоняя его поведение под развитую теорию исторических последовательностей.

Мне теперь уже не до теории, подумал Румата. Я знаю только одно: человек есть объективный носитель разума, все, что мешает человеку развивать разум, — зло, и зло это надлежит устранять в кратчайшие сроки и любым путем. Любым? Любым ли?.. Нет, наверное, не любым. Или любым? Слюнтяй! — подумал он про себя. Надо решаться. Рано или поздно все равно придется решаться.

Он вдруг вспомнил про дону Окану. Вот и решайся, подумал он. Начни именно с этого. Если бог берется чистить нужник, пусть не думает, что у него будут чистые пальцы... Он ощутил дурноту при мысли о том, что ему предстоит. Но это лучше, чем убивать. Лучше грязь, чем кровь. Он на цыпочках, чтобы не разбудить Киру, прошел в кабинет и переоделся. Повертел в руках обруч с передатчиком, решительно сунул в ящик стола. Затем воткнул в волосы за правым ухом белое перо — символ любви страстной, прицепил мечи и накинул лучший плащ. Уже внизу, отодвигая засовы, подумал: а ведь если узнает дон Рэба — конец доне Окане. Но было уже поздно возвращаться.

Глава 4

Гости уже собрались, но дона Окана еще не выходила. У золоченого столика с закусками картинно выпивали, выгибая спины и отставляя поджарые зады, королевские гвардейцы, прославленные дуэлями и сексуальными похождениями. Возле камина хихикали худосочные дамочки в возрасте, ничем не примечательные и потому взятые доной Оканой в confidentки. Они сидели рядышком на низких кушетках, а перед ними хлопотали трое старичков на тонких, непрерывнодвигающихся ногах — знаменитые щеголи времен прошлого регентства, последние знатоки давно забытых анекдотов. Все знали, что без этих старичков салон не салон. Посередине зала стоял, расставив ноги в ботфортах, дон Рипат, верный и неглупый агент Руматы, лейтенант серой роты галантерейщиков, с великолепными усами и без каких бы то ни было принципов. Засунув большие красные руки за кожаный пояс, он слушал дона Тамэо, путано излагавшего новый проект ущемления мужиков в пользу торгового сословия, и время от времени поводил усом в сторону дона Сэра, который бродил от стены к стене, видимо, в поисках двери. В углу, бросая по сторонам предупредительные взгляды, доедали тушеного с черемшой крокодила двое знаменитых художников-портретистов, а рядом с ними сидела в оконной нише пожилая женщина в черном — нянька, приставленная доном Рэбой к доне Окане. Она строго смотрела перед собой неподвижным взглядом, иногда неожиданно ныряя всем телом вперед. В стороне от остальных развлекались картами особа королевской крови и секретарь соанского посольства. Особа передергивала, секретарь

терпеливо улыбался. В гостинной это был единственный человек, занятый делом: он собирал материал для очередного посольского донесения.

Гвардейцы у столика приветствовали Румату бодрыми возгласами. Румата дружески подмигнул им и произвел обход гостей. Он раскланялся со старичками-щеголями, отпустил несколько комплиментов конфиденткам, которые немедленно устали на белое перо у него за ухом, потрепал особу королевской крови по жирной спине и направился к дону Рипату и дону Тамэо. Когда он проходил мимо оконной ниши, нянька снова сделала падающее движение, и от нее пахло густым винным перегаром.

При виде Руматы дон Рипат выпростал руки из-под ремня и щелкнул каблуками, а дон Тамэо вскричал вполголоса:

— Вы ли это, мой друг? Как хорошо, что вы пришли, я уже потерял надежду... «Как лебедь с подбитым крылом взывает тоскливо к звезде...» Я так скучал... Если бы не милейший дон Рипат, я бы умер с тоски!

Чувствовалось, что дон Тамэо протрезвился было к обеду, но остановиться так и не смог.

— Вот как? — удивился Румата. — Мы цитируем мятежника Цурэна?

Дон Рипат сразу подобрался и хищно посмотрел на дону Тамэо.

— Э-э... — произнес дон Тамэо потерявшись. — Цурэна? Почему, собственно?.. Ну да, я в ироническом смысле, уверяю вас, благородные доны! Ведь что есть Цурэн? Низкий, неблагодарный демагог. И я хотел лишь подчеркнуть...

— Что доны Оканы здесь нет, — подхватил Румата, — и вы заскучили без нее.

— Именно это я и хотел подчеркнуть.

— Кстати, где она?

— Ждем с минуты на минуту, — сказал дон Рипат и, поклонившись, отошел.

Конфидентки, одинаково раскрыв рты, не отрываясь смотрели на белое перо. Старички-щеголи жеманно хихикали. Дон Тамэо наконец тоже заметил перо и затрепетал.

— Мой друг! — зашептал он. — Зачем это вам? Не ровен час, войдет дон Рэба... Правда, его не ждут сегодня, но все равно...

— Не будем об этом, — сказал Румата, нетерпеливо озираясь. Ему хотелось, чтобы все скорее кончилось.

Гвардейцы уже приближались с чашами.

— Вы так бледны... — шептал дон Тамэо. — Я понимаю, любовь, страсть... Но, святой Мика! Государство превыше... И это опасно, наконец... Оскорбление чувств...

В лице его что-то изменилось, и он стал пятиться, отступать, отходить, непрерывно кланяясь. Румату обступили гвардейцы. Кто-то протянул ему полную чашу.

— За честь и короля! — заявил один гвардеец.

— И за любовь, — добавил другой.

— Покажите ей, что такое гвардия, благородный Румата, — сказал третий.

Румата взял чашу и вдруг увидел дону Окану. Она стояла в дверях, обмахиваясь веером и томно покачивая плечами. Да, она была хороша! На расстоянии она была даже прекрасна. Она была совсем не во вкусе Руматы, но она была несомненно хороша, эта глупая, похотливая курица. Огромные синие глаза без тени мысли и теплоты, нежный многоопытный рот, роскошное, умело и старательно обнаженное тело... Гвардеец за спиной Руматы, видимо, не удержавшись, довольно громко чмокнул. Румата, не глядя, сунул ему кубок и длинными шагами направился к доне Окане. Все в гостинной отвели от них глаза и деятельно заговорили о пустяках.

— Вы ослепительны, — пробормотал Румата, глубоко кланяясь и лязгая мечами. — Позвольте мне быть у ваших ног... Подобно псу борзому лечь у ног красавицы нагой и равнодушной...

Дона Окана прикрылась веером и лукаво прищурилась.

— Вы очень смелы, благородный дон, — проговорила она. — Мы, бедные провинциалки, неспособны устоять против такого натиска... — У нее был низкий, с

хрипотцой голос. — Увы, мне остается только открыть ворота крепости и впустить победителя...

Румата, скрипнув зубами от стыда и злости, поклонился еще глубже. Дона Окана опустила веер и крикнула:

— Благородные доны, развлекайтесь! Мы с доном Руматой сейчас вернемся! Я обещала ему показать мои новые ируканские ковры...

— Не покидайте нас надолго, очаровательница! — проблеял один из старичков.

— Прелестница! — сладко произнес другой старичок. — Фея!

Гвардейцы дружно громыхнули мечами. «Право, у него губа не дура...» — внятно сказала королевская особа. Дона Окана взяла Румату за рукав и потянула за собой. Уже в коридоре Румата услышал, как дон Сэра с обидой в голосе провозгласил: «Не вижу, почему бы благородному дону не посмотреть на ируканские ковры...»

В конце коридора дона Окана внезапно остановилась, обхватила Румату за шею и с хриплым стоном, долженствующим означать прорвавшуюся страсть, впиалась ему в губы. Румата перестал дышать. От феи остро несло смешанным ароматом немытого тела и эсторских духов. Губы у нее были горячие, мокрые и липкие от сладостей. Сделав над собой усилие, он попытался ответить на поцелуй, и это, по-видимому, ему удалось, так как дона Окана снова застонала и повисла у него на руках с закрытыми глазами. Это длилось целую вечность. Ну, я тебя, потаскуха, подумал Румата и сжал ее в объятиях. Что-то хрустнуло, не то корсаж, не то ребра, красавица жалобно пискнула, изумленно раскрыла глаза и забилась, стараясь освободиться. Румата поспешно разжал руки.

— Противный... — тяжело дыша, сказала она с восхищением. — Ты чуть не сломал меня...

— Я сгораю от любви, — виновато пробормотал он.

— Я тоже. Я так ждала тебя! Пойдем скорей...

Она потащила его за собой через какие-то холодные темные комнаты. Румата достал платок и украдкой вытер рот. Теперь эта затея казалась ему совершенно безнадежной. Надо, думал он. Мало ли что надо!.. Тут разговорами не отделаешься. Святой Мика, почему они здесь во дворце никогда не моются? Ну и темперамент. Хоть бы дон Рэба пришел... Она тащила его молча, напористо, как муравей дохлую гусеницу. Чувствуя себя последним идиотом, Румата понес какую-то куртуазную чепуху о быстрых ножках и алых губках — дона Окана только похохатывала. Она втолкнула его в жарко натопленный будуар, действительно весь завешанный коврами, бросилась на огромную кровать и, разметавшись на подушках, стала глядеть на него влажными гиперстеничными глазами. Румата стоял как столб. В будуаре отчетливо пахло клопами.

— Ты прекрасен, — прошептала она. — Иди же ко мне. Я так долго ждала!..

Румата завел глаза, его подташнивало. По лицу, гадко щекоча, покатались капли пота. Не могу, подумал он. К чертовой матери всю эту информацию... Лисица... Мартышка... Это же противоестественно, грязно... Грязь лучше крови, но это гораздо хуже грязи!

— Что же вы медлите, благородный дон? — визгливым, срывающимся голосом закричала дона Окана. — Идите же сюда, я жду!

— К ч-черту... — хрипло сказал Румата.

Она вскочила и подбежала к нему.

— Что с тобой? Ты пьян?

— Не знаю, — выдавил он из себя. — Душно.

— Может быть, приказать тазик?

— Какой тазик?

— Ну ничего, ничего... Пройдет... — Трясущимися от нетерпения пальцами она принялась расстегивать его камзол. — Ты прекрасен... — задыхаясь, бормотала она. — Но ты робок, как новичок. Никогда бы не подумала... Это же прелестно, клянусь святой Барой!..

Ему пришлось схватить ее за руки. Он смотрел на нее сверху вниз и видел блестящие от лака неопрятные волосы, круглые голые плечи в шариках свалывшейся пудры, маленькие малиновые уши. Скверно, подумал он. Ничего не выйдет. А жаль, она должна кое-что знать... Дон Рэба болтает во сне... Он водит ее на допросы, она очень любит допросы... Не могу.

— Ну? — сказала она раздраженно.

— Ваши ковры прекрасны, — громко сказал он. — Но мне пора.

Сначала она не поняла, затем лицо ее исказилось.

— Как ты смеешь? — прошептала она, но он уже нащупал лопатками дверь, выскочил в коридор и быстро пошел прочь. С завтрашнего дня перестаю мыться, подумал он. Здесь нужно быть боровом, а не богом!

— Мерин! — крикнула она ему вслед. — Кастрат сопливый! Баба! На кол тебя!..

Румата распахнул какое-то окно и спрыгнул в сад. Некоторое время он стоял под деревом, жадно глотая холодный воздух. Потом вспомнил о дурацком белом пере, выдернул его, яростно смял и отбросил. У Пашки бы тоже ничего не вышло, подумал он. Ни у кого бы не вышло. «Ты уверен?» — «Да, уверен». — «Тогда грош вам всем цена!» — «Но меня тошнит от этого!» — «Эксперименту нет дела до твоих переживаний. Не можешь — не берись». — «Я не животное!» — «Если Эксперимент требует, надо стать животным». — «Эксперимент не может этого требовать». — «Как видишь, может». — «А тогда!..» — «Что «тогда»?» Он не знал, что тогда. «Тогда... Тогда... Хорошо, будем считать, что я плохой историк. — Он пожал плечами. — Постараемся стать лучше. Научимся превращаться в свиней...»

Было около полуночи, когда он вернулся домой. Не раздеваясь, только распустив пряжки перевязи, повалился в гостиной на диван и заснул как убитый.

Его разбудили негодующие крики Уно и благодушный басистый рев:

— Пошел, пошел, волчонок, отдавлю ухо!..

— Да спят они, говорят вам!

— Брысь, не путайся под ногами!..

— Не велено, говорят вам!

Дверь распахнулась, и в гостиную ввалился огромный, как зверь Пэх, барон Пампа дон Бау, краснощекий, белозубый, с торчащими вперед усами, в бархатном берете набекрень и в роскошном малиновом плаще, под которым тускло блестел медный панцирь. Следом волочился Уно, вцепившийся барону в правую штанину.

— Барон! — воскликнул Румата, спуская с дивана ноги. — Как вы очутились в городе, дружище? Уно, оставь барона в покое!

— На редкость въедливый мальчишка, — рокотал барон, приближаясь с распростертыми объятиями. — Из него выйдет толк. Сколько вы за него хотите? Впрочем, об этом потом... Дайте мне обнять вас!

Они обнялись. От барона вкусно пахло пыльной дорогой, конским потом и смешанным букетом разных вин.

— Я вижу, вы тоже совершенно трезвы, мой друг, — с огорчением сказал он. — Впрочем, вы всегда трезвы. Счастливцев!

— Садитесь, мой друг, — сказал Румата. — Уно! Подай нам эсторского, да побольше!

Барон поднял огромную ладонь.

— Ни капли!

— Ни капли эсторского? Уно, не надо эсторского, принеси ируканского!

— Не надо вообще вин! — с горечью сказал барон. — Я не пью.

Румата сел.

— Что случилось? — встревоженно спросил он. — Вы нездоровы?

— Я здоров как бык. Но эти проклятые семейные сцены... Короче говоря, я поссорился с баронессой — и вот я здесь.

— Поссорились с баронессой?! Вы?! Полно, барон, что за странные шутки!

— Представьте себе. Я сам как в тумане. Сто двадцать миль проскакал как в тумане!

— Мой друг, — сказал Румата. — Мы сейчас же садимся на коней и скачем в Бау.

— Но моя лошадь еще не отдохнула! — возразил барон. — И потом, я хочу наказать ее!

— Кого?

— Баронессу, черт подери! Мужчина я или нет, в конце концов?! Она, видите ли, недовольна Пампой пьяным, так пусть посмотрит, каков он трезвый! Я лучше сгнию здесь от воды, чем вернусь в замок...

Уно угрюмо сказал:

— Скажите ему, чтобы уши не крутил...

— Па-шел, волчонок! — добродушно пророкотал барон. — Да принеси пива! Я вспотел, и мне нужно возместить потерю жидкости.

Барон возмещал потерю жидкости в течение получаса и слегка осоловел. В промежутках между глотками он поведал Румате свои неприятности. Он несколько раз проклял «этих пропойц соседей, которые повадились в замок. Приезжают с утра якобы на охоту, а потом охнуть не успеешь — уже все пьяны и рубят мебель. Они разбредаются по всему замку, везде пачкают, обижают прислугу, калечат собак и подают отвратительный пример юному баронету. Потом они разъезжаются по домам, а ты, пьяный до неподвижности, остаешься один на один с баронессой...».

В конце своего повествования барон совершенно расстроился и даже потребовал было эсторского, но спохватился и сказал:

— Румата, друг мой, пойдите отсюда. У вас слишком богатые погреба!.. Уедемте!

— Но куда?

— Не все ли равно — куда! Ну, хотя бы в «Серую Радость»...

— Гм... — сказал Румата. — А что мы будем делать в «Серой Радости»?

Некоторое время барон молчал, ожесточенно дергая себя за ус.

— Ну как что? — сказал он наконец. — Странно даже... Просто посидим, поговорим...

— В «Серой Радости»? — спросил Румата с сомнением.

— Да. Я понимаю вас, — сказал барон. — Это ужасно... Но все-таки уйдем. Здесь мне все время хочется потребовать эсторского!..

— Коня мне, — сказал Румата и пошел в кабинет взять передатчик.

Через несколько минут они бок о бок ехали верхом по узкой улице, погруженной в кромешную тьму. Барон, несколько оживившийся, в полный голос рассказывал о том, какого позавчера затравили вепря, об удивительных качествах юного баронета, о чуде в монастыре святого Тукки, где отец настоятель родил из бедра шестипалого мальчика... При этом он не забывал развлекаться: время от времени выпускал волчий вой, улюлюкал и колотил плеткой в запертые ставни.

Когда они подъехали к «Серой Радости», барон остановил коня и глубоко задумался. Румата ждал. Ярко светились грязноватые окна распивочной, топтались лошади у коновязи, лениво переругивались накрашенные девицы, сидевшие рядком на скамейке под окнами, двое слуг с натугой вкатили в распахнутые двери огромную бочку, покрытую пятнами селитры.

Барон грустно сказал:

— Один... Страшно подумать, целая ночь впереди и — один!.. И она там одна...

— Не огорчайтесь так, мой друг, — сказал Румата. — Ведь с нею баронет, а с вами я.

— Это совсем другое, — сказал барон. — Вы ничего не понимаете, мой друг. Вы слишком молоды и легкомысленны... Вам, наверное, даже доставляет удовольствие смотреть на этих шлюх...

— А почему бы и нет? — возразил Румата, с любопытством глядя на барона. — По моему, очень приятные девочки.

Барон покачал головой и саркастически усмехнулся.

— Вон у той, что стоит, — сказал он громко, — отвислый зад. А у той, что сейчас причесывается, и вовсе нет зада... Это коровы, мой друг, в лучшем случае это коровы. Вспомните баронессу! Какие руки, какая грация!.. Какая осанка, мой друг!..

— Да, — согласился Румата. — Баронесса прекрасна. Поедемте отсюда.

— Куда? — с тоской сказал барон. — И зачем? — На лице его вдруг обозначилась решимость. — Нет, мой друг, я никуда не поеду отсюда. А вы как хотите. — Он стал слезать с лошади. — Хотя мне было бы очень обидно, если бы вы оставили меня здесь одного.

— Разумеется, я останусь с вами, — сказал Румата. — Но...

— Никаких «но», — сказал барон.

Они бросили поводья подбежавшему слуге, гордо прошли мимо девиц и вступили в зал. Здесь было не продохнуть. Огни светильников с трудом пробивались сквозь туман испарений, как в большой и очень грязной парной бане. На скамьях за длинными столами пили, ели, божились, смеялись, плакали, целовались, орали похабные песни потные солдаты в расстегнутых мундирах, морские бродяги в цветных кафтанах на голое тело, женщины с едва прикрытой грудью, серые штурмовики с топорами между колен, ремесленники в прожженных лохмотьях. Слева в тумане угадывалась стойка, где хозяин, сидя на особом возвышении среди гигантских бочек, управлял роем проворных жуликоватых слуг, а справа ярким прямоугольником светился вход в чистую половину — для благородных донов, почтенных купцов и серого офицерства.

— В конце концов, почему бы нам не выпить? — раздраженно спросил барон Пампа, схватил Румату за рукав и устремился к стойке в узкий проход между столами, царапая спины сидящих шипами поясной оторочки панциря. У стойки он выхватил из рук хозяина объемистый черпак, которым тот разливал вино по кружкам, молча осушил его до дна и объявил, что теперь все пропало и остается одно — как следует повеселиться. Затем он повернулся к хозяину и громогласно осведомился, есть ли в этом заведении место, где благородные люди могут прилично и скромно провести время, не стесняясь соседством всякой швали, рвани и ворья. Хозяин заверил его, что именно в этом заведении такое место существует.

— Отлично! — величественно сказал барон и бросил хозяину несколько золотых. — Подайте для меня и вот этого дона все самое лучшее, и пусть нам служит не какая-нибудь смазливая вертихвостка, а почтенная пожилая женщина!

Хозяин сам проводил благородных донов в чистую половину. Народу здесь было немного. В углу мрачно веселилась компания серых офицеров — четверо лейтенантов в тесных мундирчиках и двое капитанов в коротких плащах с нашивками министерства охраны короны. У окна за большим узкогорлым кувшином скучала пара молодых аристократов с кислыми от общей разочарованности физиономиями. Неподалеку от них расположилась кучка безденежных донов в потертых колетах и штопаных плащах. Они маленькими глотками пили пиво и ежеминутно обводили помещение жаждающими взорами.

Барон рухнул за свободный стол, покосился на серых офицеров и проворчал: «Однако и здесь не без швали...» Но тут дородная тетка в переднике подала первую перемену. Барон крикнул, вытащил из-за пояса кинжал и принялся веселиться. Он молча пожирал увесистые ломти жареной оленины, груды маринованных моллюсков, горы морских раков, кадки салатов и майонезов, заливая все это водопадами вина, пива, браги и вина, смешанного с пивом и брагой. Безденежные доны по одному и по двое начали перебираться за его стол, и барон встречал их молодецким взмахом руки и утробным ворчанием.

Вдруг он перестал есть, уставился на Румату выпученными глазами и проревел лесным голосом:

— Я давно не был в Арканаре, мой благородный друг! И скажу вам по чести, мне что-то здесь не нравится.

— Что именно, барон? — с интересом спросил Румата, обсасывая крылышко цыпленка.

На лицах безденежных донов изобразилось почтительное внимание.

— Скажите мне, мой друг! — произнес барон, вытирая замасленные руки о край плаща. — Скажите, благородные доны! С каких пор в столице его величества короля нашего повелось так, что потомки древнейших родов Империи шагу не могут ступить, чтобы не натолкнуться на всяких там лавочников и мясников?!

Безденежные доны переглянулись и стали отодвигаться. Румата покосился в угол, где сидели серые. Там перестали пить и глядели на барона.

— Я вам скажу, в чем дело, благородные доны, — продолжал барон Пампа. — Это все потому, что вы здесь перетрусили. Вы их терпите потому, что боитесь. Вот ты боишься! — заорал он, уставясь на ближайшего безденежного дона. Тот сделал постное лицо и отошел с бледной улыбкой. — Труссы! — рявкнул барон. Усы его встали дыбом.

Но от безденежных донов толку было мало. Им явно не хотелось драться, им хотелось выпить и закусить.

Тогда барон перекинул ногу через лавку, забрал в кулак правый ус и, вперив взгляд в угол, где сидели серые офицеры, заявил:

— А вот я ни черта не боюсь! Я бью серую сволочь, как только она мне попадается!

— Что там сипит эта пивная бочка? — громко осведомился серый капитан с длинным лицом.

Барон удовлетворенно улыбнулся. Он с грохотом выбрался из-за стола и взгромоздился на скамью. Румата, подняв брови, принялся за второе крылышко.

— Эй вы, серые подонки! — заорал барон, надсаживаясь, словно офицеры были за версту от него. — Знайте, что третьего дня я, барон Пампа дон Бау, задал вашим ха-ар-рошую трепку! Вы понимаете, мой друг, — обратился он к Румате из-под потолка, — пили это мы с отцом Кабани вечером у меня в замке. Вдруг прибегает мой конюх и сообщает, что шайка серых р-разносит корчму «Золотая Подкова». Мою корчму, на моей родовой земле! Я команду: «На коней!..» — и туда. Клянусь шпорой, их была там целая шайка, человек двадцать! Они захватили каких-то троих, перепились, как свиньи... Пить эти лавочники не умеют... и стали всех лупить и все ломать. Я схватил одного за ноги — и пошла потеха! Я гнал их до самых Тяжелых Мечей... Крови было — вы не поверите, мой друг, — по колено, а топоров осталось столько...

На этом рассказ барона был прерван. Капитан с длинным лицом взмахнул рукой, и тяжелый метательный нож лязгнул о нагрудную пластину баронского панциря.

— Давно бы так! — сказал барон и выволок из ножен огромный двуручный меч.

Он с неожиданной ловкостью соскочил на пол, меч сверкающей полосой прорезал воздух и перерубил потолочную балку. Барон выругался. Потолок просел, на головы посыпался мусор.

Теперь все были на ногах. Безденежные доны отшатнулись к стенам. Молодые аристократы взобрались на стол, чтобы лучше видеть. Серые, выставив перед собой клинки, построились полукругом и мелкими шажками двинулись на барона. Только Румата остался сидеть, прикидывая, с какой стороны от барона можно встать, чтобы не попасть под меч.

Широкое лезвие зловеще зашелестело, описывая сверкающие круги над головой барона. Барон поражал воображение. Было в нем что-то от грузового вертолета с винтом на холостом ходу.

Окружив его с трех сторон, серые были вынуждены остановиться. Один из них неудачно стал спиной к Румате, и Румата, перегнувшись через стол, схватил его за

шиворот, опрокинул на спину в блюда с объедками и стукнул ребром ладони ниже уха. Серый закрыл глаза и замер. Барон вскричал:

— Прирежьте его, благородный Румата, а я прикончу остальных!

Он их всех поубивает, с неудовольствием подумал Румата.

— Слушайте, — сказал он серым. — Не будем портить друг другу веселую ночь. Вам не выстоять против нас. Бросайте оружие и уходите отсюда.

— Ну вот еще, — сердито возразил барон. — Я желаю драться! Пусть они дерутся! Деритесь же, черт вас подери!

С этими словами он двинулся на серых, все убыстряя вращение меча. Серые отступали, бледнея на глазах. Они явно никогда в жизни не видели грузового вертолета. Румата перепрыгнул через стол.

— Погодите, мой друг, — сказал он. — Нам совершенно незачем ссориться с этими людьми. Вам не нравится их присутствие здесь? Они уйдут.

— Без оружия мы не уйдем, — угрюмо сообщил один из лейтенантов. — Нам попадет. Я в патреле.

— Черт с вами, уходите с оружием, — разрешил Румата. — Клинки в ножны, руки за головы, проходить по одному! И никаких подлостей! Кости переломаяю!

— Как же мы уйдем? — раздраженно осведомился длиннолицый капитан. — Этот дон загораживает нам дорогу!

— И буду загораживать! — упрямо сказал барон.

Молодые аристократы обидно захохотали.

— Ну хорошо, — сказал Румата. — Я буду держать барона, а вы пробегайте, да побыстрее, — долго я его не удержу! Эй, там, в дверях, освободите проход!.. Барон, — сказал он, обнимая Пампу за обширную талию. — Мне кажется, мой друг, что вы забыли одно важное обстоятельство. Ведь этот славный меч употреблялся вашими предками только для благородного боя, ибо сказано: «Не обнажай в тавернах».

На лице барона, продолжавшего вертеть мечом, появилась задумчивость.

— Но у меня же нет другого меча, — нерешительно сказал он.

— Тем более!.. — значительно сказал Румата.

— Вы так думаете? — Барон все еще колебался.

— Вы же знаете это лучше меня!..

— Да, — сказал барон. — Вы правы. — Он посмотрел вверх, на свою бешено работающую кисть. — Вы не поверите, дорогой Румата, но я могу вот так три-четыре часа подряд — и нисколько не устану... Ах, почему она не видит меня сейчас?!

— Я расскажу ей, — пообещал Румата.

Барон вздохнул и опустил меч. Серые, согнувшись, кинулись мимо него. Барон проводил их взглядом.

— Не знаю, не знаю... — нерешительно сказал он. — Как вы думаете, я правильно сделал, что не проводил их пинками в зад?

— Совершенно правильно, — заверил его Румата.

— Ну что ж, — сказал барон, втискивая меч в ножны. — Раз нам не удалось подраться, то уж теперь-то мы имеем право слегка выпить и закусить.

Он стащил со стола за ноги серого лейтенанта, все еще лежавшего без сознания, и зычным голосом гаркнул:

— Эй, хозяйюшка! Вина и еды!

Подожли молодые аристократы и учтиво поздравили с победой.

— Пустяки, пустяки, — благодушно сказал барон. — Шесть плюгавых молодчиков, трусливых, как все лавочки. В «Золотой Подкове» я раскидал их два десятка... Как удачно, — обратился он к Румате, — что тогда при мне не было моего боевого меча! Я мог бы в забывчивости обнажить его. И хотя «Золотая Подкова» не таверна, а всего лишь корчма...

— Некоторые так и говорят, — сказал Румата. — «Не обнажай в корчме».

Хозяйка принесла новые блюда с мясом и новые кувшины вина. Барон засучил рукава и принялся за работу.

— Кстати, — сказал Румата. — Кто были те три пленника, которых вы освободили в «Золотой Подкове»?

— Освободил? — Барон перестал жевать и уставился на Румату. — Но, мой благородный друг, я, вероятно, недостаточно точно выразился! Я никого не освобождал. Ведь они были арестованы, это государственное дело... С какой стати я бы стал их освобождать? Какой-то дон, вероятно, большой трус, старик книгочей и слуга... — Он пожал плечами.

— Да, конечно, — грустно сказал Румата.

Барон вдруг налился кровью и страшно выкатил глаза.

— Что?! Опять?! — заревел он.

Румата оглянулся. В дверях стоял дон Рипат. Барон заворочался, опрокидывая скамьи и роняя блюда. Дон Рипат значительно посмотрел в глаза Руматы и вышел.

— Прошу прощенья, барон, — сказал Румата, вставая. — Королевская служба...

— А... — разочарованно произнес барон. — Сочувствую... Ни за что не пошел бы на службу!

Дон Рипат ждал сразу за дверью.

— Что нового? — спросил Румата.

— Два часа назад, — деловито сообщил дон Рипат, — по приказу министра охраны короны дона Рэбы я арестовал и препроводил в Веселую Башню дону Окану.

— Так, — сказал Румата.

— Час назад дона Окана умерла, не выдержав испытания огнем.

— Так, — сказал Румата.

— Официально ее обвинили в шпионаже. Но... — Дон Рипат замаялся и опустил глаза. — Я думаю... Мне кажется...

— Я понимаю, — сказал Румата.

Дон Рипат поднял на него виноватые глаза.

— Я был бессилён... — начал он.

— Это не ваше дело, — хрипло сказал Румата.

Глаза дона Рипата снова стали оловянными. Румата кивнул ему и вернулся к столу. Барон доканчивал блюдо с фаршированными каракатицами.

— Эсторского! — сказал Румата. — И пусть принесут еще! — Он откашлялся. — Будем веселиться. Будем, черт побери, веселиться...

...Когда Румата пришел в себя, он обнаружил, что стоит посреди обширного пустыря. Занимался серый рассвет, вдали сиплыми голосами орали петухи-часомеры. Каркали вороны, густо кружившиеся над какой-то неприятной кучей неподалеку, пахло сыростью и тленом. Туман в голове быстро рассеивался, наступало знакомое состояние пронзительной ясности и четкости восприятий, на языке приятно таяла мятная горечь. Сильно саднили пальцы правой руки. Румата поднес к глазам сжатый кулак. Кожа на косточках была ободрана, а в кулаке была зажата пустая ампула из-под каспарамида, могучего средства против алкогольного отравления, которым Земля предусмотрительно снабжала своих разведчиков на отсталых планетах. Видимо, уже здесь, на пустыре, перед тем как впасть в окончательно свинское состояние, он бессознательно, почти инстинктивно высыпал в рот все содержимое ампулы.

Места были знакомые — прямо впереди чернела башня сожженной обсерватории, а левее проступали в сумраке тонкие, как минареты, сторожевые вышки королевского дворца. Румата глубоко вдохнул сырой холодный воздух и направился домой.

Барон Пампа повеселился в эту ночь на славу. В сопровождении кучи безденежных донов, быстро теряющих человеческий облик, он совершил гигантское турне по арканарским кабакам, пропив все, вплоть до роскошного пояса, истребив невероятное

количество спиртного и закусок, учинив по дороге не менее восьми драк. Во всяком случае, Румата мог отчетливо вспомнить восемь драк, в которые он вмешивался, стараясь развести и не допустить смертоубийства. Дальнейшие его воспоминания тонули в тумане. Из этого тумана всплывали то хищные морды с ножами в зубах, то бессмысленно-горькое лицо последнего безденежного дона, которого барон Пампа пытался продать в рабство в порту, то разъяренный носатый ируканец, злобно требовавший, чтобы благородные доны отдали его лошадей...

Первое время он еще оставался разведчиком. Пил он наравне с бароном: ируканское, эсторское, соанское, арканарское, но перед каждой переменной вин украдкой клал под язык таблетку каспарамида. Он еще сохранял рассудительность и привычно отмечал скопления серых патрулей на перекрестках и у мостов, заставу конных варваров на соанской дороге, где барона наверняка бы пристрелили, если бы Румата не знал наречия варваров. Он отчетливо помнил, как поразила его мысль о том, что неподвижные ряды чудных солдат в длинных черных плащах с капюшонами, выстроенные перед Патриотической школой, — это монастырская дружина. При чем здесь церковь? — подумал он тогда. С каких это пор церковь в Арканаре вмешивается в светские дела?

Он пьянел медленно, но все-таки опьянел, как-то сразу, скачком; и когда в минуту просветления увидел перед собой разрубленный дубовый стол в совершенно незнакомой комнате, обнаженный меч в своей руке и рукоплещущих безденежных донов вокруг, то подумал было, что пора идти домой. Но было поздно. Волна бешенства и отвратительной, непристойной радости освобождения от всего человеческого уже захватила его. Он еще оставался землянином, разведчиком, наследником людей огня и железа, не щадивших себя и не дававших пощады во имя великой цели. Он не мог стать Руматой Эсторским, плотью от плоти двадцати поколений воинственных предков, прославленных грабежами и пьянством. Но он больше не был и коммунарком. У него больше не было обязанностей перед Экспериментом. Его заботили только обязанности перед самим собой. У него больше не было сомнений. Ему было ясно все, абсолютно все. Он точно знал, кто во всем виноват, и он точно знал, чего хочет: рубить наотмашь, предавать огню, сбрасывать с дворцовых ступеней на копья и вилы ревушей толпы...

Румата встрепенулся и вытащил из ножен мечи. Клинки были зазубрены, но чисты. Он помнил, что рубился с кем-то, но с кем? И чем все кончилось?..

...Коней они пропили. Безденежные доны куда-то исчезли. Румата — это он тоже помнил — приволок барона к себе домой. Пампа дон Бау был бодр, совершенно трезв и полон готовности продолжать веселье — просто он больше не мог стоять на ногах. Кроме того, он почему-то считал, что только что распрощался с милой баронессой и находится теперь в боевом походе против своего исконного врага барона Каску, обнаглевшего до последней степени. («Посудите сами, друг мой, этот негодяй родил из бедра шестипалого мальчишку и назвал его Пампой...») «Солнце заходит, — объявил он, глядя на гобелен, изображающий восход солнца. — Мы могли бы повеселиться всю эту ночь, благородные доны, но ратные подвиги требуют сна. Ни капли вина в походе. К тому же баронесса была бы недовольна».

Что? Постель? Какие постели в чистом поле? Наша постель — попона боевого коня! С этими словами он содрал со стены несчастный гобелен, завернулся в него с головой и с грохотом рухнул в угол под светильником. Румата велел мальчику Уно поставить рядом с бароном ведро рассола и кадку с марианами. У мальчишки было сердитое, заспанное лицо. «Во набрались-то, — ворчал он. — Глаза в разные стороны смотрят...» — «Молчи, дурак», — сказал тогда Румата и... Что-то случилось потом. Что-то очень скверное, что погнало его через весь город на пустырь. Что-то очень, очень скверное, непростительное, стыдное...

Он вспомнил, когда уже подходил к дому, и, вспомнив, остановился.

...Отшвырнув Уно, он полез вверх по лестнице, распахнул дверь и ввалился к ней как хозяин, и при свете ночника увидел белое лицо, огромные глаза, полные ужаса и

отвращения, и в этих глазах — самого себя, шатающегося, с отвисшей слюнявой губой, с ободранными кулаками, в одежде, заляпанной дрянью, наглого и подлого хама голубых кровей, и этот взгляд швырнул его назад, на лестницу, вниз, в прихожую, за дверь, на темную улицу и дальше, дальше, дальше, как можно дальше...

Стиснув зубы и чувствуя, что все внутри оледенело и смерзлось, он тихонько отворил дверь и на цыпочках вошел в прихожую. В углу, подобно гигантскому морскому млекопитающему, сопел в мирном сне барон. «Кто здесь?» — воскликнул Уно, дремавший на скамье с арбалетом на коленях. «Тихо, — шепотом сказал Румата. — Пошли на кухню. Бочку воды, уксусу, новое платье, живо!»

Он долго, яростно, с острым наслаждением обливался водой и обтирался уксусом, сдирая с себя ночную грязь. Уно, против обыкновения молчаливый, хлопотал вокруг него. И только потом, помогая дону застегивать идиотские сиреневые штаны с пряжками на зад, сообщил угрюмо:

— Ночью, как вы укатили, Кира спускалась и спрашивала, был дон или нет, решила, видно, что приснилось. Сказал ей, что как с вечера ушли в караул, так и не возвращались...

Румата глубоко вздохнул, отвернувшись. Легче не стало. Хуже.

— ...А я всю ночь с арбалетом над бароном сидел: боялся, что спяну наверх полезут.

— Спасибо, малыш, — с трудом сказал Румата.

Он натянул башмаки, вышел в прихожую, постоял немного перед темным металлическим зеркалом. Каспарамид работал безотказно. В зеркале виднелся изящный, благородный дон с лицом, несколько осунувшимся после утомительного ночного дежурства, но в высшей степени благопристойным. Влажные волосы, прихваченные золотым обручем, мягко и красиво спадали по сторонам лица. Румата машинально поправил объектив над переносицей. Хорошенькие сцены наблюдали сегодня на Земле, мрачно подумал он.

Тем временем рассвело. В пыльные окна заглянуло солнце. Захлопали ставни. На улице перекликались заспанные голоса. «Как спали, брат Кирис?» — «Благодарение господу, спокойно, брат Тика. Ночь прошла, и слава богу». — «А у нас кто-то в окна ломился. Благородный дон Румата, говорят, ночью гуляли». — «Сказывают, гость у них». — «Да нынче разве гуляют? При молодом короле, помню, гуляли — не заметили, как полгорода сожгли». — «Что я вам скажу, брат Тика. Благодарение богу, что у нас в соседях такой дон. Раз в год загуляет, и то много...»

Румата поднялся наверх, постучавшись, вошел в кабинет. Кира сидела в кресле, как и вчера. Она подняла глаза и со страхом и тревогой взглянула ему в лицо.

— Доброе утро, маленькая, — сказал он, подошел, поцеловал ее руки и сел в кресло напротив.

Она все испытующе смотрела на него, потом спросила:

— Устал?

— Да, немножко. И надо опять идти.

— Приготовить тебе что-нибудь?

— Не надо, спасибо. Уно приготовит. Вот разве воротник подуши...

Румата чувствовал, как между ними вырастает стена лжи. Сначала тоненькая, затем все толще и прочнее. На всю жизнь! — горько подумал он. Он сидел, прикрыв глаза, пока она осторожно смачивала разными духами его пышный воротник, щеки, лоб, волосы. Потом она сказала:

— Ты даже не спросишь, как мне спалось.

— Как, маленькая?

— Сон. Понимаешь, страшный-страшный сон.

Стена стала толстой, как крепостная.

— На новом месте всегда так, — сказал Румата фальшиво. — Да и барон, наверное, внизу шумел очень.

— Приказать завтрак? — спросила она.

— Прикажи.

— А вино какое ты любишь утром?

Румата открыл глаза.

— Прикажи воды, — сказал он. — По утрам я не пью.

Она вышла, и он услышал, как она спокойным звонким голосом разговаривает с Уно. Потом она вернулась, села на ручку его кресла и начала рассказывать свой сон, а он слушал, заламывая бровь и чувствуя, как с каждой минутой стена становится все толще и неколебимей и как она навсегда отделяет его от единственного по-настоящему родного человека в этом безобразном мире. И тогда он с размаху ударил в стену всем телом.

— Кира, — сказал он. — Это был не сон.

И ничего особенного не случилось.

— Бедный мой, — сказала Кира. — Погоди, я сейчас рассолу принесу...

Глава 5

Еще совсем недавно двор Арканарских королей был одним из самых просвещенных в Империи. При дворе содержались ученые, в большинстве, конечно, шарлатаны, но и такие, как Багир Киссэнский, открывший сферичность планеты; лейб-знахарь Тата, высказавший гениальную догадку о возникновении эпидемий от мелких, незаметных глазу червей, разносимых ветром и водой; алхимик Синда, искавший, как все алхимики, способ превращать глину в золото, а нашедший закон сохранения вещества. Были при арканарском дворе и поэты, в большинстве блюдолизы и льстецы, но и такие, как Пэпин Славный, автор исторической трагедии «Поход на север»; Цурэн Правдивый, написавший более пятисот баллад и сонетов, положенных в народе на музыку; а также Гур Сочинитель, создавший первый в истории Империи светский роман — печальную историю принца, полюбившего прекрасную варварку. Были при дворе и великолепные артисты, танцоры, певцы. Замечательные художники покрывали стены нетускнеющими фресками, славные скульпторы украшали своими творениями дворцовые парки. Нельзя сказать, чтобы арканарские короли были ревнителями просвещения или знатоками искусств. Просто это считалось приличным, как церемония утреннего одевания или пышные гвардейцы у главного входа. Аристократическая терпимость доходила порой до того, что некоторые ученые и поэты становились заметными винтиками государственного аппарата. Так, всего полстолетия назад высокоученый алхимик Ботса занимал ныне упраздненный за ненадобностью пост министра недр, заложил несколько рудников и прославил Арканар удивительными сплавами, секрет которых был утерян после его смерти. А Пэпин Славный вплоть до недавнего времени руководил государственным просвещением, пока министерство истории и словесности, возглавляемое им, не было признано вредным и растлевающим умы.

Бывало, конечно, и раньше, что художника или ученого, неугодного королевской фаворитке, тупой и сладострастной особе, продавали за границу или травили мышьяком, но только дон Рэба взялся за дело по-настоящему. За годы своего пребывания на посту всеильного министра охраны короны он произвел в мире арканарской культуры такие опустошения, что вызвал неудовольствие даже у некоторых благородных вельмож, заявлявших, что двор стал скучен и во время балов ничего не слышишь, кроме глупых сплетен.

Багир Киссэнский, обвиненный в помешательстве, граничащем с государственным преступлением, был брошен в застенок и лишь с большим трудом вызволен Руматой и переправлен в метрополию. Обсерватория его сгорела, а уцелевшие ученики разбежались кто куда. Лейб-знахарь Тата вместе с пятью другими лейб-знахарями оказался вдруг отравителем, злоумышлявшим по наущению герцога Ируканского против особы короля, под пыткой признался во всем и был повешен на Королевской площади. Пытаясь спасти

его, Румата роздал тридцать килограммов золота, потерял четырех агентов (благородных донов, не ведавших, что творят), едва не попался сам, раненный во время попытки отбить осужденных, но сделать ничего не смог. Это было его первое поражение, после которого он понял наконец, что дон Рэба фигура не случайная. Узнав через неделю, что алхимика Синду намереваются обвинить в сокрытии от казны тайны философского камня, Румата, разъяренный поражением, устроил у дома алхимика засаду, сам, обернув лицо черной тряпкой, обезоружил штурмовиков, явившихся за алхимиком, побросал их, связанных, в подвал и в ту же ночь выпроводил так ничего и не понявшего Синду в пределы Соана, где тот, пожав плечами, и остался продолжать поиски философского камня под наблюдением дона Кондора. Поэт Пэпин Славный вдруг постригся в монахи и удалился в уединенный монастырь. Цурэн Правдивый, избалованный в преступной двусмысленности и потакании вкусам низших сословий, был лишен чести и имущества, пытался спорить, читал в кабаках теперь уже откровенно разрушительные баллады, дважды был смертельно бит патриотическими личностями и только тогда поддался уговорам своего большого друга и ценителя дона Руматы и уехал в метрополию. Румата навсегда запомнил его, иссиня-бледного от пьянства, как он стоит, вцепившись тонкими руками в ванты, на палубе уходящего корабля и звонким, молодым голосом выкрикивает свой прощальный сонет «Как лист увядший падает на душу». Что же касается Гура Сочинителя, то после беседы в кабинете дона Рэбы он понял, что арканарский принц не мог полюбить вражеское отродье, сам бросал на Королевской площади свои книги в огонь и теперь, сторбленный, с мертвым лицом, стоял во время королевских выходов в толпе придворных и по чуть заметному жесту дона Рэбы выступал вперед со стихами ультрапатриотического содержания, вызывающими тоску и зевоту. Артисты ставили теперь одну и ту же пьесу — «Гибель варваров, или Маршал Тоц, король Пиц Первый Арканарский». А певцы предпочитали в основном концерты для голоса с оркестром. Оставшиеся в живых художники малевали вывески. Впрочем, двое или трое ухитрились остаться при дворе и рисовали портреты короля с доном Рэбой, почтительно поддерживающим его под локоть (разнообразие не поощрялось: король изображался двадцатилетним красавцем в латах, а дон Рэба — зрелым мужчиной со значительным лицом).

Да, арканарский двор стал скучен. Тем не менее вельможи, благородные доны без занятий, гвардейские офицеры и легкомысленные красавицы доны — одни из тщеславия, другие по привычке, третьи из страха — по-прежнему каждое утро наполняли дворцовые приемные. Говоря по чести, многие вообще не заметили никаких перемен. В концертах и состязаниях поэтов прошлых времен они более всего ценили антракты, во время которых благородные доны обсуждали достоинства легавых, рассказывали анекдоты. Они еще были способны на не слишком продолжительный диспут о свойствах существ потустороннего мира, но уж вопросы о форме планеты и о причинах эпидемий полагали попросту неприличными. Некоторое уныние вызывало у гвардейских офицеров исчезновение художников, среди которых были мастера изображать обнаженную натуру...

Румата явился во дворец, слегка запоздав. Утренний прием уже начался. В залах толпился народ, слышался раздраженный голос короля и раздавались мелодичные команды министра церемоний, распорядяющегося одеванием его величества. Придворные в основном обсуждали ночное происшествие. Некий преступник с лицом ируканца проник ночью во дворец, вооруженный стилетом, убил часового и ворвался в опочивальню его величества, где якобы и был обезоружен лично доном Рэбой, схвачен и по дороге в Веселую Башню разорван в клочья обезумевшей от преданности толпой патриотов. Это было уже шестое покушение за последний месяц, и потому сам факт покушения интереса почти не вызвал. Обсуждались только детали. Румата узнал, что при виде убийцы его величество приподнялся на ложе, заслонив собою прекрасную дону Мидару, и произнес исторические слова: «Пшел вон, мерзавец!» Большинство охотно верило в исторические слова, полагая, что король принял убийцу за лакея. И все сходились во мнении, что дон Рэба, как всегда, начеку и несравнен в рукопашной

схватке. Румата в приятных выражениях согласился с этим мнением и в ответ рассказал только что выдуманную историю о том, как на дону Рэбу напали двенадцать разбойников, троих он уложил на месте, а остальных обратил в бегство. История была выслушана с большим интересом и одобрением, после чего Румата как бы случайно заметил, что историю эту рассказал ему дон Сэра. Выражение интереса немедленно исчезло с лиц присутствующих, ибо каждому было известно, что дон Сэра — знаменитый дурак и враль. О доне Окане никто не говорил ни слова. Об этом либо еще не знали, либо делали вид, что не знают.

Рассыпая любезности и пожимая ручки дамам, Румата мало-помалу продвигался в первые ряды разряженной, надушенной, обильно потеющей толпы. Благородное дворянство вполголоса беседовало. «Вот-вот, та самая кобыла. Она засекалась, но будь я проклят, если не проиграл ее тем же вечером дону Кэу...», «Что же касается бедер, благородный дон, то они необыкновенной формы. Как это сказано у Цурэна... М-м-м... Горы пены прохладной... м-м-м... нет, холмы прохладной пены... В общем, мощные бедра», «Тогда я тихонько открываю окно, беру кинжал в зубы и, представьте себе, мой друг, чувствую, что решетка подо мной прогибается...», «Я съездил ему по зубам эфесом меча, так что эта серая собака дважды перевернулась через голову. Вы можете полюбоваться на него, вон он стоит с таким видом, будто имеет на это право...», «А дон Тамэо наблевал на пол, поскользнулся и упал головой в камин...», «...Вот монах ей и говорит: «Расскажи-ка мне, красавица, твой сон...» га-га-га!...»

Ужасно обидно, думал Румата. Если меня сейчас убьют, эта колония простейших будет последним, что я вижу в своей жизни. Только внезапность. Меня спасет внезапность. Меня и Будаха. Улучить момент и внезапно напасть. Захватить врасплох, не дать ему раскрыть рта, не дать убить меня, мне совершенно незачем умирать.

Он пробрался к дверям опочивальни и, придерживая обеими руками мечи, слегка согнув по этикету ноги в коленях, приблизился к королевской постели. Королю натягивали чулки. Министр церемоний, затаив дыхание, внимательно следил за ловкими руками двух камердинеров. Справа от развороченного ложа стоял дон Рэба, неслышно беседуя с длинным костлявым человеком в военной форме серого бархата. Это был отец Цупик, один из вождей арканарских штурмовиков, полковник дворцовой охраны. Дон Рэба был опытным придворным. Судя по его лицу, речь шла не более чем о статях кобылы или о добродетельном поведении королевской племянницы. Отец же Цупик, как человек военный и бывший бакалейщик, лицом владеть не умел. Он мрачнел, кусал губу, пальцы его на рукояти меча сжимались и разжимались; и в конце концов он вдруг дернул щекой, резко повернулся и, нарушая все правила, пошел вон из опочивальни прямо на толпу оцепеневших от такой невоспитанности придворных. Дон Рэба, извинительно улыбаясь, поглядел ему вслед, а Румата, проводив глазами нескладную серую фигуру, подумал: «Вот и еще один покойник». Ему было известно о трениях между доном Рэбой и серым руководством. История коричневого капитана Эрнста Рема готова была повториться.

Чулки были натянуты. Камердинеры, повинувшись мелодичному приказу министра церемоний, благоговейно, кончиками пальцев, взяли за королевские туфли. Тут король, отпихнув камердинеров ногами, так резко повернулся к дону Рэбе, что живот его, похожий на тугу набитый мешок, перекатился на одно колено.

— Мне надоели ваши покушения! — истерически завизжал он. — Покушения! Покушения!.. Ночью я хочу спать, а не сражаться с убийцами! Почему нельзя сделать, чтобы они покушались днем? Вы дрянной министр, Рэба! Еще одна такая ночь, и я прикажу вас удавить! (Дон Рэба поклонился, прижимая руку к сердцу.) После покушений у меня болит голова!

Он внезапно замолчал и тупо уставился на свой живот. Момент был подходящий. Камердинеры замешкались. Прежде всего следовало обратить на себя внимание. Румата вырвал у камердинера правую туфлю, опустился перед королем на колено и стал почтительно насаживать туфлю на жирную, обтянутую шелком ногу. Такова была

древнейшая привилегия рода Руматы — собственноручно обувать правую ногу коронованных особ Империи. Король мутно смотрел на него. В глазах его вспыхнул огонек интереса.

— А, Румата! — сказал он. — Вы еще живы? А Рэба обещал мне удушить вас! — Он захихикал. — Он дрянной министр, этот Рэба. Он только и делает, что обещает. Обещал искоренить крамолу, а крамола растет. Каких-то серых мужланов понапихал во дворец... Я болен, а он всех лейб-знахарей попереवेशал.

Румата кончил надевать туфлю и, поклонившись, отступил на два шага. Он поймал на себе внимательный взгляд дон Рэбы и поспешил придать лицу высокомерно-тупое выражение.

— Я совсем больной, — продолжал король, — у меня же все болит. Я хочу на покой. Я бы уже давно ушел на покой, так вы же все пропадете без меня, бараны...

Ему надели вторую туфлю. Он встал и сейчас же охнул, скривившись, и схватился за колено.

— Где знахари? — завопил он горестно. — Где мой добрый Тата? Вы повесили его, дурак! А мне от одного его голоса становилось легче! Молчите, я сам знаю, что он отравитель! И плевать я на это хотел! Что тут такого, что он отравитель? Он был зна-а-а-ахарь! Понимаете, убийца? Знахарь! Одного отравит, другого вылечит! А вы только травите! Лучше бы вы сами повесились! (Дон Рэба поклонился, прижимая руку к сердцу, и остался в таком положении.) Ведь всех же повесили! Остались одни ваши шарлатаны! И попы, которые поят меня святой водой вместо лекарства... Кто составит микстуру? Кто разотрет мне ногу мазью?

— Государь! — во весь голос сказал Румата, и ему показалось, что во дворце все замерло. — Вам стоит приказать, и лучший лекарь Империи будет во дворце через полчаса!

Король оторопело уставился на него. Риск был страшный. Дону Рэбе стоило только мигнуть... Румата физически ощутил, сколько пристальных глаз смотрят сейчас на него поверх оперения стрел, — он-то знал, зачем идут под потолком спальни ряды круглых черных отдушин. Дон Рэба тоже смотрел на него с выражением вежливого и благожелательного любопытства.

— Что это значит? — брюзгливо осведомился король. — Ну, приказываю, ну, где ваш лекарь?

Румата весь напрягся. Ему казалось, что наконечники стрел уже колют его лопатки.

— Государь, — быстро сказал он, — прикажите дону Рэбе представить вам знаменитого доктора Будаха!

Видимо, дон Рэба все-таки растерялся. Главное было сказано, а Румата был жив. Король перекатил мутные глаза на министра охраны короны.

— Государь, — продолжал Румата, теперь уже не торопясь и надлежащим слогом. — Зная о ваших поистине невыносимых страданиях и памятуя о долге моего рода перед государями, я выписал из Ирукана знаменитого высокоученого лекаря доктора Будаха. К сожалению, однако, путь доктора Будаха был прерван. Серые солдаты уважаемого дон Рэбы захватили его на прошлой неделе, и дальнейшая его судьба известна одному только дону Рэбе. Я полагаю, что лекарь где-то поблизости, скорее всего в Веселой Башне, и я надеюсь, что странная неприязнь дон Рэбы к лекарям еще не отразилась роковым образом на судьбе доктора Будаха.

Румата замолчал, сдерживая дыхание. Кажется, все обошлось превосходно. Держись, дон Рэба! Он взглянул на министра — и похолодел. Министр охраны короны нисколько не растерялся. Он кивал Румате с ласковой отеческой укоризной. Этого Румата никак не ожидал. Да он в восторге, ошеломленно подумал Румата. Зато король вел себя, как ожидалось.

— Мошенник! — заорал он. — Удушю! Где доктор? Где доктор, я вас спрашиваю! Молчать! Я вас спрашиваю, где доктор?

Дон Рэба выступил вперед, приятно улыбаясь.

— Ваше величество, — сказал он, — вы поистине счастливый государь, ибо у вас так много верных подданных, что они порой мешают друг другу в стремлении услужить вам. (Король тупо смотрел на него.) Не скрою, как и все, происходящее в вашей стране, был мне известен и благородный замысел пылкого дона Руматы. Не скрою, что я выслал навстречу доктору Будаху наших серых солдат — исключительно для того, чтобы уберечь почтенного пожилого человека от случайностей дальней дороги. Не буду я скрывать и того, что не торопился представить Будаха Ируканского вашему величеству...

— Как же это вы осмелились? — укоризненно спросил король.

— Ваше величество, дон Румата молод и столь же неискушен в политике, сколь многоопытен в благородной схватке. Ему и невдомек, на какую низость способен герцог Ируканский в своей бешеной злобе против вашего величества. Но мы-то с вами это знаем, государь, не правда ли? (Король покивал.) И поэтому я счел необходимым произвести предварительно небольшое расследование. Я бы не стал торопиться, но если вы, ваше величество (низкий поклон королю), и дон Румата (кивок в сторону Руматы) так настаиваете, то сегодня же после обеда доктор Будах, ваше величество, предстанет перед вами, чтобы начать курс лечения.

— А вы не дурак, дон Рэба, — сказал король, подумав. — Расследование — это хорошо. Это никогда не помешает. Проклятый ируканец... — Он взвыл и снова схватился за колено. — Проклятая нога! Так, значит, после обеда? Будем ждать, будем ждать.

И король, опираясь на плечо министра церемоний, медленно прошел в тронный зал мимо ошеломленного Руматы. Когда он погрузился в толпу расступающихся придворных, дон Рэба приветливо улыбнулся Румате и спросил:

— Сегодня ночью вы, кажется, дежурите при опочивальне принца? Я не ошибаюсь? Румата молча поклонился.

Румата бесцельно брел по бесконечным коридорам и переходам дворца, темным, сырым, провонявшим аммиаком и гнилью, мимо роскошных, убранных коврами комнат, мимо запыленных кабинетов с узкими зарешеченными окнами, мимо кладовых, заваленных рухлядью с ободранной позолотой. Людей здесь почти не было. Редкий придворный рисковал посещать этот лабиринт в тыльной части дворца, где королевские апартаменты незаметно переходили в канцелярию министерства охраны короны. Здесь было легко заблудиться. Все помнили случай, когда гвардейский патруль, обходивший дворец по периметру, был напуган истошными воплями человека, тянувшего к нему сквозь решетку амбразуры исцарапанные руки. «Спасите меня! — кричал человек. — Я камер-юнкер! Я не знаю, как выбраться! Я два дня ничего не ел! Возьмите меня отсюда!» (Десять дней между министром финансов и министром двора шла оживленная переписка, после чего решено было все-таки выломать решетку, и на протяжении этих десяти дней несчастного камер-юнкера кормили, подавая ему мясо и хлеб на кончике пика.) Кроме того, здесь было небезопасно. В тесных коридорах сталкивались подвыпившие гвардейцы, охранявшие особу короля, и подвыпившие штурмовики, охранявшие министерство. Резались отчаянно, а удовлетворившись, расходились, унося раненых. Наконец, здесь бродили и убиенные. За два века их накопилось во дворце порядочно.

Из глубокой ниши в стене выступил штурмовик-часовой с топором наготове.

— Не велено, — мрачно объявил он.

— Что ты понимаешь, дурак! — небрежно сказал Румата, отводя его рукой.

Он слышал, как штурмовик нерешительно топчется сзади, и вдруг поймал себя на мысли о том, что оскорбительные словечки и небрежные жесты получают у него рефлекторно, что он уже не играет высокородного хама, а в значительной степени стал им. Он представил себя таким на Земле, и ему стало мерзко и стыдно. Почему? Что со мной произошло? Куда исчезло воспитанное и взлелеянное с детства уважение и доверие к себе подобным, к человеку, к замечательному существу, называемому «человек»? А

ведь мне уже ничто не поможет, подумал он с ужасом. Ведь я же их по-настоящему ненавижу и презираю... Не жалею, нет — ненавижу и презираю. Я могу сколько угодно оправдывать тупость и зверство этого парня, мимо которого я сейчас проскочил, социальные условия, жуткое воспитание, все, что угодно, но я теперь отчетливо вижу, что это мой враг, враг всего, что я люблю, враг моих друзей, враг того, что я считаю самым святым. И ненавижу я его не теоретически, не как «типичного представителя», а его самого, его как личность. Ненавижу его слюнявую морду, вонь его невымытого тела, его слепую веру, его злобу ко всему, что выходит за пределы половых отправления и выпивки. Вот он топчется, этот недоросль, которого еще полгода назад толстопузый папаша порол, тщась приспособить к торговле лежалой мукой и засахарившимся вареньем, сопит, стоеросовая дубина, мучительно пытаюсь вспомнить параграфы скверно вызубренного устава, и никак не может сообразить, нужно ли рубить благородного донатора топором, орать ли «караул!» или просто махнуть рукой — все равно никто не узнает. И он махнет на все рукой, вернется в свою нишу, сунет в пасть ком жевательной коры и будет чавкать, пуская слюни и причмокивая. И ничего на свете он не хочет знать, и ни о чем на свете он не хочет думать. Думать! А чем лучше орел наш дон Рэба? Да, конечно, его психология запутанней и рефлексивней, но мысли его подобны вот этим пропахшим аммиаком и преступлениями лабиринтам дворца, и он совершенно уже невыразимо гнусен — страшный преступник и бессовестный паук. Я пришел сюда любить людей, помочь им разогнуться, увидеть небо. Нет, я плохой разведчик, подумал он с раскаянием. Я никуда не годный историк. И когда это я успел провалиться в трясину, о которой говорил дон Кондор? Разве бог имеет право на какое-нибудь чувство, кроме жалости?

Позади раздалось торопливое бух-бух-бух сапогами по коридору. Румата повернулся и опустил руки крест-накрест на рукояти мечей. К нему бежал дон Рипат, придерживая на боку клинок.

— Дон Румата!.. Дон Румата!.. — закричал он еще издали хриплым шепотом.

Румата оставил мечи. Подбежав к нему, дон Рипат огляделся и проговорил едва слышно на ухо:

— Я вас ищу уже целый час. Во дворце Вага Колесо! Разговаривает с доном Рэбой в лиловых покоях.

Румата даже зажмурился на секунду. Затем, осторожно отстранившись, сказал с вежливым удивлением:

— Вы имеете в виду знаменитого разбойника? Но ведь он не то казнен, не то вообще выдуман.

Лейтенант облизнул сухие губы.

— Он существует. Он во дворце... Я думал, вам будет интересно.

— Милейший дон Рипат, — внушительно сказал Румата, — меня интересуют слухи. Сплетни. Анекдоты... Жизнь так скучна... Вы меня, очевидно, неправильно понимаете... (Лейтенант смотрел на него безумными глазами.) Посудите сами — какое мне дело до нечистоплотных связей донатора Рэбы, которого, впрочем, я слишком уважаю, чтобы как-то судить?.. И потом, простите, я спешу... Меня ждет дама.

Дон Рипат снова облизнул губы, неловко поклонился и боком пошел прочь. Румату вдруг осенила счастливая мысль.

— Кстати, мой друг, — приветливо окликнул он. — Как вам понравилась небольшая интрига, которую мы провели сегодня утром с доном Рэбой?

Дон Рипат с готовностью остановился.

— Мы очень удовлетворены, — сказал он.

— Не правда ли, это было очень мило?

— Это было великолепно! Серое офицерство очень радо, что вы наконец открыто приняли нашу сторону. Такой умный человек, как вы, дон Румата, и якшается с баронами, с благородными вырожденками...

— Мой дорогой Рипат! — высокомерно сказал Румата, поворачиваясь, чтобы идти. — Вы забываете, что с высоты моего происхождения не видно никакой разницы даже между королем и вами. До свиданья.

Он широко зашагал по коридорам, уверенно сворачивая в поперечные проходы и молча отстраняя часовых. Он плохо представлял себе, что собирается сделать, но он понимал, что это удивительная, редкостная удача. Он должен слышать разговор между двумя пауками. Недаром дон Рэба обещал за живого Вагу в четырнадцать раз больше, чем за Вагу мертвого...

Из-за лиловых портьер ему навстречу выступили два серых лейтенанта с клинками наголо.

— Здравствуйте, друзья, — сказал дон Румата, останавливаясь между ними. — Министр у себя?

— Министр занят, дон Румата, — сказал один из лейтенантов.

— Я подожду, — сказал Румата и прошел под портьеры.

Здесь было непроглядно темно. Румата ощупью пробирался среди кресел, столов и чугунных подставок для светильников. Несколько раз он явственно слышал чье-то сопение над ухом, и его обдавало густым чесночно-пивным духом. Потом он увидел слабую полоску света, расслышал знакомый гнусавый тенорок почтенного Ваги и остановился. В ту же секунду острие копья осторожно уперлось ему между лопатками. «Тише, болван, — сказал он раздраженно, но негромко. — Это я, дон Румата». Копье отодвинулось. Румата подтащил кресло к полоске света, сел, вытянув ноги, и зевнул так, чтобы было слышно. Затем он стал смотреть.

Пауки встретились. Дон Рэба сидел в напряженной позе, положив локти на стол и сплетя пальцы. Справа от него лежал на куче бумаг тяжелый метательный нож с деревянной рукоятью. На лице министра была приятная, хотя и несколько оцепенелая улыбка. Почтенный Вага сидел на софе спиной к Румате. Он был похож на старого чудаковатого вельможу, прошедшего последние тридцать лет безвыездно в своем загородном дворце.

— Выстребаны обстрихнутся, — говорил он, — и дутой чернушенькой объятно хлопнут по маргазам. Это уже двадцать длинных хохарей. Марко было бы тукнуть по пестрякам. Да хохари облыго ружуют. На том и покалим сростень. Это наш примар...

Дон Рэба пощупал бритый подбородок.

— Студно туково, — задумчиво сказал он.

Вага пожал плечами.

— Таков наш примар. С нами габузиться для вашего оглода не сростно. По габарям?

— По габарям, — решительно сказал министр охраны короны.

— И пей круг, — произнес Вага, поднимаясь.

Румата, оторопело слушавший эту галиматью, обнаружил на лице Ваги пушистые усы и острую седую бородку. Настоящий придворный времен прошлого регентства.

— Приятно было побеседовать, — сказал Вага.

Дон Рэба тоже встал.

— Беседа с вами доставила мне огромное удовольствие, — сказал он. — Я впервые вижу такого смелого человека, как вы, почтенный...

— Я тоже, — скучным голосом сказал Вага. — Я тоже поражаюсь и горжусь смелостью первого министра нашего королевства.

Он повернулся к дону Рэбе спиной и побрел к выходу, опираясь на жезл. Дон Рэба, не спуская с него задумчивого взгляда, рассеянно положил пальцы на рукоять ножа. Сейчас же за спиной Руматы кто-то страшно задышал, и длинный коричневый ствол духовой трубки просунулся мимо его уха к щели между портьерами. Секунду дон Рэба стоял, словно прислушиваясь, затем сел, выдвинул ящик стола, извлек кипу бумаг и погрузился в чтение. За спиной Руматы сплюнули, трубка убралась. Все было ясно. Пауки

договорились. Румата встал и, наступая на чьи-то ноги, начал пробираться обратно к выходу из лиловых покоев.

Король обедал в огромной двусветной зале. Тридцатиметровый стол накрывался на сто персон: сам король, дон Рэба, особы королевской крови (два десятка полнокровных личностей, обжор и выпивох), министры двора и церемоний, группа родовитых аристократов, приглашаемых традиционно (в том числе и Румата), дюжина заезжих баронов с дубоподобными баронетами и на самом дальнем конце стола — всякая аристократическая мелочь, правдами и неправдами добившаяся приглашения за королевский стол. Этим последним, вручая им приглашение и номерок на кресло, предупреждали: «Сидите неподвижно, король не любит, когда вертятся. Руки держите на столе, король не любит, когда руки прячут под стол. Не оглядывайтесь, король не любит, когда оглядываются». За каждым таким обедом пожиралось огромное количество тонкой пищи, выпивались озера старинных вин, разбивалась и портилась масса посуды знаменитого эсторского фарфора. Министр финансов в одном из своих докладов королю похвастался, что один-единственный обед его величества стоит столько же, сколько полугодное содержание Соанской Академии наук.

В ожидании, когда министр церемоний под звуки труб трижды провозгласит «к столу!», Румата стоял в группе придворных и в десятый раз слушал рассказ дона Тамэо о королевском обеде, на котором он, дон Тамэо, имел честь присутствовать полгода назад.

— ...Я нахожу свое кресло, мы стоим, входит король, садится, садимся и мы. Обед идет своим чередом. И вдруг, представьте себе, дорогие доны, я чувствую, что подо мной мокро... Мокро! Ни повернуться, ни поерзать, ни пощупать рукой я не решаюсь. Однако, улучив момент, я запускаю руку под себя — и что же? Действительно мокро! Нюхаю пальцы — нет, ничем особенным не пахнет. Что за притча! Между тем обед кончается, все встают, а мне, представьте себе, благородные доны, встать как-то страшно... Я вижу, что ко мне идет король — король! — но продолжаю сидеть на месте, словно барон-деревенщина, не знающий этикета. Его величество подходит ко мне, милостиво улыбается и кладет руку мне на плечо. «Мой дорогой дон Тамэо, — говорит он, — мы уже встали и идем смотреть балет, а вы все еще сидите. Что с вами, уж не объелись ли вы?» — «Ваше величество, — говорю я, — отрубите мне голову, но подо мной мокро». Его величество изволил рассмеяться и приказал мне встать. Я встал — и что же? Кругом хохот! Благородные доны, я весь обед просидел на ромовом торте! Его величество изволил очень смеяться. «Рэба, Рэба, — сказал наконец он, — это все ваши шутки! Извольте почистить благородного дона, вы испачкали ему седалище!» Дон Рэба, заливаясь смехом, вынимает кинжал и принимается счищать торт с моих штанов. Вы представляете мое состояние, благородные доны? Не скрою, я трясся от страха при мысли о том, что дон Рэба, униженный при всех, отомстит мне. К счастью, все обошлось. Уверяю вас, благородные доны, это самое счастливое впечатление моей жизни! Как смеялся король! Как был доволен его величество!

Придворные хохотали. Впрочем, такие шутки были в обычае за королевским столом. Приглашенных сажали в паштеты, в кресла с подпиленными ножками, на гусиные яйца. Саживали и на отравленные иглы. Король любил, чтобы его забавляли. Румата вдруг подумал: любопытно, как бы я поступил на месте этого идиота? Боюсь, что королю пришлось бы искать себе другого министра охраны, а Институту пришлось бы прислать в Арканар другого человека. В общем, надо быть начеку. Как наш орел дон Рэба...

Загремели трубы, мелодично взревел министр церемоний, вошел, прихрамывая, король, и все стали рассаживаться. По углам залы, опершись на двуручные мечи, неподвижно стояли дежурные гвардейцы. Румате достались молчаливые соседи. Справа заполняла кресло трясущаяся туша угрюмого обжоры дона Пифы, супруга известной красавицы, слева бессмысленно смотрел в пустую тарелку Гур Сочинитель. Гости замерли, глядя на короля. Король затолкал за ворот сероватую салфетку, окинул взглядом

блюда и схватил куриную ножку. Едва он впился в нее зубами, как сотня ножей с лязгом опустилась на тарелки и сотня рук протянулась над блюдами. Зал наполнился чавканьем и сосущими звуками, забулькало вино. У неподвижных гвардейцев с двуручными мечами алчно зашевелились усы. Когда-то Румату тошнило на этих обедах. Сейчас он привык.

Разделявая кинжалом баранью лопатку, он покосился направо и сейчас же отвернулся: дон Пифа висел над целиком зажаренным кабаном и работал, как землеройный автомат. Костей после него не оставалось. Румата задержал дыхание и залпом осушил стакан ируканского. Затем он покосился налево. Гур Сочинитель вяло ковырял ложкой в блюде с салатом.

— Что нового пишете, отец Гур? — спросил Румата вполголоса.

Гур вздрогнул.

— Пишу?.. Я?.. Не знаю... Много.

— Стихи?

— Да... стихи...

— У вас отвратительные стихи, отец Гур. (Гур странно посмотрел на него.) Да-да, вы не поэт.

— Не поэт... Иногда я думаю, кто же я? И чего я боюсь? Не знаю.

— Глядите в тарелку и продолжайте кушать. Я вам скажу, кто вы. Вы гениальный сочинитель, открыватель новой и самой плодотворной дороги в литературе. (На щеках Гура медленно выступил румянец.) Через сто лет, а может быть и раньше, по вашим следам пойдут десятки сочинителей.

— Спаси их господь! — вырвалось у Гура.

— Теперь я скажу вам, чего вы боитесь.

— Я боюсь тьмы.

— Темноты?

— Темноты тоже. В темноте мы во власти призраков. Но больше всего я боюсь тьмы, потому что во тьме все становятся одинаково серыми.

— Отлично сказано, отец Гур. Между прочим, можно еще достать ваше сочинение?

— Не знаю... И не хочу знать.

— На всякий случай знайте: один экземпляр находится в метрополии, в библиотеке императора. Другой хранится в Музее раритетов в Соане. Третий — у меня.

Гур трясущейся рукой положил себе ложку желе.

— Я... не знаю... — Он с тоской посмотрел на Румату огромными запавшими глазами. — Я хотел бы почитать... перечитать...

— Я с удовольствием ссужу вам...

— И потом?..

— Потом вы вернете.

— И потом вам вернут! — резко сказал Гур.

Румата покачал головой.

— Дон Рэба очень напугал вас, отец Гур.

— Напугал... Вам приходилось когда-нибудь жечь собственных детей? Что вы знаете о страхе, благородный дон!..

— Я склоняю голову перед тем, что вам пришлось пережить, отец Гур. Но я от души осуждаю вас за то, что вы сдались.

Гур Сочинитель вдруг принялся шептать так тихо, что Румата едва слышал его сквозь чавканье и гул голосов:

— А зачем все это?.. Что такое правда?.. Принц Хаар действительно любил прекрасную меднокожую Яиневнивору... У них были дети... Я знаю их внука... Ее действительно отравили... Но мне объяснили, что это ложь... Мне объяснили, что правда — это то, что сейчас во благо королю... Все остальное ложь и преступление. Всю жизнь я писал ложь... И только сейчас я пишу правду...

Он вдруг встал и громко нараспев выкрикнул:

Велик и славен, словно вечность,
Король, чье имя — Благородство!
И отступила бесконечность,
И уступила первородство!

Король перестал жевать и тупо уставился на него. Гости втянули головы в плечи. Только дон Рэба улыбнулся и несколько раз беззвучно хлопнул в ладоши. Король выплюнул на скатерть кости и сказал:

— Бесконечность?.. Верно. Правильно, уступила... Хвалю. Можешь кушать.

Чавканье и разговоры возобновились. Гур сел.

— Легко и сладостно говорить правду в лицо королю, — сипло проговорил он.

Румата промолчал.

— Я передам вам экземпляр вашей книги, отец Гур, — сказал он. — Но с одним условием. Вы немедленно начнете писать следующую книгу.

— Нет, — сказал Гур. — Поздно. Пусть Киун пишет. Я отравлен. И вообще все это меня больше не интересует. Сейчас я хочу только одного — научиться пить. И не могу... Болит желудок...

Еще одно поражение, подумал Румата. Опоздал.

— Послушайте, Рэба, — сказал вдруг король. — А где же лекарь? Вы обещали мне лекаря после обеда.

— Он здесь, ваше величество, — сказал дон Рэба. — Велите позвать?

— Велю? Еще бы! Если бы у вас так болело колено, вы бы визжали, как свинья!.. Давайте его сюда немедленно!

Румата откинулся на спинку кресла и приготовился смотреть. Дон Рэба поднял руку над головой и щелкнул пальцами. Дверь отворилась, и в залу, непрерывно кланяясь, вошел сгорбленный пожилой человек в долгополой мантии, украшенной изображениями серебряных пауков, звезд и змей. Под мышкой он держал плоскую продолговатую сумку. Румата был озадачен: он представлял себе Будаха совсем не таким. Не могло быть у мудреца и гуманиста, автора всеобъемлющего «Трактата о ядах» таких бегающих выцветших глазок, трясущихся от страха губ, жалкой, заискивающей улыбки. Но он вспомнил Гура Сочинителя. Вероятно, следствие над подозреваемым ируканским шпионом стоило литературной беседы в кабинете донна Рэбы. Взять Рэбу за ухо, подумал он сладостно. Притащить его в застенок. Сказать палачам: «Вот ируканский шпион, переодевшийся нашим славным министром, король велел выпытать у него, где настоящий министр, делайте свое дело, и горе вам, если он умрет раньше, чем через неделю...» Он даже прикрылся рукой, чтобы никто не видел его лица. Что за страшная штука ненависть...

— Ну-ка, ну-ка, пойдя сюда, лекарь, — сказал король. — Экий ты, братец, мозгляк. А ну-ка приседай, приседай, говорят тебе!

Несчастный Будах начал приседать. Лицо его исказилось от ужаса.

— Еще, еще, — гнусавил король. — Еще разок! Еще! Коленки не болят, вылечил-таки свои коленки. А покажи зубы! Та-ак, ничего зубы. Мне бы такие... И руки ничего, крепкие. Здоровый, здоровый, хотя и мозгляк... Ну давай, голубчик, лечи, чего стоишь...

— Ва-ваше величество... со-соизволит показать ножку... Ножку... — услышал Румата. Он поднял глаза.

Лекарь стоял на коленях перед королем и осторожно мямлил его ногу.

— Э... Э! — сказал король. — Ты что это? Ты не хватай! Взятся лечить, так лечи!

— Мне все по-понятно, ваше величество, — пробормотал лекарь и принялся торопливо копаться в своей сумке.

Гости перестали жевать. Аристократики на дальнем конце стола даже привстали и вытянули шеи, сгорая от любопытства.

Будах достал из сумки несколько каменных флаконов, откупорил их и, поочередно нюхая, расставил в ряд на столе. Затем он взял кубок короля и налил до половины вином. Произведя над кубком пассы обеими руками и прошептав заклинания, он быстро опорожнил в вино все флаконы. По залу распространился явственный запах нашатырного спирта. Король поджал губы, заглянул в кубок и, скривив нос, посмотрел на дону Рэбу. Министр сочувственно улыбнулся. Придворные затаили дыхание.

Что он делает, удивленно подумал Румата, ведь у старика подагра! Что он там намешал? В трактате ясно сказано: растирать опухшие сочленения настоем на трехдневном яде белой змеи Ку. Может быть, это для растирания?

— Это что, растирать? — спросил король, опасливо кивая на кубок.

— Отнюдь нет, ваше величество, — сказал Будах. Он уже немного оправился. — Это внутрь.

— Вну-утрь? — Король надулся и откинулся в кресле. — Я не желаю внутрь. Растирай.

— Как угодно, ваше величество, — покорно сказал Будах. — Но осмелюсь предупредить, что от растирания пользы не будет никакой.

— Почему-то все растирают, — брюзгливо сказал король, — а тебе обязательно надо вливать в меня эту гадость.

— Ваше величество, — сказал Будах, гордо выпрямившись, — это лекарство известно одному мне! Я вылечил им дядю герцога Ируканского. Что же касается растирателей, то ведь они не вылечили вас, ваше величество...

Король посмотрел на дону Рэбу. Дон Рэба сочувственно улыбнулся.

— Мерзавец ты, — сказал король лекарю неприятным голосом. — Мужичонка. Мозгляк паршивый. — Он взял кубок. — Вот как тресну тебя кубком по зубам... — Он заглянул в кубок. — А если меня вытошнит?

— Придется повторить, ваше величество, — скорбно произнес Будах.

— Ну ладно, с нами бог! — сказал король и поднес было кубок ко рту, но вдруг так резко отстранил его, что плеснул на скатерть. — А ну, выпей сначала сам! Знаю я вас, ируканцев, вы святого Мику варварам продали! Пей, говорят!

Будах с оскорбленным видом взял кубок и отпил несколько глотков.

— Ну как? — спросил король.

— Горько, ваше величество, — сдавленным голосом произнес Будах. — Но пить надо.

— На-адо, на-адо... — забрюзжал король. — Сам знаю, что надо. Дай сюда. Ну вот, полкубка вылакал, дорвался...

Он залпом опрокинул кубок. Вдоль стола понеслись сочувственные вздохи — и вдруг все затихло. Король застыл с разинутым ртом. Из глаз его градом посыпались слезы. Он медленно побагровел, затем посинел. Он протянул над столом руку, судорожно щелкая пальцами. Дон Рэба поспешно сунул ему соленый огурец. Король молча швырнул огурцом в дону Рэбу и опять протянул руку.

— Вина... — просипел он.

Кто-то кинулся, подал кувшин. Король, бешено вращая глазами, гулко глотал. Красные струи текли по его белому камзолу. Когда кувшин опустел, король бросил его в Будаха, но промахнулся.

— Стервец! — сказал он неожиданным басом. — Ты за что меня убил? Мало вас вешали! Чтоб ты лопнул!

Он замолчал и потрогал колено.

— Болит! — прогнусавил он прежним голосом. — Все равно болит!

— Ваше величество, — сказал Будах. — Для полного излечения надо пить микстуру ежедневно в течение по крайней мере недели...

В горле у короля что-то пискнуло.

— Вон! — взвизгнул он. — Все вон отсюда!

Придворные, опрокидывая кресла, гурьбой бросились к дверям.

— Во-о-он!.. — истошно вопил король, сметая со стола посуду.

Выскочив из зала, Румата нырнул за какую-то портьеру и стал хохотать. За соседней портьерой тоже хохотали — надрывно, задыхаясь, с подвизгиванием.

Глава 6

На дежурство у опочивальни принца заступали в полночь, и Румата решил зайти домой, чтобы посмотреть, все ли в порядке, и переодеться. Вечерний город поразил его. Улицы были погружены в гробовую тишину, кабаки закрыты. На перекрестках стояли, позвякивая железом, группы штурмовиков с факелами в руках. Они молчали и словно ждали чего-то. Несколько раз к Румате подходили, взглядывались и, узнав, так же молча давали дорогу. Когда до дому оставалось шагов пятьдесят, за ним увязалась кучка подозрительных личностей. Румата остановился, погремел ножнами о ножны, и личности отстали, но сейчас же в темноте заскрипел заряжаемый арбалет. Румата поспешно пошел дальше, прижимаясь к стенам, нашарил дверь, повернул ключ в замке, все время чувствуя свою незащищенную спину, и с облегченным вздохом вскочил в прихожую.

В прихожей собрались все слуги, вооруженные кто чем. Оказалось, что дверь уже несколько раз пробовали. Румате это не понравилось. «Может, не ходить? — подумал он. — Черт с ним, с принцем».

— Где барон Пампа? — спросил он.

Уно, до крайности возбужденный, с арбалетом на плече, ответил, что «барон проснулись еще в полдень, выпили в доме весь рассол и опять ушли веселиться». Затем, понизив голос, он сообщил, что Кира сильно беспокоится и уже не раз спрашивала о хозяине.

— Ладно, — сказал Румата и приказал слугам построиться.

Слуг было шестеро, не считая кухарки, — народ все третий, привычный к уличным потасовкам. С серыми они, конечно, связываться не станут, испугаются гнева всесильного министра, но против оборванцев ночной армии устоять смогут, тем более что разбойнички в эту ночь будут искать добычу легкую. Два арбалета, четыре секиры, тяжелые мясницкие ножи, железные шапки, двери добротные, окованы, по обычаю, железом... Или, может быть, все-таки не ходить?

Румата поднялся наверх и прошел на цыпочках в комнату Киры. Кира спала одетая, свернувшись калачиком на нераскрытой постели. Румата постоял над нею со светильником. Идти или не идти? Ужасно не хочется идти. Он накрыл ее пледом, поцеловал в щеку и вернулся в кабинет. Надо идти. Что бы там ни происходило, разведчику надлежит быть в центре событий. И историкам польза. Он усмехнулся, снял с головы обруч, тщательно протер мягкой замшей объектив и вновь надел обруч. Потом позвал Уно и велел принести военный костюм и начищенную медную каску. Под камзол, прямо на майку, натянул, ежась от холода, металлопластовую рубашку, выполненную в виде кольчуги (здешние кольчуги неплохо защищали от меча и кинжала, но арбалетная стрела пробивала их насквозь). Затягивая форменный пояс с металлическими бляхами, сказал Уно:

— Слушай меня, малыш. Тебе я доверяю больше всех. Что бы здесь ни случилось, Кира должна остаться живой и невредимой. Пусть сгорит дом, пусть все деньги разграбят, но Киру ты мне сохрани. Уведи по крышам, по подвалам, как хочешь, но сохрани. Понял?

— Понял, — сказал Уно. — Не уходить бы вам сегодня...

— Ты слушай. Если я через три дня не вернусь, бери Киру и вези ее в сайву, в Икающий лес. Знаешь, где это? Так вот, в Икающем лесу найдешь Пьяную Берлогу, изба такая, стоит недалеко от дороги. Спросишь — покажут. Только смотри, у кого спрашивать. Там будет человек, зовут его отец Кабани. Расскажешь ему все. Понял?

— Понял. А только лучше вам не уходить...

— Рад бы. Не могу: служба... Ну, смотри.

Он легонько щелкнул мальчишку в нос и улыбнулся в ответ на его неумелую улыбку. Внизу он произнес короткую ободряющую речь перед слугами, вышел за дверь и снова очутился в темноте. За его спиной загремели засовы.

Покои принца во все времена охранялись плохо. Возможно, именно поэтому на арканарских принцев никто никогда не покушался. И уж в особенности не интересовались нынешним принцем. Никому на свете не нужен был этот чахлый голубоглазый мальчик, похожий на кого угодно, только не на своего отца. Мальчишка нравился Румате. Воспитание его было поставлено из рук вон плохо, и потому он был сообразителен, не жесток, терпеть не мог — надо думать, инстинктивно — дону Рэбу, любил громко распевать разнообразные песенки на слова Цурэна и играть в кораблики. Румата выписывал для него из метрополии книжки с картинками, рассказывал про звездное небо и однажды навсегда покорила мальчика сказкой о летающих кораблях. Для Руматы, редко сталкивавшегося с детьми, десятилетний принц был антиподом всех сословий этой дикой страны. Именно из таких обыкновенных голубоглазых мальчишек, одинаковых во всех сословиях, вырастали потом и зверство, и невежество, и покорность, а ведь в них, в детях, не было никаких следов и задатков этой гадости. Иногда он думал, как здорово было бы, если бы с планеты исчезли все люди старше десяти лет.

Принц уже спал. Румата принял дежурство — постоял рядом со сменяющимся гвардейцем возле спящего мальчика, совершая сложные, требуемые этикетом движения обнаженными мечами, традиционно проверил, все ли окна заперты, все ли няньки на местах, во всех ли покоях горят светильники, вернулся в переднюю, сыграл со сменяющимся гвардейцем партию в кости и поинтересовался, как относится благородный дон к тому, что происходит в городе. Благородный дон, большого ума мужчина, глубоко задумался и высказал предположение, что простой народ готовится к празднованию дня святого Мики.

Оставшись один, Румата придвинул кресло к окну, сел поудобнее и стал смотреть на город. Дом принца стоял на холме, и днем город просматривался отсюда до самого моря. Но сейчас все тонуло во мраке, только виднелись разбросанные кучки огней — где на перекрестках стояли и ждали сигнала штурмовики с факелами. Город спал или притворялся спящим. Интересно, чувствовали ли жители, что сегодня ночью на них надвигается что-то ужасное? Или, как благородный дон большого ума, тоже считали, что кто-то готовится к празднованию дня святого Мики? Двести тысяч мужчин и женщин. Двести тысяч кузнецов, оружейников, мясников, галантерейщиков, ювелиров, домашних хозяек, проституток, монахов, менял, солдат, бродяг, уцелевших книжечеев ворочались сейчас в душных, провонявших клопами постелях: спали, любились, пересчитывали в уме барыши, плакали, скрипели зубами от злости или от обиды... Двести тысяч человек! Было в них что-то общее для пришельца с Земли. Наверное, то, что все они почти без исключений были еще не людьми в современном смысле слова, а заготовками, болванками, из которых только кровавые века истории выточат когда-нибудь настоящего гордого и свободного человека. Они были пассивны, жадны и невероятно, фантастически эгоистичны. Психологически почти все они были рабами — рабами веры, рабами себе подобных, рабами страстишек, рабами корыстолюбия. И если волею судеб кто-нибудь из них рождался или становился господином, он не знал, что делать со своей свободой. Он снова торопился стать рабом — рабом богатства, рабом противоестественных излишеств, рабом распутных друзей, рабом своих рабов. Огромное большинство из них ни в чем не было виновато. Они были слишком пассивны и слишком невежественны. Рабство их зиждилось на пассивности и невежестве, а пассивность и невежество вновь и вновь порождали рабство. Если бы они все были одинаковы, руки опустились бы и не на что было бы надеяться. Но все-таки они были людьми, носителями искры разума. И постоянно, то тут, то там вспыхивали и разгорались в их толще огоньки неизмеримо далекого и неизбежного будущего. Вспыхивали, несмотря ни на что. Несмотря на всю их

кажущуюся никчемность. Несмотря на гнет. Несмотря на то, что их затапывали сапогами. Несмотря на то, что они были не нужны никому на свете и все на свете были против них. Несмотря на то, что в самом лучшем случае они могли рассчитывать на презрительную недоуменную жалость...

Они не знали, что будущее за них, что будущее без них невозможно. Они не знали, что в этом мире страшных призраков прошлого они являются единственной реальностью будущего, что они — фермент, витамин в организме общества. Уничтожьте этот витамин, и общество загниет, начнется социальная цинга, ослабеют мышцы, глаза потеряют зоркость, вывалятся зубы. Никакое государство не может развиваться без науки — его уничтожат соседи. Без искусств и общей культуры государство теряет способность к самокритике, принимается поощрять ошибочные тенденции, начинает ежесекундно порождать лицемеров и подонков, развивает в гражданах потребительство и самонадеянность и в конце концов опять-таки становится жертвой более благоразумных соседей. Можно сколько угодно преследовать книжечеев, запрещать науки, уничтожать искусства, но рано или поздно приходится спохватываться и со скрежетом зубным, но открывать дорогу всему, что так ненавистно властолюбивым тупицам и невеждам. И как бы ни презирали знание эти серые люди, стоящие у власти, они ничего не могут сделать против исторической объективности, они могут только притормозить, но не остановить. Презирая и боясь знания, они все-таки неизбежно приходят к поощрению его для того, чтобы удержаться. Рано или поздно им приходится разрешать университеты, научные общества, создавать исследовательские центры, обсерватории, лаборатории, создавать кадры людей мысли и знания, людей, им уже неподконтрольных, людей с совершенно иной психологией, с совершенно иными потребностями, а эти люди не могут существовать и тем более функционировать в прежней атмосфере низкого корыстолюбия, кухонных интересов, тупого самодовольства и сугубо плотских потребностей. Им нужна новая атмосфера — атмосфера всеобщего и всеобъемлющего познания, пронизанная творческим напряжением, им нужны писатели, художники, композиторы, и серые люди, стоящие у власти, вынуждены идти и на эту уступку. Тот, кто упрямится, будет сметен более хитрыми соперниками в борьбе за власть, но тот, кто делает эту уступку, неизбежно и парадоксально, против своей воли роет тем самым себе могилу. Ибо смертелен для невежественных эгоистов и фанатиков рост культуры народа во всем диапазоне — от естественнонаучных исследований до способности восхищаться большой музыкой... А затем приходит эпоха гигантских социальных потрясений, сопровождающихся невиданным ранее развитием науки и связанным с этим широчайшим процессом интеллектуализации общества, эпоха, когда серость дает последние бои, по жестокости возвращающие человечество к средневековью, в этих боях терпит поражение и исчезает как реальная сила навсегда.

Румата все смотрел на замерший во мраке город. Где-то там, в вонючей каморке, скорчившись на жалком ложе, горел в лихорадке изувеченный отец Тарра, а брат Нанин сидел возле него за колченогим столиком, пьяный, веселый и злой, и заканчивал свой «Трактат о слухах», с наслаждением маскируя казенными периодами яростную насмешку над серой жизнью. Где-то там слепо бродил в пустых роскошных апартаментах Гур Сочинитель, с ужасом ощущая, как, несмотря ни на что, из глубин его растерзанной, растоптанной души возникают под напором чего-то неведомого и прорываются в сознание яркие миры, полные замечательных людей и потрясающих чувств. И где-то там неведомо как коротал ночь надломленный, поставленный на колени доктор Будах, затравленный, но живой... Братья мои, подумал Румата. Я ваш, мы плоть от плоти вашей! С огромной силой он вдруг почувствовал, что никакой он не бог, ограждающий в ладонях светлячков разума, а брат, помогающий брату, сын, спасающий отца. «Я убью дону Рэбу». — «За что?» — «Он убивает моих братьев». — «Он не ведает, что творит». — «Он убивает будущее». — «Он не виноват, он сын своего века». — «То есть он не знает, что он виноват? Но мало ли чего он не знает? Я, я знаю, что он виноват». — «А что ты сделаешь

с отцом Цупиком? Отец Цупик многое бы дал, чтобы кто-нибудь убил дону Рэбу. Молчишь? Многих придется убивать, не так ли?» — «Не знаю, может быть, и многих. Одного за другим. Всех, кто поднимет руку на будущее». — «Это уже было. Травили ядом, бросали самодельные бомбы. И ничего не менялось». — «Нет, менялось. Так создавалась стратегия революции». — «Тебе не нужно создавать стратегию революции. Тебе ведь хочется просто убить». — «Да, хочется». — «А ты умеешь?» — «Вчера я убил дону Окану. Я знал, что убиваю, еще когда шел к ней с пером за ухом. И я жалею только, что убил без пользы. Так что меня уже почти научили». — «А ведь это плохо. Это опасно. Помнишь Сергея Кожина? А Джорджа Лэнни? А Сабину Крюгер?» Румата провел ладонью по влажному лбу. Вот так думаешь, думаешь, думаешь — и в конце концов выдумываешь порох...

Он вскочил и распахнул окно. Кучки огней в темном городе пришли в движение, распались и потянулись цепочками, появляясь и исчезая между невидимыми домами. Какой-то звук возник над городом — отдаленный многоголосый вой. Вспыхнули два пожара и озарили соседние крыши. Что-то запылало в порту. События начались. Через несколько часов станет понятно, что означает союз серых и ночных армий, противоестественный союз лавочников и грабителей с большой дороги, станет ясно, чего добивается дон Рэба и какую новую провокацию он задумал. Говоря проще: кого сегодня режут. Скорее всего, началась ночь длинных ножей, уничтожение зарвавшегося серого руководства, попутное истребление находящихся в городе баронов и наиболее неудобных аристократов. Как там Пампа, подумал он. Только бы не спал — отобьется...

Додумать ему не удалось. В дверь с истошным криком: «Отворите! Дежурный, отворите!» — забарабанили кулаками. Румата откинул засов. Ворвался полуодетый, сизый от ужаса человек, схватил Румату за отвороты камзола и закричал трясясь:

— Где принц? Будах отравил короля! Ируканские шпионы подняли бунт в городе! Спасайте принца!

Это был министр двора, человек глупый и крайне преданный. Оттолкнув Румату, он кинулся в спальню принца. Завизжали женщины. А в двери уже лезли, выставив ржавые топоры, потные мордастые штурмовики в серых рубашках. Румата обнажил мечи.

— Назад! — холодно сказал он.

За спиной из спальни донесся короткий задавленный вопль. Плохо дело, подумал Румата. Ничего не понимаю. Он отскочил в угол и загородился столом. Штурмовики, тяжело дыша, заполняли комнату. Их набралось человек пятнадцать. Вперед протолкался лейтенант в серой тесной форме, клинок наголо.

— Дон Румата? — сказал он, задыхаясь. — Вы арестованы. Отдайте мечи.

Румата оскорбительно засмеялся.

— Возьмите, — сказал он, косясь на окно.

— Взять его! — рявкнул офицер.

Пятнадцать упитанных увальней с топорами — не слишком много для человека, владеющего приемами боя, которые станут известны здесь лишь три столетия спустя. Толпа накатилась и откатилась. На полу осталось несколько топоров, двое штурмовиков скрючились и, бережно прижимая к животам вывихнутые руки, пролезли в задние ряды. Румата в совершенстве владел веерной защитой, когда перед нападающими сплошным сверкающим занавесом крутится сталь и кажется невозможным прорваться через этот занавес. Штурмовики, отдуваясь, нерешительно переглядывались. От них остро тянуло пивом и луком.

Румата отодвинул стол и осторожно пошел к окну вдоль стены. Кто-то из задних рядов метнул нож, но промахнулся. Румата опять засмеялся, поставил ногу на подоконник и сказал:

— Сунетесь еще раз — буду отрубать руки. Вы меня знаете...

Они его знали. Они его очень хорошо знали, и ни один из них не двинулся с места, несмотря на ругань и понукания офицера, державшегося, впрочем, тоже очень осторожно.

Румата встал на подоконник, продолжая угрожать мечами, и в ту же минуту из темноты, со двора, в спину ему ударило тяжелое копьё. Удар был страшен. Он не пробил металлопластовую рубашку, но сшиб Румату с подоконника и бросил на пол. Мечей Румата не выпустил, но толку от них уже не было никакого. Вся свора разом надела на него. Вместе они весили, наверное, больше тонны, но мешали друг другу, и ему удалось подняться на ноги. Он ударил кулаком в чьи-то мокрые губы, кто-то по-заячьи заверещал у него под мышкой, он бил и бил локтями, кулаками, плечами (давно он не чувствовал себя так свободно), но он не мог стряхнуть их с себя. С огромным трудом, волоча за собой кучу тел, он пошел к двери, по дороге наклоняясь и отдирая вцепившихся в ноги штурмовиков. Потом он ощутил болезненный удар в плечо и повалился на спину, под ним бились задавленные, но снова встал, нанося короткие, в полную силу удары, от которых штурмовики, размахивая руками и ногами, тяжело шлепались в стены; уже мелькало перед ним перекошенное лицо лейтенанта, выставившего перед собой разряженный арбалет, но тут дверь распахнулась, и навстречу ему полезли новые потные морды. На него накинули сеть, затянули на ногах веревки и повалили.

Он сразу перестал отбиваться, экономя силы. Некоторое время его топтали сапогами — сосредоточенно, молча, сладострастно хакая. Затем схватили за ноги и поволокли. Когда его тащили мимо раскрытой двери спальни, он успел увидеть министра двора, приколотого к стене копьём, и ворох окровавленных простыней на кровати. «Так это переворот! — подумал он. — Бедный мальчик...» Его поволокли по ступенькам, и тут он потерял сознание.

Глава 7

Он лежал на травянистом пригорке и смотрел на облака, плывущие в глубоком синем небе. Ему было хорошо и покойно, но на соседнем пригорке сидела колючая костлявая боль. Она была вне его и в то же время внутри, особенно в правом боку и в затылке. Кто-то рявкнул: «Сдох он, что ли? Головы оторву!» И тогда с неба обрушилась масса ледяной воды. Он действительно лежал на спине и смотрел в небо, только не на пригорке, а в луже, и небо было не синее, а черно-свинцовое, подсвеченное красным. «Ничего, — сказал другой голос. — Они живые, глазами лупают». Это я живой, подумал он. Это обо мне. Это я лупаю глазами. Но зачем они кривляются? Говорить разучились по-человечески?

Рядом кто-то зашевелился и грузно зашлепал по воде. На небе появился черный силуэт головы в остроконечной шапке.

— Ну как, благородный дон, сами пойдете или волочь вас?

— Развяжите ноги, — сердито сказал Румата, ощущая острую боль в разбитых губах. Он попробовал их языком. Ну и губы, подумал он. Оладьи, а не губы.

Кто-то завозился над его ногами, бесцеремонно дергая и ворочая их. Вокруг переговаривались негромкими голосами:

— Здорово вы его отделали...

— Так как же, он чуть не ушел... Заговоренный, стрелы отскакивают...

— Я одного знал такого, хоть топором бей, все нипочем.

— Так то небось мужик был...

— Ну, мужик...

— То-то и оно. А это благородных кровей.

— А, хвостом тя по голове... Узлов навязали, не разберешься... Огня дайте сюда!

— Да ты ножом.

— Ай, братья, ай, не развязывайте. Как он опять пойдет нас махать... Мне мало что голову не раздавил.

— Ладно, небось не начнет...

— Вы, братья, как хотите, а копьём я его бил по-настоящему. Я же так кольчуги пробивал.

Властный голос из темноты крикнул:

— Эй, скоро вы там?

Румата почувствовал, что ноги его свободны, напрягся и сел. Несколько приземистых штурмовиков молча смотрели, как он ворочается в луже. Румата стиснул челюсти от стыда и унижения. Он подергал лопатками: руки были скручены за спиной, да так, что он даже не понимал, где у него локти, а где кисти. Он собрал все силы, рывком поднялся на ноги, и его сейчас же перекосило от страшной боли в бок. Штурмовики засмеялись.

— Небось не убежит, — сказал один.

— Да, притомились, хвостом тя по голове...

— Что, дон, не сладко?

— Хватит болтать, — сказал из темноты властный голос. — Идите сюда, дон Румата.

Румата пошел на голос, чувствуя, как его мотает из стороны в сторону. Откуда-то вынырнул человек с факелом, пошел впереди. Румата узнал это место: один из бесчисленных внутренних дворишков министерства охраны короны, где-то возле королевских конюшен. Он быстро сообразил — если поведут направо, значит, в Башню, в застенки. Если налево — в канцелярию. Он потряс головой. Ничего, подумал он. Раз жив, еще поборемся. Они свернули налево. Не сразу, подумал Румата. Будет предварительное следствие. Странно. Если дело дошло до следствия, в чем меня могут обвинить? Пожалуй, ясно. Приглашение отравителя Будаха, отравление короля, заговор против короны... Возможно, убийство принца. И, разумеется, шпионаж в пользу Ирукана, Соана, варваров, баронов, Святого Ордена и прочее, и прочее... Просто удивительно, как я еще жив. Значит, еще что-то задумал этот бледный гриб.

— Сюда, — сказал человек с властным голосом.

Он распахнул низенькую дверь, и Румата, согнувшись, вошел в обширное, освещенное дюжиной светильников помещение. Посередине на потертом ковре сидели и лежали связанные, окровавленные люди. Некоторые из них были либо уже мертвы, либо без сознания. Почти все были босы, в рваных ночных рубашках. Вдоль стен, небрежно опираясь на топоры и секиры, стояли красномордые штурмовики, свирепые и самодовольные — победители. Перед ними прохаживался — руки за спину — офицер при мече, в сером мундире с сильно засаленным воротником. Спутник Руматы, высокий человек в черном плаще, подошел к офицеру и что-то шепнул на ухо. Офицер кивнул, с интересом взглянул на Румату и скрылся за цветастыми портьерами на противоположном конце комнаты.

Штурмовики тоже с интересом рассматривали Румату. Один из них, с заплывшим глазом, сказал:

— А хорош камушек у дона!

— Камушек будь здоров, — согласился другой. — Королю впору. И обруч литого золота.

— Нынче мы сами короли.

— Так что, снимем?

— Пр-рекратить, — негромко сказал человек в черном плаще.

Штурмовики с недоумением воззрились на него.

— Это еще кто на нашу голову? — сказал штурмовик с заплывшим глазом.

Человек в плаще, не отвечая, повернулся к нему спиной, подошел к Румате и встал рядом. Штурмовики недобро оглядывали его с головы до ног.

— Никак поп? — сказал штурмовик с заплывшим глазом. — Эй, поп, хошь в лоб?

Штурмовики загоготали. Штурмовик с заплывшим глазом поплевал на ладони, перебрасывая топор из руки в руку, и двинулся к Румате. Ох и дам я ему сейчас, подумал Румата, медленно отводя назад правую ногу.

— Кого я всегда бил, — продолжал штурмовик, останавливаясь перед ним и разглядывая человека в черном, — так это попов, грамотеев всяких и мастеровщину. Бывало...

Человек в плаще вскинул руку ладонью вверх. Что-то звонко щелкнуло под потолком. Ж-ж-ж! Штурмовик с заплывшим глазом выронил топор и опрокинулся на спину. Из середины лба у него торчала короткая толстая арбалетная стрела с густым оперением. Стало тихо. Штурмовики попятились, боязливо шаря глазами по отдушинам под потолком. Человек в плаще опустил руку и приказал:

— Убрать падаль, быстро!

Несколько штурмовиков кинулись, схватили убитого за ноги и за руки и поволокли прочь. Из-за портьеры вынырнул серый офицер и приглашающе помахал.

— Пойдемте, дон Румата, — сказал человек в плаще.

Румата пошел к портьерам, огибая кучу пленных. Ничего не понимаю, думал он. За портьерами в темноте его схватили, обшарили, сорвали с пояса пустые ножны и вытолкнули на свет.

Румата сразу понял, куда он попал. Это был знакомый кабинет дона Рэбы в лиловых покоях. Дон Рэба сидел на том же месте и в совершенно той же позе, напряженно выпрямившись, положив локти на стол и сплетя пальцы. А ведь у старика геморрой, ни с того ни с сего с жалостью подумал Румата. Справа от дона Рэбы восседал отец Цупик, важный, сосредоточенный, с поджатыми губами, слева — благодушно улыбающийся толстяк с нашивками капитана на сером мундире. Больше в кабинете никого не было. Когда Румата вошел, дон Рэба тихо и ласково сказал:

— А вот, друзья, и благородный дон Румата.

Отец Цупик пренебрежительно скривился, а толстяк благосклонно закивал.

— Наш старый и весьма последовательный недруг, — сказал дон Рэба.

— Раз недруг — повесить, — хрипло сказал отец Цупик.

— А ваше мнение, брат Аба? — спросил дон Рэба, предупредительно наклоняясь к толстяку.

— Вы знаете... Я как-то даже... — Брат Аба растерянно, по-детски улыбнулся, разведя коротенькие ручки. — Как-то мне, знаете ли, все равно. Но, может быть, все-таки не вешать?.. Может быть, сжечь, как вы полагаете, дон Рэба?

— Да, пожалуй, — задумчиво сказал дон Рэба.

— Вы понимаете, — продолжал очаровательный брат Аба, ласково улыбаясь Румате, — вешают отребье, мелочь... А мы должны сохранять у народа уважительное отношение к сословиям. Все-таки отпрыск древнего рода, крупный ируканский шпион... Ируканский, кажется, я не ошибаюсь? — Он схватил со стола листок и близоруко всмотрелся. — Ах, еще и соанский... Тем более!

— Сжечь так сжечь, — согласился отец Цупик.

— Хорошо, — сказал дон Рэба. — Договорились. Сжечь.

— Впрочем, я думаю, дон Румата может облегчить свою участь, — сказал брат Аба. — Вы меня понимаете, дон Рэба?

— Признаться, не совсем...

— Имущество! Мой благородный дон, имущество! Руматы — сказочно богатый род!..

— Вы, как всегда, правы, — сказал дон Рэба.

Отец Цупик зевнул, прикрывая рот рукой, и покосился на лиловые портьеры справа от стола.

— Что ж, тогда начнем по всей форме, — со вздохом сказал дон Рэба.

Отец Цупик все косился на портьеры. Он явно чего-то ждал и совершенно не интересовался допросом. Что за комедия? — думал Румата. Что это значит?

— Итак, мой благородный дон, — сказал дон Рэба, обращаясь к Румате, — было бы чрезвычайно приятно услышать ваши ответы на некоторые интересующие нас вопросы.

— Развяжите мне руки, — сказал Румата.

Отец Цупик встрепенулся и с сомнением пожевал губами. Брат Аба отчаянно замотал головой.

— А? — сказал дон Рэба и посмотрел сначала на брата Аба, а потом на отца Цупика. — Я вас понимаю, друзья мои. Однако, принимая во внимание обстоятельства, о которых дон Румата, вероятно, догадывается... — Он выразительным взглядом обвел ряды отдушин под потолком. — Развяжите ему руки, — сказал он, не повышая голоса.

Кто-то неслышно подошел сзади. Румата почувствовал, как чьи-то странно мягкие, ловкие пальцы коснулись его рук, послышался скрип разрезаемых веревок. Брат Аба с неожиданной для его комплекции резвостью извлек из-под стола огромный боевой арбалет и положил перед собой прямо на бумаги. Руки Руматы, как плети, упали вдоль тела. Он почти не чувствовал их.

— Итак, начнем, — бодро сказал дон Рэба. — Ваше имя, род, звание?

— Румата, из рода Румат Эсторских. Благородный дворянин до двадцать второго предка.

Румата огляделся, сел на софу и стал массировать кисти рук. Брат Аба, взволнованно сопя, взял его на прицел.

— Ваш отец?

— Мой благородный отец — имперский советник, преданный слуга и личный друг императора.

— Он жив?

— Он умер.

— Давно?

— Одиннадцать лет назад.

— Сколько вам лет?

Румата не успел ответить. За лиловой портьерой послышался шум, брат Аба недовольно оглянулся. Отец Цупик, зловеще усмехаясь, медленно поднялся.

— Ну, вот и все, государи мои!.. — начал он весело и злорадно.

Из-за портьер выскочили трое людей, которых Румата меньше всего ожидал увидеть здесь. Отец Цупик, по-видимому, тоже. Это были здоровенные монахи в черных рясах с клубуками, надвинутыми на глаза. Они быстро и бесшумно подскочили к отцу Цупику и взяли его за локти.

— А... н-ня... — проямлил отец Цупик. Лицо его покрылось смертельной бледностью. Несомненно, он ожидал чего-то совсем другого.

— Как вы полагаете, брат Аба? — спокойно осведомился дон Рэба, наклоняясь к толстяку.

— Ну, разумеется! — решительно отозвался тот. — Несомненно!

Дон Рэба сделал слабое движение рукой. Монахи приподняли отца Цупика и, все так же бесшумно ступая, вынесли за портьеры. Румата гадливо поморщился. Брат Аба потер мягкие лапки и бодро сказал:

— Все обошлось превосходно, как вы думаете, дон Рэба?

— Да, неплохо, — согласился дон Рэба. — Однако продолжим. Итак, сколько же вам лет, дон Румата?

— Тридцать пять.

— Когда вы прибыли в Арканар?

— Пять лет назад.

— Откуда?

— До этого я жил в Эсторе, в родовом замке.

— А какова была цель этого перемещения?

— Обстоятельства вынудили меня покинуть Эстор. Я искал столицу, сравнимую по блеску со столицей метрополии...

По рукам побежали наконец огненные мурашки. Румата терпеливо и настойчиво продолжал массировать распухшие кисти.

— А все-таки, что же это были за обстоятельства? — спросил дон Рэба.

— Я убил на дуэли члена августейшей семьи.

— Вот как? Кого же именно?

— Молодого герцога Экину.

— В чем причина дуэли?

— Женщина, — коротко сказал Румата.

У него появилось ощущение, что все эти вопросы ничего не значат. Что это такая же игра, как и обсуждение способа казни. Все трое чего-то ждут. Я жду, когда у меня отойдут руки. Брат Аба — дурак — ждет, когда ему на колени посыплется золото из родовой сокровищницы дона Руматы. Дон Рэба тоже чего-то ждет... Но монахи, монахи! Откуда во дворце монахи? Да еще такие умелые бойкие ребята?..

— Имя женщины?

Ну и вопросы, подумал Румата. Глупее не придумаешь. Попробую-ка я их расшевелить...

— Дона Рита, — ответил он.

— Не ожидал, что вы ответите. Благодарю вас...

— Всегда готов к услугам.

Дон Рэба поклонился.

— Вам приходилось бывать в Ирукане?

— Нет.

— Вы уверены?

— Вы тоже.

— Мы хотим правды! — наставительно сказал дон Рэба. Брат Аба покивал. — Одной только правды!

— Ага, — сказал Румата. — А мне показалось... — Он замолчал.

— Что вам показалось?

— Мне показалось, что вы главным образом хотите прибрать к рукам мое родовое имущество. Решительно не представляю себе, дон Рэба, каким образом вы надеетесь его получить?

— А дарственная? А дарственная? — вскричал брат Аба.

Румата засмеялся как можно более нагло.

— Ты дурак, брат Аба, или как тебя там... Сразу видно, что ты лавочник. Тебе что, неизвестно, что майорат не подлежит передаче в чужие руки?

Было видно, что брат Аба здорово рассвирепел, но сдерживается.

— Вам не следует разговаривать в таком тоне, — мягко сказал дон Рэба.

— Вы хотите правды? — возразил Румата. — Вот вам правда, истинная правда и только правда: брат Аба — дурак и лавочник.

Однако брат Аба уже овладел собой.

— Мне кажется, мы отвлеклись, — сказал он с улыбкой. — Как вы полагаете, дон Рэба?

— Вы, как всегда, правы, — сказал дон Рэба. — Благородный дон, а не приходилось ли вам бывать в Соане?

— Я был в Соане.

— С какой целью?

— Посетить Академию наук.

— Странная цель для молодого человека вашего положения.

— Мой каприз.

— А знакомы ли вы с генеральным судьей Соана доном Кондором?

Румата насторожился.

— Это старинный друг нашей семьи.

— Благороднейший человек, не правда ли?

— Весьма почтенная личность.

— А вам известно, что дон Кондор — участник заговора против его величества?

Румата задрал подбородок.

— Зарубите себе на носу, дон Рэба, — сказал он высокомерно. — Для нас, коренного дворянства метрополии, все эти Соаны и Ируканы, да и Арканар, были и всегда останутся вассалами имперской короны. — Он положил ногу на ногу и отвернулся.

Дон Рэба задумчиво глядел на него.

— Вы богаты?

— Я мог бы скупить весь Арканар, но меня не интересуют помойки...

Дон Рэба вздохнул.

— Мое сердце обливается кровью, — сказал он. — Обрубить столь славный росток столь славного рода!.. Это было бы преступлением, если бы не вызывалось государственной необходимостью.

— Поменьше думайте о государственной необходимости, — сказал Румата, — и побольше думайте о собственной шкуре.

— Вы правы, — сказал дон Рэба и щелкнул пальцами.

Румата быстро напряг и вновь распустил мышцы. Кажется, тело работало. Из-за портьеры снова выскочили трое монахов. Все с той же неуловимой быстротой и точностью, свидетельствующими об огромном опыте, они сомкнулись вокруг еще продолжавшего умильно улыбаться брата Аба, схватили его и завернули руки за спину.

— Ой-ей-ей-ей!.. — завопил брат Аба. Толстое лицо его исказилось от боли.

— Скорее, скорее, не задерживайтесь! — брезгливо сказал дон Рэба.

Толстяк бешено упирался, пока его тащили за портьеры. Слышно было, как он кричит и взвизгивает, затем он вдруг заорал жутким, неузнаваемым голосом и сразу затих. Дон Рэба встал и осторожно разрядил арбалет. Румата ошарашенно следил за ним.

Дон Рэба прохаживался по комнате, задумчиво почесывая спину арбалетной стрелой. «Хорошо, хорошо, — бормотал он почти нежно. — Прелестно!..» Он словно забыл про Румату. Шаги его все убыстрялись, он помахивал на ходу стрелой, как дирижерской палочкой. Потом он вдруг резко остановился за столом, отшвырнул стрелу, осторожно сел и сказал, улыбаясь во все лицо:

— Как я их, а?.. Никто и не пикнул!.. У вас, я думаю, так не могут...

Румата молчал.

— Да-а... — протянул дон Рэба мечтательно. — Хорошо! Ну что ж, а теперь поговорим, дон Румата... А может быть, не Румата?.. И, может быть, даже и не дон? А?..

Румата промолчал, с интересом его разглядывая. Бледненький, с красными жилками на носу, весь трясется от возбуждения, так и хочется ему закричать, хлопая в ладоши: «А я знаю! А я знаю!» А ведь ничего ты не знаешь, сукин сын. А узнаешь, так не поверишь. Ну, говори, говори, я слушаю.

— Я вас слушаю, — сказал он.

— Вы не дон Румата, — объявил дон Рэба. — Вы самозванец. — Он строго смотрел на Румату. — Румата Эсторский умер пять лет назад и лежит в фамильном склепе своего рода. И святые давно упокоили его мятежную и, прямо скажем, не очень чистую душу. Вы как, сами признаетесь, или вам помочь?

— Сам признаюсь, — сказал Румата. — Меня зовут Румата Эсторский, и я не привык, чтобы в моих словах сомневались.

Попробую-ка я тебя немножко рассердить, подумал он. Бок болит, а то бы я тебя поводил за салом.

— Я вижу, что нам придется продолжать разговор в другом месте, — зловеще сказал дон Рэба.

С лицом его происходили удивительные перемены. Исчезла приятная улыбка, губы сжались в прямую линию. Странно и жутковато задвигалась кожа на лбу. Да, подумал Румата, такого можно испугаться.

— У вас правда геморрой? — участливо спросил он.

В глазах у дон Рэбы что-то мигнуло, но выражения лица он не изменил. Он сделал вид, что не расслышал.

— Вы плохо использовали Будаха, — сказал Румата. — Это отличный специалист. Был... — добавил он значительно.

В выцветших глазах снова что-то мигнуло. Ага, подумал Румата, а ведь Будах-то еще жив... Он уселся поудобнее и обхватил руками колени.

— Итак, вы отказываетесь признаться, — произнес дон Рэба.

— В чем?

— В том, что вы самозванец.

— Почтенный Рэба, — сказал Румата наставительно, — такие вещи доказывают. Ведь вы меня оскорбляете!

На лице дон Рэбы появилась приторность.

— Мой дорогой дон Румата, — сказал он. — Простите, пока я буду называть вас этим именем. Так вот, обыкновенно я никогда ничего не доказываю. Доказывают там, в Веселой Башне. Для этого я содержу опытных, хорошо оплачиваемых специалистов, которые с помощью мясокрутки святого Мики, поножей господ бога, перчаток великомученицы Паты или, скажем, сиденья... э-э-э... виноват, кресла Тоца-воителя могут доказать все, что угодно. Что бог есть и бога нет. Что люди ходят на руках и люди ходят на боках. Вы понимаете меня? Вам, может быть, неизвестно, но существует целая наука о добывании доказательств. Посудите сами: зачем мне доказывать то, что я и сам знаю? И потом, ведь признание вам ничем не грозит...

— Мне не грозит, — сказал Румата. — Оно грозит вам.

Некоторое время дон Рэба размышлял.

— Хорошо, — сказал он. — Видимо, начать придется все-таки мне. Давайте посмотрим, в чем замечен дон Румата Эсторский за пять лет своей загробной жизни в арканарском королевстве. А вы потом объясните мне смысл всего этого. Согласны?

— Мне бы не хотелось давать опрометчивых обещаний, — сказал Румата, — но я с интересом вас выслушаю.

Дон Рэба, покопавшись в письменном столе, вытащил квадратик плотной бумаги и, подняв брови, просмотрел его.

— Да будет вам известно, — начал он, приветливо улыбаясь, — да будет вам известно, что мною, министром охраны арканарской короны, были предприняты некоторые действия против так называемых книгочеев, ученых и прочих бесполезных и вредных для государства людей. Эти акции встретили некое странное противодействие. В то время как весь народ в едином порыве, храня верность королю, а также арканарским традициям, всячески помогал мне: выдавал укрывшихся, расправлялся самосудно, указывал на подозрительных, ускользнувших от моего внимания, — в это время кто-то неведомый, но весьма энергичный выхватывал у нас из-под носа и переправлял за пределы королевства самых важных, самых отпетых и отвратительных преступников. Так ускользнули от нас: безбожный астролог Багир Киссэнский; преступный алхимик Синда, связанный, как доказано, с нечистой силой и с ируканскими властями; мерзкий памфлетист и нарушитель спокойствия Цурэн и ряд иных рангом поменьше. Куда-то скрылся сумасшедший колдун и механик Кабани. Кем-то была затрачена уйма золота, чтобы помешать свершиться гневу народному в отношении богомерзких шпионов и отравителей, бывших лейб-знахарей его величества. Кто-то при поистине фантастических обстоятельствах, заставляющих опять-таки вспомнить о враге рода человеческого,

освободил из-под стражи чудовище разврата и растлителя народных душ, атамана крестьянского бунта Арату Горбатого... — Дон Рэба остановился и, двигая кожей на лбу, значительно посмотрел на Румату. Румата, подняв глаза к потолку, мечтательно улыбался. Арату Горбатого он похитил, прилетев за ним на вертолете. На стражников это произвело громадное впечатление. На Арату, впрочем, тоже. А все-таки я молодец, подумал он. Хорошо поработал.

— Да будет вам известно, — продолжал дон Рэба, — что указанный атаман Арата в настоящее время гуляет во главе взбунтовавшихся холопов по восточным областям метрополии, обильно проливая благородную кровь и не испытывая недостатка ни в деньгах, ни в оружии.

— Верю, — сказал Румата. — Он сразу показался мне очень решительным человеком.

— Итак, вы признаетесь? — сейчас же сказал дон Рэба.

— В чем? — удивился Румата.

Некоторое время они смотрели друг другу в глаза.

— Я продолжаю, — сказал дон Рэба. — На спасение этих растлителей душ вы, дон Румата, по моим скромным и неполным подсчетам, потратили не менее трех пудов золота. Я не говорю о том, что при этом вы навеки осквернили себя общением с нечистой силой. Я не говорю также и о том, что за все время пребывания в пределах арканарского королевства вы не получили из своих эсторских владений даже медного гроша, да и с какой стати? Зачем снабжать деньгами покойника, хотя бы даже и родного? Но ваше золото!

Он открыл шкатулку, погребенную под бумагами на столе, и извлек из нее горсть золотых монет с профилем Пица Шестого.

— Одного этого золота достаточно было бы для того, чтобы сжечь вас на костре! — завопил он. — Это дьявольское золото! Человеческие руки не в силах изготовить металл такой чистоты!

Он сверлил Румату взглядом. Да, великодушно подумал Румата, это он молодец. Этого мы, пожалуй, недодумали. И, пожалуй, он первый заметил. Это надо учесть... Рэба вдруг снова погас. В голосе его зазвучали участливые отеческие нотки:

— И вообще вы ведете себя очень неосторожно, дон Румата. Я все это время так волновался за вас... Вы такой дуэлянт, вы такой задира! Сто двадцать шесть дуэлей за пять лет! И ни одного убитого... В конце концов из этого могли сделать выводы. Я, например, сделал. И не только я. Этой ночью, например, брат Аба — нехорошо говорить дурно о покойниках, но это был очень жестокий человек, я его терпел с трудом, признаться... Так вот, брат Аба выделил для вашего ареста не самых умелых бойцов, а самых толстых и сильных. И он оказался прав. Несколько вывихнутых рук, несколько отдавленных шей, выбитые зубы не в счет... и вот вы здесь! А ведь вы не могли не знать, что деретесь за свою жизнь. Вы мастер. Вы, несомненно, лучший меч Империи. Вы, несомненно, продали душу дьяволу, ибо только в аду можно научиться этим невероятным, сказочным приемам боя. Я готов даже допустить, что это умение было дано вам с условием не убивать. Хотя трудно представить, зачем дьяволу понадобилось такое условие. Но пусть в этом разбираются наши схоласты...

Тонкий поросячий визг прервал его. Он недовольно посмотрел на лиловые портьеры. За портьерами дрались. Слышались глухие удары, визг: «Пустите! Пустите!» — и еще какие-то хриплые голоса, ругань, возгласы на непонятном наречии. Потом портьера с треском оборвалась и упала. В кабинет ввалился и рухнул на четвереньки какой-то человек, плешивый, с окровавленным подбородком, с дико вытаращенными глазами. Из-за портьеры высунулись огромные лапы, схватили человека за ноги и поволокли обратно. Румата узнал его: это был Будах. Он дико кричал:

— Обманули!.. Обманули!.. Это же был яд! За что?..

Его утащили в темноту. Кто-то в черном быстро подхватил и повесил портьеру. В наступившей тишине из-за портьер послышались отвратительные звуки — кого-то рвало. Румата понял.

— Где Будах? — спросил он резко.

— Как видите, с ним случилось какое-то несчастье, — ответил дон Рэба, но было заметно, что он растерялся.

— Не морочьте мне голову, — сказал Румата. — Где Будах?

— Ах, дон Румата, — сказал дон Рэба, качая головой. Он сразу оправился. — На что вам Будах? Он что, ваш родственник? Ведь вы его даже никогда не видели.

— Слушайте, Рэба! — сказал Румата бешено. — Я с вами не шучу! Если с Будахом что-нибудь случится, вы подохнете, как собака. Я раздавлю вас.

— Не успеете, — быстро сказал дон Рэба. Он был очень бледен.

— Вы дурак, Рэба. Вы опытный интриган, но вы ничего не понимаете. Никогда в жизни вы еще не брались за такую опасную игру, как сейчас. И вы даже не подозреваете об этом.

Дон Рэба сжался за столом, глазки его горели, как угольки. Румата чувствовал, что сам он тоже никогда еще не был так близок к гибели. Карты раскрывались. Решалось, кому быть хозяином в этой игре. Румата напрягся, готовясь прыгнуть. Никакое оружие — ни копьё, ни стрела — не убивает мгновенно. Эта мысль отчетливо проступила на физиономии дон Рэбы. Геморроидальный старик хотел жить.

— Ну что вы, в самом деле, — сказал он плаксиво. — Сидели, разговаривали... Да жив ваш Будах, успокойтесь, жив и здоров. Он меня еще лечить будет. Не надо горячиться.

— Где Будах?

— В Веселой Башне.

— Он мне нужен.

— Мне он тоже нужен, дон Румата.

— Слушайте, Рэба, — сказал Румата, — не сердите меня. И перестаньте притворяться. Вы же меня боитесь. И правильно делаете. Будах принадлежит мне, понимаете? Мне!

Теперь они оба стояли. Рэба был страшен. Он посинел, губы его судорожно дергались, он что-то бормотал, брызгая слюной.

— Мальчишка! — прошипел он. — Я никого не боюсь! Это я могу раздавить тебя, как пиявку!

Он вдруг повернулся и рванул гобелен, висевший за его спиной. Открылось широкое окно.

— Смотри!

Румата подошел к окну. Оно выходило на площадь перед дворцом. Уже занималась заря. В серое небо поднимались дымы пожаров. На площади валялись трупы. А в центре ее чернел ровный неподвижный квадрат. Румата взгляделся. Это были всадники, стоящие в неправдоподобно точном строю, в длинных черных плащах, в черных клобуках, скрывающих глаза, с черными треугольными щитами на левой руке и с длинными пиками в правой.

— Пр-рошу! — сказал дон Рэба лязгающим голосом. Он весь трясся. — Смиренные дети господ нашего, конница Святого Ордена. Высадились сегодня ночью в Арканарском порту для подавления варварского бунта ночных оборванцев Ваги Колеса вкупе с возомнившими о себе лавочниками! Бунт подавлен. Святой Орден владеет городом и страной, отныне Арканарской областью Ордена...

Румата невольно почесал в затылке. Вот это да, подумал он. Так вот для кого мостили дорогу несчастные лавочники. Вот это провокация! Дон Рэба торжествующе скалил зубы.

— Мы еще не знакомы, — тем же лязгающим голосом продолжал он. — Позвольте представиться: наместник Святого Ордена в Арканарской области, епископ и боевой магистр раб божий Рэба!

А ведь можно было догадаться, думал Румата. Там, где торжествует серость, к власти всегда приходят черные. Эх, историки, хвостом вас по голове... Но он заложил руки за спину и покачался с носков на пятку.

— Сейчас я устал, — сказал он брезгливо. — Я хочу спать. Я хочу помыться в горячей воде и смыть с себя кровь и слюни ваших головорезов. Завтра... точнее, сегодня... скажем, через час после восхода, я зайду в вашу канцелярию. Приказ на освобождение Будаха должен быть готов к этому времени.

— Их двадцать тысяч! — крикнул дон Рэба, указывая рукой в окно.

Румата поморщился.

— Немножко тише, пожалуйста, — сказал он. — И запомните, Рэба: я отлично знаю, что никакой вы не епископ. Я вижу вас насквозь. Вы просто грязный предатель и неумелый дешевый интриган... — Дон Рэба облизнул губы, глаза его остекленели. Румата продолжал: — Я беспощаден. За каждую подлость по отношению ко мне или к моим друзьям вы ответите головой. Я вас ненавижу, учтите это. Я согласен вас терпеть, но вам придется научиться вовремя убираться с моей дороги. Вы поняли меня?

Дон Рэба торопливо сказал, просительно улыбаясь:

— Я хочу одного. Я хочу, чтобы вы были при мне, дон Румата. Я не могу вас убить. Не знаю почему, но не могу.

— Бойтесь, — сказал Румата.

— Ну и боюсь, — согласился дон Рэба. — Может быть, вы дьявол. Может быть, сын бога. Кто вас знает? А может быть, вы человек из могущественных заморских стран: говорят, есть такие... Я даже не пытаюсь заглянуть в пропасть, которая вас извергла. У меня кружится голова, и я чувствую, что впадаю в ересь. Но я тоже могу убить вас. В любую минуту. Сейчас. Завтра. Вчера. Это вы понимаете?

— Это меня не интересует, — сказал Румата.

— А что же? Что вас интересует?

— А меня ничто не интересует, — сказал Румата. — Я развлекаюсь. Я не дьявол и не бог, я кавалер Румата Эсторский, веселый благородный дворянин, обремененный капризами и предрассудками и привыкший к свободе во всех отношениях. Запомнили?

Дон Рэба уже пришел в себя. Он утерся платочком и приятно улыбнулся.

— Я ценю ваше упорство, — сказал он. — В конце концов, вы тоже стремитесь к каким-то идеалам. И я уважаю эти идеалы, хотя и не понимаю их. Я очень рад, что мы объяснились. Возможно, вы когда-нибудь изложите мне свои взгляды, и совершенно не исключено, что вы заставите меня пересмотреть мои. Люди склонны совершать ошибки. Может быть, я ошибаюсь и стремлюсь не к той цели, ради которой стоило бы работать так усердно и бескорыстно, как работаю я. Я человек широких взглядов, и я вполне могу представить себе, что когда-нибудь стану работать с вами плечом к плечу...

— Там видно будет, — сказал Румата и пошел к двери. Ну и слизняк! — подумал он. Тоже мне сотрудинок. Плечом к плечу...

Город был поражен невыносимым ужасом. Красноватое утреннее солнце угрюмо озаряло пустынные улицы, дымящиеся развалины, сорванные ставни, взломанные двери. В пыли кроваво сверкали осколки стекол. Неисчислимые полчища ворон спустились на город, как на чистое поле. На площадях и перекрестках по двое и по трое торчали всадники в черном — медленно поворачивались в седлах всем туловищем, поглядывая сквозь прорези в низко надвинутых клобуках. С наспех врытых столбов свисали на цепях обугленные тела над погасшими углями. Казалось, ничего живого не осталось в городе — только орущие вороны и деловитые убийцы в черном.

Половину дороги Румата прошел с закрытыми глазами. Он задыхался, мучительно болело избитое тело. Люди это или не люди? Что в них человеческого? Одних режут прямо на улицах, другие сидят по домам и покорно ждут своей очереди. И каждый думает: кого угодно, только не меня. Хладнокровное зверство тех, кто режет, и хладнокровная покорность тех, кого режут. Хладнокровие, вот что самое страшное. Десять человек стоят, замерев от ужаса, и покорно ждут, а один подходит, выбирает жертву и хладнокровно режет ее. Души этих людей полны нечистот, и каждый час покорного ожидания загрязняет их все больше и больше. Вот сейчас в этих затаившихся домах невидимо рождаются подлецы, доносчики, убийцы; тысячи людей, пораженных страхом на всю жизнь, будут беспощадно учить страху своих детей и детей своих детей. Я не могу больше, твердил про себя Румата. Еще немного, и я сойду с ума и стану таким же, еще немного, и я окончательно перестану понимать, зачем я здесь... Нужно отлежаться, отвернуться от всего этого, успокоиться...

«...В конце года Воды — такой-то год по новому летосчислению — центробежные процессы в древней Империи стали значимыми. Воспользовавшись этим, Святой Орден, представлявший, по сути, интересы наиболее реакционных групп феодального общества, которые любыми средствами стремились приостановить диссипацию...» А как пахли горящие трупы на столбах, вы знаете? А вы видели когда-нибудь голую женщину со вспоротым животом, лежащую в уличной пыли? А вы видели города, в которых люди молчат и кричат только вороны? Вы, еще не родившиеся мальчики и девочки перед учебным стереовизором в школах Арканарской Коммунистической Республики?

Он ударился грудью в твердое и острое. Перед ним был черный всадник. Длинное копьё с широким, аккуратно зазубренным лезвием упиралось Румате в грудь. Всадник молча глядел на него черными щелями в капюшоне. Из-под капюшона виднелся только тонкогубый рот с маленьким подбородком. Надо что-то делать, подумал Румата. Только что? Сбить его с лошади? Нет. Всадник начал медленно отводить копьё для удара. Ах да!.. Румата вяло поднял левую руку и оттянул на ней рукав, открывая железный браслет, который ему дали при выходе из дворца. Всадник присмотрелся, поднял копьё и проехал мимо. «Во имя господ», — глухо сказал он со странным акцентом. «Именем его», — пробормотал Румата и пошел дальше мимо другого всадника, который старался достать копьём искусно вырезанную деревянную фигурку веселого чертика, торчащую под карнизом крыши. За полуоторванной ставней на втором этаже мелькнуло помертвевшее от ужаса толстое лицо — должно быть, одного из тех лавочников, что еще три дня назад за кружкой пива восторженно орали: «Ура дону Рэбе!» и с наслаждением слушали грррум, грррум, грррум подкованных сапог по мостовым. Эх, серость, серость... Румата отвернулся.

А как у меня дома? — вспомнил вдруг он и ускорил шаги. Последний квартал он почти пробежал. Дом был цел. На ступеньках сидели двое монахов, капюшоны они откинули и подставили солнцу плохо выбритые головы. Увидев его, они встали. «Во имя господ», — сказали они хором. «Именем его», — отозвался Румата. — Что вам здесь надо?» Монахи поклонились, сложив руки на животе. «Вы пришли, и мы уходим», — сказал один. Они спустились со ступенек и неторопливо побрели прочь, ссутулившись и сунув руки в рукава. Румата поглядел им вслед и вспомнил, что тысячи раз он видел на улицах эти смиренные фигуры в долгополых черных рясах. Только раньше не волочились за ними в пыли ножны тяжелых мечей. Проморгали, ах, как проморгали! — подумал он. Какое это было развлечение для благородных донов — пристроиться к одиноко бредущему монаху и рассказывать друг другу через его голову пикантные истории. А я, дурак, притворяясь пьяным, плелся позади, хохотал во все горло и так радовался, что Империя не поражена хоть религиозным фанатизмом... А что можно было сделать? Да, что можно было сделать?

Он поднялся по ступенькам и постучал в дверь кулаком.

— Кто там? — спросил дребезжащий голос.

— Открой, Муга, это я, — сказал Румата негромко.

Загремели засовы, дверь приоткрылась, и Румата протиснулся в прихожую. Здесь все было, как обычно, и Румата облегченно вздохнул. Старый, седой Муга, трясая головой, с привычной почтительностью потянулся за каской и мечами.

— Что Кира? — спросил Румата.

— Кира наверху, — сказал Муга. — Она здорова.

— Отлично, — сказал Румата, вылезая из перевязей с мечами. — А где Уно? Почему он не встречает меня?

Муга принял мечи.

— Уно убит, — сказал он спокойно. — Лежит в людской.

Румата закрыл глаза.

— Уно убит... — повторил он. — Кто его убил?

Не дождавшись ответа, он пошел в людскую. Уно лежал на столе, накрытый до пояса простыней, руки его были сложены на груди, глаза широко открыты, рот сведен гримасой. Понурые слуги стояли вокруг стола и слушали, как бормочет монах в углу. Всхлипывала кухарка. Румата, не спуская глаз с лица мальчика, стал отстегивать непослушными пальцами воротник камзола.

— Сволочи... — сказал он. — Какие все сволочи!..

Он качнулся, подошел к столу, всмотрелся в мертвые глаза, приподнял простыню и сейчас же снова опустил ее.

— Да, поздно, — сказал он. — Поздно... Безнадежно... Ах, сволочи! Кто его убил? Монахи?

Он повернулся к монаху, рывком поднял его и нагнулся над его лицом.

— Кто убил? — сказал он. — Ваши? Говори!

— Это не монахи, — тихо сказал за его спиной Муга. — Это серые солдаты...

Румата еще некоторое время вглядывался в худое лицо монаха, в его медленно расширяющиеся зрачки. «Во имя господи...» — просипел монах. Румата отпустил его, сел на скамью в ногах Уно и заплакал. Он плакал, закрыв лицо ладонями, и слушал дребезжащий равнодушный голос Муги. Муга рассказывал, как после второй стражи в дверь постучали именем короля и Уно кричал, чтобы не открывали, но открыть все-таки пришлось, потому что серые грозились поджечь дом. Они ворвались в прихожую, избили и повязали слуг, а затем полезли по лестнице наверх. Уно, стоявший у входа в покои, начал стрелять из арбалетов. У него было два арбалета, и он успел выстрелить дважды, но один раз промахнулся. Серые метнули ножи, и Уно упал. Они стащили его вниз и стали топтать ногами и бить топорами, но тут в дом вошли черные монахи. Они зарубили двух серых, а остальных обезоружили, накиннули им петли на шею и выволокли на улицу.

Голос Муги умолк, но Румата еще долго сидел, опершись локтями на стол в ногах у Уно. Потом он тяжело поднялся, стер рукавом слезы, застрявшие в двухдневной щетине, поцеловал мальчика в ледяной лоб и, с трудом переставляя ноги, побрел наверх.

Он был полумертв от усталости и потрясения. Кое-как вскарабкавшись по лестнице, он прошел через гостиную, добрался до кровати и со стоном повалился лицом в подушки. Прибежала Кира. Он был так измучен, что даже не мог помочь ей раздеть себя. Она стащила с него ботфорты, потом, плача над его опухшим лицом, содрала с него рваный мундир, металлопластовую рубашку и еще поплакала над его избитым телом. Только теперь он почувствовал, что у него болят все кости, как после испытаний на перегрузку. Кира обтирала его губкой, смоченной в уксусе, а он, не открывая глаз, шипел сквозь стиснутые губы и бормотал: «А ведь мог его стукнуть... Рядом стоял... Двумя пальцами придавить... Разве это жизнь, Кира? Уедем отсюда... Это Эксперимент надо мной, а не над ними». Он даже не замечал, что говорит по-русски. Кира испуганно взглядывала на него стеклянными от слез глазами и только молча целовала его в щеки. Потом она накрыла его изношенными простынями — Уно так и не собрался купить новые — и побежала вниз приготовить ему горячего вина, а он сполз с постели и, охая от ломающей тело боли,

пошлепал босыми ногами в кабинет, открыл в столе секретный ящичек, покопался в аптечке и принял несколько таблеток спорамина. Когда Кира вернулась с дымящимся котелком на тяжелом серебряном подносе, он лежал на спине и слушал, как уходит боль, унимается шум в голове и тело наливается новой силой и бодростью. Опростав котелок, он почувствовал себя совсем хорошо, позвал Мугу и велел приготовить одеться.

— Не ходи, Румата, — сказала Кира. — Не ходи. Оставайся дома.

— Надо, маленькая.

— Я боюсь, останься... Тебя убьют.

— Ну что ты? С какой стати меня убивать? Они меня все боятся.

Она снова заплакала. Она плакала тихо, робко, как будто боялась, что он рассердится. Румата усадил ее к себе на колени и стал гладить ее волосы.

— Самое страшное позади, — сказал он. — И, потом, ведь мы собирались уехать отсюда...

Она затихла, прижавшись к нему. Муга, трясая головой, равнодушно стоял рядом, держа наготове хозяйские штаны с золотыми бубенчиками.

— Но прежде нужно многое сделать здесь, — продолжал Румата. — Сегодня ночью многих убили. Нужно узнать, кто цел и кто убит. И нужно помочь спастись тем, кого собираются убить.

— А тебе кто поможет?

— Счастлив тот, кто думает о других... И потом, нам с тобой помогают могущественные люди.

— Я не могу думать о других, — сказала она. — Ты вернулся чуть живой. Я же вижу: тебя били. Уно они убили совсем. Куда же смотрели твои могущественные люди? Почему они не помешали убивать? Не верю... Не верю...

Она попыталась высвободиться, но он крепко держал ее.

— Что поделаешь, — сказал он. — На этот раз они немного запоздали. Но теперь они снова следят за нами и берегут нас. Почему ты не веришь мне сегодня? Ведь ты всегда верила. Ты сама видела: я вернулся чуть живой, а взгляни на меня сейчас!..

— Не хочу смотреть, — сказала она, пряча лицо. — Не хочу опять плакать.

— Ну вот! Несколько царапин! Пустяки... Самое страшное позади. По крайней мере для нас с тобой. Но есть люди очень хорошие, замечательные, для которых этот ужас еще не кончился. И я должен им помочь.

Она глубоко вздохнула, поцеловала его в шею и тихонько высвободилась.

— Приходи сегодня вечером, — попросила она. — Придешь?

— Обязательно! — горячо сказал он. — Я приду раньше и, наверное, не один. Жди меня к обеду.

Она отошла в сторону, села в кресло и, положив руки на колени, смотрела, как он одевается. Румата, бормоча русские слова, натянул штаны с бубенчиками (Муга сейчас же опустил перед ним на корточки и принялся застегивать многочисленные пряжки и пуговицы), вновь надел поверх чистой майки благословенную кольчугу и, наконец, сказал с отчаянием:

— Маленькая, ну пойми, ну, надо мне идти — что я могу поделать?! Не могу я не идти!

Она вдруг сказала задумчиво:

— Иногда я не могу понять, почему ты не бьешь меня.

Румата, застегивавший рубашку с пышными брыжами, застыл.

— То есть как это, почему не бью? — растерянно спросил он. — Разве тебя можно бить?

— Ты не просто добрый, хороший человек, — продолжала она не слушая. — Ты еще и очень странный человек. Ты словно архангел... Когда ты со мной, я делаюсь смелой. Сейчас вот я смелая... Когда-нибудь я тебя обязательно спрошу об одной вещи. Ты — не сейчас, а потом, когда все пройдет, — расскажешь мне о себе?

Румата долго молчал. Муга подал ему оранжевый камзол с краснополосыми бантиками. Румата с отвращением натянул его и туго подпоясался.

— Да, — сказал он наконец. — Когда-нибудь я расскажу тебе все, маленькая.

— Я буду ждать, — сказала она серьезно. — А сейчас иди и не обращай на меня внимания.

Румата подошел к ней, крепко поцеловал в губы разбитыми губами, затем снял с руки железный браслет и протянул ей.

— Надень на левую руку, — сказал он. — Сегодня к нам в дом больше не должны приходиться, но если придут — покажешь это.

Она смотрела ему вслед, и он точно знал, что она думает. Она думает: «Я не знаю, может быть, ты дьявол, или сын бога, или человек из сказочных заморских стран, но если ты не вернешься, я умру». И оттого, что она молчала, он был ей бесконечно благодарен, так как уходить ему было необычайно трудно — словно с изумрудного солнечного берега он бросался вниз головой в зловонную лужу.

Глава 8

До канцелярии епископа Арканарского Румата добирался задами. Он крадучись проходил тесные дворики горожан, путаясь в развешенном для просушки тряпье, пролезал через дыры в заборах, оставляя на ржавых гвоздях роскошные банты и клочья драгоценных соанских кружев, на четвереньках пробегал между картофельными грядками. Все же ему не удалось ускользнуть от бдительного ока черного воинства. Выбравшись в узкий кривой переулок, ведущий к свалке, он столкнулся с двумя мрачными подвыпившими монахами.

Румата попытался обойти их — монахи вытащили мечи и заступили дорогу. Румата взялся за рукояти мечей — монахи засvistели в три пальца, созывая подмогу. Румата стал отступать к лазу, из которого только что выбрался, но навстречу ему в переулок вдруг выскочил маленький юркий человечек с неприметным лицом. Задев Румату плечом, он подбежал к монахам и что-то сказал им, после чего монахи, подобрав рясы над голенастыми, обтянутыми сиреневым ногами, пустились рысью прочь и скрылись за домами. Маленький человечек, не обернувшись, засеменял за ними.

Понятно, подумал Румата. Шпион-телохранитель. И даже не очень скрывается. Предусмотрителен епископ Арканарский. Интересно, чего он больше боится — меня или за меня? Проводив глазами шпиона, он повернул к свалке. Свалка выходила на зады канцелярии бывшего министерства охраны короны и, надо было надеяться, не патрулировалась.

Переулок был пуст. Но уже тихо поскрипывали ставни, хлопали двери, плакал младенец, слышалось опасливое перешептывание. Из-за полусгнившей изгороди осторожно высунулось изможденное, худое лицо, темное от ввевшейся сажи. На Румату уставились испуганные, ввалившиеся глаза.

— Прощения прошу, благородный дон, и еще прошу прощения. Не скажет ли благородный дон, что в городе? Я кузнец Кикус, по прозвищу Хромач, мне в кузню идти, а я боюсь...

— Не ходи, — посоветовал Румата. — Монахи не шутят. Короля больше нет. Правит дон Рэба, епископ Святого Ордена. Так что сиди тихо.

После каждого слова кузнец торопливо кивал, глаза его наливались тоской и отчаянием.

— Орден, значит... — пробормотал он. — Ах, холера... Прощу прощения, благородный дон. Орден, стало быть... Это что же, серые или как?

— Да нет, — сказал Румата, с любопытством его разглядывая. — Серых, пожалуй, перебили. Это монахи.

— Ух ты! — сказал кузнец. — И серых, значит, тоже... Ну и Орден! Серых перебили — это, само собой, хорошо. Но вот насчет нас, благородный дон, как вы полагаете? Приспособимся, а? Под Орденом-то, а?

— Отчего же? — сказал Румата. — Орденом тоже пить-есть надо. Приспособитесь.

Кузнец оживился.

— И я так полагаю, что приспособимся. Я полагаю, главное — никого не трогай, и тебя не тронут, а?

Румата покачал головой.

— Ну нет, — сказал он. — Кто не трогает, тех больше всего и режут.

— И то верно, — вздохнул кузнец. — Да только куда денешься... Один ведь как перст, да восемь сопляков за штаны держатся. Эх, мать честная, хоть бы моего мастера прирезали! Он у серых в офицерах был. Как вы полагаете, благородный дон, могли его прирезать? Я ему пять золотых задолжал.

— Не знаю, — сказал Румата. — Возможно, и прирезали. Ты лучше вот о чем подумай, кузнец. Ты один как перст, да таких перстов вас в городе тысяч десять.

— Ну? — сказал кузнец.

— Вот и думай, — сердито сказал Румата и пошел дальше.

Черта с два он чего-нибудь надумает. Рано ему еще думать. А казалось бы, чего проще: десять тысяч таких молотобойцев, да в ярости, кого хочешь раздавят в лепешку. Но ярости-то у них как раз еще нет. Один страх. Каждый за себя, один бог за всех.

Кусты бузины на окраине квартала вдруг зашевелились, и в переулок вполз дон Тамэо. Увидев Румату, он вскрикнул от радости, вскочил и, сильно пошатнувшись, двинулся навстречу, простирая к нему измазанные в земле руки.

— Мой благородный дон! — вскричал он. — Как я рад! Я вижу, вы тоже в канцелярию?

— Разумеется, мой благородный дон, — ответил Румата, ловко уклоняясь от объятий.

— Разрешите присоединиться к вам, благородный дон?

— Сочту за честь, благородный дон.

Они раскланялись. Очевидно было, что дон Тамэо как начал со вчерашнего дня, так по сю пору остановиться не может. Он извлек из широчайших желтых штанов стеклянную флягу тонкой работы.

— Не желаете ли, благородный дон? — учтиво предложил он.

— Благодарствуйте, — сказал Румата.

— Ром! — заявил дон Тамэо. — Настоящий ром из метрополии. Я заплатил за него золотой.

Они спустились к свалке и, зажимая носы, пошли шагать через кучи отбросов, трупы собак и зловонные лужи, кишашие белыми червями. В утреннем воздухе стоял непрерывный гул мириадом изумрудных мух.

— Вот странно, — сказал дон Тамэо, закрывая флягу, — я здесь никогда раньше не был.

Румата промолчал.

— Дон Рэба всегда восхищал меня, — сказал дон Тамэо. — Я был убежден, что он в конце концов свергнет ничтожного монарха, проложит нам новые пути и откроет сверкающие перспективы. — С этими словами он, сильно забрызгавшись, въехал ногой в желто-зеленую лужу и, чтобы не свалиться, ухватился за Румату. — Да! — продолжал он, когда они выбрались на твердую почву. — Мы, молодая аристократия, всегда будем с доном Рэбой! Наступило, наконец, желанное послабление. Посудите сами, дон Румата, я уже час хожу по переулкам и огородам, но не встретил ни одного серого. Мы смели серую нечисть с лица земли, и так сладко и вольно дышится теперь в возрожденном Арканаре! Вместо грубых лавочников, этих наглых хамов и мужиков, улицы полны слугами господними. Я видел: некоторые дворяне уже открыто прогуливаются перед своими

домами. Теперь им нечего опасаться, что какой-нибудь невежа в навозном фартуке забрызгает их своей нечистой телегой. И уже не приходится прокладывать себе дорогу среди вчерашних мясников и галантерейщиков. Осененные благословением великого Святого Ордена, к которому я всегда питал величайшее уважение и, не буду скрывать, сердечную нежность, мы придем к неслыханному процветанию, когда ни один мужик не осмелится поднять глаза на дворянина без разрешения, подписанного окружным инспектором Ордена. Я несу сейчас докладную записку по этому поводу.

— Отвратительная вонь, — с чувством сказал Румата.

— Да, ужасная, — согласился дон Тамэо, закрывая флягу. — Но зато как вольно дышится в возрожденном Арканаре! И цены на вино упали вдвое...

К концу пути дон Тамэо осушил флягу до дна, швырнул ее в пространство и пришел в необычайное возбуждение. Два раза он упал, причем во второй раз отказался чиститься, заявив, что многогрешен, грязен от природы и желает в таком виде предстать. Он снова и снова принимался во все горло цитировать свою докладную записку. «Крепко сказано! — восклицал он. — Возьмите, например, вот это место, благородные доны: дабы вонючие мужики... А? Какая мысль!» Когда они выбрались на задний двор канцелярии, он рухнул на первого же монаха и, заливаясь слезами, стал молить об отпущении грехов. Полузадохшийся монах яростно отбивался, пытался свистом звать на помощь, но дон Тамэо ухватил его за рясу, и они оба повалились на кучу отбросов. Румата их оставил и, удаляясь, еще долго слышал жалобный прерывистый свист и возгласы: «Дабы вонючие мужики!.. Бла-асловения!.. Всем сердцем!.. Нежность испытывал, нежность, понимаешь ты, мужицкая морда?»

На площади перед входом, в тени квадратной Веселой Башни, располагался отряд пеших монахов, вооруженных устрашающего вида узловатыми дубинками. Покойников убрали. От утреннего ветра на площади крутились желтые пыльные столбы. Под широкой конической крышей башни, как всегда, орала и ссорилась вороны — там, с выступающих балок, свешивались вздернутые вниз головой. Башня была построена лет двести назад предком покойного короля исключительно для военных надобностей. Она стояла на прочном трехэтажном фундаменте, в котором хранились некогда запасы пищи на случай осады. Потом башню превратили в тюрьму. Но от землетрясения все перекрытия внутри обрушились, и тюрьму пришлось перенести в подвалы. В свое время одна из арканарских королев пожаловалась своему повелителю, что ей мешают веселиться вопли пытаемых, оглашающие округу. Августейший супруг приказал, чтобы в башне с утра и до ночи играл военный оркестр. С тех пор башня получила свое нынешнее название. Давно она уже представляла собой пустой каменный каркас, давно уже следственные камеры переместились во вновь открытые, самые нижние этажи фундамента, давно уже не играл там никакой оркестр, а горожане все еще называли эту башню Веселой.

Обычно вокруг Веселой Башни бывало пустынно. Но сегодня здесь царил большое оживление. К ней вели, тащили, волокли по земле штурмовиков в изодранных серых мундирах, вшивых бродяг в лохмотьях, полуодетых, пупырчатых от страха горожан, истошно вопящих девок, целыми бандами гнали угрюмо озирающихся оборванцев из ночной армии. И тут же из каких-то потайных выходов вытаскивали крючьями трупы, валили на телеги и увозили за город. Хвост длиннейшей очереди дворян и зажиточных горожан, торчащий из отверстых дверей канцелярии, со страхом и смятением поглядывал на эту жуткую суету.

В канцелярию пускали всех, а некоторых даже приводили под конвоем. Румата протолкался внутрь. Там было душно, как на свалке. За широким столом, обложившись списками, сидел чиновник с желто-серым лицом, с большим гусиным пером за оттопыренным ухом. Очередной проситель, благородный дон Кэу, спесиво надувая усы, назвал свое имя.

— Снимите шляпу, — произнес бесцветным голосом чиновник, не отрывая глаз от бумаг.

— Род Кэу имеет привилегию носить шляпу в присутствии самого короля, — гордо провозгласил дон Кэу.

— Никто не имеет привилегий перед Орденом, — тем же бесцветным голосом произнес чиновник.

Дон Кэу запыхтел, багровея, но шляпу снял. Чиновник вел по списку длинным желтым ногтем.

— Дон Кэу... дон Кэу... — бормотал он, — дон Кэу... Королевская улица, дом двенадцать?

— Да, — жирным раздраженным голосом сказал дон Кэу.

— Номер четыреста восемьдесят пять, брат Тибак.

Брат Тибак, сидевший у соседнего стола, грузный, малиновый от духоты, поискал в бумагах, стер с лысины пот и монотонно прочел, поднявшись:

— «Номер четыреста восемьдесят пять, дон Кэу, Королевская, двенадцать, за поношение имени его преосвященства епископа Арканарского дона Рэбы, имевшее место на дворцовом балу в позапрошлом году, назначается три дюжины розог по обнаженным мягким частям с целованием ботинка его преосвященства».

Брат Тибак сел.

— Пройдите по этому коридору, — сказал чиновник бесцветным голосом, — розги направо, ботинок налево. Следующий...

К огромному изумлению Руматы, дон Кэу не протестовал. Видимо, он уже всякого насмотрелся в этой очереди. Он только крякнул, с достоинством поправил усы и удалился в коридор. Следующий, трясущийся от жира гигантский дон Пифа, уже стоял без шляпы.

— Дон Пифа... дон Пифа... — забубнил чиновник, ведя пальцем по списку. — Улица Молочников, дом два?

Дон Пифа издал горловой звук.

— Номер пятьсот четыре, брат Тибак.

Брат Тибак снова утерся и снова встал.

— Номер пятьсот четыре, дон Пифа, Молочников, два, ни в чем не замечен перед его преосвященством — следовательно, чист.

— Дон Пифа, — сказал чиновник, — получите знак очищения. — Он наклонился, достал из сундука, стоящего возле кресла, железный браслет и подал его благородному Пифе. — Носить на левой руке, предъявлять по первому требованию воинов Ордена. Следующий...

Дон Пифа вновь издал горловой звук и отошел, разглядывая браслет. Чиновник уже бубнил следующее имя. Румата оглядел очередь. Тут было много знакомых лиц. Некоторые были одеты привычно богато, другие явно приbedнялись, но все были основательно измазаны в грязи. Где-то в середине очереди громко, так, чтобы все слышали, дон Сэра уже третий раз за последние пять минут провозглашал: «Не вижу, почему бы даже благородному дону не принять пару розог от имени его преосвященства!»

Румата подождал, пока следующего отправили в коридор (это был известный рыботорговец, ему назначили пять розог без целования за невесторженный образ мыслей), протолкался к столу и бесцеремонно положил ладонь на бумаги перед чиновником.

— Прошу прощения, — сказал он. — Мне нужен приказ на освобождение доктора Будаха. Я дон Румата.

Чиновник не поднял головы.

— Дон Румата... дон Румата... — забормотал он и, отпихнув руку Руматы, повел ногтем по списку.

— Что ты делаешь, старая чернильница? — сказал Румата. — Мне нужен приказ на освобождение!

— Дон Румата... дон Румата... — Остановить этот автомат было, видимо, невозможно. — Улица Котельщиков, дом восемь. Номер шестнадцать, брат Тибак.

Румата чувствовал, что за его спиной все затаили дыхание. Да и самому ему, если признаться, стало не по себе. Потный и малиновый брат Тибак встал.

— Номер шестнадцать, дон Румата, Котельщиков, восемь, за специальные заслуги перед Орденом удостоен особой благодарности его преосвященства и благоволит получить приказ об освобождении доктора Будаха, с каковым Будахом поступит по своему усмотрению — смотри лист шесть-семнадцать-одиннадцать.

Чиновник немедленно извлек этот лист из-под списков и протянул Румате.

— В желтую дверь, на второй этаж, комната шесть, прямо по коридору, направо и налево, — сказал он. — Следующий...

Румата просмотрел лист. Это не был приказ на освобождение Будаха. Это было основание для получения пропуска в пятый, специальный отдел канцелярии, где ему надлежало взять предписание в секретариат тайных дел.

— Что ты мне дал, дубина? — спросил Румата. — Где приказ?

— В желтую дверь, на второй этаж, комната шесть, прямо по коридору, направо и налево, — повторил чиновник.

— Я спрашиваю, где приказ? — рявкнул Румата.

— Не знаю... не знаю... Следующий!

Над ухом Руматы послышалось сопение, и что-то мягкое и жаркое навалилось ему на спину. Он отстранился. К столу снова протиснулся дон Пифа.

— Не лезет, — сказал он пискляво.

Чиновник мутно поглядел на него.

— Имя? Звание? — спросил он.

— Не лезет, — снова сказал дон Пифа, дергая браслет, едва налезавший на три жирных пальца.

— Не лезет... не лезет... — пробормотал чиновник и вдруг быстро притянул к себе толстую книгу, лежащую справа на столе. Книга была зловещего вида — в черном засаленном переплете. Несколько секунд дон Пифа оторопело смотрел на нее, потом вдруг отшатнулся и, не говоря ни слова, устремился к выходу. В очереди загомонили: «Не задерживайтесь, быстрее!» Румата тоже отошел от стола. Вот это трясина, подумал он. Ну, я вас... Чиновник принялся бубнить в пространство: «Если же указанный знак очищения не помещается на левом запястье очищенного или ежели очищенный не имеет левого запястья как такового...» Румата обошел стол, запустил обе руки в сундук с браслетами, захватил, сколько мог, и пошел прочь.

— Эй, эй, — без выражения окликнул его чиновник. — Основание!

— Во имя господи, — значительно сказал Румата, оглянувшись через плечо. Чиновник и брат Тибак дружно встали и нестройно ответили: «Именем его». Очередь глядела вслед Румате с завистью и восхищением.

Выйдя из канцелярии, Румата медленно направился к Веселой Башне, защелкивая по дороге браслеты на левой руке. Браслетов оказалось девять, и на левой руке уместилось только пять. Остальные четыре Румата нацепил на правую руку. На измор хотел меня взять епископ Арканарский, думал он. Не выйдет. Браслеты звякали на каждом шагу, в руке Румата держал на виду внушительную бумагу — лист шесть-семнадцать-одиннадцать, украшенный разноцветными печатями. Встречные монахи, пешие и конные, торопливо сворачивали с дороги. В толпе на почтительном расстоянии то появлялся, то исчезал неприметный шпион-телохранитель. Румата, немилосердно колотя замешкавшихся ножами мечей, пробрался к воротам, грозно рыкнул на сунувшегося было стражника и, миновав двор, стал спускаться по осклизлым, выщербленным ступеням в озаренный коптящими факелами полумрак. Здесь начиналась святая святых бывшего министерства охраны короны — королевская тюрьма и следственные камеры.

В сводчатых коридорах через каждые десять шагов торчал из ржавого гнезда в стене смердящий факел. Под каждым факелом в нише, похожей на пещеру, чернела дверца с зарешеченным окошечком. Это были входы в тюремные помещения, закрытые снаружи

тяжелыми железными засовами. В коридорах было полно народу. Толкались, бегали, кричали, командовали... Скрипели засовы, хлопали двери, кого-то били, и он вопил, кого-то волокли, и он упирался, кого-то заталкивали в камеру, и без того набитую до отказа, кого-то пытались из камеры вытянуть и никак не могли, он истошно кричал: «Не я, не я!» — и цеплялся за соседей. Лица встречных монахов были деловиты до жестокости. Каждый спешил, каждый творил государственной важности дела. Румата, пытаясь разобраться, что к чему, неторопливо проходил коридор за коридором, спускаясь все ниже и ниже. В нижних этажах было поспокойнее. Здесь, судя по разговорам, экзаменовались выпускники Патриотической школы. Полуголые грудастые недоросли в кожаных передниках стояли кучками у дверей пыточных камер, листали засаленные руководства и время от времени подходили пить воду к большому баку с кружкой на цепи. Из камер доносились ужасные крики, звуки ударов, густо тянуло горелым. И разговоры, разговоры!..

— У костоломки есть такой винт сверху, так он сломался. А я виноват? Он меня выпер. «Дубина, — говорит, — стоеросовая, получи, — говорит, — пять по мягкому и опять приходи...»

— А вот узнать бы, кто сечет, может, наш же брат студент и сечет. Так договориться заранее, грошей по пять с носу собрать и сунуть...

— Когда жиру много, накалять зубец не след, все одно в жиру остынет. Ты щипчики возьми и сало слегка отдери...

— Так ведь поножи господ бога для ног, они пошире будут и на клиньях, а перчатки великомученицы — на винтах, это для руки специально, понял?

— Смехота, братья! Захожу, гляжу — в цепях-то кто? Фика Рыжий, мясник с нашей улицы, уши мне все пьяный рвал. Ну, держись, думаю, уж порадуюсь я...

— А Пэкора Губу как с утра монахи уволокли, так и не вернулся. И на экзамен не пришел.

— Эх, мне бы мясокрутку применить, а я его сдуру ломиком по бокам, ну, сломал ребро. Тут отец Кин меня за виски, сапогом под копчик, да так точно, братья, скажу вам — света я неувидел, до се больно. «Ты что, — говорит, — мне матерьял портишь?»

Смотрите, смотрите, друзья мои, думал Румата, медленно поворачивая голову из стороны в сторону. Это не теория. Этого никто из людей еще не видел. Смотрите, слушайте, кинографируйте... и цените, и любите, черт вас возьми, свое время, и поклонитесь памяти тех, кто прошел через это! Вглядывайтесь в эти морды, молодые, тупые, равнодушные, привычные ко всякому зверству, да не воротите нос, ваши собственные предки были не лучше...

Его заметили. Десяток пар всякого повидавших глаз уставился на него.

— Во, дон стоят. Побелели весь.

— Хе... Так благородные, известно, не в привычку...

— Воды, говорят, в таких случаях дать, да цепь коротка, не дотянуть...

— Чего там, оклемаются...

— Мне бы такого... Такие про что спросишь, про то и ответят...

— Вы, братья, потише, не то как рубанет... Колец-то сколько... И бумага.

— Как-то они на нас уставились... Отойдем, братья, от греха.

Они группой стронулись с места, отошли в тень и оттуда поблескивали осторожными паучьими глазками. Ну, хватит с меня, подумал Румата. Он примерился было поймать за рясу пробегающего монаха, но тут заметил сразу трех, не суетящихся, а занятых делом на месте. Они лупили палками палача: видимо, за нерадивость. Румата подошел к ним.

— Во имя господ, — негромко сказал он, брякнув кольцами.

Монахи опустили палки, присмотрелись.

— Именем его, — сказал самый рослый.

— А ну, отцы, — сказал Румата, — проводите к коридорному смотрителю.

Монахи переглянулись. Палач проворно отполз и спрятался за баком.

— А он тебе зачем? — спросил рослый монах.

Румата молча поднял бумагу к его лицу, подержал и опустил.

— Ага, — сказал монах. — Ну, я нынче буду коридорный смотритель.

— Превосходно, — сказал Румата и свернул бумагу в трубку. — Я дон Румата. Его преосвященство подарил мне доктора Будаха. Ступай и приведи его.

Монах сунул руку под клобук и громко поскребся.

— Будах? — сказал он раздумчиво. — Это который же Будах? Раствитель, что ли?

— Не, — сказал другой монах. — Раствитель — тот Рудах. Его и выпустили еще ночью. Сам отец Кин его расковал и наружу вывел. А я...

— Вздор, вздор! — нетерпеливо сказал Румата, похлопывая себя бумагой по бедру. — Будах. Королевский отравитель.

— А-а... — сказал смотритель. — Знаю. Так он уже на колу, наверное... Брат Пакка, сходи в двенадцатую, посмотри. А ты что, выводить его будешь? — обратился он к Румате.

— Естественно, — сказал Румата. — Он мой.

— Тогда бумажечку позволь сюда. Бумажечка в дело пойдет. — Румата отдал бумагу.

Смотритель повертел ее в руках, разглядывая печати, затем сказал с восхищением:

— Ну и пишут же люди! Ты, дон, постой в сторонке, подожди, у нас тут пока дело...

Э, а куда этот-то подевался?

Монахи стали озираться, ища провинившегося палача. Румата отошел. Палача вытащили из-за бака, снова разложили на полу и принялись деловито, без излишней жестокости пороть. Минут через пять из-за поворота появился посланный монах, таща за собой на веревке худого, совершенно седого старика в темной одежде.

— Вот он, Будах-то! — радостно закричал монах еще издали. — И ничего он не на колу, живой Будах-то, здоровый! Маленько ослабел, правда, давно, видать, голодный сидит...

Румата шагнул им навстречу, вырвал веревку из рук монаха и снял петлю с шеи старика.

— Вы Будах Ируканский? — спросил он.

— Да, — сказал старик, глядя исподлобья.

— Я Румата, идите за мной и не отставайте. — Румата повернулся к монахам. — Во имя господи, — сказал он.

Смотритель разогнул спину и, опустив палку, ответил, чуть задыхаясь: «Именем его».

Румата поглядел на Будаха и увидел, что старик держится за стену и еле стоит.

— Мне плохо, — сказал он, болезненно улыбаясь. — Извините, благородный дон.

Румата взял его под руку и повел. Когда монахи скрылись из виду, он остановился, достал из ампулы таблетку спорамина и протянул Будаху. Будах вопросительно взглянул на него.

— Проглотите, — сказал Румата. — Вам сразу станет легче.

Будах, все еще опираясь на стену, взял таблетку, осмотрел, понюхал, поднял косматые брови, потом осторожно положил на язык и почмокал.

— Глотайте, глотайте, — с улыбкой сказал Румата.

Будах проглотил.

— М-м-м... — произнес он. — Я полагал, что знаю о лекарствах все. — Он замолчал, прислушиваясь к своим ощущениям. — М-м-м-м! — сказал он. — Любопытно! Сушеная селезенка вепря Ы? Хотя нет, вкус не гниlostный.

— Пойдемте, — сказал Румата.

Они пошли по коридору, поднялись по лестнице, миновали еще один коридор и поднялись еще по одной лестнице. И тут Румата остановился как вкопанный. Знакомый

густой рев огласил тюремные своды. Где-то в недрах тюрьмы орал во всю мочь, сыпля чудовищными проклятиями, понося бога, святых, преисподнюю, Святой Орден, дон Рэбу и еще многое другое, душевный друг барон Пампа дон Бау-но-Суруга-но-Гатта-но-Арканара. Все-таки попался барон, подумал Румата с раскаянием. Я совсем забыл о нем. А он бы обо мне не забыл... Румата поспешно снял с руки два браслета, надел на худые запястья доктора Будаха и сказал:

— Поднимайтесь наверх, но за ворота не выходите. Ждите где-нибудь в сторонке. Если пристанут, покажите браслеты и держитесь нагло.

Барон Пампа ревел, как атомоход в полярном тумане. Гулкое эхо катилось под сводами. Люди в коридорах застыли, благоговейно прислушиваясь с раскрытыми ртами. Многие омахивались большим пальцем, отгоняя нечистого. Румата скатился по двум лестницам, сбивая с ног встречных монахов, ножнами мечей проложил себе дорогу сквозь толпу выпускников и пинком распахнул дверь камеры, прогибающуюся от рева. В мятущемся свете факелов он увидел друга Пампу: могучий барон был распят голый на стене вниз головой. Лицо его почернело от прилившей крови. За кривоватым столиком сидел, заткнув уши, сутулый чиновник, а лоснящийся от пота палач, чем-то похожий на дантиста, перебирал в железном тазу лязгающие инструменты.

Румата аккуратно закрыл за собой дверь, подошел сзади к палачу и ударил его рукоятью меча по затылку. Палач повернулся, охватил голову и сел в таз. Румата извлек из ножен меч и перерубил стол с бумагами, за которым сидел чиновник. Все было в порядке. Палач сидел в тазу, слабо икая, а чиновник очень проворно убежал на четвереньках в угол и прилег там. Румата подошел к барону, с радостным любопытством глядевшему на него снизу вверх, взялся за цепи, державшие баронские ноги, и в два рывка вырвал их из стены. Затем он осторожно поставил ноги барона на пол. Барон замолчал, застыл в странной позе, затем рванулся и освободил руки.

— Могу ли я поверить, — снова загредел он, вращая налитыми кровью белками, — что это вы, мой благородный друг?! Наконец-то я нашел вас!

— Да, это я, — сказал Румата. — Пойдемте отсюда, мой друг, вам здесь не место.

— Пива! — сказал барон. — Где-то здесь было пиво. — Он пошел по камере, волоча обрывки цепей и не переставая гроыхать. — Полночи я бегал по городу! Черт возьми, мне сказали, что вы арестованы, и я перебил массу народу! Я был уверен, что найду вас в этой тюрьме! А, вот оно!

Он подошел к палачу и смахнул его, как пыль, вместе с тазом. Под тазом обнаружился бочонок. Барон кулаком выбил дно, поднял бочонок и опрокинул его над собой, задрал голову. Струя пива с клокотанием устремилась в его глотку. Что за прелесть, думал Румата, с нежностью глядя на барона. Казалось бы, бык, безмозглый бык, но ведь искал же меня, хотел спасти, ведь пришел, наверное, сюда в тюрьму за мной, сам... Нет, есть люди и в этом мире, будь он проклят... Но до чего удачно получилось!

Барон осушил бочонок и швырнул в угол, где шумно дрожал чиновник. В углу пискнуло.

— Ну вот, — сказал барон, вытирая бороду ладонью. — Теперь я готов следовать за вами. Это ничего, что я голый?

Румата огляделся, подошел к палачу и вытряхнул его из фартука.

— Возьмите пока это, — сказал он.

— Вы правы, — сказал барон, обвязывая фартук вокруг чресел. — Было бы неудобно явиться к баронессе голым...

Они вышли из камеры. Ни один человек не решился заступить им дорогу, коридор пустел за двадцать шагов.

— Я их всех разнесу! — ревел барон. — Они заняли мой замок! И посадили там какого-то отца Ариму! Не знаю, чей он там отец, но дети его, клянусь господом, скоро осиротеют. Черт побери, мой друг, вы не находите, что здесь удивительно низкие потолки? Я исцарапал всю макушку...

Они вышли из башни. Мелькнул перед глазами и шарахнулся в толпу шпион-телохранитель. Румата дал Будаху знак следовать за ними. Толпа у ворот раздалась, как будто ее рассекли мечом. Было слышно, как одни кричат, что сбежал важный государственный преступник, а другие, что «вот он, Голый Дьявол, знаменитый эсторский палач-расчленитель».

Барон вышел на середину площади и остановился, морщась от солнечного света. Следовало торопиться. Румата быстро огляделся.

— Где-то тут была моя лошадь, — сказал барон. — Эй, кто там! Коня!

У коновязи, где топтались лошади орденской кавалерии, возникла суета.

— Не ту! — рявкнул барон. — Вон ту — серую в яблоках!

— Во имя господи! — запоздало крикнул Румата и потащил через голову перевязь с правым мечом.

Испуганный монашек в замаранной рясе подвел барону лошадь.

— Дайте ему что-нибудь, дон Румата, — сказал барон, тяжело поднимаясь в седло.

— Стой, стой! — закричали у башни.

Через площадь, размахивая дубинками, бежали монахи. Румата сунул барону меч.

— Торопитесь, барон, — сказал он.

— Да, — сказал Пампа. — Надо спешить. Этот Арима разграбит мой погреб. Я жду вас у себя завтра или послезавтра, мой друг. Что передать баронессе?

— Поцелуйте ей руку, — сказал Румата. Монахи уже были совсем близко. — Скорее, скорее, барон!..

— Но вы-то в безопасности? — с беспокойством осведомился барон.

— Да, черт возьми, да! Вперед!

Барон бросил коня в галоп, прямо на толпу монахов. Кто-то упал и покатился, кто-то заверещал, поднялась пыль, простучали копыта по каменным плитам — и барон исчез. Румата еще смотрел в переулок, где сидели, ошалело тряся головами, сбитые с ног, когда вкрадчивый голос произнес над его ухом:

— Мой благородный дон, а не кажется ли вам, что вы слишком много себе позволяете?

Румата обернулся. В лицо ему с несколько напряженной улыбкой пристально глядел дон Рэба.

— Слишком много? — переспросил Румата. — Мне не знакомо это слово — «слишком». — Он вдруг вспомнил дону Сэра. — И вообще не вижу, почему бы одному благородному дону не помочь другому в беде.

Мимо, оставив пики, тяжело проскакали всадники — в погоню. В лице дон Рэбы что-то изменилось.

— Ну хорошо, — сказал он. — Не будем об этом... О, я вижу здесь высокоученого доктора Будаха... Вы прекрасно выглядите, доктор. Мне придется обревизовать свою тюрьму. Государственные преступники, даже отпущенные на свободу, не должны выходить из тюрьмы — их должны выносить.

Доктор Будах, как слепой, двинулся на него. Румата быстро встал между ними.

— Между прочим, дон Рэба, — сказал он, — как вы относитесь к отцу Ариме?

— К отцу Ариме? — Дон Рэба высоко поднял брови. — Прекрасный военный. Занимает видный пост в моей епископии. А в чем дело?

— Как верный слуга вашего преосвященства, — кланяясь, с острым злорадством сказал Румата, — спешу сообщить вам, что этот видный пост вы можете считать вакантным.

— Но почему?

Румата посмотрел в переулок, где еще не рассеялась желтая пыль. Дон Рэба тоже посмотрел туда. На лице его появилось озабоченное выражение.

Было уже далеко за полдень, когда Кира пригласила благородного господина и его высокоученого друга к столу. Доктор Будах, отмывшийся, переодетый во все чистое, тщательно побритый, выглядел очень внушительно. Движения его оказались медлительны и исполнены достоинства, умные серые глаза смотрели благосклонно и даже снисходительно. Прежде всего он извинился перед Руматой за свою вспышку на площади. «Но вы должны меня понять, — говорил он. — Это страшный человек. Это оборотень, который явился на свет только упущением божьим. Я врач, но мне не стыдно признаться, что при случае я охотно умертвил бы его. Я слышал, что король отравлен. И теперь понимаю, чем он отравлен. (Румата насторожился.) Этот Рэба явился ко мне в камеру и потребовал, чтобы я составил для него яд, действующий в течение нескольких часов. Разумеется, я отказался. Он пригрозил мне пытками — я засмеялся ему в лицо. Тогда этот негодяй крикнул палачей, и они привели ему с улицы дюжину мальчиков и девочек не старше десяти лет. Он поставил их передо мной, раскрыл мой мешок со снадобьями и объявил, что будет пробовать на этих детях все снадобья подряд, пока не найдет нужное. Вот как был отравлен король, дон Румата...» Губы Будаха начали подергиваться, но он взял себя в руки. Румата, деликатно отвернувшись, кивал. Понятно, думал он. Все понятно. Из рук своего министра король не взял бы и огурца. И мерзавец подsunул королю какого-то шарлатанчика, которому был обещан титул лейб-знахаря за излечение короля. И понятно, почему Рэба так возликовал, когда я обличал его в королевской опочивальне: трудно было придумать более удобный способ подsunуть королю лже-Будаха. Вся ответственность падала на Румату Эсторского, ируканского шпиона и заговорщика. Щенки мы, подумал он. В Институте надо специально ввести курс феодальной интриги. И успеваемость оценивать в рэбах. Лучше, конечно, в децирэбах. Впрочем, куда там...

По-видимому, доктор Будах был очень голоден. Однако он мягко, но решительно отказался от животной пищи и почтил своим вниманием только салаты и пирожки с вареньем. Он выпил стакан эсторского, глаза его заблестели, на щеках появился здоровый румянец. Румата есть не мог. Перед глазами у него трещали и чадили багровые факелы, отовсюду несло горелым мясом, и в горле стоял клубок величиною с кулак. Поэтому, ожидая, пока гость насытится, он стоял у окна, ведя вежливую беседу, медлительную и спокойную, чтобы не мешать гостю жевать.

Город постепенно оживал. На улице появились люди, голоса становились все громче, слышался стук молотков и треск дерева — с крыш и со стен сбивали языческие изображения. Толстый лысый лавочник прокатил тележку с бочкой пива — продавать на площади по два гроша за кружку. Горожане приспособливались. В подъезде напротив, ковыряя в носу, болтал с тощей хозяйкой маленький шпион-телохранитель. Потом под окном поехали подводы, нагруженные до второго этажа. Румата сначала не понял, что это за подводы, а потом увидел синие и черные руки и ноги, торчащие из-под рогож, и поспешно отошел к столу.

— Сущность человека, — неторопливо жуя, говорил Будах, — в удивительной способности привыкать ко всему. Нет в природе ничего такого, к чему бы человек не притерпелся. Ни лошадь, ни собака, ни мышь не обладают таким свойством. Вероятно, бог, создавая человека, догадывался, на какие муки его обрекает, и дал ему огромный запас сил и терпения. Затруднительно сказать, хорошо это или плохо. Не будь у человека такого терпения и выносливости, все добрые люди давно бы уже погибли, и на свете остались бы злые и бездушные. С другой стороны, привычка терпеть и приспособливаться превращает людей в бессловесных скотов, кои ничем, кроме анатомии, от животных не отличаются и даже превосходят их в беззащитности. И каждый новый день порождает новый ужас зла и насилия...

Румата поглядел на Киру. Она сидела напротив Будаха и слушала, не отрываясь, подперев щеку кулачком. Глаза у нее были грустные: видно, ей было очень жалко людей.

— Вероятно, вы правы, почтенный Будах, — сказал Румата. — Но возьмите меня. Вот я — простой благородный дон (у Будаха высокий лоб пошел морщинами, глаза удивленно и весело округлились), я безмерно люблю ученых людей, это дворянство духа. И мне невдомек, почему вы, хранители и единственные обладатели высокого знания, так безнадежно пассивны? Почему вы безропотно даете себя презирать, бросать в тюрьмы, сжигать на кострах? Почему вы отрываете смысл своей жизни — добывание знаний — от практических потребностей жизни — борьбы против зла?

Будах отодвинул от себя опустевшее блюдо из-под пирожков.

— Вы задаете странные вопросы, дон Румата, — сказал он. — Забавно, что те же вопросы задавал мне благородный дон Гуг, постельничий нашего герцога. Вы знакомы с ним? Я так и подумал... Борьба со злом! Но что есть зло? Всякому вольно понимать это по-своему. Для нас, ученых, зло в невежестве, но церковь учит, что невежество — благо, а все зло от знания. Для землепашца зло — налоги и засухи, а для хлеботорговца засухи — добро. Для рабов зло — это пьяный и жестокий хозяин, для ремесленника — алчный ростовщик. Так что же есть зло, против которого надо бороться, дон Румата? — Он грустно оглядел слушателей. — Зло неистребимо. Никакой человек не способен уменьшить его количество в мире. Он может несколько улучшить свою собственную судьбу, но всегда за счет ухудшения судьбы других. И всегда будут короли, более или менее жестокие, бароны, более или менее дикие, и всегда будет невежественный народ, питающий восхищение к своим угнетателям и ненависть к своему освободителю. И все потому, что раб гораздо лучше понимает своего господина, пусть даже самого жестокого, чем своего освободителя, ибо каждый раб отлично представляет себя на месте господина, но мало кто представляет себя на месте бескорыстного освободителя. Таковы люди, дон Румата, и таков наш мир.

— Мир все время меняется, доктор Будах, — сказал Румата. — Мы знаем время, когда королей не было...

— Мир не может меняться вечно, — возразил Будах, — ибо ничто не вечно, даже перемены... Мы не знаем законов совершенства, но совершенство рано или поздно достигается. Взгляните, например, как устроено наше общество. Как радуется глаз эта четкая, геометрически правильная система! Внизу крестьяне и ремесленники, над ними дворянство, затем духовенство и, наконец, король. Как все продумано, какая устойчивость, какой гармонический порядок! Чему еще меняться в этом отточенном кристалле, вышедшем из рук небесного ювелира? Нет зданий прочнее пирамидальных, это вам скажет любой знающий архитектор. — Он поучающе поднял палец. — Зерно, высыпавшее из мешка, не ложится ровным слоем, но образует так называемую коническую пирамиду. Каждое зернышко цепляется за другое, стараясь не скатиться вниз. Так же и человечество. Если оно хочет быть неким целым, люди должны цепляться друг за друга, неизбежно образуя пирамиду.

— Неужели вы серьезно считаете этот мир совершенным? — удивился Румата. — После встречи с доном Рэбой, после тюрьмы...

— Мой молодой друг, ну конечно же! Мне многое не нравится в мире, многое я хотел бы видеть другим... Но что делать? В глазах высших сил совершенство выглядит иначе, чем в моих. Какой смысл дереву сетовать, что оно не может двигаться, хотя оно и радо было бы, наверное, бежать со всех ног от топора дровосека.

— А что, если бы можно было изменить высшие предназначения?

— На это способны только высшие силы...

— Но все-таки, представьте себе, что вы бог...

Будах засмеялся.

— Если бы я мог представить себя богом, я бы стал им!

— Ну, а если бы вы имели возможность посоветовать богу?

— У вас богатое воображение, — с удовольствием сказал Будах. — Это хорошо. Вы грамотны? Прекрасно! Я бы с удовольствием позанимался с вами...

— Вы мне льстите... Но что же вы все-таки посоветовали бы всемогущему? Что, по вашему, следовало бы сделать всемогущему, чтобы вы сказали: вот теперь мир добр и хорош?..

Будах, одобрительно улыбаясь, откинулся на спинку кресла и сложил руки на животе. Кира жадно смотрела на него.

— Что ж, — сказал он, — извольте. Я сказал бы всемогущему: «Создатель, я не знаю твоих планов, может быть, ты и не собираешься делать людей добрыми и счастливыми. Захоти этого! Так просто этого достигнуть! Дай людям вволю хлеба, мяса и вина, дай им кров и одежду. Пусть исчезнут голод и нужда, а вместе с тем и все, что разделяет людей».

— И это все? — спросил Румата.

— Вам кажется, что этого мало?

Румата покачал головой.

— Бог ответил бы вам: «Не пойдет это на пользу людям. Ибо сильные вашего мира отберут у слабых то, что я дал им, и слабые по-прежнему останутся нищими».

— Я бы попросил бога оградить слабых. «Вразуми жестоких правителей», — сказал бы я.

— Жестокость есть сила. Утратив жестокость, правители потеряют силу, и другие жестокие заменят их.

Будах перестал улыбаться.

— Накажи жестоких, — твердо сказал он, — чтобы неповадно было сильным проявлять жестокость к слабым.

— Человек рождается слабым. Сильным он становится, когда нет вокруг никого сильнее его. Когда будут наказаны жестокие из сильных, их место займут сильные из слабых. Тоже жестокие. Так придется карать всех, а я не хочу этого.

— Тебе виднее, всемогущий. Сделай тогда просто так, чтобы люди получили все и не отбирали друг у друга то, что ты дал им.

— И это не пойдет людям на пользу, — вздохнул Румата, — ибо когда получают они все даром, без труда, из рук моих, то забудут труд, потеряют вкус к жизни и обратятся в моих домашних животных, которых я вынужден буду впредь кормить и одевать вечно.

— Не давай им всего сразу! — горячо сказал Будах. — Давай понемногу, постепенно!

— Постепенно люди и сами возьмут все, что им понадобится.

Будах неловко засмеялся.

— Да, я вижу, это не так просто, — сказал он. — Я как-то не думал раньше о таких вещах... Кажется, мы с вами перебрали все. Впрочем, — он подался вперед, — есть еще одна возможность. Сделай так, чтобы больше всего люди любили труд и знание, чтобы труд и знание стали единственным смыслом их жизни!

Да, это мы тоже намеревались попробовать, подумал Румата. Массовая гипноиндукция, позитивная реморализация. Гипноизлучатели на трех экваториальных спутниках...

— Я мог бы сделать и это, — сказал он. — Но стоит ли лишать человечество его истории? Стоит ли подменять одно человечество другим? Не будет ли это то же самое, что стереть это человечество с лица земли и создать на его месте новое?

Будах, сморщив лоб, молчал, обдумывая. Румата ждал. За окном снова тоскливо заскрипели подводы. Будах тихо проговорил:

— Тогда, господи, сотри нас с лица земли и создай заново более совершенными... или, еще лучше, оставь нас и дай нам идти своей дорогой.

— Сердце мое полно жалости, — медленно сказал Румата. — Я не могу этого сделать.

И тут он увидел глаза Киры. Кира глядела на него с ужасом и надеждой.

Глава 9

Уложив Будаха отдохнуть перед дальней дорогой, Румата направился к себе в кабинет. Действие спорамина кончалось, он снова чувствовал себя усталым и разбитым, снова заныли ушибы и стали вспухать изуродованные веревкой запястья. Надо поспать, думал он, надо обязательно поспать и надо связаться с доном Кондором. И надо связаться с патрульным дирижаблем, пусть сообщат на Базу. И надо прикинуть, что мы теперь должны делать, и можем ли мы что-нибудь сделать, и как быть, если мы ничего больше не сможем сделать.

В кабинете за столом сидел, сгорбившись в кресле, положив руки на высокие подлокотники, черный монах в низко надвинутом капюшоне. Ловко, подумал Румата.

— Кто ты такой? — устало спросил он. — Кто тебя пустил?

— Добрый день, благородный дон Румата, — произнес монах, откидывая капюшон.

Румата покачал головой.

— Ловко! — сказал он. — Добрый день, славный Арата. Почему вы здесь? Что случилось?

— Все как обычно, — сказал Арата. — Армия разбрелась, все делят землю, на юг идти никто не хочет. Герцог собирает недорезанных и скоро развесит моих мужиков вверх ногами вдоль Эсторского тракта. Все как обычно, — повторил он.

— Понятно, — сказал Румата.

Он повалился на кушетку, заложил руки за голову и стал смотреть на Арату. Двадцать лет назад, когда Антон мастерил модельки и играл в Вильгельма Телля, этого человека звали Аратой Красивым, и был он тогда, вероятно, совсем не таким, как сейчас.

Не было у Араты Красивого на великолепном высоком лбу этого уродливого лилового клейма — оно появилось после мятежа соанских корабельщиков, когда три тысячи голых рабов-ремесленников, согнанных на соанские верфи со всех концов Империи и замордованных до потери инстинкта самосохранения, в одну ненастную ночь вырвались из порта, прокатились по Соану, оставляя за собой трупы и пожары, и были встречены на окраине закованной в латы имперской пехотой...

И были, конечно, у Араты Красивого целы оба глаза. Правый глаз выскочил из орбиты от молодецкого удара баронской булавы, когда двадцатитысячная крестьянская армия, гоняясь по метрополии за баронскими дружинами, сшиблась в открытом поле с пятитысячной гвардией императора, была молниеносно разрезана, окружена и вытоптана шипастыми подковами боевых верблюдов...

И был, наверное, Арата Красивый строен как тополь. Горб и новое прозвище он получил после вилланской войны в герцогстве Убанском за два моря отсюда, когда после семи лет мора и засух четыреста тысяч живых скелетов вилами и оглоблями перебили дворян и осадили герцога Убанского в его резиденции; и герцог, слабый ум которого обострился от невыносимого ужаса, объявил подданным прощение, впятеро снизил цены на хмельные напитки и пообещал вольности; и Арата, уже видя, что все кончено, умолял, требовал, заклинал не поддаваться на обман, был взят атаманами, полагавшими, что от добра добра не ищут, избит железными палками и брошен умирать в выгребную яму...

А вот это массивное железное кольцо на правом запястье было у него, наверное, еще когда он назывался Красивым. Оно было приковано цепью к веслу пиратской галеры, и Арата расклепал цепь, ударил этим кольцом в висок капитана Эгу Любезника, захватил корабль, а потом и всю пиратскую армаду и попытался создать вольную республику на воде... И кончилась эта затея пьяным кровавым безобразием, потому что Арата тогда был молод, не умел ненавидеть и считал, что одной лишь свободы достаточно, чтобы уподобить раба богу...

Это был профессиональный бунтовщик, мститель божьей милостью, в средние века фигура довольно редкая. Таких щук рождает иногда историческая эволюция и запускает в социальные омуты, чтобы не дремали жирные караси, пожирающие придонный

планктон... Арата был здесь единственным человеком, к которому Румата не испытывал ни ненависти, ни жалости, и в своих горячечных снах землянина, прожившего пять лет в крови и вони, он часто видел себя именно таким вот Аратой, прошедшим все ады Вселенной и получившим за это высокое право убивать убийц, пытаться палачей и предавать предателей...

— Иногда мне кажется, — сказал Арата, — что все мы бессильны. Я вечный главарь мятежников, и я знаю, что вся моя сила в необыкновенной живучести. Но эта сила не помогает моему бессилию. Мои победы волшебным образом оборачиваются поражениями. Мои боевые друзья становятся врагами, самые храбрые бегут, самые верные предаются или умирают. И нет у меня ничего, кроме голых рук, а голыми руками не достанешь раззолоченных идолов, сидящих за крепостными стенами...

— Как вы очутились в Арканаре? — спросил Румата.

— Приплыл с монахами.

— Вы с ума сошли. Вас же так легко опознать...

— Только не в толпе монахов. Среди офицеров Ордена половина юродивых и увечных, как я. Калеки угодны богу. — Он усмехнулся, глядя Румате в лицо.

— И что вы намерены делать? — спросил Румата, опуская глаза.

— Как обычно. Я знаю, что такое Святой Орден; не пройдет и года, как арканарский люд полезет из своих щелей с топорами — драться на улицах. И поведу их я, чтобы они били тех, кого надо, а не друг друга и всех подряд.

— Вам понадобятся деньги? — спросил Румата.

— Да, как обычно. И оружие... — Он помолчал, затем сказал вкрадчиво: — Дон Румата, вы помните, как я был огорчен, когда узнал, кто вы такой? Я ненавижу попов, и мне очень горько, что их лживые сказки оказались правдой. Но бедному мятежнику надлежит извлекать пользу из любых обстоятельств. Попы говорят, что боги владеют молниями... Дон Румата, мне очень нужны молнии, чтобы разбивать крепостные стены.

Румата глубоко вздохнул. После чудесного спасения на вертолете Арата настоятельно потребовал объяснений. Румата попытался рассказать о себе, он даже показал в ночном небе Солнце — крошечную, едва видную звездочку. Но мятежник понял только одно: проклятые попы правы, за небесной твердью действительно живут боги, всеблагие и всемогущие. И с тех пор каждый разговор с Руматой он сводил к одному: бог, раз уж ты существуешь, дай мне свою силу, ибо это лучшее, что ты можешь сделать.

И каждый раз Румата отмалчивался или переводил разговор на другое.

— Дон Румата, — сказал мятежник, — почему вы не хотите помочь нам?

— Одну минутку, — сказал Румата. — Прощу прощения, но я хотел бы знать, как вы проникли в дом.

— Это неважно. Никто, кроме меня, не знает этой дороги. Не уклоняйтесь, дон Румата. Почему вы не хотите дать нам вашу силу?

— Не будем говорить об этом.

— Нет, мы будем говорить об этом. Я не звал вас. Я никогда никому не молился. Вы пришли ко мне сами. Или вы просто решили позабавиться?

Трудно быть богом, подумал Румата. Он сказал терпеливо:

— Вы не поймете меня. Я вам двадцать раз пытался объяснить, что я не бог, — вы так и не поверили. И вы не поймете, почему я не могу помочь вам оружием...

— У вас есть молнии?

— Я не могу дать вам молнии.

— Я уже слышал это двадцать раз, — сказал Арата. — Теперь я хочу знать: почему?

— Я повторяю: вы не поймете.

— А вы попытайтесь.

— Что вы собираетесь делать с молниями?

— Я выжгу золоченую сволочь, как клопов, всех до одного, весь их проклятый род до двенадцатого потомка. Я сотру с лица земли их крепости. Я сожгу их армии и всех, кто

будет защищать их и поддерживать. Можете не беспокоиться — ваши молнии будут служить только добру, и когда на земле останутся только освобожденные рабы и воцарится мир, я верну вам ваши молнии и никогда больше не попрошу их.

Арата замолчал, тяжело дыша. Лицо его потемнело от прилившей крови. Наверное, он уже видел охваченные пламенем герцогства и королевства, и груды обгорелых тел среди развалин, и огромные армии победителей, восторженно ревущих: «Свобода! Свобода!»

— Нет, — сказал Румата. — Я не дам вам молний. Это было бы ошибкой. Постарайтесь поверить мне, я вижу дальше вас... (Арата слушал, уронив голову на грудь.) — Румата стиснул пальцы. — Я приведу вам только один довод. Он ничтожен по сравнению с главным, но зато вы поймете его. Вы живучи, славный Арата, но вы тоже смертны; и если вы погибнете, если молнии перейдут в другие руки, уже не такие чистые, как ваши, тогда мне даже страшно подумать, чем это может кончиться...

Они долго молчали. Потом Румата достал из погребца кувшин эсторского и еду и поставил перед гостем. Арата, не поднимая глаз, стал ломать хлеб и запивать вином. Румата ощущал странное чувство болезненной раздвоенности. Он знал, что прав, и тем не менее эта правота странным образом унижала его перед Аратой. Арата явно превосходил его в чем-то, и не только его, а всех, кто незваным пришел на эту планету и полный бессильной жалости наблюдал страшное кипение ее жизни с разреженных высот бесстрастных гипотез и чужой здесь морали. И впервые Румата подумал: ничего нельзя приобрести, не утратив, — мы бесконечно сильнее Араты в нашем царстве добра и бесконечно слабее Араты в его царстве зла...

— Вам не следовало спускаться с неба, — сказал вдруг Арата. — Возвращайтесь к себе. Вы только вредите нам.

— Это не так, — мягко сказал Румата. — Во всяком случае, мы никому не вредим.

— Нет, вредите. Вы внушаете беспочвенные надежды...

— Кому?

— Мне. Вы ослабили мою волю, дон Румата. Раньше я надеялся только на себя, а теперь вы сделали так, что я чувствую вашу силу за своей спиной. Раньше я вел каждый бой так, словно это мой последний бой. А теперь я заметил, что берегу себя для других боев, которые будут решающими, потому что вы примете в них участие... Уходите отсюда, дон Румата, вернитесь к себе на небо и никогда больше не приходите. Либо дайте нам ваши молнии, или хотя бы вашу железную птицу, или хотя бы просто обнажите ваши мечи и встаньте во главе нас.

Арата замолчал и снова потянулся за хлебом. Румата глядел на его пальцы, лишенные ногтей. Ногти специальным приспособлением вырвал два года тому назад лично дон Рэба. Ты еще не знаешь всего, подумал Румата. Ты еще тешишь себя мыслью, что обречен на поражение только ты сам. Ты еще не знаешь, как безнадежно само твое дело. Ты еще не знаешь, что враг не столько вне твоих солдат, сколько внутри них. Ты еще, может быть, свалишь Орден, и волна крестьянского бунта забросит тебя на арканарский трон, ты сровняешь с землей дворянские замки, утопишь баронов в Проливе, и восставший народ воздаст тебе все почести как великому освободителю, и ты будешь добр и мудр — единственный добрый и мудрый человек в твоём королевстве. И по дороге ты станешь раздавать земли своим сподвижникам, а на что сподвижникам земли без крепостных? И завертится колесо в обратную сторону. И хорошо еще будет, если ты успеешь умереть своей смертью и не увидишь появления новых графов и баронов из твоих вчерашних верных бойцов. Так уже бывало, мой славный Арата, и на Земле, и на твоей планете.

— Молчите? — сказал Арата. Он отодвинул от себя тарелку и смел рукавом рясы крошки со стола. — Когда-то у меня был друг, — сказал он. — Вы, наверное, слыхали — Вага Колесо. Мы начинали вместе. Потом он стал бандитом, ночным королем. Я не простил ему измены, и он знал это. Он много помогал мне — из страха и из корысти, —

но так и не захотел никогда вернуться: у него были свои цели. Два года назад его люди выдали меня дону Рэбе... — Он посмотрел на свои пальцы и сжал их в кулак. — А сегодня утром я настиг его в Арканарском порту... В нашем деле не может быть друзей наполовину. Друг наполовину — это всегда наполовину враг. — Он поднялся и надвинул капюшон на глаза. — Золото на прежнем месте, дон Румата?

— Да, — сказал Румата медленно, — на прежнем.

— Тогда я пойду. Благодарю вас, дон Румата.

Он неслышно прошел по кабинету и скрылся за дверью. Внизу в прихожей слабо лязгнул засов.

Вот и еще одна забота, подумал Румата. Как же он все-таки проник в дом?..

Глава 10

В Пьяной Берлоге было сравнительно чисто, пол тщательно подметен, стол выскоблен добела, в углах для благовония лежали охапки лесных трав и лапника. Отец Кабани чинно сидел в углу на лавочке, трезвый и тихий, сложив мытые руки на коленях. В ожидании, пока Будах заснет, говорили о пустяках. Будах, сидевший за столом возле Руматы, с благосклонной улыбкой слушал легкомысленную болтовню благородных донов и время от времени сильно вздрагивал, задремывая. Впалые щеки его горели от лошадиной дозы тетралюминала, незаметно подмешанной ему в питье. Старик был очень возбужден и засыпал трудно. Нетерпеливый дон Гуг сгибал и разгибал под столом верблюжью подкову, сохраняя, однако, на лице выражение веселой непринужденности. Румата крошил хлеб и с усталым интересом следил, как дон Кондор медленно наливается желчью: Хранитель больших печатей нервничал, опаздывая на чрезвычайное ночное заседание Конференции двенадцати негоциантов, посвященное перевороту в Арканаре, на котором ему надлежало председательствовать.

— Мои благородные друзья! — звучно сказал наконец доктор Будах, встал и упал на Румату.

Румата бережно обнял его за плечи.

— Готов? — спросил дон Кондор.

— До утра не проснется, — сказал Румата, поднял Будаха на руки и отнес на ложе отца Кабани.

Отец Кабани проговорил с завистью:

— Доктору, значит, можно закладывать, а отцу Кабани, значит, нельзя, вредно. Нехорошо получается!

— У меня четверть часа, — сказал дон Кондор по-русски.

— Мне хватит и пяти минут, — ответил Румата, с трудом сдерживая раздражение.

— И я так много говорил вам об этом раньше, что хватит и минуты. В полном соответствии с базисной теорией феодализма, — он яростно поглядел прямо в глаза дону Кондору, — это самое заурядное выступление горожан против баронства, — он перевел взгляд на дону Гуга, — вылилось в провокационную интригу Святого Ордена и привело к превращению Арканара в базу феодально-фашистской агрессии. Мы здесь ломаем головы, тщетно пытаюсь втиснуть сложную, противоречивую, загадочную фигуру орла нашего дону Рэбы в один ряд с Ришелье, Неккером, Токугавой Иэясу, Монком, а он оказался мелким хулиганом и дураком! Он предал и продал все, что мог, запутался в собственных затеях, насмерть струсил и кинулся спасаться к Святому Ордену. Через полгода его зарежут, а Орден останется. Последствия этого для Запроливья, а затем и для всей Империи я просто боюсь себе представить. Во всяком случае, вся двадцатилетняя работа в пределах Империи пошла насмарку. Под Святым Орденом не развернешься. Вероятно, Будах — это последний человек, которого я спасаю. Больше спасать будет некого. Я кончил.

Дон Гуг сломал наконец подкову и швырнул половинки в угол.

— Да, проморгали, — сказал он. — А может быть, это не так уж страшно, Антон? Румата только посмотрел на него.

— Тебе надо было убрать дона Рэбу, — сказал вдруг дон Кондор.

— То есть как это «убрать»?

На лице дона Кондора вспыхнули красные пятна.

— Физически! — резко сказал он.

Румата сел.

— То есть убить?

— Да. Да! Да!!! Убить! Похитить! Сместить! Заточить! Надо было действовать. Не советоваться с двумя дураками, которые ни черта не понимали в том, что происходит.

— Я тоже ни черта не понимал.

— Ты по крайней мере чувствовал.

Все помолчали.

— Что-нибудь вроде Барканской резни? — вполголоса осведомился дон Кондор, глядя в сторону.

— Да, примерно. Но более организованно.

Дон Кондор покусал губу.

— Теперь его убирать уже поздно? — сказал он.

— Бессмысленно, — сказал Румата. — Во-первых, его уберут без нас, а во-вторых, это вообще не нужно. Он по крайней мере у меня в руках.

— Каким образом?

— Он меня боится. Он догадывается, что за мною сила. Он уже даже предлагал сотрудничество.

— Да? — проворчал дон Кондор. — Тогда не имеет смысла.

Дон Гуг сказал, чуть заикаясь:

— Вы что, товарищи, серьезно все это?

— Что именно? — спросил дон Кондор.

— Ну все это... Убить, физически убрать... Вы что, с ума сошли?

— Благородный дон поражен в пятку, — тихонько сказал Румата.

Дон Кондор медленно отчеканил:

— При чрезвычайных обстоятельствах действенны только чрезвычайные меры.

Дон Гуг, шевеля губами, переводил взгляд с одного на другого.

— В-вы... Вы знаете, до чего так докатитесь? — проговорил он. — В-вы понимаете, до чего вы так докатитесь, а?

— Успокойся, пожалуйста, — сказал дон Кондор. — Ничего не случится. И хватит пока об этом. Что будем делать с Орденом? Я предлагаю блокаду Арканарской области. Ваше мнение, товарищи? И побыстрее, я тороплюсь.

— У меня никакого мнения еще нет, — возразил Румата. — А у Пашки тем более. Надо посоветоваться с Базой. Надо оглядеться. А через неделю встретимся и решим.

— Согласен, — сказал дон Кондор и встал. — Пошли.

Румата взвалил Будаха на плечо и вышел из избы. Дон Кондор светил ему фонариком. Они подошли к вертолету, и Румата уложил Будаха на заднее сиденье. Дон Кондор, гремя мечом и путаясь в плаще, забрался в водительское кресло.

— Вы не подбросите меня до дому? — спросил Румата. — Я хочу, наконец, выспаться.

— Подброшу, — буркнул дон Кондор. — Только быстрее, пожалуйста.

— Я сейчас вернусь, — сказал Румата и побежал в избу.

Дон Гуг все еще сидел за столом и, уставясь перед собой, тер подбородок. Отец Кабани стоял рядом с ним и говорил:

— Так оно всегда и получается, дружок. Стараешься, как лучше, а получается хуже...

Румата сгреб в охапку мечи и перевязи.

— Счастливо, Пашка, — сказал он. — Не огорчайся, просто мы все устали и раздражены.

Дон Гуг помотал головой.

— Смотри, Антон, — проговорил он. — Ох, смотри!.. О дяде Саше я не говорю, он здесь давно, не нам его переучивать. А вот ты...

— Спать я хочу, вот что, — сказал Румата. — Отец Кабани, будьте любезны, возьмите моих лошадей и отведите их к барону Пампе. На днях я у него буду.

Снаружи мягко взвыли винты. Румата махнул рукой и выскочил из избы. В ярком свете фар вертолета заросли гигантского папоротника и белые стволы деревьев выглядели причудливо и жутко. Румата вскарабкался в кабину и захлопнул дверцу.

В кабине пахло озоном, органической обшивкой и одеколоном. Дон Кондор поднял машину и уверенно повел ее над Арканарской дорогой. Я бы сейчас так не смог, с легкой завистью подумал Румата. Позади мирно причмокивал во сне старый Будах.

— Антон, — сказал дон Кондор, — я бы... э-э... не хотел быть бестактным, и не подумай, будто я... э-э... вмешиваюсь в твои личные дела.

— Я вас слушаю, — сказал Румата. Он сразу догадался, о чем пойдет речь.

— Все мы разведчики, — сказал дон Кондор. — И все дорогое, что у нас есть, должно быть либо далеко на Земле, либо внутри нас. Чтобы его нельзя было отобрать у нас и взять в качестве заложника.

— Вы говорите о Кире? — спросил Румата.

— Да, мой мальчик. Если все, что я знаю о доне Рэбе, — правда, то держать его в руках — занятие нелегкое и опасное. Ты понимаешь, что я хочу сказать...

— Да, понимаю, — сказал Румата. — Я постараюсь что-нибудь придумать.

Они лежали в темноте, держась за руки. В городе было тихо, только изредка где-то неподалеку злобно визжали и бились кони. Время от времени Румата погружался в дремоту и сразу просыпался, оттого что Кира затаивала дыхание — во сне он сильно стискивал ее руку.

— Ты, наверное, очень хочешь спать, — сказала Кира шепотом. — Ты спи.

— Нет-нет, рассказывай, я слушаю.

— Ты все время засыпаешь.

— Я все равно слушаю. Я, правда, очень устал, но еще больше я соскучился по тебе. Мне жалко спать. Ты рассказывай, мне очень интересно.

Она благодарно потерлась носом о его плечо и поцеловала в щеку и снова стала рассказывать, как нынче вечером пришел от отца соседский мальчик. Отец лежит. Его выгнали из канцелярии и на прощание сильно побили палками. Последнее время он вообще ничего не ест, только пьет — стал весь синий, дрожащий. Еще мальчик сказал, что объявился брат — раненый, но веселый и пьяный, в новой форме. Дал отцу денег, выпил с ним и опять грозился, что они всех раскатают. Он теперь в каком-то особом отряде лейтенантом, присягнул на верность Ордену и собирается принять сан. Отец просил, чтобы она домой пока ни в коем случае не приходила. Брат грозился с ней разделаться за то, что спуталась с благородным, рыжая стерва...

Да, думал Румата, уж конечно, не домой. И здесь тоже оставаться ей ни в коем случае нельзя. Если с ней хоть что-нибудь случится... Он представил себе, что с ней случилось плохое, и сделался весь как каменный.

— Ты спишь? — спросила Кира.

Он очнулся и разжал ладонь.

— Нет-нет... А еще что ты делала?

— А еще я прибрала твои комнаты. Ужасный у тебя все-таки развал. Я нашла одну книгу, отца Гура сочинение. Там про то, как благородный принц полюбил прекрасную, но дикую девушку из-за гор. Она была совсем дикая и думала, что он бог, и все-таки очень любила его. Потом их разлучили, и она умерла от горя.

— Это замечательная книга, — сказал Румата.

— Я даже плакала. Мне все время казалось, что это про нас с тобой.

— Да, это про нас с тобой. И вообще про всех людей, которые любят друг друга. Только нас не различат.

Безопаснее всего было бы на Земле, подумал он. Но как ты там будешь без меня? И как я здесь буду один? Можно было бы попросить Анку, чтобы дружила с тобою там. Но как я буду здесь без тебя? Нет, на Землю мы полетим вместе. Я сам поведу корабль, а ты будешь сидеть рядом, и я буду все тебе объяснять. Чтобы ты ничего не боялась. Чтобы ты сразу полюбила Землю. Чтобы ты никогда не жалела о своей страшной родине. Потому что это не твоя родина. Потому что твоя родина отвергла тебя. Потому что ты родилась на тысячу лет раньше своего срока. Добрая, верная, самоотверженная, бескорыстная... Такие, как ты, рождались во все эпохи кровавой истории наших планет. Ясные, чистые души, не знающие ненависти, не приемлющие жестокость. Жертвы. Бесполезные жертвы. Гораздо более бесполезные, чем Гур Сочинитель или Галилей. Потому что такие, как ты, даже не борцы. Чтобы быть борцом, нужно уметь ненавидеть, а как раз этого вы не умеете. Так же, как и мы теперь...

...Румата опять задремал и сейчас же увидел Киру, как она стоит на краю плоской крыши Совета с дегравитатором на поясе, и веселая насмешливая Анка нетерпеливо подталкивает ее к полуторакилометровой пропасти.

— Румата, — сказала Кира. — Я боюсь.

— Чего, маленькая?

— Ты все молчишь и молчишь. Мне страшно...

Румата притянул ее к себе.

— Хорошо, — сказал он. — Сейчас я буду говорить, а ты меня внимательно слушай. Далеко-далеко за сайвой стоит грозный, неприступный замок. В нем живет веселый, добрый и смешной барон Пампа, самый добрый барон в Арканаре. У него есть жена, красивая, ласковая женщина, которая очень любит Пампу трезвого и терпеть не может Пампу пьяного...

Он замолчал, прислушиваясь. Он услышал цокот множества копыт на улице и шумное дыхание многих людей и лошадей. «Здесь, что ли?» — спросил грубый голос под окном. «Вроде здесь...» — «Сто-ой!» По ступенькам крыльца загремели каблуки, и сейчас же несколько кулаков обрушились на дверь. Кира, вздрогнув, прижалась к Румате.

— Подожди, маленькая, — сказал он, откидывая одеяло.

— Это за мной, — сказала Кира шепотом. — Я так и знала!

Румата с трудом высвободился из рук Киры и подбежал к окну. «Во имя господи! — ревели внизу. — Открывай! Взломаем — хуже будет!» Румата отдернул штору, и в комнату хлынул знакомый пляшущий свет факелов. Множество всадников топталось внизу — мрачных черных людей в остроконечных капюшонах. Румата несколько секунд глядел вниз, потом осмотрел оконную раму. По обычаю, рама была вделана в оконницу намертво. В дверь с треском били чем-то тяжелым. Румата нашарил в темноте меч и ударил рукоятью в стекло. Со звоном посыпались осколки.

— Эй, вы! — рявкнул он. — Вам что, жить надоело?

Удары в дверь стихли.

— И ведь всегда они напутают, — негромко сказали внизу. — Хозяин-то дома...

— А нам что за дело?

— А то дело, что он на мечях первый в мире.

— А еще говорили, что уехал и до утра не вернется.

— Испугались?

— Мы-то не испугались, а только про него ничего не велено. Не пришлось бы убить...

— Свяжем. Покалечим и свяжем! Эй, кто там с арбалетами?

— Как бы он нас не покалечил...

— Ничего, не покалечит. Всем известно: у него обет такой — не убивать.

— Перебью как собак, — сказал Румата страшным голосом.

Сзади к нему прижалась Кира. Он слышал, как бешено стучит ее сердце. Внизу скомандовали скрипуче: «Ломай, братья! Во имя господи!» Румата обернулся и взглянул Кире в лицо. Она смотрела на него, как давеча, с ужасом и надеждой. В сухих глазах плясали отблески факелов.

— Ну что ты, маленькая, — сказал он ласково. — Испугалась? Неужели этой швали испугалась? Иди одевайся. Делать нам здесь больше нечего... — Он торопливо натягивал металлопластовую кольчугу. — Сейчас я их прогоню, и мы уедем. Уедем к Пампе.

Она стояла у окна, глядя вниз. Красные блики бегали по ее лицу. Внизу трещало и ухало. У Руматы от жалости и нежности сжалось сердце. Погоню, как псов, подумал он. Он наклонился, отыскивая второй меч, а когда снова выпрямился, Кира уже не стояла у окна. Она медленно сползала на пол, цепляясь за портьеру.

— Кира! — крикнул он.

Одна арбалетная стрела пробилась ей горло, другая торчала из груди. Он взял ее на руки и перенес на кровать. «Кира...» — позвал он. Она всхлипнула и вытянулась. «Кира...» — сказал он. Она не ответила. Он постоял немного над нею, потом подобрал мечи, медленно спустился по лестнице в прихожую и стал ждать, когда упадет дверь...

Эпилог

— А потом? — спросила Анка.

Пашка отвел глаза, несколько раз хлопнул себя ладонью по колену, наклонился и потянулся за земляничкой у себя под ногами. Анка ждала.

— Потом... — пробормотал он. — В общем-то никто не знает, что было потом, Анка. Передатчик он оставил дома, и когда дом загорелся, на патрульном дирижабле поняли, что дело плохо, и сразу пошли в Арканар. На всякий случай сбросили на город шашки с усыпляющим газом. Дом уже догорал. Сначала растерялись, не знали, где его искать, но потом увидели... — Он замаялся. — Словом, видно было, где он шел.

Пашка замолчал и стал кидать ягоды в рот одну за другой.

— Ну? — тихонько сказала Анка.

— Пришли во дворец... Там его и нашли.

— Как?

— Ну... он спал. И все вокруг... тоже... лежали... Некоторые спали, а некоторые... так... Дона Рэбу тоже там нашли... — Пашка быстро взглянул на Анку и снова отвел глаза. — Забрали его, то есть Антона, доставили на Базу... Понимаешь, Анка, ведь он ничего не рассказывает. Он вообще теперь говорит мало.

Анка сидела очень бледная и прямая и смотрела поверх Пашкиной головы на лужайку перед домиком. Шумели, легонько раскачиваясь, сосны, в синем небе медленно двигались пухлые облака.

— А что стало с девушкой? — спросила она.

— Не знаю, — жестко сказал Пашка.

— Слушай, Паша, — сказала Анка. — Может быть, мне не стоило приезжать сюда?

— Нет, что ты! Я думаю, он тебе обрадуется...

— А мне все кажется, что он прячется где-нибудь в кустах, смотрит на нас и ждет, пока я уеду.

Пашка усмехнулся.

— Вот уж нет, — сказал он. — Антон в кустах сидеть не станет. Просто он не знает, что ты здесь. Ловит где-нибудь рыбу, как обычно.

— А с тобой как он?

— Никак. Терпит. Но ты-то другое дело...

Они помолчали.

— Анка, — сказал Пашка. — Помнишь анизотропное шоссе?

Анка наморщила лоб.

— Какое?

— Анизотропное. Там висел «кирпич». Помнишь, мы втроем?..

— Помню. Это Антон сказал, что оно анизотропное.

— Антон тогда пошел под «кирпич», а когда вернулся, то сказал, будто нашел там взорванный мост и скелет фашиста, прикованный к пулемету.

— Не помню, — сказала Анка. — Ну и что?

— Я теперь часто вспоминаю это шоссе, — сказал Пашка. — Будто есть какая-то связь... Шоссе было анизотропное, как история. Назад идти нельзя. А он пошел. И наткнулся на прикованный скелет.

— Я тебя не понимаю. При чем здесь прикованный скелет?

— Не знаю, — признался Пашка. — Мне так кажется.

Анка сказала:

— Ты не давай ему много думать. Ты с ним все время о чем-нибудь говори. Глупости какие-нибудь. Чтобы он спорил.

Пашка вздохнул.

— Это я и сам знаю. Да только что ему мои глупости?.. Послушает, улыбнется и скажет: «Ты, Паша, тут посиди, а я пойду поброжу». И пойдет. А я сижу... Первое время, как дурак, незаметно ходил за ним, а теперь просто сижу и жду. Вот если бы ты...

Анка вдруг поднялась. Пашка оглянулся и тоже встал. Анка не дыша смотрела, как через поляну к ним идет Антон — огромный, широкий, со светлым, незагорелым лицом. Ничего в нем не изменилось, он всегда был немного мрачный.

Она пошла ему навстречу.

— Анка, — сказал он ласково. — Анка, дружище...

Он протянул к ней огромные руки. Она робко потянулась к нему и тут же отпрянула. На пальцах у него... Но это была не кровь — просто сок земляники.

Из архива

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий Бедные злые люди

Царь сидел голый. Как нищий дурак на базаре, он сидел, вытянув синие пупырчатые ноги, прислонясь спиной к холодной стене. Он дрожал, не открывая глаз, и все время прислушивался, но было тихо.

В полночь он проснулся от кошмара и сразу понял, что ему конец. Кто-то хрипел и бился под дверью спальни, слышались шаги, позвякивание железа и пьяное бормотание дядюшки Бата, его высочества: «А ну, пусти... А ну, дай я... Да ломай ее, стерву, чего там...» Мокрый от ледяного пота, он бесшумно скатился с постели, нырнул в потайной шкаф и, не помня себя, побежал по подземному коридору. Под босыми ногами хлюпало, шарахались крысы, но тогда он ничего не замечал и только сейчас, сидя у стены, вспомнил все: и темноту, и осклизлые стены, и боль от удара головой об окованные двери храма, и свой невыносимо высокий визг...

Сюда им не войти, подумал он. Сюда никому не войти. Только если царь прикажет. А царь-то не прикажет... Он истерически хихикнул. Нет уж, царь не прикажет! Он осторожно разжмурился и увидел свои синие безволосые ноги с ободранными коленками. Жив еще, подумал он. И буду жив. Потому что сюда им не войти.

Все в храме было синеватое от холодного света лампад — длинных светящихся трубок, протянутых под потолком. Посередине стоял на возвышении Бог, большой, тяжелый, с блестящими мертвыми глазами. Царь долго и тупо смотрел, пока Бога не заслонил вдруг плюгавый служка, совсем еще сопляк. Раскрыв рот и почесываясь, он стоял и глазел на голого царя. Царь снова прикрыл глаза. Сволочь, подумал он, гаденыш вшивый, скрутить ублюдка — и собакам, чтоб жрали... Он сообразил, что не запомнил хама как следует, но служки уже не было. Сопливый такой, хлипкий... Ладно, вспомним. Все вспомним, дядюшка Бат, ваше высочество! При отце небось сидел в уголке, пил себе потихоньку да помалкивал, на глаза боялся попасть, знал, что царь Простяга подлого предательства твоего не забыл...

Велик был отец, с привычной завистью подумал царь. Будешь великим, если у тебя в советниках ангелы Божьи во плоти. Все знают, все их видели: лики страшные, белые как молоко, а одежды такие, что не поймешь, голые они или как... И стрелы у них были огненные, как бы молнии, кочевников отгоняли этими стрелами, и хотя металы в небо, половина орды покалечилась со страху... Дядюшка Бат, его высочество, шептал как-то, пьяно отрывая, что стрелы те метать может каждый, нужны лишь особые пращи, которые у ангелов есть и которые у них хорошо бы взять. А он еще тогда сказал — тоже был пьяный, — что раз хорошо взять, то и надо взять, чего там... И вскоре после этого застольного разговора один ангел упал со стены в ров, поскользнулся, наверное. Рядом с ним во рву нашли дядюшкиного телохранителя с дротиком между лопаток. Темное это было дело, темное... Хорошо, что народ ангелов никогда не жаловал, страшно было на них глядеть, хотя и не понять, почему страшно, — ангелы были люди приветливые, веселые. Вот только глаза у них были страшные. Маленькие, блестящие, и все бегают да бегают... нечеловеческие глаза, немирные. Так народ и промолчал, хотя и дал ему отец, царь Простяга, такую волю, что вспомнить стыдно... и то сказать, отец до Переворота, говорят, шорником был. За такие разговоры я потом самолично глаза вырывал и в уши зашивал. Но помню, сядет он, бывало, под вечер на пороге Хрустальной Башни, примется кожу кроить — смотреть приятно. А я рядом примощусь, прижмусь к его боку, тепло, уютно... Из комнат ангелы поют, тихо так, слаженно, отец им подтягивает — он их речь знал, — а

вокруг просторно, никого нет... не то что сейчас, стражников на каждом углу понатыкано, а толку никакого...

Царь горестно всхлипнул. Да, отец хороший был, только слишком долго не помирал. Нельзя же так при живом сыне... Сын ведь тоже царь, сыну тоже хочется... А Простяга все не стареет, мне уже за пятьдесят перевалило, а он все на вид моложе меня... Ангелы, видно, за него Бога просили... За него просили, а за себя забыли. Второго, говорят, прижали в отцовской комнате, в руках у него было по праще, но биться он не стал, перед смертью, говорят, кинул обе пращи за окно, лопнули они синим огнем, и пыли не осталось. Жалко было пращей... А Простяга, говорят, плакал и упился тогда до полусмерти — первый раз за свое царствование — искал все меня, рассказывают, любил меня, верил...

Царь подтянул колени к подбородку, обхватил ноги руками. Ну и что ж, что верил? Меру надо было знать, отречься, как другие делают... да и не знаю я ничего, и знать не желаю. Был только разговор с дядюшкой, с его высочеством. «Не стареет, — говорит, — Простяга». — «Да, — говорю, — а что поделаешь, ангелы за него просили». Дядюшка тогда осклабился, сволочь, и шепчет: «Ангелы, — говорит, — нынче песенки уже не здесь поют». А я возьми и ляпни: «Уж это верно, и на них управа нашлась, не только на человеков». Дядюшка посмотрел на меня трезво и сразу ушел... Я ведь ничего такого и не сказал... Простые слова, без умысла... А через неделю помер Простяга от сердечного удара. Ну и что? И пора ему было. Казался только молодым, а на самом деле за сто перешел. Все помрем...

Царь встрепенулся и, прикрываясь, неловко поднялся на корточки. В храм вошел верховный жрец Агар, служки вели его под руки. На царя он не взглянул, приблизился к Богу и склонился перед возвышением, длинный, горбатый, с грязно-белыми волосами до пояса. Царь злорадно подумал: «Конец тебе, ваше высочество, не успел, я тебе не Простяга, нынче же свои кишки жрать будешь, пьяная сволочь...» Агар проговорил густым голосом:

— Бог! Царь хочет говорить с тобой! Прости его и выслушай!

Стало тихо, никто не смел вздохнуть. Царь соображал: когда случился великий потоп и лопнула земля, Простяга просил Бога помочь, и Бог явился с неба комом огня в тот же вечер, и в ту же ночь земля закрылась, и не стало потопа. Значит, и сегодня так будет. Не успел, дядюшка, ваше высочество, не успел! Никто тебе теперь не поможет...

Агар выпрямился. Служки, поддерживавшие его, отскочили и повернулись к Богу спиной, пряча головы руками. Царь увидел, как Агар протянул сложенные ладони и положил на грудь Бога. У Бога тотчас загорелись глаза. От страха царь стукнул зубами: глаза были большие и разные — один ядовито-зеленый, другой белый, яркий, как свет. Было слышно, как Бог задышал, тяжело, с потрескиванием, словно чахоточный. Агар попятился.

— Говори, — прошептал он. Ему, видно, тоже было не по себе.

Царь опустил на четвереньки и пополз к возвышению. Он не знал, что делать и как поступать. И он не знал, с чего начинать и говорить ли всю правду. Бог тяжело дышал, похрипывая грудью, а потом вдруг затянул тихонько и тоненько — жутко.

— Я сын Простяги, — с отчаянием сказал царь, уткнувшись лицом в холодный камень. — Простяга умер. Я прошу защиты от заговорщиков. Простяга совершал ошибки. Он не ведал, что делал. Я все исправил: смирил народ, стал велик и недоступен, как ты, я собрал войско... А подлый Бат мешает мне начать завоевание мира... Он хочет убить меня! Помоги!

Он поднял голову. Бог, не мигая, глядел ему в лицо зеленым и белым. Бог молчал.

— Помоги... — повторил царь. — Помоги! Помоги! — Он вдруг подумал, что делает что-то не так и Бог равнодушен к нему, и совсем некстати вспомнил: ведь говорили, что отец его, царь Простяга, умер вовсе не от удара, а был убит здесь, в храме, когда убийцы

вошли, никого не спросясь. — Помоги! — отчаянно закричал он. — Я боюсь умереть сегодня! Помоги! Помоги!

Он скрючился на каменных плитах, кусая руки от нестерпимого ужаса. Разноглазый Бог хрипло дышал над его головой.

— Старая гадюка, — сказал Толя. Эрнст молчал.

На экране сквозь искры помех черным уродливым пятном расплылся человек, прижавшийся к полу.

— Когда я думаю, — снова заговорил Толя, — что, не будь его, Аллан и Дерек остались бы живы, мне хочется сделать что-то такое, чего я никогда не хотел делать...

Эрнст пожал плечами и отошел к столу.

— И я всегда думаю, — продолжал Толя, — почему Дерек не стрелял? Он мог бы перебить их всех...

— Он не мог, — сказал Эрнст.

— Почему не мог?

— Ты пробовал когда-нибудь стрелять в человека?

Толя сморщился, но ничего не сказал.

— В том-то и дело, — сказал Эрнст. — Попробуй хоть представить. Это почти так же противно.

Из репродуктора донесся жалобный вой. «ПОМОГИ ПОМОГИ Я БОЮСЬ ПОМОГИ...» — печатал автомат-переводчик.

— Бедные злые люди... — сказал Толя.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий **Первые люди на первом плоту**

На попутной машине Марков добрался до поворота на Сельцы, дал шоферу полтинник и выпрыгнул из теплой кабины. Мороз был градусов пятнадцать. Марков сразу понял это, когда почувствовал, что слипаются ноздри. Он знал эту приметку: если ноздри слипаются, значит ниже десяти. Грузовик заворчал, буксанул задними колесами в обледеневшей колее и ушел за поворот, оставив горький на морозе, едкий запах бензинового перегара. Марков остался один. Он очень любил эту минуту: попутка скрывается за поворотом, остается только тихий, заваленный снегом лес, да сугробы вокруг, да серое низкое небо над головой, а он один, совершенно свободный, с рюкзаком и ружьем за спиной, мороз пощипывает щеки, воздух восхитительно свеж и вкусен, а впереди — две недели охоты, целых две недели этого молчаливого леса, и следов на снегу, и тягучих зимних вечеров в теплом домике лесника, когда ни о чем можно не думать, а только радоваться здоровью, снегу, пахнущему арбузами, спокойным добрым людям и размеренному течению дней, похожих друг на друга.

Марков встал на лыжи, поправил за плечами рюкзак и, перебравшись через кювет, вошел в лес по невидимой, но знакомой тропинке, ведущей к дому лесника Пал Палыча. Некоторое время он еще слышал звонкое гудение грузовика, а потом и оно стихло, только поскрипывал и шелестел наст под лыжами да где-то над замерзшей падалью каркала ворона.

До домика было километров восемь, и Марков с отвычки вспотел и запыхался. Следов было немного, но он знал, что Пал Палыч не оставит его милостями и все еще будет: и следы, и тетерева, с грохотом вылетающие из-под снега, и выстрелы, и то до боли острое, азартное ощущение, когда точно знаешь, что попал, и огромная птица тяжело ухает в сугроб, и кажется, что земля вздрагивает от удара.

Обычно дом Пал Палыча встречал Маркова совершенно особенным приветливым шумом. Зычно гавкал, гремя на весь лес цепью, здоровенный Трезор. «Цыц, бешаный!» —

грозно кричала на него бабка Марья, мать Пал Палыча; и вдруг ни с того ни с сего принимался орать петух. Но на этот раз все было тихо, и Марков начал даже думать, что дал вправо, как вдруг открылась полянка и он увидел дом. Он сразу почувствовал, что случилась какая-то беда и что пришел он не вовремя. Калитка была распахнута, двор пуст, и стояла тишина, странная и недобрая.

Он все еще не понимал, откуда это ощущение беды, а потом сразу понял: слишком много было распахнутых дверей. Дверь в дом была раскрыта настежь, и дверца курятника была сорвана и валялась в стороне, и дверь хлева, и почему-то была раскрыта дверь на сеновал на чердаке. Одно из окон в доме было разбито, будка Трезора перевернута, по всему двору были разбросаны рыжие перья, а истоптанный снег был забрызган красными пятнами. Сдерживая дыхание, Марков торопливо снял лыжи и пошел в дом. В доме все двери тоже были раскрыты, в разбитое окно тянуло морозом, но было еще тепло. Марков позвал: «Эй, хозяйева!», но никто не откликнулся, да он и не ждал, что откликнутся. В комнатах было, как всегда, чисто и прибрано, но в сенях валялся на полу большой тулуп.

Марков вышел во двор, покричал, приставив ладони ко рту, и побежал вокруг дома. Из-под ног у него выскочил полосатый старухин кот Муркот и, надувши хвост, опротясь взлетел на крышу курятника. Марков остановился и позвал его, но кот посмотрел через плечо и, прижав короткие уши, так злобно и яростно затянул «уа-ау-у», что сразу стало ясно: кот тут видел такое, что не скоро успокоится и поверит в чьи-нибудь добрые намерения.

Обойдя вокруг дома, Марков встал на лыжи, сбросил рюкзак и перезарядил ружье. Патроны с «двойкой» он выбросил прямо в снег, а в стволы загнал «нулевку», самое солидное, что у него было. Он был уверен, что здесь совершено преступление, и, как ни дика была эта мысль, ничто другое не приходило ему в голову. Теперь он видел, что через калитку протаскивали по снегу что-то тяжелое, пачкающее кровью, и видел, что след этот тянется по поляне и исчезает за деревьями. Вокруг было множество следов, они показались Маркову какими-то странными, но не было времени разбираться. Он взял ружье наизготовку и пошел рядом с жуткой рытвиной, где в развороченном снегу расплывались красные пятна. «Сволочи, — думал он с холодной ненавистью, — зверье...» Все было совершенно ясно ему. В свое время Пал Палыч задержал злого браконьера, и тот, вернувшись после отсидки, явился с пьяными друзьями отомстить, и они убили Пал Палыча и его мать, а потом, протрезвев, перепугались и уволокли трупы в лес, чтобы спрятать. Он отчетливо видел заросшие хари и налитые водкой глаза и думал, что стрелять будет не в ноги, а как на фронте.

У самых деревьев след разделился. Вправо потянулась цепочка тех самых странных следов, и когда Марков понял, что это такое, он остановился озадаченный. Это были следы босых ног. Там, где наст выдержал и не провалился, можно было отчетливо видеть отпечатки голых ступней. Это казалось необъяснимым, и некоторое время Марков колебался, не зная, что делать, но потом все-таки пошел дальше вдоль запачканной кровью рытвины. Рытвина тянулась, петляя между кустами, зеленые ветви елей над нею выпрямились, освобожденные от снежных шапок. Иногда рытвину пересекала цепочка следов босых ног. Потом Марков заметил впереди какое-то движение и остановился, судорожно стиснув ружье.

Впереди в кустах кто-то стоял — кто-то живой, пестрый, яркий, словно раскрашенная кукла. Он сразу замер, и Марков не мог как следует рассмотреть его. Сквозь заснеженный лапник просвечивали желтые и красные пятна, и Маркову казалось, что он слышит тяжелое дыхание. Он шагнул вперед и хрипло крикнул: «Кто там? Стрелять буду!» Никто не отозвался, в кустах не шевелились. Потом краем глаза Марков заметил какое-то движение слева и резко повернулся, выставив перед собой ружье.

Прямо на него из-за деревьев выбежал удивительный человек. Если бы этот человек был в полушубке или в ватнике и держал бы в руках топор или ружье, Марков автоматически упал бы боком в снег, выбросив на лету перед собой двустволку, и

хладнокровно расстрелял бы его. Но человек был гол, весь размалеван красным и желтым, а в руке у него была длинная заостренная палка. Марков, открыв рот, смотрел, как он бежит, с необыкновенной легкостью выдергивая ноги из снега. Затем человек замедлил бег, весь изогнулся и, дико крикнув, метнул в Маркова свое копьё. Марков инстинктивно присел и, не удержавшись на скрещенных лыжах, опрокинулся набок. Он был очень удивлен и даже испуган, и тем не менее странный полет копьёя даже тогда поразил его. Брошенное с силой, оно отделилось от руки размалеванного человека и медленно поплыло по воздуху. Оно отстало от бегущего, а потом, все набирая скорость, обогнало его и пронеслось над головой Маркова с вибрирующим свистом. Марков еще слышал, как оно с треском врезалось в чашу, словно по кустам дали очередь разрывными пулями, но тут на Маркова навалились со всех сторон. Крепкие маленькие руки схватили его за лицо, опрокинули на спину, он почувствовал резкий неприятный запах, жестокий удар в подбородок, рванулся, и его оглушили.

Очнувшись, он обнаружил, что лежит в снегу под деревом. Слышались незнакомые голоса, какие-то неопределенные звуки, скрип. Неприятно и остро пахло. Он сразу все припомнил и сел, опершись спиной о ствол. Перед ним была обширная поляна, и на ней было полно народу. У Маркова запестрело в глазах. Всюду стояли и бегали, крича во все горло, маленькие, голые, размалеванные яркими красками люди. Рядом с Марковым тоже стоял такой же человек, кричал и размахивал копьём. А на другом конце поляны грузно лежало в снегу длинное серое сооружение, похожее не то на ковчег, не то на крытую галерею. Один конец сооружения был тупо срезан, как корма корабля. Другой был заострен и приподнят, на нем виднелось грубо вырезанное изображение страшной морды с разинутым зубастым ртом.

Марков зачерпнул снегу и потер лоб и щеки. Он был без шапки и без ватника, ружье куда-то пропало. Человек, стоявший рядом, повернулся к Маркову и что-то сказал, зябко шевеля губами. Вид у него был дикий и свирепый — широкое скуластое лицо, расписанное желтыми зигзагами, щетинистые жесткие волосы, большие злые глаза. Видно было, что он сильно замерз и челюсти у него сводит от холода.

— Что вам надо? — сказал Марков. — Кто вы такие?

Человек снова сказал что-то злым гортанным голосом, затем ткнул Маркова копьём. Копьё было тяжелое, отполированное, без наконечника. Марков с трудом встал на ноги. Его сразу затошнило, закружилась голова. Человек снова выкрикнул несколько слов и снова ткнул его копьём, не сильно, но очень решительно. Марков, стараясь выиграть время, пока перестанет мутить, послушно пошел вперед, а человек двинулся за ним по пятам, время от времени постукивая его копьём то справа, то слева, указывая направление. Он гнал Маркова, как вола, а Марков чувствовал себя совершенно разбитым и никак не мог собраться с мыслями. Отчаянно болела голова. Остальные люди на поляне почти не обращали на них внимания.

Возле галеры Марков остановился и, повернувшись, посмотрел на своего погонщика. Тот что-то проорал, погрозил копьём и отошел в сторону. Тут все на поляне разразилось отчаянным воем, страшным визгом заверещала свинья, и Марков увидел, как ее, здоровенную, откормленную, волокут трое размалеванных с весело оскаленными черными зубами. Свинью подтащили к борту галеры, с уханьем подняли на руках и перевалили в узкую щель, которую Марков сначала не заметил. Люди на поляне перестали орать и размахивать копьёями, сгрудились в толпу и тоже подошли к галере. Марков поймал себя на том, что пытается сосчитать их. Он насчитал три десятка маленьких размалеванных и еще четырех рослых, толстых людей с серой кожей. Почти все они были голые, только два или три маленьких человека кутались в какие-то облезлые шкуры. С рослыми обращались неуважительно: на них замахивались, кричали, то и дело подбегали к ним и толкали или пинали ногами, а те только, жмурясь, прикрывали лица и шли, куда их толкают. Это было тем более странно, что они как на подбор были здоровенные мужчины с огромными мускулами...

Гвалт стоял, как на вокзале во время эвакуации. Голова Маркова раскалывалась на части, так что он даже плохо видел. Он ощупал темя — там была огромная мягкая шишка, а волосы слиплись и смерзлись.

Серокожих рослых постепенно подогнали к галере и выстроили в ряд возле Маркова, и это ему очень не понравилось, тем более что десяток маленьких копейщиков столпились напротив них в нескольких шагах, крича друг на друга и тыча пальцами в Маркова и в рослых. Марков поглядел на своих соседей. Видимо, все это им тоже не нравилось, но вид у них был забитый и удрученный, так что надеяться на них не приходилось. Тут Марков обнаружил свой ватник. Он был на одном из маленьких, пожалуй, на самом маленьком и размалеванном с головы до ног. Этот малыш кричал больше всех, яростно подпрыгивал, замахивался на других и пихался. Его слушались, но не очень. В конце концов он ударил кого-то древком по голове, подбежал к рослым, схватил одного за руку и потащил за собой. Тот слабо упирался, тихонько скуля. Все завопили, но потом разом смолкли и уставились на Маркова. Малыш в ватнике бросил рослого, подскочил к Маркову и схватил его за рукав. Марков рванулся и высвободился. Все заговорили, замахали руками и неожиданно полезли в галеру. У Маркова отлегло от сердца. Трое рослых забрались последними, с трудом протиснувшись в узкую щель.

Поляна опустела. Около галеры остались только малыш в ватнике, выбранный им рослый, стоявший понуро в тихом отчаянии, и Марков. Малыш обежал галеру кругом, посмотрел на небо, окинул взглядом поляну и верхушки деревьев и вдруг заорал диким голосом, уставив копьё в грудь рослому. Тот стал пятиться, уперся спиной в борт, не сводя глаз с копья, а малыш все наступал на него, оттесняя к корме. Марков тоже попятился к корме. За кормой все остановились, и малыш снова принялся прыгать, бесноваться и орать во все горло. Марков никак не мог понять, чего он хочет.

— Чего ты орешь? — спросил он.

Малыш заорал еще громче. Марков оглянулся на рослого. Рослый, расставив ноги, всем телом давил на широкую серую стену, нависавшую над ними. Видимо, он пытался сдвинуть с места всю галеру, и это показалось Маркову таким же бессмысленным, как если бы он пытался передвинуть двухэтажный дом. Но рослый не видел в этом ничего бессмысленного: он натужно кричал, упираясь в корму грудью и напряженными руками. От него шел вонючий пар. Тогда Марков тоже уперся в корму.

Корма возвышалась над головами метра на три. На ощупь она была не деревянной, скорее, она была сделана из какого-то минерала, серого, пористого, покрытого темными потеками. Малыш уперся копьём и тоже навалился. Все трое пыхтели от напряжения, толкая и упираясь, словно вытаскивали из грязи буксующую машину, и Марков хотел уже бросить эту дурацкую затею, как вдруг почувствовал, что корма подается. Он не поверил себе. Но корма подавалась, она уходила от него, и ему пришлось переступить, чтобы не упасть. У него было такое ощущение, словно он сталкивал в воду тяжелый плот. Малыш принял копьё и крикнул. Рослый остановился. Марков еще раз переступил и тоже остановился.

Это было необычайное зрелище: огромная неуклюжая галера медленно ползла на брюхе по снегу, и воздух наполнился скрипом и скрежетом. Рослый, косясь на малыша, стал медленно обходить корму. Малыш прикрикнул на него и ударил Маркова древком по плечу. Марков отскочил и развернулся. Малыш тоже отскочил и выставил перед собой копьё. Движения у него были стремительные и хищные. А рослый вдруг перестал красться и со всех ног пустился бежать за уползающей галерой. Галера ползла все быстрее.

Тогда малыш прыгнул в сторону и, обогнув Маркова, тоже помчался вслед за галерой. Марков все еще не понимал, что происходит. Галера увеличивала скорость. Малыш обогнал рослого, подпрыгнул и ухватился за края щели. Навстречу ему протянулись руки, его схватили за волосы, за руки, под мышки и потянули внутрь. Рослый взвизгнул, рванулся и ухватился за его ноги. Малыш ужасно заорал и выронил копьё.

Галера уже не ползла, она скользила по воздуху, и скорость ее стремительно росла. С шумом рухнуло дерево, стоявшее на пути. Марков смотрел вслед. Это было жутко и грандиозно: огромное неуклюжее сооружение, грубое и угловатое, уходило в небо, все круче задирая нос. Некоторое время ноги рослого еще болтались в воздухе, затем его тоже, видимо, втянули в щель. Галера свечой уходила к тучам. Марков услышал ревуший свист, словно летел реактивный самолет, и она скрылась. Рев затих, и Марков остался один.

Он обвел глазами поляну. Растоптанный снег, красные пятна на снегу, широкий прямой овраг до самой земли... Он пощупал темя. Было очень больно, и он застонал. Надо было добираться до жилья, а он не знал, где находится, и даже не пытался сориентироваться, так у него все перемешалось в голове.

Пошел снег, стало темнее. Держась за голову и постанывая на каждом шагу, Марков побрел вдоль борозды, оставленной галерой. Он набрел на копьё, брошенное малышом, и поднял его, пытаясь рассмотреть, хотя глаза у него застилало от боли слезами. Копьё было тяжелое, черное, шершавое. Опираясь на него, Марков пошел дальше. Снег падал все гуще, и все сильнее болела голова, и скоро Марков перестал соображать, куда он идет и зачем.

Пал Палыч с шумом допил чай из блюдца, подставил свою огромную расписную чашку под самовар и, повернув краник, смотрел, как закрученной струйкой бежит кипяток.

— Викинги, говоришь... — сказал он негромко.

Бабка Марья стучала топором, колола лучину для растопки. В доме было тепло, разбитое окошко заткнули тулупом. Марков сидел за столом, подперев рукой забинтованную голову.

— Плохо, брат, — сказал Пал Палыч. — Я как вернулся, увидел твой рюкзак, сразу подумал — плохо...

— Почему же плохо? — слабым голосом сказал Марков. — Наоборот! Открытие, Пал Палыч! Открытие!

— Н-да-а, — неопределенно прогудел Пал Палыч, отводя глаза и наливая себе чаю в блюдце.

— Я думаю так, — продолжал Марков слабым голосом. — Прилетали они издалека, не знаю откуда, но есть у них там, наверное, дерево или какой-нибудь минерал с особенными свойствами. Что-то у них с инерцией не в порядке... И стали они строить летающие корабли, смелые черти!.. — Он сморщился от тошноты.

Пал Палыч со стуком поставил блюдце на стол.

— Как это у тебя получается, Олег Петрович? — сказал он. — Не знаю, не знаю... Дикари голые, по воздуху летают и, значит, свиней воруют... Неувязочка! Брось ты про это думать, Олег Петрович. Выпей-ка ты еще чайку с малинкой. Водки я тебе, пожалуй, больше не дам, пусть голова заживет, а чаек пей. Боюсь, не прохватило бы тебя...

Марков переждал, пока прошла тошнота.

— Надо немедленно сообщить в Москву, — сказал он. — Прямо в Академию наук. А что касается голых дикарей... Сто тысяч лет назад, Пал Палыч, наши предки, такие же вот дикари, сколотили первый плот и поплыли на нем вдоль берега. Они тоже не знали, почему плот плавает, почему дерево не тонет. Сто тысяч лет оставалось до Архимеда, да что там — многие не знают этого и сейчас. А предки плавали, строили плоты, потом лодки и — плавали! Ведь закон Архимеда понадобился только для тех, кто строил железные корабли, а деревянные прекрасно плавали и без закона. Так и эти... Им наплевать, почему этот материал летает по воздуху. Построили корабль, набились в него и пошли добычи искать.

— Н-да, — сказал Пал Палыч. — Ты, Олег, вот что... Не хотел я тебе говорить, да, видно, надо сказать. Бред это у тебя. Померещилось тебе.

Марков непонимающе уставился на него.

— Как это — бред?

— Да так вот. Лесиной тебя оглушило. В беспамятстве ты все с себя посрывал, в одной тельняшке по лесу бродил. Ружье где-то бросил, так я его и не нашел...

— Постой, постой, Пал Палыч, — сказал Марков. — А дом пустой как же? А кровь на снегу? А следы?.. Окно выбито, все двери открыты... И кот Муркот...

Пал Палыч крикнул и почесал в затылке.

— Надо же, — сказал он, глядя веселыми глазами. — Как это у тебя все переделалось!.. Свинью я колол, Олег, свинью!.. А она у меня вырвалась и — с ножом — через двор да в лес! Я за ней, поскользнулся — в стекло въехал локтем!.. Понял? Трезора с цепи спустил, мать выскочила, тоже за свиньей побежала... Ведь верно, мать?

— Что это ты? — сказала бабка Марья.

— Свинью, говорю, колол! — заревел Пал Палыч.

— А?

— Свинью, говорю!

— Нет уж ее, — сказала бабка, качая головой. — Нет уж свинки...

— Ничего не понимаю, — сказал Марков.

— А тут и понимать нечего, — сказал Пал Палыч. — Академии наук тут не нужно. Вернулся я со свиньей, гляжу — твой рюкзак. Я по следу. Нашел сначала место, где тебя пришибло. Потом лыжи нашел. А потом уже к вечеру гляжу — сам идешь, за деревья держишься. Я было подумал, что обобрали тебя...

— Где это было? — спросил Марков.

— А километрах в пяти к северу, где мы с тобой в прошлом году зайца гоняли.

Марков помолчал, пытаясь вспомнить.

— А копьё? — спросил он. — Было при мне копьё?

Пал Палыч посмотрел на него, словно раздумывая.

— Ничего при тебе не было, — сказал он решительно. — Ни копья, ни ватника. Так что брось ты это, забудь...

Марков медленно закрыл глаза. Голова, успокоившаяся было, снова начала болеть. «А может, и правда — бред», — подумал он.

— Пал Палыч, — сказал он, — дай-ка ты мне еще водки. Боюсь, не засну теперь.

— Болит? — спросил Пал Палыч.

— Болит, — сказал Марков.

Летучий корабль... Летучие викинги... Не бывает такого и быть не может... Первые люди на первом плоту... Чепуха, поэзия.

Он медленно вытянул стакан водки и кряхтя перебрался на лавку, где ему постелили.

Когда он заснул, Пал Палыч, накинув полушубок, прихватил инструмент и вышел во двор прилаживать дверцу курятника. За ночь снегопад кончился, солнце было яркое, снег во дворе сверкал девственной белизной. Пал Палыч работал со злостью и два раза стукнул себя молотком по большому пальцу, так что из-под ногтя выступила кровь. К нему подошла мать, пригорюнилась, подперла щеку рукой.

— Курей-то опять заводите будем, Пашенька? — сказала она.

— Заведем, — угрюмо ответил Пал Палыч. — И курей заведем, и свинью. Не впервой. У Москаленковых щенок хороший есть — надо взять... — Он встал и принялся отряхивать снег с колен.

— Чисто немцы — энти-то, — сказала бабка, всхлипнув.

— При немцах ты б в погребке не отсиделась, — сказал Пал Палыч. — Да и мне бы не уйти... Ты вот что, мать... Ты об этом никому ни слова, и особенно про палку, что я принес, а ты сожгла!..

— Да я же не знала, Пашенька!.. Палка и палка!

— Ладно — сожгла и сожгла. А рассказывать все равно не надо. До Олега Петровича дойдет — очень обидится, а я его обижать не хочу. А чтобы он на тебя сердился, тоже не хочу. Поняла?

— Да поняла, — сказала бабка.

Пал Палыч поднял инструмент.

— А палка-то, — сказала бабка. — Ох и красиво же она горела, эта палка! И красным, и синеньким, и зеленым — ну чисто изумруд!.. А кто ж это были, Пашенька? Неужели опять немцы?

— Викинги! — сказал Пал Палыч сердито. — Викинги это были, дикие, понятно?..

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий **К вопросу о циклотации**

Я обрабатывал дневники за складным столиком. День был жаркий, и я сидел в ватных штанах и сапогах, но голый по пояс.

Этот человек вышел из-за палатки и остановился в нерешительности, поглядывая на меня исподлобья. Я не очень удивился, то есть не удивился его появлению. К нам иногда заходили гости: чабаны, молчаливые деликатные люди; туристы, изможденные, как солдаты на походе; местное начальство, верхами, на громадных лошадях. Но таких посетителей я еще никогда здесь не видел. Он явно не был ни балкарцем, ни кабардинцем, ни карачаевцем. Внешность у него была чисто русская, более того, сугубо городская: бледные щеки, модная прическа, хорошо вымытые руки. И одет он был странно — в отличный современный костюм и остроносые туфли. Это в ста километрах от ближайшего города, в мокрых горах, где дороги грязны и разбиты.

Он не поздоровался. Он просто спросил:

— А вы что делаете?

Было такое впечатление, будто он только что задавал этот вопрос другим людям.

— Работаю, — ответил я немного растерянно. Я подумал, что он, может быть, приехал инспектировать нашу точку.

— Я понимаю, что вы работаете, — сказал он. — Я хотел спросить: над чем работаете? Чем занимаетесь?

— Над чем работаю?.. А в чем дело?

— Я просто так... — Он огляделся. — Мне интересно... Вот палатки тут у вас... А это что такое?

— Это? Это телескоп. Называется — ТЭМ-140.

— Тэм сто сорок... — повторил он тихо.

— Телескоп экспедиционный менисковый, — пояснил я. — Диаметр объектива — сто сорок миллиметров.

— Миллиметров... — Он поднял брови. — Объектив...

Да кто он такой, в самом деле, подумал я. Чего ему надо?

Я спросил:

— Вы не с базы?

— База... Нет, я не с базы... А почему он под чехлом?

— Чтобы солнце не раскаляло. Вы не турист?

Он замялся.

— Пожалуй, меня можно назвать туристом. А что вы с ним делаете?

— С кем? Ах, с телескопом?.. Ну что делают с телескопом? Мы наблюдаем.

— Что наблюдаете?

— Качество изображений.

— Качество... — Он опять поднял брови. — Ну и что же?

— Слушайте... — начал я решительно и замялся. Я хотел объяснить ему, что занят и вообще не могу говорить на произвольные темы с незнакомым человеком, но мне вдруг стало неловко, было что-то детское в его вопросах, не похожее на праздное любопытство.

Он глядел на меня испуганными круглыми глазами.

— Присаживайтесь, — сказал я. — Хотите чаю?

Он помотал головой:

— Нет, я не хочу чаю. Но я сяду.

Он поднял с земли складной стул, нерешительно повертел его в руках, раскрыл и осторожно сел. Мы помолчали.

— Я вижу, вы не местный, — сказал я.

— Н-нет...

— Издалека?

— Из центра, — сказал он.

— Из центра? Из какого центра?

— Из центрального, — сказал он простодушно. — Я прибыл из города.

— Что же вы, по воздуху летели? — спросил я подозрительно.

— Н-нет... А что?

— Пешком? Слишком уж у вас чистые туфли.

— Как... чистые? — Он покраснел и задвигал ногами. — Ну и что же, что чистые?

— Ну, знаете... — сказал я и вытянул свои ноги в сапогах. Сапоги имели довольно обычный для этих мест вид. — Вот, полюбуйте.

— Ах вы это имеете в виду? — сказал он, вдруг просяв. — Но у меня тоже так!

С этого момента все и началось. Оказалось, что на нем тоже сапоги — огромные сапоги, заляпанные черной грязью. Я испытал что-то вроде удара, когда это увидел. Я подумал, что либо сплю сейчас, либо спал, когда он появился.

— Все это не имеет значения, — сказал он успокоительно. — Я только хочу понять, что у вас к чему...

— Как вы это сделали? — спросил я, облизывая губы.

— Совершенно не имеет значения, — сказал он нетерпеливо. — Это лишь фокус.

— Вы что — фокусник?

— Да, я фокусник. Это фокус. Или, например, вот... — Он вытянул ладонь, и на ней появилась монетка, затем он повернул ладонь, и монетка исчезла. — Всего лишь фокус, — повторил он.

— Очень интересно, — проговорил я. — Всегда мечтал побеседовать с фокусником.

Честно говоря, я уже тогда понимал, что он не фокусник, но уж так мы устроены, что стараемся все необычное немедленно втиснуть в рамки привычных представлений. Век рационализма, ничего не поделаешь...

— А я мечтал побеседовать с ученым, — сказал он. — Ведь вы ученый?

— Д-да... Вернее, научный сотрудник.

— Это не одно и то же?

— Не всегда.

— Не всегда... Ну хорошо, пусть не всегда... А как вы стали ученым?

— Станный вопрос... Учился, читал, работал...

— Я неправильно спросил. Я хотел спросить — почему?

— Что?

— Ну, чем вы занимаетесь? Кто вы?

— Астроном.

— Астроном... А зачем?

— Что — зачем? Зачем я астроном?

— Да.

— А зачем вы фокусник?

— Я... Я другое дело.

— Почему это вы — другое дело?

Он нетерпеливо заерзал.

— Я хочу задать вам несколько вопросов, — сказал он. — Можно?

— Можно. Вы и так только и делаете, что задаете вопросы, а я не могу понять, что вам нужно.

На лице его изобразились растерянность и досада, словно он был недоволен собой.

— Да, конечно... Я понимаю. Вы не сердитесь. Я никак не могу... В общем, так. Давайте я начну так. Что вот это все? — Он обвел рукой вокруг.

— О чем это вы?

— Вот это все... Вы, палатки, телескоп.

— Это экспедиция, — сказал я. — Мы ищем место для установки нового большого телескопа.

— Зачем?

К таким вопросам я привык.

— Телескоп дорогой. Его надо поставить в таком месте, где хороша прозрачность, редко бывают облака, спокойная атмосфера. Чтобы каждую ночь можно было на нем наблюдать. Чтобы он окупил себя, понимаете? Чтобы не простаивал и давал хорошие снимки. — Он напряженно слушал, приоткрыв рот. — Это то же самое, как если строят металлургический завод. На пустом месте его не строят. Сначала стараются разведать мощное месторождение, проверяют, надолго ли хватит запасов руды... Понимаете?

— Понимаю, — сказал он. — А зачем?

— Что — зачем?!

— Нет... это я так... Давайте еще что-нибудь про телескопы.

— Про телескоп я уже все рассказал. Вот по всей стране разослали экспедиции. Мы наблюдаем звезды, оцениваем в числах качество изображения. Набираем материал за много дней, а потом будем сравнивать, где оно лучше, где хуже. В том месте, где изображения самые хорошие, где самый большой процент ясных ночей, там поставят большой телескоп.

Он слушал внимательно, но у меня было такое чувство, будто его интересует что-то совсем другое.

— Понятно? — спросил я.

— Да. Я только не понимаю, зачем это вам?

— Ну как — зачем? Мы астрономы. Мы исследуем космос...

И тут он словно взорвался.

— Зачем вам космос?! — закричал он. Лицо его перекошилось и пошло пятнами. — Зачем вам все это: космос, телескопы, заводы, овцы?! Вы обречены, понимаете? Разложение... распад... рассинхронизация! — Он выкрикнул несколько странных, совершенно незнакомых мне слов, похожих на научные термины. Я запомнил только одно — что-то похожее на «циклотацию». — Что произошло здесь у вас? Как произошло здесь у вас? Как случилось, что вы стали узнавать, и менять, и исследовать... Объектив! Миллиметр!.. Можно понять — дома. Пусть овцы... Усложнение потребностей. Развитие специализации клеточных колоний... Но космос! Но спутники! И ваша история!.. И вы знаете, помните, и никто понятия не имеет о циклотации!.. Сложнейшая общественная жизнь, политика, войны, расы и племена!.. Интересы, интересы, интересы!.. Человеческие, космические!.. И ваше солнце! Вы сгустили его! И это в условиях социальной неразберихи!.. И непонятно, непонятно...

Он дрожал и чуть не плакал.

— Я ничего не узнаю здесь... Я хотел совсем другого... Задача ставилась так ограниченно: двухступенчатая циклотация с трехмерным выходом... Некоторое укрупнение клеток. Допускаю. Пусть простейшие, пусть даже растения, зеленый цикл... Хотя не понимаю, почему хлорофилл при светиле такого класса?.. Ну кто мог предвидеть такую эволюцию на базе псевдожизни!..

Я сходил в палатку и принес чайник с холодным чаем. Мне было страшновато. Я не врач и никогда не видел таких сцен. Что-то неприятно извращенное чудилось мне в его словах, в его бреде, в его нервной дрожи. И в то же время я ощущал: все это каким-то образом касается меня лично и всех нас вообще.

— Выпейте-ка, — сказал я по возможности спокойно, наливая чай в чашку.

Он непонимающе уставился на меня.

— Зачем?

— Все бы вам знать — зачем, зачем... Выпейте, успокойтесь.

Он резко отвел мою руку с чашкой.

— Не успокоит это меня, — сказал он с досадой, но уже спокойнее. — Почему вы все такие смешные — успокойтесь, успокойтесь... Я вас должен успокаивать, а не вы меня. Вы понимаете, что вас ждет?

— Кого? — спросил я. — Меня?

— И вас, может быть... Хотя нет, вас — нет. Слишком рано. Но всех остальных, которые будут потом... Диссипация... — Он замолчал, выкатив глаза. — Страшно представить, — пробормотал он. — Все в один день. Сначала старики, потом молодые... Дети останутся среди мертвых, рассыпающихся в порошок... — Его передернуло.

Я, холодея, ждал. Вы представить себе не можете, как страшно и неприятно было на него смотреть. Хорошо одетый, симпатичный человек, с приятным лицом, и вдруг глаза начинают поблескивать и косить, рот передергивается, и несется бред, полный глубокой трагической убежденности.

— Послушайте, — снова начал он, — скажите честно... только не обижайтесь и не думайте, что это глупая шутка... мне совсем не до шуток. Так вот... только честно! У вас никогда не появляется потребность... как бы это объяснить... Словом, вам никогда не хочется войти в воду и делать вот так?

Он стал как-то странно раскачиваться, делая забавные, но очень сложные движения руками и головой. На первый взгляд эти движения были совершенно нелепы, но они не казались ничемными, в них чувствовалась какая-то целеустремленность, что-то они мне напоминали, то ли движения какого-то механизма, то ли чьи-то профессиональные жесты — массажиста, фокусника, гипнотизера... В них ощущалась некая «нужность», это не были движения «просто так». Это были движения «зачем-то». Я следил за ним как зачарованный. Он перестал и посмотрел на меня.

— Нет? Никогда не хотелось?

Я почесал в затылке.

— Знаете, говоря честно — нет. Хотя они что-то мне напоминают, эти ваши эволюции. Не могу только припомнить — что.

Он горестно покивал.

— Да. Понимаю вас. Этого и следовало ожидать.

Он замолчал и глубоко задумался. Я тоже молчал, глядя на него. Я все пытался понять, что это значит, кто он такой и что мне с ним делать, если это все-таки сумасшедший. Все-таки больше всего он был похож на сумасшедшего.

— Это и есть циклотация, — сказал он наконец тихо. — Не сама циклотация, но кинематический ритм. Для циклотации здесь нет материала, и поэтому выход мал. Да вы и не заметили бы его. Выход происходит в другом темпе времени... Скажите, а слово «циклотация»... Впрочем, я говорю чушь.

— Вы хотите спросить, знакомо ли мне слово «циклотация»?

— Да... Но это чушь. Откуда вам его знать? Это я сказал пустяк.

— Я должен вам сказать, что... «цикл» — это распространенное слово, и поэтому...

— Нет, нет, не будем об этом. Это пустяк... Еще один вопрос. Последний. Самый последний. Вы астроном, да?

Я кивнул.

— Правильно я понимаю, что вас интересуют физические процессы, происходящие в масштабах весьма больших сравнительно с планетной единицей длины?

— В общем, да.

— Строение звезд, строение звездных систем?..

— Да... галактики, Метагалактика... космогония, космология...

— Так. Тогда вопрос. Только честно. Вы... Вас... Вот вас лично это действительно увлекает? Вас эти проблемы действительно побуждают к деятельности?

— В общем, да. Несомненно. Все это чрезвычайно увлекательно.

— Увлекательно... А вы никогда не спрашивали себя: зачем? Зачем это вам, собственно, надо? Почему просто не существовать — питаться, размножаться, оберегать себя и потомство?

Теперь он говорил совершенно спокойно и рассудительно. Такой вопрос, по-моему, рано или поздно приходит в голову практически любому человеку. Мне он тоже приходил. И много раз мне приходилось спорить на эту тему. Я сказал:

— Все это не просто. Дело, вероятно, в том, что человек основательно отличается от животных. Ему органически присуща потребность в избыточной информации: инстинкт познания. Вопрос «зачем» не имеет смысла. Познание — это необходимость. Это свойство мощной нервной организации. Это не зависит от нашего «я». Это нам присуще так же, как собаке — отличный нюх, а птице — отличное зрение... Я, наверное, недостаточно четко выражаюсь?

— Нет. Достаточно. Я понимаю. К сожалению, я все отлично понимаю. — Он, помрачнев, откинулся на спинку стула. — Я понимаю главное: как-то, почему-то, каким-то страшным попушением вы стали носителями разума.

— Кто — мы?

— Вы. Все.

— А вы?

— Я — другое дело, — сказал он устало. — Я, собственно, преступник. А точнее — я просто неудачник. Я не сумел. Может быть, ошиблась машина. Может быть, какая-то логическая прореха. Все это выяснится. Все это выяснится очень скоро... только, пожалуй, слишком поздно...

— Простите, — сказал я, решившись, — а что, собственно, произошло? Что это с вами?

Он печально рассматривал меня своими красивыми серыми глазами. Не могло быть у сумасшедшего таких глаз. Стоило ему стать таким — спокойным и печальным, как я начинал ему верить. Это от меня не зависело.

— Да, естественно, — сказал он. — Вы хотите понять. Вы — не циклотатор, вам хочется разобраться во всем. — Он подался вперед и положил ладонь на мою руку. — Человек, — сказал он. — Хорошо! Если бы не точка останова, все было бы великолепно. Это была бы счастливая ошибка. Но!..

Я ждал. Он убрал руку и продолжал:

— Коротко говоря, все вы были задуманы как циклотаторы. Это такие машины, вы не поймете... Два миллиарда ваших лет назад я забросил сюда кое-какое оборудование и поселился на берегу горячего океана. Я разрабатывал тогда новый вид циклотации, более экономичный и требующий минимальных сроков. Я был совершенно уверен в себе. Все было отлично. Двое суток — наших суток — я непрерывно работал. Потом меня буквально на час вызвали в лабораторию. Это было пятьдесят миллионов ваших лет назад. И за какой-то час... — Он покачал головой. — В чем-то я просчитался. Может быть, недостаточно учел геологическую эволюцию. Циклотаторы не получились. — Он вдруг остановился. — Скажите, возможно, вы случайно знаете, хотя вы не специалист... Но все-таки, в вашем организме, внутри, нет ли чего-нибудь такого, что вызывало бы недоумение, казалось бы нецелесообразным. Вы понимаете?

Я пожал плечами, стараясь сохранить непринужденность. Прежде всего спокойствие и вежливость. Все хорошо, все культурно: два интеллигентных молодых человека рассуждают на абстрактные темы.

— Право, я не знаю, — сказал я. — Есть рудиментарные органы, атавизмы. Например, аппендикс, отросток слепой кишки. Совершенно никчемная вещь. Или, скажем, гланды. Хотя гланды, кажется, это какой-то фильтр...

— Аппендикс, — повторил он. — Что ж, возможно. Правда, я не совсем понимаю... Покажите, где он у вас.

Я показал. Он задумчиво смотрел на мой живот.

— Конечно, следовало бы посмотреть... — Эге, подумал я, подобравшись. Начинается. — Но, судя по всему... Может быть, в этом все дело. Впрочем, какая теперь разница! Циклотаторы не получились. Из псевдозародышей выросло нечто непредсказанное, эволюция отклонилась от программы и дала человека...

— Что ж, — вставил я. — И прекрасно.

— Да. — Он печально вздохнул. — Это было бы прекрасно, если бы я не спрограммировал точку останова. Ведь циклотаторы — это прикладные механизмы. Пока циклотация идет — они нужны, когда циклотация заканчивается, включается останов и... — Он замолчал.

Я тоже молчал, думая, как бы перевести разговор на другую тему. На западном склоне появилась отара. Впереди отары, опираясь на длинную полированную палку, шел Магомет — покурить и выпить чаю. Я плохо представлял себе, как он будет реагировать на странные высказывания моего незнакомца. Мне не хотелось осложнений. Магомет — человек простой, добрый, но диковатый.

— Лучше бы вообще ничего не получилось, — сказал незнакомец. — Циклотаторы бы не сработали, эксперимент бы провалился, и пусть его... А получилось, что я вызвал к существованию разумную жизнь и сам же спрограммировал ее уничтожение в предельно короткие сроки... Какие-нибудь десять-двадцать тысяч локальных лет.

— Н-да, — сказал я неопределенно.

Магомет приближался.

— В разгар развития, — сказал незнакомец. — Когда кажется, что вся вселенная в твоих руках... — Его опять передернуло.

Магомет помахал мне издали палкой. Я помахал в ответ.

— Ну что ж, я пойду, — сказал незнакомец. — Простите меня. Я, конечно, попытаюсь что-нибудь сделать...

— Ну что вы, — сказал я рассеянно. — Не стоит беспокоиться. Как-нибудь обойдется.

Он усмехнулся.

— До свидания, — сказал он.

— Будьте здоровы, — сказал я.

Я ожидал, что он встанет и пойдет. Но произошло нечто удивительное. Почтище фокуса с туфлями. Повторяю, я ожидал, что он поднимется, раскланяется и пойдет себе своей дорогой. Но он вдруг как-то провис в стуле, руки упали, глаза стали стеклянными, плечи опустились. Я с ужасом смотрел на него. Это был уже не человек, это был труп — белый, холодный, жуткий... Он медленно кренился набок, и я уже вскочил, чтобы его подхватить, как вдруг он снова ожил, встряхнулся и сказал смущенно:

— Простите, чуть облик не забыл. До свидания еще раз.

Он поднялся и, поклонившись, пошел по дорожке, которую мы наездили за месяц и обложили камешками, чтобы не заблудиться, возвращаясь в лагерь в тумане. Я смотрел ему вслед.

Я часто вспоминал этот разговор. На дежурстве ночью, когда небо затянуто облаками и надо следить за ними и пользоваться каждым часом прояснения, я забирался в

наш газик, устраивался поудобнее на сиденье и думал, думал, думал, глядя, как ветер несет над палатками клочья серого, светлого в темноте тумана.

Должен признаться, я убежден, что это был не сумасшедший фокусник. Не так уж много на свете фокусников, а уж встретить сумасшедшего фокусника, да еще в этих местах, да еще такого искусника... По-видимому, самое рационалистическое объяснение оказывается не самым вероятным. С другой стороны, я очень люблю фантастику и много читал о пришельцах из других миров. А когда прочтешь сорок рассказов, где описаны сорок вариантов встреч с гонцами иных цивилизаций, в конце концов свыкаешься с мыслью о том, что это вполне возможно. И вообще дело не в том, кто был мой незнакомец. Можно рассматривать оба варианта по очереди, как это делают в математике, если не удастся доказать ложность или справедливость каких-либо утверждений. Пусть, например, он был просто сумасшедшим. Тогда, конечно, не следует делать далеко идущих выводов из нашего разговора, однако подумать о том, что он говорил, все равно интересно. И тем более это интересно, если он был пришельцем, чуждым Земле существом, использовавшим человеческую внешность как видимую оболочку.

Как бы то ни было, я усматриваю тут две основные проблемы. Может ли случиться так, что мы с вами — потомки искусственных существ? И не только мы с вами, но и вся живая природа вокруг? И — фантазировать так фантазировать — не может ли быть и вся Солнечная система искусственным сооружением? В конце концов науке до сих пор не удалось толком объяснить, как она возникла. И вторая проблема. Как относиться к тому возможному факту, что нас изготовили лишь на некоторый срок, и мы развалимся со временем, как приходят в негодность изготавливаемые нами автомобили, брюки, дома? Аналогия эта, правда, не совсем удачная. Брюки и автомобили приходят в негодность от естественных причин, а тут речь идет об автоматическом запрограммированном самораспаде. Как если бы мы умели создавать такие строительные аппараты, которые, возведя стены и перекрытия дома, крышу стелили бы, используя материал собственных деталей.

Мое мнение по этим проблемам вот какое. Во-первых, все это вполне возможно. Мы сами постепенно подбираемся к решению таких задач, как создание искусственного живого белка и могучих кибернетических устройств. Не пройдет и ста лет, как белковые кибернетические машины сделаются самой обыденной вещью, лишь бы оказалось, что они экономичны и удобны в обращении. С другой стороны, по-моему, все, что человек может себе представить, уже существовало или существует сейчас. Существует, наверное, и такое, что находится принципиально вне человеческих представлений, по крайней мере пока. Вселенная бесконечна не только в Пространстве и Времени, но и в разнообразии своем.

Мне могут приклеить ярлык: «Идеалист!» Ведь этак можно, мол, доказать и существование господ бога. Раз представляю, мол, бога, значит он существует. Я на это отвечаю: «Ой ли? Представляете ли? Если, по-вашему, это нечто, управляющее бытием, то это просто законы природы, и ничего с этими законами природы не произойдет дурного от того, что вы их назовете богом или паровозом, а не объективной закономерностью. А если под богом вы понимаете смиренного мужчину, бредущего по морю, яко по суху, то необычные поступки этого человека можно объяснить тем, что он очень изобретателен и знает гораздо больше нас с вами, столько, сколько мы будем знать лет через сто, а может быть, и раньше».

Я заговорил о боге неслучайно. Наверняка найдется гражданин, который с примитивной едкостью заявит: «Ах, так вы верите в возможность искусственного создания нашей Земли и нас с вами? Интересно у вас это получается! Библия, выходит, по-вашему, права, а материализм вы, молодой человек, коту под хвост отправляете?» Между прочим, хотя сам этот гражданин в бога не верит, рефлекс его на искусственное происхождение чисто автоматический. Больше всего на свете он боится, как бы такое предположение не привело его сограждан в объятия православной, мусульманской или

иных церквей. Есть у нас такие граждане, рассматривающие достижения науки с точки зрения юродивых, истовых бабок и князей всех религий. Когда их слушали, то запрещали красное смещение, космологию, кибернетику, экспериментальную биологию и многое другое. Потому что при желании все на свете, а особенно принципиально новое и не столь доступное, как дважды два четыре, можно объяснить божественным волеизъявлением. И никак эти граждане не могут понять, что всякая такая идея возвышает реального человека и ослабляет позиции гипотетического бога, ибо поднимает человека до уровня бога — всемогущего и всевластного, так что богу места просто не остается. И я думаю, все, даже самое сверхфантастическое, возвышает человека и зачеркивает бога, потому что придумано человеком на основе созданного человеком и в конечном счете пойдет на пользу человека. Так что искусственное происхождение человека — идея вполне допустимая, трудно только ее доказать, а если человек возник естественным путем, то и невозможно.

Легко себе представить и еще одно осложнение: многим ужасно не хотелось бы иметь искусственных предков. Не знаю, почему. Вероятно, это отрыжка тех времен, когда человеку казалась кощунственной мысль о родстве с обезьяной. Я, например, не вижу особенной разницы: ведем мы свое происхождение от комочка живой слизи, которая возникла в первобытном океане естественным путем, или этот комочек забросили в горячую воду чьи-то умелые, знающие руки (или даже щупальца). Щупальца мне даже интереснее, ведь это обещало бы, что и я смогу сделать когда-нибудь то же самое. А из естественного происхождения такой вывод прямо не следует. Однако спорить с бывшими ревностными противниками обезьяньего происхождения совсем уже невозможно, потому что аргументация их не логическая, а эмоциональная: не может быть, потому что мне это не нравится. И вообще не может быть. Чтобы я позволил, чтобы меня кто-нибудь слепил?! Да ни за что! Не желаю.

В общем, я не вижу ничего невозможного в том, что мой незнакомец действительно сотни миллионов веков назад поставил некий эксперимент на нашей планете, и в результате неожиданно для экспериментатора на Земле возникла живая природа и, в частности, мы с вами.

Хуже, если он и в самом деле запрограммировал точку останова. Действительно, ни с того ни с сего погибнуть в зените могущества — это для человечества как-то... Но! Прежде всего, коль скоро уж он один раз ошибся, то может ошибиться и второй раз, и программа точки останова не сработает так же, как не сработала программа, управляющая циклотацией. Далее. Впереди у нас, судя по его словам, еще не менее десяти тысяч лет. Можно легко предположить, что за этот срок мы уж как-нибудь научимся справляться и с точками останова, и с другими, более реальными неприятностями. Человек вообще производит впечатление довольно жизнеспособного вида.

А потом, вы знаете, я несколько раз перебирал в памяти весь наш разговор. Не знаю, заметили ли вы... Помните, он говорил что-то о том, будто мы как-то изменили наше Солнце, сгустили его, как он выразился. Для него, видимо, сгустить Солнце — не проблема. Он заметил, что Солнце не то, что было в его время, и решил, что мы изменили его по своему произволу. Но мы-то с вами знаем, что мы Солнце не сгущали. В последний раз он был у нас пятьдесят миллионов лет назад. Как астроном я могу поручиться, что за это время наше Солнце сколько-нибудь существенно не менялось. Так что, по-моему, он, бедняга, зря волновался. Произошли мы естественным путем, а он попал не на ту планету, где проводил эксперимент. Ошибся планетой, вернее, звездой. Вы знаете, это бывает. Я астроном, мне такие случаи известны. Думаю, что теперь он уже во всем разобрался и успокоился. Все ошибаются. И чем грандиознее масштабы, тем больше ошибка. Мы-то с вами это знаем.

Тексты подготовлены: С. Бондаренко

Варианты рукописей и изданий

«Далекая Радуга»

О том, как и почему Стругацкие обратились к повести, которая сначала имела условное название «Летят утки» или «Катастрофа», а потом стала «Далекой Радугой», подробно пишет Б. Н. Стругацкий в своих «Комментариях к пройденному». Там, в частности, говорится о сохранившихся заметках: «Разнообразные варианты реакции различных героев на происходящее; готовые эпизоды; подробный портрет-биография Роберта Складярова; подробный план «Волна и ее развитие», любопытное «штатное расписание» Радуги».

Многое из перечисленного содержат рабочие записи Авторов за 1962 год, вошедшие в предыдущий том Собрания. С готовыми же эпизодами и вообще с черновиками повести дело обстоит хуже. В «Комментариях» сказано: «Первый черновик «Далекой Радуги» начат и закончен был в ноябре-декабре 1962-го, но потом мы еще довольно долго возились с этой повестью — переписывали, дописывали, сокращали, улучшали (как нам казалось), убрали философские разговоры (для издания в альманахе издательства «Знание»), вставляли философские разговоры обратно (для издания в «Молодой Гвардии»)…» В авторском архиве следы этой работы представлены, к сожалению, лишь частично. Полностью сохранился поздний черновик, достаточно близкий к окончательному тексту повести, материалов же, относящихся к раннему этапу работы над «Далекой Радугой», обнаружено очень мало.

Прежде всего, это подробный план повести по главам. Их меньше, чем в окончательной версии, для большинства от руки добавлены даты, позволяющие увидеть хронологию работы над соответствующими фрагментами черновика. С учетом сделанной Авторами правки план выглядит так.

ДАЛЕКАЯ РАДУГА

Гл. I

25.11.<62>

Степь. Пост предупреждения Степной. До границы запретной зоны — сто километров. На посту — Роберт Пристли, неудачник, парень лет двадцати пяти. Ночь. К нему прилетела из Детского Галя Корнеева. Лежат, любуются на звезды, предаются изнеженности нравов. Звонок из контрольной станции в Пастухах. Дежурный по станции Патрик делает Роберту выговор за невнимательность, Роберт огрызается. Ночь испорчена. Галя поднимается на наблюдательную вышку, сидят, смотрят, как светает. Появляется Камилл Сурд, как всегда совершенно незаметно. Просто Галя оглядывается и видит, что он сидит у соседнего пульта и смотрит на них. Рассерженная Галя улетает в Детское. Роберту хочется сказать Камиллу пару ласковых, но он робеет. Камилл работает на Радуге очень давно, никто не знает, с каких пор. Все уже застали его здесь. Он занимается вырожденной материей, предсказывает всякие беды от нее, призывает приостановить эксперименты по ноль-связи и транспортировке, пока не будет изучена Волна. Его не очень слушают, потому что не совсем понимают его доказательства, а он не очень настаивает. Камилл просит разрешения побыть на посту. Роберт разрешает — деваться некуда. Разговор — такой, что ни читатель, ни Роберт не понимают хорошо, что говорит Камилл.

Гл. II

28.11.<62>

Станция, небольшой городок на берегу огромного залива Спокойствия, столица Радуги. Леонид Андреевич Горбовский, Марк Валькенштейн, молоденькая художница Пэгги Смит и молодой местный физик Ваня Сидоренко на берегу залива готовят катер для прогулки и рыбной ловли. Тепло, солнечно, отличный день. Валькенштейн поругивает Горбовского за то, что тот все норовит прилечь и смотреть, как остальные работают. Грохот разрядов на станции, всегда сопровождающий очередной эксперимент по ноль-

связи. Горбовский жалуется, что шумно. Ваня говорит, что скоро всем звездолетчикам конец. Выходят в море.купаются и ловят рыбу. Горбовский на солнышке. Ваня в акваланге охотится за местным морским дивом, ему на помощь идет Пэгги. Диво одолевает, вмешивается Валькенштейн, вылезают дрожачие и воинственные, синие от пережитого страха. Горбовский дает полезные советы. Пэгги очень сердится на него, она не ожидала, что он такой трусливый. Но Валькенштейн на нее прикрикивает. Разговор о пути, который держит «Гаризель», о звездолете местных сообщений. О нуль-транспортировке, которая в самом скором времени положит конец перелетам. С берега какой-то сигнал. Ваня торопится. Сигнал означает всем физикам по местам стоять. Катер идет к берегу.

Гл. III

Пост Степной. Утро. Роберт предлагает Камиллу завтрак, тот отказывается. Он все смотрит на горизонт. Роберт завтракает и предается грустным размышлениям о своей неудачливой судьбе. Потом решает при первой же возможности перебраться в Детское и стать там воспитателем. Это будет его жгучая месть нуль-физике и товарищам по работе. Внезапно Камилл объявляет, что идет Волна. Роберт сначала не верит. Но вот на горизонте появляются стаи птиц, в панике бегущих сюда. Черная туча. Ураган. Наконец — Гребень Волны. До нее еще километров сто пятьдесят. Роберт спешно связывается с Пастухами. Патрик приказывает немедленно эвакуировать пост. Роберт торопит Камиллу, спускается вниз. Там его вертолет, едва выдерживающий порывы ветра, и небольшой транспортер, на котором приехал Камилл. Камилл спускается не торопясь, Роберт злится, кричит ему, вдруг лестница обрушивается, и Камилл падает, на него валятся фермы поста. Роберт бежит на помощь. Камилл раздавлен, безнадежно мертв. Роберт оглядывается, видит, что гребень Волны поднялся в небе угрожающе высоко. Птицы и животные, обезумев, мчатся мимо. Роберт увлечен общим потоком, кидается в вертолет и мчится на юг, в Пастухи. На подлете к Пастухам видит чудовищные блок-энергетические установки на гусеницах, которые идут на север, навстречу Волне. Через полчаса он в Пастухах. Вбегает на станцию контроля, там все в тревоге. Прилетел наблюдатель с поста Зеленый Овраг, пост разрушен ураганом. Роберт докладывает Патрику, что погиб Камилл. На него смотрят с удивлением и ужасом. Как там оказался Камилл? И в этот момент на экране связи с постом Степным появляется лицо Камилла. Камилл сообщает, что Волна подходит. Требуется эвакуация всех контрольных станций. Экран гаснет. Все взоры обращаются на Роберта. Роберт кричит: «Но я же сам видел его мертвым!» Картина.

Гл. IV

Горбовский, Валькенштейн и Пэгги обедают вместе на веранде Большого отеля Станции. Пэгги рассказывает, как и почему она оказалась на Радуге. Оказывается, по всей планете разбрелась масса художников и композиторов — их привлекают «дикие, нетронутые пейзажи», удивительные краски зорь. И философы тут тоже есть, великие мыслители, ищущие уединения. Но сама она вот уже месяц не работает, потому что застряла в Станции из-за Вани. Ваня ждет для себя смену с Земли, а затем они вернутся на ее родину, на Марс. Горбовский и Валькенштейн с наслаждением и молча слушают ее щебет — она делится с ними своим удивлением по поводу странностей местной культуры.

Рядом за столик (может быть, прямо на пол?) усаживается компания физиков, озабоченных и сердитых. Из их разговора выясняется, что: а) их обвиняют в непослушании те, кто предупреждал об опасности Волны; б) что они не считают себя виноватыми, так как мощностей дают на их эксперименты только в обрез и только при результатах; в) что Волна движется и с севера, и с юга, что Южный архипелаг эвакуирован, и Берег Пастернака тоже, что блок-энергетические установки на севере частично отстают, есть слухи о том, что контрольные станции готовятся к эвакуации. Волну будут встречать за их линией. Пэгги испугана. Тут у Горбовского запел видеофон.

Его вызывают в дирекцию. Он и Валькенштейн торопливо прощаются и уходят. На площади движение, куда-то бегут и спешат люди. Навстречу Ваня. Спрашивает, где Пэгги, и на прощание кричит, что сейчас отправляется на север, выставлять заслон.

Гл. 4а
3.12.62

Директор Радуги, старый администратор-звездолетчик, заседает с учеными. Когда Горбовский и Валькенштейн входят, слышится сообщение с Берега Пастернака. Аодзора эвакуирована на грузовом вертолете, Синий частично на вертолетах, частично на двух транспортерах отступает к Станции под прикрытием блок-энергетических установок. Директор говорит Горбовскому, что, пока суть да дело, надобно приготовить «Гаризэля» и в несколько рейсов перебросить матерей и детей на другую планету. Детское уже эвакуируется на трех вертолетах, но заведующий Детского сообщает, что третий вертолет со старшими школьниками застрял из-за поломки в степи. Горбовский замечает, что в степи по всей планете разбросано много людей — не физиков. Проклятья. Директор отдает приказ выкатить из складов яйца, вырастить вертолеты и бросить в поиски. На площади перед Управлением с грохотом приземляется перегруженный вертолет. Это со станции Пастухи. Из вертолета выскакивает Роберт, за ним битком набиты какие-то люди. Роберт рапортует, что Патрик отступает вместе с БЭУ, что он летел доложить об этом, так как связь нарушилась, и он подобрал на пути туристов с детьми. «Что Детское?» — спрашивает он. Ему отвечают. Он знает, что Галя — воспитатель старших школьников. К Директору вбегает растерянный человек, шепчет ему что-то. Директор бледнеет. Он сообщает, что ни одного вертолетоносного яйца нет. Ошибка снабжения. С Земли по 0-связи приказ: немедленно организовать эвакуацию планеты. Роберт мчится обратно к вертолету и улетает, прежде чем его успевают остановить.

В рукописном наброске главы 4а напротив фразы «Директор отдает приказ выкатить из складов яйца, вырастить вертолеты и бросить в поиски» на полях есть авторская помета: «А может, это и не надо?»

Гл. V
5.12.62

Роберт мчит на вертолете. Под ним степь. По степи время от времени движутся машины, переполненные беженцами. Потом пустота, наконец среди степи одинокий большой вертолет, окруженный фигурками. Он снижается. Ему навстречу Галя и другой воспитатель. Спасти детей! Здесь десять человек детей. Спор, кому лететь. Роберт хватается за Галю, бросает в вертолет и вверх. Она ругается и кусается, но ему плевать. Он знает, что она его возненавидела, но одно стремление: любыми средствами подсунуть ее к Горбовскому на корабль. У самой Станции навстречу плывут обратно пустые вертолеты. Вот видишь, говорит он, все будет в порядке. Но она твердит только: негодяй и подлец, и плачет. Опозорена на всю жизнь.

Гл. VI
7.12.62

Получено сообщение, что линия БЭУ прорвана, Волна начала свободное распространение, никаких надежд нет, конец наступит через шесть часов. Командира звездолета директор требует к себе немедленно. Горбовский, хлопотавший на космодроме, спешит в город. На площади уже толпа. Почти все население планеты собралось здесь. Горбовский проталкивается через толпу измученных, возбужденных, обгоревших людей. Здесь дать различные реплики, характеризующие состояние умов. Дети, серьезные и притихшие, у самого Управления. Вертолет-ясли с младенцами. Горбовский подходит к заведующему — это бывший звездолетчик, его старый друг.

Здороваются. Горбовский говорит: «Веди свой колхоз на космодром». Тот кивает и начинает выбираться из толпы.

Директор: сколько мест? Горбовский: тридцать. Д<иректор>: сколько времени до соседней планеты с посадкой и разгрузкой и обратным стартом? Горбовский: восемь часов, как минимум. Нужно эвакуировать самое необходимое. Директор измучен. Он берет микрофон, выходит на крыльцо и обращается к толпе: выбирайте сами, что самое ценное. Молчание, затем крики: женщины, дети, архивы, самые сильные ученые. Молодожены, юноши и девушки. Точки зрения. Кому не страшно умереть.

Горбовский на пути сталкивается с Робертом, тот спрашивает взять Галю. Говорит: вы тут решайте сами, а я вернусь в космопорт и буду ждать. В космопорте уже грузят ребяташек. Но их много больше, чем ожидал Горбовский. Выбрасываются припасы, инструменты, резервы горючего, оборудование. Наконец: Марк, вам придется остаться. Тот: конечно. Затем: Перси, вам тоже. Тот: разумеется. В космопорт сообщение с Земли: бросайте все, спасите детей. Съезжаются из города. Сокровища, Горбовский все складывает в угол ангара. Хитрый аппарат приносит Ваня с приятелем. За ними тащится заплаканная Пэгги. Аппарат разрушают. Молодой мужчина передает Горбовскому письмо для жены на Землю. Тот рассеянно берет. До Волны остается два часа. Погружены все дети, и две воспитательницы сидят в тамбуре. Горбовский заведующему: полезай в кабину и стартуй. Не забыл, как это делается? Роберт цепляется за Горбовского, умоляет за Галю. Кричит, что у нее тоже будет ребенок. Его сын, Роберта. Галя лупит его по щекам. Все садятся в машины и уезжают за горизонт. Старт.

Гл. VII

8.12.62

Горбовский прощается с Перси и Валькенштейном и возвращается в город. Марк и Перси решают погибнуть тут — ближе к звездам. Горбовский проходит по городу. Люди молчат, некоторые плачут. На веранде какой-то композитор исполняет в первый и последний раз симфонию «Далекая Радуга». Горбовский выходит за город, взбирается на холм и ложится на солнце. Он думает разные вещи перед концом. Потихоньку к нему приближаются Роберт, Галя, Ваня с Пэгги. Сидят и молчат. Рокот транспортера. Выезжает из-за холма транспортер с Камиллом. Роберт и Галя в ужасе, но Горбовский ничего. Они давно знакомы. Последний разговор. Камилл больше не хочет оставаться в одиночестве. Стоят и смотрят, как появился гребень Волны.

К номеру последней главы, помимо даты, добавлено: «Окончен черновой вариант». Далее (частью от руки, частью в машинописи) сделаны еще некоторые дополнения к плану:

Сделать так, чтобы многие видели уже Камилла гибнущим или погибшим. Несколько легенд об этом человеке.

В гл. 2 или 4

Пэгги жалуется, что Радуга все-таки страшная планета. «Это физики превратили ее в такую. Все время чего-то ждешь». Опять разговор о виновности науки. Горбовский отвечает: «Полтора столетия назад наметилась новая, я бы сказал, манера в научных исследованиях. Если какое-либо открытие дает поражающе-страшные результаты, его немедленно закрывают до будущих времен или навсегда. В тылу науки сейчас много белых пятен. Возьмите, напр<имер,> Массачусетскую машину, которая стоит на консервации уже более ста лет. Начала «вести себя», и ее пришлось выключить. Едва успели. И заминировали вдобавок. Но когда-нибудь кто-то ее ведь разминирует... Или — это уже на моей памяти — эти индивидуальные опыты по машинному симбиозу. Помните Казус Чертовой Дюжины? Нет? Да, правда. Вы еще маленькая были. А вот Марк может помнить. Ученые, чтобы повысить беспредельно способность к анализу, подключали себя, срачивали с электроникой. Вспомнить страшно. Ну, это сейчас же запретили. А ученые?

Ну... одних... э-э... демонтировали, другие были убиты... третьи... работали... не знаю, что с ними. Вот. Такие эксперименты тоже запрещены. Запрет на просвечивание нейтронами почвы Плутона, на высадку у ЕН 7694, на эксперименты по созданию искусственной кривизны времени... Всякое. Временный запрет, конечно. Выражение вечной противоречивости развития науки. Ну вот и эти, здесь... нулевики. Им страшно, что работы запретят, вот они и торопятся. А торопясь, они воленс-ноленс вызывают страшные эффекты, напрашивающиеся на запрещение».

Хотя в целом (и даже в отдельных сюжетных линиях) план похож на окончательный вариант повести, различий много. Совершенно отсутствует сцена на космодроме с дискуссией о путях развития науки. Валькенштейн и Диксон сами сообщают Горбовскому, что решили остаться на Радуге. Многих персонажей Авторы, видимо, еще просто не придумали (это, например, Ламондуа, Канэко, Аля Постышева, Габа), а некоторые, напротив, затем исчезнут (Пэгги Смит, Ваня Сидоренко). Отличаются многие имена и фамилии. Роберт пока что не Склярлов, а Пристли, вместо Тани Турчиной упоминается Галя Корнеева. Фамилия Сурд будет впоследствии передана выдающемуся художнику, а Камилл сохранит только имя. Будущие Станислав Пишта и Матвей Вязаницын пока обозначены лишь по профессиям. Нет и никакого упоминания о жене и сыне директора Радуги...

Сохранилась также представленная на с. 11 вклейки карта Радуги, где отмечены точки возникновения Волны, граница запретной зоны, посты предупреждения Плавучий, Степной, Зеленый овраг, контрольные станции Рыбачий, Пастухи, Синий и Аодзора, городки Станция (столица Радуги) и Детский (в повести — Детское), Залив Спокойствия, Берег Пастернака, Южный Архипелаг. Многие из этих топонимов упомянуты в плане, большинство осталось и в окончательном варианте повести, только Берег Пастернака пришлось заменить Берегом Пушкина.

А вот первоначальный черновик повести, написанный, согласно пометам на плане, в ноябре-декабре 1962 года, найти не удалось. Мы располагаем сейчас только тремя машинописными страницами, с благодарностью принятыми для эксклюзивной публикации в этом Собрании от Михаила Лемхина (США, Сан-Франциско). Это ранняя версия начала первой главы, где вместо Тани — Галя, вместо ульмотронов — телетакторы, вместо степи — саванна, а события, несмотря на множество стилистических разночтений, происходят почти те же самые, что в окончательном варианте:

— Робик, — сказала Галя. — Вызывают, слышишь?

— Пусть, — сказал Роберт.

Галина рука — теплая и немножко шершавая — лежала у него на глазах, и ему не хотелось шевелиться. Он слышал шорох сухой травы под ветром, и редкие пронзительные вскрики ночной птицы, и Галино дыхание над самым ухом, и ему было хорошо и покойно. С верхушки башни через распахнутые окна доносилось мелодичное завывание видеофона. Он представил себе сердитого Патрика, нажимающего на клавишу вызова, как у него шевелятся надутые толстые губы и топорщится недельная щетина на подбородке, и засмеялся. Тихонько, про себя, и помигал, чтобы пощекотать Галкину ладонь ресницами. Ладонь дрогнула, и твердые пальцы легонько надавили ему глаза. Патрик был далеко, и Малеев был далеко-далеко, и вокруг была ночная шелестящая саванна — на сотни километров только саванна — безлюдная, пустая, проглотившая длинный жаркий день и теперь теплая, шумно вздыхающая сухим ветром, полным пыли и запахов.

— В третий раз вызывают, — сказала Галя.

— Хорошо, Галя. Мне хорошо. Я тебя люблю... — Это было не то, что он хотел бы сказать. Он сказал бы так, чтобы стало светло. Чтобы замолчала птица. Чтобы Галя поняла. Никогда я не скажу так, подумал он. Кто-нибудь скажет, наверное, но только не я. Мои слова пусты и бессмысленны.

— Правда? — спросил он.

— Правда.

— И не надо, правильно?

— Конечно, не надо, — сказала Галя ласково.

— А ты знаешь, о чем я говорю?

— По-моему, знаю.

— Ты умница. Ты знала, что так будет?

— Да.

— Ты все знаешь?

— Про нас — все.

— Значит, и вообще все. Потому что больше, собственно, ничего и нет.

Сверху снова завыл видеофон.

— Робка, сходи. Мне беспокойно, когда он гудит.

Он снял ее руку с глаз и положил себе на губы.

— Я пойду, — сказал невнятно. — Знаешь зачем? Я выкину видеофон. Лови его здесь внизу. А потом мы вместе его куда-нибудь закинем.

— Хорошо, — сказала она серьезно.

Небо было затянуто облаками. С верхушки башни падал рассеянный свет. Он делал Галкины глаза огромными и влажными на темном лице. Роберту хотелось подняться на ноги легко и плавно, не опираясь на руки, не отталкиваясь, — просто повернуть все тело вокруг пяток. Но пришлось встать как обычно. Галка осталась сидеть, обхватив руками колени. Он видел ее как днем — а вокруг была тьма, только чуть виднелись колышущиеся кусты, башня торчала как толстый негнувшийся палец, а в пятне света трепетал плоскостями Галкин серебристый птерокар.

Роберт вошел в кабину лифта и поднялся наверх. Все было как-то странно, и тело не слушалось его, и мысли разбегались, только одна торжествующая плясала и кривлялась как сумасшедшая: «А она меня любит! Любит. Меня. Она. Меня. Что, съели? Любит...» Он вышел из лифта, споткнулся об усилитель, уронил моток лент видеофонографа, зацепился за какой-то угол, но все-таки добрался до стола и включил прием. На экране хмурый Патрик шевелил толстыми губами.

— Патрик, — сказал Роберт. — Синичка моя, трясогузочка. Ты весь опух.

Патрик уставился на него заплывшими глазками.

— Что снилось? — спросил он язвительно.

— Котенок мой бело-розовый... Тебе бы мои сны, ты бы каждый час брился.

Патрик поскреб подбородок.

— Проверь телетакторы, — сказал он утомленно. Он был явно не в форме. — Проверь всю батарею. Где-то утечка. Как Волна?

Роберт погасил свет.

— Эй, Роб, что там у тебя?

— Смотрю, как Волна, — сказал Роберт, глядя в окно. Он совсем забыл про Волну. Сейчас ему казалось даже странным, что есть, оказывается, еще и Волна и именно из-за нее-то он сидит здесь.

Горизонт был непроглядно темен, и не видно было, где кончается небо и начинается земля.

— Пусто, — сказал он.

Патрик глядел на него со странным выражением.

— В чем дело? — спросил Роберт. Он-то знал это выражение. Всю жизнь его преследовал этот взгляд. Разные люди и в разное время смотрели на него так. Сначала их взгляды были обыкновенными: ласковыми, равнодушными и злыми, но неизбежно наступал момент, когда на него начинали смотреть так.

— Ты себя плохо чувствуешь? — Голос у Патрика был неприятным.

— Не беспокойся. Спасибо за внимание, но, пожалуйста, не беспокойся.

Роберт хотел сказать резко — не получилось. Никогда не получалось.

— Просмотри телетакторы, — повторил Патрик.

— Просмотрю, — сказал Роберт. Все хорошее ушло. Осталась работа и странные Патриковы глаза и своя уже привычная ненужность. — Я просмотрю телетакторы. И я знаю, как выглядит Волна. И сумею ее отличить от грозового облака. И сниму ее

параметры. — Он чувствовал, что закипает. — И не надо мне напоминать, а то я вышвырну в окошко тебя вместе с этим экраном и... — Он замолчал.

— Роб, дружище, — сказал Патрик устало. — Мы тебе доверяем. Я только хочу, чтобы ты проверил телетакторы. У нас утечка. Понимаешь?

— Да.

— Ну и ладно. Иди и делай что хочешь. Привет от ребят.

— Спасибо, — сказал Роберт.

Впервые повесть была опубликована в издательстве «Знание» в сборнике «Новая сигнальная» (1963). Годом позже она вышла в издательстве «Молодая гвардия» в одноименном авторском сборнике под одной обложкой с «Трудно быть богом», а в 1965 году — в том же издательстве в одном из томов «Библиотеки фантастики и путешествий» (приложение к журналу «Сельская молодежь»).

Первая публикация заметно отличается от последующих изданий не только сильными сокращениями в четвертой главе (об этом — далее), но и другими разночтениями, где более удачным зачастую выглядит как раз первый вариант.

Непонятно, кто и что увидел криминального в очень милом шутовском диалоге двух влюбленных, предшествовавшем первому появлению Камилла:

— Вот четыре яркие звезды — видишь? Это Коса Красавицы. Левее самой верхней сла-абенькая звездочка. Это наше Солнце. Оленька, правда, родилась здесь, на Радуге, но ее мама и папа родились тоже там. И через год в летние каникулы мы всей группой туда слетаем.

— Ой, Татьяна Александровна! — запищал Роберт. — Мы правда полетим? Ой! Ай! — Он поцеловал ее в щеку. — Ой, как мы все полетим! На Д-сигма-звездолете! А мы все полетим? Ой, а можно я возьму с собой куклу? Ай, а мальчик Варя целуется! — И он поцеловал ее еще раз.

Она обняла его за шею.

— Мои девочки не играют в куклы.

Все, что шло после «Солнца», потом много лет можно было найти только в сборнике «Новая сигнальная».

Интересная история произошла с песнями. Во всех изданиях нуль-перелетчики, сидя в кузове грузового атомокара, что-то пели (а точнее, «дружно ревели»). Всякий раз это была песня на слова Р. Бёрнса в переводе С. Маршака — но иная. Известный по множеству книжных изданий повести фрагмент

Когда цветут луга весны
И трель выводит дрозд,
Мы честной радости полны,
Бродя с утра до звезд...

куда менее подходит для «ревущей десятки» Габы, чем первоначальный:

Мне нужна жена,
Лучше или хуже,
Лишь была бы женщиной,
Женщиной без мужа...

Да и если рассматривать тексты в целом, а не только выдержки из них, «Послание к обрату-поэту» для такой манеры исполнения годится едва ли. Зато, видимо, оно не давало причин усомниться в моральном облике людей будущего...

А вот пример логической ошибки, появившейся в результате переработки повести для «молодогвардейского» сборника. В первом издании, когда Горбовский пьет соки в кабинете директора, порядок его действий правильный: сначала он смешивает коктейль из соков, потягивает через соломинку и лишь затем, «отложив соломинку, отхлебнул прямо из стакана». Уже со второго издания и далее, смешав коктейль, Горбовский лежит, прихлебывая из стакана, а

затем снова идет фраза «отложив соломинку, отхлебнул прямо из стакана», что выглядит, конечно, совсем странно.

Убранная после первого издания фраза точно характеризовала незнание (или неприятие) физиками масштабов катастрофы. В услышанном Склярным радиообмене после слов «Не вернуться ли мне на базу? Сейчас, по-моему, не до ульмотронов» следовал ответ: «Нет, уж ты, будь другом, дотерпи до конца. Все равно день пропал...»

Впрочем, сокращений не избежала и первая публикация. И если в каких-то случаях они были мелкими и на сюжет особо не влияли (вроде опущенного текста детской считалочки Габы), то изменения в главе 4 оказались очень обширными и принципиально важными. Была изъята полностью основная часть дискуссии на космодроме о кризисных явлениях, связанных с потреблением и распределением научного оборудования, а шире — материальных благ вообще. Очень многие суждения на изъятых страницах выглядят, несмотря на фантастический антураж, весьма откровенными. Видимо, дело было не только в чисто техническом сокращении самого крупного произведения сборника, а и в желании свести к минимуму любые возможные придирки и облегчить выход новой книжной серии фантастики, путь которой к изданию и без того оказался очень нелегким.

В последующих изданиях глава печаталась без подобных изъятий. Впрочем, после 1965 года повесть в течение 20 с лишним лет просто не публиковалась вообще — ни в полном виде, ни в урезанном. Когда же наступили новые времена, встречающиеся разночтения объяснялись уже не идеологическими причинами, а «всего лишь» редакторской или корректорской нерадивостью.

Вот несколько примеров. Естественный вопрос Камиллу «Вы хоть недавно здесь?», когда Роберт обнаруживает, что они с Таней находятся в комнате не одни, превращается в абсурдный, если выглядит как «Вы хоть давно здесь?».

Другая яркая картинка: «Атлет, красавец, физик-нулевик несет воспитательницу на плече, а воспитательница тает от любви...» А когда вместо «на плече» написано «на плечах», приходится соображать: то ли этот физик перекинул воспитательницу через плечи, то ли посадил на шею...

В Гринфилде вместо «западной окраины» появляется маловразумительная «запасная окраина». После бегства ученых из Гринфилда «всюду валялись ценнейшая уникальная аппаратура, коробки с уникальными записями, и легкий ветерок лениво перелистывал уникальные дневники уникальных наблюдений». Последнее слово в том же издании исправлено на «наблюдателей». Чем же они, хотелось бы знать, уникальны?

И, наконец, яркая и зловещая картинка в эпилоге: «Справа от них была черная, почти до зенита, стена, и слева была черная, почти до зенита, стена, и оставалась только узкая темно-синяя прорезь неба, да красное солнце, да дорожка расплавленного золота...» Но много ли останется от этой яркости, если в публикации потеряны слова «и слева была черная, почти до зенита, стена...»?

В 2001 году «Далекая Радуга» была издана наконец в собрании сочинений издательства «Сталкер» в наиболее полном и точном виде, с устранением прежних купюр и искажений.

«Трудно быть богом»

Этапы замысла и создания повести, обстоятельства ее возникновения и варианты заглавия достаточно подробно представлены в переписке Авторам, а также рассмотрены в «Комментариях к пройденному» БНС. Как и в случае с «Далекой Радугой», судьба черновиков ТББ оказалась не слишком удачной. Например, ранний период работы над повестью мы можем оценить сейчас лишь по более или менее протяженным отрывкам и наброскам.

Прежде всего, это авторская разработка главных героев, сюжета и идей. Все события пока происходят вместо королевства Арканарского в некоем герцогстве Картагена, и вообще многие географические названия, имена и титулы полностью или частично отличаются от привычных нам. Настоящее имя Руматы здесь, как видим, Иван Рогов, а его главного антагониста зовут Ребия. Видно, что с последним именем Авторам еще не все ясно: оно то склоняется, то нет, а пару раз попадает характерная оговорка — «Ребия». В более поздних черновиках министр сначала получит имя Рэбия, а затем — во избежание слишком явного созвучия с Берией — превратится в Рэбу.

Дон Румата, 26 лет.

Выходец из центральных, самых древних областей Империи. Триста лет назад его предок сражался вместе с первым императором в битве при Хофу. Прибыл в Картагену «для поправки здоровья»: неудачная дуэль. Жил в столице Империи Истор, где настоящий

галант. Покинул Истор четыре года назад. Состоит в гвардии герцога, приобрел репутацию дебошана, бретера и любезника. Потряс двор, высморкавшись в носовой платок. (Огромные носовые платки вошли в моду и наметилась тенденция к превращению их в плащи, доселе неизвестные.)

Им спасены: памфлетист, художник, танцовщица и астролог (астролог: выпуклость земли с помощью холма и определение расстояния до солнца с помощью полка солдат).

Дружит с мелкопоместными и новоиспеченными дворянами из окружения Ребиа, чем вызывает нарекания друзей — старых аристократов.

За ним усмотрено: 1. Спасение памфлетиста и астролога. 2. Не то золото. 3. Шпажное искусство. 4. Ни одного случая убийства. 5. Жадный интерес к новому. 6. Устройство сортира. 7. Отношение к простолюдинам (слуга).

Телевизионный обруч на лбу как наследственное от предков.

Мидон Ребиа, 55 лет.

Первый министр герцогства. Цель: убрать герцога и установить вечное регентство. Подавление всего нового. Пришелец из восточных областей Империи. Точнейшая регламентация по имущественному цензу. Непрерывная борьба с баронами. Создатель серой роты и т<ак> наз<ываемой> герцогской партии черного полумесяца (лавочки, буржуа, богатые ремесленники на содержании, военизированные команды). Внешняя политика: захват Горгии и Вертимура и овладение северными областями Империи. Шантаж герцога. Разветвленная шпионская сеть. Чует в Румате необыкновенного человека: убить или привлечь на свою сторону. Создатель громоздкой бюрократической системы.

Мидон Дрэгон, третий герцог грозного имени Картагенский, внук горгийского сапожника.

Доктор гер Будах из Вертимура.

Барон Пампа дон Бау-но-Сурга-но-Гатта-но-Картагена. Портос. Ковыряет за столом в носу — императорская привилегия. Спас Румату и считает его лучшим другом. Прячет в своих владениях опального отшельника милля Кабани, изобретателя самогона.

Пролог. В самогонной берлоге милля Кабани собираются трое наблюдателей: дон Румата, гер Плосс (постельничий короля Вертимурского) и фра Кондор (прокурор Горгийского Круга): Иван Рогов, Джонатан Смит, Ион Тодоску. Исчез гер Будах, не явившийся на randevu с Руматой. Следует найти и отправить в Горгию. Дать понять: это земляне, участвующие в историческом эксперименте по сохранению интеллигенции. Синтезатор золота. Образ милля Кабани. Упоминания: о пиратах; о военных экспедициях Империи на юг; о военных экспедициях короля Вертимурского на север. Сожаления, что они здесь грубеют и дичают.

Гл. 1. Утро. Одевание. Завтрак. Доклад слуги о визитерах. Отдача приказаний: отнести записку, что дежурит и не может. Визиты: во дворец, на фехтовальный корт, к главному палачу, обед с приятелем, сон перед дежурством.

Гл. 2. В полночь заступает на дежурство у домика герцога в парке. Шестнадцать комнат. Дон Ребиа ставит серого. Колкости. Герцог следует в домик, раздраженно бубня. Тянется ночь, пикировка с серым. Игра в кости, выигрыш, вербовка. Покушение. Ребиа о процессе лейб-медиков. Дрэгон: когда вы оставите меня в покое с этими убийцами. Убийцу пропустили специально, он подослан таким-то бароном. Утром смена.

Гл. 3. Обед у серых. Один из них ранен в примерно подходящее время. Что было за дело? Ухмыляясь: спросите у Пампы дон Бау. Угрозы дону Бау, угрозы всем баронам: дон Ребиа еще до них доберется. Упрек Румате: хороший парень, а возжаётся с баронами. Румата: для человека моего рождения между баронами и вами разницы нет. Серые озадачены, но принимают это как комплимент. Рассуждения Руматы. Кто смеет захватить

Будаха? Кому из смеющихся может понадобиться Будах? Чем может быть полезен Будах — крупнейший специалист по ядам, автор «Трактата о травах и иных злаках, таинственно могущих служить причиной скорби, радости и успокоения, а равно и о слюне и соках гадов, пауков и рогатого вепря Ы, таковыми же и многими другими свойствами обладающих»? Обследует: герцогскую тюрьму, тюрьму старого аристократа, пребывающего в родовой вражде с Вертимуром, встречается в кабаке с Адамом Колесо — царем картагенских бандитов. Ничего не известно. Едет выяснять к дону Бау.

Гл. 4. Веселая ночь у дона Бау с участием милля Кабани. Рассказ барона Бау. Бесчинства серых в постоялом дворе. Захват пленного. Барон с гостями вышибли серых, а пленного не тронули: государственное дело.

Гл. 5. Румата заражает герцога. За отсутствием лейб-медиков катятся головы шарлатанов. Румата выдает тайну дона Ребия герцогу. Мгновенная реакция дона Ребия. К изумлению Руматы он с видимым удовольствием готов выдать герцогу Будаха, только просит сутки на его окончательную обработку. Герцог благодарит. Сакраментальная фраза: как зовут этого молодого человека? А, Румата... Почему ты до сих пор не удавил его? Смущенный удовольствием Ребия, Румата связывается с друзьями: не грозит ли это чем-нибудь Будаху? Ничего нельзя сказать, но ясно, что Ребия не способен заставить Будаха работать отравителем. А на заговор им наплевать. Он строит планы похищения Будаха.

Гл. 6. В застенках Ребии. Сцена уговаривания Будаха, вырывают яд под угрозой отравления детей. Имперсонация шарлатана под Будаха.

Гл. 7. В ночь смерти герцога нападение на дворец дофина, захват Руматы, ночь длинных ножей, разговор с Ребия, допрос и подозрения: либо будешь работать со мной, либо казним и опозоришь свою фамилию, которая, между прочим, не твоя.

Гл. 8. Настоящий допрос: кто ты такой? С одной стороны, все равно кому служить, для пользы дела лучше даже Ребии. Но рефлекторная алогичная мысль о том, что служить Ребии — предательство. Но Румата соглашается. Чувство уязвленного достоинства проигравшего опытного игрока.

Гл. 9. Румата утром просыпается и идет к Ребии получать Будаха по условию. На площадях глашатаи кричат о решении совета провозгласить Ребию регентом. Убирают трупы. Флаги, раздают вино, масса пьяных, лавочники кричат Ребии здравицу и бьют тех, кто не кричит. В доме Ребии слышен вопль. Идет в застенки, сыро, гнусно. За дверьми вопят. Выходят парни с засученными рукавами, пьют вино из бочонка с прикованной цепью кружкой, профессиональные выражения, обмен опытом, ссылки на имперский и вертимурский опыт, «сопляки» из школы палачей сдают экзамены, листают замусоленные руководства. Провалившийся: надо бы ногтечистку применить, а я его сапогом, сломал ребро. Ведут всех учителей, шарлатанов, знахарей, всю интеллигенцию. Юродивых тоже. Профессора академии. Иностранцев. Серых волокут синие. Ищет дон Ребию, который только что прибыл с церемонии возведения в регентское достоинство. В камере вопль дон Бау. Освобождение. Провожает его наверх, сажает на лошадь. Бау уезжает. Вслед поднимается дон Ребия. Думает: в замке Бау сидит лейтенант Исра. Боже, упокой его душу. Ребии: у вас в гвардии открылась вакансия. Какая? И так д<алее>.

После отступа к гл. 8. Румата возвращается от Ребии по пылающему городу. Думает и настраивается на новые бои, на новое положение.

Эпилог.

Собрались в самогонной берлоге. Фра Кабани сообщает, что Будах устроен. Прокартагенский мятеж подавлен легионерами, флот вышел на блокаду Картагены. Вертимурский король отдал приказ тоже стянуть войска, лет через 20 будет готово. Впрочем, все это хреновина. Есть дело поважнее. Спасти художника. Есть где спрятать? А как же, здесь, у барона Бау. Тогда сделаем так.

1. Фантастическая идея: коммунистическое человечество рано или поздно начнет пытаться помогать другим человечествам, управляя их историей с тем, чтобы по возможности помочь им миновать быстрее и бескровнее докоммунистические формации. Сложность, рассматривается только этап эксперимента, когда историки пытаются решить эту задачу методом сохранения духовных сил общества.

2. Рассматривается один из аспектов фашизма как врага культуры и гуманности и как злейшего врага коммунизма.

3. Образ Руматы — образ коммунара, который начинает видеть, что гуманные методы борьбы против фашизма явно недостаточны в эпоху его крайних проявлений.

4. Серость — невежество, пренебрежение культурой и знаниями — ведет к господству фашизма, самых реакционных сил.

К тому же периоду работы относится и представленная на с. 13 вклейки карта местности с названиями: Варвары, Королевство Вертимур, Герцогство Картагенское, Свободный город Горгия, Бау, Картагена, Внутреннее море и Империя.

От более или менее соответствовавшего плану текста раннего варианта сохранились (одна полностью, другая частично) только нумерованные начальные главы. Особенно любопытна первая из них. События по сравнению с окончательной версией первой главы происходят примерно те же, но и отличий множество. Авторы не создали пока целостную систему имен, поэтому прибегают к заимствованиям из разных земных эпох и стран. Даже названия животных и единицы измерения — весьма экзотические. Потом загадочные муллоны станут обычными конями, а восточные фарсанги превратятся в мили. А кое-что заменялось уже при правке машинописного черновика или даже сразу по ходу его написания: Гонза на Кабани, Странный лес на Икающий, дикари — на варваров. Интересно отметить, что до правки Трауб (будущий Киун) обращался к благородному дону на «ты», без подчеркивания сословных различий.

Впрочем, хватает и иных интересных подробностей. Внимательный читатель заметит, и как непохож милль Трауб в речах и поведении на будущего Киуна, и как зловеще трактуются слова «Понедельник начинается в субботу», давно уже привычные нам совсем в ином значении и контексте. Заметит читатель также, что Румата предпочитает затеять бой с серым патрулем, а не проверять, надежен ли его попутчик. И разумеется, нельзя не заметить, сколь сильно отличается от «канонической» сцена совещания землян в Пьяной Берлоге...

Вот как выглядит ранний вариант первой главы с учетом позднейшей авторской правки.

Когда дон Румата миновал перекресток святого Эталона, стало уже совсем темно. До Икающего леса оставалось не больше фарсанга, но муллоном дон Руматы сильно утомился и двигался теперь какой-то неторопливой вихляющей рысью, и когда дон Румата сжимал ему коленями бока или хлестал между ушей боевой перчаткой, он только мотал головой, не ускоряя шага.

Дорога стала серой. По обочинам потянулись высокие кусты, похожие в темноте на клубы застывшего дыма. На небе — мутном и темном — кое-где появились неправдоподобно большие пляшущие звезды. Потянул ветер, теплый и холодный одновременно, как это часто бывает осенью в этой приморской стране с жаркими пыльными днями и знобящими пыльными вечерами.

Дон Румата поплотнее закутался в плащ и перестал погонять муллона. Время было. До полуночи было еще далеко, а Икающий лес уже виднелся вдали, похожий на зубчатую стену на более светлом фоне неба.

А справа и слева тянулась тихая ночная устало спящая Картагена, Великое и Блестящее герцогство Картагенское, самое могучее, всемиростивое и доброславное в этом мире... Уплывали назад ломаные тени придорожных виселиц, распаханые поля, мокрые после недельных дождей, черные на холмах далекие деревушки, мигающие лучинами. И казалось, от них тянет по ветру тяжелой потной вонью полей и неровным бредовым храпом разорвавшихся после дождя гигантских цикад.

У поворота дороги муллоном вдруг шарахнулся, задирая плоскую голую голову. Дон Румата потянул поводья, всматриваясь в темные кусты. Он не сразу увидел человека,

стоящего у обочины, а когда увидел — привычным движением оттянул на правой руке кружева и взялся за рукоятку меча. Человек у обочины неуверенно шагнул вперед.

— Ровная дорога и веселье души благородному дону, — сказал он, снимая шляпу.

— Слова обо мне — слова о тебе, — спокойно откликнулся дон Румата, прислушиваясь.

Разбойников обычно выдает звон тетивы, патруль узнаешь по тяжелому дыханию, наемники баронских дружин постоянно рыгают от пива, святые братья — охотники за рабами — шумно чешутся...

— Простите меня за помеху вашему пути, — сказал человек, — и разрешите мне бежать рядом, придерживаясь за вашего чистокровного муллона.

В кустах было тихо. Человек не был наводчиком. Румата бросил меч и шевельнул поводьями.

— Изволь, — сказал он.

Муллон двинулся дальше, а человек пошел рядом, ухватившись за стремя. Некоторое время они молчали. В темноте было трудно рассмотреть его, но дон Румата видел, что одет он по-городскому, а на затылке светлеет изрядная плешь.

— Вы могли бы ехать и быстрее, благородный дон, — негромко сказал человек. — У меня крепкие ноги, я могу бежать.

— Чего ты боишься? — спросил дон Румата.

Ему показалось, что человек усмехнулся.

— Проще сказать, чего я не боюсь. Лишь одна вещь в этом страшном мире не пугает меня — смерть.

— Честные люди не умирают в воскресенье, — сказал дон Румата.

Это была старая поговорка.

Человек поднял лицо — оно казалось светлым расплывчатым пятном.

— Для честных людей понедельник начинается прямо в субботу, — сказал он. — Кроме того, я действительно не боюсь смерти. Я боюсь тьмы.

— Темноты?

— Темноты тоже. Но больше всего я боюсь тьмы.

Дон Румата кивнул.

— Понимаю тебя. Кто ты и откуда идешь?

— Меня зовут Трауб. Я иду из Картагены.

— Не родственник ли ты знаменитого милля Трауба из Картагены?

Человек сказал, помедлив:

— Да, я его родственник.

Вот оно что, подумал Румата. Далек же тебе надо уйти, родственник милля Трауба. Дойдешь ли?

— Милль Трауб будет казнен завтра на площади Благосостояния, — сказал он. — Таково решение Серого суда. Твой родственник виновен в тяжких непрощаемых преступлениях перед богом, герцогом и миром.

Трауб молча шагал, держа шляпу в руке. Потом он сказал:

— Я знаю это. И не могу не напомнить, что завтра воскресенье для его палачей и понедельник для него самого.

— Ты ведешь опасные разговоры, — заметил дон Румата. — К счастью, у меня нет времени, а то бы я сволок тебя куда следует. Слава богу, все большие дороги перекрыты серыми патрулями.

— Когда большие дороги перекрыты, приходится ходить малыми. Неважно, какой дорогой идешь, важно, куда ведет дорога.

Либо шпион, либо сумасшедший, подумал дон Румата. Что-то многовато странных людей стало попадаться мне последнее время.

— Я могу сказать тебе, куда ведет эта дорога, — сообщил он. — Она ведет к корчме Толстяка Базиля, где сейчас тебя ждет серый патруль. Может быть, я выдам тебя, если мне

захочется выпить вина в корчме. А если не захочется — бог с тобой, я и так задержался в дороге.

— Вы с мечом, вам решать, — сказал Трауб. В голосе его была насмешка.

Следовало бы хлестнуть его перчаткой по лысине — за наглость, — но дон Румата почувствовал, что не может сделать этого. Если бы это было днем, в городе...

— Чем ты занимаешься? — спросил он.

— Я шлифую алмазы, — сказал Трауб.

— У тебя есть дело?

— Да. Я делаю мутное светлым и сверкающим.

— Я бы купил у тебя несколько штук, — сказал дон Румата с возможно более идиотским глубокомыслием, — но ты не внушаешь мне доверия.

— Кто в наше время внушает доверие? Во тьме все кажутся серыми — и черные, и голубые.

Это был на редкость прозрачный каламбур. «Серыми» называли гвардию первого министра герцога дона Ребиа. Черные были народом, а голубые — дворянство. Сумасшедший, подумал Румата. Сошел с ума от страха и горя. Слишком прямолинейно для шпиона. Впрочем, шпионы бывают разные.

— Мне уже полчаса хочется хватить тебя по твоей плешивой башке, — заявил он. — Трудно сказать, что меня удерживает. Наверное, природная доброта и нежелание выбрасывать замаранные перчатки.

Сказавши это, он расхохотался, полагая, что сказано отменно.

Трауб молчал. Они миновали еще одну виселицу.

— О серых ротах говорят разное, — сказал дон Румата. — Но вот эти простые, такие изящные и незамысловатые устройства радуют мой глаз, а это их забота — наших серых грубоватых ребят. Чтобы кое-кто придерживал язык при жизни, чтобы не вывешивать его из пасти после смерти.

Это тоже было сказано отменно — в лучших традициях серых казарм, — и дон Румата снова хохотнул.

— А может быть, проще издать указ об откушении себе языков таким-то и таким-то поименованным лицам? — проговорил Трауб. — Это сэкономит дерево и пеньку.

— Деревя хватит, — сказал дон Румата. — Если благородному дону Ребиа неостанет дерева, я с удовольствием подарю ему свои леса.

Трауб снова поднял лицо и долго смотрел на Румату, и Румата понял, что он почувствовал двусмысленность сказанного. Некоторое время они молчали. Трауб заговорил только, когда за поворотом мелькнули желтые слепые огоньки корчмы Толстяка Базиля.

— Все пройдет, — сказал он. — Но останутся следы — и в душах, и на бумаге. Но душами владеет бог, а о бумаге... О бумаге позаботимся мы.

— Кто это — мы? — любопытствовал дон Румата.

— Мы. Люди, умирающие и в воскресенье.

— Гм... Ну-ну... Заботьтесь...

Трауб хотел сказать еще что-то, но тут они приблизились к корчме. У коновязи топтались муллоны серого патруля. Из открытых окошек доносились хмельные возгласы и стук пивных кружек. В раскрытой двери, прислонясь к косяку стоял, загоразивая проход огромным брюхом, старина Базиль — в кожаной куртке с засученными рукавами. В мохнатой лапе он держал здоровенный тесак — видно, рубил мясо для рубцов, вспотел и вышел отдышаться. На ступеньках пригорюнясь сидел серый, оперев саблю между колен и положив подбородок на эфес. Видно было, что ему томно с перепоя.

Увидев всадника, он оживился, замотал головой и взревел с запиночкой:

— С-стой! Как тебя там... Ты, бла-ародный!

Дон Румата, выпятив подбородок, проехал мимо, даже не покосившись. Трауб широко шагал рядом. Краем глаза Румата увидел капли пота, выступившие у него на лысине.

— С-стой, говорят!.. — Слышно было, как серый катится по ступенькам, гремя саблей и поминая бога, дьявольскую морду и святого Эталона.

Человек шесть, подумал дон Румата, поддегивая манжету на правой руке. Пьяные мясники и подонки. Вздор. Они миновали харчевню и свернули к лесу.

— Я могу бежать, если надо, — напомнил Трауб неестественно твердым голосом.

— Вздор, — сказал дон Румата. — Я с мечом — я решаю. Было бы скучно проехать столько фарсангов и ни разу не подражаться.

Сзади послышался перестук копыт.

— Отойди-ка в сторонку, милль Трауб, — сказал Румата. — Это веселье не для тебя. Сейчас я буду делать мутное белым.

Он развернул муллона и натянул перчатки. Из-за поворота вылетели два всадника и, увидев его, разом остановили муллонов.

— Эй ты, благородный дон, — заорал один. — А ну, покажи проездные бумаги, и вообще, кто ты такой.

— Хамье, — сказал дон Румата стеклянным голосом. — Меньше слов, вы не в лавке...

Всадники замялись.

— А почему не предъявил? — сказал другой тоном ниже.

Румата резко расхохотался.

— Я вижу, вы заскучали на службе, — сказал он. — Захотелось побеседовать с доном о погоде и ценах на брюкву. А дону недосуг. Убирайтесь восвояси и пейте пиво — может быть, оно сделает вас смелее, пьяные кролики.

— А я его рубану, клянусь спиной святого Эталона! — заревел первый серый. — А ну, голубая сопля, держи поводья...

Он бросил муллона навстречу Румате. Румата выхватил меч, ощущая внутри знакомый радостно-бешеный холодок, какой испытывал всегда в такие минуты, когда не надо было притворяться и можно было делать то, что хочется.

Они сшиблись посреди дороги. Мутно блеснула кривая сабля, Румата встретил ее мечом, отвел, подцепил эфесом и резко взмахнул рукой вниз-вправо-вверх. Сабля с визгом взлетела выше кустов, резанув мокрые сучья.

— А-а-а! — страдальчески завопил серый, согнувшись в три погибели. Кисть его была вырвана из сустава, перекручена, сломана...

Румата наотмашь ударил его мечом, плашмя, и серый повалился на дорогу.

Дон Румата, опустив руку с мечом, повернул муллона и двинулся было на второго, но тот с криком: «Ну чего, чего прицепился!..» — принялся пятиться, нелепо отмахиваясь клинком.

— Пива! — крикнул ему Румата. — Мало пива! Иди добавь, подонок, пока можешь...

Он шлепнул осиротевшего муллона по крупу, и тот, заклекотав, помчался сквозь кусты напролом. Первый серый ворочался в пыли, пытаясь подняться.

— Вот и кончена беседа, — сказал Румата с сожалением. Он бросил меч в ножны. — Милль Трауб! Продолжим наш путь.

Трауб вышел из тени, и они двинулись дальше, и Румата усмехался, прислушиваясь к причитаниям и проклятьям покалеченного стражника, затихавшим позади.

— Может быть погоня, — осторожно сказал Трауб.

— Это было бы неплохо, — сказал Румата. — Но я не думаю. Они слишком пьяны... — Помолчав, он добавил: — Второй патруль на этой дороге. Еще в прошлом месяце не было ни одного.

Трауб ничего не сказал. Икающий лес был уже совсем близко. Слышен был гул ветра в кронах и далекие вопли неведомой птицы сиу: «Угу-сиу-сиу-угу...»

— Я сверну здесь, благородный дон, — сказал Трауб. — Спасибо вам. Вы спасли больше, чем мою жалкую жизнь. Вы спасли летопись моего времени.

— Вот как? — сказал дон Румата.

— Я сверну здесь и пройду по окраине леса в хутор Бубны. Без вас мне было бы трудно и, может быть, я вообще бы не прошел.

— А что бы ты стал делать?

— Не знаю. Попытался бы пройти болотами...

— Н-да, — сказал дон Румата. — Я, кажется, действительно, тебе помог.

— Спасибо, дон Румата, я...

— Откуда ты знаешь мое имя?!

— Я узнал вас по золотому обручу на лбу. Но это неважно. Вас знают многие. Не в этом дело. Я...

— Прощай, — сказал дон Румата. — Я спешу. Может быть, я навещу тебя в Бубнах.

— Я буду ждать. Приезжайте. Я прочту вам свою летопись Странного времени. Вам будет интересно.

— Откуда ты знаешь? Мы, голубые, равнодушны к прошлому и будущему.

— На свете нет ничего одинакового. Все разное. Бывают разные голубые, разные черные, и даже серые бывают разные. Если бы это было не так, я бы давно убил себя, чтобы не мучиться безнадежностью... Прощайте, дон Румата.

— Прощай, милль Трауб. Что ты будешь делать на хуторе?

— О, я буду работать! Боже мой, как я буду работать! Днем и ночью, днем и ночью...

И если кончатся чернила, клянусь, я буду писать кровью. Прощайте, я не могу ни о чем думать теперь. Прощайте, и еще раз благодарю вас.

Он поклонился и скрылся в кустах. Дон Румата некоторое время слушал, как он идет — шумной неуклюжей походкой городского человека, — а потом тронул муллона. Была уже почти полночь, когда он въехал в лес.

Откуда взялось это странное название — Икающий лес — выяснить теперь, как это часто бывает со старыми названиями, было бы трудно. В трудах великого историка Картагены Питера Брандопаниторикса содержится легенда о том, как двести лет назад стальные когорты первого герцога Дрэгона Картагенского прорубались через чашу, преследуя отступающие орды варваров, и здесь на привалах варили из пьяных ягод отменное пиво, вызывающее неудержимую икоту. В примечаниях к легенде приводятся даже несколько рецептов изготовления дикого пива. Согласно легенде, Дрэгон Первый, осматривая свои когорты, сказал: «Бог и небо! Весь лес икает и провонял брагой». Отсюда якобы и пошло название.

Так или иначе, это был не совсем обыкновенный лес. Здесь росли огромные деревья с твердыми белыми стволами, каких не сохранилось нигде больше в прибрежной полосе — ни в Картагене, ни в Королевстве Вертимурском, ни даже в свободном городе Эпистемоне, где, впрочем, весь лес вырубил на корабли. Рассказывали, что таких лесов много севернее Великих болот, в стране варваров, но их никто не видел.

Через лес проходила дорога, прорубленная два века назад. Она соединяла столицу Картагену с северными серебряными рудниками и владениями барона Пампы дона Бау. Днем по дороге тянулись на юг обозы с обогащенной серебряной рудой, ночью было пусто, потому что мало было тех смельчаков, что рискнули бы путешествовать по Икающей чаще в темное время суток.

Лес был полон темных тайн. Здесь кричала по ночам птица сиу, которую никто не видел и которую, по слухам, увидеть было нельзя, потому что это была не простая птица. Огромные пауки прыгали с ветвей на шею муллонам и мигом прогрызали им жилы, захлебываясь кровью. Чудовищные белые змеи с красными, как у кроликов, глазами

обвивали стволы и, невидимые, ждали свою жертву. Бродил, хрустя ветками, огромный древний зверь пэх, тот, что дает потомство раз в столетие, покрыт чешуйчатой броней и тащит за собой семнадцать хвостов, покрытых ядовитой светящейся слизью. А иногда среди бела дня, ворча и бормоча свои жалобы, пересекал дорогу проклятым святым Эталонем мохнатый вепрь Ы, кожа которого непробиваема для железа, но легко испаривается костяным клинком.

Здесь можно было встретить и беглого раба со стальным обручем поперек живота — яростного и беспощадного, как гигантский паук. И черного колдуна, собирающего ядовитые грибы для своих проклятых настоек, разом убивающих честного картагенца, но безвредных и даже целительных для слуг дьявола. Хаживали по лесу сухопутные пираты из ночной армии таинственного Адама Колесо и беглецы с серебряных рудников с черными руками и белыми полупрозрачными лицами... Ведьмы устраивали здесь шабаши, а разухабистые охотники дона Бау — грандиозные выпивки на свежем воздухе.

Как раз в середине леса, поодаль от дороги, под огромным древним деревом, полузасохшим от старости и ядовитых соков, чернела покосившаяся изба, сложенная из дерева и камня, окруженная почерневшим частоколом и стоящая здесь с незапамятных времен. Дверь ее всегда была закрыта, а у крыльца торчали в разные стороны покосившиеся идола, вырезанные из цельных стволов. Эта изба была самое что ни на есть мрачное место в Икающем лесу. Говорили, что сюда приходит раз в сто лет древний пэх, чтобы родить своего потомка, и тут же сам умирает, а соки его гниения пропитывают потом почву нестерпимым ядом. И говорили еще, что иногда по ночам в мертвых окнах сам собою зажигается яркий нечеловеческий свет, раздается странный шум и светящийся дым поднимается до самого неба. Была даже сказка про народного героя Ильму Кукиша, как он ночью подобрался к окну этой избы и заглянул внутрь. Он увидел, что внутри все освещено, за грубым столом сидит с ногами на скамье человек и пьет вино из огромной бочки, которую поднимает одной рукой. Человек тот был страшен — лицо его свисало чуть не до пояса и все было покрыто пятнами, — и был это, несомненно, сам святой Эталон до приобщения к богу, когда он еще якшался с темными силами. Ильма Кукиш глядел на него во все глаза, побарывая страх, но когда человек вдруг заревел нехорошим голосом адскую песню, Ильма не выдержал и кинулся прочь. Лес вокруг странно пахнул — сладко и призывно, — и Ильма, добежав до ближайшей корчмы, пьянствовал всю ночь, но никак не мог утолить нечеловеческой жажды. И будто бы та песня адская была светским романсом, недавно запрещенным к распеванию: «Я как цветочек аленький в твоей ладошке маленькой»... С тех пор стали звать черную избу Пьяной Берлогой и обходили ее совсем уж стороной, даже днем боясь взглянуть на нее.

Благородный дон Румата направлялся именно к этой Пьяной Берлоге. Он съехал к ней с дороги, пробрался через заросли гигантского папоротника и, соскочив с муллона, привязал его к одному из идолов. В Берлоге горел свет, дверь была раскрыта, и дон Румата видел милля Кабани, сидевшего за столом в позе безнадежного отчаяния. В комнате стоял могучий спиртной дух, на столе возвышалась огромная глиняная кружка, стоящая среди кучи объедков, судя по всему, многодневной давности.

— Добрый вечер, милль Кабани, — сказал Румата, перешагивая через порог.

— Я вас приветствую, — отозвался милль Кабани не оборачиваясь, голосом хриплым, как боевой рог.

Дон Румата, лязгая шпорами, прошел к столу, стянул перчатки и швырнул их на скамью. Милль Кабани не шевелясь сидел, уставясь перед собой, положив обрюзглое лицо на толстые волосатые пальцы. Мохнатые полуседые брови его были трагически задраны, из ноздрей крупнопористого носа со свистом вылетал выдыхаемый воздух, пропитанный неусвоенным алкоголем.

— И я сам изобрел его, — сказал он вдруг, поведя на дону Румату заплывшими глазами. — Сам! Зачем? А?! — Он высвободил из-под щеки правую руку и, сильно

качнувшись, выставил вперед указательный палец толщиной с новорожденного ребенка. — Они не зависят от нас и нашей воли. Да. Вот что я решил... Не зависят!

Дон Румата, придерживая меч, перенес поочередно через скамью ноги в роскошных ботфортах, заляпанных грязью, и уселся удобнее, сдвинув рукавом в сторону кучу объедков.

— Кто не зависит, милль Кабани?

— Наши изобретения. Да. Они отдельно — мы отдельно. Они лежат в огромном ящике с дырой в боковине. Мы хотим что-нибудь изобрести, суем в дыру руку и вытягиваем наугад, и нам кажется, что мы вытянули именно то, что хотели вытянуть, а зря... — Милль Кабани неожиданно замолк и принялся клониться вперед, словно кто-то пригибал его за шею.

Дон Румата взял кружку, заглянул в нее, потом, наклонив, вылил несколько капель содержимого на тыльную сторону ладони. Содержимое было синевато-зеленоватого цвета и отчетливо разило смесью этилового и метилового спиртов. Дон Румата вытащил кружевной платок и тщательно вытер руку. На платке остались маслянистые пятна.

Голова милля Кабани коснулась стола и тотчас вздернулась вверх.

— Я изобрел смирительную рубаху, — заявил он. — Зачем? Чтобы они попытались надеть ее на меня. Хорошо... Я открыл мыло. Я мог стать богатым, как сам дон Ребиа, но они стали варить мыло из трупов. Ясно каждому, что еще при моей жизни они начнут варить мыло из пленных и государственных преступников... А я не желаю! — Он грохнул по столу, размозжив старую обглоданную кость. — Я сам государственный преступник! — Он схватил кружку и опрокинул ее над разинутой пастью. Глотая, он рычал, как вепрь Ы. — Тогда я изобрел горящую жидкость. Для растопки, для разжигания костров, для цирковых фокусов, наконец... Но — бог и спина Эталона! — оказалось, что ее можно пить. И я ее пью день и ночь, хотя знаю, что ничего хорошего из этого не получится. Я весь опух и постоянно падаю... И эти карлики...

Он вновь замолчал. Глаза его налились кровью и выкатились. Он смотрел на стол перед собой, потом поднял руку и сделал осторожное движение ладонью, словно ловил муху.

— Не поймать... А они бегают по столу десятками и съедают мою пищу... — Он снова упер локти в стол и уложил в растопыренные пальцы свои обрюзгшие щеки. — Какой нынче день?

— Суббота.

— А почему нет солнца?

— Потому что ночь.

— Ночь... Гм... И еще я думаю, что этот самогон, который я изобрел, есть особая влага. Да. Раз она позволяет видеть невидимое... Вы видите что-нибудь на столе, дон Румата?

— Конечно. Целые горы предметов. Наслоения, пласты...

— Нет... Нет, ничего вы не видите. Тут бегают десятки карликов в цветных одеждах... Как муравьи... Трудятся, хлопчут... Я их вижу яснее, чем вас... Целый мир, скрытый от людей... А я его открыл! Да... Они могли бы ткать... и прясть... и стр-р-радать... — Почтенный изобретатель пал носом в стол и замер.

Некоторое время дон Румата, посвистывая, смотрел на него, потом поднялся и, выбравшись из-за стола, прошел в соседнюю комнату. Это был чулан, слабо освещенный коптящей лампой. Посреди комнатки возвышался, поблескивая стеклом, гигантский агрегат милля Кабани, производящий до шести литров спирта-сырца в сутки. Рядом стояли ящики с опилками. Дон Румата, задумавшись, долго смотрел на адскую машину, потом поднял меч в ножнах и несколько раз ударил наотмашь, никуда специально не целясь. Загремело, задребезжало, зашипело и забулькало. Хрустя сапогами по битому стеклу, дон Румата прошел в дальний угол и включил электрический фонарик. Здесь под чехлом, заставленный какими-то козлами и деревянными рейками, стоял малогабаритный

полевой синтезатор ФК–13–М. Дон Румата отодвинул козлы и снял чехол. Синтезатор выглядел как-то странно в этой лачуге даже в свете электрического фонарика. Дон Румата поискал лопату и бросил несколько лопат опилок в приемную воронку. Синтезатор включился автоматически, принялся ворчать и хрустеть, мигая индикатором.

Он перетащил милля Кабани на кровать, прикрыл его огромным одеялом и стащил с него сапоги. Милль Кабани пытался слабо сопротивляться, запевал устрашающим голосом «Я как цветочек аленький...», дважды начинал пространную и глубокую речь о сущности изобретательства и наконец заснул каменным сном.

Дон Румата прибрал стол, нашел в углу бочку спирта и выпустил содержимое в крысиную нору, подмел пол и протер окна, почерневшие от грязи и химических экспериментов, которые милль Кабани производил на подоконниках.

Он только успел помыть руки и как раз вытирал их платком, когда раздался цокот копыт и заклекотал муллон, привязанный у крыльца. В дверь вошел невысокого роста бледный человек в роскошном бархатно-черном плаще, в зеленых перчатках с раструбом. Он был без шляпы. Черные длинные волосы обхватывал плоский золотой обруч с большим зеленым камнем над лбом. Плащ сзади задирался огромным мечом. Лицо его — мрачное, с поджатыми губами — смягчилось при виде дона Руматы. Они пожали друг другу руки.

— Наконец-то, фра Кондор, — сказал Румата. — Я немного беспокоился за вас.

Фра Кондор сорвал плащ, оставшись в сверкающем колете, пересеченном великолепной серебряной перевязью.

— Что происходит в Картагене? — спросил он. — Мне дважды пришлось сражаться с серыми и трижды предъявлять паспорт почетного эпискемона.

У него был резкий властный голос человека, привыкшего к повиновению и уважению. Они сели друг против друга за стол и, улыбаясь, оглядели друг друга. Было в них что-то общее, хотя дон Румата был огромен и темен лицом, и голос его был мягок и приветлив.

— Серые активизируются, — сказал он. — Благородный дон Ребиа задумал какую-то новую гадость. Не думаю, что нам следует обращать на это внимание.

Фра Кондор с сомнением покачал головой. И тут в комнату шагнул еще один человек без шляпы и с золотым обручем через лоб.

— Милые, — сказал он растроганным голосом. — Голубчики вы мои... До чего же я по вас соскучился!..

Путаясь в дорожной накидке, он пошел обнимать их, начав с фра Кондора, — почти такой же высокий, как дон Румата, но полный, румяный, очень добрый и даже немножко слащавый на вид.

— Я уж так был рад, так рад, — говорил он с сильным вертимурским акцентом. — Я даже ваших муллонов расцеловал от радости в их плешивенькие мордочки. Фра Кондор, ты все бледнеешь, нехорошо, следи за здоровьем, больше кушай, у вас такой неприятный климат... Румата, мальчик мой, ты красавец, во всей Империи не найдется другого такого красавца, клянусь рахитом своего короля и всеми эпискемонскими вольностями! А где милейший Кабани? Ах, вот он — спит... Пьян? Жаль, ужасно жаль... Что с ним такое последние полгода — он все время пьян, когда мы приезжаем, а ведь у него неважное сердце и отвратительная печень!..

Дон Румата улыбался, глядя на него, а фра Кондор скучал, подняв тонкие брови.

— Ах, эта история с гером Будахом! — продолжал третий с обручем. — Я ничего не понимаю — какое-то недоразумение, но пусть, пусть! Зато я увидел вас на целых пять дней раньше, чем ожидал... Но что же с Будахом, дон Румата? Неужели ты действительно его не дождался? Может быть, он задержался в дороге или, наоборот, не дождался тебя и проследовал прямо в Эпискемону?.. Это совершенно странное происшествие, и...

— Прошу прощения, гер Плосс, — сказал фра Кондор. — Я склонен выслушать все по порядку, иначе... — Он коротко пожал плечами и стал глядеть в сторону.

— Да-да, конечно, — проговорил гер Плосс, с виноватым видом усаживаясь за стол. — Естественно, фра Кондор, вы — прокурор, вы любите порядок... Но я так рад вас видеть!.. Не так часто мне приходится вообще что-нибудь видеть, кроме покоев своего царственного ублюдка...

Он расстроено подхватил кружку, оставшуюся на столе, понюхал ее и, скривившись, поставил на место. Дон Румата сказал:

— Пусть каждый скажет все, что ему известно по этому поводу.

— Пожалуйста, — быстро сказал гер Плосс. — Я готов. Хотя я ничего не могу объяснить. Прошу... В прошлую субботу, ровно неделю тому назад, я выкупил у королевской полиции гера Будаха, схваченного по обвинению в колдовстве, и отправил его в Картагену, предупредив вас, дон Румата. Я отправил его с двумя верными людьми... собственно, с вашими людьми, фра Кондор, — с доном Блудом и его оруженосцем. Отдельно я отправил его книги и рукописи, изъятые при аресте. Дон Румата должен был встретить их три дня назад близ Тэ де Тэ и переправить дальше в Эпистемону — я имею в виду гера Будаха и его книги. Операция была проста и... я не знаю, может быть, все дело в этом процессе? Мой человек, отвозивший книги, вернулся — я встретил его сегодня около границы. Где дон Блуд — не знаю. Вероятно... не знаю... Вот, собственно, все...

Фра Кондор повернул бледное лицо к дону Румате. Тот сказал, играя боевой перчаткой:

— Близ Тэ де Тэ я встретил человека с мешком, который назвал пароль и передал мне книги. Я наградил его и стал ждать остальных. Никто не пришел. Я не видел ни дона Блуда с оруженосцем, ни уважаемого гера Будаха, к которому я, просмотрев его книги, проникся самым живым участием. Я ждал сутки, после чего вернулся в Картагену и дал вам всем знать. По агентурным данным, какой-либо повышенной активности серых в районе Тэ де Тэ не наблюдалось. Все.

Фра Кондор сказал:

— Я знаю меньше всех. Я получил уведомление гера Плосса неделю назад, подготовил все для перехода границы и по вашему, дон Румата, вызову прискакал сюда, бросив дела. Я склонен думать, что гер Плосс прав: исчезновение Будаха связано с картагенским процессом знахарей-вредителей и сам Будах находится сейчас в Картагене или в какой-нибудь окрестной тюрьме. Меня смущает несколько роль дона Блуда в этой истории — он казался мне человеком надежным: я располагаю большими материалами, связанными с историей его обогащения, и ему попросту невыгодно было бы предавать нас. Впрочем, я не удивился бы, если бы это все-таки случилось. Чтобы быть кратким, предлагаю дону Румате заняться: а) розысками дона Блуда и его оруженосца и б) розысками и выкупом или похищением гера Будаха. Мне кажется, что говорить на эту тему более не имеет смысла, и я предлагаю начать обмен информацией. Меня не покидает ощущение надвигающихся событий. Оппозиция парламента Эпистемоны раскололась. Раздаются призывы к объединению с Картагенной, один за другим следуют процессы должностных лиц, покровительствующих наукам и искусству, созданы лиловые когорты, перенимающие штурмовой опыт серых рот мидона Ребиа. За последний месяц я участвовал в подготовке трех обвинительных актов государственного значения, и все три касались меценатствующей бюрократии, создавшей дворы, блистающие остроумием и яркими красками. Крупному астрологу Багиру пришлось бежать на материк от преследований черносотенцев, я помог ему в этом. Это тот самый Багир, на спасение которого от костра вам, дон Румата, пришлось приложить столько усилий. — Дон Румата кивнул, не поднимая глаз. — Когда и если геру Будаху удастся с нашей помощью пересечь границы Эпистемоны, он рискует попасть из огня в полымя. Я думаю даже, что дону Румате стоит подумать над переброской доктора непосредственно на материк, минуя Эпистемону... Зараза идет из Картагены, дон Румата. Вы должны быть очень внимательны. Проверьте все проверенные цепочки агентуры, раздайте новые подачки,

припугните, приласкайте и пообещайте. Мы вступаем во время больших событий, под напором которых цепочки будут рваться, как гнилые нитки.

Дон Румата кивнул еще раз:

— Возможно, вы правы, фра Кондор. Что-то готовится. Завтра в воскресенье — заметьте, именно в воскресенье — состоится публичная казнь знахарей. Будет повешено и посажено на кол восемь ведущих врачей герцогства по обвинению в колдовстве, подготовке государственного переворота и покушении на драгоценную жизнь мидона герцога Дрэгона. Мне удалось принять кое-какие меры, и казнь в последнюю минуту будет заменена пожизненным заключением в замке Тлук. Дальнейшая их судьба зависит от количества золота, которое способен произвести наш синтезатор. Дон Ребиа сменил весь командный состав серых рот. Герцог вступил, надо думать, в последнюю стадию размягчения мозга — жизнь его измеряется теперь месяцами. Оппозиция дону Ребиа спорит лишь о формулировках: утверждать Ребиа регентом или «воспитателем». Голубые недовольны, но им наплевать. Баронов интересуют только цены на хлеб и кольчуги. Честно говоря, мне мало интересны все эти события. Мне скучно, я их жду с нетерпением, потому что мне ясно, что нашим подопечным должен скоро прийти конец... если мы им не поможем.

От раннего черновика второй главы сохранились лишь первые четыре страницы. И здесь обнаруживается немало разночтений с окончательным текстом. Мальчик-слуга, хотя и осмеливается перечить хозяину, делает это не столь дерзко, как известный нам Уно. (Кстати, в этом отрывке само имя Уно упоминается всего единожды.) Утилизацию старого постельного белья благородный дон осуществляет самым радикальным способом. Можно только гадать, как проходила легализация Руматы в чужом мире, но у него во всяком случае предостаточно движимого и недвижимого фамильного имущества: городской дом с обстановкой, имение с крепостными... Будущий дон Рипат пока что без затей именуется доном Тапиром (потом Авторы просто запишут прежнее имя наоборот).

Сновиденье стало мучительным. Так безнадежно неправдоподобно и нереально было оно, что дону Румате хотелось плакать, и, кажется, он даже плакал во сне, но, когда он открыл глаза, все пропало — осталось только ощущение утраченного навсегда.

По-видимому, был уже день. Сквозь бархатные портьеры пробивалось в щели солнце, в желтых прямых лучах плясали ослепительные искорки. Было поздно.

Дон Румата протянул руку и нащупал у изголовья тяжелый витой шнур. Потянул, и где-то в глубине дома едва слышно забился, забренчал колокольчик.

Дон Румата лежал на спине, глядел в сводчатый высокий потолок с лепкой по карнизам, изображающей сцены абстрактной любви, и собирался с мыслями, готовясь к трудовому дню. Было тихо, за окном в саду посвистывали птицы да шумела листва на деревьях. Потом в глубине покоев послышались шаги, дверь отворилась с отвратительным визгом, и трудовой день начался.

Вошел мальчик-слуга, тоненький и угрюмый (судьба его могла бы составить тему для баллады), поклонился у порога (Румата глядел на него краем глаза), поставил на стол у кровати поднос с письмами и направился к окнам — распахивать портьеры.

Дон Румата повернулся на бок, собрал пачку писем с подноса и сказал ворчливо:

— Сто раз тебе говорил — смажь дверь, — визжит ведь гнусно.

— Сами вчера ночью мне накостыляли, чтобы не смазывал, — сказал мальчик сердито.

— Не лги, паршивец, — сказал дон Румата, разворачивая письмо.

Мальчик раздернул шторы. Стало ярко и желто в комнате. Открылись огромные ржавые потеки на стенах, тускло блеснуло родовое оружие, — спальня была старинненькая. По стенам ни к селу ни к городу выстроились древние кресла с отставшей обивкой, изъеденной насекомыми, колченогий стол для игры в кости, заваленный старыми книгами и рукописями, огромный буфет с ядовито-зелеными от времени чашами,

из которых пили, может быть, прадеды, а может быть, и не пили. Дон Румата стал читать письмо, а мальчик бродил по комнате, собирая разбросанную одежду и ворча.

— ...сами вернулись, нагрузившись, аж глаза в разные стороны смотрят. И — чего, мол, смазываю? Задницу, мол, не жалко, и — уши рвать. А мне-то эта дверь незачем. Приказали — делаю...

— Помолчи, — сказал дон Румата.

Писал управляющий. Писал приказчицей скорописью, без всякой там грамматики и премудростей. Именье-де в упадке, мужики воруют, работать не хотят, упорные. Обовшивели все, занищали, а оброк отрабатывать не желают, знай только брагу гонят, кто из чего.

— Вот вор, — сказал Румата вслух. — Ах, бандит...

Он отбросил простыни и сел на кровати, свесив одну ногу. Простыни были дырявые, желтые, с графской монограммой рода Руматы по углам.

Дон Румата швырнул на пол письмо управляющего, взял следующее. Конверт был из плотной грубой бумаги, сургучная печать смазана — видно было, что письмо вскрывали. Румата попробовал ногтем разорвать конверт — не вышло, пошарил на столике кинжал, не найдя, оторвал зубами угол, вскрыл. Читая, принял из рук мальчика чашку горячего шоколада. Письмо было от донна Тапира, гвардейца министра Ребиа. Просил честью отсрочить выплату игорного долга, ссылаясь на всякие вздорные обстоятельства. «Ладно», — сказал дон Румата. Отложил письмо, взял конверт и задумчиво его осмотрел. Сказал еще раз: «Ладно», но уже с угрозой.

Мальчик молча стоял подле кровати, держа наготове рубашку и штаны. Тысячу раз ему говорили, чтобы не смел одевать донна, что дон не маленький — не доходило, не укладывалось. Дон Румата вздохнул, слез с кровати и пошел через зал к мечу, брошенному на стол поперек слоя книг и рукописей. Нога запуталась в дыре простыни. Румата, чертыхнувшись, освободился, поднял простыню, швырнул ее на кровать мимо мальчика.

— Свежих простынь, надо понимать, в этом доме больше не осталось, — сказал он, беря меч.

— Сами знаете, — сказал мальчик ворчливо.

— Что, что я сам знаю? Я знаю, что второй месяц сплю как в хлеву.

— Простыни денег стоят.

— Ну так что же?

Мальчик молчал.

Дон Румата вынул меч из ножен, сделал несколько выпадов.

— Я спрашиваю, почему я должен спать по месяцу на дырявых простынях?

— Эва. Светлый герцог спит по полгода — не брезгует, а вам уже сумно.

Дон Румата сдержался.

— Все люди как люди, — продолжал мальчик. — А у вас все фокусы. То им подавай лохань, чтобы там брызгаться, то им горшок какой-то особенный. Теперь вот простыни не нравятся. А деньги не краденые — свои. Простыня — два золотых. Горшок ваш, не знаю, каким таким лешим придуманный, — тридцать золотых...

— Помолчи, — сказал дон Румата. — Разговорился... Мало я тебе денег даю, что ли? Что ты все жадничаешь?

Мальчик усмехнулся:

— А то много? Деньги, они руку любят, а рука — деньги. Нечего их туда-сюда раскидывать. Давеча вот сто золотых просадили по пьяному делу — вот вам и ваши простыни...

Дон Румата молча наклонился и не без труда выволок из-под стола мешок с золотом.

— На простыни хватит? — спросил он.

Глаза мальчика на секунду оживились, потом снова помрачнели.

— Не хозяин вы, — буркнул он. — Такую уймащу на простыни. В рост надо отдать, а лучше — земли прикупить да смердов душ тридцать...

— Завел гармонь, — сказал дон Румата. — Ну ладно, раз ты такой — вот тебе...

Он подошел к кровати, схватил простыню, подкинул ее высоко и свистнул клинком — простыня распалась на две колышущиеся половины. Мальчик издал какой-то звук, но с места не стронулся. «Вот тебе, — сказал Румата. — Вот тебе...» Он подбрасывал простыни и рубил их на лету в клочья, в тряпки, в лоскутки... Открылся матрас — бугристый и грязноватый, весь в клоповых следах, правда, старых. Румата, хакнув, разрубил его пополам, поддел на кончик меча, кинул и рубанул на лету. Полетел пух.

Мальчик стоял, судорожно прижав к груди одежду расшвырявшего донна. В глазах его был мрачный, угрюмый ужас и покорность. Тощее лицо совсем уже вытянулось и скривилось страдальчески. Румата вдруг почувствовал нестерпимую жалость к нему, и стыд, и раскаяние. Но урок дать следовало. Хлопот было слишком много вне дома. Дома должно было все быть хорошо.

Он бросил меч в пол — клинок вонзился в старое дерево с коротким стуком и задрожал, тихонько и чисто звеня. Румата взял у мальчика одежду. Натягивая зеленые бархатные штаны с матерчатыми шариками по шву, сказал миролюбиво:

— Видишь вот, Уно, рассердил меня — сколько я добра перепортил...

Мальчик коротко передохнул:

— Да уж. Уж это вы можете...

Румата влез в тонкую белую рубашку и застегнулся на петельки.

— Возьми денег, сколько надо, купи простыни, новый матрас, новую подушку и стопу бумаги...

— Бумагу-то зачем? — сказал мальчик страдающим голосом.

— Опять?

— Да ладно уж...

— Принеси еду. Кто-нибудь дожидается внизу?

— Брадобрей пришел. Два донна — дон Сера и дон Балуба — вино пьют и режутся в кости. — Мальчик явно хотел плюнуть, но сдержался.

— Неси еду и зови брадобрея. Передай доннам мои извинения, скажи: сейчас будет готов. Да не рычи — говори вежливо.

Брадобрей двора его герцогского высочества милль Карсак — длинный, сутуловатый мужчина лет сорока, с белыми чистыми руками, холеной бородкой и всегда опущенными глазами. Несомненный шпион серого министра, богач,

[Следующие страницы отсутствуют.]

Сохранился список проблем, которые Авторы собирались обрисовать в ТББ. Часть пунктов перечеркнута, около других поставлены крестики, означающие выполнение.

1. Наблюдение — эксперимент — операция.
2. Метафоры нашего времени.
3. Чуждость психологии (менее понятны, чем тагорцы).
4. Рассуждение о роли воображения.
5. Упоминания об Ордене.
6. Все интеллигенты занимали крупные посты.
7. Причины дружбы и любви. Пампа и Кира — Румата.
8. Возможность: униженное предложение Рэбия.
9. Любознательность Руматы («Зачем вы пьете?»).
10. Противоречие: люди — животные. Никак не заставить себя думать о них хорошо.
11. Даже здесь выдающиеся мерзавцы действуют не ради покоя, а ради действия. Залог коммунизма, хотя и [далее нрзб, предположительно: «неразумного Человечества»].

К более поздней стадии работы над ТББ относится перечень имен: «Румата, Мика, Тамэо, Хамахар, Киун, Арканар, Рэбия, Удина, Бако, Пампа дон Бау, Ирукан, Тоц, Дрэгон, Соа, Сиу, Пэх, Ы, Вага, Ирма, Кабани, Кондор, Гуг, Будах, Кац, Фуман, Багир, Кси, Пэрта Позвоночник, Сатарина, Уно, Мидара, Рипат, Пифа, Сэра, Акана, Кин, Тарра, Нанин, Цурэн, Пит, Каску, св. Тукка, Тата, Синда, Пэпин Славный, Гур, Кэу, Сикка, Цупик, Аба, Арата Горбатый, Муга, Кикус, Тибак, Фика, Пакка, Арима». Как нетрудно видеть, здесь уже нет эклектики первых черновиков, а немалая часть имен совпадает с теми, которые мы видим в окончательном варианте.

Там же, на этом листочке, есть зарисовки и интересная фраза около «Гл. I»: «Больше комаров вдоль главы». Замечание относится, надо полагать, к одной из задач, поставленных Авторами: «Это можно написать весело и интересно, как «Три мушкетера», только со средневековой мочой и грязью, как там пахли женщины, и в вине была масса дохлых мух».

Вариант черновика, где Рэба именуется доном Рэбия, состоял, судя по записям работы над рукописью, из восьми глав и эпилога (то есть был на 2 главы меньше окончательной версии и без пролога), но от него сохранились только разрозненные страницы. Материалов же, относящихся к периоду работы, когда Ребиа-Ребия-Рэбия окончательно стал Рэбой, найдено куда больше: не только отдельные отрывки, но и практически полный черновик с обильной правкой.

На появившемся к этому времени прологе следует остановиться отдельно. АБС использовали для него рассказ «Дорожный знак», уже существовавший к тому моменту как самостоятельное произведение (в таком качестве он входит и в данное Собрание). Тексты похожи, разница в основном в именах и названиях. Во время написания рассказа еще не были выдуманы Арканар, его окрестности и его жители, это впоследствии сельва превратилась в сайву, два миллиона кило стерлингов — в сто золотых, кактус пейотль — в кору белого дерева, голландские пираты — в ируканских, «пылающий Порто-дель-Карто» — в Урочище Тяжелых Мечей и так далее. Не было в рассказе и обращений «благородный дон» и «дона», да и упоминаемые мальчишками имена пришли не с чужой планеты, а взяты из хорошо известных в советские времена книг и фильмов: Генрих Наварра (в повести это будет маршал Тоц), Себастиан Перейра (Бон Саранча), Великий Альвец (дон Сатарина Беспощадный). Что касается Джона Гопкинса (потом замененного на Арату Красивого), он с равным успехом мог быть персонажем как О. Генри, так и самих Стругацких. Ведь вместо «Да разве станет Арата связываться с таким негодяем, как ты!» в рассказе говорится: «Да кто же не знает, что Гопкинс со всей своей компанией уже год как национализирован!», а это уже прямая переключка с повестью «Полдень, XXII век», где упомянуты и национализация «Юнайтэд Рокэт Констракшн», и сам мистер Гопкинс...

Единственное имя, придуманное Стругацкими (причем уже давно), «Румата-Освободитель», было заменено в конце концов в прологе на Гексу Ируканского. Ибо странно было бы будущему Румате играть в Румату, даже если это, как предполагалось в какой-то момент в переписке Авторам, другой представитель того же рода...

Вернемся, однако, к поздним черновикам ТББ. В них обнаруживаются довольно редкие уже расхождения с окончательным текстом по именам и названиям. (Так, улица Премноблагодарения — пока еще Куроедова улица, настоящее имя Руматы — Толя, а не Антон, а будущий Гаук собственного имени не имеет, он просто хозяин оружейной лавки.) Но главное не это. В черновиках содержатся очень интересные фрагменты, которые либо вошли в окончательный текст в сильно измененном виде, либо не попали туда вовсе.

Совсем иначе заканчивался спор Руматы с Будахом (его начало в сохранившейся части рукописи отсутствует):

...королей, слово раб станет непонятным, и все люди станут учеными...

— А! — сказал Будах и махнул рукой.

— Уверяю вас, — сказал Румата развеселившись. — Будет такое время! Человек посмеется над вашими пирамидами и станет сам управлять историей... Ему больше будет нравиться работать, чем отдыхать, он будет всемогущим и всезнающим.

— У вас богатое воображение, — с удовольствием сказал Будах. — Это хорошо. Вы грамотны? Прекрасно! Я бы с удовольствием позанимался с вами. Потому что, мой благородный друг, воображение никак не может заменить знание. Вероятно, все, что способен вообразить человек, существует где-то в неизвестности. Но вообразить и познать — это совершенно разные вещи. Вот, например, вы наверняка легко можете вообразить себя отцом, — лицо его вдруг стало удивительно добрым и ласковым, — но я вижу, вы не знаете, что вот эта милая молодая женщина ожидает ребенка. И я вижу, она этого тоже не знает...

Румата заморгал, медленно повернул голову и встретился взглядом с испуганными глазами Киры. Доктор Будах еще долго и, кажется, очень тонко разглагольствовал о соотношении между воображением и знанием, но ни Румата, ни Кира не слышали больше ни слова.

Видимо, Авторы сочли этот эпизод избыточно мелодраматичным и одновременно недостаточно убедительным — и, пожалуй, были правы. В окончательном тексте ТББ о том, что Кира ждет ребенка, нет ни слова (хотя в пьесе «Без оружия» эта линия сюжета снова появится, но в иных, куда более уместных и достоверных обстоятельствах).

В привычном нам тексте какие-то особенности и странности, отмеченные Руматой при выходах в город, обдумываются им позже — наедине с собой. В рукописи же размышления шли сразу за новостями, причем это, скорее, не мысли главного героя, а рассказ об этих мыслях.

Вот, например, сцена, где Румата узнал, что обворован, и чуть не зарубил ухмыляющихся штурмовиков:

Тогда он сразу остыл, ему стало смешно и стыдно. Положив ладони на рукоятки мечей, он двинулся домой, посвистывая сквозь зубы и с некоторой горечью размышляя о том, что нервы у него стали не те. Что если все пойдет дальше таким же путем, то скоро он примется рубить всех в капусту направо и налево. Впрочем, это, наверное, сказывалось напряжение последних недель и темное неопределенное ощущение каких-то грозных неотвратимых событий.

В дальнейшем Авторы предпочли использовать в таких случаях внутреннюю прямую речь.

При сопоставлении сохранившихся черновиков с окончательным текстом хорошо видно, по каким направлениям происходила «чистка» текста. Так, например, убирается избыточная публицистичность.

Если бы не были так темны крестьяне, если бы не были так разъединены ремесленники в тысячах крошечных мастерских, если бы они уже были способны подняться над мыслишками о лишнем медяке — словом, если бы было кого объединить, научить, направить... Нет, серая волна в Арканаре поднялась слишком рано, вопреки всем теориям и ожиданиям...

<...>

Для Руматы, редко сталкивающегося с детьми, десятилетний принц был антиподом всех сословий этой дикой страны: и тупых запуганных крестьян, и замученных ремесленников, и невежественных звероподобных лавочников, и оскотиневших в своих замках баронов, и развратного глупого дворянства.

Убираются выводы, до которых читатель может и должен додуматься сам, без подсказки Авторам:

...потом поднялся в гостиную, лег на диван и с некоторым усилием заставил себя вернуться к мыслям о Будахе. По-видимому, случилось самое вероятное. Дон Сатарина и Вага Колесо к Будаху непричастны. Значит, все-таки дон Рэба.

Уточняется психологический портрет Руматы, при этом некоторым его суждениям и мыслям, пусть даже весьма интересным, в новой редакции повести места уже не находится. Вот, к примеру, фрагмент, изъятый из сцены гулянки Руматы с Пампой:

Этой ночью неодолимое ощущение чего-то страшного, надвигающегося на город, стало таким давящим, таким острым и горьким, что он сдался. Да, давайте называть вещи своими именами: он сдался. Как никогда отчетливо он ощутил свое совершенное бессилие в этом грязном и алогичном мире. Он даже не заметил, как им овладело отчаяние. Эксперимент? Наблюдение? Да разве может коммунар, настоящий человек, быть наблюдателем? Разве может землянин спокойно и равнодушно наблюдать всю эту

подлость и безобразие? А если не может, то зачем я здесь? Обстоятельства убили во мне человека. Человека больше нет. Есть Румата Эсторский, благородный дон! Так падайте же, дон Румата Эсторский, падайте, черт вас возьми. Падайте вместе со всем этим миром. И он упал. Как-то незаметно для себя он обнаружил, что мир не так уж плох, что безденежные доны — настоящие остряки, а выходки барона просто очаровательны. Он ощутил непреодолимую потребность избить какого-нибудь неприятного типа. И кажется, он неоднократно делал это под одобрительные возгласы собутыльников, и эти одобрительные возгласы чрезвычайно льстили его самолюбию. Он дошел до такого состояния, когда все кажется простым и ясным, и он окончательно понял, что он в самом деле Румата Эсторский, наследник двадцати поколений великих предков, прославленных грабежами и пьянством, а дон Рэба просто жалкий выскочка, которого надлежит осадить, в отличие от короля, личности, несомненно, светлой, хотя и уступающей ему, Румате, в родовитости... А суть жизни заключается в том, чтобы безудержно пить, рубить мечами столы (одним махом, наискось, пусть все знают), тискать служанок и вообще делать все, что хочется. А Земля, Эксперимент — вздор, очень бла-ародно, но совершенно непонятно, как там насчет баб...

По-иному пытался обосновать Румата необходимость проверки, не шпион ли Киун (причем не до этой проверки, а уже после нее):

Страна кишела шпионами, и такие проверки приходилось делать часто, но каждый раз он с новой остротой ощущал стыд и раскаяние и испытывал неясную тревогу за себя, потому что каждый такой случай что-то надламывал в его душе, оставляя тягостное недовольство и чувство неуверенности в себе. Он пытался объяснить эти переживания. Психологически все получалось очень просто. Напугал и оскорбил человека, но извиниться не могу. Запрещено правилами игры. Благородный подонок Румата Эсторский не унижается до извинений перед каким-то паршивым грамотеем. Скверные правила, но такая уж игра...

Неоднократно переделывалась беседа Руматы с доном Кондором о Будахе в Пьяной Берлоге: добавлялись новые фрагменты, прежние изменялись или удалялись. Изъяты, например, такие размышления главного героя:

А я не могу по-настоящему ни жаловаться, ни объяснять, потому что меня сейчас же уберут из Арканара. Скажут: если ты слаб, уходи. Что тогда будет с Кирой? С Будахом? С Аратой Горбатым? Ах, как мне не повезло... Сколько прекрасных теорий, благоразумных рекомендаций! «Макроскопические воздействия на историю — дело отдаленного будущего. Сейчас мы не имеем возможности предсказать последствия даже микроскопических воздействий. Поэтому сидите тихо, не двигайтесь, помните, вы только наблюдатели, неосторожным поступком вы можете породить чудовищные бедствия... Ну так и быть, товарищи разведчики, раз уж вам неможется, разрешаем осторожно помогать ученым, художникам, поэтам. Осторожно, чтобы комар носа не подточил... Помните, вы работаете на будущее, на отдаленное будущее, ваше дело — наблюдение, наблюдение и еще раз наблюдение». А вот трахнуть бы по Веселой Башне из ракетной пушки...

Мысли о том, что Румата — плохой разведчик, что он и в самом деле ненавидит там, где должен только жалеть, в рукописи получали развитие:

Но почему — в трясины? Что это, собственно, значит? Перестать быть бесстрастным наблюдателем? Дать волю эмоциям? А если сама идея Эксперимента порочна? Разведчика посылают сюда в уверенности, что он будет работать, как работают на необитаемых планетах. Что он будет наблюдать, постигать, делать выводы. Никаких эмоций. И на Земле он сам в этом уверен. Все необычайно просто. На необитаемую планету посылают

люди, которые собираются перестроить ее природу. В инопланетное общество посылают люди, которые собираются перестроить это общество. Вот и вся разница. В обоих случаях от разведчика требуется любовь к делу, большие знания и быстрая реакция. Отличная аналогия. Очень утешительная для тех, кто изучает историю по книгам. Только забывают, что на необитаемой планете не плюют в живую человеческую душу, не льется красная кровь, не глумятся над всем, что нам дорого. Забывают, что это страшнее самых страшных извержений, землетрясений, ураганов, страшнее самых страшных чудовищ — электрических, кристаллических, химических и какие там есть еще. Забывают, что разведчик — это землянин, коммунар, человек, рожденный для борьбы, для действия, для радости победы...

А вот что думал Румата, находясь у покоев принца в ночь переворота:

Румата потряс головой. Не об этом сейчас нужно было думать. Все это, к сожалению, общие места. Все это, к сожалению, пока не подконтрольно. Наше дело маленькое, загорелся светлячок — возьми его в ладони, огради, перенеси в относительно безопасное место. Пусть светит. Пусть их будет больше, чем допускает естественная эволюция. Больше света! Вот Будах жив. Его надломили. Поставили на колени. По нашей вине, между прочим. Но он жив. И будет жив по крайней мере еще несколько дней, пока король лечится. Сегодня ночью начнется резня. Разгар наступит в три, перед рассветом. Вода станет мутной. Вот тут мы и попробуем исправить нашу ошибку. Хотя, пожалуй, правильнее было бы подождать. Будах жив, Будах под охраной короля, Будах лечит его подагру. А чем здоровее король, тем слабее влияние дона Рэбы. Странно, однако, неужели паук этого не понимает?..

Кстати, в черновике той же сцены присутствовала также любопытная фраза: «Работа с юными наследниками царствующих фамилий была совершенно новой линией в Эксперименте, и никто в Институте не знал, что из этого может получиться, хотя все полагали, что ничего особенного получиться не может».

А предыдущая сцена, в которой Румата собирался на дежурство, содержала такой фрагмент:

Он усмехнулся, снял с головы обруч, тщательно протер мягкой замшей объектив и вновь надел обруч. Затем нагнулся, просунул руку под сундук и вытащил из тайника скорчер — длинноствольный пистолет, стреляющий шаровыми молниями. Рифленая рукоятка удобно легла в ладонь. Резня сегодня будет ужасная. Взять с собой? Или разбудить Киру, научить: если кто ворвется, возьми его так, направь ствол и нажми этот крючок... Нельзя, нельзя. Дается на самый крайний случай, и никто толком не знает, что это за крайний случай. Он сжал губы, заблокировал разрядник и сунул скорчер обратно в тайник.

Уже при рукописной правке черновика скорчер был заменен на «пулемет с коротким толстым стволом», но в итоге здесь не нашлось места никакому земному оружию: его заменила металлопластовая рубашка. Излишний фантастический антураж планомерно изымался или сокращался и в других местах повести: плазменные взрывы заменялись выстрелами, плазменные пистолеты пулеметами, а лучевые удары перестали упоминаться вообще.

При окончательной доработке текста было уделено много внимания и тому, какими словами изъясняются персонажи повести. Из речи Руматы убраны избыточные архаизмы («давеча», «братец»), а книжное «искушен в истории» заменено на «силен в истории». Чистилась речь и остальных персонажей. Например, из речи барона Пампы убрано «король, на которого я, впрочем, чихал». В заявлении дона Сэры «а эти девочки (он указал на караульных гвардейцев, игравших в карты за другим столом) пусть идут сюда» ранее было добавление: «Я буду их ласкать». Речь этого персонажа и так смешна, лишнее Авторы убирают. Дозируется комический эффект и в сцене с обсуждением покушения на короля — там убирается фраза: «Однако все решительно сомневались относительно возможности пребывания на королевском ложе доны Мидары или какой-нибудь иной доны».

Фрагменты, где появляется или упоминается доня Окана, были в некоторых подробностях сокращены, а в некоторых, напротив, дописаны. Только в рукописи новая пассия доня Рэбы характеризовалась как «женщина красивая, но болезненно откровенная». Письмо Румате первоначально содержало вполне ясные указания по времени и месту встречи: «ночью после второй стражи постучать в заднюю дверь восточного дворцового флигеля». Сцена в доме Оканы начиналась иначе: «Новой фаворитке первого министра надлежало создать свой салон, и она принялась за дело очень ревностно. Общество в гостиной собралось отменное». Наедине с Руматой Окана изъяснялась без обиняков: «Только сними свои мечи, сейчас время сражаться совсем другим оружием...» А итоги неудавшегося визита Румата подводил в рукописи в том числе и так: «Научимся превращаться в свиней, тем более что в Цирцеях нехватки здесь нет».

По сравнению с рукописью Авторы сделали к этой линии и несколько очень точных дополнений. Это прежде всего усиливающие мотивацию Руматы слова «Идти было противно, не идти было глупо — доня Окана много знала». Кроме того, после слов доня Рипата о ее аресте и смерти Окана не исчезает со страниц повести, а упоминается еще дважды: в сцене с королем Арканарским («О доня Окана никто не говорил ни слова. Об этом либо еще не знали, либо делали вид, что не знают») и в размышлениях Руматы в ночь переворота («Вчера я убил дону Окану. Я знал, что убиваю, еще когда шел к ней с пером за ухом. И я жалею только, что убил без пользы»).

Интересное изменение было внесено в разговор Руматы с братом Нанином. В рукописи соответствующий фрагмент выглядел так:

Брат Нанин перестал улыбаться и растерянно заморгал.

— Вчера здесь случилась драка, — сказал он. — А отец Тарра столь же слаб телом, сколь силен духом. Ему сломали ребро и раскроили голову.

Румата крякнул от досады.

— Вот несчастье, — сказал он. — Что вы вмешиваетесь в эти драки? Ваше оружие не кулаки, а головы!..

— Иногда бывает трудно удержаться, — грустно сказал брат Нанин.

В окончательном тексте первопричина оказалась в том, что отец Тарра, по словам брата Нанина, «немного перепил». Поэтому вопрос Румата задает иной: «И почему вы так много пьете?». Но ответ получает тот же самый, что и прежде...

Особая глава с Аратой Горбатым в рассматриваемых черновиках отсутствует, ибо появилась позже. В ходе обсуждения уже готовой рукописи редакционными работниками был сделан ряд рекомендаций. Речь шла и о том, что даже условное средневековье не может существовать без классовой борьбы, пусть даже в виде крестьянских бунтов. А где бунты — там недалеко до появления воочию их предводителя. В целом же, судя по сохранившимся заметкам, Авторам было предложено поработать над следующими вопросами:

1. Пролог. Учсть, что действие происходит за 20 лет до романа.
2. После гибели Оканы ввести упоминание и рассуждения о ней (утро Руматы: письмо от доня Оканы).
3. Принизить Рэбу: дать понять, что это мелкий интриган и запутавшийся негодяй (в главе допроса и в беседе с Кондором).
4. Глава с Аратой.

План главы о встрече Руматы с Аратой сохранился. Здесь уже вполне узнаваемы и общая канва событий будущей девятой главы окончательной версии ТББ, и даже отдельные реплики персонажей:

Глава № X

1. Румата возвращается к себе в кабинет и находит там Арату.
2. Арата в монашеском одеянии, приехал с Орденом.
3. Все «политруки» у них горбатые и увечные, поэтому Арату не заметили.
4. Как попал в дом? Так, как никто, кроме меня, не пройдет.
5. Дело Араты (излагает): надобно золото.

6. Биография Араты через внешность: клеймо, выбитый глаз, горб, проломленный нос, без пальцев на левой руке. На правой руке — кольцо от цепи (им он убивал).

7. Разговор о планах.

Каковы планы у Араты, что он делает и что собирается.

Становится ясно, что он не надеется победить.

8. Румата: а какова твоя конечная цель?

9. Ответ Араты:

1) из истории пиратства: республика на воде;

2) из истории империи: первый император — крестьянин;

3) император, понизивший цену на водку.

10. Взгляды Араты на крестьянство. (Будучи пиратом, ограбил Соанскую библиотеку, читал, пока заживал горб.)

11. Арата рассказывает о Ваге Колесе — его конец.

12. Арата считает Румату «добрым призраком». Он живет в мире, где за одним углом кровавый призрак, за другим — ведьма. С призраком он схватится на мечях, ведьме переломает кости, а доброму призраку снисходительно скажет: отойди и не мешай.

13. Ответы на возражения Брускина: доброта не может, только ненависть. Надеюсь, доживу до того, когда вы возненавидите то, что сейчас жалеете. Лучше не мучайтесь, уходите отсюда.

14. Вопросы Брускина.

15. Земляне потеряли что-то. Нет сплошного преимущества перед людьми прошлого. Те, кто был на баррикадах, умели то, что не умеет сейчас никто на Земле. Чем вам еще можно помочь?

16. Уход Араты: «За мной шпик. Впрочем, не надо. Я сам».

Вообще говоря, заинтересованному читателю рукописные материалы и публикации «Трудно быть богом» могут дать повод для множества выводов и наблюдений, в том числе и лингвистических. Выдуманные Стругацкими имена персонажей интересны не только тем, что имеют аналоги в каком-то языке или восходят к некоему узнаваемому прототипу (наиболее очевиден пример с Берией), но и тем, как видоизменяются уже в самом авторском тексте. К примеру, в рукописи повести слово «Рэба» не склонялось (и даже успеваемость по курсу феодальной интриги предлагалось оценивать в децирэба, а не в децирэбах), но позже стало склоняться. То же произошло с доном Сэрой («доном Сэра» в первых изданиях) и братом Абой («братом Аба»)… Все это и многое другое могло бы стать благодатным материалом для отдельного серьезного исследования.

Публикационная история ТББ началась со сборника «Далекая Радуга» (1964). На ее протяжении было явлено, к сожалению, предостаточно примеров редакторского произвола — как сознательного, вызванного идеологическими, «морально-нравственными» и иными предпосылками, так и объясняемого просто безответственностью и некомпетентностью.

Купирование в «Библиотеке современной фантастики» некоторых подробностей общения Руматы с доной Оканой еще можно объяснить элементарной перестраховкой: незадолго до выхода этого тома вышла печальной памяти «рецензия» В. Немцова «Для кого пишут фантасты?» с весьма специфическими претензиями к ТББ вообще и к этой сцене в частности. С изменениями, появившимися в изданиях первой половины 80-х годов, все обстоит гораздо хуже. Тогдашние редакторы уже целенаправленно старались не пропустить в печать ничего, что могло выглядеть намеком на «общество реального социализма». Вплоть до цепляния к отдельным словам, якобы допуская ненужные аллюзии. Только это могло привести, например, к исправлению «товарища» на «мужика» в диалоге Руматы и Киры:

«— Барон Пампа — отличный товарищ.

— Как это так: барон — товарищ?»

Стихи ультрапатриотического содержания превратились в стихи ультраарканарского содержания. Во фразе, начинающейся словами «...И серые люди, стоящие у власти...» — «серые люди» исчезли. Фрагмент «весь народ в едином порыве» заменили на просто «все». Вместо «гнева народного» поставили «правосудие». Из заявления доня Тамэо «Я был убежден, что он в конце концов свергнет ничтожного монарха, проложит нам новые пути и откроет сверкающие перспективы» исчезло все после «ничтожного монарха». Не обошлось и без вздорных претензий

по части эстетики: в знаменитой фразе дна Тамэо «дабы вонючие мужики» слово «вонючие» поменяли на «грязные».

Самое печальное в том, что в таком виде текст «Трудно быть богом» потом переиздавался неоднократно — видимо, у Авторам просто не оказалось под рукой иных версий рукописи в момент резкого всплеска интереса к изданию их книг в конце 80-х. И длилось это, пока в первой половине 90-х не стало выходить первое собрание сочинений Стругацких в издательстве «Текст». Да и там повесть тоже вполне могла появиться в том же изуродованном виде, если бы не настойчивость Алексея Керзина, «людена»-москвича, узнавшего об этом и добившегося возврата любимых фраз уже буквально на стадии верстки тома.

Впрочем, и обычной неаккуратности хватало, и вкусовщины тоже. Допустим, когда в «Библиотеке современной фантастики» в одном месте вместо Арканара стоит Анкара — это всего лишь курьезная опечатка. Но когда в одном из позднейших (и весьма массовых) изданий точное авторское определение в прологе, что в лесу было «тихо и томно», меняется на банальное «тихо и темно» — это явный редакторский брак. И совсем уж никуда не годится, если редактор начинает «уточнять» психологию героев, в корне меняя по своему разумению смысл их реплик. Ответ Киры («Я не могу думать о других») на слова Руматы «Счастлив тот, кто думает о других», вероятно, может кому-то не очень понравиться, однако она в авторском тексте говорит именно это, а вовсе не «Я не могу не думать о других». А еще — пропуски, пропуски, пропуски...

Но немало, к счастью, и таких современных изданий, которые содержат тщательно выверенный и восстановленный текст «Трудно быть богом» и позволяют новому читателю Стругацких познакомиться с одной из лучших их книг в полном, правильном виде. В их числе несколько собраний сочинений АБС, включая, разумеется, нынешнее.

Подготовлено: С. Бондаренко, В. Казаков

II. Публицистика

Опубликованное

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий [Предисловие к набору открыток А. Соколова]

Соколов А. Космическая фантазия. — М.: Изогиз, 1963.

В последнее десятилетие в Советском Союзе, как и в других высокоразвитых странах мира, большую популярность завоевала научно-фантастическая литература, описывающая полеты на Луну, на другие планеты и даже к другим галактикам. Никогда еще небо с его чудесами не приближалось к Земле так, как в наше время. Человек уже побывал в космосе, человеческие глаза уже видели нашу планету с космических расстояний. Приборы, созданные человеческими руками, бороздят просторы Солнечной системы. Опираясь на гигантское развитие социалистической индустрии, советские ракетостроители — ученые, инженеры, рабочие — построили первые космические корабли, и человечество приступило к осуществлению своей вековой мечты — к штурму Вселенной. Сделаны первые, может быть, самые трудные шаги. Началось выполнение грандиозной программы освоения космоса, намеченной замечательным основателем науки о звездоплавании К. Э. Циолковским. Это ему принадлежат слова: «Человечество не останется вечно на Земле, но, в погоне за светом и пространством, сначала робко проникнет за пределы атмосферы, а затем завоюет себе все околосолнечное пространство». Он предсказывал, что люди запустят искусственные спутники, совершат облет Луны, высадятся на дальних планетах, устремятся к звездам. Мечта всегда опережает действительность. На то она и мечта. Герои нашего времени, первые космонавты, снова и снова облетают Землю, готовясь к следующему прыжку, еще более грандиозному, а фантазия писателей уже уносит читателя под черное небо Луны, в пески марсианских пустынь, в таинственные недра Юпитера, к мирам под иными солнцами, к центру Млечного Пути. Воображение читателя поражено настоящим, но он жаждет и нового. Стоит только читателю поднять голову ясной ночью, и перед его глазами встает необъятная, даже пугающая сокровищница тайн, удивительных и невообразимых. Что там? Кто там? Ученые спорят между собой, остроумно и внимательно перебирая немногие наблюдаемые данные. Слишком велики расстояния, слишком ничтожны видимые размеры объектов наблюдения, мешает непрерывно волнующийся океан земной атмосферы... Ученые скажут вам, какова масса Венеры и чему равен диаметр Марса, они знают толщину колец Сатурна и расстояние до Сириуса... Но спросите их: каков восход Солнца на Венере? Какими красками блещут неведомые скалы Меркурия? Что за следы замечает ветер в марсианских песках? Большинство ученых в ответ пожмут плечами: «Мы слишком мало знаем, чтобы отвечать на такие вопросы».

Другое дело — писатель-фантаст. Не то чтобы он считал себя не связанным фактами. Нет. Но современный писатель-фантаст, будучи во всеоружии научных фактов, считает себя не связанным отсутствием фактов. Он дополняет своим воображением недостаточные сведения о других мирах, восполняет полетом фантазии пробелы в фактическом материале, его воображение вооружено научным методом, и вот перед читателем предстают волнующие сцены на мрачной Железной звезде в «Туманности Андромеды» Ефремова, странные события на исследовательской станции над океаном мыслящей материи в «Солярисе» Станислава Лема, будни космических строителей в произведениях Гуревича. Разумеется, никто из писателей-фантастов не претендует на предсказание фактов, которые будут открыты наукой. Задача их совсем в другом. Дать в

художественных образах впечатление бесконечного разнообразия миров во Вселенной, возбудить воображение читателя до уровня нестерпимого стремления к знанию. Другими словами, содействовать воспитанию человека разностороннего, знающего, обладающего фантазией, этим «качеством величайшей ценности», как говорил В. И. Ленин.

Одной из важнейших задач искусства вообще является отображение окружающего мира во всей его удивительной многогранности. Внешняя Вселенная, несомненно, одна из самых ярких граней этого мира. И поэтому естественно появление фантастики как жанра литературы, поэтому естественно появление фантастики и в живописи. Художник — счастливец. Он способен подарить окружающим мир таким, каким он видит его. Художник-фантаст — счастливец вдвойне. Его мысленный взор видит то, что недоступно никому на свете, видит таким реальным и вещным, что может показать его всем. Его фантазия открывает необычайные миры — яркие и грозные, страшные и радостные, недоступные, но уже покоренные человеческим воображением. Характерно, что одним из первых значительных мастеров в этом жанре является советский художник Андрей Соколов, гражданин страны — родины звездоплавания. Первые же его картины, опубликованные в различных журналах, обратили на себя внимание как у нас, так и за рубежом. Его работы висят в кабинетах крупных советских ученых. Выставки его произведений в Москве и Ленинграде пользовались большим успехом.

Как и писатели-фантасты, Андрей Соколов не ставит перед собой задачу создавать картины-предсказания, изобразить то, что увидят космонавты в ближайшем и отдаленном будущем. Создать свой мир, увидеть хотя бы в воображении гигантское многообразие Вселенной, расширить представление о ней, возбудить воображение, заставить человека задуматься, поразиться, заспорить, представить себя в Мире как частицу его, но частицу разумную, покоряющую и познающую — вот задача художника. Его картины вызывают самые разнообразные чувства и мысли. Вот он какой, космос — грозный, величественный, слепящий и — наш! Наш! Наши корабли висят над дикими, нечеловеческими пейзажами, наши машины оставляют следы в кристаллической сверкающей пыли непостижимых планет, мы, люди, стоим на этих скалах и смотрим в зеленоватое марево, таящее загадки.

Чем привлекает нас Соколов как художник? У него великолепно развито пространственное воображение. Взгляните на диковинные, фантастические конструкции — творения наших потомков. Мы не знаем, что это за сооружения, мы можем только догадываться, каким целям они служат, но как превосходно чувствуется в их странных поворотах, неожиданных формах скрытая целесообразность, мощь, скрытая разумность их создателей. Цветовые контрасты, непривычные и кажущиеся неправдоподобными, подчеркивают странность изображаемых пейзажей, и в их бросающейся в глаза чуждости опять-таки чувствуется богатая фантазия. Соколов широко пользуется цветом, чтобы создать у зрителя впечатление незнакомости материалов естественных и искусственных объектов, которые он изображает. Красноватый отблеск Марса на поверхности его древнего искусственного спутника, зеленый блеск Сатурна, озаряющий скафандры космонавтов, жуткие желто-багровые трещины в коре остывающей звезды, яркий фиолетовый рассвет над неведомой планетой с ее кристаллической растительностью — разве это не будоражит воображение? Не зовет человека туда, «на место»?

Представленная здесь серия репродукций очень характерна для Андрея Соколова. Она как бы утверждает его уверенность в том, что придет время, и коммунистическое человечество будет хозяином во Вселенной. Серия охватывает основные вообразимые этапы освоения космоса: от первых следов человека в лунной пыли до старта экспедиции к соседней галактике.

Аркадий Стругацкий [Предложения по работе конференции]

О ходе подготовки к творческой конференции по производству сказочных, научно-фантастических, приключенческих фильмов. — Бюллетень Одесской киностудии. — [1963]. — № 5.

Я полагал бы, что ведущей идеей конференции должен быть обмен взглядами и опытом между кинематографистами и литераторами, без этого невозможно будет установить взаимопонимание. Не знаю, как наши коллеги в других городах, но Московское общество писателей-фантастов в ходе ряда дискуссий, обсуждений докладов и отдельных произведений сформулировало для себя вполне определенную платформу, основные положения которой сводятся к следующему:

а) Фантастика как жанр должна выполнять те же задачи, что и вся литература.

б) В связи с этим понятие жанровости фантастики в настоящее время отмирает и заменяется понятием метода. Другими словами, фантастика есть метод отражения действительности, равноправный с любыми другими методами в рамках социалистического реализма.

в) Специфика этого метода состоит в максимальном воздействии на воображение читателя и удовлетворении его естественной любознательности.

г) Научность фантастики ни в коем случае не измеряется количеством популяризируемых научных знаний, но пропорциональна глубине и точности отображения тех сдвигов в сознании людей и общества, которые вызваны гигантским прогрессом науки в наше время.

У меня нет никаких оснований предполагать, что эти положения приняты другими писателями-фантастами и тем более кинематографистами, но мне кажется, что другие существующие взгляды на фантастику (научно-популяризаторская литература, приключенческо-развлекательная литература и пр.) уже доказали свою несостоятельность. И потому я попробую убедить участников конференции в том, что к фантастике следует подходить именно с этих позиций.

С другой стороны, кино, по-видимому, тоже имеет свои особенности, хотя бы многочисленность и разнообразие аудитории по сравнению с литературой. Будет крайне интересно услышать, как понимают фантастический жанр специалисты кино, и выработать какой-то компромисс.

Из архива

Аркадий Стругацкий Кобаяси Такидзи

Начало тридцатых годов было для Японии страшным временем. Эти годы были наполнены событиями, которые являлись страшными и сами по себе, и еще более страшными по последствиям для японского народа. Дзайбацу и военщина рвались на завоевание чужих земель и на порабощение чужих народов, а для этого они должны были прежде всего поработить свой собственный народ. Фашиствующие офицеры во главе с кабинетным воякой генералом Араки плели заговоры с целью установить в стране открытую военную диктатуру. Махровые погромщики из Хакурокай и Дзиммукай бросали бомбы в профсоюзных деятелей и нападали на рабочие собрания. Чудовищно разросшийся полицейско-жандармский аппарат ловил, бросал в тюрьмы, пытал и убивал коммунистов. Транспорт за транспортом уплывали на материк грабить, убивать и умирать новые и новые тысячи оболваненных молодых японцев в уродливых касках и обмотках. Это было время, когда Япония вступала на ужасный и трагический путь, который впоследствии привел ее к неслыханному военному поражению, к миллионам вдов и миллионам безымянных могил на пространствах от Аляски до Австралии, к Хиросиме и к позору оккупации.

Народ сопротивлялся. Народ не хотел воевать — не было еще в истории матерей, которые с радостью посылали бы своих сыновей на бессмысленную бойню. И тогда неслыханный террор воцарился в Японии. Распускались демократические организации, полицейские бандиты врываются в дома, в корне подрывалась сама возможность протеста. Активисты рабочего и крестьянского движения избивались вручную. Трудящаяся Япония была обезглавлена, оглушена шовинистической и антикоммунистической пропагандой, запугана репрессиями. И только коммунисты, загнанные в глубочайшее подполье, ежечасно подвергающиеся смертельной опасности, продолжали борьбу. Они всеми силами и средствами старались поднять народ на активный протест, на выступления против войны. ЯКП призывала: «Против империалистической войны, за превращение ее в гражданскую! Против полицейской монархии, за рис, за землю, за свободу, за рабоче-крестьянское правительство!» Коммунисты шли для народа на лишения, на муки, на смерть. Реакция, однако, оказалась сильнее. Страшной ценой расплатилась Япония за то, что не сумела тогда внять голосу горсточки беззаветных патриотов и храбрецов!

В первых рядах партийных функционеров сражался коммунист и секретарь Союза японских пролетарских писателей Кобаяси Такидзи. Он не был новичком в партийной работе, по сути дела, активным партийным работником он стал еще в двадцать восьмом году, тогда же, когда японская пролетарская литература единодушно признала его своим вождем. Следует сказать, что Кобаяси не вдруг стал коммунистом, его привела в ряды ЯКП неумолимая логика борьбы за счастье народа, против бессовестных эксплуататоров простого трудового люда, а борьбу эту он начал еще в двадцать пятом году, когда был скромным клерком в Сельскохозяйственном банке на Хоккайдо. И начал он эту борьбу не на рабочих митингах, не на баррикадах, а в скромной своей комнатухе за колченогим письменным столом. Кобаяси был сыном бедного крестьянина и, кроме того, умел смотреть и оценивать виденное. Такие бесценные для писателя качества в сочетании с превосходным знанием жизни хоккайдоских арендаторов и с отличной осведомленностью относительно зловещей роли Сельскохозяйственного банка в их разорении и закабалении дали ему возможность создать произведения, которые прозвучали в те годы подобно взрыву бомбы. Никто еще до Кобаяси не писал о положении японского крестьянина с

такой обличающей резкостью. Правление Сельскохозяйственного банка немедленно выгнало начинающего писателя со службы.

Борьба началась. Кобаяси дрался с врагами народа на участке первостепенной важности — на литературном фронте. Очень скоро он понял, что только коммунисты являются до конца последовательными, непримиримыми и принципиальными борцами за мир и демократию, против полицейского произвола и войны, и он вступил в ряды ЯКП. Его произведения обретают все большую остроту и действенность. Ведь он не ограничивается абстрактными lamentациями по поводу беспросветной доли забитого безответного арендатора или вечно дрожащего за свое место у станка бесправного рабочего. Кобаяси выводит на страницы книг борцов! Его герои не только страдают, не только подвергаются эксплуатации, оскорблениям, унижениям, они борются, они активны, иногда они даже победители. Такие книги внушали японскому пролетариату бодрость, оптимизм, учили его бороться, быть активным, побеждать, они играли большую роль в формировании классового самосознания угнетенных масс.

В двадцать девятом году вышла в свет повесть «Краболов». В ней рассказывалось о восстании рабочих на плавучей крабokonсервной фабрике. Яркие до рези в глазах, страшные, как сам ад, картины жесточайшего унижения несчастных сезонников, последовательная, почти с научной убедительностью нарисованная дорога их к объединению и выступлению против мучителей, нескрываемые симпатии автора к Советской стране, наконец, беспощадное разоблачение полицейской роли императорской армии по отношению к простому народу — все это обусловило неслыханный успех повести. За полгода тираж «Краболова» достиг невиданной тогда для Японии цифры — двадцати тысяч экземпляров. Падкие на наживу буржуазные издатели сумели уговорить или подкупить цензуру, и изданное было категорическое запрещение на «Краболова» было снято. В течение нескольких лет «Краболов» издавался почти ежегодно, хотя и со значительными цензурными купюрами.

В начале тридцатых годов, в те страшные годы, когда японская реакция бросилась одновременно на Маньчжурию и на спину своему народу, Кобаяси написал еще несколько повестей. Самые значительные из них — это «Фабричная ячейка», «Организатор», «Отсутствующий помещик» и «Деревня Нумадзири». Это конкретные эпизоды борьбы японского пролетариата и крестьянства, их герои — коммунисты, борцы, солдаты революции. Лейтмотивом каждой повести служит призыв: «Остановите войну! Дайте пролетариату работу, крестьянам — землю, всему народу — рис и мир!» И уже в одной из этих повестей впервые появляется в японской литературе зловещая фигура фашиста-демагога, пытающегося играть на антикапиталистических настроениях крестьян, чтобы одурманить их шовинистическим угаром.

Затем Кобаяси пришлось уйти в подполье. Его искали. За его арест была назначена награда. Сотни шпииков с фотографиями Кобаяси в рукавах стерегли писателя в закоулках рабочих кварталов Токио. Скрываясь от преследований, полуголодный, лишенный крова, он работал простым функционером своей партии на одном из военных заводов, организуя там выступления против войны. И даже в этой кошмарной обстановке он продолжал писать. Именно тогда было создано одно из наиболее значительных его произведений — автобиографическая повесть «Жизнь для партии». Рассказывая о себе, Кобаяси говорит в то же время о сотнях таких же рядовых партийных работников, рассеянных по всей Японии. Им было трудно. Против них выступало японское гестапо — токкэй; против них действовали паникеры и оппортунисты, пробравшиеся в их ряды; им мешала слабость японского рабочего движения; предательство, арест, шантаж подстерегали их на каждом шагу. Но они боролись, поставив себе в образец борьбу русских коммунистов против царского режима. Они боролись и верили.

Тридцать лет назад, в феврале тридцать третьего года Кобаяси был схвачен. Неизвестно, как это произошло. Возможно, его предали. Его доставили в полицейский участок и там, в загаженной и забрызганной кровью камере через час забили насмерть.

Охранка использовала даже его труп для гнусной провокации: тело было выдано родным, а затем деятели прогрессивной культуры, пришедшие, чтобы отдать писателю последний долг, были арестованы и брошены в тюрьмы.

История антифашистской и антивоенной борьбы народов знает немало славных имен — от Сакко и Ванцетти до Юлиуса Фучика. И среди этих имен никогда не забудут народы имя Кобаяси Такидзи — писателя, борца, коммуниста.

Аркадий Стругацкий **Рецензия на повесть Н. Разговорова «Четыре четвёрки»**

(76 стр.)

Фантастический памфлет — довольно популярный среди читателей и авторов вид фантастической литературы. В подавляющем большинстве случаев он имеет дело с нашими идеологическими и политическими противниками, и в этом отношении едва ли не лучшим советским автором является Л. Лагин. К сожалению, у нас в фантастике почти нет (рецензенту, во всяком случае, неизвестны) произведений, решающих в памфлетном, гротесковом плане серьезные проблемы и разногласия, возникающие в среде наших современников и соотечественников в результате свойственного многим убежденным людям стремления занимать по отношению к тем или иным явлениям жизни общества весьма крайние позиции. Повесть Н. Разговорова до известной степени призвана восполнить этот пробел.

Всем памятна дискуссия «физика против лирики», занимавшая одно время серьезное место в сфере интересов советской молодежи. Дискуссия официально окончена, но большинство ее участников, естественно, не было убеждено и удовлетворено ее ходом и исходом. Боюсь, что за немногими исключениями выступления в «Комсомольской правде» звучали весьма наивно и, мягко выражаясь, неубедительно. Для не искушенной жизнью молодежи и для части старшего поколения, отравленной деляческой атмосферой времен культа личности, сама наша эпоха могучих рывков науки и техники представляется неопровержимым доказательством правоты «физиков». К сожалению, мало кто из них отдает себе отчет в том, что искусство, являясь, наряду с наукой, основным методом познания действительности, призвано совершать поистине титаническую работу в области перевоспитания людей в коммунистическом духе, что без искусства никогда не будет коммунистического человека, а выйдет в лучшем случае добросовестный ограниченный инженер американского типа, не желающий от жизни ничего, кроме развития по своей узкой специальности, и на все остальное вззирающий лишь с точки зрения потребительской, самодовольный мещанин без вкуса, без способности к тонкому чувству, без творческого воображения.

Н. Разговоров попытался в памфлетном духе «обыграть» эту тему, доказать, как беспомощна и ограничена мысль, лишенная одухотворяющего влияния «лирики». Действие повести происходит на Марсе, на планете, во всем похожей на Землю (таково допущение автора), но на которой сто тысячелетий назад «физики» разгромили «лириков» и уничтожили все «лирические» традиции, все «лирическое» наследие. Жители Марса — сплошь ученые, даже слово «человек» заменено словом «ученый». Жизнь людей проходит в трудах во славу науки, в научных развлечениях и — это единственная уступка «лиризму», допущенная тысячелетия спустя после разгрома «лириков», — в выдумывании подарков. Существует даже отрасль науки — подарковедение, — стоящая по важности на третьем месте после физики и математики. Подарки очень своеобразны: один из героев колеблется, подарить ли жене ко дню рождения некий штальпель (?) или очки из метеоритного стекла. На планете давно не существует домашних и иных животных в силу, по-видимому, их полной бесполезности для «физиков». Это обстоятельство и приводит к

огромным недоразумениям, когда на Марсе оказывается четвероногий космонавт, запущенный с Земли.

Правильно решить тайну Живого (так ученые Марса назвали собаку) удалось лишь чисто «лирическими» средствами. С одной стороны, «лирически» мыслящий маэстро Кин, отказавшийся от методов строго научных и обратившийся к методам эмоциональным, а с другой стороны, профессор Ир, раскапывавший остатки уничтоженного «лирического» наследия, сделали вывод, что космонавт не является разумным существом, а является приветом, посланным с другой планеты и воплощенным в не допускающее иного толкования доверчивое отношение Живого к людям, является собакой, животным, давно исчезнувшим с лица Марса. Эти поиски, с одной стороны, даже драматические, а с другой — по-настоящему смешные, и составляют основное содержание повести.

Повесть написана хорошим, крепким языком, на вполне профессиональном уровне, с настоящим большим юмором. Совершенно великолепно в этом отношении (я говорю о юморе) вторая часть повести, в которой речь идет об изысканиях Ира. Весьма поучительна ошибка профессора Бера, который на основании чистой логики построил совершенно неправильную гипотезу. И поистине превосходно изложены мысли Кина, додумавшегося до сигнала из другого мира, не допускающего двояких толкований.

Все это вместе взятое — и известная актуальность темы, и правильный взгляд автора, и литературные достоинства повести, — заставляют рецензента самым решительным образом рекомендовать повесть для напечатания в одном из ближайших номеров альманаха. Повесть не относится к той многочисленной категории произведений, которые можно печатать, а можно и не печатать. Рецензент не знает автора повести, но считает необходимым не терять с ним контакта и поощрять его на новые произведения в том же духе. Слава богу, нерешенных проблем в нашей жизни, а также проблем, относительно которых господствуют неправильные взгляды, у нас не занимать стать.

В порядке улучшения повести, чтобы скорее довести ее до более высокой литературной кондиции, следует предложить автору следующее:

1. Свести первую главу с четвертой и ее содержание вложить в речь профессора Ара.
2. Вымарать из повести все, что касается опального положения профессора Ира, это не играет никакой роли в повести.
3. Прямо-таки механически сократить по крайней мере на четверть все речи и выступления, занимающие больше одной страницы.
4. Провести по всей повести тщательную саморедактуру, устраняя стилистические и вкусовые небрежности, а также уточняя мысли и формулировки.
5. Выбросить безграмотные выражения типа «солнечная галактика», «завершение работ по научному изучению Марса», алюминий из метеоритов, никель из созвездия и т. д. и т. п.

[К основной рецензии приложен листок, на котором отпечатан другим шрифтом следующий текст.]

ЧЕТЫРЕ ЧЕТЫРКИ

Автор в своей повести ставит один из интересных вопросов нашего времени. Что важнее, лирика или физика. Спор этот убедил далеко не всех, что для гармонического развития человека, для его счастья необходимо и то, и другое.

Автор рисует мир, где полную победу одержали физики, рисует его в остроумной сатирической форме.

Сюжет этой вещи построен так, что даже в первых, вводных главах помогает автору в раскрытии его главной мысли.

(Автор рисует своих героев за разными занятиями, показывая их малую интересность и, в значительной степени, их малую интеллектуальность. Желание поймать

метеорит больше, чем ученый имярек, выдумка подарка, предмет, который преподается в школе, игра в нехитрые рассказы с самим собой.)

Схема сюжета очень проста — на Марс с Земли попадает собака в ракете. Эту собаку марсианские ученые принимают за создателя ракеты и пытаются установить с ней контакт.

В повести действуют четыре ученых-марсианина, причем, как мне кажется, автор совершенно справедливо не старается создать индивидуальные образы героев, ибо человек без поэзии неминуемо превращается в схему.

Повесть написана с юмором, выдумкой, хорошим литературным языком. Считаю, что повесть можно печатать без изменений.

Аркадий Стругацкий **[Стенограмма выступления]**

Сначала в порядке реплики о наших иностранных изданиях. Представьте себе, что мы вздумали бы отобрать самое лучшее, что есть у них. Мы должны ориентироваться на какие-то аннотации, ведь немислимо перечитать всю огромную литературу, которая издается. У них издается несколько бюллетеней, из которых можно понять, что к чему. Им, по-видимому, это сложно делать, потому что у нас ничего подобного нет.

Тов. Ляпунов говорил, как у нас поставлена работа с критическими отзывами, с рецензированием. Рецензирование вообще безобразно поставлено. Мы в своей собственной стране не знаем, что издается в Советском Союзе, а не то что иностранцы об этом знают.

Теперь что касается нашей повести «Попытка к бегству». Очень правильно и хорошо говорил А. П. Днепроv о том, что наша литература отстает по политическим, боевым качествам от соответствующей литературы на Западе. Правильно, отстает. Но это объясняется не только тем, что советские писатели не интересуются такого рода работой. Ничего подобного. Если наш писатель берется за такую работу, собирается выступить и кинуться в бой, то ведь ему трудней, чем зарубежному писателю. Американскому фантасту не жаль бросить бомбу на Нью-Йорк или потопить все континенты, чтобы изобразить угрозу коммунистического нашествия.

Нам, оставаясь на позициях советского гуманизма, разумного оптимизма, конечно, нужны более тонкие пути. Надо следить, чтобы ненависть к американскому империализму, к фашизму, расизму, геноциду и всякой прочей дряни не перешла огульно в ненависть к целым народам.

Я думаю, здесь вы со мной согласитесь. Это дело очень тонкое. Эта задача, которая стоит перед нами, неизмеримо труднее задач, которые стоят перед американскими писателями-фантастами.

Это не значит, что мы не должны пропагандировать такие идеи в наших книгах. Нам нужно этим заниматься, этого от нас требует время и наш народ. Здесь нам придется очень много работать и много думать.

Позволю себе обратить ваше внимание еще на такую сторону.

У советских писателей, у работников идеологического фронта не один внешний противник, есть еще и внутренний противник — это наследие старого, здесь и мещанство, и стилижничество. Против этого мы должны бороться. Мы должны средствами, приемами фантастики бить по первородному греху — по мещанству, по позиции «моя хата с краю».

В «Попытке к бегству» мы пытались решить две задачи: написать антифашистскую повесть и попробовать выявить художественными средствами ту идею, что человек нашего времени не имеет права дезертировать: если он хочет, чтобы наступил коммунизм, он должен бороться до последнего патрона.

Г. П. Тушкан говорит, что в повести «Попытка к бегству» непонятен конец. Не знаю, может быть, он очень торопливо читал эту повесть перед началом заседания. Могу сказать только, что я выступал в двух школах, выступал перед коллективами студентов — и везде эта наша мысль была прекрасно понята.

Аркадий Стругацкий Краткий обзор: Kingsley Amis. *New Maps of Hell*

1. *Starting Points*¹

Любопытно, что любителей НФ Эмис называет addicts².

Приверженность к НФ, как и другие виды наркомании, возникает в юности или совсем не возникает, как приверженность к джазу.

Эмис усматривает большое сходство между джазом и НФ.

1) Как самодовлеющие сущности и то, и другое появилось во втором-третьем десятилетии нашего века, и обе весьма отчетливо подверглись быстрому внутреннему развитию в районе 1940 г.

2) Обе сильно связаны с mass culture³.

3) Обе типичные американцы по происхождению, имеют огромную аудиторию и растущую армию работников в Зап<адной> Европе, исключ<ая> Испанию, Португалию и Ирландию.

4) Обе, каждая по-своему, окрашены радикализмом: НФ — по содержанию, джаз — по взглядам приверженцев. (Эмис замечает, что «Spectator» отмечает, что нет в Англии интеллигента, связанного с джазом, который не держался бы левой ориентации.)

5) Обе выдали целый ряд интересных и знающих личностей, но не выдали никого первоклассной значимости.

6) Обе появились в свет в состоянии беспокойной и наивной застенчивости.

7) Обе 50 лет назад решительно отделились от главных потоков серьезной музыки и серьезной литературы и в настоящее время обнаруживают признаки склонности к этим главным потокам.

8) И т. д. и т. п. Наконец, в последнее десятилетие обе привлекают внимание исследователей культуры — не сами по себе, а по своей способности отражать другие вещи и явления.

Определение: НФ есть класс прозы, имеющей дело с ситуациями, которые не могут возникать в известном нам мире; эти ситуации «сгипотезированы» на базе неких новшеств в науке или технологии, или псевдонауки и псевдотехнологии, по происхождению людской или внеземной.

Примеры введения псевдотехнологии:

а) «space-war»⁴ или «hyper-drive»⁵ для межзвездных перелетов (в обход Эйнштейна, не нарушая науки);

б) переводческие машины, телепатия — для сообщения с чужими интеллектами.

Эмис резко отграничивает science fiction⁶ от fantasy⁷. Первую любит, вторую нет. Пока неясно, что он имеет в виду. Но предшественниками contemporary fantasy⁸ он считает литературный ряд от «Beowulf» до Кафки. Впрочем, он отдает справедливость

¹ Исходные положения (англ.).

² Наркоманы (англ.).

³ Массовая культура (англ.).

⁴ Искривление пространства (англ.).

⁵ Гиперпереход (англ.).

⁶ Научная фантастика (англ.).

⁷ Фэнтези (англ.).

⁸ Современная фэнтези (англ.).

fantasy, считая, что она, как и SF, вполне способна, хотя и в меньшей степени, отражать специфические стороны действительности.

Видимо, под fantasy понимается проза со сказочно-легендной атрибутикой. Эмис признает, что теоретически легко заменить эту атрибутику научной, пример чему приводится из высказывания Фредерика Брауна. Признается также и возможность «онаучивания» персонажей сказок.

Еще два «поля» фантастики:

1) О доисторическом человеке.

2) Об «угрозах» («Ядовитый пояс» Конан-Дойла, «Черное облако» Хойла).

Обращается внимание на то, что в последнее время научная и техническая атрибутика в SF все больше отступает на задний план, становится фоном, в лучшем случае — средством для необходимых перемещений во времени и пространстве.

Новое определение: SF с правдоподобием показывает реакции человека на яркие изменения в привычной обстановке, изменения, либо вызванные им по своей воле, либо катастрофически обрушившиеся на него.

Эмис пишет о «Time Machine»:

«Когда Путешественник по Времени обнаруживает, что человечество окажется разделенным на две расы — на изнеженных бездельников элоев и диких морлоков, сама идея, что эти расы произошли соответственно от наших leisured classes¹ и рабочих, является просто объяснением, разгадкой загадки; она не трансформируется, как это было бы у современного автора, в предупреждение о некоей злобещей тенденции в обществе».

Так же разрушительны идеи Эмиса и о других вещах Уэллса. Не очень убедительно. Хорошо бы спросить самого Уэллса.

2. The Situation Today²

«Amazing Stories»³, первый в мире журнал научной фантастики, основан в 1926 году Гуго Гернсбеком, автором «Ральфа 124С41+». Там (в романе) впервые появился термин «телевизор».

Несколько лет затем SF была подавлена огромным количеством fantasy и space-opera⁴ (имеются в виду произведения со сказочной атрибутикой и «вестерны» с местом действия на других планетах) — это и есть ВЕМ-литература.

Под space-opera понимается переложение на космическую тематику старых героических, гангстерских, тexasских и др<угих> сюжетов. Видимо, отграничить space-opera от SF трудно.

В 30-х годах SF в процессе высвобождения от fantasy и space-opera.

Современная эра SF началась вокруг 40-го года:

в США

5 журналов в 38-м,

13 — в 39-м,

22 — в 41-м.

В Англии тогда только два.

О причинах этого взлета Эмис не знает и даже не пытается догадаться. А интересно бы! Все, что он говорит, — это не стремление публики к эскапистской л<итерату>ре.

Эмис с отвращением и насмешкой описывает современные «pulp»⁵ — журналы SF.

¹ Праздные классы (англ.).

² Ситуация (на) сегодня (англ.).

³ «Удивительные истории» (англ.).

⁴ Космическая опера (англ.).

⁵ Низкопробный, массовый (англ.).

Поток SF упал после запуска первого спутника, затем опять расширился и снова (в 62-м году) упал. В 62-м (61-м?) году ожидалось 152 повести и сборника, из которых только половина в бумажных обложках.

Клубы и об<щест>ва во всех крупных городах и многих мелких, мимеографич<еские> журналы и даже печатные, число колеблется в пределах 50–40. В США это сильнее всего на Среднем Западе и на Западном берегу, слабее в Новой Англии и Техасе. В Англии ок<оло> 20 клубов. В США ежегодная трехдневная мировая конвенция. Политически эти клубы прогрессивны, особенно в расовом вопросе. Иногда радикализм. Коммунистической группе из Бруклина помешали встать во главе национальной конвенции, и она основала ассоциацию «For the Political Advancement of SF»¹.

Кто читатели?

Мужчин больше, чем женщин (15:1 или 5:1). Это неравенство, вероятно, уменьшается.

Возраст — большинство под тридцать, есть дети и ветераны-любители.

Профессия — на 40% инженеры, химики, научно-исследователи. Остальные — ненаучные профессии, студенты, военнослужащие.

Анекдот Спрейг де Кэмп о фантасте в Нью-Орлеанском публичном доме, где этот фантаст был так популярен, что его приняли бесплатно гостем на весь вечер.

В чем польза SF? Не в пропаганде науки и не в предсказаниях.

Это средство драматизации общественных запросов: метод прозы, позволяющий изолировать, выделять и рассматривать тенденции культурного развития об<щест>ва.

«Любой марсианской разведгруппе следует посоветовать прочесть хорошую фантастику, прежде чем составлять отчет о земной цивилизации».

3. *New Light on the Unconscious*²

Голд, издатель «Galaxy Science Fiction»³ с 1950 г., пишет:

«Сегодня, читая старые НФ-произведения, мы часто способны составить себе более ясное представление об обществах, где они писались, чем из современной им обычной беллетристики. Мало что дает такое четкое отражение, как в НФ, о желаниях, надеждах, страхах, внутренних напряжениях и давлениях эпохи или определяет ее ограниченности с такой точностью».

В этой главе Эмис намерен обратить особое внимание на эти желания, надежды и страхи, как они проявляются в современной SF, независимо от целей, поставленных автором, на эмоции, а не на идеи.

Секс. В НФ мало секса, очень скромно. Зато в *fantasy* — огромное количество в разных формах.

Ощущение опасности для человечества. Не об атомных бомбах, а о других возможностях: завоеватели из Космоса, поголовная чума, просвещенные крысы, муравьи и т. д. Страх перед технологическим веком. Не страх перед машинами, а моральные и духовные опасности, связанные с развитием технологии. Эскапизм — из городов в деревни.

Что такое *trend-hound*⁴? Противники SF?

С другой стороны, SF — литература активная, если и не оптимистическая, межзвездное пространство рассматривается в ней не как место-убежище для эскапистов с Земли, а как передовая линия человеческой активности.

¹ «За политические успехи НФ» (англ.).

² Новый свет (пролитый) на бессознательное (англ.).

³ Галактическая научная фантастика (англ.).

⁴ Охотник за модой (англ.).

Эмис считает, что «1984» Орвела — не характерна для SF. Ни один не согласится со словами: «Хотите представить себе будущее? Так вот представьте сапог, надавивший на человеческое лицо — навсегда».

В огромном большинстве случаев — победа человека, решимость человека, гордость человека (читай: демократия, Американская гордость, Американец).

В настоящей SF вина за бедствия и катастрофы никогда не лежит на ученых: природа, или политики, или бизнесмены.

Эмис: «SF, если угодно, очень ненадежный источник в области науки, но она должна быть много точнее, когда пишет об ученых».

Искусство. Об искусстве SF всегда говорит с чудовищным уважением. Правда, большей частью это погибшее искусство, реликты исчезнувшей цивилизации.

Религия или псевдорелигия — в отношении всемогущих чужаков, или сатира, очень редко — с уважением и надеждой.

4. *Utopiae*¹ I

Созданы утопические произведения на проблеме секса. Общество, где мужчины и женщины перестали видеть друг друга. Общество, где остались лишь женщины, воспроизводящие партеногенетически. Ощущается критика социального состояния женщины, критика неравноправия в историческом процессе.

Проблема колониализма. Современная SF неписаным законом воспрещает вмешательство в дела инопланетников на их родине. С другой стороны, так же неписано гарантируется право исследователей (английских и американских) ставить где угодно свои торговые станции-фактории. Непрошенная помощь другим цивилизациям ведет к их вымиранию.

О людях, которые идут против всех. Выражение крайнего, одичалого индивидуализма. Воспринимается SF отрицательно. Иногда это телепат. Его преследуют за хамство.

Конформистская утопия — любимый кошмар современной SF. «1984» — «великое произведение личной истерии».

Эмис выделяет комическо-адские утопии, где тирания и деспотизм доведены до идиотизма.

Брэдбери. Эмис посмеивается над ним и над его популярностью у не-читателей, над его грошовой чувствительностью, но явно уважает как сильного писателя с богатым воображением и безграничной способностью удивляться.

Эмис:

«...и хотя я солидарен с ним [Брэдбери] в его нелюбви к тем, кто хватается за револьвер, услышав слово “культура”, я скоро начну хвататься за затычки для ушей, услышав фразу “упадок культуры”».

«451°» рассматривается менее значительной по силе, чем «1984», но более значительной по краткости и объективности.

Эмис справедливо обвиняет фантастику в том, что она, охотно показывая бунтовщиков против изменений к худшему, никогда не показывает борцов за изменение к лучшему.

5. *Utopiae* II

О «451°»: «Урок, который мы извлекаем из наиболее imaginative² научно-фантастических адов, состоит не только в том, что можно устроить общество, которое

¹ Утопии (лат.).

² Образный, художественный (англ.).

уничтожило бы активные добродетели, и даже не в том, что эти добродетели можно окончательно подавить, но и в том, что во всех типах людей есть нечто такое, что жаждет, чтобы это случилось».

Приводится цитата из Брэдбери — не книги, а заметки — о том, как он встретил на улице супружескую пару, прогуливающую собаку, и супруга с карманным приемником, заткнув ухо микрофоном, не замечала ничего, погруженная в иллюзорный мир радиовоплей. A la миссис Монтаг.

Версии Морских Раковин бывают у многих авторов, которые атакуют проблему беспредельного технологического и коммерческого развития. Это главное содержание их разновидности адской утопии.

А. Кларк: «Центры наслаждения в мозгу».

«Электрическая стимуляция в некоторых из этих районов (мозга) действительно открывается много более желанной для животных, нежели обычный удовлетворитель, как, напр<имер>, еда. Например, голодные крысы мчались быстрее к электрическому стимулятору, чем к пище. Воистину, голодное животное часто игнорировало доступную пищу ради удовольствия стимулировать себя электричеством. Некоторые крысы... стимулировали свои мозги более чем 2000 раз в час в течение 24 часов непрерывно!.. Достаточная мозго-стимуляционная работа была повторена на обезьянах... чтобы показать, что наши общие заключения можно с большой степенью вероятности распространить окончательно на человека — с поправками, разумеется».

Эмис на это замечает:

«Не могу сказать, что это пугает меня больше, чем кризис в Берлине или по вопросу о Формозе, но, мне кажется, пугать это должно больше».

Фантасты, как правило, с готовностью склонны усматривать переменные в том, что считается константами. Напр<имер>, сексуальные проблемы. Роботы-жены, об<щест>ва, в которых активная роль принадлежит женщинам, отряды женщин, направляемые в мужские колонии на других планетах. Но в общем фантасты удовлетворены сохранением статус-кво в половом вопросе.

А. Clarke «Patent Pending» — запись сексуальных ощущений, которую можно подключить в любое время.

Но моральное разложение пуше всего описывается в терминах зверства, не в сексуальных терминах. Убийства, ребенок-убийца, гладиаторы будущего — битва на палящих лампах, канатоходец над баком с пирайями и т. д.

Эмис о Фредерике Поле.

Иной раз мелькают космические корабли, но никаких БЕМов, никаких инопланетников. Его специальность — сатирическая утопия. Метод — выборная гиперболизация наблюдаемых черт нашего об<щест>ва плюс тщательная отработка деталей.

Космические inferны — так наз<ывается> Эмис этот жанр. Научная фантастика показывает человека в его отношениях не с другим человеком, а с вещью, с чудовищем, с инопланетянином, с катастрофой, с формой об<щест>ва.

Эдмунд Криспин — ведущий критик и комментатор SF:

«Персоналии в SF обычно рассматриваются как представители своего племени, а не индивидуальности в полном смысле слова. Это спичечные мужчины и женщины, а такие они потому, что если бы они такими не были, антропоцентрич<ная> природа нашей культуры заставила бы нас обращать слишком много на них внимания, и слишком мало внимания на внечеловеческие силы, составляющие другую важную половину драматического персонажа».

6. Prospects¹

SF как единственная в своем роде л<итерату>ра, способная доказывать те или иные теоремы о человеческой натуре нашего времени. Люди современного об<ществ>а ставятся в такие условия, которые вскрывают всю их моральную несостоятельность. («The Death of Grass» by Джон Кристофер)

SF, в которых ничего подобного нет. А есть idea as hero² («The Xi Effect» by Ф. Лэтам), подобно тому как в современном детективе осуществляется принцип plot as hero³. Некоторые такие вещи можно интерпретировать в соц<иально>-политич<еском> смысле, но на самом деле автор имел в виду только удивительную научную идею, и больше ничего. Это, как говорит Эмис, — pure SF⁴.

Эмис дает любопытный аспект: экономика научной фантастики. С этой точки зрения «pure SF» имеет тот недостаток, что по необходимости должна быть короткой, иначе самопроизвольно разваливается на части (как, напр<имер,> Blish's «A Case of Conscience»). Впрочем, мы-то понимаем это хорошо.

Katherine MacLean «Pictures don't lie» — о микроразумных.

Здесь читателю предлагается определить, что происходит. Форма детектива. См. также I. Asimov «Little Lost Robot».

Вообще SF врзается и в детективы, и в литературу ужасов, но, по мнению Эмиса, путь улучшения SF не в захвате чужих территорий, а в консолидации своих собственных.

Сомнение: что надо исправить?

а) Проблема секса. Избавиться от крайностей: от пуританизма, вообще отрицающего секс в SF (это, кстати, невозможно в pure SF), и от девиц, которым подносят лилии с венецианских болот. Но где же выход?

б) Отсутствие юмора или скверный юмор.

«Когда SF авторы жалуются, что их не принимают всерьез, а это они делают, когда не утверждают, что их читатели являются важнейшей частью общества, вина не только на них». Эмис утверждает, что Пола, Шекли, Кларка спокойно нужно рассматривать как общую беллетристику, а не всовывать в какое-нибудь «Королевство Межпланетника» между детской сказочкой и рассказом о собаке.

«Враждебно настроенные критики вне этого жанра публично заявляют вещи, обнаруживающие степень невежества, которую никто не потерпел бы, если бы речь шла об индонезийском гончарном искусстве или о том, как исландские торговые термины будут в переводе на банту».

Чего бы хотелось? «Не просто процесса самообновления части существующих SF авторов, а притока нового сорта талантов: молодых авторов, одинаково свободных и в SF, и в обычной л<итерату>ре».

Признаки:

в Англии William Golding «Lord of the Flies»,

в Австралии Nevil Shute «On the Beach»,

Film «The Man in the White Suit».

Эмис замечает, что многие отличные вещи, если они не снабжены подзаголовком «SF», рассматриваются критиками вполне серьезно.

Что ценно и должно развиваться в SF?

1) SF — есть литература самокритики социальной.

2) SF — литература, интересующаяся будущим.

¹ Перспективы (англ.).

² Идея как герой (англ.).

³ Сюжет как герой (англ.).

⁴ Чистая НФ (англ.).

Аркадий Стругацкий Рецензия на сборник «Мой лучший научно-фантастический рассказ»

(263 с.)

Сборник включает двенадцать научно-фантастических рассказов двенадцати американских авторов, среди которых такие широко известные писатели, как А. Азимов, Дж. Кэмпбелл, Э. Гамильтон, М. Лейнстер и др. Составлен сборник оригинально: издатели-составители опросили авторов, потребовав от каждого, чтобы он назвал рассказ, который считает своим самым лучшим. Результат получился очень интересный. Между прочим, такой сборник хорошо бы создать и у нас, из лучших рассказов наших авторов. Опыт американцев показал, однако, что — по мнению рецензента, по крайней мере, — тут почти полностью оправдалась старая поговорка, утверждающая, будто мать больше всего любит самого неудачного из своих детей. Во всяком случае из двенадцати рассказов, представленных в сборнике, не более четырех находятся выше черты, за которой кончается литература и начинается сентиментальное, либо безграмотное, либо штампованное чтиво. Ниже рецензент излагает содержание и краткую свою оценку всех рассказов по порядку.

А. Азимов. «Робот АЛ-76 сбивается с пути»

По дороге с фабрики на космодром пропадает робот, предназначенный для работ на Луне. Он приспособлен только к лунной обстановке, где должен работать дезинтегратором, срывая горы. Земная обстановка ошеломляет его, он бесцельно бродит по дорогам и бездорожью, пока не набредает на одинокую ферму. Поскольку в его позитронный мозг заложена потребность в работе, он принимается за дело: начинает собирать дезинтегратор из всякого железного хлама. Но под действием необычной для него земной обстановки мозг получает случайный импульс, и робот создает не обычный дезинтегратор, потребляющий огромное количество энергии, а совершенно новую машину на совершенно новом принципе, работающую от батарейки карманного фонаря и способную в один миг уничтожить целые горы. Владелец фермы, увидев разрушительное действие аппарата, от ужаса закричал: «Разбей эту машину! Забудь и думать о ней!» Робот, приученный повиноваться человеку, послушно разбивает машину на мелкие кусочки и вычеркивает ее из своей позитронной памяти. Восстановить машину не удастся, она навсегда потеряна для людей.

Рассказ хороший, со свойственным Азимову чувством юмора, может быть опубликован.

Э. Байндер. «Учитель с Марса»

В эпоху развитых межпланетных сообщений в маленький городок в школу-интернат приезжает учитель-марсианин. Ребята его зверски преследуют и мучают, пока не узнают, что его сын геройски погиб в схватке с космическими пиратами, прикрыв своим телом командира-землянина. Учитель получает медаль за сына, и ребята отныне относятся к нему с благоговением.

По намерению это рассказ о гнусности дискриминации, но выполнен он с излишней сентиментальностью и с противным слюнвявым умилением как в адрес страдающего марсианина, так и в адрес раскаявшихся преследователей. Рассказ публиковать не стоит.

Р. Блок. «Почти человеческий»

Гангстер проникает в мастерскую профессора, создавшего совершенного человекоподобного робота. «Воспитав» робота в духе преступника, он заставляет его убить профессора и совершает с помощью этого неуязвимого стального чудовища наглые грабежи. Но робот влюбляется в любовницу гангстера и в один прекрасный вечер приносит возлюбленной голову соперника.

Рассказ из рук вон скверный. Аляповат, безвкусен, глуп.

Дж. Кэмпбэлл. «Слепота»

Ученый, одержимый мечтой подарить людям дешевую атомную энергию, снаряжает корабль для исследования Солнца. В ходе работы по оборудованию корабля он изобретает способ прямого и полного перевода тепловой энергии в электрическую. Три года он крутится вблизи Солнца, стараясь вырвать у него тайну дешевого синтеза. Наконец это ему удается, и он, ослепший и больной, с триумфом возвращается на Землю. Но за эти годы человечество перевело всю энергетику на изобретенный им способ, всех преимуществ которого он не заметил. Атомная энергия больше никому не нужна. Его прославляет весь мир, но не за то, из-за чего он потерял здоровье и зрение.

Рассказ написан хорошо, патетично, с изрядным вкусом, хотя и устарел по взглядам на методику научной работы. Впрочем, можно его опубликовать.

Э. Гамильтон. «Гостиница по ту сторону света»

Со времен древней Атлантиды мудрецам Земли стал известен способ перехода из нашего мира в мир без времени и пространства. Способ этот тайно передавался из века в век лучшим людям поколений. После третьей мировой войны большой государственный деятель, не зная, как спасти свою разоренную страну, отправляется за советом в этот соседствующий мир. Лучшие люди всех веков и народов собираются там для бесед и споров. Герой спрашивает у них помощи и совета. Но последний человек на Земле, пришедший из четырнадцатитысячного века, говорит, что помогать не стоит, все равно все человеческие труды в конечном счете пойдут прахом. Просветленный герой возвращается в свой мир и век, уверенный теперь, что неважно, за что борешься, важно, как держишься в борьбе.

Рассказ написан неважно, это не литература. Кроме того, основная идея рассказа отдает очень гнилым душком. Печатать рассказ решительно не стоит.

Г. Каттнер. «Не глядите»

Двое посетителей кабачка, случайно встретившись, беседуют за столиком. Один сообщает другому под секретом, что на Земле среди людей живут марсиане, которые подготавливают захват нашей планеты. Они ничем не отличаются от нас, только на лбу у них под кожей спрятан третий глаз. Людей, которые узнают о них, они убивают. После беседы собеседники расстаются, и тогда тот, что остался за столиком, открывает на лбу глаз и смотрит вслед уходящему.

Рассказ написан хорошо и впечатляюще, и, если издательство не против публикации произведений, рассказывающих об угрозе межпланетного нашествия, его стоит перевести.

М. Лейнстер. «Исчезнувшая раса»

Рассказ о том, как был раскрыт секрет самоубийства высокоцивилизованной расы, господствовавшей во Вселенной за сто тысяч лет до выхода человека в космос. Эта раса

создала устройство, позволяющее видеть отражение мыслей, и провидцы продемонстрировали их близкое вырождение в результате мутаций. История эта излагается на фоне пошлой мелодрамы с любовью и роковой ревностью.

Возможно, Лейнстер и считает этот рассказ своим лучшим, но это решительно не так. Нет в нем ни блестящей лейнстеровской выдумки, ни подлинной человечности и трагизма. Безобразная помесь большой космической идеи с бульварной пошлостью.

Ф. Пратт. «Санаторий д<окто>ра Гримшоу»

Рассказ в стиле двадцатых годов о злодее-ученом, экспериментирующем на своих соотечественниках. Д<окто>р Гримшоу превращает людей в крошечных человечков величиной с мошку. Повествование о горестях этих людей и их приключениях в стране дремучих трав.

Тема, стиль, язык и литературный прием — все очень устарело. Переводить и публиковать не стоит.

Дж. Тэйн. «Катализатор»

В некотором будущем на Земле объединенного человечества остался всего один фашист-диктатор, загнанный в верховья Амазонки, где он правит страной Амазонией, отрезанный от внешнего мира, потому что внешний мир считает его государство под карантином. В Амазонии живет один ученый, который разработал катализатор, мгновенно меняющий железо в гемоглобине на магний и превращающий гемоглобин в хлорофилл. Чтобы избавить страну от диктатора, он накормил всю фашистскую шайку фруктами, содержащими катализатор, и те превратились в отвратительные грибы.

Это лучший рассказ в сборнике как по литературным данным, так и в идейном отношении. Считаю необходимым перевести и как можно скорее опубликовать его.

А. Ван Фогт. «Проект “Космический корабль”»

Рассказ о первом в мире космическом полете американского летчика. Безнадёжно устарел.

М. Уэллман. «Космическая станция № 1»

На заправочной космической станции между орбитой Земли и орбитой Юпитера служит молодой человек, которого всемогущий директор Межпланетных Сообщений сослал сюда за то, что тот полюбил его дочь и добился взаимности. Дочь нанимает шайку сумасшедших бандитов и прилетает за ним, но бандиты вдруг изменяют ей и решают начать пиратствовать. Храбрый молодой человек на глазах возлюбленной одолел пиратов и получил от папаши благословение на свадьбу.

Пошлый, глупый, никчемный рассказ.

Дж. Вильямсон. «Ясная звездочка»

Вариант уэллсовского «Человека, который мог творить чудеса». Написано неплохо, но значительно хуже, чем это сделал Уэллс, причем ничего нового, кроме детской попытки объяснить способность к чудотворчеству, в рассказе по сравнению с уэллсовским нет.

Печатать не стоит.

Итак, по мнению рецензента, достойны внимания следующие рассказы сборника:
 «Робот АЛ 76 сбивается с пути» Азимова,
 «Слепота» Кэмпбэлла,
 «Не смотрите» Каттнера и
 «Катализатор» Тэйна.
 Последний рассказ следует перевести и опубликовать в первую очередь.

Аркадий Стругацкий **Рецензия на повесть Артура Кларка «Пески Марса»**

(англ. яз., оригинал, 219 стр.)

Прежде чем говорить об авторе «Песков Марса» и о желательности опубликовать эту повесть в нашем издательстве, необходимо, пожалуй, вкратце рассказать о содержании книги, поскольку т. т. Кабалева и Майзельс в своей заявке ничего по сути об этом не сказали.

Повесть научно-фантастическая, в самом традиционном, я бы сказал, «жюль-верновском» смысле. Действие происходит в недалеком будущем, вероятно где-то в районе 2000-го года. Уже создан стартовый искусственный спутник Земли, построены города и гигантские обсерватории на Луне, исследуется Венера, ведется работа по освоению Марса и совершен даже полет к Сатурну. Опасность войны, видимо, ликвидирована, во всяком случае в повести ни полслова нет о каких бы то ни было политических проблемах. К Марсу отправляется в пробный рейс первая пассажирская ракета «Арес». Чтобы привлечь внимание общественности к этому новому виду пассажирского транспорта, а также — и главным образом — заставить правительственные финансовые организации увеличить помощь колонистам, осваивающим Марс, Комитет по Развитию Межпланетных Сообщений приглашает видного и популярного писателя-фантаста Мартина Гибсона принять участие в перелете. Мартин Гибсон, человек большого жизненного опыта, честный и достаточно самокритичный писатель, и является героем повести. «Арес» располагает новейшими атомными двигателями, и потому рейс к Марсу занимает всего около ста дней. Гибсон внимательно присматривается к своим спутникам. Это экипаж «Ареса», и их всего шестеро. Это интеллигентные, опытные космонавты, которых автор наделяет, несколько декларативно, правда, обширными интересами помимо профессиональных. Попутно автор критикует современников-фантастов за их попытки представить будущих покорителей вселенных в виде этаких морских волков, помесью командиров военных кораблей и старинных пиратов, способных пить виски бочками. Перелет до Марса проходит без особых приключений. Автор явственно дает понять, что это уже рутинная, притом довольно быстро надоедающая. Но вот наступает последний день перелета, и «Арес» причали-

[Отсутствует одна страница.]

красной нитью проходящей через всю повесть: «Арес» должен был пристать к другому спутнику — к Фобосу, где есть оборудованный порт, но туда его не пустили.

Поскольку «Арес» по расписанию должен пробыть у Марса два месяца, экипаж и пассажир переправляются на поверхность Марса, в Порт Лоуэлл, «столичное» поселение колонистов, названное по имени одного из крупнейших ареологов 19–20 вв. Руководитель марсианских поселений, глава местной администрации Уоррен Хэдфилд встречает Гибсона настороженно: пресса неоднократно причиняла «марсианам» неприятности в прошлом. Впрочем, поскольку у Гибсона большие полномочия, все двери (или только

почти все, как он потом убеждается) для него открыты. Гибсон самозабвенно изучает быт и будни небольшого коллектива колонистов. Это отборные люди в самом лучшем смысле слова, патриоты своего дела, поглощенные работой, цель жизни своей видящие в работе и вместе с тем веселые, молодые, свободные и сильные парни и девушки, любящие шутку, самодисциплинированные. Они приехали на Марс, чтобы завоевать для Земли новые просторы, а вовсе не за длинным рублем. Об отборе людей для колонии Хэдфилд заботится в первую очередь. Он огромный энтузиаст, и ему удалось перетянуть на Марс лучшие научные силы Земли. Сначала Гибсон настроен слегка скептически, но затем всеобщий энтузиазм переносится и на него, он чувствует себя лично заинтересованным в победе этой горстки людей над умирающей планетой, где кислород приходится добывать из песка, где люди забыли, что такое натуральные продукты, где температура за стенами надувных зданий не повышается над пятьюдесятью ниже нуля. Короче говоря, Гибсон сам становится патриотом Марса, и этот переход, этот прогресс психологии показан автором чрезвычайно убедительно. Не обходится и без приключений: так, Гибсон во время аварии самолета и вынужденной посадки в неисследованной местности открывает марсиан — травоядных, похожих на кенгуру животных, совершенно лишенных инстинкта самосохранения. И на протяжении всего его пребывания на Марсе он ощущает, что от него и от большинства колонистов скрывается какое-то грандиозное дело. Краем уха он слышит что-то о «Проекте Закат», но администрация отказывается объяснить ему, в чем дело.

В конце книги все объясняется. Чтобы создать на Марсе атмосферу, а следовательно, условия для настоящей колонизации, а следовательно, сделать Марс независимым от снабжения с Земли, ученые во главе с Хэдфилдом поджигают Фобос ядерной реакцией, создав таким образом для угасающей планеты собственное солнце. Проект этот приходилось скрывать, потому что в Комитете по Развитию Межпланетных Сообщений существовало мнение свернуть колонию на Марсе, ибо она пока ничего еще не дала Земле и является исключительно потребителем. Сторонники этого мнения ни за что не согласились бы на дорогостоящий опыт с Фобосом. Но вот пылающий Фобос горячим диском встает над песками Марса. Теперь отступления нет. Колонисты победили. Гибсон остается на Марсе, увлеченный громадностью работы. Его репортажи принесли огромную пользу колонистам: на Марсе всегда не хватало людей, а теперь все новые и новые тысячи добровольцев рвутся на новую планету. Таково, в общих чертах, содержание повести. Есть в ней еще мелодраматическая линия: самый молодой из членов экипажа при ближайшем рассмотрении оказывается сыном Гибсона, что влечет за собой массу переживаний, затем этот сын влюбляется в дочь Хэдфилда, родители благословляют молодых на фоне грандиозной деятельности по перестройке планеты, и это не очень удачные места в повести.

Как видно из этого краткого изложения, повесть «Пески Марса» не является традиционной для западной (и нашей, между прочим) фантастической литературы в том смысле, что она лишена элементов сюжетной остроты, в ней нет головокружительных приключений, поражающих воображение научных открытий, накала человеческих страстей и тем более треска пулеметных очередей и атомных взрывов. Тем не менее повесть чрезвычайно интересна. В целом она напоминает некий репортаж, посвященный одному далеко не самому важному, но значительному по последствиям для человеческого духа предприятию, где все более или менее обыкновенно и даже слегка скучно для автора, но должно быть интересно и поучительно для читателя. Этот дух того, что называется «само собой разумеется», придает книге необычный колорит и своеобразную прелесть, вообще свойственные произведениям Кларка. Гуманизм, глубокая вера в лучшее в человеке — эти отличительные черты передовой литературы весьма удачно воплотились в «Песках Марса», а в сочетании с указанной выше особенностью автора они производят просто отличное, радостное впечатление. Прочитав книгу, хочется крикнуть: «Молодцы люди!» О чем, в конечном счете, эта книга? Один английский критик восторженно

объявил, что в «Песках Марса» прославлен трудовой подвиг человечества. Переводчики в своей заявке утверждают, будто Кларк пытается внушить читателю, что человек может и должен не только познавать, но и покорять природу, преображать Вселенную. Это и так, и не так. Конечно, в повести мотив трудового подвига звучит достаточно сильно. Конечно, мысль о необходимости покорения природы подразумевается, если и не высказывается прямо. Но главное не в этом, мне кажется. Главное в утверждении, что высшая доступная человеку радость — это такой труд во имя высокой цели, когда работаешь в сплоченном коллективе, состоящем из идейных единомышленников, когда работа сама по себе является такой радостью, а не длинный рубль, когда с восхищением открываешь и узнаешь в соседе, с которым работаешь рука об руку, целый мир, доступный тебе и вместе с тем совершенно для тебя новый. Недаром так быстро и убедительно заражается Гибсон энтузиазмом колонистов. Недаром он с сожалением думает о том времени, когда колония разрастется и в нее войдут уже случайные, незнакомые люди, и эта радость энтузиазма потускнеет и исчезнет под давлением внешних административных воздействий, совершенно ненужных сейчас, когда все знают и любят друг друга, но необходимых в будущем, когда в среде колонистов появятся лодыри и мещане.

Несколько слов о недостатках книги.

Все герои повести — англичане. Писатель Гибсон, командир ракеты Норден, экипаж ракеты, глава администрации Хэдфилд, его помощник Уиттэйкер — все до одного. Это легко понять, принимая во внимание, что автор является англичанином. Но для уха русского читателя в шестидесятых годах это представляется до неприличия смешным. Конечно, книга написана в 50-м году (опубликована в 51-м), когда никто на Западе и вообразить не мог, что всего через семь лет в небе Земли появится первый спутник, и этот спутник будет советским. Но сейчас-то уже не 50-й год! Впрочем, обвинять Кларка в отсутствии интернационализма было бы, пожалуй, при всех обстоятельствах не очень умно. Сам дух книги доказывает, что герои его — просто лучшие люди человечества, без всяких национальных признаков, кроме имен. Это можно было бы без труда оговорить в предисловии. Действительно, трудно себе представить, чтобы Кларк, виднейший энтузиаст идеи межпланетных перелетов в Англии, не понимал, что выход в Космос — это дело всего человечества, что в таких масштабах этот прыжок во Вселенную просто непосилен отдельному государству.

Далее. Крайне неудачной и никчемной представляется упоминавшаяся уже мелодраматическая линия повести. Никчемность ее определяется хотя бы тем, что ни для духа, ни для содержания книги не было бы никакой потери, если бы эту линию выбросили. Переживания Гибсона-отца никак не помогают уточнению его образа настойчивого энтузиаста-писателя, а худосочный романчик Джимми с Айрин ничего не добавляет к описанию жизнерадостного духа, царящего в Порт-Лоуэлл. Да и сам автор несколько раз смущенно скороговоркой упоминает о том, что встреча отца с сыном после двадцатилетней разлуки — дело совершенно случайное, а потом пытается убедить читателя в том, что в поселении мало было неженатых мужчин, и только поэтому-де Айрин так быстро «спелась» с заезжим космонавтом.

Выпадает из органического «репортерского» стиля повести и эпизод, когда Гибсон наталкивается на марсиан. В остросюжетном произведении новичок, попавший в исключительные обстоятельства и совершающий большое открытие, — дело обыкновенное. Но «Пески Марса» построены совсем на другой основе. Такие случайности противопоставлены самому уровню достоверности этой повести. Но, впрочем, этот эпизод как раз не может вызывать особых возражений. Все-таки известно, что «случайности случаются».

Вот и все о недостатках. К достоинствам же повести следует отнести превосходный ясный язык, которым так славится А. Кларк, добротный английский юмор в лучших традициях Джекобса и Джерома, мягкую неназойливость, с которой автор подает необходимый для повествования научный материал. Кстати, о научном материале.

Повесть насыщена им как раз в той золотой степени, когда он не надоедает и, с другой стороны, придает произведению несомненную познавательную ценность.

ВЫВОД:

Опубликование повести было бы хорошим подарком молодому советскому читателю. Если редакция согласна с мнением рецензента и решит заказать перевод, нужно тщательно продумать и опробовать переводчика: было бы жалко испортить повесть скверным переводом.

Несколько слов об авторе.

Артур Чарльз Кларк является одним из крупнейших писателей-фантастов современной Англии. Английская критика расценивает его как современного Уэллса, отмечая его способность просто и ясно излагать самые сложные философские и научные проблемы. Возможно, это преувеличение, но факт остается фактом: по художественному мастерству и по серьезному отношению к научной стороне проблемы, по знанию материала и богатству воображения А. Кларк занимает среди западных фантастов выдающееся место. Выделяется он также и отмеченным выше гуманизмом и прогрессивными позициями.

Родился Кларк в 17-м году, окончил Королевский Лондонский колледж по физике и математике, во время войны работал на радарных установках в британских ВВС. С 1949 года является председателем Британского общества межпланетных сообщений и членом Королевской ассоциации астрономов. В литературу с первыми рассказами вступил в 47-м году. К настоящему времени у него вышло более 10 научно-фантастических и научно-художественных произведений, расцененных специалистами как классика в литературе этого рода. Сейчас находится на Цейлоне, руководит местными астрономами. Недавно удостоен премии Калинги за лучшее произведение, пропагандирующее научные знания. Премия дана за совокупность работ.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий Фантастика как метод: тезисы доклада

1. Вступление

Задача воспитания молодежи в духе коммунистической идеологии осложняется в наше время небывалой активизацией мещанства. Не секрет, что в связи с угрозой атомной войны, разлагающим влиянием культа личности Сталина и соблазнами «шикарной свободной жизни», рекламируемыми зарубежной пропагандой, в части нашей молодежи усилились тунеядские тенденции, развилось небывалое пренебрежение интересами общества, усилились стремления переложить ответственность за свои поступки на совесть других, возникло нежелание думать и учиться.

В этих обстоятельствах ответственность искусства в борьбе за коммунистическую идеологию возрастает необычайно. И здесь на первое место может и должна выйти фантастика — антимещанский по коренным задачам, наиболее популярный вид искусства. Факт остается фактом: самый серый фантастический рассказ, не в пример слезливому опусу о встрече с ветлой на дождливой дороге, производит на читателя впечатление окна, приоткрытого в мир необычайно интересных и важных вещей, до которых можно дотянуться всякому, если учиться и перестать смотреть на Вселенную как на закрытый распределитель всяких благ, где одному достается двухкомнатная квартира с мебелью, «а мне ничего не достается».

Мещанство — страшная сила. Более страшная, может быть, чем атомная бомба. Мещанство — это сущность всего темного и животного в человеке. Оно мешает человеку подняться с четверенек, мешает ему верить в друга, глядеть на звезды. Оно заключает человека в узкий круг примитивных страстей: вещи, водка, половые отправления.

Бороться с мещанством надо немедленно, сейчас же, пока оно не оседлало человечество, подсекать его под корень в сердцах молодежи, душить его в душах взрослых.

Одним из самых мощных средств в арсенале борьбы с мещанством является яркая, увлекательная, небудничная литература и кино, и именно таким искусством может и должна стать фантастика.

Фантастика в литературе и кино призвана действовать в трех направлениях, если она хочет быть боевым видом искусства.

1. Создавать яркие впечатляющие образы героев-коммунистов, наших современников и людей будущего, честных, умных, веселых, активных, бескорыстных и добрых. Которым хотелось бы подражать. Которые заставляли бы сравнивать и делать выводы. Против морали которых не устоять морали «моя хата с краю», «пойду, где больше платят», «своя рубашка ближе к телу», «прошвырнемся по Броду».

2. Создавать ситуации, в которых современный мещанин до предела раскрывал бы свое античеловеческое мурло, вызывал бы ненависть и презрение, брезгливость и смех. Которые ясно показывали бы, что в представлении мещанина коммунизм — это бак для питьевой воды, кружка прикована золотой цепью, стоит часовой, чтобы цепь не сперли, а в баке пиво — пей сколь хошь. И пять автомобилей, четыре для себя, а пятый продать и купить шубу на котиках. И каждый строит коммунизм для себя, в отдельно взятом земельном участке, а чтобы не вмешивалось социалистическое окружение, опутать участок колючей проволокой и зарядить дробью берданку.

3. Создавать произведения, разоблачающие фашизм, автократию, предателей интересов человечества всех мастей, от квислинговцев до куклуксклановцев, показывать идеологию империализма как идеологию мирового мещанства в его апофеозе, т. е. раскрытие пещерной сущности применения наисовременнейших достижений человеческого разума нынешними сторонниками ультра.

2. Три мыслимых пути использования фантастики в искусстве.

А) Фантастика — метод. Прием создания необычных ситуаций для выявления типического.

Б) Фантастика — вид искусства. Создание утопических произведений, показывающих человека будущего в свойственной ему обстановке.

В) Фантастика — вид пропаганды научных и технических знаний. Известен жанр научно-фантастического очерка и кино в научно-популярной сфере.

Эти три пути могут сочетаться в одном произведении.

3. Нас интересует фантастика в качестве метода. Назовем его методом Уэллса.

Прием создания необычной ситуации — широкий диапазон от сказки и сна до вполне оправданной научной идеи. Крайние случаи этого приема у Уэллса: с одной стороны, «Яблоко» и «Человек, который мог творить чудеса», с другой — «Машина времени» и «Человек-невидимка».

4. Использование фантастического метода в искусстве дает для наших целей антимещанской борьбы самые широкие перспективы.

Пример А: раненый, умирающий летчик в пустыне встречается с могучим существом иного мира, которое предлагает ему исполнить одно желание. Летчик требует, чтобы на Земле прекратились войны.

Пример Б: бюрократ, мелкая душонка, получает власть над волшебником из сказки «1001 ночи». Он делает себя начальником, создает массу ведомственных барьеров и использует волшебника, чтобы надувать посетителей и начальство.

Пример В: осуществление фашистской утопии — ультра-диктатор, все человечество рабы — ну и что же? Предел стремлений, он спивается, а огромные силы, которые он заставил служить своему пьянству, переходят все равно людям.

Это примитивные примеры, которые приводятся только для того, чтобы было понятно, о чем речь.

5. Проблема сценария.

Произведения, по которым можно создать фильмы необходимой силы воздействия на зрителя, уже существуют.

«Звездный человек» Полещука.

«Майор Велл Эндью» Лагина.

«Глиняный бог» Днепров.

«Туманность Андромеды» Ефремова.

«Попытка к бегству» Стругацких.

Рассказы Днепров, Варшавского, Гансовского.

Из перечисленных названий в трех действуют наши современники, в одном — люди будущего, в одном — люди недавнего прошлого, до сих пор, к сожалению, сохранившиеся на Земле.

Аркадий Стругацкий **Общая рецензия на англо-американские** **научно-фантастические рассказы**

(всего 290 стр.)

Прежде всего следует сказать, что предложенные для рецензирования рассказы чрезвычайно разнятся по художественному мастерству, идейному направлению и качеству перевода. Это представляет известную трудность для общих выводов, поэтому придется говорить о каждом из них отдельно, но даже беглое знакомство с этим литературным вишнегретом обязывает рецензента дать редакции следующий совет: принимать в портфель только те переводы, относительно которых переводчик подтверждает, что это работа законченная, а не черновик. Кроме того, нет никакого смысла принимать переводы случайных или малоизвестных авторов — переводчики иногда, увлеченные интересной научной, сюжетной или социальной идеей, берут в работу авторов, очень далеких от настоящей литературы. Можно будет составить список «звезд первой величины» в американской и английской фантастике и принимать переводы в соответствии с этим списком. Если уж брать иностранную фантастику, то брать лучшее, что в ней есть в литературном смысле. А еще лучше было бы заказывать переводы уже известных редакции по оригиналу произведений. Во всяком случае, рецензировать следует оригиналы.

Рассмотрение рассказов мы начнем с тех, которые ни под каким видом не следует публиковать в нашем альманахе, хотя бы из соображений экономии.

А. Азимов. «Звездный свет»

Два бандита, один — крупный ученый, другой — бандит просто, собираются украсть у государства некоторое количество «криллума», видимо, вещества весьма ценного. Чтобы кража увенчалась успехом и космическая полиция осталась с носом, ученый создает новый тип космического двигателя, позволяющий мгновенно переноситься в области пространства, не подлежащие земной юрисдикции. Кража совершена, бандит-просто убивает бандита-ученого и удирает с сокровищем. Полиция осталась позади на десятки световых лет. Но вот беда — из-за нелепой случайности отказывает система автоматической ориентировки, и бандит обречен на медленное умирание в пучинах космоса. Кстати, перевод настолько скверен (Глушнева), что нет никакой возможности понять, в чем, собственно, суть катастрофы.

Несколько слов об Азимове. Это очень большой и известный фантаст, и он, вне всяких сомнений, прочно стоит в первой десятке американских фантастов. Но это автор с причудами. Он несколько напоминает нашего Днепровца — может написать отличные вещи и тут же опубликовать какую-нибудь дрянь, соблазнившись сюжетным или научным трюком. Переводчик, плохо понимающий фантастику, но хорошо знающий, что Азимова «берут», может представить самые скверные его вещи.

Х. Л. (а не Х. И.) Голд. «Герой»

Космонавт возвращается с Марса, где он встретил и полюбил марсианку и где хотел бы остаться навсегда, его встречают на Земле как героя, делают президентом компании по производству космических кораблей, окружают почетом и пр. Даже хотят женить на кинозвезде. Но он при первой возможности удирает обратно на Марс. Рассказ серый и крайне примитивный в литературном отношении, да и перевод неважный (Бобырь). Голд — хороший автор, и как переводчик умудрился взять самый скверный из его рассказов — уму непостижимо. Я, со своей стороны, рекомендовал бы рассказ «Человек с английским», написанный в отличных традициях английского юмора, настоящий человековедческий рассказ.

Б. Чендлер. «Разрозненность»

Муж и жена в космическом корабле устраивают нормальную семейную склоку из-за того, что жена случайно выбросила за борт его запонку. Муж выходит в скафандре за запонкой, чуть не погибает, и тогда наступает трогательное примирение. Рассказ настолько примитивен, идея его настолько мелка, что о публикации его не может быть и речи.

Б. Чендлер. «Дрейф»

В Англии падает космическое тело искусственного происхождения. В фантастике это случается сплошь и рядом, снаряды с Марса, Венеры, из других планетных систем, поэтому автор, не желая идти проторенными путями, отправителем снаряда делает древних атлантов, которым для каких-то надобностей потребовалось знать об эфирных течениях (?). Автор уподобляет блуждания этого снаряда блужданиям бутылок, которые гидрографы бросают в океан, чтобы изучать течения. Рассказ никакой литературной или просто сюжетной ценности не представляет. Ни единой новой мысли, за исключением сомнительной идеи о сверхъестественном любопытстве атлантов. Перевод совершенно плохой (Гладков).

Перейдем теперь к рассказам, которые имеют несомненные достоинства, но которые по тем или иным причинам рецензент не считает нужным опубликовывать.

А. Азимов. «Чувство силы»

Рассказ уже публиковался в «Науке и жизни» № 12 за прошлый год.

А. Азимов. «Всеобщие выборы»

Действие рассказа происходит в США недалекого будущего. Чтобы исключить возможные махинации темных дельцов, агентов монополий и политиканов во время выборов президента, создана грандиозная логическая машина Малтивак. Эту машину загружают всевозможной информацией о моральном, идейном, материальном и т. д.

состоянии населения, видимо — так можно понять — о всех вместе и о каждом в отдельности, и на этом основании она выбирает из всего населения самого среднего американца, который и должен после дополнительного «разговора» с машиной подать голос за того или иного кандидата. Содержание рассказа сводится к треволнениям этого избранника Малтивака перед и в ходе «выборов». Рассказ хороший, полный горечи и сарказма, но я боюсь, что он разочарует нашего читателя, совершенно не знакомого со многими реалиями современной американской жизни, <и тот> не уловит различных оттенков политического и морального характера, которые американскому читателю представляются сами собой разумеющимися. К тому же перевод очень неудовлетворителен (Носик).

Д. Мак-Лаклин. «Человек со дна океана»

На дне Атлантики создали промышленные поселения для эксплуатации залежей марганцевых и других руд. Поселения эти принадлежат двум государствам: назовем их для краткости Американским и Африканским. Из-за разработок возник конфликт, возникла угроза войны. Подводные корабли обеих стран выходят для уничтожения этих поселений. Тогда руководитель одного из поселений, Мэйсон, объявляет поселения автономным государством, договорившись предварительно со своими другими американскими и африканскими коллегами. Единая воля и протест против политиканов, затеявших по воле грязных монополистов и военщин эту дурацкую подводную бойню, интернационализм и чувство профессиональной солидарности у подводных работников Америки и Африки спасают поселения. Рассказ хороший, хотя и слишком затянут, на мой взгляд. Хорош образ Мэйсона, усталого пожилого человека, который все не может привыкнуть к условиям земного тяготения после долгих лет работы на Луне. Типичен для американской фантастики образ дубины-генерала, готового ради выполнения идиотских приказов своего штаба погубить десятки тысяч людей. Но уж очень плох перевод. До того плох, что подчас трудно следить за перипетиями сюжета.

М. Клифтон, А. Апостолидес. «Цивилизованные»

Американская космическая экспедиция впервые высаживается на Марсе. Жители Марса, угнетенная тяжелыми природными условиями раса, терпят страшные бедствия в результате действий командира корабля, честолюбивого капитана американских ВС. Капитан не считает их за разумных существ и, не считаясь ни с чем, не спрашивая их согласия, водружает на Марсе американское знамя. Он возвращается на Землю триумфатором. Его приветствуют соотечественники. И тут, в самый разгар этого торжества, прямо на стадионе, где происходит чествование, опускается космический корабль какой-то высшей звездной цивилизации и, не замечая людей, которых они принимают за животных, звездные пришельцы ставят свой флаг в знак завоевания Земли. Рассказ впечатляет, даже в дурном переводе Бобырь. Но идея завоевания иных миров настолько претит рецензенту, так ему осточертели военные, ведущие ученых на эти подвиги, что рецензент считает нежелательным опубликование этого рассказа. Но в данном случае рецензент не совсем уверен в своей правоте.

У. Марлоу. «Полет во тьму»

Судя по цифрам, поставленным в заголовке перевода, рассказ опубликован в 1942 году. Действие происходит в оккупированной Германии после грядущего разгрома нацизма. Нацистский генерал, реабилитированный и прошедший испытательный срок, принимается на работу в качестве руководителя крупного промышленного предприятия. Оккупационные власти полностью доверяют ему, хотя один из американских военных

питает по отношению к нему большие подозрения. И недаром. Фашист не исправился. На этом предприятии он строит космический корабль, чтобы со своими сообщниками улететь на Марс, создать там фашистское государство и вернуться на Землю с войной. Фашиста разоблачают, он пытается бежать на космическом корабле, но его сбивают. Таково содержание рассказа. История показала, что автор был прав, не доверяя нацистам. Тема возрождения фашизма — правда, не на Марсе, а на Земле, — очень актуальна. Но рассказ весьма примитивен, литературно слаб, художественно недостоверен. И американские военные, как мы знаем, заняты не разоблачением нацистских махинаций, а всяческой поддержкой нацизма. Во всяком случае, гораздо интереснее читать об этом реалистические произведения.

Обратимся к рассказам, которые, на взгляд рецензента, заслуживают опубликования.

А. Азимов. «Видеть сны — сугубо личное дело»

Рассказ этот еще не переведен. Действие его происходит в сравнительно недалеком будущем. Собственно, действия никакого и нет, рассказ бессюжетен. Описан день работы главы фирмы, эксплуатирующей новый вид искусства — создание сновидений. О технике и научной стороне дела распространяться нет надобности, да и сам автор говорит об этом в довольно туманных выражениях. Важно в рассказе другое — утверждение, что искусство — всякое искусство, — являясь сугубо личным видом творчества, не может существовать без аудитории, без тех, кто этот вид творчества должен воспринимать. В сравнительно небольшом рассказе автору безо всяких натяжек удалось показать все характерные явления, сопровождающие так или иначе возникновение произведений искусства в наше время, начиная с необходимости готовить творческих работников с самого раннего возраста и кончая неизбежным в капиталистическом мире появлением лже-спутников настоящего искусства (порнографии), а также показать невозможность для творческого работника существовать без творчества. Рассказ необходимо перевести и опубликовать, но для этого нужен очень грамотный переводчик, по возможности профессионал, иначе весь эффект рассказа пойдет насмарку.

Э. Ф. Рассел. «Тайна мистера Визеля»

Тема рассказа — старая, использованная в большом количестве фантастических произведений на Западе: «марсиане среди нас». Марсианский турист путешествует по Земле, сохраняя свое инкогнито тем, что всем открыто признается в том, что он — марсианин. Естественно, никто ему не верит. Автор является признанным классиком в американской научной фантастике, и достоинство этого рассказа в том, что он короток и остроумен. Но перевод Бобырь, как обычно, неважен, его следует выправить стилистически.

Р. Хайнлайн. «Господа, прошу сесть»

Имя автора не нуждается в рекомендациях, хотя данный рассказ не лучший из его произведений. Сюжет прост: корреспондент прибывает на Луну, чтобы написать очерк о людях, которые строят лунные города. Во время одной из экскурсий происходит катастрофа, корреспондент и один рабочий чуть не погибают, и только выдержка и сила воли рабочего помогают им спастись. Самое интересное в рассказе — это образ рабочего, противоречивый и достаточно глубокий. С одной стороны, рабочий пользуется каждым случаем, чтобы выбить из руководителей лишний грош, с другой — это сильный, умелый и самоотверженный человек. Это и решает вопрос о публикации в пользу рассказа. Хайнлайн никогда не берет своих героев наобум, действующие лица его произведений

всегда реальны и взяты из реальной жизни с реальной обстановкой, слегка измененной в применении к фантастике.

Дж. Финней. «Исчезнувшие»

Это рассказ, который следует опубликовать прежде всех других. Некая цивилизация, с возрастающей тревогой наблюдающая за тем, что творится на Земле, решает спасти в предвидении грядущей катастрофы хотя бы часть ее населения, людей, которые чувствуют себя перед надвигающимися событиями наиболее обреченно. Для этого на Земле созданы подобия эмигрантских бюро, через них и осуществляется эвакуация избранных. Дж. Финней является выразителем как раз тех кругов американцев, честных и отчаявшихся, которые не могут больше тянуть лямку бессмысленной ежедневной службы, запуганы газетной истерией, оглушены жестокой борьбой за существование, составляющей смысл американского образа жизни, но не могут — по слабости ли характера, или по политической незрелости — вступить в открытую борьбу против причин, вызывающих этот ад. Это хорошо видно и в другом его рассказе, «Я боюсь». «Исчезнувших» следует опубликовать, предпослав хорошее предисловие и исправив стилистику и дословщину, столь обязательную для переводов Бобырь.

Э. М. Форстер. «Машина останавливается»

Автор дает жуткую картину будущего нашей планеты, когда человечество в результате неосторожности оказалось полностью и целиком зависимым от гигантской кибернетической машины, совершенно самостоятельной и не нуждающейся больше в людях. Несколько поколений, проживших растительной жизнью под опекой машин, привели человечество к идиотизму, и когда машина испортилась, человечество погибает. Это рассказ-предупреждение. Он литературно сделан, хорошо переведен. Но публиковать его можно только с предисловием и в том номере альманаха, который будет в основном состоять из жизнерадостных, оптимистических произведений.

А. Бичем. «Как алмаз»

Коротенький рассказ о девочке, которая каждый вечер ожидает пролета искусственного спутника, на котором работает ее отец. Это очень лиричный рассказ, не несущий никаких смысловых или идейных нагрузок. Литературно его следует подработать, исправить стилистические погрешности, особенно недопустимые в литературе такого вида.

Итак, по мнению рецензента, рассказы
А. Азимова «Видеть сны — сугубо личное дело»,
Э. Ф. Рассела «Гайна мистера Визеля»,
Р. Хайнлайна «Господа, прошу сесть»,
Дж. Финнея «Исчезнувшие»,
Э. М. Форстера «Машина останавливается» и
А. Бичема «Как алмаз»

достойны опубликования. Их следует передать на редколлегию. Остальные же рассказы можно со спокойной совестью вернуть переводчикам с надлежащими объяснениями.

Аркадий Стругацкий

Рецензия

[на рассказы П. Андерсона, П. Филлипса, А. Кларка]

«Зови меня Джо», Поль Андерсон. 35 стр.

«Наши сны священны», Питер Филлипс. 24 стр.

«Страж», Артур Кларк. 9 стр.

«Зови меня Джо», Поль Андерсон

В каком-то достаточно отдаленном будущем наука поставила перед собой задачу исследовать условия на поверхности Юпитера. Огромная сила тяжести, сверхвысокое давление атмосферы, необычайно активное корродирующее действие газов и жидкостей, непроходимость радиоволн не позволяют применять для этого ни пилотируемые устройства, ни механические автоматы. Используя успехи биологии, ученые создают искусственные псевдоорганизмы, идеально приспособленные к юпитерианской обстановке и обладающие аналогом настоящего человеческого мозга, которыми можно управлять при помощи «пси-луча» — мыслью оператора, находящегося в безопасном месте. Лабораторию для первого опыта с первым псевдоорганизмом устроили на Пятом спутнике гигантской планеты.

Первым оператором становится калека, решивший посвятить остаток своей жизни работе с искусственными чудовищами. Он переносит свое сознание в мозг Джо — так зовут кентаврообразное псевдосущество — живет его жизнью, видит его глазами, усилиями его мускулов трудится, добывает пищу, сражается с «коренными» жителями Юпитера. Но вот разражается катастрофа: товарищи оператора находят его в лаборатории безумным и умирающим. Выяснение причин его гибели дает потрясающий результат. Калека сознательно перенес свое сознание в мозг Джо и отдал ему свою индивидуальность. Перед человечеством открылась любопытная перспектива — люди пожилые, утратившие жизненные силы, а также неизлечимо больные могут отныне успешно продлить свое существование, передавая свои индивидуальности псевдоорганизмам, невиданно могучим и способным колонистам на Юпитере.

Это самый лучший из рассказов, предложенных для рецензирования. Поль Андерсон — один из первого десятка американских фантастов, обладающий хорошим литературным почерком и богатой фантазией. Было бы крайне желательно перевести и опубликовать этот рассказ, но при этом следует иметь в виду вот что. Рассказ изобилует фантастическими «реалиями», касающимися несуществующих пока наук и отраслей техники. Переводить их, а также связанные с ними речевые обороты описательно — значит испортить рассказ, потерять живость и темп превосходной разговорной речи повествования. Кроме того, переводчик должен хотя бы в самых общих чертах быть знакомым с современной психологической наукой, с ее терминологией и типическими оборотами ее литературы.

Короче говоря, нужен переводчик-фантаст по призванию. Из таких я, например, знаю только Жданова. Вообще для перевода таких великолепных выдумщиков, как Поль Андерсон, переводчик должен иметь творческую жилку. Эта жилка, пожалуй, важнее, чем даже литературные способности, хотя известный минимум последних, разумеется, тоже совершенно необходим.

«Наши сны священны», Питер Филлипс

Известный писатель-фантаст падает жертвой своего необузданного воображения. Его сознание погружается в омут созданной им чепухи, и он живет среди колдунов,

чудовищ и невероятных приключений, не в силах вернуться в реальный мир. Опасаясь, что воображение больного создаст для героя этих воображаемых приключений — то есть для самого больного — смертельную ситуацию и больной погибнет, врач-психиатр с помощью специального устройства проецирует в бред пациента здравый смысл своего товарища, «трезвого» спортивного обозревателя. Действительно, усилиями здравого смысла бредовый мир больного удастся разрушить, и писатель выздоравливает. Впоследствии выясняется, что реальные люди, образы которых товарищ врача вводил в сны шизофреника, тоже видели те же сны, что подтверждает удивительные возможности аппарата, изобретенного врачом.

Рассказ очень средний, из тех, что можно печатать и можно не печатать. Он несколько наивен, и литературный его уровень довольно низок. Представляется странным, что Кингсли Эмис включил его в свой сборник. Между прочим, действие происходит в исследовательском учреждении Пентагона.

«Страж», Артур Кларк

Исследователи Моря Кризисов на Луне обнаруживают странное сооружение, не похожее ни на что известное на Земле. Сооружение это закрыто силовым полем. После долгих мытарств, применив атомные фугасы, силовое поле удастся разрушить, но это ничего не дало: назначение сооружения лежит, видимо, далеко за пределами возможностей современной науки и техники. Установлено, что оставлено оно на Луне миллиард лет назад. Автор предполагает, что это маяк, сооруженный Пришельцами, которые по прекращению его функционирования узнают, что на Земле появилась разумная жизнь и высокая цивилизация.

Очень простой, милый и, главное, короткий рассказ. Перевести и опубликовать его, пожалуй, стоит.

Странно, что редакция не заинтересовалась еще одним рассказом сборника: «Голоса Времени» Дж. Болларда. Это самый сильный рассказ в книге.

Аркадий Стругацкий **Научная фантастика в Советском Союзе**

В наше время, когда один за другим уходят в космос самые смелые и сильные дети Земли и когда самые темные и гнусные силы на нашей планете пытаются навязать человечеству истребительную ракетно-ядерную войну, когда наука раскрывает перед нами ослепительные перспективы всеобщего благоденствия и в то же время грозит прервать само существование рода человеческого, в такое время совершенно закономерен интерес огромных читательских масс к литературе, вскрывающей связи между наукой и обществом в наше время и в отдаленном будущем, рассказывающей о социальной действительности науки. Как известно, такая литература называется научно-фантастической (кагаку-сёсэцу, кагаку мирай-сёсэцу) или science fiction. Этот литературный жанр существует в любой высокоразвитой стране, начиная с Советского Союза и США. Существует он и в Японии.

К сожалению, культурный обмен между нашими странами встречается со значительными затруднениями, среди которых не последнюю роль играют трудности языкового толка, поэтому советские литературоведы не имеют пока возможности составить сколько-нибудь ясное представление о положении в «кагаку-сёсэцу» в Японии. Но отдельные произведения, с которыми мы познакомились в последние годы, заставляют предполагать в японской литературе наличие весьма самобытного и сильного потока научной фантастики. Мы имеем в виду прежде всего два романа: великолепную и

мрачную утопию Абэ Кобо «4-й ледниковый период» и жизнерадостную остроумную повесть для юношества Сэгава Масао «61 Лебедя».

С другой стороны, мы не можем предполагать, что и японский читатель хорошо знаком с советской научной фантастикой. Поэтому мы хотим рассказать здесь хотя бы в самых общих чертах, что представляет собой литература научной и социальной мечты на родине первых космонавтов, в стране, строящей коммунистическое будущее, в мире, который идет в будущее непроторенными путями.

Что является самыми характерными чертами советской научной фантастики?

Прежде всего гуманизм, непоколебимая вера в самые светлые стороны человеческой природы, вера в то, что все дурное в людях является не врожденным, а порождением определенных социальных условий. «Измените условия человеческого существования, и вы увидите, какими волшебными красками засияет человеческая душа!» — говорят советские фантасты.

Далее, для нашей фантастики характерна безусловная вера в светлое будущее нашей планеты, в то, что придет время, и все народы земного шара объединятся в единую дружную семью, что никакие темные силы не в состоянии свергнуть человечество в испепеляющий пожар ракетно-атомной войны. «Не за горами то время, когда страх перед войной, перед голодом, перед соседом навсегда отойдет в прошлое, и вы увидите, каким прекрасным будет этот новый мир!» — говорят советские фантасты.

Далее, советская фантастика видит в будущем (и в настоящем, разумеется) величайшие победы человеческой мысли, гигантские достижения науки и техники, неуклонное продвижение человечества в глубь обеих бесконечностей — в микромир и в макромир, — и это наступление человека на природу будет продолжаться вечно и нарастающими темпами. «Освободите людей от заботы о куске хлеба, и вы увидите, как победно зашагает Человек по Временам и Пространствам, как подчинит он себе законы природы и навяжет ей свои, новые законы», — говорят советские фантасты.

И разумеется, единственно возможную и неизбежную предпосылку для осуществления всех этих предсказаний советские фантасты видят в построении коммунистического общества, в создании изобилия материальных благ и в моральном перевоспитании людей.

Отличным примером произведения, в котором наиболее полно выражаются эти черты нашей фантастики, является известный уже японскому читателю роман одного из корифеев мировой научной фантастики Ивана Ефремова «Туманность Андромеды».

Это лишь самые общие положения, выделяющие советские «кусо-сёсэцу» в мировой литературе этого жанра. Тематика и формы их чрезвычайно разнообразны. Это стало особенно очевидным, когда в научной фантастике [одна строка отсутствует из-за неправильно положенной копирки] Савченко, братья Стругацкие, Войскунский и Лукодянов, Варшавский, Гансовский. Характерно, что большинство из этих авторов являются научными и инженерно-техническими работниками. Это астрономы, физики, инженеры различных специальностей. Кроме того, это люди очень разных биографий, разных темпераментов и, что очень важно, весьма разных взглядов на свои литературные задачи.

Так, например, основной темой писателя Альтова является человек будущего как герой романтической ситуации. Альтов стремится создать образ многостороннего человека коммунистического будущего, ученого-поэта, тонко чувствующего и глубоко переживающего. Для него важна не столько научная сторона проблемы, сколько психология героя, столкнувшегося с этой проблемой. Особенно ярко выражены эти особенности Альтова в его произведениях «Генеральный конструктор» и «Полигон “Звездная река”».

Писатель Савченко же стремится создать в повести «Черные звезды» образ современного ученого-коммуниста, работающего на переднем крае науки.

Рассказы «Крабы идут по острову», «Уравнения Максвелла», «Суэма» писателя Днепрова характеризуются, в противоположность Альтову, тщательной разработкой научной стороны вопроса и впечатляющей, поражающей воображение ситуацией. Тема Днепрова — судьбы людей, столкнувшихся с неожиданными применениями современных открытий.

Писатели Войскунский и Лукодянов написали роман «Экипаж “Меконга”». Это чрезвычайно интересное, многоплановое произведение, где рассказывается, как молодые советские инженеры, веселые умные ребята, привели в советскую науку идею проницаемости и как эта идея была в конце концов проведена в жизнь. Роман этот отличается необыкновенно теплым, мягким юмором, обилием смешных и драматических коллизий, а также быстрой сменой сцены действия. Так, вторая часть романа переносит читателя в Индию 18-го века, и надо отдать авторам справедливость, воссоздали они обстановку той эпохи весьма умело.

Можно было бы продолжить перечень имен и произведений, но пусть читатель поверит на слово: почти у каждого из полусотни советских фантастов есть своя тема и свой взгляд на задачи фантастики.

Далекое будущее с его колоссальными проблемами, которые мы, конечно, абсолютно не способны решить, но поставить можем уже сейчас. Будущее, которое предстает перед нами не грудой дымящихся развалин и не как розовое смутное марево над болотом всеобщей успокоенности, а как великолепный и грозный мир человеческого духа, озаряемый ослепительными молниями великих задач и дел, мир невиданных взрывов коллективного гения, мир поражающих воображение судеб и характеров... Мир, людям которого можно только хорошо позавидовать, мир, который хочется строить, ради которого стоит жить и работать...

И близкое будущее — великая эпоха человеческой истории, которая даст нашим потомкам мир и безопасность, эпоха победоносного сражения с мещанином, о котором так хорошо сказал Паустовский: «Человек с рефлексом вместо души, человек плотоядный, зараженный эгоцентризмом, должен быть уничтожен. Посмотрим, кто кого пересилит. Мы сильнее своим гневом и непримиримостью, они — жадностью и волосатым кулаком». Мещанин в человеке будет уничтожен. Он не выдержит борьбы с мощным развитием экономики и науки о теории и практике воспитания человека в человеке.

В мае позапрошлого года в Москве в Союзе советских писателей состоялся трехдневный семинар молодых советских фантастов. Семинар прошел необычайно бурно и интересно. Было высказано много интересных соображений о целях и задачах фантастики. Мнения разделились весьма резко, и мнений было почти столько же, сколько выступавших. Одни писатели объявили себя сторонниками строгой научности в научной фантастике, другие отстаивали право автора на фантазирование без ограничений, третьи утверждали, что научная идея в современной научной фантастике вообще должна отойти на задний план, и, самое главное, в ней должно быть отражение процессов в сознании людей под влиянием развития науки. Сошлись все в одном: научная фантастика должна быть действенной, должна оказывать на читателя влияние, прививать ему любовь к людям и к науке, а для этого она прежде всего должна быть хорошей литературой.

Как бы далеко ни уносило воображение писателей-фантастов, какие бы неведомые миры они ни открывали, какие бы ни изобретали чудесные машины, главный интерес читателя всегда привлекает человек. И в своих произведениях советский фантаст всегда будет отвечать на вопрос: «Каков ты, человек коммунистического завтра? Как ты ведешь себя среди опасностей неведомой планеты? Как ты любишь и что ты ненавидишь? Что будут главным для тебя, наш потомок?»

Тексты подготовлены: Ю. Флейшман

III. Письма. Дневники. Записные книжки

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Переписка, 1963

Аркадий — брату, 4 января 1963, М. — Л.

Дорогой Борик!

Информация:

1. Выслал девять экземпляров «Стажеров», сегодня вышлю еще восемь и, если повезет, четыре экз<емпляра> «Фантастики, 1962 год» — уже вышла и на днях пойдет в продажу. Когда раздаришь (имею в виду «Стажеров») — напиши, можешь рассчитывать еще штук на пять, но не больше. А лучше, если обойдешься тем, что есть.

2. Положение с литературой достаточно прочное. Слухи всякие, но в основе — уверенность, что литературы это коснуться не может. Н. <Хрущев?> сказал будто бы, что талантливые вещи, как бы остры они ни были, публиковаться будут. Есть также признаки того, что имеет место даже сожаление по поводу происшедшего. Я пишу так неопределенно потому, что информация, коей я располагаю, чрезвычайно противоречива и зашумлена разного рода личными настроениями, симпатиями, предвзятыми мнениями и так далее. Но ясно одно: работать можно и нужно.

3. В «Знании» все непрерывно нетерпеливо подсигивают. Статья Дмитревского и Брандиса здесь очень не понравилась. Андреев требует поставить в первый номер нашу статью, но я не знаю, удобно ли это. Варшавскому передай, что в первый номер идет его серия «В Космосе», а во второй — рассказы, кои он послал дополнительно. Толя Днепров подsunул рассказы старые, плохие, из-за этого возникнут, вероятно, некоторые трения между ним и Андреевым. Мы с Ленкой <Воскресенской> были у него позавчера на встрече с Борунем, я ему (Толе) намекнул, что он теперь должен работать особенно тщательно.

4. Все — и в «Мол<одой> гв<ардии>», и Андреев, и в «Знании», и Север <Гансовский> — очень жаждут «Радугу». «Радуга» сейчас на машинке, будет готова в понедельник, я немедленно вышлю тебе экз<емпляр>.

5. Передай Травинскому, чтобы он немедленно начал работу над статьей, ее очень требуют в «Знании» и как можно скорее, ибо время положить перед верхами готовый материал для первых трех номеров неумолимо близится.

Вот пока все. Теперь предложения по работе. Полагаю по получении «Радуги», чтобы ты тут же сел и набросал последнюю главу от лица Роберта. Ничего не дожидайся. Но это работа на день-два. А постоянно работать давай так: ты правильно говорил при расставании, что надобно попробовать писать по отдельности. Пиши «Магов», а я буду писать «Кракена». У меня уже руки чешутся.

Вот все. Крепко обнимаю, твой Арк.

Пиши много и часто.

Борис — брату, 8 января 1963, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Наконец-то получил от тебя все. Спасибо. Я даже, честно говоря, не ожидал, что будет «1962», хотя и получил на книжку какие-то таинственные 760 рублей, и по подсчету выходило, что это за «ПкБ». Перечитал я сборник и нашел, что, несмотря на очевиднейшие недостатки, наша «ПкБ» все-таки лучшее из всего, что там есть. Правда, только относительно лучше; абсолютно она мне понравилась не очень и, конечно, ни в какое сравнение с «С» не идет.

По поводу «С» имею сообщить: 1. Звонил Варшавский. «С» восхищен. Очень хвалил. Я, честно говоря, не ожидал, и потому было особенно приятно. 2. Получил письмо от расточника рязанского станкозавода Саши Федорова и его друзей. Хвалят «В» и «С», солидарны с нами в нашем представлении людей будущего и просят раздобыть «СБТ» и «ПНА», кои им не достать. Пришлось отказать, но письмо мое было хотя и коротким, но, кажется, теплым. 3. Наша Галя Панова, относящаяся к бр<атьям> Стругацким скептически, заявила, что не согласна с образом Юрковского. Вообще в книге образов нет, но по поводу Юрковского мы с ней спорили полчаса, а по поводу Жилина — четверть. В конце она призналась, что хотя образов нет, но слезу она тем не менее пустила.

По поводу твоего письма. Экземпляров пока хватает, но штук пять «С» ты попридержи. Высылать не надо, но и раздаривать их тоже не стоит.

Относительно прочности положения с литературой дело темное. Я человек простой, незамысловатый и занимаюсь вырезками. А что работать нужно — это факт, в конце концов, если говорить честно, не зависящий от «можно».

Все, что ты сообщил о «Знании», я передать пока не смог. Ни к кому почему-то не дозвониться. Никого нет ни дома, ни на работе. Буду звонить дальше, а одиннадцатого всех увижу в писдоме — это уж наверняка (если вдруг не заболею). Кстати, Травинскому работу над статьей начинать не нужно, так как она уже закончена. Но не обольщайтесь там. Это статья сугубо теоретическая и в общем-то довольно традиционная. Там суммируются некоторые более или менее старые соображения относительно сущности и назначения н<аучной> ф<антастики>. История со статьей Дмитревского действительно неудобная. Друзей надо беречь, особенно если это люди старого закала. Я настоятельно рекомендую потребовать от Андреева лично побеседовать с Дмитревским на эту тему. У меня (и у тебя, я уверен) нет ни малейшего желания прослыть толкачами, пронирами и попирателями этических норм. Пусть Андреев либо обстоятельно Дмитревскому отпишет, либо позвонит. Настаивай на этом самым серьезным образом. Дело это г...нное, а может человека расстроить. Особенно Дмитревского. Объясни Андрееву, что это нехорошо — начинать новый альманах со склоки. Все должно быть душевно. Все мы братья, все мы фантасты.

Кстати, пока не забыл. Я намерен послать экз<емпляр> «С» Лему с приличной надписью. За тебя подпишусь. Надеюсь, ты не против?

Еще раз кстати. Скажи этим молодежным техникам, что они г... Скажи им еще раз, что все официальные выступления в печати надо подписывать нашими обоими именами, особенно когда речь идет о совещаниях, на которые Б. Стругацкий едет для зачитания доклада. У меня уже были ехидные вопросы на эту тему. Что они там — не понимают? Главное, свои же ребята сидят! Куда смотрел этот засранец Днепров? Они мне все командировки зарежут, г...ки.

«Радугу» жду. Со страхом и нетерпением. С нетерпеливым страхом, как ждет стула человек, страдающий запорами. Над «Магами» работать готов, хотя у меня ничего по этому поводу не чешется: здорово обалдеваю на работе, а обратная дорога домой приводит меня просто в ничтожество. Во всяком случае немедленно высылай все, что у нас есть по «Магам». Работать буду, хотя бы по воскресеньям, а к февралю, если дадут номер в гостинице, то и вообще полегче станет.

Теперь вопросы:

1. Кто к моменту получения этого письма прочел «ДР» и что сказал?
2. Как обстоят дела с реформированием вашей секции и с принятием определенных лиц в ССП?
3. Не забыл ли ты сходить в «Вопли»? Вопрос риторический. Сходить придется хотя бы для того, чтобы забрать рукопись. Будем вежливы даже с хамами, а они, по-моему, даже не хама.
4. Как обстоят дела с многочисленными рецензиями на «В»? И сколько готовится рецензий на «С»? И будет ли их судьба схожа с рецензиями на «В»?

Жду ответа. Крепко жму гектокотилизированные щупальца, твой [подпись].

P<ost> T<extum>. Поклон и привет: Северу <Гансовскому>, Иеремии <Парнову>, Кириллу <Андрееву>, Анатолию <Днепрову>, Ариадне <Громовой>, а паче всех — Елене. Скажи Ариадне, что «Глеги» ее ненормально растянуты и потому неудачны. Я ожидал большего.

Аркадий — брату, 12 января 1963, М. — Л.

Дорогой Бобка.

Покою мне нет, вожусь с новым альманахом, читаю новые рукописи, ругаюсь с авторами и так далее. Вот еще чума на мою голову. Раньше этим занимался К. Андреев, но нынче он надолго слег в больницу — совсем расклеился старик, его контузило миной в голову, и вот теперь это начало сказываться. Официальные руководители альманаха распозлились в командировки, остались Малинина — женщина глупая — и Олежка <Соколов>, который загружен другой работой.

Статья Дмитревского идет во второй номер, это уже утверждено, на днях ему пришлют письмо. Мне было неважно, я бился за него, но сделать ничего не мог: местные власти объявили, что над статьей надо еще много работать.

Пусть Травинский шлет статью, там видно будет, традиционная она или нет. Джереми <Парнов> написал чудесную рецензию на «Экипаж “Меконга”», я даже не ожидал — такая восхитительно свежая, немного хулиганистая и очень эмоциональная. Она тоже идет в первом номере. А Колпаков прислал рецензию на «Стажеров» — очень хорошая и короткая, тоже не ожидал. Парень он, оказывается, умный, увидел в книге все, что мы хотели в ней дать, а заодно и вообще во всех наших книгах. Она пойдет, видимо, во второй номер. В общем, если Травинский пришлет свою статью, то я постараюсь настоять на опубликовании во втором номере Травинского, Дмитревского и Колпакова, и таким образом русская часть публицистики у нас собрана, и болеть за нее голова у меня не будет. (Все сказанное имеет смысл лишь в том случае, если нас не прикроют с первого же номера, а такая опасность все еще имеет быть.)

Полещук написал повесть «О планете Земля», идея — биография создателя антигравитационного двигателя, то есть самого Полещука, надо сказать, биография очень интересная. Там же действуют летающие тарелки, всякие чудеса и прочее. Читалось с удовольствием.

Лему «С» посылай непременно. Молодежным техникам насчет г... еще не сказал, но скажу непременно и попробую добиться, чтобы прислали тебе официальную просьбу о прощении. А Днепров — не засранец, его здесь не было почти два месяца, и в создании этого номера он не участвовал. Материалы по «Магам» попробую выслать тотчас же.

Ответы:

1. «ДР» читали: Андреев, Ленка и Екатерина Евгеньевна <Ошанина>. Андреев сказал, что вещь хорошая, но хватит об этом писать. Ленке не очень понравилось — говорит, что первая часть растянута и загромождена рассуждениями. Е. Е. с нею солидарна, добавила еще, что написано от холодного разума, и нет там ни капли теплоты к описываемому миру.

2. Насчет ССП ничего не слышать. Насчет секции — тоже.

3. В «Вопли» схожу. Ужо.

4. Про рецензии не напоминай, а то буду матом.

Слушай, мама, по-моему, очень больна. Смотри-посматривай. Сходи сам за дровами. Таскай сам продукты. Возможно, на днях приедет Ленка побыть с мамой и поухаживать за нею. А ты смотри, не давай маме пока выходить на улицу.

Вот все.

Жму правое третье щупальце, твой Арк.

Аркадий — брату, 13 января 1963, М. — Л.

Дорогой Боб.

Обращаюсь к тебе вот с каким делом:

В № 1 альманаха будут опубликованы 4 (а может быть, и сразу 6) рассказов Ильи Иосифовича. Совершенно необходимо и срочно дать в альманах маленькую, на поллиста или чуть больше, врезочку о нем — кто, что, почему, зачем; в частности — сообщить, что готовится его сборник, какова его манера и прочее. Врезка — предупреждаю — анонимна, будет идти от редакции. Нужна в течение недели. Напиши сам, или пусть Травинский, или сам Варшавский. Пришли мне сюда, я передам.

Вот пока все.

Напиши, как здоровье мамы, что там происходит? Может, действительно, надо Ленке приехать и помочь?

Целую, твой Арк.

P. S. Работаю с «Кракеном».

Борис — брату, 13 января 1963, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

«Радугу» я получил, но никак не мог написать тебе по этому поводу — все время был чем-то занят. В четверг я ее получил и читал до часу ночи; в пятницу вечер пропал, т. к. было заседание секции в писдоме; в субботу ходил вечером развлекаться; и вот только сегодня наконец собрался написать.

Произошла странная вещь. Я прочитал «Радугу» с тихим восторгом. Это, конечно, не лучше «С», но значительно лучше всего написанного ранее. Мне не очень понравилась там только одна глава: рассуждения на ракетодроме. Эти рассуждения сделаны настолько сукобно — в смысле языка, — что раздражают, вместо того чтобы заинтересовать. Короче говоря, я пришел к такому выводу: сейчас я переделывать ничего не буду (и уж тем более — последнюю главу); я подожду приезда Адки <Стругацкой> (т. е. примерно 20 янв<аря>) и перечитаю «ДР» еще раз. И только тогда начну работать. Мое мнение сводится, говоря практически, к тому, что для журнального варианта «ДР» вполне годна уже сейчас, а для подготовки книги, насколько я понимаю, время есть. А желания переделывать у меня пока нет: мне нравится. Я прекрасно понимаю, что «ДР» могут не принять, я с нетерпением жду от тебя информации по этому поводу, но пока вещь мне нравится и пока я ничего с ней делать не буду. Вот так. Что скажешь? Можешь даже позлорадствовать по поводу моего нытья, скепсиса и прочих очаровательных черт моей натуры.

Далее. Очень важно — я подчеркиваю вновь, — чтобы со статьей Дмитревского—Брандиса было все честно и открыто. Я тебя заклинаю спорить с редколлегией вплоть до угроз отобрать нашу статью вообще до тех пор, пока не будет получено письменное уведомление от Дмитревского, что ситуация ему известна и известно также, что это не интриги бр<атьев> Стругацких, а требование редколлегии. Я считаю — и надеюсь, ты солидарен со мной, — что для нас важнее быть абсолютно честными с друзьями, чем напечатать какую-то там вонючую статейку. И надо из этого исходить.

Далее. Просьба: пиши мне, пожалуйста, почаще. Пиши пусть коротко, но обо всем. Очень меня беспокоят и интересуют мнения по «ДР». Пиши.

Травинский обещал выслать свою статью числа двадцатого. Я только посоветовал ему слегка ее переделать, чтобы избежать традиционности построения. Буду его подгонять.

Передай Ариадне, что ее «Глеги» многим очень нравятся. Я знаю уже двоих квалифицированных читателей, которые полагают эту повесть лучшей в сборнике.

Сейчас ко мне приедут Брускин и Варшавский и мы все дернем к Травинским слушать Володькину книгу «Черные судьбы». Отрывок он давеча читал в писдоме, и всем очень понравилось. Ты знаешь, я публицистику не терплю, но у Володьки эта история рабовладения в западном полушарии получилась просто здорово. Такая каша! Такое спокойное хозяйственное зверство! Вот когда рождались основы фашизма-расизма!

Письмо о Львове пока прозябает. Из-за смены власти возникла задержка. Косолапов был согласен, мнение Чаковского пока неизвестно. Кроме того, просят в число подписей включить еще хотя бы одну-две русские фамилии.

А молодцы мы с тобой — «Радугу» написали. Господи, хоть бы она понравилась предержажим!

Крепко тебя жму, твой [подпись].

Р<ost> Т<extum>. Молодчага ты, что звонил маме насчет санатория и лечения. Она, конечно, никуда не поедет, но я-то вижу, как ей это внимание приятно. Она действительно чувствует себя гораздо лучше, только на морозе ей трудно дышать. А морозы, как назло, давят и давят. Сегодня доходит до тридцати.

Большой привет всем. И ото всех.

Борис — брату, 15 января 1963, Л. — М.

Драгой Арк!

Жизнь идет своим чередом, подталкивая отстающих железными плечами. Не думай, что я пьян, просто я — отстающий. Володьке Травинскому 28 лет, и он успел написать уже книгу, в которую, кроме эмоций своих и публицистического таланта, ухитрился вкатить более тысячи источников: книг, статей, архивных манускриптов, отчетов и пр<очего>. Кроме того, он успел сменить шесть специальностей (в том числе — милицейскую), наполовину умереть от язвы желудка, воспрянуть и без всякого специального образования встать во главе прогрессивной группы редакции всесоюзного журнала «Звезда». А я никак не могу собраться и начать выкапывать материал для «Магов». Кстати, одна вещь тоже для «Магов». Покопайся во всех доступных тебе толковых словарях — в русских, японских, китайских, английских и т. д. — и выпиши оттуда (в переводе, естественно) толкование слова «счастье». Выпиши тщательно и перешли мне, раз уж я занимаюсь этим. Постарайся использовать всех своих знакомых, чтобы исчерпать как можно больше словарей. Более того! При чтении произвольной литературы (и газет тоже) подмечай и выписывай все определения счастья, кои попадутся. Даже самые нелепые и идиотские (они-то самые интересные). Да! Из словарей выписывай толкование вместе с примерами, которые приводятся: примеры бывают забавные.

Значит, Дмитревского ободрали. Жаль. Боюсь, что он на нас обидится. Он ведь человек старого закала. Ну, посмотрим. Травинскому я напоминаю о статье чуть не каждый день. Он собирается засесть за нее завтра и сделать в два дня. Вообще у него хлопот полон рот. И нос. И ухо, и горло. Зайцева — автора гипотезы о Пришельцах, которого ест Львов, — снова начали затирать. Не знаю, что там происходит конкретно, но ситуация такова, что в ближайшее время будет у него на кафедре конкурс на замещение должности доцента, и его забаллотировать. Это очень несправедливо, потому что гипотеза гипотезой, но он очень порядочный славяновед, перевел там какого-то допотопного серба, которого ставят рядом с Мицкевичем и Пушкиным, выпустил кучу книг и вообще. Заел-таки его Львов. Володька принимает какие-то срочные меры, суть коих сводится к тому, чтобы где-нибудь в авторитетном органе дать в меру хвалебную рецензию на его нефантастические работы. А Львов между тем процветает, читает по радио свои очерки об открытии нейтрона, и письмо о нем в «Литературку» не пойдет: запретил Чаковский <...>.

Лему отправил и «С» и «Ф1962».

Объявился у нас один молодой фантаст, некто Богута. Читал я его рукописи: два рассказа с трепетными названиями «Сожженная ночь» и «Тень обезьяны». Впечатление:

парень молод, может, но пока не умеет. Впрочем, рассказы эти, по-моему, уже сейчас не хуже средних современных. Может выйти толк. Открыл его Димка Брускин.

Вениамин Липманович Кан мягко напоминал, что ты обещал при случае выслать ему что-нибудь из западной фантастики. Не терзай старика, вышли, он не зажмет.

Мама чувствует себя неплохо. Приступы почти исчезли (тьфу-тьфу).

Ну, пока все. Информируй меня о течении всяких дел. Последнее твое письмо было очень интересно. Крепко жму, твой [подпись].

Р<ost> Т<extum>. Мои соболезнования Кириллу. Приветы Джереми, Северу и др. Привет Колпакову, хотя предпочел бы его отправить более симпатичному человеку.

Да! Вышли еще парочку «Ф1962». Очень большой спрос, и не всем удобно отказывать.

Аркадий — брату, 18 января 1963, М. — Л.

Дорогой Боб.

Только что позвонил мне Илья Иосифович <Варшавский>, жду его к себе в 4 часа, после чего вместе пойдем на обсуждение «Мира приключений» в ЦДЛ. Так что об обсуждении специального письма писать тебе не буду, он сам расскажет. Он передал мне, что ты жалуешься, будто я пишу непонятные письма. Черт тебя знает, что ты имеешь в виду. Я человек простой, простодушный, пишу, что чувствую, если нечего писать о том, что знаю.

К делу. Андреев в больнице, и предполагается, что «Мечту и науку» должен вести я. Но я не могу. Все мои усилия разбиваются о ватную непробиваемость штатных работников и вязнут в общей тревожной атмосфере в связи с событиями на культурном фронте. Вообще-то говоря, основной материал уже весь собран, не хватает только так называемых научных комментариев. Это тот самый фиговый листок, которым издательство «Знание» должно прикрыть литературное направление альманаха от злобных взоров руководства Общества по распространению. Когда создавали и обсуждали альманах, все казалось очень просто: имеем, скажем, рассказ Гансовского «Новая сигнальная». Оглядываемся — кто авторитет по оккультным наукам? Такой-то. Посылаем ему рассказ, и он пишет доброжелательно, что так, мол, может и не быть, но, с другой стороны, все возможно. На деле оказалось все гораздо сложнее. Мало того, что ученым не до литературы и они берутся за это дело с величайшей неохотой. Самое главное в том, что очень немногие вещи поддаются комментированию в принципе. Ну как ты научно прокомментируешь наших «Мигрантов»? А без фигового листка нас не выпустят. В общем, мне надоело это блудословие, и в понедельник я иду туда и ставлю перед начальством ультиматум: либо нас выпустят без комментирования, а в качестве фигового листка мы наклеим пару популярных статей за подписями академиков (статьи пишут сами сотрудники издательства), либо я ухожу. Если ультиматум примут, хорошо. Если не примут, я вместе с Толей Днепровым напишу в руководство Общества письмо с разъяснением, что комментарии не нужны, ибо фантастика должна, мол, комментировать сама себя. Нет, безбожно, безбожно затягивается выпуск. Теперь его отложили на 29 января. Т. е. сдачу в производство. Это очень нервирует меня и мешает спокойно работать. Оттяжка привела уже к тому, что «Новую сигнальную» придется выбросить из номера, ибо сборник Севера в Детгизе выйдет раньше. Ну их всех к черту. Начальство в «Знании» хотят иметь шкурку с вареных яиц: только доход от альманаха, а риск на себя брать никто не хочет и сотрудников на него не дает.

Относительно «ДР» ничего определенного сказать не могу. Есть рецензия Андреева, но я еще не читал. Отнес экзы в «Молодую гвардию» Беле Григорьевне <Клюевой>.

Вот все. Поцелуй мамочку. Жму тебе, твой Арк.

Борис — брату, 21 января 1963, Л. — М.

Дорогой Арк!

Судя по твоему письму, ты совершенно обалдел. Очень мне тебя стало жалко, и захотелось быть с тобой, плечом к плечу, и сражаться за свободу. Совершенно напрасно ты обиделся на то, что я сказал о непонятности твоих писем. Просто эн дней назад пьяный Варшавский насел на меня выяснять, что и как со статьей Дмитриевского. Поскольку мне не было ясно, стоит ли излагать все как есть, я начал выкручиваться и свалил свое незнание на некую смутность твоих писем. По-моему, я сделал правильно, а? Во всяком случае, я не жаловался на смутность — это был просто дипломатический прием.

Новостей никаких нет. Читаю сейчас сразу Эразма Роттердамского, Виктора Некрасова и Гутенмахера «Электронные информационно-логические машины». Делаю выписки насчет счастья. Перечитал «ПкБ» — опять понравилась. Это даже странно: она нравится мне через раз. Прочел-таки до конца Гора. Г... все-таки, и вся его философия, которой так восхищается Андреев, яйца выеденного не стоит. Был на дне рождения Лукончика, выдержал там страшный бой — как всегда, один против всех — по поводу права на гипотезу. Поражения не было, но и окончательной победы тоже. К концу спора все, кроме меня, напились и понесли уже совершенно несуразное. Там всё собрались ученые, и неистовство их по поводу спекуляций на науке, как они выражаются, безгранично. В процессе спора я выявил наши слабые места (противник их практически не заметил). У нас чертовски слабо аргументирован основной тезис: фантастические гипотезы способствуют борьбе с мещанством и пошлостью. А может быть, они просто дают людям удовлетворение в их стремлении к тайнам и сенсациям? В 12 номере «Нового мира» есть об этом длинноватая, но неглупая статья. Ясно, что всякие Пришельцы и Блюдца будоражат людей и отвлекают их от будней жизни. Но надолго ли? Способны ли они оставить хоть сколько-нибудь глубокий моральный след? Способны ли они заставить людей заинтересоваться наукой прочно?

Ты так и не ответил на вопросы моего предыдущего письма (или предыдущих писем). Жду.

Целую, твой [подпись].

P. S. Что же это за «специальное письмо»? Жаль, что ты не пишешь. Варшавский еще не скоро приедет. Напиши, а? Что толку ждать десять дней?

Аркадий — брату, 1 февраля 1963, М. — Л.

Дорогой Боб.

Давно что-то ни от тебя, ни от меня нет писем. К делу.

1. В альманахе прежний бардак, ибо большим он быть не может. Едва собрались сдавать, как а) выяснилось, что повесть Бабата недоработана и ее следует перенести в №№ 3, 4, 5; б) выяснилось, что запрещается давать вещи с продолжением и потому нужно изгильнуть и дать вещи в виде отрывков; в) директору пришло в голову, что для быстроты надобно печатать альманах не на 15 листов, а всего на десять; г) статьи ученых, являющиеся непременным атрибутом издания, никуда не годятся; д) заболел художник, который должен оформлять первый номер. Поскольку Андреев сильно болен, в этой жуткой и гнусной каше варюсь я. Терпения у меня не хватило, я послал всех к чертям свинячим и сказал, что пока издатели сами не разберутся в этих делах, чтобы меня не беспокоили. Статью Дмитриевского проталкиваю всеми силами, хотя она не бог весть что, наша гораздо интереснее. А все здесь, кроме Ивана Антоныча <Ефремова>, этому сильно сопротивляются. Сегодня полдня сидел с Дмитриевским и правил. Сегодня же мне объявили, что в первый номер пойдет «Далекая Радуга». Надо подготовить первую половину. Что именно подготовить? Никто не знает, понеже никто не читал. Читали

только Малинина и Андреев. Андреев писал рецензию в пьяном виде, понять ничего решительно невозможно, кроме того, что отдельные образы удались, а отдельные — нет, и что Камилл слишком демоничен, и что вообще-то при коммунизме может быть и такое. Малинина считает, что готовить ничего не надобно, а только решительно сократить четвертую главу, где рассуждают. Ты с нею согласен, посмотри и выскажи соображения, а то и сократи. В общем, напиши свои соображения поскорей, имея в виду, что «ДР» пойдет двумя отрывками самостоятельными, вернее, относительно самостоятельными, конечно. После первого отрывка будет написано: «Очередной отрывок повести см. в одном из ближайших номеров». А сдавать альманах собираются 15-го.

2. Вовсю пишу «Кракена», написал уже тридцать с лишним стр<аниц>. Прочитал Ленке, ей понравилось. Говорит, что образ уже есть, и кракен введен очень естественно для неподготовленного читателя. Буду работать дальше.

3. Сегодня я первый раз в Детгизе, и мне сразу пришлось решать вопрос о включении нас в план 64-го года. Ты уж извини, но я вставил «Седьмое небо», повесть о нашем соглядатае на чужой феодальной планете, где два вида разумных существ. Я план продумал, получается остросюжетная штука, может быть и очень веселой, вся в приключениях и хохмах, с пиратами, конкистадорами и прочим, даже с инквизицией. Если хочешь, пришлю план. Сегодня же эту повесть вытянул у меня «Искатель» для двух последних номеров года.

Вот пока все новости. Целую, твой Арк.

Борис — брату, 4 февраля 1963, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

В связи с получением твоего вх<одящего> № 1.02.63 имею сообщить следующее:

1. Ничего существенного не произошло.

2. Брандис пристал, чтобы ему дали «Извне» для переиздания. Я сейчас отдал его в перепечатку (не Брандиса, естественно, а «Извне»).

3. Делал доклад о западной фантастике Кан. Очень живой и страстный доклад. Любопытная деталь. Французы в 61 г. издали из всей нашей фантастики только «Гриаду» и «Оранжевую планету», а потом сами же раскостылили. Раскошен был также «Гость из Космоса». (Хорошее название для пародии: «Кость из Космоса».) А что касается «Кор Серпентиса», то на «аукционе» критиков он занял третье место. Больше всего французам понравилась там «Инфра Дракона», а о «Шести спичках» было сказано, что рассказ любопытен, что речь там идет, по сути дела, о телекинезисе, но так как в России эта тема запретна, то вот авторы довольно хитроумно выворачиваются. Вообще, я бы тебе настоятельно рекомендовал Кана как сотрудника альманаха — спеца по Западу. Он мог бы делать отличные, скажем, ежегодные обзоры по западной фантастике — дядька умный, знающий (физик), страшно и совершенно бескорыстно увлеченный фантастикой. Хорошо также принято у французов ежегодно устраивать опрос литкритиков по вышедшей фантастике — пусть ставят оценку по пятибалльной системе с краткими пояснениями.

4. Получил письмо от одного нашего почитателя из Челябинска. Ничего особенного. Больше всего его интересует теория Козырева. Вот я ему отпишу свое мнение! Кстати, вышла статья моя и Поттера «Об асимметрии фигур больших планет». Поскольку Поттера к статье приклепали искусственно (для веса), то я считаю эту статью своей и — когда будут оттиски — пришлю тебе на память.

5. Очень рад твоему поведению в деле статьи Дмитревского. Ты ум-мница! Хикаритика удо! Дуй в том же разрезе и напиши заодно, посещал ли ты «Вопли».

6. Что касается «ДР», то я в некотором сомнении. По-моему, осторожности для следует: а) заручиться твердым решением печатать в «МолГв», б) четвертую главу не давать в альманах вообще. Вовсе неохота, чтобы из-за альманаха гибла книжка. Какими

там отрывками подавать «ДР», я просто не представляю. Может быть, так: сначала дать историю Роберта, т. е. гл<авы> 1, 3, 6, 7, а во втором номере сразу ввести Горбовского: гл<авы> 8, 9, 10. Перед вторым выпуском дать краткое содержание и объяснить, кто такой Горбовский. По-моему, это было бы в жилу. А опасные рассуждения уж оставить до книжки. А?

7. Очень рад, что ты работаешь над «Кр<акеном>». Я ни над чем не работаю. Думаю больше всего о «Записках здравомыслящего» и терзаюсь противоречивыми намерениями: о чем писать — о том, что хочется (что-нибудь легкое, острое, забавное), или о том, что требует гражданская совесть (вдумчивое, злое, по возможности глубокое). И вообще я порядочно разболтался и никак не могу войти в колею. Вот ужо придет Андрюха <Стругацкий> — установлю твердый режим. А придет он на днях. «ДР» читал пока только Адке. Ей очень понравилось. Надо сказать, что вещь эта, может быть, и легковесна, но, по-моему, все-таки впечатляющая. По крайней мере, меня она пока волнует каждый раз, как я ее читаю. Вот ужо наберусь духу и прочту остальным ребятам — пулковским и варшавским. Страшно. Очень не хочется попадать в положение человека, который восхищается тем, что у других вызывает плеч пожатие.

Получил деньги из МолГв и из Калининграда. А интересно, что сказал Андреев о нашем литпортрете Днепра? Обязательно напиши.

Очень сочувствую твоему варению в кипящем г... И немного завидую. Тоже повариться хочется. А то я тут в общественной деятельности никакого участия не принимаю. Считаю на электронном вычислителе и рассчитываю насчет Пришельцев, хотя все эти расчеты, оказывается, уже сделаны, судя по «Вселенной, жизни, разуму» Шкловского (очень почтенная и выдающаяся книга, кстати).

Что касается «Седьмого неба», то — отчего же, можно. План, конечно, пришли. Представления не имею, когда мы все это будем писать! Бросать, бросать надо работу! Эх, жизнь наша, жесткая и жестокая!

Вот пока и все. Целую, твой [подпись].

R<ost> T<extum>. Пришли рецензию андреевскую! Да передавай всем приветы.

Р. Р. S. Так я и не понял, о каком «специальном письме» шла речь в твоём предпоследнем послании (последнем перед перерывом). Варшавский ничего не знает и говорит, что все в порядке, а я уж решил, что речь идет о специальном постановлении относительно фантастики.

Аркадий — брату, 6 февраля 1963, М. — Л.

Дорогой Боб.

Только что написал письмо одному из наших поклонников в Ровно, который облял нас за выдержку из стенограммы в «Тех<нике —> мол<одежи>». Я прочитал эту выдержку и за голову схватился. Ну и бл...во! Действительно, на умного человека она может произвести ужасное впечатление. Я написал, что гранки мне показаны не были и за эту галиматью мы не отвечаем.

Дела:

1. Сашка Горбовский принес мне три номера французского журнала «La Vie Ourière» (хрен его знает, что это значит), где печатается «Le chemin d'Amalthée» par A. et B. Strougatski. Журналы №№ 950, 951, 952, за ноябрь прошлого года. Там самая середина повести. Журнальчик, впрочем, говенный.

2. Отгиск статьи пришли обязательно. Это смачно. Молодчина, Боб!

3. ВопЛи не посещал, некогда и неинтересно.

4. 4-ю главу попытаюсь выкинуть, во всяком случае — рассуждения.

5. Вчера исполнилось ровно полтора листа «Кракена». Пожалуй, есть уже нормальных сорок страниц, печатаю ведь я с походом. Тебе же рекомендую писать о том, что хочется, гражданская совесть приложится. Пиши и не мучайся.

6. ДР читал Дубровский, зав<едающий> редакцией, где выходит наш альманах. Сказал, что если бы прочитал раньше, то не ломал бы голову ни над Бабат, ни над Полещуком, а сходу сунул бы в первый номер. Сейчас читает Этингоф, зам<еститель> главного редактора, и ждут позитивных предложений Андреева.

7. Денег из Калининграда не получал.

8. О «Седьмом небе» напишу дополнительно. Можно быстро и легко написать смачную штуку. «Седьмое небо» прочно вошло в план Детгиза на 64. А когда писать — проблема вечная. Вот я скоро освобожусь, будет свободнее, буду тебе слать черновики, а ты будешь править, или еще как-либо устроимся. Главное, не вешай носа.

9. Насчет специального письма ничего не помню, хоть убей.

Пока все. Всем привет, целую, твой Арк.

Борис — брату, 11 февраля 1963, Л. — М.

Дорогой Арк!

Запозываю с ответом по той простой причине, что писать особенно не о чем. Но давеча вот читал своим пулковским ребятам «ДР». Читал с трепетом, замирая, но все прошло благополучно. Вещь понравилась. Было сказано, что это лучшая из наших. Что есть характеры и образы. Что хорош Горбовский и Вязаницын и Роберт. Что у нас получилась большая компактность системы «идея плюс форма» (чего нет в ПкБ). И вообще было сказано много приятных слов. Из недостатков было указано на некую затянутость умных разговоров (сами разговоры интересны, но следует давать их более лаконично) и еще на какие-то мелочи. Прочел я им и рецензию Андреева, и мы вместе подивились странным его суждениям. Действительно, это же надо придумать: Вязаницын — резонер, Скляр — мещанин, пытающийся спасти свою жизнь (!); Горбовский шляется по страницам, ничего не делая, и т. д. Либо он был под парами, либо в момент написания у него открывались старые раны. В общем, передавай ему привет и скажи, что работать над повестью еще будем.

Что касается «Седьмого неба», то меня этот вопрос интересует гораздо меньше, чем тебе, по-видимому, кажется. Напишем, конечно! И времени хватит и всего прочего. План, конечно, присылай, я подумаю.

Я не вполне понимаю: 1. Как и в каких дозах идет в альманах «ДР». 2. Как дела в МолГв с той же самой «ДР».

«Извне» перепечатал и сдал Брандису. Сборник выйдет в 64 г. Забавная повестушка! Написано серовато, но сюжет все-таки продуман прекрасно — это мы молодцы.

В журнале «Смена» приводится интервью с Лемом. «Кто вам нравится из советских фантастов?» — «Беляев, Ефремов, Стругацкие».

Ну пока все, меня зовут на станцию. Жму руку, твой [подпись].

P. S. А «La Vie Ouvrière» — значит всего-навсего «Рабочая жизнь».

Аркадий — брату, 17 февраля 1963, М. — Л.

Дорогой братик.

Прости, задержал ответ, очень уставал всю неделю, а сегодня сачкую с утра до вечера, и сесть за машинку приспела охота.

«ДР» идет в первый номер альманаха — первый отрывок по четвертую главу включительно, причем эта глава значительно сокращена и все рискованные рассуждения оттуда выброшены. Кроме того «ДР» у меня забрал товарищ из харьковского журнала «Прапор», но это было неделю назад, и чем там пахнет, я до сих пор не ведаю. В «Молодой гвардии» «ДР» еще никто не читал. Но так или иначе сборник мы сделаем, там

или в «Знании». Скорее всего, впрочем, все-таки в «Мол<одой> гв<ардии>», не отдадут они сборник.

Я очень мучаюсь с оставшимися моими рукописями в Детгизе, очень хочется поскорее развязаться с ними и освободиться для настоящего дела. А между тем «Кракен» помаленьку продвигается, есть уже пятьдесят моих страниц, значит, страниц пятьдесят пять формального машинописного текста, а то и больше. Закончена примерно треть повести, так я полагаю — та треть, где выводятся все герои и завязываются отношения. Днями приступаю к части, где будет уже настоящее действие. Все никак не соберусь прислать тебе развернутый план «Седьмого неба».

Войскунский и Лукодянов прислали наконец мне свою «Операцию “Зубная паста”». Я был несколько разочарован. Это гораздо слабее «Экипажа», хотя в смысле эрудиции и фундаментальности материала очень солидно. И мысль отличная — наука вступила в такую фазу развития, имеет дело с такими объектами, что каждый ее следующий шаг может обернуться мировой катастрофой. И очень смело выполнено, хотя и не очень художественно — в смысле людей. Я бы даже сказал — традиционно. Но вещь солидная, добротная, она, конечно, должна быть напечатана и прибавит славы нашим бакинцам у любителей фантастики.

Был у меня Аматауни, благодарил за «Возвращение», что мы ему послали, гордо и солидно рассказывал, что работает сейчас над третьей и последней частью своей «Гаяны», «где все должно решиться и где выяснится, стоило ли вообще писать книгу». В Детгиз он прислал повесть-сказку для детского возраста, ее ему забодали, он вне себя от ярости. Между прочим, он, оказывается, написал уже восемь книг и все издал в Ростове. Я не читал, но, зная литературную и идеологическую обстановку в Ростове, не думаю об этих книгах с завистью и восхищением.

Вот все. Да! Переиздают «Возвращение». Готовь карман для очередной порции денег. По тысяче, вероятно, получим.

Целую, твой Арк. Привет всем и ото всех.

Борис — брату, 18 февраля 1963, Л. — М.

Дорогой Арк!

Итак, приехал Андрюха, я вкушаю радости семейной жизни, и ни о какой работе, естественно, не может быть и речи, пока сопляка не пристроят в детсад. Писем ни от кого нет, в том числе и от тебя. Дуся, вы меня озлобляете! Я человек измученный, дуся! Пишу я тебе сейчас потому, что выпало время, свободное от семейного счастья-уюта, и потому, что имеются два соображения-предложения-вопроса-сообщения.

1. Как ты, возможно, помнишь, наши друзья — Дима <Брускин> и Володя <Травинский> — собирались писать сценарий фантастического фильма. Сейчас они, видимо, уже окончательно собрались. Собираются использовать в основном «Стажеры» с упором, однако, на линию Пришельцев, почему желают обращаться по ходу дела также и к «Возвращению». Дело ихнее, я думаю, халтуры они не напишут, и это уже большой хлеб. Их мучают сомнения, связанные с природной деликатностью и с привычкой наблюдать унылые тяжбы по вопросам авторского права. Они хотят, чтобы мы были не против и чтобы мы были за. Не против — устно, за — письменно. Что требуется от тебя? Письменное, мне адресованное заверение, что тебе в высшей степени наср..., кто и как будет делать сценарий по нашим вещам. Надеюсь, что воспоминания о Журавлеве будут водить твоим пером, когда ты станешь это заверение формулировать. Во-вторых, мне же адресованное согласие подписаться за тебя под отречением от авторских прав на сценарий при условии, что нам будет отчислен за это какой-то там процент. Я полагаю, что в ближайшие тридцать-сорок лет мы с тобой сценарии писать не будем (а если и будем, то не по «С»), а ребятам надо дать заработать, тем более что они талантливы и смогут

сделать что-нибудь вполне подходящее (я лично буду совершенно безвозмездно контролировать их работу). Я исхожу именно из этих соображений. Напиши мне свои.

Второе. Зрело обдумав и взвесив все соображения и перспективы, обращаюсь к тебе как к брату, другу и соавтору с нижайшей просьбой. Произведи ПОСЛЕДНИЙ поиск в области знания, связанной с принятием или, точнее, непринятием нашим в ССП. Тщательно и терпеливо все в последний раз разузнай и отпиши мне. Есть ли надежда вообще? Если есть, то можно ли рассчитывать на этот год с вероятностью хотя бы 75–80 %? Кто или что мешает? Может быть, мешает какое-то сомнение, связанное с Б. Стругацким? Может быть, влиятельные товарищи считают, что последний — ученый и нечего ему делать среди простых советских писателей? Может быть, имеются трудности, связанные с нашим разнопроживанием? Выясни все это и напиши мне с предельной братско-дружески-соавторской откровенностью. Дело в том, что в этом году — к концу — я мечтаю бросить работу. Для этого мне нужны две вещи: квартира и членство в ССП. Квартира будет с вероятностью 75–80 %. Могу ли я рассчитывать на нечто аналогичное в ССП? Если нет, то можно попытаться прорваться через ленинградское отделение. Здесь все пока настроены дружелюбно и объятья пока распростерты. Я медлю только по трем причинам: 1. Не знаю твоего мнения по этому вопросу. 2. Московское отделение мне кажется куда солиднее. 3. Как-то неудобно самому заводить в Ленинграде этот вопрос: я раньше отказывался, а теперь, может быть, что-нибудь просочилось из Москвы. Словом, жду от тебя ответа. Если он будет отрицательный и ты дашь свое благословение — я начинаю атаку на Гора и компанию.

Жду ответа. Крепко жму, целую, твой [подпись].

P. S. Меня начинают заваливать общественной работой. Я должен рецензировать на заседании секции макрушинский «Первый день на Марсе». Меня обязывают читать что-нибудь на фантастических средах в «Звезде». Меня ловят по всему Пулкову дамы из отдела пропаганды книги при нашем ССП. Я уже почти согласился встречаться с читателями в одном Дворце Культуры и в одной Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина. Кажется, придется выполнять и вообще менять образ жизни.

Аркадий — брату, 23 февраля 1963, М. — Л.

Дорогой Боб.

Пишу наспех, единственно чтобы ответить и чтобы ты не ругался за молчание. Отвечаю на твои призывы.

1. В отношении сценария Травинского и Димки — разумеется. Вне всяких сомнений. Пусть пишут вовсю. Ты их консультируй, чтобы не случилось параша. Об унылых тяжбах по поводу авторского права пусть они не сомневаются. Документы напиши и оформи сам, забей наши подписи и подпишись за меня, сам знаешь как, я за тебя всегда подписываюсь. Они тебе сами помогут составить такой документ, сам с ними и договорись. Процент бери самый маленький, только из приличия, а то и вообще откажись от процентов. Единственное, что мне бы хотелось, это чтобы где-нибудь в титрах было упомянуто: мол, по мотивам повестей Стругацких. Это, я думаю, им не будет обидно.

2. Я задержал ответ потому, что пытался добиться положения с нашим приемом. Ничего не получилось. Концы утеряны, никто этим не занимается, узнать не у кого, все заняты подготовкой к пленуму молодых. В связи с этим я настоятельно советую и требую: подавай в Ленинградское отделение сам, один. Тебя примут в два счета. А когда тебя примут, автоматически решится в Москве и вопрос обо мне. Действуй без сомнений, это я тебе говорю как друг, брат и соавтор. А то в наших краях эти барахольщики от литературы могут тянуть еще бог знает сколько времени. Тебя там хорошо знают, рекомендации тебе могут дать любые и самые уважаемые. Насчет Московского отделения по принципу солидности тоже не сомневайся, сортир везде одинаковый. Что же касается того, что ты раньше отказывался, то можешь сослаться вот на что: в то время нас с тобой

уверяли, что вопрос вот-вот решится, и на секции прозы нас приняли, но на президиуме встал вопрос о том, что ты-де ленинградский писатель и должен проходить там, где писательская общественность тебя хорошо лично знает. Действуй, мальчик, и не думай никаких глупостей насчет солидарности и прочего, ты, я знаю, иногда к этому склонен. Помни, в интересах твоих и моих — чтобы ты как можно скорее прошел в ССП. (Я имею в виду интерес стать членами. Говоря откровенно, меня это совсем не интересует, но раз тебе кажется, что это нужно, действуй.)

3. Выступаешь? Выступай. Это хорошо. Я тоже здесь выступаю. Ну и гнусятина.

Целую крепко, твой брат Арк.

А «Кракен» пошел на пятьдесят восьмую стр<аницу>. Вовсю использую твои записи.

Борис — брату, 1 марта 1963, Л. — М.

Дорогой Арк!

Итак, решено: я начинаю проталкиваться в ленинградский ССП. Правда, не могу не выразить недоумения в связи с твоим предложением проталкиваться в одиночку, но, видимо, так надо.

Пока не забыл. Хотя забыть трудно. Наш исполком выкинул новый трюк: в кооперативных домах также введен лимит площади. Горит наш план: вселить в новый дом Адку с сопляком, а мне остаться прописану по старой площади, дабы сохранить маленькую комнатку. Но вот теперь заявляют, что на двух человек двухкомнатную квартиру строить не разрешается. Вероятно, мне также придется выписываться, а то горит новая квартира. Но это ставит под удар маленькую комнатку. Пока паниковать еще рано, но надлежит предусмотреть и обдумать план отражения возможной атаки на маленькую комнатку. Надо придумывать резоны, по коим маме следует оставить обе комнаты. Здесь может пригодиться все: и наше членство в Союзе, и необходимость по полгода в год жить и работать на Карла Маркса. К этому надлежит быть готову. Прикидывай, где и какие справки по этому поводу ты можешь достать. Терять базу у мамы для нас невозможно. Я не говорю уже о том, что ужасна мысль, что маме придется жить еще с какими-то там соседями, неизвестно какими и на что способными.

В остальном все довольно благополучно. Сейчас здесь обретается Андрюха Соколов. Выставка его устроена в «Звезде». Я устроил ему приход наших ребят астрономов и, кажется, на мази идея выставить его в Пулковке. Кроме того, его хотят затащить еще и в Физтех — очень мощный и кадровый институт. Давеча мы с ним выпивали и закусывали в Писдоме. Там я познакомился с директором Лендетгиза, неким Морозовым: пообещал ему приключенческую повесть, которую мы напишем, а Андрей проиллюстрирует — ему очень хочется с нами поработать.

«ДР» продолжает свое пока победное шествие. Она очень понравилась Травинским. Володька пел ей дифирамбы и говорил, что это — настоящая литература без скидок и одна из пяти лучших книг, которые он прочел в последний год. Он дал прочесть ее некоему Смоляну — члену редколлегии «Звезды», — тот был тоже весьма убогаторен. А что если толкнуть «ДР» в «Звезду», а? Подумай-ка над сей идеей.

Вот пока и все. Крепко целую, твой [подпись].

P. S. Посылаю научный труд. Можешь хвастаться, как твой брат разложил Козырева.

Аркадий — брату, 3 марта 1963, М. — Л.

Дорогой Боб.

Получил твою работу. Молодчина. Буду держать ее на почетном месте. Был у нас Димка Брускин, накачались ужасно. Он <...> потерял шляпу и что-то делал еще

предосудительное. Но в общем все было хорошо и приятно. Прочитал я его перевод в «Искателе», понравилось. Он молодчинка. Сейчас я жду от него «13-е путешествие» и еще другие переводы.

Радуюсь, что ты начал действовать в своем ССП. На меня не оглядывайся. Что касается мути с жилплощадью, то просто не знаю, что тут можно делать. Справки мы всякие достанем, это ерунда, в них ли дело? Если у мамы жировка обеих комнат на ее имя, то, по-моему, вопрос о вселении к ней вообще не может возникнуть. В общем, если что-нибудь угрожающее, сразу сообщи, будем драться. Никаких вселений мы, конечно, не допустим так или иначе. В крайнем случае: «Ко мне из Москвы едет сын» и все.

Повесть Морозову ты обещал опрометчиво, она забита в «Искатель» и в Детгиз, я не говорю уже о «Знании». Впрочем, потом разберемся. Только писать надо. «ДР» в «Звезду» уже не толкнешь. Она пошла в набор в «Мечте и науке».

Я числа 10-го выхожу вчистую, отвоевался. Вторую рукопись отдал другому редактору. «Кракена» продолжаю писать. Нашел, что первое лицо — плохо, сейчас переделываю на 3-е и попутно многое выбрасываю.

Очень не хватает тебя. На твой день рождения обязательно приеду, поживу немножко, поработаем.

Да, скоро ли Травинский пришлет статью? И вообще все, что найдешь порядочного, спешно высылай мне для «Мечты и науки».

Целую, привет всем, твой Арк.

Борис — брату, 8 марта 1963, Л. — М.

Дорогой Арк!

Я начал понемножку наступление на наш ССП. Это дело, по-видимому, не совсем уж простое. Обычная история: горят желанием принять нас в Союз как раз те люди, которые влиять на события практически не способны. Нужны рекомендации китов, к фантастике отношения не имеющих, — Гранин, Рахманов, Лебедев, Грин и прочие ублюдки и хорошие писатели, имеющие вес, но не имеющие представления о Б. Стругацком. Правда, за это дело берется, кажется, Дмитревский, который нам благоволит и со многими знаком лично, близко и на «ты». Что нужно от тебя: 1. Попроси у Ивана Антоновича <Ефремова> персональную для меня рекомендацию. Я, конечно, мог бы ему сам написать, но думаю, что это не обязательно. Попроси и пришли. 2. Пошарь в закромах: нужно по два экземпляра каждой книги. Ума не приложу, где их брать: у меня нет НИЧЕГО. Между прочим, последнее, а также заявление знающего человека (Брандиса), что дело это — как минимум на год волокиты, заставляет меня усомниться. Черт! Ведь в Москве нас мурыжат уже много лет. Они пожрали наши драгоценные экземпляры. Там в конце концов тоже есть почтенные люди, нам сочувствующие. Может быть, там все-таки раскачаются быстрее, чем за год? Какого дьявола мне канителиться здесь двенадцать месяцев, когда в Москве все это решится в течение, скажем, ближайшего полугодия! В общем, я прямо не знаю, что делать. Посоветуй что-нибудь, взвесив зрело. Провалился он пропадом, этот ССП, но ведь никуда не денешься: согласно закона гражданин обязан работать в какой-то организации. Совсем неохота на старости лет давать объяснения в милиции. Я знаю, что сижу у тебя в печенках, но у меня нет иного выхода.

Димка рассказывал тут о фантазмагорических планах издательств, занятых фантастикой. Я тоже качал головой: откуда они возьмут столько фантастики? Опять ринется в литературу поток грязной мочи и пипифакса. Редакторы при таких запросах скоро начнут брать всё. Как хочешь, а я боюсь всякого ажиотажа.

У нас все болеют. Илья Иосифович лежит в плеврите, Травинский — в ревматизме, Дмитревский — в перепое. Соколов тоже отболел, и я, естественно.

Ты пишешь, что меня тебе не хватает. А мне хватает? Я тут измучился от арк-недостаточности. Всё перепробовал, всё отвергнул и задумал новую повесть. Жуть. На основе идеи Бенни Дурова, но не совсем. Грубо говоря: человек будущего в стране мещан, куда попал случайно и не может выбраться. Идея не новая, но хочется ее еще обыграть со вкусом. Кой-чего я придумал. Попробую хоть начать, а добьем вместе.

Между прочим о «Радуге».

1. Какую песенку ты вложил в уста ревушей десятке? Предлагаю следующий комический куплет:

Однажды ночью старый кот
Забрался на забор...

А дальше я не придумал.

2. Хорошо бы вставить куда-нибудь рассуждение Горбовского о том, что все мы числимся диалектиками и очень прогрессивны до тех пор, пока диалектика не берет нас за горло. Тогда мы начинаем вопить и мгновенно становимся чудовищными консерваторами и метафизиками. «Все на свете имеет конец, но ко мне это не относится».

3. Очень хорошо было бы в последней сцене Горбовский–Роберт, чтобы Г<орбовский> пробормотал Роберту вдогонку (когда тот направится к Тане):

Дерзну на все, что смеет человек,
Кто смеет больше — зверь.

Это из «Макбета», по-моему, очень уместно.

4. Есть предложение в уста вязаницынскому ублюдку в тот момент, когда его втаскивают в кессон, вложить сакраментальную фразу: «Писить я хочу». А?

Ну, пока все. Жду писем, твой [подпись].

Р<ost> Т<extum>. Кстати, один вопрос: будет ли сборник с «ДР» и «ПКБ» в МолГв? В этом году? Что-то в «Искателе» в проспекте издательства об этом ни слова. Отпиши, как обстоят с этим дела.

Аркадий — брату, 10 марта 1963, М. — Л.

Дорогой Бобкинс!

Мало, редко пишешь. Ну, что сказать об ССП? Ты понимаешь, я не совсем понимаю, чего ты ожидаешь от этого членства. Если тебе необходимо просто членство в организации, как сепия каракатице, для защиты от обвинений в тунеядстве, то гораздо проще и надежнее сделать так: пойди к Дмитревскому, выясни, где там у вас существует горком литераторов, подай туда заявление и отнеси какую-нибудь книжечку. Тебя примут, и все будет в порядке, будешь платить взносы как в профсоюз, будет тебе идти стаж, бюллетень будет оплачиваться и пр<очее>. И это делается быстро, в два-три м<еся>ца. От участкового это нормальная защита, я уже не говорю, что для участкового достаточно показать договоры и готовые книги. И никто тебе ничего не скажет, откозыряет и уйдет. Слава богу, мы с тобой за время нашей деятельности дали государству миллиона два в старых рублях, это мало какая бригада ком<мунистического> труда дает. А если ты преследуешь какие-либо другие цели — объяснись, чтобы я понял.

Что касается потока макулатуры в фантастике, то пока в Москве мы сдерживаем, у московских фантастов пока хватает авторитета отбивать всякое дерьмо — во всяком случае, в книжной продукции. За журналы ручаться трудно. Ну, опять же, все в руках божьих. Да и писать халтуру в фантастике трудно, почти так же, как настоящие вещи.

Был у Ивана Антоновича. Несколько раз. Он мне первому дал роман «Лезвие бритвы», который пойдет предварительно в «Неве». Вещь колоссальная, на сорок листов.

Это будет бомба почище «Туманности». Старик от книги к книге идет к высотам. Прочитал, не отрываясь. Если не считать характерных для него ссылок на груди и бедра, это настоящая энциклопедия современного гуманизма, заключенная в отличный детективный сюжет. Завидовал я желчно.

«ДР» наряду с «ПкБ» идет сборником в «Мол<одой> гв<ардии>» в 1964 году. Не огорчайся, что у нас ничего отдельно не выйдет в этом. Зато в 64-м пойдут две книги — в «Мол<одой> гв<ардии>» и в «Детгизе» «Седьмое небо». А там подоспеют «Дни Кракена» и «Маги». Вот еще «Знание» требует, чтобы мы дали заявку на сборник — можно из старых, но включить несколько новых рассказов.

Теперь о «Седьмом небе» и о Бенни Дурове. Положительно, мы с тобой телепаты. Но за дальностью расстояния моя информация дошла до тебя в очень искаженном виде. Я уже полтора месяца думаю над «Седьмым небом», но все некогда выдать это в законченном и оформленном плане. А дело там вот в чем.

Существует где-то планета, точная копия Земли, можно с небольшими отклонениями, в эпоху непосредственно перед Великими географическими открытиями. Абсолютизм, веселые пьяные мушкетеры, кардинал, король, мятежные принцы, инквизиция, матросские кабаки, галеоны и фрегаты, красавицы, веревочные лестницы, серенады и пр. И вот в эту страну (помесь Франции с Испанией или России с Испанией) наши земляне, давно уже абсолютные коммунисты, подбрасывают «кукушку» — молодого здоровенного красавца с таким вот кулаком, отличного фехтовальщика и пр<очее>. Собственно, подбрасывают не все земляне сразу, а, скажем, московское историческое общество. Они однажды ночью забираются к кардиналу и говорят ему: «Вот так и так, тебе этого не понять, но мы оставляем тебе вот этого парнишку, ты его будешь оберегать от козней, вот тебе за это мешок золота, а если с ним что случится, мы с тебя живого шкуру снимем». Кардинал соглашается, ребята оставляют у планеты трансляционный спутник, парень по тамошней моде носит на голове золотой обруч с вмонтированным в него вместо алмаза объективом телепередатчика, который передает на спутник, а тот — на Землю картины общества. Затем парень остается на этой планете один, снимает квартиру у г<осподи>на Бонасье и занимается тасканием по городу, толканием в прихожих у вельмож, выпитием в кабачках, дерется на шпагах (но никого не убивает, за ним даже слава такая пошла), бегаёт за бабами и пр<очее>. Можно написать хорошо эту часть, весело и смешно. Когда он лазает по веревочным лестницам, он от скромности закрывает объектив шляпой с пером.

А потом начинается эпоха географических открытий. Возвращается местный Колумб и сообщает, что открыл Америку, прекрасную, как Седьмое Небо, страну, но удержаться там нет никакой возможности: одолевают звери, невиданные по эту сторону океана. Тогда кардинал вызывает нашего историка и говорит: помоги, ты можешь многое, к чему лишние жертвы. Дальше понятно. Он вызывает помощь с Земли — танк высшей защиты и десяток приятелей с бластерами, назначает им randevu на том берегу и плывет на галеонах с солдатами. Прибывают туда, начинается война, и обнаруживается, что звери эти — тоже разумные существа. Историки посрамлены, их вызывают на Мировой Совет и дают огромного партийного дрозда за баловство.

Это можно написать весело и интересно, как «Три мушкетера», только со средневековой мочой и грязью, как там пахли женщины, и в вине была масса дохлых мух. А подспудно провести идею, как коммунист, оказавшийся в этой среде, медленно, но верно обращается в мещанина, хотя для читателя он остается милым и добрым малым.

Такая вот идея. Ну, жду ответа и письма. Повесть сделать небольшую, листов на восемь, использовать Стивенсона, Дюма, Пьера Мак-Орлана и т. д.

Привет всем, целую, твой Арк.

Да, вот еще что. Найди хорошего критика, хотя бы того же Травинского, и уговори написать для «Знания» рецензию на сборник «Фантастика, 62 год». Нужно быстро, размер не ограничен.

Борис — брату, 12 марта 1963, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Мало, говоришь, пишу? Редко? Я думал то же самое о тебе, а на днях вот посмотрел старые письма — получается не так уж плохо: письмо в пять дней.

Ну, прежде всего об ССП. Разговоры разговорами, а ты все-таки возьми для меня у Ефремова рекомендацию и напиши, какие экземпляры ты можешь выслать, а лучше просто вышли, что можешь, без всяких писем. Буду пробиваться. Почему? Скажем так: люблю во всем определенность и недвусмысленность. Писатель должен быть членом ССП. Это аксиома для меня.

Что касается «Седьмого неба», то наша телепатия тут явно подкачала. Общим в наших планах является только наличие товарища Бенни Дурова, человека коммунистического времени. Все остальное не сходится совершенно. Ты предлагаешь вещь веселую и в значительной степени легкомысленную. Я — мрачноватую и жуткую, хотя, естественно, по возможности не без гумора. Подробно писать сейчас не буду: дело не горит, успеем еще обсудить. Вообще для обсуждения перспектив и, возможно, для чистовой обработки «ДР» нам надлежит встретиться. Например, в апреле. Короткая встреча на три-пять дней. Э? Вопросов много:

1. Обсуждение «Кракена» (имеющихся страниц и ожидаемых).
2. Подчистка «Радуги».
3. Обсуждение новой повести (окончательный выбор из «Седьмого неба», «Записок здравомыслящего», «Магов» и моей идеи).
4. Проблема очередной основательной встречи для отделки «Кракена» (когда, где, сколько).
5. Празднование моего тридцатилетия в кругу наших общих друзей.
6. Разное.

Ко мне заходил Юра Манин. Славный парень, правда? Мы с ним хотя несвязно, но душевно побеседовали на разные темы.

Целую неделю я посвятил Андрюхе Соколову. Заездился совершенно. И надоел мне Андрей до полусмерти (строго между нами, оф корз). Занял он у меня девяносто руб., порывался занять еще, но я уклонился. Отдавать должен тебе, так что не удивляйся, а просто бери. Вел он тут себя предосудительно. На выставку в Пулковое, организованную нами, приехал с опозданием на три часа <...>. Но в общем выставка прошла хорошо. Все остались очень довольны и лишь немногие заметили, что виновник торжества пошатывался, как старый телеграфный столб, изъеденный термитами, и изрыгал волны ликеро-водочного аромата.

Вокруг все по-прежнему болеют. Володька Травинский уязвлен инфекционным артритом. Варшавский — старыми ранами. И Адка слегла в азиатском гриппе. Жизнь идет веселая и разнообразная.

А так жаль, что в этом году мы ничего не дадим. Я как-то морально приготовился. Ну ладно, что ж делать. Потерпим до 64.

Ну ладно, за это время мне три раза уже позвонили. Один раз с сейсмостанции по плевому делу, второй — из дворца культуры с приглашением на страницу устного журнала <...> и в третий — Брускин насчет как дела. Короче говоря, все мысли мне перебили, и я кончаю.

Жму руку и ногу, твой верный [подпись].

Р<ost> Т<extum>. Постарайся что-нибудь придумать насчет экземпляриков — пропадают.

Р. Р. S. Кстати, как тебе лучше писать: д. 42-а или д. 14?

И Ленке привет передай, а то я, свинья, забываю каждый раз написать. А я ее люблю и ценю, а все наши ребята (включая Илью Иосифовича) от нее в восторге.

Аркадий — брату, 17 марта 1963, М. — Л.

Дорогой Бор-Босс!

Тебе, наверное, передали мои возмущенные вопли и мама, и Дмитревский по поводу того, что ты-де не отвечаешь. Так вот, я приношу нижайшие извинения: только что принесли твое письмо от 12-го из квартиры № 16. Сам виноват, пишешь четверку так, что ее приняли за единицу. Да, чтобы не забыть: номер дома нашего сменили, пиши д. 14. Слава богу, ни дома 11, ни дома 41, ни дома 44 в нашем районе нет. Вышлю тебе по экземпляру «Возвращения» и «Стажеров», вышлю по два на всякий случай, а больше у меня ничего нет, да и этого хватит за глаза. Что же до рекомендации Ефремова, то напиши ему сам — вот адрес: Москва В-333, 2-й Академический проезд <...>. Объясни ему, что и как, он тебе сразу ответит, а то я не знаю, когда теперь к нему попаду.

Приехать рассчитываю числа 14, если не возражаешь, привезу «Кракена», хотя уже теперь вижу, что закончить не успею. Но половину привезу. Всего он распухнет, наверное, страниц до 200. У меня готова треть, где расстановка сил закончена, а сейчас, когда начинаются проделки Кракена, у меня застопорило, но как раз сегодня я, кажется, прорвался и надеюсь снова развести пары до трех страниц в день. Уж-жасно жажду тебя видеть, дружище, просто мне даже противоестественным кажется, что на работу не хожу (я отчислен из Детгиза 11-го), а тебя нетути. Вся программу, тобой намеченную, мы выполним за пять дней. Предварительно же мне хочется сказать тебе, бледнопухлый мой брат, что я за вещь легкомысленную — это о «Седьмом небе». Чтобы женщины плакали, стены смеялись, и пятьсот негодяев кричали: «Бей! Бей!» и ничего не могли сделать с одним коммунистом.

Образ жизни мой достоин всяческой зависти. Сегодня четвертый день, как я никуда не выходил. Сижу собі и пишу, и перевожу забавный рассказик Абэ Кобо — науч<ная> фанта<стика>. Одновременно перечитал несколько хороших детективов. Кстати, чтобы не забыть, напомни пройдохе Брускину, что он мне обещал кое-что выслать — Лема и «Пилигримов» Бродского. Что Соколов был пьян в дугу — не удивляюсь, что он тебе надоел — тоже. Завтра мне с ним встречаться для переговоров о его книге в изд<ательств>е «Искусство». Он жаждет, чтобы текст к его альбому написали мы. Полагаю, поскольку это не к спеху, можно будет сделать. Деньги я с него возьму.

Не горюй, что в этом году ничего не дадим. Да это и не совсем так. В журналах пойдет «Далекая Радуга» и «Седьмое небо», в сборнике «Фантастика, 1963» пойдут «Мигранты», «Машина времени» и рассказ про молящихся царей, просящих помощи у коммунистов для защиты от врагов унутренних, его бы ты скорее написал, а то Бела уже требует. И потом, в апреле или мае выходит второе издание «Возвращения» — что тебе еще надобно, старче?

Были днями у Парнова, спорили за фантастику и перепились. Потом после очередного собрания фантастов (я читал «Машину времени», всем очень понравилось) пошли в ресторан «Москва» и перепились же. Потом встречался я с Макаровым, было скучно, и опять перепились.

Да, Женя Войскунский и Исай <Лукодьянов> прислали письмо, пишут, что «Стажеры» — это свидетельство зрелости, и что оные «Стажеры» понравились даже Альтову, которому ничего, кроме своего, не нравится.

Вот пока все.

Большой привет Адке. Поцелуй маму. Жму тебе твой Арк.

Борис — брату, 19 марта 1963, Л. — М.

Дорогой Аркус!

Прежде всего, имею к тебе следующее весьма срочное дело. Один наш пулковский парень защищает диссертацию. Мы хотим согласно традиций что-нибудь подарить ему. Выбор пал на картину нашего дорогого А. К. Соколова. Но, во-первых, я не знаю, как с ним быстро связаться, а во-вторых, он <...> не продает картины частным лицам. О чем просит тебя общество? Общество просит тебя СРОЧНО связаться с Соколовым и упросить его продать какую-нибудь картину за цену, не превосходящую 60, а лучше 50 рублей. Если тебе удастся его уговорить и он согласится, СРОЧНО же вышлай мне телеграмму, содержащую слово «согласен», адрес и телефон Соколова. Наши люди в Москве тогда нагрянут к нему и произведут отъем картины с вручением наличных. Очень прошу тебя сделать его с максимальной срочностью и добросовестностью, ибо диссертант парень стоящий и ублажить его хочется всем. Всю эту операцию (мое письмо, твои переговоры, твоя телеграмма, связь с москвичами, покупка и пересылка) нам надо осуществить не медленнее, чем в десять дней. Исходи из этого. Тебя просят лучшие люди Пулкова — радиоастрономы.

Что касается «Седьмого неба», то мы с тобой еще поругаемся. Собственно, я ничего особенного не имею против вещи веселой, но я против вещи легкомысленной и уж совершенно против эпохи географических открытий. К черту мушкетеров! Какое нам до них дело? Жизнь бьет ключом, а мы будем писать о мушкетерах! Да что мы такого особенного можем написать про мушкетеров, кроме мух в вине и нечистоплотных женщин? Опять тебя тянет в Дебри Европы! Нет, брат, пусть это будет вещь веселая, и в какой-то степени даже легкомысленная, но я желаю наше время. Хватит феодализма и рабовладения. Другие насущные проблемы, связанные именно с нашим временем, стучатся в мое сердце. Впрочем, это не тема. Будем говорить подробно при встрече.

Настоятельно прошу также дать мне в очередном письме подробное оглавление двух ближайших альманахов. Это хочется знать и мне, и нашим ребятам. Пришли, пожалуйста. А то я ни черта не понимаю, что куда идет. Кстати, как Андреев? Надолго?

Травинский с радостью согласился писать рецензию на сборник. Обещает выслать ее тебе на этой неделе. Пройдоха Брускин сказал мне, что будет лучше, если Лема я тебе передам при встрече. Это разумно. Что касается «Пилигримов», то даю их тебе на последней странице.

Поменьше пей. Какого черта, я совсем не собираюсь писать в одиночестве только из-за того, что моему соавтору доставляет наслаждение безмерно уязвлять себя водкою. Я тут смотрю, как наши пьют, — страшно становится. Они же все попередохнут или станут неработоспособными через пять-десять лет.

Рассказ о молитве уже напишу. Только галоши вот одену. За экз<емпляр>ы спасибо, но я их еще не получил. Дело с ССП — нелегкое. Всем наплевать, никто не читал и нас не знает. Уповаю на Гора и Дмитревского — обещали хлопотать.

Теперь ПИЛИГРИМЫ.

Мимо ристалищ, капищ,
Мимо шикарных кладбищ,
Мимо храмов и баров,
Мимо больших базаров,

Мира и горя мимо,
Мимо Мекки и Рима
Синим солнцем палимы
Идут по земле пилигримы.

Убоги они, горбаты,
 Голодны, полуодеты,
 Глаза их полны заката,
 Сердца их полны рассвета.

Вслед им звенят пустыни,
 Вспыхивают зарницы,
 Звезды встают над ними,
 И хрипло кричат им птицы,

Что мир останется прежним,
 Да, останется прежним —
 Ослепительно снежным
 И сомнительно нежным...

Мир останется лживым,
 Мир останется прежним,
 Может быть, постижимым,
 Но все-таки бесконечным.

А значит, не будет толку
 От веры в себя да в бога,
 И значит, остались только
 Иллюзия и дорога.

И быть над землей закатам,
 И быть над землей рассветам,
 Удобрить ее — солдатам,
 Одобрить ее — поэтам.

Давеча на секции обсуждали Макрушина. Я был основным докладчиком. Очень старался побереечь старика-графомана, но, по-видимому, не удержался — раскатал его в блин. Все его несли, кто во что горазд — он только улыбался, кланялся и благодарил. Это было на редкость жалкое и негуманное зрелище. Господи, слава богу, что мы все-таки не такие и способны понимать, что хорошо, а что плохо.

Завтра у нас «звездинская среда». Ты мне подал хорошую мысль: я тоже прочту там «Машину времени». А то читать что-то надо, а нечего. Не «Радугу» же читать. Прочел «Радугу» Брускин. Понравилось, но меньше, чем «ПкБ» и даже «С». Кстати, ты ни словом не ответил, что думаешь о предложенных мною вставочках. Ты уж отпиши.

Хорошо бы «Кракена» уделать в этом году! Это была бы сила. Уделаем?

Ну, пора прощаться. Я между прочим заметил, что имеет место некий кризис в проблеме прощания. Остро стоит вопрос: что еще жать? Руку, ногу, гектокотиль — все это уже было. В последнем письме ты писал уже совсем просто: «Жму тебе твой...»

Так вот. Привет Ленке и ребятам. Жду ответа. Жму ухо, твой [подпись].

P. S. Постарайся как следует насчет Соколова!

Аркадий — брату, 22 марта 1963, М. — Л.

Дорогой Бобкинс!

Согласие Соколова я протелеграфировал. Он готов и все такое, и еще бы он не был готов, мы бы его с кашей съели. Но о том, какая именно картина вас там интересует, я не знаю, это уже на совести московских корреспондентов ваших.

О «Наблюдателе» (так я переименовал «Седьмое небо»). Если тебя интересует бьющая кругом ключом жизнь, то ты будешь иметь полную возможность вывалить свои внутренности в «Дни Кракена» и в «Магов». А мне хотелось создать повесть об абстрактном благородстве, честности и радости, как у Дюма. И не смей мне противоречить. Хоть одну-то повесть без современных проблем в голом виде. На коленях прошу, мерзавец! Шпаг мне, шпаг! Кардиналов! Портовых кабаков!

Содержание второго номера альманаха я точно не знаю, давно там не был. А первый том — «Далекая Радуга», большой рассказ Емцева и Джереми, «Новая сигнальная» Гансовского, подборка рассказов Варшавского, подборка рассказов Брэдбери, большая статья о Леме Громовой, рецензия на «Экипаж “Меконга”» Джереми. Второй — ориентировочно — «Возвращение со звезд» Лема, «Далекая Радуга», какие-то рассказы, статья Дмитревского и Брандиса, чья-то рецензия на кого-то. Кстати, нашу статью я снял, там многое устарело, и ее надо очень сильно переделать. А, там еще будет рассказ Днепров «Разговор с чужой тенью». Но все там так безобразно и нерешительно тянется, что у меня опустились руки, и я туда просто не желаю ходить сейчас. Оказалось, например, что первый номер ни в каком не в производстве, а вот уже неделю на столе у директора издательства, и он не торопится. Прах с ним.

Рассказ о молитве давай скорее. Жду с нетерпением.

Рецензию Травинского жду с нетерпением. Это будет здорово.

Пью я вовсе не так много, как ты, видимо, создал себе впечатление. Я рассказал тебе о вечерах, с кем я встречаюсь, и только. А пью — мало пью. С гомерическими порциями наших друзей не сравнить.

Спасибо за «Пилигримов». Все-таки прекрасная вещь. Люблю. Буду читать в понедельник нашим ребятам.

«Кракена» уделать в этом году надо непременно. И подготовь почву у Травинского либо у Дмитревского, чтобы дать его в «Звезду» или в «Неву».

Все. Ленка идет на улицу, опустит.

Целую, привет всем. Твой Арк.

Борис — брату, 26 марта 1963, Л. — М.

Дорогой Аркус!

Некоторые новости:

1. Давеча было собрание фантастов в «Звезде», и Кан прочел из французского журнала «Фиксьён» (крупнейшего во Франции научно-фантастического журнала) рецензию на советский сборник «Путь на Амальтею». В общем сборник ругают за отсутств... (бр-р-р!) за отсутствие образов и человек, более благожелательно говорят о журавлевском «Капитане “Полюса”» и весьма хвалят «Путь на Амальтею». Сказано много теплых слов, мы названы самыми талантливыми и в этой повести поднимающимися до уровня Кларка и Хайнлайна.

2. Вчера был на встрече с читателями в Публичной библиотеке. Было довольно интересно, хотя, как и положено, разговор вертелся главным образом вокруг телепатии и разумных грибов, а не вокруг литературы. Но дело не в этом. Руководительница этой встречи сказала мне, что один ее знакомый, телевизионщик, хочет ставить на телевидении «ПкБ» и просит разрешения и возможности со мной поговорить. Я разрешил. Надеюсь, ты не будешь возражать? Если будешь — срочно пиши. Вероятно, он будет вскорости звонить и добиваться аудиенции.

Большое тебе спасибо за хлопоты с Андреем. Наши агенты уже кинулись в Москву, и, надо думать, дело на мази.

О «Наблюдателе на Седьмом небе» спорить с тобой, нехорошим человеком, не жалаю. Не жалаю! Приедешь — поспорим, и спор будет страшен. Обглоданные кости будут лететь на улицу, разбивая стекла и пугая детей, стены залиются кровью, как нос

сосуда гнева, а милиция будет кричать «Бей! Бей!» и ничего не сможет сделать ни с одним из соавторов. Я тебе Бенни Дурова на растерзание каким-то вонючим кардиналам-мушкетерам и прочим портовым кабакам не отдам. И нечего ссылаться на «Кр<акена>». «Кр<акен>» — дело особое, и тема особая, и задачи особые, и возможности тоже особые. Не забывай, что «Кр<акен>» — это реализм, вполне соц<иалистический>. Кстати, общий сюжет «Кр<акена>» я изложил ребятам. Травинский сначала воскликнул: «Так значит с фантастикой все!» — а потом долго смотрел на меня усмехаясь и в конце концов молвил: «А это здорово придумано. Хорошо...» Читал я в «Звезде» «Машину времени». Особого впечатления она не произвела, только Травинский долго хихикал и приговаривал вполголоса: «Хорошо! Хорошая концовочка... Молодцы!» Видел в верстке пародию И. И. <Варшавского> на «Стажеров». Она, кажется, идет-таки в «Звезде» номер пять или шесть. По этому поводу было много разговоров и умоляющих взглядов: И. И. и Володька решили, что мы, может быть, обидимся. Я его уверил, что не обидимся.

Очень жаль, что статья наша не пойдет. Т. е. не то чтобы жаль, просто, я думаю, это был последний шанс сказать свое слово в публицистике. Мне лично больше не захочется. Слишком много осечек подряд.

Засим кончу, ибо иссяк и голова болит. Жму, как это ни противно, двенадцатиперстную кишку твою, твой [подпись].

Р. С. Книги получил, большое спасибо. Было бы здорово, если бы ты прислал еще хотя один экз «Фант<астики> 1962». Один экз у меня пока есть.

Аркадий — брату, 27 марта 1963, М. — Л.

Дорогой Борис.

Для начала подтверждаю то, что ты, вероятно, уже сам знаешь, — что ты скотина. На письма надо отвечать, особенно сейчас.

Засим даю тебе отчет о расширенном совещании секции НФП ССП, имевшем место вчера, на котором я присутствовал. Совещание это имело цель, как об этом заявил Тушкан, подготовить материал для выступления Л. Соболева на предстоящем съезде писателей в части нашего жанра. Имели место: Тушкан, Казанцев, Гуревич, я, Жемайтис, Толя Днепров, Забелин, трое ребят из «На суше и на море», Ким, Лейтес, Томан, Ляпунов, Глеб Голубев, Этингоф, Жигарев, две девочки из Дома детской книги и еще какие-то подонки. Да, Колпаков. Странная история получилась с приглашениями. Приглашительные билеты получили все, кроме молодых фантастов (не считая Толи). Меня за день пригласил по телефону Ляпунов. Теперь, после того, что там произошло, я начинаю видеть (правда, очень смутно) известный смысл в этом.

Итак. Докладывал Брандис. Обыкновенное брандис-дмитревское библиографическое выступление, с преимущественной оценкой вещи по научности и ненаучности. Впрочем, нас он похвалил, подробно (насколько это можно было в таком докладе) остановившись на «В», «С» и «ПкБ» отдельно. Затем выступали:

Ким: за граница ведет в фантастике широчайшее антисоветское и антикоммунистическое наступление. Привел несколько примеров, причем рассказывал с большим вкусом и азартом, как мог бы лакомка рассказывать о китайской кухне. Заявил, что наша фантастика, если не считать Лагина и Томана, не очень-то.

Лейтес: подтвердил Кима, после чего много и долго распространялся, как нехорошо в фантастике опровергать Эйнштейна, развивая мысль Брандиса о том, что «мы не против любой гипотезы и любого допущения, на то и фантастика, но, товарищи, нельзя же так».

Ляпунов: очень интересно рассказал о фантастике в кино, какие у кого планы в этом отношении, что печатают за границей, привел некоторые данные. С 58 года и поныне выпущено у нас советских вещей — 78 отдельных книг и 208 рассказов в периодике, иностранных вещей — 9 отдельных книг и 70 рассказов в периодике.

Днепров: тоже подтвердил Кима и рассказал еще несколько произведений. Вообще он главным образом помалкивал. Между прочим, как раз в эти часы в том же здании шел пленум Московской организации ССП.

Жемайтис: дал оценку книг, выпущенных в «Мол<одой> гв<ардии>».

Тушкан: зачитал список книг, которые будут представлены Соболеву как пример лучших в НФП. Я этот список, к сожалению, не слышал, потому что меня в это время одолевал Жемайтис, спрашивавший, хорошо ли он выступал, и я встrepенулcя, только услышав «Страну багровых туч».

А затем Тушкан сказал, обращаясь к Брандису: «Я не согласен с вашей оценкой «Попытки к бегству», это плохая повесть». Брандис пожал плечами.

Днепров: реплика. Мы говорили о контрнаступлении против американской антисоветчины, так вот «ПкБ» — это пока единственный, может быть еще слабый, пример такого контрнаступления в сов<етской> НФП.

Тушкан: не понимаю конца этой вещи, не понимаю, что в ней происходит. Впрочем, мы попросим Стругацкого самого рассказать. В публике шуточки.

Девочка из Дома ДК: построила выступление на письмах юных читателей, было очень интересно и забавно, потом как-нибудь расскажу, сейчас не до этого.

Жемайтис: реплика. Мы ценим и любим Стругацких, у нас бывают разногласия и споры, но мы считаем, что споры — это хорошо.

Стругацкий: сначала в порядке реплики ответ Киму и Днепрову. Западным фантастам очень легко стирать с лица земли целые континенты и создавать эффектные картины вторжения генерала Новикова и маршала Фэна в США. Это легкий путь, а вот выработать столь же эффектные методы контрпропаганды на основе советского гуманизма и разумного оптимизма не так просто, мы не можем позволить себе, чтобы пропаганда ненависти к империализму и фашизму обернулась пропагандой ненависти к целым народам. Теперь о «ПкБ». Мы считаем, что враг не только вовне (империализм), но и внутри нас — мещанство, трусость и прочее. Ретроспективно говоря, мы в «ПкБ» попытались дать бой обоим врагам сразу. Это антифашистская вещь, с одной стороны, а с другой — мы показали, что истинный коммунист не может дезертировать в коммунизм, даже когда он изнемог в борьбе. Если он не выпустит последних патронов в борьбе с фашистами, коммунизма не будет. Орал я, кажется, ужасно, и Лейтес с опаской на меня поглядывал. Не знаю, Григорий <ошибочно, нужно Георгий> Павлович <Тушкан>, сказал я, почему вы не поняли таких простых вещей, может быть потому, что читали в спешке, готовясь к этому совещанию, а я беседовал о ней в двух школах и трех институтских коллективах (на один я соврал), так там все хорошо поняли.

Тушкан: начал оправдываться, потом махнул рукой.

И вот тут началось самое страшное. Выступил Казанцев.

Первая половина его выступления была целиком посвящена Альтову и Журавлевой. Вторую я уже не слушал, потому что мучился, не зная, как поступить. Вот тезисы того, что он говорил. Альтовское направление в фантастике, слава богу, так и не получило развития. И это неудивительно, потому что в массе советские фантасты — люди идейные. Альтов на совещании в 58 году обвинял «нас с Днепровым» в том, что мы (Днепров и он, Казанцев) присосались к единственной, всем надоевшей теме — столкновение двух миров. Нет, товарищ Альтов, эта тема нам не надоела, а вы — безыдейный человек (стенографистки пишут наперебой. Вообще все стенографировалось). В «Полигоне “Звездная река”» Альтов выступает против постулата скорости света Эйнштейна. Но в тридцатых годах фашисты мучили и преследовали Эйнштейна именно за этот его постулат. Все вещи Альтова так или иначе играют на руку фашизму (стенографистки пишут! Не думай, я не преувеличиваю, мне самому показалось, что я во сне). Мало того, все вещи Альтова так далеки от жизни, настолько пусты и лишены жизненного содержания, что можно смело назвать его абстракционистом в литературе, это мазила, дегтемаз и прочее.

Дальше я не слушал. У меня холодный пот выступил. Все сидели, как мертвые, уставясь в стол, никто ни звука протеста не проронил, и вот тогда я понял, что в первый раз в жизни столкнулся с Его Величеством Мстящим Идиотом, с тем, что было в 37-м и 49-м. Выступить с протестом? А если не поддержат? Откуда мне знать, что у них за пазухой? А если это уже утверждено и согласовано? Трусость мною овладела страшная, да ведь и недаром, я же боялся и за тебя. А потом я так рассвирепел, что трусость исчезла. И когда Казанцев кончил, я заорал: Разрешите мне! Тушкан, недовольно на меня поглядев, сказал: Ну что вам, ну говорите.

Стругацкий: при всем моем уважении к Александру Петровичу, я решительно протестую. Альтова можно любить и не любить, я сам его не очень люблю, но подумайте, что вы говорите. Альтов — фашист! Это же ярлык, это же стенографируется, мы не в пивной сидим, это черт знает что, это просто непорядочно! (Это я помню, но я еще что-то нес, минут на пять.)

Секунда мертвой тишины. Затем железный голос Толи Днепрова.

Днепров: я со своей стороны должен заявить, что не слышал, чтобы Альтов обвинял меня в пристрастии к теме борьбы двух миров. Он обвинял меня в том, что действующие лица у меня не люди, а идеи и машины.

Ким: и не абстракционист он никакой. Наоборот, когда был у меня и увидел картину такого-то, очень ее ругал.

Затем все зашумели, заговорили, Казанцев начал объяснять, что он хотел сказать, а я трясся от злости и больше ничего не слышал. И когда все кончилось, я встал, выругался (матом, кажется) и сказал Голубеву: пойдём отсюда, здесь ярлыки навешивают. Громко сказал. Мы пошли вниз, в кабак, и там выдули бутылку настойки какой-то.

Вот такие дела. Война объявлена, ты огорчишься, но я удержаться не мог. Мне было бы стыдно тебе в глаза смотреть, если бы эти гадости про Альтова остались в стенограмме и были бы опубликованы в выступлении Соболева. Это же верная гибель для писателя. Сам ведь Соболев ничего этого не читает. И если бы я не выступил, я бы, наверное, домой не вернулся, не мог бы с Ленкой встретиться. Трус и обыватель сидит во мне, как видно, очень глубоко.

Вот пока все. Целую, дружище,
твой Арк.

Аркадий — брату, 30 марта 1963, М. — Л.

Дорогой Боб.

1. Отзыв «Фиксьон» меня мало трогает, и тебя он тоже не должен много трогать, ибо не тот ли это самый «Фиксьон», который, чтобы познакомить французов с лучшим произведением советской фантастики, после долгих колебаний и споров между собой выбрал и опубликовал «Оранжевую планету»? Что до меня, то я считаю, что мы этим специалистам просто не по зубам, и это, заметь, при всей моей известной скромности. Вообще похвала французов... с их Карсаком в качестве эталона! А подниматься до уровня Хайнлайна — тоже невелика честь. Вот до Брэдбери бы...

2. Пусть телевизионщик ставит «ПкБ». Не возражаю против попытки, но это все моча, ничего у них не выйдет. С телевизионщиками я дело уже имел. Только не давай втянуть себя сам в это дело, это много хуже, чем кино.

3. Строго между нами. Пародия Варшавского — отличная и все такое. Но имей в виду, что при настоящем положении вещей это может быть сигналом к нападению. А как же! Вот вам сигнал в «Молодом коммунисте» — раз. Вы протестовали. Но вот и толстый журнал за вас взялся, там люди не дураки сидят. И бьют все по одному месту, по запорожцам в космосе. При той травле, которую сейчас Казанцев развернет против молодых, это может оказаться чреватым. Не будешь же ты всем объяснять, что Травинский и Варшавский — наши друзья. Почему-то, скажут, пародий на Казанцева не

печатают. И ваших оригинальных вещей не печатают. Скверно, молодые люди, общественность вас осуждает. Имей это в виду, а там поступай как знаешь.

4. Экз «Ф<антастика> 62» попробую достать. Сейчас у меня ужасный флюс, сижу обмотанный, с одним левым глазом, печатать трудно, кончаю.

Всем привет, целую,
твой Арк.

Борис — брату, 31 марта 1963, Л. — М.

МОЛОДЕЦ КРЕПКО ЦЕЛЮЮ = БОРИС.

Борис — брату, 1 апреля 1963, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Прежде всего еще раз выражаю свое удовлетворение твоим выступлением против Его Величества Мстящего Идиота. Ты поступил как надо, только зря в конце матерился и выкрикивал насчет ярлыков. Впрочем, это, с одной стороны, совершенно понятно, а с другой — демонстрации, кажется, никто не заметил. Я вчера же, по получении от тебя письма, принялся названивать Брандису и Дмитревскому. Брандис сказал, что было довольно вялое заседание и только в конце Казанцев попытался свести счеты с Альтовым, но получил спокойный и хладнокровный отпор АНС, который был поддержан остальными присутствующими. Дмитревский пообещал на всякий случай поговорить с Соболевым, чтобы тот не обострял, ежели Тушкан и Казанцев вставят все-таки что-либо пасквильное относительно Альтова. Я все добивался от Брандиса, какие вещи были вставлены в тушканский список «лучших в НФП», как ты выразился. Оказалось, что это был вовсе не список лучших, а просто список всех. Вообще, надо думать, все с фантастикой обойдется, по крайней мере, в ближайшее время. Самое главное — как будут на происходящее реагировать редакторы. Все сводится к этому.

Теперь. Я думаю, что лучше всего будет, если ты приедешь в пятницу 12-го. Тогда воскресенье наше, субботу и понедельник я отработаю, а пятницу просто промотаю. Четыре дня чистых, и в субботу мы устраиваем выпивон. Сообщи быстренько свои соображения. Очень я жду твоего приезда.

Наконец. Ты ругаешь меня за задержку писем. Но елки-палки. Учти, что специфика нашей переписки не позволяет мне писать тебе о всяких мелочах быта, а мелочи эти меня заедают постоянно и со страшной силой. Так что ты уж на меня не сетуй. Прощай по возможности.

Новостей пока никаких нет. Ничего я не написал. Нигде не был, кроме вонючих выступлений перед читателями. Выступал три раза почти подряд, и только один раз было ничего, а то все — моча. Сейчас позвонил Травинскому насчет рецензии. Он сказал, что написал рецензию, но у него получилась рецензия не на сборник, а на «ПкБ». Я его облаял и сказал, чтобы писал заново рецензию на весь сборник и высылал тебе вместе с рецензией на «ПкБ».

А пока все, крепко целую, ты молодчага, твой [подпись].

Р. С. Дмитревский, по-моему, боится за «Лезвие бритвы». Боится эротики, боится ссылок на Фрейда, боится индийской философии. Пока он еще держится, но уже дрожит. Не говори ему об этом моем письме, а при встрече накачивай идеями, что, мол, вещь великолепная и не печатать нельзя.

Борис — брату, 4 апреля 1963, Л. — М.

Дорогой Арк!

Получил твое чрезвычайно сухое письмо о трех пунктах. Необъяснимо сухое. Не могу сказать, чтобы отзыв «Фиксьон» трогал как-то особенно и меня, но все-таки приятно, и я написал тебе о нем, чтобы и тебе было приятно. Что касается «Оранжевой планеты», то ты, видимо, введен в заблуждение: сию псевдокнижку печатал не «Фиксьон» — «Фиксьон» ее страшно разматерил. Кроме того, подняться до уровня Кларка и Хайнлайна в вещи, которую мы отнюдь не считаем лучшей, тоже, по-моему, неплохо.

Телевизионщик пока еще не звонил — надо думать, обоср... Пусть его сохнет. Насчет пародии Варшавского я звонил Травинскому и попросил его снабдить пародию подзаголовком «дружеский шарж». Думаю, это сильно смягчит впечатление лягания, буде такое и возникнет. <...>

Написал наконец «Молитву». Получилось четыре страницы — это очень черновой вариант, очень. Назвал его «Трудно быть богом». Я тебе не посылаю его — все равно ты приедешь через десяток дней, и надо же мне что-нибудь противопоставить «Кракену». Вот я и того... Может, за это время и еще кой-чего накаताю.

Брускин с Травинским пишут сценарий по «ДР» — написали уже, говорят, половину. Врут, наверное.

Ну, привет всем, целую, твой [подпись].

Р. S. Тут ходят слухи, что твое продвижение в члены ССП продвигается успешно. Давай бог! А у меня пока все на точке замерзания.

Аркадий — брату, 6 апреля 1963, М. — Л.

Дорогой мальчик!

Прости, что письмо прозвучало сухо. Но прими во внимание, что я еле сидел за столом от зубной боли, обмотанный бинтами и ватой так, что видел только один (левый) глаз, и вообще все выглядело очень и очень скверно в моем мире. Сейчас, слава богу, все пришло в порядок, и я готов.

В общем, по твоему слову мы приезжаем утром в пятницу. Мы — это я и Ленка, которая мчится, чтобы избавить маму по хлопотам, могущим возникнуть в связи с твоим днем рождения. Тебе задание: передай маме привет и поцелуй ее, скажи, что отвечать на ее письмо не буду в предвидении скорой встречи, и осторожно выясни, как она относится к приезду Ленки. Все-таки надо походить по магазинам, а маму трогать на это дело я бы не стал, а Ленка сделает все это отлично. Уедем мы, по-видимому, в понедельник вечером. Постарайся выяснить и отписать поскорее, надо заказать билеты.

Вышло переиздание «Возвращения». Нам выплатили по 50 %, по 513 р. Восемнадцатого выплатят еще по 50. Скоро получишь, а может, уже и получил.

«Кракен» продвигается все медленнее. Сейчас застыл на 82-й стр. Сказывается, вероятно, усталость и неуверенность, и непривычка работать в одиночку. Очень жажду слышать твое веское. Насчет «Молитвы» или «ТББ» — это ты молодец. Значит, по возвращении сдам для сборника «Фантастика-63» нашу контрибуцию: «Машину времени», «Мигранты» и «ТББ», всего примерно на лист, но и это неплохо.

Слушай, что за моча? Какой сценарий пишут эти пираты? При чем здесь «ДР»? Я не против, но никак не могу понять, что они затеяли. Ладно, это при встрече.

О МОЕМ продвижении в ССП нет и не может быть речи. Есть НАШЕ продвижение. Если оно есть. Я тут такое узнал... Это, правда, уже в прошлом, но желания стать членом у меня теперь еще меньше. Ох, лезем мы в такую помойку, брат мой, друг мой...

Казанцев, говорят, уже покался и даже извинился. Подробностей не знаю. Рафик Шапиро (большой друг Альтова) звонил, Альтов велел ему мне кланяться и

поблагодарить. Сам же Альтов собирается подать на Казанцева в суд за клевету и диффамацию.

Привет Адке, целуй маму, жду письма срочно.

Целую, дружище, твой Арк.

Борис — брату, 7 апреля 1963, Л. — М.

ОЧЕНЬ ХОРОШО ЖДЕМ ОБОИХ ПЯТНИЦУ ХОЧУ ВСТРЕТИТЬ ЦЕЛУЮ = БОРИС.

Аркадий — брату, 17 апреля 1963, М. — Л.

Дорогой Борик.

Писать особенно не о чем, но для затравки пишу. Приехал, а здесь письмо — опять от коллектива механического цеха, помнишь, я тебе рассказывал. Пишут, что нужны наши фото, а равно сообщают, что они — наши шефы, либо мы — их шефы, не знают, как правильно. Я тоже не знаю, славные, должно быть, ребята, мне так тепло на душе стало. И еще пишут, что очень хотели бы сделать нам что-нибудь хорошее, только не знают — что именно, и чтобы мы написали, что нам нужно. Я хочу написать, чтобы учились и других заставляли учиться, как ты полагаешь?

Был вчера в «Знании» и в «Мол<одой> гв<ардии>». В «Знании» получено письмо от Андреева, Андреев просит не считать его членом редколлегии. Оскорблен, что сняли Лема и статью о Леме. Не знаю, как мне поступить в таком случае. М<ожет> б<ыть>, тоже подать в отставку? В «Мол<одой> гв<ардии>» Жемайтис сказал, что принципиальное согласие секретаря ЦК по пропаганде на встречу с нами имеется. Но он просит, чтобы мы составили предварительно заявление или декларацию своих целей и своего положения, что ли. Думаю, мысль разумная. В понедельник встретимся с ребятами и все обсудим. Ты тоже поговори с Травинским, Варшавским и Мартыновым, а равно и с Гором. Их мнение, так сказать. А не хочешь, так и не надо, но, по-моему, надо, может быть, они, как люди опытные, что-нибудь подскажут интересное.

Прислали мне стенограмму моего выступления на совещании, только основное выступление, где я опровергал высказывание Кима о том, что наши фантасты не очень охотно обращаются к антиимпериалистической теме. О Казанцеве — ни слова. Вероятно, выступление Казанцева из стенограммы изъяли и, след<овательно>, все выступления, с ним связанные. Да, Ляпунов звонил, требует наши биографии для японских издательств, где выпускают наши книги (или книгу, не знаю точно).

Жму, поцелуй маму, привет Адке. Твой Арк.

Борис — брату, 20 апреля 1963, Л. — М.

Дорогой Арк!

Мне тоже писать особенно не о чем. Неделя прошла в разнообразных играх и развлечениях на счетной станции. (Черт, трудно работать на машинке: каретка упирается то в арифмометр слева, то в кучу «Обсервацион дё Пулково» справа. Сейчас я их раздвину.)

Итак, о чем это я. Да, шефы с механического цеха. Напиши им, чтобы больше читали и не только фантастику. Лучшая помощь писателю — повышение квалификации читателя.

Подавать в отставку из-за взбрыкивания Андреева тебе ни к чему. Ты не Андреев. Кроме того, при всем моем уважении к Лему, я всегда считал ошибочной публикацию «Возвращения со звезд». Совершенно ни к чему дразнить гусей. А вот что статью о Леме

зарезали — это действительно свинство. Против этого надо бороться беспощадно, но не знаю как.

На встрече с комсомольскими жожаками надо говорить примерно следующее. НФ есть: 1) Литература о творчестве и людях творчества. 2) Литература о коммунизме, так сказать, научпоп о коммунизме. Цель: будить воображение, раскрывать перспективы, бороться с мещанством, с мелочным восприятием жизни. В общем, ты сам знаешь, что надо говорить. С ребятами я поговорю, но это случится не скоро, т. к. я теперь сижу в Пулкове безвылазно: Адка готовит доклад и никуда меня не пускает.

Мама наконец достала путевку в санаторий. Уедет числа двадцать пятого — в Сестрорецк. Я ей подкинул денег, так что все в порядке.

За «Н» еще не принимался: чертовски мешают различные жизненные неустройства, связанные с детьми и, в особенности, с днем рождения. Сегодня вот буду справлять еще раз — массы требуют.

Теперь: 1. Надо уговорить Андреева взять заявление назад. Будь посредником. Скажи: чего там, Кирилл, брось, это все философия, а не выпить ли нам водки! Без Андреева, я боюсь, вы загнетесь с вашим альманахом. Он, подлец, это хорошо знает, потому и отламывает коленца. 2. Коль скоро встреча с цекистами состоится, очень хотел бы на ней присутствовать. Может, вызовешь меня каким-нибудь письмом на официальном бланке или сделай так, чтобы я попал в список приглашенных, если это будет на высоком уровне. Я хочу видеть, слышать и, если понадобится, говорить.

Ну вот пока и все. Целую, привет Ленке, твой [подпись].

Р. С. Весна, весна! Хочется жить и работать! Терпеть не могу зиму, даже с оттепелями.

Аркадий — брату, 24 апреля 1963, М. — Л.

Дорогой Боб.

Опять же новостей никаких особенных нет. В понедельник после собрания фантастов собрались мы — Жемайтис, Днепров, Полещук, Гансовский и я, — набросали планчик мероприятий по подготовке к встрече в ЦК. Толя к следующему понедельнику принесет заготовку для нашей докладной, кроме того, мы подготовим короткие выступления отдельно по основной тематике фантастики. Есть слух, что Казанцев перешел в наступление опять. Он написал статью: «Абстракционизм в литературе — возможно ли?», где на примерах Альтова и отчасти нас доказывает, что возможно. Днепров одновременно готовит статью против. Все это должно решаться в «Литературной газете».

Встречался с Андреевым в «Знании». Он был изрядно бух и разговаривать с ним было трудновато, но, кажется, его уговорили сменить гнев на милость. Я сказал, что Ленинград возмущен его намерением, он был очень польщен. В пятницу будет редсовет с участием Толи и Этингофа, там мы будем выставять свои претензии к администрации. Между прочим, Андреев очень недоволен участием в редколлегии Дмитревского — но это между нами. Он кричит, что нужно Гора.

Наши уезжают в начале июня, так что ты готовься переселяться сюда. Поработаем на славу. Кстати, Север тоже своих отправляет и остается один. Будет писать пиесу. Очень обрадовался, когда узнал, что ты приедешь. Но ты уж изволь, пожалуй, сделать что-нибудь по «Н», чтобы бодро сходу приступить к письму, не тратя времени на тяжкие раздумья. Я все радуюсь, какой славный план мы составили. А не включить ли в план еще одну идею? Коммунары облегчают прогресс общества путем сохранения его лучшей части, его совести и разума. А не дать ли им еще функцию устранения самых страшных врагов общества? Напр<имер>, ночью хватают такого дона Ребию и в двадцать четыре часа на необитаемый остров. А? Это бы впечатляло. Активное воздействие добра.

Очень славно, что мама поедет отдыхать. Наверное, когда придет это письмо, она уже уедет. А где же ее адрес? Еще неизвестно?

Я много читаю в последнее время. Простудировал <Иосифа> Шкловского — раньше я просто пробежал одним глазом. Молодчина старик. Не знаю, как там в рассуждении оригинальных идей, но с популяризацией он справился великолепно. Таких книг нужно побольше, вот что. Прочитал и Шепли «Звезды и люди». Это значительно слабее и не так интересно. Сейчас читаю Халифмана «Пароль скрещенных антенн». Если не читал, прочти обязательно. Это за жизнь насекомых. И еще читаю Дж. Уиндема — современного Уэллса, о нем почему-то мало пишут даже за рубежом, а фантаст, на мой взгляд, знатный. Помнится, я пересказывал тебе его «Дни триффидов» и «Кракен пробуждается» (не волнуйся, кракена там нет). Сейчас прочитал еще две его повести: «Куколки» и «Кукушки Мидвича» — очень впечатляющие штуки. Приедешь — расскажу. Для меня он, помимо всего прочего, любопытен как хорошая иллюстрация к моему представлению о том, как ОНИ представляют себе цели существования человечества и как ОНИ думают о нашей стране. Очень поучительно.

Вот пока все. Привет друзьям, Адке.

Твой верный Арк.

О-о-о-о! Совсем забыл. Зашел я это случайно в издательство диафильмов и подписал договор на диафильм для ребят о межзвездном путешествии на базе «Частных предположений». Так что не удивляйся, когда к тебе придет договор. Написать надо всего восемь страничек, на пятьдесят ± пять кадров. Напишу и пришлю тебе на сверку.

Все. Целую и жму.

Аркадий — матери, 24 апреля 1963, М. — Л.

Дорогая мамочка!

Прежде всего — огромное тебе спасибо за очки. Ленка вот тут стоит и передает тебе тысячу благодарностей, а равно и поцелуев. А то она даже комнату подмести не могла, все на коленках ползала, чтобы пыль разглядеть.

У нас все хорошо. Завтра идем с Машкой <Стругацкой> удалять аденоиды. Ек<атерина> Евг<еньевна> с Ильей Мих<айловичем> <Ошанины> едут в Звенигород искать себе местечко на лето. Мне Боб написал, что ты уезжаешь в Сестрорецк. Пришли сейчас же адресок, будем тебе писать.

ЦК ВЛКСМ собирается устроить встречу своего секретаря по пропаганде с московскими фантастами. Состоится это, видимо, в середине мая. Мы сейчас заняты подготовкой к этой встрече. Возможно, это многое для нас решит в смысле полной литературной легализации нашего жанра. Мы должны убедить товарищей из ЦК, что фантастика как средство пропаганды коммунистической идеологии не уступает, а часто превосходит все иные методы и средства. Задача архиответственная, поэтому мы провели уже несколько встреч между собой, чтобы выработать общие положения своего доклада (общего) и наших индивидуальных сообщений по тематике.

Приехал я в Москву, а тут опять письмо от рабочих, считают нас своими подшефными, спрашивают, не надо ли какой-нибудь помощи. Я ответил, что помощь может быть только одна: больше читать, учиться, только так можно приблизиться к моральному идеалу коммунистического человека.

Слушай, ма, что за странные вещи происходят в нашей школе? Вчера приходит Машка и объявляет, что она должна с помощью родителей сделать абак. Что такое абак? Лезем в энциклопедию. Это какие-то первобытные счеты. Как их делать — ума не приложим. Ну, хорошо, у нас есть энциклопедия. Но ведь у большинства родителей энциклопедии нет, правда? Все-таки абак мы так и не сделали. Бедная Ек<атерина> Евг<еньевна> сидела до полуночи с кусками картона и ножницами, я пытался помочь, так

ничего и не получилось. Это что, теперь система такая? А в старших классах родителей заставят изготавливать атомные реакторы? Смех, да и только.

Ну, пока все. Крепко тебя целую, твой родной Арк.

Борис — брату, 25 апреля 1963, Л. — М.

Дорогой Арк!

Книжку — девочкам. Передай им также привет.

Я получил договора от «Диафильма», ничего не понял и долго ждал твоего письма. Не дождался, плюнул, подписал и отослал. Представления не имею, что должен в связи с этим делать.

Жду объяснений,

твой [подпись].

Р. С. Мама в Сестрорецке в санатории. Адрес:

Ленинградская обл. г. Сестрорецк

Парковая улица, 18

корпус 4, комната 13.

Борис — брату, 28 апреля 1963, Л. — М.

Дорогой Арк!

Чего это ты поддался чарам «Диафильма»? А впрочем, почему бы и нет... Пусть. Пришли мне сценарий, а я к тому времени постараюсь перечитать «ЧП», а то забыл все нацело, кроме того, что у героя не хватало руки. Может, и я чего добавлю.

Звонил сегодня Брандис — жаждал преподнести свою книгу (тебе уже послал), а преподнес неприятный слух. Якобы приезжал кто-то из Москвы и сообщил, что «Стругацкому в приеме отказали» (имеется в виду, конечно, прием в ССП). Это мне порядочно испортило настроение. А ты что-нибудь слышал об этом? Узнай и отпиши. Я по-прежнему пребываю в Пулкове, ничего не знаю и никого не вижу.

Что касается активного добра и отправки дона Ребиа на необитаемый остров, то я всецело за, но не думаю, что коммунары будут так поступать. Чем это по сути дела отличается от тактики индивидуального террора? Стандартное возражение: «Уберут дона Ребиа, на его место встанет дон З...па или милль Плюха». Конечно, коммунары не народовольцы: им ничего не стоило бы убирать донов одного за другим, но! Во-первых, скоро все необитаемые острова станут обитаемыми и там начнется бардак, во-вторых — и это главное — кого же сажать вместо дона Ребиа? Ставленнику надо помогать, а как? Ставленник скотина по рождению, и в конце концов у него найдется советчик, которого он будет слушаться с большим удовольствием, чем Румату. Короче говоря, все это можно вставить в рассуждения и в размышления, но проводить это всерьез значит терять чувство реальности и правдоподобия. Кроме того, сама идея спасения интеллигенции — цвета народа, разума его, его будущего — настолько ослепительна, что не требует дополнений. Надо только ее развить. Убирать неудобных! Да их всегда убирали. Много чего убирали, но как-то никто не пытался что-нибудь сохранять! Вот коммунары и сохраняют. Всякое резкое изменение эволюции означает в условиях другой планеты кровь, смерть, горе. Поэтому эволюцию надо не ломать, а ускорять. Вот они и ускоряют.

И еще. Мне пришло в голову отличное название для повести, для «Наблюдателя». Это название когда-то давным-давно предложила мне для какой-нибудь вещи Наташка Свенцицкая, и мне кажется, что сюда оно подойдет. Повесть предлагаю назвать «Понедельник начинается в субботу». В это странное выражение вкладывается следующий многоякий смысл: 1) Люди, которые работают, плюя на воскресные отдыхи — мыслители, не знающие воскресений, и 2) именно за них сражаются коммунары, тоже не

знающие отдыха ни днем, ни ночью, ни в праздники, ни в воскресенья, 3) Румата может сказать это в эпилоге, когда он не успел еще разделаться с доктором Будахом, а уж снова надо идти в бой и снова нет воскресенья, чтобы отдохнуть и отвлечься. Очень тебя попрошу поразмыслить над сим названием, чтобы оно тебе понравилось. Мне оно страшно нравится. И оно, по-моему, создает какое-то определенное настроение — очень какое-то человеческое. Согласись, а?

Халифмана я читал. Шепли и Шкловского тоже. Уиндема не читал и, наверное, никогда не прочту, что особенно печально.

Мама уже в санатории. Пару раз звонила — ей там, по-видимому, неплохо. Я тебе прислал адрес, так там надо добавить «Сестрорецкий пансионат».

Подробно мне опиши, что было на редсовете в «Знании»; как продвигается в «Литературке» Казанцев; когда будет встреча в ЦК ВЛКСМ. Жду.

Крепко пожимаю, твой [подпись].

P. S. Привет Ленке, Северу и Толе <Днепрову>.

Аркадий — брату, 1 мая 1963, М. — Л.

Дорогой Боб.

Ничего пока не узнал, ни о чем новом не слыхал. Возможно, слухи об отказе в приеме еще старые, и речь там не об отказе, а об отложении дела, пока не выяснится вообще судьба всего ССП. Ходят разговоры, что Союз упразднят, будет нечто вроде общего культурно-творческого союза под управлением непосредственно из ЦК и членство там будет считаться заново, то есть сначала всех исключат, а затем начнут принимать снова. Ничего не понять. После праздников постараюсь узнать точнее, хотя мне разговаривать на эти темы с ними — нож вострый. И чего тебе не вступить в горком литераторов? Ей-ей, весьма достойная организация, только что не бренчит так, как ССП.

Насчет возражений по поводу моего предложения в «Наблюдателе» — что же, возможно, ты и прав. Только надо будет поярче дать эту самую ослепительную идею, насчет спасения совести и разума народа. Туда, кстати, надобно будет включить и философов-гуманистов, и вождей восстаний. С названием «ПНвС» согласен, зайду потом и перемену везде.

Был в Ленинграде Джереми, хотел с тобой повидаться, да не смог, удивлялся бабке, с которой говорил по телефону. Север завтра будет у нас, потрепемся. Брандис прислал свою книгу, надписал «Аркадию Борисовичу». Книга ничего, старательная и во многом для меня новая. Ты уже его поблагодари. Встреча в ЦК будет после десятого, я изо всех сил постараюсь, чтобы тебя тоже пригласили. А вот, между прочим, в сегодняшней «Литературке» печатан отрывок из научно-фантастической повести Тендрякова. Она будет печататься в «Науке и жизни». Отрывок любопытен и показывает, как нужно писать фантастику, чтобы откликнуться на все официально-идейные запросы. Понравилась мне в нем идея: несколько миллионов людей будущего играют в гражданскую войну. Это размах.

Смотрел по случаю в ЦДЛ итальянский фильм «Мафия», очень впечатляет. Нервы на волоске. А всего-то три выстрела в самом конце. Но здорово. Сейчас читаю Кафку «Судебный процесс», смешно и страшно. Все-таки странный писатель, ей-ей. Суди сам, манера нарочито нереалистическая, какая-то старомодная, не то Гофман, не то Карамзин, немислимые в жизни ситуации и герои, а более реалистического впечатления я не получал ни у Толстого, ни у Хемингуэя. Как это делается, ума не приложу.

Ну вот, пока все. Жму и целую, твой Арк.

Привет Адке.

Да, детишки очень благодарят за Дюма.

Борис — брату, 4 мая 1963, Л. — М.

Дорогой Арк!

Весьма обеспокоен отсутствием писем от тебя. Сейчас такое время, что писать надлежит тщательно и регулярно. Поскольку ответов от тебя не следует и пищи для размышлений не поступило, ограничиваюсь сообщением новостей.

1. Беседовал с нашими насчет совещания в ЦК. Суть их рассуждений свелась к тому, что лезть не стоит. Если там все предрешено, то толку от совещания не будет. А если не предрешено, то, значит, там ничего не знают и не могут. Последнее наиболее вероятно. Почти достоверно известно, что в одной из комиссий по худлит<ерату>ре подготавливается для пленума вопрос о н<аучной> ф<антастике> как смежной между наукой и лит<ерату>рой. Вопрос тем более серьезен, что пленум, по-видимому, будет в основном заниматься именно наукой, а не лит<ерату>рой. В таких условиях устраивать совещание с риском что-нибудь ляпнуть не попад представляется ребятам опасным. Я лично точки зрения не имею, хотя склоняюсь, пожалуй, все же к выжидательной тактике. Во всяком случае Володька <Травинский> очень просил, чтобы его на это совещание вызвали, буде оно состоится. Я его целиком поддерживаю, ибо он великий политик и умеет говорить с сильными. Мне, само собой, тоже хотелось бы быть, но Володька, конечно, нужнее. (Вызвали — имеется в виду «оповестили и включили в список».)

2. Почти кончил первую главу, точнее — пролог. Получилось много и серо, но я плюю и буду чесать дальше. Успеть сделать все и думать нечего, но хоть две-три главы или хотя бы наброски из разных глав — постараюсь.

3. Пародию на нас из «Звезды» выбросила цензура. И бог с ними обеими.

4. Возможен длительный застой в нашей работе. Настоятельно рекомендую тебе тщательно сопоставить все данные, взвесить и поступить пока не поздно на работу. Лично я не верю ни в то, что выйдет «ДР», ни в «Н», ни в «ПкБ», ни, тем паче, в «Кр<акена>». Впрочем, может быть, тебе там виднее.

5. В журнале «Дружба народов» помещена статья о фантастике. Я ее еще не видел, но рассказывают, что полторы страницы там посвящены нам, и положительных.

6. Мама в санатории. Иногда звонит — у нее все в порядке. Напиши ей письмецо.

Возможно, ты не получил моего предыдущего письма. На всякий случай повторяю основное:

А. Из Москвы привезен слух, что нас с тобой в ССП зарезали окончательно. Если еще не знаешь этого, проверь и сообщи мне.

Б. Предлагаю для «Н» название «Понедельник начинается в субботу». Основания: здорово звучит; многосмысленно — основной смысл «Без воскресений» — работа без воскресений и праздников, борьба без воскресений и праздников.

В. Очень интересно знать, как обстоят дела в альманахе. Здесь Варшавского режут без пощады. А у вас что — выжидают?

Это в основном все, жду и жму, твой [подпись].

Р<ost> Т<extum>. Поздравляю всех с праздником, извини, что запоздал. Праздники у меня были невеселые. Передавай привет Ленке и Северу. Скажи Северу, что давеча перечитывал его сборник и радовался: молодец он. Обязательно следует написать на него рецензию, да вот руки не доходят. Может, в июне напишем?

Аркадий — брату, 7 мая 1963, М. — Л.

Дорогой Борик.

Очень и очень удивлен, что ты не получил моего письма. Послано где-то в районе 1 мая. Возможно, задержалось из-за праздников, тогда ты его уже должен получить, а может быть, и что похуже. Мне вообще не нравится эта практика — посылать письма по

твоему адресу. Нельзя ли организовать что-либо посolidнее? Почта, до востребования, или что-нибудь в этом роде. Предлагаю вообще переписку вести таким образом, чтобы ответ на каждое письмо отсылался не позднее, чем на следующий день. Начинаем с этого вот письма. Отправляю его сегодня, 7-го, след<овательно,> будет у тебя через день, скажем, 9-го, жду ответ не позже 10-го.

1. О совещании в ЦК. У меня такое мнение, что секретарь ЦК по пропаганде просто хочет ознакомиться с состоянием фантастики в СССР на материалах подведомственного ему издательства. Не забудь, что встреча эта организована по нашей инициативе как попытка парировать возможные выпады против фантастики со стороны лиц неосведомленных и просто злоумышляющих. Вызов тебе будет организован, я вчера говорил с Жемайтисом, насчет Володи надо будет поговорить. Собираются еще вызвать Женю Войскунского. Относительно того, что для пленума готовится вопрос о фантастике как смежной форме, ничего не слышал. Если даже это и так, опять-таки ничего страшного. Будем подняты на щит все мы.

2. Рад, что ты работаешь над «ПНвС». Продолжай и не трусь.

3. Я переделал «Кракена», от 86 стр. осталось 61. Доволен?

4. Пародии в «Звезде» я э...

5. Перестань киснуть. Лично он, видите ли, не верит. Как же не веришь, когда «Мечта и наука» уже печатается в Киеве, мне постоянно напоминают, что в 64 году выйдет наш сборник «Далекая Радуга» со включением «ПкБ», а М. М. Калакуцкая очень беспокоится, что мы не сдадим в срок «ПНвС»? Откуда эти панические настроения? Что за бред? Кстати, я в личной беседе с нею заверил ее, что первый вариант готов и мы в июне представим окончательный. В смысле, создадим. А положим ей на стол в июле.

6. Статью в «Дружбе» не читал. Пойду искать. Знаешь, я все горевал, что мы не имеем прессы. А ведь в действительности хороших отзывов о нас много больше, чем плохих. О нас писали (упоминали) в «Коммунисте», о нас писала Громова, Абызов и т. д. Нет, есть еще порох.

Вчера на сборе фантастов читал «Мигрантов». Всем очень понравилось. «Мигранты» и «Машина времени» идут в сборник «Фантастика-63».

Льщу себя надеждой, что в первых числах июня ты будешь валяться на нашей кровати, курить и изрекать. А я с машинкой буду раздраженно ругать тебя за твои «надо тщательно продумать».

Все.

Целую, привет Адке и ребятам, твой Арк.

Борис — брату, 9 мая 1963, Л. — М.

Дорогой Арк!

Получил твои письма. То, первомайское, просто, по-видимому, задержалось из-за праздников. Насчет адреса не беспокойся — он вполне хорош, пока я на работе, а я таки на работе.

Что касается совещания в ЦК, то разговаривать на эту тему теперь уже поздно. Постарайся все-таки, чтобы Володька поехал тоже — он может здорово помочь, ежели вдруг возникнут трения. И еще: исходи из того, что лиц неосведомленных нет. Есть лица именно злоумышляющие, вот что страшно-то. Так что если кто-то там злоумышляет и это кое-кому нравится, то никакие совещания не помогут. Будем, однако, надеяться на лучшее, тем более что, судя по твоему письму, никакие оргвыводы к фантастике пока не применяются. Да здравствуют надежды на лучшее — отрада желающих странного.

Насчет прессы, которую мы имеем, расскажите своей бабушке. Разве это мы имеем прессу? Это фантастика имеет прессу, причем весьма жалкую. Ну тут уж от нас вообще ничего не зависит. Писать надо больше разве что. Как Ж. Верн — три-четыре романа в год. Нас ведь двое, черт побери.

Переделал «Кр<акена>»? Хорошо. Ништяк! Мы еще за него возьмемся в четыре руки и разыграем как по нотам. Мне надо только преодолеть какой-то инстинктивный страх перед бытописаниями. Шедевра мы, конечно, не напишем, но на вещь несколько выше среднего уровня рассчитывать, по-моему, вполне можно.

«ПНвС» продвигается крайне туго. Скучно. И не хватает фантазии. И обсудить не с кем. А Калакуцкая пусть не сумлевется: мы ей такое на стол положим — закачается старушка. И немалых размеров.

Вообще информации у меня нет никакой, ибо невылазно сижу в Пулкове. Сопляк еще болеет, так вообще жизни нет. Днем на работе не попишешь, а вечером надо с ним сидеть, освобождая Адку. Вообще не жизнь, а первородный кал.

Словом, жму и целую, твой [подпись].

Р<ost> Т<extum>. Почему не пишешь о ССП и статье Казанцева? Изволь выяснить и отписать.

Аркадий — брату, 12 мая 1963, М. — Л.

Дорогой Боб.

По условию отвечаю немедленно, что <и> тебя делать прошу не оставить. Особых новостей нет. Вчера ездил под Москву в Кудиново, выступал там в школе, где преподает мой приятель Женя Вайсброт, наш поклонник и великий любитель фантастики вообще. Вот любопытная и поучительная ситуация. Чего может добиться один маленький невзрачный учитель астрономии, черчения и труда, горняк по профессии, рыжий и лысый и невероятно веснушчатый, если он любит ребят, влюблен в фантастику и преклоняется перед наукой. Из ста пятидесяти школьников — сто любителей фантастики, членов Клуба любителей фантастики, девчонок и мальчишек от шестого до одиннадцатого класса, выпускают свой журнал, строят всевозможные модели. И это при завуче, который фантастику ненавидит и считает вредной, и при всех прочих преподавателях, тупых и отягощенных бытом животных. В этом Женьке возник передо мной некий прообраз нашего учителя Тенина. Правда, знаний у него значительно меньше, и из жизненного опыта у него в основном преследования по пункту 5 и несколько дней завала в руднике, после которого он не может работать под землей. И в жизни я не видел еще таких взаимоотношений между взрослым и ребятами.

Ну вот, если тебе интересно. Не мог не поделиться.

Насчет ССП ничего узнать невозможно. Все ждут пленума 27 мая и высказываются очень неохотно. А со статьей Казанцева такая вещь. Моя разведка доложила мне с полной достоверностью, что он пишет. Я пошел к Толе Днепрову. Он прямо позвонил Казанцеву. «А<лександр> П<етрович>, правда, что вы пишете статью, где хотите разгромить молодую фантастику?» — «Кто вам сказал?» — «Стругацкий». — «А ему кто сказал?» — «А. П., будем говорить откровенно». — «А для чего?» — «Дело в том, что у меня здесь на другой трубке сидит свидетель, который слушает наш разговор. Прошу вас, скажите, правда это или нет?» — «За это не привлекают», — сказал А. П. и повесил трубку. Затем я был у Ефремова, и он рассказал мне, что Казанцев приходил предлагать совместно написать статью, где погромить Альтова и Журавлеву. Иван Антонович отказался и напомнил ему, что он теряет достоинство, это раз, а во-вторых, сейчас время отстаивать фантастику, а не затевать сомнительные дискуссии. Казанцев был разочарован, но от мысли своей, кажется, не отказался.

А «ПНвС» пиши. Подумаешь, скучно ему. Я вот диапозитив пишу, вот где скука. Пиши, пусть будет трижды скучно, нужен скелет и затравка. И мы положим-таки на стол редакции нечто немалых размеров. Напишем отличную повесть. Еще шаг вперед. Кстати, я пока время от времени думаю про магов. Все лезут в голову мелочи: вошел, не отбрасывая тени, начальник отдела кадров. Или: Кашей Бессмертный работает швейцаром, а яйцо с его жизнью хранится в сейфе у нач<альника> секретного

делопроизводства. Магов мы напишем обязательно. Нужно только подчитать по философии современной науки.

Парнов и Емцев написали повесть «Душа мира». Сила. Мне страшно понравилось, а тебе, вероятно, не очень бы. Речь идет о дальнейшей эволюции человека. Умницы ребятки.

Пожалуйста, не склоняйся перед буднями жизни. Помни, до встречи меньше месяца. Наши уезжают в конце мая, и я сейчас жду тебя к себе. Раздолье иметь будем.

Сообщи, получил ли ты договор из «Знания» на «ДР».

Пока все, жму и целую,
твой [подпись].

Аркадий — брату, 15 мая 1963, М. — Л.

Дорогой Боб.

Опять пишу вне очереди. Позвонил Толя Днепров и сказал вот что.

В Триесте организуется международная выставка научно-фантастической литературы. Захарченке, известному как устроитель международного кворума (так надо полагать), пришла бумага, предлагающая участвовать советским фантастам: Ефремову, Беляеву, Стругацким, Днепрову, Казанцеву и др<угим>. Для участия заполняется анкета и посылаются по два экземпляра книг. Один на выставку, другой — издателям на растерзание. Что нужно от тебя? Свяжись с Гором и Мартыновым (это ленинградские др<угие>), пусть они вышлют по два экз прямо Днепрову в «Технику — молодежи» и одновременно вышлют свой адреса, дабы прислать им анкеты. Все нужно делать быстро. К 30 мая, сказано. В «Технике» книги запакуют в одну бандероль и отправят.

Что сделаю я? Я дам по два экз «Возвращения» и «Стажеров», анкеты заполню сам. Все.

Целую, твой Арк.

Борис — брату, 15 мая 1963, Л. — М.

Здорово, Арк!

То есть это легко сказать: «Не склоняйся перед буднями жизни», когда тебя выперли-таки из гостиницы и ты вынужден возить вопящего сопляка взад-вперед утром и вечером среди чихающих и кашляющих бациллоносителей, и сам вынужден проводить три часа в день в автобусах в условиях так называемых весенних дождей, осложненных ладожским ледоходом. Две вещи меня укрепляют и не дают взгоготать: то, что сопляка в конце недели Адка увозит наконец в Киев, и то, что в конце месяца буду с тобою рядом заниматься тем, для чего родился на свет, а именно: лежанием на диване в сгущенной атмосфере, состоящей из сигаретного дыма, кристаллического мата и некоторой примеси остальных элементов.

За прошедшую неделю написал еще три с половиной страницы. Надо что-то предпринимать, и я, кажется, знаю что. Буду писать несвязно, перемежая краткое изложение событий взблеснувшими мыслями и диалогами.

Информация насчет Казанцева крайне противоречива. Я тут сравнил два твоих письма и никак не могу понять, как это Казанцев ухитряется писать статью об Альтове (твое письмо от 12.05), которую он уже отнес в «ЛитГаз» (твое же письмо от 15.04). Ты хоть если сообщаешь слух, то так и пиши: «слух», мол. А то ни черта не поймешь.

Завтра иду на встречу с читателями в Доме журналистов. Будет вся наша кодла. И будет выставка наших произведений. Бардак, я думаю, тоже будет.

Видел верстку книги Дмитревского и Брандиса «Через горы времени» (о Ефремове). В последней главе пишут о «В». Что, мол, интересно, но, конечно, до Ефремова далеко. А я вот давеча просмотрел «В» — такая, оказывается, милая книженция — прелесть просто.

Ну, пока все. Скоро будут новости — отпишу.

Целую [подпись].

Р. С. Видел В. Хавина. Он сказал, что лично читал в «Юманите» статью А. Стиля о сов<етской> н<аучной> ф<антастике>. Хвалит нас за социальную направленность и проблематику. Не Хавин, конечно, а А. Стиль.

Аркадий — брату, 16 мая 1963, М. — Л.

Дорогой Боб.

Срочно узнай у Травинского, или Дмитревского, или Зайцева — адрес Агреста и сообщи И. А. Ефремову (Москва В-333, 2-й Академический проезд, дом <...>).

Целую [подпись].

Аркадий — брату, 17 мая 1963, М. — Л.

Дорогой Боб.

Хорошее ты прислал письмо, радостное. Андре Стиль — это сила, брат. Ну, теперь если какие-либо подонки начнут ныть и выть по политической направленности братьев Стругацких... А нельзя ли узнать, какой номер «Юма»? Да еще отыскать бы его, а? Ну, ладно. Ты попробуй узнать. Хорошо еще, что к моменту получения письма ты, видимо, освободишься от бремени семейного неустройства. А Адочка вернется или останется в Киеве? Наши уезжают двадцать девятого. Я твердо рассчитываю видеть тебя у нас не позже первого июня, имей в виду. Сма-а-а-ачно!

В награду сообщаю тебе свои отрадные новости.

1. Соколов вернул долг с превышением на десять рублей. Так и дал две пятидесятки, сказавши, что десять при случае пропьем. Я взял, мне-то что?

2. Более интересное. В центральном органе японской фантастики «Эс-Эф магадзин» (что в переводе значит «Журнал научной фантастики») в № 12 за прошлый год имеет место статья «Симпозиум по утопиям советских писателей-фантастов». Это полный перевод отчета в «Неве» о вашей там встрече за круглым столом в обрамлении в общем одобрительных рассуждений автора о советской фантастике. Приятно было прочесть по-японски твоё выступление, Суторугацуки. В скобках написано: «Свое творческое кредо излагает Стругацкий, только что подвергнутый критике со стороны Мартынова. Тот, кто присутствует за этим круглым столом, — это тот Стругацкий, который астроном. Он младший брат и 33-го года рождения». Выступление твоё, насколько я мог судить, приведено полностью. Но это еще не все. Да, забыл. Автор очень часто повторяет ту мысль, что советской фантастике надлежит вылезать из детских штанишек. Не знаю, его это мысль или кого-либо из присутствовавших.

Далее. В № 2 этого же журнала за этот год помещен совершенно полный перевод «Шести спичек». В анонсе большими иероглифами набрано: «Было всего шесть спичек. Но они вымотали душу из одного смелого, талантливого ученого! Лучший из шедевров советской научной фантастики!» Затем приведена справка о нас с названиями и кратким содержанием всех наших крупных вещей до «Стажеров» включительно. Приведены наши портреты, причем подписи к ним перепутаны.

Оба журнала мне отдал Ким, они у меня, и по приезде твоём я их тебе покажу. Вот все радостные новости.

3. Вчера был на банкете, который устроил Юра Манин по случаю защиты докторской диссертации. Двадцать шесть лет, доктор, с ума сойти. Впрочем, на банкете

было скучно. Понимаешь, эти математики ни хрена не пьют. Мы вдвоем с Ленкой одолели бутылку коньяку и бутылку кахетинского, а они всемером не смогли выпить двух бутылок кахетинского и одной токая. Манин частенько у меня бывает безо всякой с моей стороны провокации, почему он так к нам привязался — понятия не имею.

4. Встречи в ЦК ВЛКСМ не будет. Точка. Конец. Может, это и к лучшему.

5. Прикупил по случаю пятнадцать экзов «Возвращения».

6. Джереми с Мишкой Емцевым написали новую повесть — «Уравнение с бледного Нептуна». Мне она не очень чтобы. Идея — замыкание макро- и микробесконечностей. Т. е., идя в глубь материи, элементарных частиц, приходишь к метагалактике.

7. Прею над вонючим диафильмом. Трудная это работа. Дрянь получается, вряд ли примут. А вдруг? Тебе посылать не буду, приедешь — считаешь. Впрочем, и Лева Толстой писал скверные вещи для деревенской детворы. А детворе, по слухам, нравилось. Одновременно размышляю платонически над «Магами» и над «Кракеном».

Все. Насчет Казанцева — конечно, это были слухи. Я же свечку, как ты понимаешь, не держал.

Целую крепко, твой Арк.

Аркадий — матери, 20 мая 1963, М. — Л.

Дорогая любимая мамушка!

Пишу тебе уже в Ленинград — ты писала, что двадцатого возвращаешься. Очень надеюсь, что ты поздоровела и хорошо отдохнула. Но учти, летом ожидается большая жара, так что неплохо было бы подготовить еще одну месячную побывку на лоне природы. О внуках и внучках не беспокойся, внучки, во всяком случае, устроены на лето неплохо. На июнь Ленка с девочками уезжает с подругой в Джубгу, в начале июля они возвращаются, и мы все вместе поедem в Прибалтику, там товарищи на одном острове сняли нам домик. Там я поживу недели две и вернусь в Москву, мне предстоит огромная работа по переводу с японского. Возможно, если ты не против, я приеду работать к тебе. Там и к Борьке ближе, и все такое.

Почему мы должны в июне быть в Москве? Дело в том, что в этом месяце намечаются очень важные мероприятия, для которых очень желательно присутствие нас обоих. Это и предполагаемая встреча в ЦК ВЛКСМ, и выставка научной фантастики в Триесте, так что мы должны быть под боком у организации, которая представляет советскую литературу на этой выставке, и ряд других дел. Между прочим, в любом случае ты приезжай в Москву, живи с нами, ведь в квартире все равно никого не будет, никто тебе не помешает. И с тетей Маней увидишься, и за город проедешься, и все, что хочешь, будешь делать. А в июле или августе приеду к тебе я. Как ты полагаешь?

Девки мои хороши, под солнцем постепенно расправляют крылышки. Обоих постригли, они стали славненькие, хорошенькие. Вчера мы всем кагалом пошли пообедать в «Пекин», потом гуляли в Центральном парке, потом до вечера сидели у Ленкиной подруги, с которой они поедут на юг. Вернулись усталые, веселые и сразу завалились спать.

Не знаю, рассказал ли тебе Борька, но нас напечатали в Японии — «Шесть спичек» — как они пишут: «Один из лучших шедевров советской научной фантастики». И еще нас похвалил в «Юманите» Андрэ Стилль, член ЦК Французской компартии. Вот как.

Ну, вот пока все. Крепко целую тебя, родная мамочка, твой любящий Арк.

Борис — брату, 20 мая 1963, Л. — М.

Дорогой Аркус!

Наконец-то в моей жизни наступил просвет и проглянуло голубое небо блаженства. Сопляк отправлен в Киев. Исаия, ликуй! По этому поводу я второй день уже делаю только то, что хочется делать. Захотелось мне и пописать — пописал. Вообще все это отдельнописание — херня. А вдвоем мы с тобой дадим дрозда.

Номер «Юма» постараюсь выяснить, но достать его, вероятно, безнадюга. Впрочем, достать тоже попробую.

Быть у тебя первого постараюсь. Завтра же начну переговоры с начальством, а ты определи точно день приезда — мне это важно знать в связи с дальнейшими планами на лето.

Новости твои очень отрадны и приятны и лестны и полезны. Я чертовски рад, что совещания не будет. Ну его к черту. Тише будешь — ближе сядешь.

А молодцы эти Паремцевы! Пишут и пишут.

Я тоже хотел прикупить «В» — черта с два: разошлись в два-три дня.

Диафильм — моча. Как напишешь, так и хорошо. Но было бы, конечно, лучше, если бы там было написано: «по мотивам рассказа» и без имени автора сценария.

О «Магах» я тоже платонически размышляю. Например, ситуация: представитель НИИЧАВО присутствует на распределении студентов-физиков (я был давеча в аналогичной ситуации) и никак не может раздобыть себе студента — всех забирают почтовые ящики, несмотря на то, что он пустился во все тяжкие и разводит магию на полную мощность.

Наши пираты — Бруск<ин> и Трав<инский> — отдали сценарий на прочтение Ю. Герману, который в Ленинграде царь и бог. Отзыва пока нет, так как царя (а равно и бога) несут сейчас в газетах за безыдейность и ему не до сценариев.

Гор написал новую повесть «Гости с Уазы» («Нева», № 4). Сплошные Эоэллы и Ауэзы. Но в общем ничего. Лучше предыдущего (ребята считают — хуже).

Вот примерно и все. Чертовски жду встречи, жму твои волосатые органы, твой [подпись].

R<ost> T<extum>. Так в следующем письме обязательно сообщи точный день моего приезда!

Аркадий — брату, 22 мая 1963, М. — Л.

Дорогой Бобель!

Рад за тебя. Свобода, свобода, богиня богинь. Свободным он родился, не гнул ни разу спину. И солнце благоденствия воссияло над восемью углами вселенной. Но делать то, что хочется делать, тебе не удастся долго. Через десять дней ты будешь здесь, на моем месте, и будешь извергать идеи и все, что положено еще. Требую категорически и бесповоротно: чтобы утром второго июня сего года ты имел свое физическое тело в Москве. Запомнил? Второго июня. Жду, все подготовлено. Телеграфируй номер поезда. Не забудь черновики. Прихвати материалы по «Магам». Второго (2-го) июня (шестого месяца) этого (э-т-о-г-о, а не того) года.

Насчет совещания ты обрадовался рано. В понедельник нас всех — наше объединение то есть — пригласил к себе директор «Мол<одой> гв<ардии>». Это обошлось ему в десяток бутылок газ-воды (все жаждали, понедельник ведь) и пяток пачек сигарет с фильтром «Новость». Он нам спокойно объявил, что совещание в ЦК ВЛКСМ будет в июне. О том, что было на встрече с директором, расскажу при встрече. В общем, приняты мы были очень благожелательно.

Диафильм — моча, это ты прав. Но я его уже сдал. Будем надеяться, что его не примут. Но вот сценарий написать по нему — гм... Ладно. Это потом.

Какой идиот ругает Германа за безыдейность? Что за чушь? Что ему не до сценариев — это я понимаю. Но! Герман — и безыдейность?

У меня на рецензии новая повесть Гора — «Уэра». Тоже не без Эозл. Ты знаешь, мне горовская фантастика чем-то очень симпатична. Вот сейчас буду писать рецензию и попробую определить — чем. Я прочитал с интересом и любопытством. Есть, есть что-то, что-то хорошее, сильное, с вот таким смыслом.

Ленка с девочками уезжает 28-го, старики — 1-го. Второго утром ты у меня. Пока все. Но немедленно пиши, переписки не прерывай.

Целую и жму, твой Арк.

Борис — брату, 25 мая 1963, Л. — М.

Дорогой Арк!

Все не просто, все не слава богу. Этот ублюдок — мое начальство — не хочет меня отпускать. Пока вопрос висит в воздухе. Я все-таки надеюсь, что он отпустит меня, но тогда, вероятно, будет висеть угроза вызова в Ленинград в любой день после пятнадцатого. Дело в том, что он ничего не имеет против моего отпуска, если этот отпуск я провожу в Ленинграде: тогда он может меня когда угодно вызвать к машинам, к машинам. Вызывать же из Москвы ему неудобно — он не хочет мешать литературному процессу. Словом, надо быть готовыми к тому, чтобы провести вторую половину июня в Ленинграде, а в «худшем» случае — весь июнь. Мама, впрочем, только рада.

В остальном — ничего нового. Жду отпуска, чтоб поработать. Травинский пишет статью про нас. Медленно пишет. Я купил номер «Дружбы народов» со статьей Н. Черной. Нудная, плоская статья — одно утешение, что не ругают и что о фантастике пишут хорошо, доброжелательно и даже поощрительно. Варшавский написал еще пару рассказов: не очень. Было тут выступление в полном составе в библиотеке Дома журналистов. Народу набежало порядочно, но было скучно. Я был в помраченном настроении, напустил в зал скепсиса, а потом разразился длинной и грозной речью о парадоксе времени (был там один человек, объявивший себя физиком и тем не менее не знающий, что такое парадокс времени). В тот же вечер соавтор Юрки Коптева (никак не запомню, как его зовут) сказал мне, что сейчас физики уверены, что никаких штучек со временем в Пространстве не происходит. Космонавты не стареют и не молодеют, потому что время — это скорее всего энтропийный процесс, а энтропия не зависит от состояния движения. Так что никаких временных процессов в организме не происходит — особенных и зависящих от скорости движения.

В общем все это моча. Скоро встретимся. Напиши мне еще одно письмишко, и п...ц. А второго я буду в Москве. Предварительно телеграфирую.

Жму, целую, твой [подпись].

P<ost> T<extum>. Мои приветы Ленке и Северу.

А Гор все-таки не вещь. Слишком уж он нуден и плосок. Как доска. Полированная. Зацепиться не за что. Вот уж где гвоздей нет так нет!

Аркадий — брату, 29 мая 1963, М. — Л.

О! Раб Машины! Барб аль-Нат эль-Струг!

Отвечаю с некоторым запозданием, потому что только что вернулся из двухдневной командировки в Харьков, где мы — Днепров, Громова и я — выступали перед Харьковским об<щест>вом любителей фантастики. Очень здорово было. Подробности при встрече, но наперед скажу — нас шибко знают и любят. Ну-с, сие письмо последнее,

после чего жду твоей телеграммы. Поработаем до пятнадцатого в Москве, затем поедем в Л<енингра>д. Жду телеграммы с указанием вагона.

Передай Травинскому, что статью его очень ждут. Нет публицистики, а она вот как нужна. Я всех знакомых поставил на ноги, заставляю писать.

Я очень просил тебя разыскать, в каком номере «Юма» была статья Стиля. Найди, номер только требуется, понимаешь? Хотя бы за какой месяц, на худой конец. Статью мечтают в «Мечте» перевести и напечатать.

Ленка с детишками уехала, Ек<атерина> Евг<еньевна> и Ил<ья> Мих<айлович> уезжают утром первого. Поработаем смачно. Сма-а-а-ачно! Даешь! Наср... на начальников! На абордаж! Сарынь на кичку, а также на все, что понадобится впредь! Судя по запискам, которые я получил в Харькове, всем очень нравится «Попытка к бегству». Благодарят, просят еще.

Пока все. Нынче 29-е, след<овательно,> через три дня увидимся, твой Арк. Целую и пр<очее>.

Аркадий и Борис — матери, начало июня 1963, М. — Л.

Дорогая мамочка!

Пребываем в трудах, пишем новое наше, уже сорок страниц написали. Все боимся, что не успеем. В середине месяца приедем, но к 30-му или 1-му мне придется вернуться в Москву, потому что Ленка с детишками вернется из Хосты.

Тогда я съезжу с ними в Прибалтику, поживу с ними недели две и опять вернусь и тогда опять поеду, наверное, к тебе. Мне придется работать над японским переводом.

Живем мы ничего, регулярно, питаемся неплохо, так что не беспокойся. Ты будь осторожна, веди себя разумно, не перегружай себя разной ерундой.

Вот все пока.

Твой любящий Арк.

Дорогая мамочка!

Как ты там? Ждешь ли нас? Мы работаем и живем неплохо. Я совсем почти поправился, остался только насморк. Арк вообще здоров как бык. Порядок дня у нас такой. Встаем в 9–10 часов, завтракаем чаем с бутерами, работаем до 3-х — 4-х, потом либо готовим обед сами, либо идем в столовую. Возвращаемся, еще часок-другой работаем, и все. Вечером кто-нибудь приходит из ребят, или мы сами едем в гости. В общем, все хорошо.

Приедем мы к тебе под крылышко числа 17–18-го.

У Аркашки стало здорово. Квартира совершенно преобразилась — линолеум, новая современная мебель — блеск. Я этого совершенно не ожидал и вначале даже слегка ошолбенел, но теперь уж привык.

Напиши нам тоже, как здоровье и вообще. Адке передай привет, скажи, что жду ее. Впрочем, когда это письмо придет, она уж, вероятно, уедет сюда.

А эликсир я попиваю регулярно. Надо сказать, он не успел настояться — жидковат, мед осел хлопьями, но ничего! Горький, как пиво — значит, хорошо.

Крепко целую, твой [подпись БНС].

Аркадий и Борис — матери, 10 июня 1963, М. — Л.

Дорогая мамочка!

У нас все хорошо. Жмем всю, стараемся закончить черновик к нашему приезду к тебе. Написано уже 57 страниц, работа идет на редкость успешно, делаем по восемь (!) страниц в день, темпы невиданные, ведь раньше нам никогда не удавалось дать больше

пяти-шести. И работать интересно, потому что описывается по сути дела некоторое время из современной истории, только замаскированное под средневековье. А ты сама понимаешь, писать про свое время, да еще давать его черты в преувеличенном, концентрированном виде — это очень интересное дело. Отсюда, по-моему, и такая успешность.

Арк сердечно благодарит тебя за апельсинчик, и Боб тоже, и оба сына твоих тебя крепко целуют и обнимают, и скоро опять будут с тобой. Не обижайся, что мало пишем, ведь писать, собственно, не о чем, время проходит за столом, и мы редко-редко ходим обедать в город, а так все больше дома, голубцы, сардельки, яйца, кефир и прочее такое, в основном колбаска. Нынче вот приехала Катерина Евгеньевна с Ильей Михайловичем — у него трехдневная конференция — так вот сегодня и щец с чесночком вдоволь похлебаем для разнообразия.

Из Хосты Ленка пишет, что устроились там хорошо, еды много, но море еще холодноватое, купаются осторожно и понемногу. Но солнца много и загорают всюю. Переписка тоже идет не шибко, так, здоровы, любим, твои жена и дети, знаешь, что с дачи обычно написать можно. Только чтобы не беспокоиться друг о друге.

Вот все наши новости.

Крепко тебя целуем, твои верные

Арк и Боб.

Аркадий — матери, 5 июля 1963, М. — Л.

Дорогая мамочка.

У нас все почти благополучно. Дети приехали с юга здоровые, крепкие, загорелые — приятно смотреть. Ленка похудела, Наташка <Воскресенская> осталась как прежде, Машка поправилась и выросла сантиметра на четыре. У Наташки волосы выгорели до белого, у Машки стали красно-рыжими. Обе они с увлечением вертят хула-хуп, знаешь, обручи, которые вращают вокруг пояса. Хорошие пацаны, приятно смотреть.

Все никак не решаемся выехать в Ригу. В Москве свирепствует холодная погода, непрерывные дожди, температура 10 градусов, сегодня вот впервые проглянуло слабое солнце, но холодно по-прежнему. Боимся, а вдруг в Риге так же. Но, в общем-то, надо, конечно, выбираться, и не сегодня-завтра пойду за билетами. Думаю, числа десятого выедем. Сегодня pošлю в Ригу телеграмму с запросом о погоде.

Ну, вот и все новости. Напомню детям, чтобы тоже написали тебе письмецо. Пока же крепко тебя целую, твой любящий сын Арк.

Тебе большущий привет от Ленки. Она третий день мотается с утра до вечера, моет, чистит, бегает за покупками; забыл сказать, старики наши, конечно, заболели и лежат дома.

Аркадий — брату, 6 июля 1963, М. — Л.

Дорогой Боб.

Имею сообщить:

1. Ленка прочитала ТББ и очень ругалась. В конечном счете выяснилось, что внушает отвращение Румата как личность, а также глупость авторов, их идеализм. Видимо, не совсем удалось нам показать, что Румата — человек, которого обстоятельства сломали, и что Эксперимент по сути не является средством переделки общества, а только разведкой. Еще Ленку возмущали ссылки — очень открытые — на нынешние обстоятельства.

2. Сдаю сегодня рукопись на машинку.

3. Звонила Малинина, очень возмущалась Травинским. Не может сдать третий номер из-за него. Сообщи, как там дела, либо попроси, чтобы Володька сам написал в «Знание».

4. Вчера Илья Михайлович был на совещании по идеологическим вопросам в АН СССР, делал доклад заместитель президента. Было сказано, чтобы обратили особое внимание на научно-популярную литературу, особенно на некоторых писателей, которые распространяют антинаучные знания, как, например, историю с Тунгусским метеоритом. Имен названо не было, но все поняли, кто имеется в виду.

5. Погода в Москве ужасная, боимся выезжать в Ригу, однако надо, поедем числа восьмого-десятого.

6. Прочел и я ТББ, надо сказать, мне очень понравилось. Но Рэбию придется заменить, и кое-что добавить для ясности. Но это ужо.

Пока все. Привет Адке.

Целую, твой Арк.

Напиши, успеешь застать.

Борис — брату, 9 июля 1963, Л. — М.

Дорогой Арк!

Не писал тебе, потому что нечего. И сейчас нечего, но получил твое письмо — надо ответить.

«ТББ» читал Травинскому. Прочел первые две главы, потом стало поздно, отдал ему домой. Окончательное его мнение мне неизвестно: мы так и не свиделись. Первая глава ему очень понравилась, вторая показалась значительно хуже. В эту пятницу намечается встреча с Иваном Антоновичем у Варшавского, может быть, там встретимся и поговорим.

Больше не читал и не давал читать никому. Так она теперь и лежит в пыли на верхней полке. Сам тоже не читаю — боюсь. Мнение Ленки кажется мне очень симптоматичным. Именно этого я и ожидал (правда, не от Ленки): Румата кажется жалковатым и не вызывающим уважения. Ты пишешь, что надо менять Рэбия — не знаю. А вот с Руматой надо поработать. Мне кажется, надо раздобыть еще пару глав. У нас не получилось нагнетания, а потому не вышел и слом Руматы. Надо создать действительно тяжелые и все утяжеляющиеся обстоятельства, а для этого повесть придется расширить. Таковы мои предварительные соображения. Поговорю с Травинским, перечитаю сам, тогда картина, возможно, еще прояснится. Но это будет уже в августе.

Прямо-таки не знаю, что еще писать. Есть, конечно, всякие слухи, но сам понимаешь... Я предаюсь оголтелому безделью. Безделью принципиальному, расхлюстанному, грубому и нарочито наглому. В голове — шатающийся туман. Интеллектуальные извилины усохли и атрофировались, читаю «Записки о Шерлоке Холмсе» или шатаюсь по улицам с Адкой и ребятами.

Крепко жму руку, твой [подпись].

Р<ost> Т<extum>. Есть ли новости об альманахе? Как Север? Как Джереми?

Аркадий — матери, 14 июля 1963, Булли, Латвия — Л.

Дорогая мамочка.

Вот я и на «курорте». Это небольшой островок в 40 км от Риги. Население редкое. К востоку от нашего домика река, к западу — три километра леса и затем Балтийское море. Лес полон земляники. На морском берегу — километры совершенно пустынного песчаного пляжа. Продуктов много, все дешево, но за ними приходится ездить. Погода солнечная и прохладная, купаемся редко, однако я уже обгорел. Машка в восторге, всюду носится, ловит бабочек, собирает землянику, возится в песке. Здоровенькая, тьфу-тьфу.

Я пока наслаждаюсь отдыхом. Ленка намерена продержать меня не меньше месяца — «оздоровительное мероприятие», имеющее целью изгнать усталость, поправить сердце, сбавить жир и прочее.

Почтовое отделение здесь далеко, вообще очень оторванный от мира уголок. Поэтому писать буду не часто.

Вообще не беспокойся о нас, мы здоровы и веселы.

А как там ты? Не слишком ли жарко для тебя в Ленинграде?

Целую крепко, твой любящий Арк.

Ленка тебя обнимает и целует, Наташка тоже.

Привет всем, особенно Борьке.

Твой всегда сын Арк.

Аркадий — матери, 23 июля 1963, Булли, Латвия — Л.

Дорогая мамочка!

Прости, по нужде и это письмо будет очень короткое. Писать практически нечем и не на чем, чему я втайне рад. Бездельничаю, обленился, обжирюсь кефиром и великолепной свежесоленной лососиной, с недоверием вспоминаю, что в Москве меня ждет срочная и серьезная работа. Сейчас только что вернулся с рыбалки. Здесь у меня много старых товарищей — по институту, по работе. У одного из них есть моторная лодка. Вот мы и шарахнули вчера под вечер на Киш-озеро, ночевали в лесу, лопали печеную картошку, ночью ребята удили, а я поддерживал огонь. Улов был небольшой, однако ушица получилась. Машка и Наташка в порядке. Ленка тоже. Очень тебя любят, целуют, обнимают, но написать заставить их трудно. Все же попробую. Ну вот и все новости. Погода отличная, купаемся вволю, жарко, но с морским ветром и шумом сосен.

Целую, люблю, твой сын [подпись].

Привет Бобке, буде его увидишь.

Борис — матери, 25 июля 1963, Малореченское, Крым — Л.

Дорогая мамочка!

Почта далеко, наконец я до нее добрался. Устроились мы отлично. До моря — минута ходьбы, так что мы ходим подальше, в сторону, где меньше народу. Все как обычно. Купаемся, загораем, обгорели, начинаем облезать. Питаемся дома. В столовой чудовищные очереди — не пробьешься. Все очень дорого, за всем очереди. В смысле фруктов и овощей в Л<енингра>де гораздо лучше.

Жара стоит фантастическая: днем 30–32° в тени. Море бурное, отличное, качаемся на волнах, ныряем. Я не вылезая из ласт.

Писать письма здесь не просто. Дома нет ничего пишущего, а ходить на почту — в гору, под солнцем, по жаре — обалдеть можно. Так что писать буду мало, не обижайся. И Аркашке напиши, чтобы не обижался. Напишу ему, когда приеду — все равно голова не варит.

Большой тебе привет от Адки и всех ребят.

Крепко тебя целую, отдыхай, твой [подпись].

P. S. Наш адрес:

Крымская область

Алуштинский р-н

Малореченское п/о

до востребования.

На почту я еще пару раз загляну.

Еще раз крепко тебя целую.

Борис — матери, 1 августа 1963, Малореченское, Крым — Л.

Дорогая мамочка!

Вот вернулись мы с моря. Жара. Девочки готовят обед. Жрать хочется. Живем жизнью простой и примитивной, словно пещерные люди. Встаем обычно в девять. Завтракаем и идем к морю. До нашего любимого камня пять минут ходьбы.купаемся, загораем, играем в воде, читаем, болтаем, и длится все это обычно часов до двух. В два возвращаемся. Все обязанности строго разграничены. Адка и Наташа <Свенцицкая> готовят еду. Юрка <Чистяков> выносит мусор. Я мою посуду. Саша <Копылов> ходит на базар. Пообедав, валяемся часов до шести. Потом Саша приносит фрукты — жрем их. Желаящие снова идут на море. В девять вечера — кино. В одиннадцать — ужин, и спать.

Все время стоит жара. Днем в тени — до +35°, ночью — «холодно»: +25°. Море отличное. В любую погоду — и когда бурное, и когда спокойное. Живем очень экономно: тратим в среднем 8 руб. в день на всех. Вот преимущества домашнего питания! Фруктов едим вволю. Как правило, это сливы. Иногда — груши, вишни. Один раз были даже арбузы. Но в общем с фруктами здесь хуже, чем там, где мы были с Арком в прошлом году: здесь гораздо больше народу.

Скоро будем и дома. Уже заказали билеты на 11 августа. Билетов, правда, пока нет, но агент обещал твердо. Честно говоря, хочется уже и домой. Я приеду — и еще будет у меня несколько дней отпуска: отдохну от отдыха.

А пока крепко тебя целую, твой [подпись].

Борис — матери, 6 августа 1963, Малореченское, Крым — Л.

Дорогая мамочка!

Вот уж и получены билеты. Должны мы вылетать 11-го, и вылетим, если погода допустит. И если опять же погода допустит, уже 11-го будем дома.

Это, собственно, основная новость.

Получил твое письмецо, спасибо за вырезку — у нас с газетами плохо, все новости узнаем по радио.

А так все в порядке. Продолжаем облезать, загорать и купаться. Лично мне все это порядком осточертело и хочется домой. А дома будем уже скоро.

Привет тебе от всех, крепко целую.

[подпись]

Аркадий — матери, 9 августа 1963, М. — Л.

Дорогая мамочка!

Вот мы и дома в Москве. Приехали вчера, все здоровые и бодрые, и веселые. Я похудел на три с половиной кило, загорел, как негр, и все находят, что выгляжу я прекрасно. Сейчас можно и за работу — делать перевод для Гослитиздата.

Собственно, мы из Прибалтики бежали. Сумасшедшая погода, говорят, такой там не было лет десять. Жара — тридцать — тридцать пять градусов, чудовищное в связи с этим количество мух, слепней и комаров. Последние несколько ночей мы почти не спали из-за этого. Закрыться в хате нельзя — духота обморочная, а откроешь дверь или окно — начинаются зловещие атаки кровососов. Из Прибалтики везут эшелонами сердечников, тех, кому противопоказано было ехать на юг. Они отдыхали обычно на взморье, в прошлые годы было прохладно летом, все к этому привыкли, и вдруг — такое пекло. Даже море прогрелось и было теплым, как суп. И все же несмотря ни на что я отлично отдохнул, и дети тоже чувствуют себя прекрасно и уже больше никуда не хотят ехать, но наши собираются увезти их в Звенигород, это под Москвой.

Вчера обежал издательства. Все в порядке, больших перемен нет, по мне все соскучились и очень рады меня видеть. Наш альманах «Мечта и наука» движется помаленьку, на первый номер уже пришла сверка, в конце августа или в начале сентября выйдет из печати. Там первая часть нашей «Далекой Радуги». Второй номер альманаха тоже отдан в производство, третий почти собран и будет сдан через неделю-две. Не ожидал таких успехов от наших коллег. «Трудно быть богом» читали уже многие, общее впечатление у всех хорошее, некоторые говорят даже, что это самое лучшее у нас. Куда отдать — пока не знаю, ну ничего, с этим можно пока не спешить. В Детгиз, как это было задумано спервоначалу, не пойдет, слишком там много «взрослого». Вероятно, пойдет в «Знание» или в «Молодую гвардию». Посмотрим.

Вот пока все мои новости. Отпиши подробно, как у тебя дела. Как здоровье, что думаешь насчет приезда и прочее.

Все тебя целуют и передают приветы.

А уж я целую крепче всех и обнимаю, любимая моя мамуська.

Твой Арк.

Борис — брату, 13 августа 1963, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Вот я и дома. Ты, кажется, тоже. В общем все в порядке. Послезавтра на работу, пока можно отдыхать по-настоящему, копаться в горе журналов и газет, скопившейся за месяц, и вообще кейфовать.

Вчера был у Володьки Травинского в больнице. У него зашевелилась язва. Положили его по благу в больницу Ленина к очень хорошим врачам. Теперь он бледноватый, но, как всегда, толстый, решительный и веселый. Читал мне свою сакраментальную статью о нас. Мне статья очень понравилась. Может быть, потому что о нас. Может быть, будь она о ком-нибудь другом, она бы мне и не понравилась. Но, по моему, она и вообще небезынтересна. Автор доказывает, что мы работаем в области этической утопии, и разбирает все наши работы, более или менее подробно. Особенно хорошо написано про «ПкБ» и «ДР». И не без под...бчиков — знаешь, в таком травинском, ядовитеньком тоне. Многие трактовки его не совпадают с нашими: Ламондуа — преступник, виноватый во всем; Роберт — мещанин XXIII века, но, ты знаешь, спорить с ним трудно! По книге получается и так тоже. Мы сами виноваты, что создали образы, допускающие двоякое толкование. В общем, через пяток дней статья будет перепечатана, а еще через пяток отправлена в Москву. Там ты и считаешь.

Но не это меня тревожит! «ТББ»! Володька сказал, что ему вещь не понравилась, что получился посредственный исторический роман, что это отлично сделано технически, но в результате — лишь цельная, пустая, никчемная вещь. Адка сказала, что ей в общем нравится, но это гораздо слабее «ДР». Я сам битых двадцать дней отпуска размышлял о ТББ и пришел к выводу, что ее надо переделывать в корне. Прямо корчевать и пахать заново. Приехав, прочел — и что же? Мне понравилось! Мне ясно, что надо углубить характер Руматы, нужно дать его в связи с Землей, в связи с целой кучей сомнений и воспоминаний, наконец, на огромном фоне Эксперимента, но скелет мне кажется подходящим. В общем, следующую встречу я предлагаю посвятить окончательной отделке ТББ и доводке ее до приличного состояния. Заранее надо подготавливать материалы по исправлению и дополнению. Печатать вещь не спешить.

Итак, жду от тебя ответов на вопросы:

1. Как и кому пришла ТББ? Поименный список отзывов.

2. Как обстоят дела с альманахом? Скоро ли я получу в руки яркую книжечку?

3. Как дела с ССП? Не наметились ли сдвиги в связи с возгласом Кочетова на одном из совещаний, обсуждавших создание объединенного ВСЕХ...НА: «Но Литфонды, Литфонды нельзя сливать, товарищи!!!»

4. Как вообще дела?

Жду от тебя ответа, крепко целую, твой верный [подпись].

P<ost> T<extum>. Большой привет Ленке, Северу и Нуделю.

Аркадий — брату, 17 августа 1963, М. — Л.

Здравствуй века, любезный брат наш!

Очень рад и доволен, что лето кончается, снова налаживается между нами нормальная связь и вообще можно счастливо жить и работать по-прежнему, не стесняясь жарой, комарами и скверной с тобой разлукой. Описывать мой отдых не буду, потом при встрече. Я здоров, похудел и черен, как невытый мунгал. Имел интересные знакомства с рижским литературным полусветом. Все об этом.

В отношении ТББ согласен с тобой полностью. Травинский — балда, если ничего там не увидел, кроме пустыньского исторического романа. Или врет, дразнит. Поделаться там кое-что надо, и именно то, что ты пишешь: дать за спиной Руматы гигантскую массу коммунистической Земли да вдохнуть в Румату его биографию, объяснить, как и почему стал он разведчиком, чтобы это был совершенно живой человек, а не безликий сафроновский коммунар, а также выявить могущество коммунизма через размах Эксперимента. Для всего этого прежде всего следует выявить целевую установку: я хочу показать, что для Эксперимента нужны люди менее эмоциональные, чем Румата, крушение Руматы как разведчика, но тем самым показать, что идея Эксперимента неправильна! Т. е. что Эксперимент — антигуманистичен по отношению к самим разведчикам. Вот так. Подумай над этой идеей. Мне она представляется плодотворной, ибо вскрывает невероятную сложность и противоречивость задач, кои коммунистическое человечество ставит перед собой, а вот сейчас я понял, что имел в виду Травинский: просто идея коммунаров в Эксперименте потонула у нас в достаточно ярком и пестром обилии средневековых подробностей. След<овательно>, мы правы: яркость линии Эксперимента нуждается в большом усилении.

Читали: Юра Абызов (прелесть что за человек, по духу похож на Севера, по эрудиции — на Манина в математике, что ли...) — сказал, что очень хорошо, но выпирают руссизмы, подумать над передачей мещанского лексикона. Тут я, между прочим, с ним не согласен. Читала его жена, пришла в восторг, но это неважно. Первую главу я читал Джереми, Войскунскому, Олежке Соколову, Ариадне. Все рады, всем нравится, а Женька Войскунский сразу же с пол-оборота завелся и стал рассуждать о нужности книги в защиту интеллигенции против серости. Идея серого слова и серого дела ему страшно нравится, и вообще всем нравится. Читала Нина Матвеевна <Беркова>, она в восторге, но сразу сказала, что о Детгизе и речи быть не может. На днях даю повесть Ефремову и Ариадне для прочтения насквозь.

О практике переделки. Настоятельно прошу и предлагаю явиться 28 августа на мой день рождения и пробыть до 1 сентября включительно, чтобы нам обсудить все и распланировать. Очень прошу. Ты мне сейчас страшно нужен. Там обо всем договоримся.

Теперь о других делах.

1. Детгиз требует возмещения лит<ературных> убытков в связи с потерей ТББ. Требуют — и Калакуцкая, и Нина — небольшую веселую и легкую вещь для «Альманаха» (Мир приключений) к концу ноября. Пусть два-три листа. Это придется выполнить. Видишь, опять нужен разговор.

2. Дела с альманахом «Мечта и наука» — дрянь. Строго конфиденциально. Идиоты настояли на том, чтобы верстку послали академику Семенову. Семенов сам читать не стал, а дал Арцимовичу, которому он совершенно доверяет. Арцимович прочел, пожал плечами и сказал: а при чем здесь наука? И — все. Альманах как альманах зарубили на корню. Будет он выходить только со следующего года. В редколлегию введен Арцимович. А уже почти готовые четыре номера спешно переделываются в рядовые сборники. Мы-то

ничего не теряем. «ДР» идет в первом сборнике целиком. Идут даже критические статьи. Но все равно — обидно. И большая задержка. Теперь сигнал ждать не раньше октября.

3. ССП остался как был. Сливать его не будут. Ариадна уверена, что в октябре-ноябре нас примут.

Вот и все пока. Я бешено работаю над переводом «Пионового фонаря», сдать нужно к первому октября, выжимая до пяти страниц в день.

Целую, всем привет, твой Арк.

Да, никому про альманах пока не говори. Рассказы Варшавского по-прежнему идут в первом сборнике. А наш молодоговардейский сборник будем устраивать, когда приедет из отпуска Бела.

Все.

Борис — брату, 20 августа 1963, Л. — М.

Дорогой Арк!

Прежде всего о моем приезде. Приехать мне очень хочется. И приехать в свете событий, о которых ты писал, необходимо. Но все это чертовски сложно. Приехать на срок, тобою назначенный, скорее всего будет совершенно невозможно, ибо а) все мои резервы отпусков на этот год исчерпаны начисто (больше двух месяцев за свой счет!), б) я сейчас хожу в начальниках, и уезжать на четыре дня без всякого делового оправдания мне совершенно неуместно. Так что максимум, на что мы можем рассчитывать, это три дня: 30, 31, 1 — приезжаю утром в пятницу, уезжаю вечером в воскресенье. Зажилить пару дней у нас почти всегда нетрудно за счет переработки в предыдущие дни, что я и сделаю. Неудобно с твоим днем рождения, но, в конце концов, почему бы тебе не перенести его на субботу, как и делают все порядочные люди? Короче говоря, главное, что три-то дня у нас есть почти наверняка.

Я не располагаю достаточной информацией, но, по-видимому, перед нами стоят сейчас три задачи (в порядке важности и срочности):

1. Небольшая доделка четвертой главы ДР для сборника, который, как я понял, должен быть сравнительно скоро.

2. Обсуждение и разработка «веселой и легкой вещи» для Детгиза. Что это будет за вещь, я пока совершенно не представляю.

3. Отработка ТББ.

Пункт 1 мы с тобой уконтрапим быстренько — за три-четыре часа. Остальное требует времени. Я немного плохо представляю себе сроки. Ты мне быстренько отпиши: а) к какому сроку должен быть готов ТББ? б) нельзя ли оттянуть представление «веселой вещи» до следующего года?

Кроме того, меня интересуют такие вещи:

1. До какого времени (или события) хранить в тайне судьбу альманаха?

2. Имеет ли смысл Травинскому писать свою статью о нас?

3. Каковы твои соображения о содержании «веселой вещи»?

4. Нужно ли мне везти с собой рукописи или они у тебя все есть?

5. Что же теперь будет с альманахом? Превратится в «Науку и жизнь»?

6. Что происходит в «Искателе»? Нужно ли считать, что фантасты снова остались без трибуны?

Вот такие вот вопросы. Жаль в общем-то альманаха, но, по-видимому, он был априорно обречен. Нам нужен свой орган, в доску свой — чтобы во главе стояли люди заинтересованные, чтобы редколлегия состояла в основном из заинтересованных. Тяжело. Может быть, все-таки «Искатель»? Проклятое наименование — «научно-художественный» — губит все к черту. И эти трясущиеся идиоты! Нашли рецензента!

Насчет ССП в октябре-ноябре было бы здорово. Тогда бы я уже в этом году занялся переходом на полставки.

Ну, ладно. Новостей у меня нет, и потому кончаю. Жду от тебя быстренького ответа на мои вопросы, а пока буду размышлять, дабы не приезжать с совсем уж пустыми руками.

Всем привет, крепко пожимаю, твой [подпись].

Р<ost> Т<extum>. Давеча пришло письмо от одного мальчика из города Хмельницкого. Слезно просит, чтобы мы оживили Юрковского и «дядю Мишу». Не верю, говорит, что такие люди могли погибнуть. Пусть их подберут Пришельцы.

Аркадий — брату, 21 августа 1963, М. — Л.

Дорогой Боб!

Прежде всего, о твоём приезде. На день рождения мне, сам понимаешь, с высокой горы. Как говорит Абызов, я на него облокотился. Жду тебя утром в пятницу, решено. Хотелось бы, конечно, больше, однако же ничегё не поделаешь.

О трех наших заданиях.

1. ДР доделаем, а может быть, и кое-где изменим акценты. Есть мнение, что мы испортили вещь детским столпотворением в конце. Да опять эта слюнявая ерунда на тему «дети в период реконструкции решают все». Надо так изменить конец, вернее, речи и рассуждения, чтобы стало понятно: не потому детей спасают, что дети — надежда и прочее, а потому их спасают, что человек, который отказался спасти детей, — не человек. Дети — не самоцель, но этакая лакмусовая бумага на человека.

2. Насчет веселой и легкой вещи для Детгиза. Срок у нас увеличился: аж до января. Понятия не имею тоже. Но придумаем. На элементарную тему. Героизм и жизнерадостное ржание. А? Неужто не придумаем? Только не надо проблем. Напишем вещь без проблем. Как в старину. Надо только задаться такой задачей: без проблем.

3. Отработка ТББ. Тут многое. Очень многое. ТББ Громова считает лучшей нашей вещью. Она предлагает дать это в «Новый мир» без ручательства, впрочем, за успех. Я уже забил для нее место в сборнике «Фантастика-64». Бела охотно приняла. Надо исходить из этого. Но делать там надо еще много. Да об этом и поговорим. Для того и приедешь. Срок ТББ — не очень мал, но и не велик. Я вообще думаю опять схитрить: мы дадим первый вариант, он будет считаться сданным, пока рецензия, пока что, а мы тем временем будем работать. Полагаю, при таком положении у нас будет по меньшей мере полгода.

4. Пока не забыл: нет ли у тебя верстки «Попытки»? Надо будет сдавать наш сборник Беле, а у нас нет «Попытки». Нужно либо расклеивать, либо перепечатывать. Расклеивать — книги рвать жалко. Две книги, шутка сказать! И еще, пока не забыл: была верстка «Фантастики-63», там наши «О странствующих и путешествующих», бывш<ие> «Мигранты».

5. Тайну судьбы альманаха не хранить. Везде распубликовывать о низости и трусости «Знания», хотя кому до этого дело?

6. А разве Травинский еще не написал? Конечно, пусть пишет. Неужели не найдем, куда поместить? А если и не найдем? Статья нужна!

7. Рукопись «Радуги» привези непременно. Остальное есть.

8. Что будет с «Мечтой» — никто не знает.

9. «Искатель» решением ЦК сделан был отдельным журналом, но вмешалось министерство финансов, и все осталось по-прежнему.

Насчет пристанища, видимо, плохо. Журнал фантастики опять остался розовой мечтой. Все.

Привет всем, целую, твой Арк.

Жду письма до приезда. Сообщи, как реагируют ребята. А кстати, не привезешь ли статью Травинского?

Аркадий — матери, 26 августа 1963, М. — Л.

Дорогая мамочка!

Когда ты получишь это письмо, мне исполнится уже тридцать восемь лет. Вымахал парень, ничего не скажешь. А что событий произошло за эти тридцать восемь лет! Давеча читал я книгу генерала Фуллера «Вторая мировая война». Странно читать такие книги. Вот рассказывается, как немцы вошли в Чехословакию — а я тогда учился в седьмом классе. В Ливии английский генерал разгромил итальянского маршала, а я тогда учился в девятом классе. Японцы обрушились на Пирл-Харбор, а мы тогда доедали последних кошек в осажденном Ленинграде. Под Сталинградом горят горы железа, в Коралловом море, черт-те где, японские и американские флоты гоняются друг за другом, а мы в вонючей хатенке в Ташле получаем из военкомата призывную повестку для меня. И так далее и тому подобное. В общем, тридцать восемь лет. Много я тебе беспокойств и огорчений причинил за эти тридцать восемь лет, но льщу себя надеждой, что были у тебя от меня и минутки радости. Все-таки вырос я человек ничего, был щенком, сопляком, а потом стал в кость входить, и вот уже понемножку учусь сопротивляться обстоятельствам, сам создавать обстоятельства пытаюсь, то есть все-таки стал человеком, а не грязной тряпкой, и в том твоя, мамочка, большая заслуга, и я тебе за это на всю жизнь благодарен.

Прости, что долго не писал. Гоню сейчас всю перевод для Гослитиздата. Со временем я малость просчитался, вот и приходится сейчас делать по шесть страниц в день, чтобы поспеть к сроку да выиграть дни для свидания с Борькой. А перевод — это очень утомительно, потому что принципов художественного перевода с дальневосточных языков не создано, вот и приходится быть в некотором роде пионером в этой области. Предвижу, что, как всякого пионера, будут меня поругивать или даже бить, но линию свою держу твердо: читатель должен читать как по-русски, а ощущать как японец. А текст-то старый, пушкинских времен, тогда японцы еще понятия о европейской литературе не имели, да он еще вдобавок исторический, автор описывает времена отдаленные, да всякий обиход тогдашний, да буддизм, о котором никто в Союзе представления не имеет, да мало ли всякого там. Вот и крихчу. Однако же, думаю поспеть к сроку. Из двухсот страниц восемьдесят уже сделано. Сегодня, вот только что добил восемьдесят вторую.

У нас все благополучно. Дети, слава богу, здоровы, родители пока в Звенигороде, вернутся в начале сентября. Ленка готовит и читает. Жду 30-го Борьку к себе, надо сдавать в «Молодую гвардию» новую книгу и нужно договориться кое о чем.

Что же до твоей поездки на юг, то это дело очень хорошее. Но лучше поехать в конце сентября, когда будет прохладнее. Напиши, когда ты собираешься, я вышлю тебе сотенку, чтобы ни в чем ты там не нуждалась. А получим аванс за новую книгу, вышлю еще.

Ну вот и все. Расписался я зело что-то. Очень хочется к тебе, да пока это немисливо, буду, вероятно, в ноябре, поживу у тебя, поработаю, если позволишь.

Крепко тебя целую и обнимаю,
твой любящий сын Арк.

Ленка и дети тебя обнимают и целуют тоже.

Борис — брату, 26 августа 1963, Л. — М.

Дорогой Арк!

Ничего нового нет. Готовлюсь к отъезду, а посему круглодневно сижу в Пулкове — отрабатываю. Никого не вижу, ничего не знаю. Вряд ли смогу привезти статью Травинского, хотя, я думаю, сейчас она уже готова. Просто требуется слишком много

времени, чтобы ее раздобыть. Это не страшно: в ближайшее время статья должна оказаться у Малининой, если только Володька не прослышал про смерть альманаха и не решил послать его к чертям.

Мысль о подбории слюней в конце ДР вполне приветствую. Здесь надо провести мысль, которую сформулировал четко Володька в своей статье: «Самое логичное, самое здравосмысленное — отнюдь не всегда является самым человечным и гуманным». Кроме того, надо бы все же подумать и рискнуть развить мысль о виноватых. Володька, разбирая ДР, не захотел заострять углы и всю вину за случившееся свалил просто на Ламондуа, т. е. на ученых. Идею объективности случившегося он не рискнул вскрыть, дабы не подводить нас же. А мы все-таки, по-моему, должны об этом сказать — легко, нежно, в полутонах, но сказать.

Идея посылки ТББ в «Новый мир» представляется мне горячечным бредом, хотя ежели подумать, то — отчегё же? Впрочем, наверное, все-таки безнадюга. Насчет «лучшей нашей вещи» ты тоже серьезно не воспринимай. Только размах хороший, настоящий, а исполнение пока все-таки детское. Хотя ТББ мне лично нравится, я все-таки склонен больше верить Володьке и Ленке, чем Ариадне.

Насчет легкой вещи для Детгиза. А не написать ли нам трехлистную повестушку об Аладдине и волшебной лампе. В кибернетическо-пришельцевой интерпретации. Время действия — наши дни. Место действия — не знаю, но подальше от Жмеринки и иных культурных центров. А? Или вот прочел я давеча мифологический словарь. Не написать ли нам про альпиниста, который лез, лез да и залез на Олимп. Там ведь бардак был — изумительный. Зевс по телевизору наблюдает за восьмым подвигом Геракла.

Верстки «ПкБ» у меня, естественно, нет. Да и откуда бы ей быть? И экземпляров нет — все раздарил.

Ну, пока и все. Поговорим при встрече. Я еще вышлю телеграмму, когда куплю билет. Крепко целую, твой [подпись].

Р<ost> Т<extum>. Поздравляю с днем рождения. Желаю. Трясу. Приветливо улыбаюсь. Издаю приличествующие случаю несвязные звуки. Вообще веду себя корректно и соответственно, как и все люди, решительно не понимающие, чему тут радоваться и с чем поздравлять.

Аркадий — брату, 5 сентября 1963, М. — Л.

Дорогой Боб!

Новостей нет особенных. Слухи расскажет И. Варшавский. Коротко говоря, в ЦК просмотрели наши сборники, им понравилось, они обязали «Знание» работать дальше и выпускать двухмесячный альманах. Что до «Искателя», то оказалось, будто за него дерутся сейчас «Комсомольская правда», «Техника — молодежи» и Днепров. Каждый дерется за себя, а не в том смысле, что отстаивают его. Толя сказал, что есть вполне отчетливые шансы, что мы будем иметь этот журнал как орган своего литобъединения.

Доклад Севера был. Ничего нового. Только раздолбал он Гора. Когда бил Колпакова, тот обиделся и взрывался. Потом была небольшая драчка между Севером и Полещуком. Андреев был противу обыкновения трезв, однако вполне здоровым его назвать нельзя. Джереми ему ужасно сочувствует и предлагает всякие благотворительные проекты.

Я по-прежнему в трудах. Жму на всю железку, лыщу себя надеждой к двадцатому все-таки закончить и сдать. Тогда договоримся о встрече. Кстати, у меня к тебе громадная просьба. Сними с книжки двести рублей и, когда вернется мама, передай ей от меня, скажи, это, мол, я переслал с тобой, чтобы не тратиться на почту. Ладно? А то мне не хочется говорить ей, что я в стесненных обстоятельствах. Сделай милость.

Вот все пока. Жду писем, целую и жму, твой Арк.

Борис — брату, 9 сентября 1963, Л. — М.

Здравствуй, Аркашенька!

Сим препровождаю тебе:

1. Настоящее письмо.

2. Вставку в ТББ и некоторые попутные поправки к гл. III.

3. Презентованную тебе книгу Брандиса–Дмитревского.

4. Статью В. Травинского. (Данную статью надлежит тебе по прочтении и вероятном исправлении опечаток передать в «Знание» любым удобным способом — например, через Ариадну, которой якобы статья была переслана для ознакомления: все-таки неудобно будет, если ТЫ принесешь статью о СОБСТВЕННОМ творчестве. Все замечания, кои возникнут, присылай в письменном виде либо мне, либо самому Травинскому, но лучше мне, т. к. адреса Травинского я не помню и не могу тебе сейчас сообщить.)

Как видишь, бандеролька достаточно информативная.

Теперь далее. Маме двести рублей я положил, а остальной мой долг пересылаю тебе нынче же в кол<ичес>тве 632 рубля. И вообще не горюй: нам, надо думать, подкинут в этом году еще из Лениздата, где в сборнике должно идти, по идее, «Извне». Но если тебе понадобятся еще суммы — пиши, я располагаю пока.

Новостей особенных нет. Неприятные вещи происходят в «Неве». Как ты знаешь, они там дали маху, опубликовав статью о генетике в № 3. В свое время, накануне пленума, за эту статью была дана вздрючка в ЦК. Потом дело затихло, а теперь разгорелось вновь. Последовали оргвыводы: заставили перепечатать статью лысенковца Ольшанского, громящую предыдущую статью, и, видимо, полетят головы, в том числе и голова нашего Владимира Ивановича <Дмитревского>, попавшего как кур во щи. Чем дело кончится, пока неизвестно, но пока все выглядит как увольнение без выходного пособия. Правда, некоторые полагают, что здесь много паники и все может ограничиться выговором.

А в остальном все довольно тихо. Варшавский перерабатывает рассказ про железную женщину. Брускин изнемогает на службе. Травинский не пьет и тоже изнемогает на службе, пища одновременно историю гуннов. Вышла его книга «Как погибли сто миллионов негров», скоро получишь. Хорошая, по-моему, книга: я слышал несколько глав из нее.

На чем кончаю, целую крепко в лобик, не забывай меня: ведь я живу как бобик. Твой верный [подпись].

Р<ost> Т<extum>. Отпиши быстро новости и мнение о статье и прочем.

Р<ost> Р<ost> Т<extum>. В гл<аве> 3 ТББ мне думается оставить все далее почти как есть, но к концу главы Румата должен поехать к Окане. Я черновой вариант этой встречи попробую написать. Ты в принципе не возражаешь, а? Против эпизода как такового?

Аркадий — брату, 12 сентября 1963, М. — Л.

Дорогой Боб!

Спасибо за богатую посылку.

Вставки твои вставил, немного подредактировал.

Статью прочитал. И все ее прочитали. Впечатления разные. Лично у меня — я не совсем удовлетворен. Сейчас могу дать себе отчет только по частным вопросам. Во-первых, нечего Володьке сверху вниз критиковать наш взгляд на коммунистическое об<щест>во. Это уже спор, и свою точку зрения надо доказывать. Для меня (да и для тебя тоже) коммунизм — это братство интеллигенции, а не всяких там вонючих садовников. На солженицынских матренах коммунизма не построишь. Во-вторых, насколько я понимаю, мы и не собирались внушить читателю ненависть к Маше Юрковской. Это он за

нас домысливает нашу задачу. В-третьих, еще что-то. Я должен прочесть еще раза два, а потом отпишу подробно. Большое спасибо за деньги. Мог бы и не посылать сразу все. Да ладно. Хотя у тебя они были бы целее.

Эпизод с доной Оканой пиши. Я за. Вообще я за все. Сейчас бешено работаю над переводом, числа двадцать второго закончу и сдам. Как там насчет перспектив поездки в Л<енингра>д? Удастся нам недельку поработать и покончить с ТББ? Пока все. Крепко тебя целую, дружище,

твой всегда [подпись].

Привет ото всех. Кланяйся ребятам, поцелуй Адку.

Борис — брату, 15 сентября 1963, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Вот посылаю тебе еще вставку-замену. Это — к стр. 58 все той же гл<авы> 3. Никак, понимаешь, не доберусь до сцены с доной Оканой. Сейчас вот добрался вплотную, но уже, написав четыре страницы, притомился. Не знаю, буду ли писать сегодня еще. А завтра опять понедельник.

Прежде всего о твоём приезде. Здесь возможны два варианта, в высшей степени неравнозначные:

1. Адка едет за сопляком 22-го. Это случится, если теща не выдержит и взмолится о пощаде. Злоупотреблять ее добротой просто нет уже никакой возможности и мальчишку придется забрать. Тогда, сам понимаешь, у нас ничего не выйдет и придется ждать, пока нам дадут гостиницу, тогда и приедешь.

2. Теща выдержит до конца, и Адка поедет в Киев 29-го. Тогда я 22-го высылаю тебе вызов, ты приезжаешь, и, худо-бедно, мы с тобой в течение недели поработаем, хотя это будет тоже не фонтан. Однако лучше, чем ничего.

Таким образом, жми на всю железку, чтобы освободиться до 22-го, а там жди мою телеграмму — печальную или веселую в зависимости от обстоятельств.

Насчет статьи Володьки. Жду более тщательного анализа. С замечанием о Маше Юрковской согласен и Володьке указывал, на что он отвечал, что сами виноваты — дали нечетко свои мысли. Что же касается роли интеллигенции, то ты, по-видимому, неправильно воспринял это место в статье. Володька не то чтобы оспаривал наш взгляд, а просто хотел хотя бы мельком (по-серьезному и нельзя из идейных соображений) заметить, что у нас совершенно неясно, куда деваются неспособные к научной деятельности и вообще интеллектуальные середняки (составляющие, кстати, основную массу человечества). Здесь он в общем-то прав. Этого у нас нет, и этого мы просто сами не знаем, что и говорить.

Ты не написал главного: получила ли статью Малинина, что о ней сказала и что с ней собирается делать. По-моему, это самое важное и для Володьки, да и для нас. Обязательно отпиши.

Отпиши, кроме того, как дела со сборником. Как у тебя дела с финансами? Я тут давеча получил из «Знания» двести с лишним. А ты получил? И скажи им там, чтобы пересылали на книжку (адрес ты знаешь) или уж, во всяком случае, на Пулково. Получение денег на Карла Маркса мне крайне неудобно из-за дурацкого расписания работы местной почты. И обязательно вышли мне адрес своей сберкнижки: во-первых, жалко терять деньги на перевод, а во-вторых, мы должны скоро получить что-нибудь за ленинградский сборник, где идет «Извне».

Вот, пожалуй, и все пока. Жду письмеца, твой [подпись].

Р<ost> Т<extum>. Моего начальника, кажется, посылают в Чили на год. Если это случится — удеру с работы. Господи, хоть бы квартиру скорее дали!

Аркадий — брату, 18 сентября 1963, М. — Л.

Дорогой Боб.

Получил письмо с вставкой, вставка хороша. Здесь встает вопрос: а так ли необходимо нам сейчас встречаться? Вставочный опыт показывает, что ты делаешь все как надо. Спешить пока некуда. Я заканчиваю перевод двадцатого и тоже могу подключиться. Только нужно распределить роли. А? И еще мама требует, чтобы я приехал в ее присутствие, иначе она обидится. Может, действительно, одолеем ТББ на расстоянии? По крайней мере, подождем до тех пор, пока вам дадут гостиницу. Помни, на нас висит «Суэта вокруг дивана». Пришли, что ты об этом думаешь.

Статья Володьки. Уловил я, что мне там не понравилось. Наверное, это субъективно. Не люблю снисходительного тона. А это ужасно чувствуется в последних страницах. Все впечатление портит. Судьба статьи такова. Я передал ее Громовой. Громова от нее в восторге, хотя и со многим не согласна, в частности с оценкой ДР. Она ее вообще презирает. Статья сейчас у Малининой. Оценка Малининой никого не должна интересовать, главный вопрос в том, как теперь, при неясном положении с альманахом, опубликовать эту статью. Видимо, ее впишут в четвертый сборник. Будем стараться это сделать. А Громова говорит, что она добивается в «Молодой гвардии» сборника статей о научной фантастике. Туда она тоже хочет эту статью. Но первый прицел, конечно, это четвертый сборник. К сожалению, Дубровский сейчас в отпуске, но мнение Малининой, если это кого-нибудь интересует, я узнаю и отпишу.

Сборник в «Знании» с ДР: обещают сигнал к 5 октября. Эти сроки мне до лампочки, не верю я им ни на грош. Еще меньше верил бы, если бы обещали сигнал к 13.36 пятого октября. Что касается нашего сборника в «Мол<одой> гв<ардии>», то я перепечатал «ПкБ», все собрал и отнес. Больше обязательств у нас перед «Мол<одой> гв<ардией>» нет, разве что дать ТББ для «Фантастики-64», но это пока ждет. Дубровский терзал уже меня насчет нашего сборника в «Знании». Я сказал, но не пообещал, о ТББ. Он запылал и вскричал, что это дадут отдельной книгой. Посмотрим. Деньги из «Знания» получил. Вообще больше о моих финансах не беспокойся. Что касается моей сберкассы, то она вот: Сберкасса № 1568/0380 Баумановского р<айона>, проезд Серова 2, счет № <...>. А вот твою сберкассу я забыл, отпиши.

Теперь так. Лышу себя надеждой, что с работы ты удерешь. И вот почему. Как мы ни крутились, а нам придется заняться кино. При студии Довженко волею министра культуры и члена ЦК КПСС Романова создается объединение научно-фантастических фильмов. К традициям студии оно никакого отношения не имеет, не беспокойся. Руководить им будет некий Карюков Михаил Федорович, который еще в 39 году пострадал за попытку наладить производство научной фантастики в кино. Дело солидное. Этот Карюков пришел ко мне от Ефремова с просьбой принять участие в работе объединения, быть одним из его создателей. Ефремов согласен быть шефом. Льготы сногшибательные. Полное невмешательство в авторский замысел. Безредакционность. Контроль только со стороны таких людей, как <Виктор> Шкловский и Ефремов. Сама задача: создать такие фильмы, которые будут смотреть не менее ста миллионов людей и которые купят не менее ста зарубежных стран. Мы на этой студии будем хозяева. В случае успеха отдадут целую фабрику с присоединением Одесской студии в более далекой перспективе. В ЦК ему сказали: мы вас всем обеспечим, а вот о сценариях заботьтесь сами. Карт-бланш.

Что здесь нужно конкретно? А. Завтра мы еще раз встречаемся у Ефремова и договариваемся о формах контроля (нашего) над работой (их). Б. Им для начала, чтобы показать способности, необходимо пять-шесть сценариев. Ефремов дает к ноябрю сценарий «Туманности Андромеды». Я предложил киносборник из трех-четырех киноновелл с участием фильмов Стругацких, Днепрова, Гансовского и кого-нибудь из

ленинградцев. А как со сценарием «Далекой Радуги»? И еще я задумал набросать на пробу сценарий по «Попытке к бегству». Я его вижу.

Мы образуем худсовет этого объединения. Карюков божится, что наше мнение в переговорах с высшими будет его мнением. А здорово, ведь наш гигант, когда к нему обратились за рекомендациями, сказал: «Прежде всего Стругацкие. А об остальных подумаем». Между прочим, выяснилось, что Ефремов очень авторитетен для всех там. Суди сам, мог ли я отказаться? И смотри, если сценарий Травинского и Брускина еще не принят, надо непременно один экземпляр послать им в Киев.

Вот пока все. Крепко целую, твой Арк,
привет всем. Жду письма.

Аркадий — брату, 5 октября 1963, М. — Л.

Дорогой Боб.

Суббота, пишу, как обещал. Дела такие:

1. Заявку на «Понедельник» сдал в Детгиз.

2. Отнес и заявку на «Хищные вещи». Бела и Жемайтис первый вариант ТББ прочитали, говорят, им не очень понравилось, но на своем мнении не настаивали, Бела даже сказала в том смысле, что она, возможно, просто заелась. Но меня утешает то, что никто из них не увидел в вещи крамолу. Хуже вот что. Бела сейчас уезжает в отпуск и вернется только в конце месяца. Так что придется еще ждать. Впрочем, Жемайтис обещал прочитать новый вариант сразу, как только я ему дам.

3. ТББ сдал на машинку, машинистки обещают сделать в среду. В среду же сразу тебе пошлю экз.

4. В «Знании» без перемен. Наблюдал затейливую картину: как директор Айдинов бранился с Этингофом, они сваливали вину за создавшееся положение один на другого, поочередно апеллируя ко мне. Жаль, что МЫ с Малининой были единственными свидетелями. Понятно стало одно: Андреев опять наврал, и альманах закрыл своей рукой не Айдинов, а Этингоф. Но больше ничего нового нет. И платить зарплату «Знанию» теперь нечем — прибыль от альманахов не поступила, банк счет закрыл, а Киевская типография, где печатаются сборники, в порядке мести за сорванный план не дает ни сигнала, ни тиража сборников.

5. Собираюсь связаться с Ариадной, чтобы она отнесла ТББ в «Москву».

6. При сем прилагаю письмо из Одессы. Нам прислали по персональному. Ответишь от себя. Я думаю, мы, конечно, поедем. Только в ответе предложи им, чтобы послали приглашения Травинскому и Брускину, а также Илье Иосифовичу <Варшавскому>, сообщи им адреса, куда посылать. А я в своем ответе дам им адреса наших ребят. Идет?

Вот все пока. Буду ждать твоего письма и соображений об обстановке. Привет Адке, поцелуй маме.

Целую, твой Арк.

Борис — брату, 7 октября 1963, Л. — М.

Дорогой Аркус!

Получил твое письмо. Значит, не понравилось ТББ? Прискорбно. Будем надеяться, что из своих эмоций они не станут делать культа. Будем с трепетом ждать. На письмо из Одессы отвечу на днях. Отвечу положительно, естественно. Не знаю, что написать насчет возможных выступлений. Как-то нет у меня желания заранее обречать себя на выступление. Кстати, вот Адка очень горит поехать в Одессу с нами и спрашивает, возьмешь ли ты Ленку. Сообщи.

Давеча был у Травинского. Читал письмо, которое прислал ему Олег <Соколов>, и рассматривал пометки на полях статьи. Срамотища! Скажи там Олежке, чтобы не сходил с ума и не защищал Стругацких от Травинского. Несет же местами просто околесицу, тщась утвердить Стругацких превыше всех. Что он, не понимает, что ли, что нельзя этого делать из простых политических соображений. Тон письма ужасен. Если бы я, скажем, получил такое в ответ на мою статью о ком-нибудь, я бы просто послал редакцию на и в. Володька тоже, по-моему, разозлился и намерен писать язвительный ответ (между нами, естественно).

Да, я еще думаю предложить Одессе Брандиса, Дмитревского и Гора. Смешно же не предложить. И обида на всю жизнь. А мешать они не станут. Как ты полагаешь? Буду ждать твоего ответа.

Насчет полуставки пока никаких сдвигов нет. Заручился у Володьки ходатайством от «Звезды» и еще поговорю на эту тему с Гором. Пусть напишут, что, мол, просим предоставить в связи с перегруженностью т<оварища> Стругацкого Б. Если бы ты то же организовал от вашего Объединения, тоже было бы смачно.

Вот пока и все. Целую, твой [подпись].

P. S. Купил Олдриджа «Последний изгнанник». А ты? Это продолжение «Не хочу, чтобы он умирал».

Аркадий — брату, 11 октября 1963, М. — Л.

Дорогой Борик.

1. Насчет реакции на ТББ не огорчайся. Не видал еще ни одного произведения, о котором Бела бы сказала определенно, что оно ей нравится. Напечатают за милую душу. Тут я читаю, и у меня самого сомнения появились. Не слишком ли много бутафории? Не наивны ли описания сцен во дворце? Или я уже того?

2. Сегодня высылаю тебе на Пулково один экз.

3. Вчера говорил с Ариадной, договорились, что один экз<емпляр> я передаю ей 14-го, она читает и несет в «Москву». Господи бла-слави.

4. Я в Одессу уже написал, сказал, что сделаем сообщение на тему «Фантастика как метод». Черт с ними, кто-то должен им рассказать, что такое современная фантастика, а читать можно по нашему докладу, помнишь?

5. Письма Володьке <Травинскому> из «Знания» я не видел, но могу себе представить. Постарайся объяснить ему, что самолюбие надо в данном случае отодвинуть на второй план, здесь дело важно, а если он согласится, пусть перешлет это письмо мне, и я поговорю с Малининой и компанией. У меня давно руки чешутся побить спесь с этих паразитов, вот и удобный случай. И еще Ариадну можно натравить на них вдобавок. Она редакторов не любит, а Малинину в особенности.

6. Попроси Володьку еще раз насчет сценария, ведь время поджидает.

7. Я сценарий написал, Днепров тоже, Джереми с Емцевым тож. Север не хочет писать, пока режиссер не прочтет оригинальный рассказ.

8. Конечно же, предлагай Одессе всех, кого захочешь. Чем больше нас будет там, тем лучше.

9. Прочитай в № 7 «Звезды» «Возвращение к горизонту». Сила! Передай Володьке мои поздравления. Как-никак это его журнал.

10. Насчет полуставки встречусь с ребятами 14-го, возможно, удастся повернуть ходатайство не от Объединения, а от Президиума ССП. Так вот лучше будет.

Пока все. Насчет того, ехать женам с нами или нет — не знаю. А где жить там? В общем, это все потом.

Привет всем, целую, твой Арк.

Борис — брату, 15 октября 1963, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Получил твоё письмо аж два дня назад, но все медлил, дожидаясь бандероли, чтобы сразу на все вопросы ответить. Однако бандероли все нет. Видимо, запаздывает. Очень жалко: меня заинтересовал твой намек об избытке бутафории и хочется проверить твоё впечатление. Ну да ладно, успеется.

Что у нас?

Было собрание комиссии по н<аучной> ф<антастике> при Союзе. Первое в этом году. Гор читал свои новые два рассказа и отрывок из повести, где житель планеты Уэры встречается с Кантом. Отрывок и один из рассказов — г... Второй рассказ ничего. Я имел неосторожность высказаться почти откровенно. Провалилось оно все пропадом — все эти честности, прямоты и прочие моральные качества! Старик, по-моему, страшно обиделся, понял все совершенно неправильно и все такое. Ну нет! К такой матери! Отныне я выступаю лишь в том случае, если вещь мне нравится. А если не нравится — буду говорить, что полностью согласен с предыдущими ораторами. Вышло тем более неловко, что за час до этого Гор подписал мне ходатайство о полуставке. Тьфу, до чего неприятно вспоминать!

Мое заявление о полуставке (вкуче с ходатайством от ЛО ССП и от «Звезды») подписано Положенцевым, подписано завотделом и передано сейчас на подпись директору. Господи благослови! Дрожу при одной мысли. Между прочим, выяснилось, что уходить на полставки постоянно не разрешается. Можно только временно, а потом продлевать — снова на какой-то срок. Сейчас я подал заявление на полгода, начиная с 1 ноября. Только бы прошло!

Илья Иосифович написал неплохой, но мрачный рассказ про умирающее человечество. Впрочем, было бы странно, если бы рассказ получился не мрачным. Брускина Володька устроил завклубом «Звезды» (дабы тот не спился — Димка, естественно, не клуб). Брандис болеет и по-прежнему при встрече любит говорить (глядя странными, подозревающими глазами), как он поражается скорости нашей работы.

Письмо в Одессу написал. Рекомендовал Варшавского, Травинского и Брускина. Сообщил, что, может быть, выступлю, но тему сообщу позже. Что ж, «Метод» так метод. Встретимся — обсудим.

Звонил Володьке насчет сценария. Сценарий готов. Куда его теперь девать? Отпиши.

Ничего сейчас не пишу, кроме писем. Старательно изображаю очень трудолюбивого и послушного сотрудника. Когда начинаю думать, лезет в голову отнюдь не «Суета», а бледные слюнявые физиономии на пляже в Булли.

На сем целую, жду писем, твой [подпись].

Р<ost> Т<extum>. Слышал про новый китайский лозунг: «К 1970 году — миллиард китайцев». Упаси господь!

Аркадий — брату, 18 октября 1963, М. — Л.

Дорогой Бобка!

Надеюсь, ты уже получил бандероль. Я послал ее через канцелярию Детгиза, и Нина Матвеевна уверяет, что ее отнесли на почту в тот же день, что я написал тебе прошлое письмо.

Пусть директор твой подпишет! Пусть директор твой подпишет! Пусть директор твой подпишет! Пуссау! Куссау! Муссау! Динк! А? Если подпишет... У нас перспективы просто громадные. По получении сего письма немедленно отпиши, каково положение — в Пулкове и дома. Жду, как никогда не ждал. Немедленно пиши.

Что у нас?

А. ТББ отнес Жемайтису. Но он ленив, как мимикродон, прочитает не сразу.

Б. Передал экз<емпляр> Громовой. Она прочла еще раз, восхитилась и как раз сегодня несет в «Москву». О, томленье, ожиданье и сортирное сиденье... Надо, однако, ждать.

В. Из «Мира книг» позвонили, попросили, чтобы я написал рецензию на «Лезвие бритвы». Я написал. Отнес Ивану Антоновичу показать, ему понравилась, хотя он и упрекнул меня в некритичности. Я возразил, что рецензия эта не имеет целью облаивать его за литературные недостатки, это представление читателю его книги. По обычаю ставлю обе наши фамилии. Не трусь, «Мир книг» это не такой журнал, который все читают.

Г. Отнес в «Знание — сила» (по их настоятельной просьбе) «Машину времени». Пущай печатают, если хотят. Расчет на № 12.

Д. Приехал наш режиссер — будет работать с Ефремовым над сценарием «Туманности». Мы уже встречались, отдал ему сценарии для сборника короткометражек — наш, Джереми и Емцева, Толи Днепрова. Отвел его к Гансовскому, пусть снюхаются. Кстати, Север написал изумительный рассказ — «День гнева». Или я уже писал тебе об этом?

Е. Передай большой привет и искреннюю любовь Володке. И пусть скорее присылает сценарий мне. Режиссер будет здесь еще дней десять. Я ему отдам.

Ж. Все-таки старайся настроиться на «Суету». «Крысы» от нас не уйдут при любых обстоятельствах.

З. Сочувствую Брандису в его болезнях, но в его странные подозревающие глаза я <...>.

И. Большой привет Владимиру Ивановичу. Читал в № 9 «Невы» отзыв читателя о «Возвращении»? Первый отзыв на книгу, надо же!

К. Сегодня отношу исправленный сценарий на «Диафильм». Поправок, собственно, никаких. Попросили только сократить на три кадра.

Л. Передай привет Илье Иосифовичу, да скажи ему, пусть пришлет свой сценарий. Или новый пусть напишет.

Засим все. Целую тебя, брат мой, помни, жду с нетерпением ответа. Привет Адочке. Маме сейчас напишу.

Твой Арк.

Да, «Знание» родило первую фантастику: крошечный сборничек Лема «Формула Лимфатера». Купил для тебя, надеюсь увидеться, а потому слать не буду.

Аркадий — матери, 18 октября 1963, М. — Л.

Дорогая мамочка!

Все получили твои письма, и тесть с тещей, и детишки. Все тебе благодарны и тебя крепко целуют. Я тоже. В смысле, крепко целую, воспользовавшись случаем.

Я верчусь, как белка в колесе, выражаясь твоими словами. По возвращении в Москву думал спокойненько засесть за нашу новую повесть «Суета вокруг дивана», ан — не тут-то было. Спокойно просуществовал я всего два дня. Начал писать. А на третий день на меня сразу навалились. Во-первых, мой гослитиздатовский редактор. Вера Николаевна Маркова (это сильнейший литератор-японист) написала на мой перевод отзыв, в котором поздравляла покойного автора со вторым рождением на русском языке. Перевод явно очень удался. Впрочем, как всегда, остались мелкие блохи, и ко мне три дня подряд приезжал редактор их вылавливать. Сейчас, наконец, выловили, все в порядке.

Во-вторых, мне напомнили, что я должен возглавить создание сборника фантастических короткометражных сценариев. Пришлось связываться с ребятами и усаживать их писать — вернее, они и сами с удовольствием засели, но объяснить им ситуацию было нужно. Затем сел сам и написал. Это тоже заняло немало времени.

В-третьих, как выяснилось, меня давно разыскивают на студии «Диафильма». Мы сдали им сценарий еще в мае и совсем о нем забыли, но они-то вспомнили и заставили там кое-что переделать. Правда, очень немного, но время-то идет!

В-четвертых, обратились из «Мира книг» написать рецензию на «Лезвие бритвы» Ефремова. Это было сложнее всего. Однако написал, съездил к Ивану Антоновичу, посоветовался, сегодня отошлю эту рецензию.

Вот какие меня одолевали заботы за эти дни. Теперь, кажется, все позади. Сегодня последний рывок, а завтра мы с Ленкой пойдем в гости. Надобно, наконец, слегка выпить и закусить.

Мамуська, я слышал, что Борька вскорости освобождается от половины работы, так что можно будет приступить к очередной повести. А? Как у нас дома обстановка? Примут ли бедного Аркашу под материнский кров? Отпиши, пожалуйста, какое у тебя положение, какие трудности и какие перспективы.

Вот пока все.

Очень прошу, как всегда, береги себя, не растрачивай бессмысленно то, что скопила за лето. Всегда помни, что здоровье твое нам дороже всего.

Крепко целую тебя, любимая мамуська,
твой недостойный сын Арк.

Борис — брату, 23 октября 1963, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Специально придерживал ответ, чтобы поднакопились новости. Теперь они поднакопились.

1. Согласно приказа директора за № не помню, мл<адший> н<аучный> сотр<удник> Стругацкий Б. Н. переводится на полставки на срок с 1 ноября по 1 мая. Основание: личное заявление и ходатайство Комиссии ССП. Гип-гип! И так, с 1 ноября начнется новая жизнь. И все было бы просто великолепно, если бы нам дали номер в гостинице или хотя бы выстроили дом. Но дом будет готов не раньше марта, а номер мы получим не раньше середины ноября. Так что встречу придется отложить еще примерно на полмесяца, как сие ни прискорбно. Но прямо с 1 ноября я начинаю работу над СВД в одиночку.

2. Вчера в клубе «Звезды» состоялось очередное сборище. По идее, должен был прочесть доклад Кржижановский — завотделом прозы «Звезды». Тема была животрепещущая: «Шаблоны в современной советской н<аучной> ф<антастике>». Однако докладчика вызвали в Москву, и доклад перенесен. Интересное сообщение сделал Кан. Оказывается, сравнительно недавно Жак Бержье (кот<орый> писал статью в «На суше и на море», помнишь?) издал в Париже сборник сов<етской> н<аучной> ф<антастики>. Кан читал рецензию на этот сборник в «Фиксьон» (№ 117, авг<уст> 1963, стр. 147). В сборнике: «СР», «Вел<икий> КРИ» и «БКА» Стругацких, «Мир, в кот<ором> я исчез» Днепрова, «Суд над Танталусом» Сапарина, «Баллада о звездах» А<льтова> и Ж<уравлевой> и два-три мелких рассказа мелких писателей, кот<орых> я не читал. Про Стругацких сказано, что подают «очень большие надежды»; про Днепрова — слабый рассказ, слабо критикующий капитализм (гораздо слабее, чем такие-то и такие-то американцы); про Сапарина — отличная идея, плохо написанная; про А<льтова> и Ж<уравлеву> — самая интересная вещь сборника, но неясно, какой вклад там принадлежит Альтову; про остальных — слабо и неинтересно. Про нас и А<льтова> и Ж<уравлеву> сказано, что находимся под максимальным влиянием американской фантастики и приближаемся к уровню ее. В таком вот плане.

3. В пятницу Володька в ССП читает свою статью. Раздавались голоса, что неплохо бы вызвать тебя. Но я думаю, что это не имеет смысла. Дело в том, что в субботу приезжает Андрюшка с тещей, так что радости от твоего приезда было бы мало — только

бы мама дополнительно умоталась. Кроме того, я еще сам не знаю, пойду ли я. В любом случае, я раздобуду данные о том, как все прошло, и тебе отпишу.

4. Читал ТББ пулковской пятерке. Читал до трех ночи. Особых восторгов высказано не было, но вещь в общем понравилась. Сейчас отдал читать Илье, а потом дам на второе чтение Володьке.

5. Отзыв в «Неве» не читал. Что-то никто его не читал. Ты не напутал с названием журнала? А вот пародию в ЛитГаз читал. Рассматриваю это как некое этапное происшествие. Правильно ли?

6. Напиши поподробнее, как обстоят дела в «Знании». Многие спрашивают.

7. Итак, наберемся терпения и будем ждать, пока я получу номер в гостинице. Сразу после этого ты приедешь, и мы с тобой попишем с огромным смаком. А пока работаем в одиночку.

Крепко целую, привет всем, твой [подпись].

Р<ost> Т<extum>. Пусть Север пришлет свой сногсшибательный рассказ «День гнева» мне. Я бы его прочел в клубе.

Аркадий — брату, 25 октября 1963, М. — Л.

Дорогой Борик!

Все-таки ты не придерживай ответы, а то я уж не знал, что и подумать. Есть новости, нет новостей — пиши немедленно по получении письма. Понимаешь, как только выбиваешься из нормы — сразу возникает беспокойство.

Поздравляю нас с тобой с твоей полставкой. Это смачно, лихо, великолепно! Теперь поработаем. Я готов отбыть к тебе в любую минуту. Скорее получайте номер.

1. Об альманахе. Существование его утверждено, будет называться «НФ». Третий сборник (останки третьего номера неродившегося альманаха) спешно переделывается в первый выпуск нового «НФ». Там идет Гор, «Бунт 30 триллионов» Емцева и Парнова и другие мелочи, а также, видимо, статья Травинского. Тебя норовят сделать членом редколлегии, я не протестовал. Будешь вместе с Дмитриевским представлять альманах в Л<енингра>де. Больше об «НФ» ничего конкретного сказать не могу.

2. Сведения о рецензии в «Фиксьон» — любопытны. Непонятно, что имеется в виду, когда говорят о влиянии американской фантастики? Азимов считает «Шесть спичек» самым американским рассказом в сборнике «Кор серпентис». Это потому, что там такой хохмаческий конец. А в чем видит влияние «Фиксьон» — не приложу ума. «БКА», например, — какое же там влияние? Или Альтов-Журавлевская вещь — с ее восторженностью, мажорностью — где там влияние? А уж насчет уровня и тем более странно. Если уровень Брэдбери — это лестно. А если уровень какого-нибудь Блиша — это хамство.

3. Отзыв на «Возвращение» — см<отри> «Нева», 9, 1963, стр. 189, «Будущее человечно», научн<ый> сотр<удник> Акимова. Что же касается пародии в ЛГ, то не знаю, что ты называешь этапными происшествиями, но я-то хорошо знаю, что такое пошлятина и простой обывательский здоровый юмор (см<отри> А. Блок. «Незнакомка», первое видение, строки: «Первый (берет юмористический журнал): А теперь пришло время нам повеселиться. Ну, Ваня, слушай...» и т. д.).

4. Относительно ТББ. Знаешь, я как-то не удивляюсь, что твоя пулковская пятерка не высказала особых восторгов. Если бы мне, например, читали десять листов машинописи до трех часов ночи, я бы чтеца просто убил, независимо от того, что он читает. И если им все-таки «вещь в общем понравилась», то это только из любви к тебе. Непременно и незамедлительно отпиши, что сказали Илья и Володька, высоси у них подробно их мнение, это мне очень важно. И еще очень важно твое собственное мнение.

Понимаешь, я здесь по случаю задаром еще раз размножил ТББ и сейчас сижу и правлю машинисток, скверно работают, мерзавки. Так у меня все растет впечатление, что

эта вещь какая-то неуклюжая, что ли, лишнего в ней нет, с одной стороны, а с другой — впечатление громоздкости. Нет изящества, понимаешь? Или это мне кажется? Я уже одурел от нее. Не помню, писал ли тебе, что давал читать ее Северу. Этот сноб сказал, что ТББ не хватает очень малого, чтобы она встала на его полку самых любимых книг. Но это вот малое мы дать все равно не сможем, потому что у нас другие взгляды, чем у него. Так что друзьям нравится. А я, вероятно, просто от нее утомился.

В общем, пиши незамедлительно.

Жду с нетерпением середины ноября. Поработаем. Я тоже сижу над СВД, пишу обстоятельства, которые верно в повесть и не войдут, но стараюсь все себе хорошо представить.

Привет всем, целую и жму, твой Арк.

Аркадий — матери, 27 октября 1963, М. — Л.

Дорогая мамочка!

Какое печальное твое письмо, я прямо расстроился. Ты не принимай всего этого так близко к сердцу. Конечно, ребятам трудно жить вот так — таскаться дважды в сутки в чертову даль, да что поделаешь! Борик писал мне, что к середине ноября дадут ему номер в гостинице, тогда и им легче будет, и я тогда сразу приеду — мы уже так условились. А поработаем-то теперь как хорошо, раз он на полставки устроен! Ты только вот не болей и не огорчайся.

Я, получив твое письмо, сразу отправился к тете Мане <Теселько>. Она чувствует себя хорошо, ты не беспокойся, очень похожа на тебя, тоже все торох-торох. Мы славно посидели, попили кофейку, пришел Валентин <Теселько>, в общем, я у нее пробыл часа три. Конечно, с негодованием отвергал ее предположения, что это ты меня попросила сходить. Свинтус я все-таки порядочный. Когда уходил, попросил ее тебе незамедлительно написать.

Что до моей разбросанности, так ведь как же иначе? Нельзя же работать исключительно по своей линии. Все настоящие писатели и переводчиками занимались, и за других хлопотали, и в разных областях себя пробовали, и участвовали в общественной жизни. Вот и я тоже... участвую. Да ты не думай, это ведь все на пользу. А что я жалуясь, что времени нет, так я этим втайне доволен, признаться. Полная жизнь и интересная. Вот так вот.

Все тебя любят и низко кланяются.

Целую крепко, любимая мамочка,
скоро увидимся,
твой Арк.

Борис — брату, 29 октября 1963, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

1. Насчет альманаха — хорошо. И хорошо новое название, во всяком случае лучше старого. Правда, я тебя спрашивал не об альманахе, а о сборнике «Новая сигнальная». Эта проблема в особенности занимает умы ленинградцев. То, что меня выберут в альманах, — хорошо. Это меня здорово бы порадовало.

2. Я, кажется, понимаю, что имеют в виду французы, когда говорят об американском влиянии. Из разговоров с Каном, который питается преимущественно французскими и американскими фантастическими журналами, я осознал две следующие важные черты французского представления о НФ. Во-первых, американская НФ является для французов чем-то вроде стандарта этой литературы, причем в королях ходит отнюдь не Брэдбери (которого французы, как и многие наши, рассматривают как писателя-сатирика), но —

Азимов, Хайнлайн, Кларк и т. д. (Хотя Кларк, кажется, англичанин, но не в этом суть.) Короче, фантастика для французов — это, прежде всего, остроумие научной идеи и остроумие писателя, способность увидеть нетривиальные повороты сюжета. Социология и человековедение интересуют их весьма мало — только как материал для хохмочек и для создания правдоподобия обстановки, каковое правдоподобие ценится ими так же весьма высоко. Во-вторых, советская НФ для французов до сих пор была литературой экзотической: громоздкие и фундаментальные научно-технические построения, безбожная идеализация героев, доводящая их до состояния говорящих схем, полное отсутствие юмора, топорность построения сюжета — словом, то, что мы видим в огромной массе книг азиатских республик. На этих двух пунктиках и базируется их нынешнее восприятие молодой советской НФ. Кроме того, честно говоря, из того, что до них дошло пока, кроме «Туманности», они и не могли увидеть что-нибудь существенно новое: некоторое разнообразие сюжетов, некая бóльшая легкость, проблески юмора — т. е. именно то, что они ценят более всего, и то, что они видят у американцев.

3. Пока не забыл. Кан сейчас переводит биографию Брэдбери, написанную его (Брэдбери) другом. Переводит для себя. Вопрос: не пригодится ли это для альманаха?

4. Отзыв в «Неве» прочел. Приятно. Интересно, кто эта Акимова?

Пародию в ЛитГаз считаю этапным происшествием, ибо пародия (при всей ее слабости), по-моему, доброжелательная, а появление доброжелательной пародии в ЛитГаз не могу не рассматривать как некое признание объектов пародии.

5. Относительно ТББ. Володька еще не успел прочесть нового варианта, но прочел Илья. Илья сказал следующее: читал не отрываясь, вздохнул. Да, понравилось. Да, здорово сделано. Не нравится основная идея невмешательства. Кажутся лишними пролог и эпилог. То же сказал о прологе и эпилоге Сашка Копылов.

Мне ТББ нравится. Я вижу в ней массу слабых мест, раздутых и упрощенных ситуаций, но повесть мне нравится и мне страшно не хочется с ней еще возиться. Посмотрим. Поговорим. Подумаем. Пока мне с ней связываться еще раз неохота.

6. В прошлую пятницу состоялось собрание Комиссии научно-фантастической литературы, где обсуждалась статья Володьки и наше творчество. В наш адрес было сказано очень много теплых слов. Все хвалили. Разгорались горячие споры по ДР и ПкБ. Спасать ли детей или оборудование? Вмешиваться в чужую историю или нет? Володька мне потом сказал, что он даже не ожидал, что к нам так серьезно относятся, и что это — здорово. По статье ему сделали ряд замечаний, на мой взгляд, не суть существенных.

7. Объявился некий Мельников — режиссер Ленфильма, старый знакомец Ильи. Хочет ставить научно-фантастический сборник. На этой неделе буду вести с ним переговоры. Илья предварительно предложил ему: «ПНА» Стругацких, «Испытание» Лема и пару своих маленьких рассказов. Мне здорово неохота этим заниматься, но я дал согласие: Илья очень просил. По слухам, узнав о затее Одесской студии, Мельников нехорошо усмехнулся, сказал: «Ну-ну» — и заявил, что теперь, видно, дело пойдет на лад. Раз за НФ взялись толстые журналы, то и кино скоро за нее возьмется впритык.

8. Сюжет СвД излагал Адке. Ей очень понравилось. Она сказала, что это должно быть обязательно весело. Я тоже думаю, что это должна быть та самая легкомысленная вещь, которую мы все порываемся написать, but failed¹.

9. Что слышно:

а). О судьбе ТББ в «Москве»?

б). О судьбе ТББ в МолГв?

с). О нашей судьбе в ССП?

На сем целую, твой [подпись].

P. S. Как только получу номер и провожу тещу — вызываю тебя сюда — на бой кровавый, святой и правый.

¹ Здесь: но не сумели (англ.).

Аркадий — брату, 31 октября 1963, М. — Л.

Дорогой Борик!

1. О судьбе «Новой сигнальной». Сборник, как тебе известно, делает Киевская типография. Все они отпечатали и стали уже переплетать, но тут выяснилось, что обложки они заготовили по старому образцу — с громадным заголовком «Альманах “Мечта и наука”, выпуск 1». Едва успели их остановить. Сейчас Малинина и Дубровский уехали в Киев, вернутся числу к 4-му, привезут сигнал сборника и верстку второго сборника — «Черный столб».

2. Что до «НФ», то вокруг него идет какая-то неопрятная возня страхов, взаимного недоброжелательства и открытой глупости. Статья Травинского редактируется <Олегом> Соколовым — Малинина гордо отказалась, — и Соколов, возможно, числа 11 приедет в Ленинград говорить и работать с Володькой. Кроме того, Малинина ненавидит Громову и всемерно тормозит ее статьи о Леме и о советской утопии. Гнусность. Заказали статью о Леме, упрасивали, торопили, Ариадна бросила дела, отказалась от поездки в Чехию — написала, и вот пожалуйста. Затем опять заказали статью об утопии — опять торопили и упрасивали и опять тормозят. Как только вернутся они из Киева, буду говорить на басах. Хочу пригрозить, что уйду из редколлегии.

3. Получил от Володьки «Черные судьбы» и сценарий. «Черные судьбы» проглотил в два часа. Отлично написано. В лучших традициях прекрасных книг моей юности, пардон: помнишь — «Навстречу гибели» о Лаперузе Чуковского, «История одного неудачника» Шпанова о Папене — единственная шпановская вещь, которую можно назвать литературой без натяжек. В общем, поздравь Володьку и поблагодари. Никогда не думал, что о рабстве можно так сильно написать. Сценарий вовремя не подоспел. Придется посылать его в Киев почтой.

4. О затее Кана сообщу Дубровскому по приезде из Киева оного.

5. Пародия может считаться доброжелательной, если ей предшествует серьезная оценка вещи. А это — так, бесцветное хихиканье.

6. Я не согласен с Ильей и Сашкой <Копыловым> насчет лишности прологэпилога. Во-первых, они, вероятно, читали пролог в качестве «Дорожного знака», и это могло повлиять. Во-вторых, это обрамление я не могу рассматривать иначе, чем необходимое звено, связывающее Румату «небесного» с Руматой «земным». Без него повесть теряет в привязанности к Земле. Или что-то в этом роде. А что касается нашего с тобой отношения к ТББ, то я спрашивал тебя вовсе не для того, чтобы еще раз переделывать. Просто у меня больше не осталось о ней никаких впечатлений, и я хотел узнать твои.

7. О судьбе ТББ в «Москве» ничего пока не известно. А в «Мол<одой> гв<ардии>» — Бела еще в отпуске, приедет к праздникам, но Сергей Жемайтис прочел и говорит, что все в порядке. Что до нашей судьбы в ССП — не знаю. Даже о судьбе ССП не знаю. Сейчас идет колоссальная реорганизация издательств, вероятно, все этим заняты.

8. Север написал еще одну неплохую вещь — «Шесть гениев». О том, как парижская шансонетка познакомилась с пришельцами и что из этого вышло.

9. Планы свои я рассчитываю из того, что попаду в Л<енингра>д не раньше двадцатого. Правильно ли? Хочется а) как-то закончить работу над СвД, б) дожидаться тиража «Новой сигнальной» и в) запустить в дело сборник в «Мол<одой> гв<ардии>».

10. Я говорил с Дубровским. Наш «знаниевский» сборник будет иметь основой «ПкБ», к нему присовокупим «О странствующих» и еще два-три рассказа. Один — обработаем твой рассказик «Трудно быть богом» — помнишь? Я его привезу. Он очень в жилу пойдет, как одна возможная иллюстрация к ТББ.

11. Оно конечно, СвД будет вещь достаточно легкомысленная. Однако мне мнится другая легкомысленность — серьезная, на прочно-добротном фундаменте космических перелетов и прочего. Чтобы детишки читали и писали от волнения. Ну, об этом при встрече.

Вот пока все.
Привет всем, целую, твой Арк.

Борис — брату, 2 ноября 1963, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Ответы твои исчерпывающи, но, увы, неутешительны. Будем ждать, будем ждать. Звонил Володьке — сообщил ему твои комплименты. Он был очень рад и в свою очередь рассказал, что в ЦО «Правда» от 2 ноября с<его> г<ода> появилась обширная и благожелательная рецензия на его книжку (на взрослый вариант под названием «Как погибли миллионы негров»). Так что, если возникнут осложнения со статьей в альманахе, можно, недобро улыбнувшись, молвить: «А вы учитываете, что автор благожелательно отрецензирован в центральной «Правде»? А? Так что давайте-ка учтем...» Еще Володька просил, поелико возможно, выяснить, кто автор этой рецензии. Может, Ариадна знает? Она всех знает.

Теперь о ТББ. К мнению о некоторой неуместности и излишности прологоэпилога присоединились: Танька Калецкая и Димка Брускин. Правда, аргументация у них странноватая: пролэпилог, видите ли, выпадает из общего стиля. И очень хорошо, что выпадает. Так и надо. Но вообще они наговорили много чего и небезынтересно. По-видимому, все-таки необходимы следующие уточнения:

1. Прямо пояснить в прологе, что Арканария открыта недавно и ребяташки пользуются свежайшей информацией. Дать как-то понять, что Румата в прологе и Румата в эпилоге — это не одно и то же лицо, а лишь представитель одного и того же знатнейшего рода. Например, пусть в повести будет просто Румата, а в прологе — какой-нибудь Тер-Румата, причем на допросе у доня Рэбы Антон называет своего отца Тер-Руматой. Не все четко понимают, как связаны по времени пролог, текст и эпилог. Некоторых смущают упоминания в прологе тех же точно имен, что и в тексте.

2. Нужно прямо показать, что дону Окану прирезал Рэба отнюдь не из ревности, а из опасения, что она что-либо выболтала Румате. Иначе трудно понять, почему Румата не удвоил бдительности. Он должен был ждать мести. А так он знает, что Рэба боится любовников своих любовниц не как соперников, а как собирателей запретной информации. Кроме того, надо все-таки как-то упомянуть Окану как нечто задержавшееся в психике Руматы, а то уж больно бесследно она там пропадает.

3. Надо четче показать, что Рэба — агент Ордена, а то у некоторых создается впечатление, что Рэба просто призвал Орден, не умея сам справиться с серым движением. (Хотя и такая трактовка весьма хороша. Но нужно как-то определиться.)

Много возражений выдвигал Димка. Он заявил, что Эксперимент чрезмерно затянут, что землянам следовало бы все-таки за двадцать лет разобраться в происходящем и начать как-то действовать, — словом, он рассуждал примерно как Румата, и я не знаю, стоит ли принимать эти рассуждения во внимание.

Что касается твоего приезда, то я мечтал бы выписать тебя все-таки раньше, чем двадцатого. Конечно, если ты хочешь закончить перечисленные тобою дела — валяй. Ничего страшного не произойдет. Но я-то, вероятно, стану довольно свободным через два-три дня после праздников. Теща уезжает завтра. Номер нам дали было, но он оказался занят. Там живут клопы — тысячи клопов, миллионы — здоровенные, крепкие, наглые. В понедельник должны заняться их уничтожением, а сразу после праздников я, вероятно, перееду в гостиницу. Два-три дня на отдых маме — и, собственно, ты мог бы приезжать. Но тебе виднее. Если отложим твой приезд до двадцатого, то кончай заготовки по СВД, а я попытаюсь написать за это время парочку рассказов на одну из намеченных тем.

Да, встречался я с режиссером Мельниковым, о коем тебе писал, что, однако, не привлекло твоего внимания. Мельников мне не показался — туповат и банален в суждениях. Единственное его достоинство — очень хочет ставить фантастику. Думали

вчетвером (плюс Илья и Димка). Решили: идея киносборника — «Люди и людишки», содержание (предварительно) — «Извне», «Десантники» и два рассказа Ильи («Диктатор» и «Индекс Е-78»). Завалили Мельникова соответствующей литературой и отослали повышать культурный уровень. Посмотрим, что будет. Мне, сам понимаешь, все эти кина до лампочки. Исключительно из альтруизма ввязываюсь. Кстати, надлежит иметь в виду, что в конце ноября может состояться конференция в Одессе.

В таком вот аксепте. Крепко целую, твой [подпись].

Р<ost> Т<extum>. Да, прочел в «Звезде» повесть Лема «Крыса в лабиринте» в переводе Брускина. Как-то не очень. Похоже на «Солярис», но существенно хуже. А вот рассказик в знаниевском сборнике, тот, о солипсисте-практике, великолепен. А?

Аркадий — брату, 5 ноября 1963, М. — Л.

Дорогой Борик!

Ну, как водится, во первых строках поздравляю с Великим Праздником. Передай поздравление также Адке, а равно большие приветы всем нашим друзьям.

Теперь о деле. Последние три дня я был сильно занят. Дело в том, что приезжал из своего Мурома Рафка Нудельман и привозил свою статью о творчестве Стругацких. Довел он ее опять только до «Стажеров» и на «ПкБ» споткнулся. Хотел проверить свои взгляды на эту вещь из первоисточника. Разговаривали у Ариадны, было интересно, да ты его знаешь. Я ему вручил ТББ, взял у него статью, и мы на день разошлись. Статью я перепечатал. Вдвоем с Ленкой. В жизни не видел такого похабного почерка. Получилось 18 страниц через один интервал. Ужо привезу, считаешь, а пока скажу только, что Володьке Травинскому до нее далековато. Конечно, они просто разными методами пользовались, Рафка дает холодный логический анализ, а Володька — эмоциональный, но все же... Так вот, вчера с трепетом отправился опять к Ариадне на встречу с Нуделем. Он давал свою оценку ТББ. Первое, что он сказал, было: «Великолепно». Затем он объявил, что любит нас так же, как Лема. (А за день до этого, когда мы возвращались от Ариадны, он сказал, что надеется, что мы станем так же сильны, как Лем.) Затем сказал, что рад, что не писал о ТББ, — только теперь понял нашу концепцию. После этого три часа продолжался спор, правы мы или нет. В конце спора он махнул рукой и объявил, что лет через триста увидим, а пока плевать ему на идеи, он видит перед собой изумительную по мощи литературу, которую ощущаешь всеми органами чувств. Критиковал он вот что: декларации — это где Румата рассуждает о роли интеллигенции (но тут же, впрочем, объявил, что для нашего читателя это позарез нужно, и пусть так останется), сцена с Оканой непонятно для чего всунута (но тут же оговорился, что она необычайно смачна), усомнился в хронологии и не стал развивать свою мысль. Потом опять начался спор на общие темы, и он сказал: «Лем умно и безжалостно разрушает все мифы нашего века, а Стругацкие слабой логикой и отличной литературой ведут защиту этих мифов». На том мы и разошлись. Сейчас он будет «несмотря ни на что» писать продолжение статьи по «ПкБ», «ДР» и «ТББ». Как видишь, создается подпольная литература о нашем творчестве.

В «Знании» и «Мол<одой> гв<ардии>» без перемен. Малинина не вернулась из Киева, а Бела — из отпуска. После праздников пойду по ним. В «Москве» тоже все тихо. Зам<еститель> гл<авного> редактора, приятель Ефремова, подался в отъезд, а предварительно запер в свой стол ТББ и не велел никому прикасаться. Так что несогласованные действия Ариадны и Ивана Антоновича помешали друг другу. Ну, будем ждать.

Толя Днепров разродился в «Искателе» повестью «Гускарора». Это ужасно.

Рецензию на Травинского в «Правде» читал, очень рад за него. А человек этот — какой-то правдист, Ариадна его не знает.

Теперь о моем приезде. В общем, очень рад, что вас, наконец, устроили. Победа над клопами, чаю, будет одержана своевременно, и у нас с тобой открытое время. Т<аким>

о<бразом,> приезд мой ограничивается теперь только делами в Москве. Ты работай спокойно над рассказами, я буду здесь дожидаться исхода со сборником «Новая сигнальная» и, главное, судьбы «ТББ» в «Мол<одой> гв<ардии>». А пока потихоньку писать СвД. Но в самом крайнем случае приеду не позже 20-го. А если освобожусь раньше, просто дам телеграмму и приеду. Согласен?

Вот и все пока.

Целую, твой Арк.

Борис — брату, 9 ноября 1963, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Любопытно, любопытно, что там накарябал наш дорогой Кафка. Жду с нетерпением. Если говорить о его оценке ТББ, то, как ни крути, а вырисовывается определенная картина прорех (что-то вроде стереосхемы разбитого отражателя). По-видимому, кое-чем заняться придется. Придется обусловить неизбежность главы с Оканой; придется отработать хронологию; придется каким-то способом — может быть, самым примитивно-прямым — засветить историю Эксперимента. Уж очень тут на меня насаждают с неизменным: «Ну что это такое! Сидят — великие, могучие, всезнающие — двадцать лет и не сдвинулись ни на йоту! Ну хоть что-нибудь бы сделали!» Я им втолковываю: «В этом же и соль! В том-то все дело, что менять историю — посложнее, чем осуществлять нуль-транспортировку или даже разгадывать тайну Соляриса!» — «Ну и что же? Солярис — ясно любому — вещь суперзагадочная, а насчет феодального общества и сейчас уже порядочно известно». Короче говоря, широкие массы не видят ничего трудного в проблеме улучшения феодального мира, готовы проливать кровь в любых количествах во имя грядущего и раздражены колебаниями и чистоплюйством землян. Необходима какая-то контригра в этом направлении. Чтобы покончить с ТББ, хочу сообщить тебе мнение Володьки по одному вопросу. Володька считает, что постольку-поскольку это зависит от нас с тобой, надо сделать так, чтобы ТББ прошла незаметной. Я понимаю, что это не проблема № 1, однако я согласен, что могут быть крупные неприятности, причем с той стороны, с которой мы и не ожидали. Имеется в виду проблема подтягивания отсталых народов у нас на Земле, сейчас. На Земле сегодня это очень скользкая и важная проблема, и если какой-нибудь болван додумается, чтобы лягнуть ТББ в этом аспекте, может стать дурно. Так что пусть Рафка не особенно разгоняется в этом плане. И еще. Посмотрел я тут «Яков Свердлов» и подумал, а неплохо было бы продолжить ТББ: революция (победоносная), кровь, интриги, грязь, предательство, земляне, потерявшие Землю навсегда, символика и пр<очее>. А? Заметь, это была бы отнюдь не «Аэлита». Там люди отступили, ибо были бессильны. Здесь же они практически всемогущи.

Я наслаждаюсь всеми преимуществами нового положения. Встаю рано. Работаю, читаю. Дневник завел для дисциплины. Праздники меня, правда, слегка подкосили — записи стали кратки и содержат мало информации. Но кое-что я таки сделал. Написал рассказ. Условное название — «Попущение». Получилось 16 страниц. Давеча перечитал и решил, что доделывать ничего не буду — получился добротный, прочный скелет, который мы уже вдвоем превратим в тушку. А может быть, даже и вдохнем жизнь. Накупил книг по психологии, мучаюсь с этой отвратительной официальной тарбарщиной, затемняющей примитивнейшие факты и выводы. Но кое-что и любопытно. Фрейдизм, военная психология, промышленная психология. Читаю отличнейшую книгу: «Забавное евангелие, или Житие Иисуса Христа» Лео Таксиля — хохочу как дурак. Вот как надо писать антирелигиозную литературу!

Когда-то я писал тебе об одном чуде из Башкирии, который нашел меня в Пулкове и предложил писать сценарий по ПкБ. Получил недавно письмо от него. Оно меня умилило. Парень зажег своей идеей весь свой городок и снимает ПкБ своими силами. Саула играет директор местного Народного театра (засл<уженный> арт<ист>

Башк<ирской> АССР), Антона, Вадима и пр<очих> — артисты этого театра. Когда выпадет снег, начнутся массовые съемки, в коих примут участие школьники старших классов и комсомольцы. Снимают на репортажной кинокамере. Приятно, верно? Послал ему теплое письмо.

Теперь история рецензии на Володьку. Это забавно. Книгу его (взрослый вариант) прочел почему-то лично т<оварищ> Ильичев и страшно разорался: вот как надо писать, засранцы! Пишете околесицу, которую никто не читает, получаете кучи денег, а какой-то неизвестный Травинский без вашего ведома творит как бог! И сейчас же звонки, звонки, найти, обласкать, переиздать, кто он такой, вперед, скорей, хватайте, заказывайте!.. Володька уже планирует, как под все это дело отхватить квартиру. Но пока только вот рецензия (срочнейшая, немедленно, эй, кто там — писать быстро!) да переиздание в ближайшее время. И то хлеб.

А ты, значит, хочешь подождать до 20-го? Ну что ж. Можно и так. Будем ждать. Приезжать лучше всего, по-видимому, в пятницу. Предупредить за пару дней на всякий случай. Тогда сходу включимся на четыре дня в работу.

Засим крепко целую, всем привет, твой [подпись].

Р<ост> Т<extum>. Отписывай все новости — меня же расспрашивают все кому не лень. Как там с выборами меня в редколлегию? Жажду положения! Хочу рекомендовать и указывать на ошибки. А СвД пиши скелетно, не вдумывайся, давай сюжетную канву. Не ломай головы над фразами и хохмами — по-нашему, по-простому: он вошел, она ушла и пр.

Аркадий — брату, 11 ноября 1963, М. — Л.

Дорогой Борик.

Ответа на мое письмо я не дождался, да это не страшно. Дела обстоят таким образом. Кончились эти зас...е праздники, наконец, и вчера я обошел издательства. В «Знании» дела такие. Ждут сигнала числа пятнадцатого-двадцатого. Тьфу, надоело уже. Первый номер НФ почти готов, застопорило у них только со статьей. Сейчас гадают, поставить Травинского в первый выпуск или перевести его во второй, который пойдет сразу после первого. Несмотря на мои настояния, они считают, что там надо что-то еще подправить. В последнем случае в первый выпуск пойдет статья Громовой об утопиях (от Морриса до Стругацких). Я потребовал от Дубровского, чтобы меньше рассуждали и обсуждали, а скорее сдавали альманах в производство, все равно с какой статьей. Иначе никогда это дело с мертвой точки не сдвинется. Вообще там имеет место некоторая растерянность, вызванная тем, что Андреев в больнице. Кстати, я в праздники у него был и отвез ему ТББ. Есть уже слух, что он назвал повесть превосходной. Скоро уточню. В субботу мы договорились встретиться с Этингофом и Дубровским и они обещали мне твердо сказать, какие приняты решения и что дадут в альманах. Дубровский ТББ не читал, но горит уже желанием занять им большую часть второго альманаха, сразу весь, целиком. Полагаю, когда прочтет, — поостынет.

Был я и в «Мол<одой> гв<ардии>». Бела очень огорчилась, что я уезжаю. Двадцатого она сдает Полещука и сразу принимается за наш сборник. Мы договорились держать связь по телефону, а в случае надобности — либо она приедет в Л<енингра>д (что было бы лучше всего), либо мне придется на день-другой вернуться в Москву. В общем, терпение. Из «Москвы» тоже пока ничего нового.

Короче говоря, я свободен и могу приехать сразу после субботы. Скажем, в воскресенье утром. Если ты согласен и позволяет обстановка — немедленно дай знать. Хоть телеграммой, хоть письмом. Что же до «СвД», то я написал четыре главы, одна — собственно «Суэта» — у нас и так есть, остаются три. Полагаю, сумею набросать их до отъезда. А не сумею — и так сойдет. Всего пока имеют место 37 стр. Две главы по 12 и две по 6 стр. Все материалы по магам у меня, я их привезу.

Вот и все пока. Целую, твой Арк.
Поцелуй маму, посоветуйся с ней насчет приезда.

Борис — брату, 13 ноября 1963, Л. — М.

Дорогой Аркус!

Прежде всего о приезде. Обдумав и обсудив, мы пришли к выводу, что лучше тебе приезжать в четверг 21-го. Во-первых, в воскресенье приезжает в город Андрэ и работать трудно. Во-вторых, мама еще не вполне оправилась. В-третьих, у меня график работы такой: свободен в четверг, пятницу, субботу. И, наконец, приехав двадцать первого, ты привезешь больше новостей. Таковы подробности к полученной тобою телеграмме.

Что надо привезти:

1. Все материалы по СвД, старые и новые.
2. Подробный отчет об отношении общественности к ТББ (можно устный).
3. Подробный отчет о положении литературных дел.
4. Запас отличного настроения, бодрости и энергии.

Энергия нам понадобится для того, чтобы:

1. Написать СвД.
2. Отделать один рассказ и отделать или написать второй.
3. Произвести тщательное обсуждение всех упреков к ТББ и, возможно, внести соответствующие изменения и дополнения.
4. Обсудить разнообразные философские проблемы.

Итак, жду, жду, жду. Попробую накатать еще один рассказик. Идеи кое-какие есть.

Вчера было сборище в «Звезде». Читались новые рассказы. Шейкин, И. И. <Варшавский>, Шалимов. Шейкин написал довольно слабый рассказ с хорошим, впрочем, замыслом — показать, что земляне нашего времени совершенно (в среднем) не подготовлены к контакту с иными цивилизациями. И. И. дал один рассказик средненький, но зато второй — отличный: о сексуальной проблематике века автоматике. Шалимов неожиданно для всех разразился очень забавным рассказиком о путешествии в антими́р, неожиданно остроумным и славным — в стиле путешествий Ийона Тихого. В общем, время было проведено приятно и с пользой, после чего мы с Володькой час провожали друг друга и беседовали о судьбах человечества. Безрезультатно. Он дал хорошую идею: доказано наукой, что нас окружают микромиры разумных существ, так что каждое наше действие разрушает миллиарды цивилизаций. Как станет вести себя человечество? По моему, стоит подумать!

Ну вот пока и все. Сейчас у меня рабский период, но с завтрашнего дня начинается период свободного творчества. Попытаюсь накатать еще рассказик.

Целую. Жму. Жду, твой [подпись].

P. S. Привез бы хваленые рассказы Севера!

P. P. S. Выезд телеграфируй.

Аркадий — брату, 17 ноября 1963, М. — Л.

Дорогой Боб!

Получил письмо и телеграмму. И еще одну телеграмму. Справку высылаю. Правда, она 61-го года, но это никого не касается. Да и не заметят.

Я последнюю неделю мучился флюсом, сегодня выздоровел, завтра иду за билетом.

В «Мол<одой> гв<ардии>» нам сообщили, что встреча в ЦК ВЛКСМ состоится не то 25-го, не то 27-го, если нам пришлют приглашения — съездим в Москву на день-другой.

В «Москве» ТББ прочитала первая инстанция, сказали, что очень хорошо, только боятся. В «Знании» тоже прочитали, ухватились и требуют 2-й экземпляр. Завтра еду в «Знание» и все узнаю подробно, а то мне передавали это по телефону и по необходимости коротко и неясно.

Ну вот и все пока.

Больше писать не буду.

Привет всем, до встречи.

Твой [подпись].

Аркадий — брату, 30 декабря 1963, М. — Л.

Дорогой Бобка!

У нас все благополучно. Завтра Новый год, ожидаются толпы гостей, наши готовят все в изобилии, а главным образом китайский чифань. Ошанину подкинули новые компоненты китайского пайка — сушеных каракатиц, грибы муэр, калужью тешку, сычуанскую капусту и прочее. Каракатиц мелко нарезали, сейчас они набухают в теплой воде и ждут жарения с ростками бамбука. Пахнут. Гм.

Ну, о делах.

1. СВД и рассказы сдал на машинку, готово будет после праздников.

2. У Нины Матвеевны неприятности: в «Крокодиле» обругали морские легенды Смурова, а «Комсомолка» набросилась на очерк Горбовского, все это в последнем «Мире приключений». Вдобавок выяснилось, что в «Дебрях времени» много фактических ошибок.

3. Бела Григорьевна выходит после праздников, съездит на два дня в командировку в Ленинград и тогда возьмется за наш сборник.

4. Сборник «Фантастика-64» поручили составлять какому-то мальчишке из «Тех<ники —> Мол<одежи>». Он приценивался к нам, спрашивал, не можем ли мы что дать. Я сказал, что мы подумаем.

5. В Детгизе мне передали пришедшую на мое имя бандероль из Японии. Журнал «Эс-Эф магадзин». Там добросовестный и скрупулезный перевод «Частных предположений» под названием «Первая попытка». На заставке изображена красивая девочка лет пятнадцати (судя по лицу), с арбузообразными титьками, в трусах и бюстгальтере и с вот такими бедрами — японский вариант Ружены Кунертовой. В том же журнале статья японского фантаста Комацу Сакё — ответ на статью Ефремова, что в «Фантастике-62».

6. Виделся с Ариадной. Она уже говорила с Бабаевским и с юристами, перевод нашего дела в Комиссию СП РСФСР вполне реален, возможно, как она надеется, нас примут в феврале-марте. Я написал от нашего с тобой имени заявление под ее диктовку и отдал ей. Я спросил, не нужны ли еще специально рекомендации на тебя от ленинградцев, она сказала, что не помешают. Попробуй взять у Гора и еще кого-либо.

7. Ленка попросила написать, что она тебя очень любит. Да, читал я здесь в семье СВД. Всем очень понравилось. Дети плакали от смеха. Взрослые тож. Но семья, сами понимаете, не редакция.

8. Сейчас иду в Детгиз и «Знание». Всех поздравлю.

Взялся за Винера — читаю «Кибернетику и общество» — начал третий раз конспектируя. Плохо все-таки старик пишет. Простому человеку понять трудно. Или уж очень плохой перевод.

Вот все. Поздравляю, желаю и т. д.

Привет и поздравления всем, Адке особенно.

Борис Стругацкий. Письма супруге, 1963

Борис — супруге, 3 января 1963, Л. — Кисловодск, Горная станция

Дорогая Адока!

Вот и новый год. Вот я и на работе. Праздновали у нас, втроем. Было неплохо. Сидели до шести утра. Наталья <Свенцицкая> со страшной силой лакала водку. Чистяков тоже. Я пил лимонадик, будь он проклят.

В Пулкове все по-прежнему. Скучотища. Два дня работаю, но ни черта еще не делал, только спрограммировал табулятор для игры в семнадцать спичек. Это очень тривиальная по сути игра, но тривиальность хорошо замаскирована, а когда еще играешь с машиной, то это вообще производит большое впечатление. Дело в том, что в эту игру начинающий всегда проигрывает (начинающий — тот, кто делает первый ход и не знает алгоритма игры). Играл с машиной Витя <Новопашенный>. Уж он и потел, и прыгал, и скакал, и считал на пальцах, и краснел, и бледнел, но проигрывал каждый раз, являя собою тот элементарный факт, что машина вполне может быть умнее человека. По-моему, несмотря на мои объяснения, он так и не понял пока, что к чему, но очень доволен. Можешь с кем-нибудь поиграть. Правила такие: берется кучка из семнадцати спичек. Игра состоит в том, что каждый из двух партнеров по очереди имеет право при своем ходе взять одну, или две, или три спички из кучки. Проигрывает тот, кто вынужден взять последнюю спичку. Поскольку $17 = 4 \times 4 + 1$, то если твой противник начинает игру (делает первый ход), а ты каждый раз берешь столько спичек, чтобы в сумме со взятыми им они составили 4, то после четырех ходов останется одна спичка и взять ее будет вынужден твой противник, так как будет как раз его ход. Итак, пусть твой противник начинает, а ты в каждом ответном ходе бери дополнение до четырех (он возьмет одну, а ты — три; он — две, и ты — две; он три, ты — одну), и ты всегда будешь выигрывать к вящему изумлению окружающих. Чтобы запутать посильнее, можно либо брать не 17, а 21, или 25, или 29 или вообще $4k+1$ спичек, где k — целое число, либо при каждом ходе брать от одной до четырех спичек, тогда начальное число спичек должно быть $5k+1$, и брать надо дополнение до пяти. Думаю, это может позабавить. Сообрази сама, как надо играть, если ход первый попал к тебе, а твой противник не знает алгоритма (т. е. берет спички наугад).

Еще одна научная новость. Было выступление по телевиденью некоего академика Константинова относительно летающей машины Дина — помнишь, этот ящик с вращающимися эксцентриками внутри, который якобы способен был подниматься в воздух. Странное было выступление. Оказалось, что ящик поднимается не просто по воздуху, а по неподвижному стержню — так сказать, взбирается на него. Стоило из-за этого поднимать шум! Ясно, что это возможно! Либо Константинов сам чего-то недопонимает (но он имеет в руках патент Дина), либо чего-то напутали журналисты-сенсационисты.

Получил сегодня письмо от расточника А. Федорова из Рязани, который сообщает, что «не умеет выражаться цветисто и пышно, как восточные люди, и пылко и восторженно, как девушки, а поэтому может только сказать, что здорово, хорошо и увлекательно» мы пишем. Хвалит «В» и «С», считает, что будущее так и будет выглядеть, как у нас. Очень приятно было получить такое письмо. Сейчас буду писать ему ответ, хотя ужасно хочется спать.

А от тебя я письма не получил. А предпочел бы.

Маме стало полегче. Здесь ходят слухи, что на Солнце были какие-то извержения и из-за этого-то и страдали все сердечники. Действительно, очень многие из знакомых сердечников плохо себя чувствовали последние полмесяца.

В Пулкове все обыкновенно. Панова ничего. Чистяков бодр и влюблен в девочку. Копылов исчез и не появляется; говорят — у него депрессия и паранойя. Витя

начальственно бездельничает и заседает. Соболева назначили секретарем парторганизации. К Госачинским приехали родственники — папа Г. и сестра Г. Радость Мидии не поддается описанию и с трудом размещается на оставшейся жилплощади. Тимашкову не видел ни разу. Толя <Ефимов> взъерошен и не посещает столовую из принципа с тех пор, как обнаружил червяка в котлете.

Крепко тебя целую, жду, твой верный [подпись].

Борис — супруге, 9 января 1963, Л. — Кисловодск, Горная станция

Дорогая Адока!

Скоро мы уже и встретимся. Наверное, тебе там надоело хуже горькой редьки, и ты рвешься домой. Хочется думать, что это так. У нас все по-прежнему. Я совершенно не обладаю твоей способностью писать о самых обыкновенных вещах так, чтобы было интересно, поэтому я в отчаянии. Хочется сообщить что-нибудь нетривиальное, а все события лежат в такой банальной области, что хоть плачь. Вот сегодня весь день напролет возился с ЭВ. Славная машина, но надо ее осваивать, а это нудно, долго и трудно. Впрочем, сегодня я знаю уже значительно больше, чем вчера, и это утешает. Видел сегодня только Юрку <Чистякова> и Галку <Панову>. Вместе обедали, а потом пошли на кухню и там с Госачинскими курили. Разговаривали в основном о сборнике «Фантастика-62». Игорю понравились «Глеги» и не понравилась «Попытка к бегству». Юре понравилась «ПкБ». Мне «ПкБ» кажется лучшим из сборника, но все равно не нравится. И всем понравился Лагин, хотя, по-моему, он писал это как-то наспех. Хороша в основном идея, а в сюжете слишком мало выдумки, столь характерной для Лагина. Старее парень. Писать ничего сейчас не могу. Как-то особенно сильно устаю на работе и по дороге. Дома все время хочется спать, а ложишься — и не спишь. Лениво читаю книжку «Столкновение в океане» одного американского журналиста со странной фамилией Москоу (пишется Moscow). Книга содержит подробную историю столкновения у берегов Америки двух океанских лайнеров, от момента столкновения до конца судебного процесса. Масса любопытных и даже жутких подробностей, но читается трудно. Не люблю я все-таки фактическую литературу. Куда интереснее о подобных вещах рассказывает И. И. Варшавский, особенно пока трезв. Как он плыл через Ладожское озеро во время войны на барже, влекомой буксирчиком, и баржа посреди озера развалилась на волне. Буксир торопливо обрубил трос и удрал. Погибли почти все: там переправлялся весь состав ВМА и училища Фрунзе и еще разный пехотный и морской народ. Буксир был повернут к месту крушения тральщиком сторожевого отряда, но когда вернулся, то подобрал четырнадцать человек из четырехсот или пятисот. Извлекли из воды также девицу — совершенно голую и полусумасшедшую. Никто не знал, кто она такая, и она сама ничего не могла сообщить и только истерически хохотала. Потом их переправили на другой берег и в тот же вечер Варшавского арестовали, т. к. документы все у него утонули, а сам он, сбросив все теплое, остался в заграничном легком шерстяном костюме непривычного вида и расцветки. Как шпиона его приговорили к расстрелу, и расстреляли бы, если бы на суде не оказался человек, знавший его лично.

Прислал письмо Арк, но ничего особенного не сообщает. Дела всё узко местные и тебе не интересные. Мама все болеет.

Ну, крепко тебя целую, моя любимая. Твой [подпись].

Борис — супруге, 14 января 1963, Л. — Кисловодск, Горная станция

Дорогая моя Адока!

Как жалко, что все так неудачно получается. Вот проклятье! То я не могу, то ты не можешь. И после этого еще смеют говорить: единое, мол, счастье — работа. Одни страдания от нее. Я зачел Поттеру отрывок из твоего письма насчет перекосившейся кассеты. Он сразу громко закричал: «Да! Да! Да-да-да-да!» и принялся в волнении скакать по столам и стульям. Выяснилось, что у них тоже часть пластинок испорчена этим же эффектом, и они ломают голову, откуда сей перекосяк взялся. Видел еще сегодня Дейча. Он сказал: «Э-э-э... М-м. А Ада вам пишет?» Я сказал, что ты собираешься написать. Он сказал, что надо было бы тебе наблюдать Меркурий и надо было бы тебе об этом написать и он, пожалуй, сейчас пойдет и напишет, но только стоит ли: Меркурий уже ушел или не ушел? Я сказал, что не знаю. Тогда он спросил, скоро ли ты приедешь. Я сказал, что установилась погода и ты хочешь задержаться и понаблюдать. Что понаблюдать? — спросил он. — Венера же будет совсем низко. Я сказал, что представления не имею и что Аде виднее. В процессе разговора он поднимался по лестнице на второй этаж к себе, а я спускался в подвал к себе, поэтому последние фразы его (и мои, наверное) остались неслышанными. Он еще что-то там бубнил наверху. Что-то вроде: «Пожалуй, я напишу... Да, сейчас, пожалуй, и напишу... А может быть, не стоит?»

Что касается Андрюшки, то я бы предложил следующий план действий. Раз Антонина Николаевна <Карпелюк> себя плохо чувствует (что меня не удивляет в свете резвости этого поросенка и солнечной активности), то ехать ей сюда и страдать по вагонам, по-моему, не следует. Ты приезжай, как только сможешь — сможешь же ты приехать хотя бы к 25–28?? И сразу возьмешь отпуск и слетаешь за Андрюхой. Я, если хочешь, могу взять тебе заранее билет, но для этого я должен знать достаточно точно, когда ты появишься. А что касается номера, то я начну его выхлопывать, начиная с двадцатого и ориентируясь на последние числа января. По-моему, план вполне реальный. Напиши мне обязательно, что ты думаешь по этому поводу.

Деньги тебе выслал сегодня. Книжки — давно, дней пять назад. Немного беспокоюсь, почему ничего о них не пишешь. Не получила? Или не понравилось? Тоже напиши.

Я жду твоего приезда, чтобы прочитать тебе «Радугу» (никому не читаю, жду тебя) и Димкин <Брускина> перевод «Тринадцатого путешествия Йона Тихого» — обхохочешься до слез.

В субботу наша четверка посетила Готлибов. Провели, кажется, хороший вечер. Во всяком случае, мне было неплохо. А в воскресенье я был у Травинских: водка, треп и чтение. Володька читал «Черные судьбы» и свои стихи — и то и другое здорово. Таня <Калецкая> читала свой новый рассказ о культе личности — всем понравилось, мне — нет. Все были пьяны, я — трезв, в этом, вероятно, все дело. Потом Хейфец порывался прочесть свою «Народную волю», но все уже нализались и спорили о Танькином рассказе, но он все-таки оттащил в сторону Варшавского и читал ему, заливаясь, по своему обыкновению, смехом. Краем глаза я видел, как Варшавский хватает его за голову и целует в лоб, а краем уха слышал, как он кричит: «Мишенька, я вам гарантирую, что только очень глупый цензор Главлита пропустит эту вещь!»

Кроме обычных были еще двое: Володькин приятель — дяденька, работающий в астраханском заповеднике (он поклонник бр. Стругацких, очень приглашал к себе в гости, надо бы воспользоваться, хоть я и забыл, как его зовут) и Танькина подруга Элина с какой-то злокачественной фамилией (то ли Форсберг, то ли Вейсмерг), которой я как дважды два доказал, что она ничего не петрит в фантастике, и которая назвала меня дураком, когда Брускин начал читать стихи какого-то Горбовского, а я сказал, что они —

дерьмо. Впрочем, она мне понравилась, да и тебе бы понравилась, но не знаю, увидим ли мы еще ее когда-нибудь. Все эти Танькины подружки появляются один раз и исчезают навсегда. Танька и Хейфец шлют тебе большие приветы каждый раз, как я их вижу. Варшавский часто о тебе спрашивает, но никак не может уяснить, что ты в командировке, может быть, из-за того, что каждый раз бывает пьян в сосиску. А ведь прекрасный человек! По-моему, ты его не оценила как следует. Ну, еще оценишь! А жена у него просто прелесть — большая в прошлом подруга Маяковского и Брик. Очень милая женщина.

В общем, я тебя жду и надеюсь все-таки, что ты приедешь не позже 23-го, и мы с тобой проживем хорошей жизнью, и я буду выполнять все твои желания.

Крепко тебя целую, твой любящий [подпись].

Борис — супруге, 20 января 1963, Л. — Кисловодск

Дорогая Адока!

Жду-жду от тебя письма, а его все нет. Это очень грустно и портит настроение. Новостей особых нет. Давеча вызвал меня к себе комендант и напомнил, что у нас, оказывается, не заплачено за сентябрь. Все было вежливо и хорошо, я с наивозможнейшей поспешностью уладил это дело, уплатив рубль с лишним пени. Ума не приложу, как это мы с тобой прошлепали. Наверно, из-за моей поездки на юг. Примерно в то же время эта с... Валя выкинула новый фортель: написала на Аркашкином письме, пришедшем в гостиницу, что «Стругацкий не проживает», и сдала письмо на почту. К счастью, нашлись добрые люди и предупредили меня. Я с ней цапаться не стал. Я человек простой и недаром энное время служу под командой т<оварища> Положенцева: я пошел и пожаловался на нее коменданту, разъяснив, что пять лет здесь работаю и ничего подобного не было, а тут вот — обратите внимание. Не знаю, говорил ли он с ней по этому поводу, но, во всяком случае, когда на другой день мне довелось беседовать с нею по какому-то гостиничному вопросу, она была необычайно мила и вежлива и даже называла меня не Стругацкий, как обычно, а — Борис. Я тоже старался быть максимально предупредителен, ибо завтра иду по этапу улаживать снова вопрос о номере. Ох, и тошное же это занятие: комендант, Гашков, Положенцев, снова Гашков, снова комендант, Валя... Бр-р-р!!! Буду стараться, чтобы номер дали числа с двадцать седьмого-восьмого, чтобы был запас времени для перетаскивания барахла и устройства домхозяйства.

Вчера был зван к Лукончику на день рождения. Было неплохо. Но как-то не то. Не знаю, в чем дело, но все они кажутся мне более скучными, чем наша пятерка или писательская компания. Это очень огорчительно, но ничего не поделаешь. Как и положено, все напились, а я уныло сосал сначала томатный сок, а потом кофе, из-за чего не мог заснуть до шести утра. Встал сегодня в три.

Копылов бодр и весел. Ему удалось решить какую-то там конструктивную задачу по новой большой антенне. Над этой задачей три года билось все КБ Шахбазяна, а Сашенька решил ее за три часа и удостоился огромных похвал. Судя по высказываниям радистов — высказываниям насмешливым, но полным почтительности — сделано, действительно, нечто грандиозное. С Чистяковым был у нас по этому поводу диспут на тему «Гений ли Копылов». Пришли к выводу, что нет, не гений, а всего-навсего быстроумец.

У Чистякова вырос на носу прыщ. Панова осталась Пановой. Витенька <Новопашенный> ездил в Москву и привез оттуда рахат-лукум. Мы его съели без Пановой, и был по этому поводу хлоп дверью. Тимошкина бодра. Михайлова отставили с поста преастросовета по собственному желанию. Вчера корректировал статьи сборника астрометрической конференции и особое внимание уделил статье моей Адоки. Она у тебя выглядит очень солидно, только фотографии поганые — ничего не разобрать.

Я очень тебя жду и сильно надеюсь, что ты этого письма не получишь. А если и получишь, то как раз накануне отъезда, в самую последнюю минуту. Почему ты не пишешь?

Крепко тебя целую, твой верный и любящий [подпись].

P. S. Привет от мамы. Она чувствует себя странно. Дома ей вполне хорошо, а на улицу выходить просто нельзя — сразу невыносимая боль в груди. Сначала мы думали — от морозов, морозы были страшные, но теперь уж и морозов нет, а лучше не стало.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий **Рабочие записи, 1963**

Необычайно развитое чувство ненависти. Утилитаризм. До предела доведенная косность мысли. Только техника. Крики радости по поводу изобретения нового вида снегоочистителя. Замалчивание идеи иных цивилизаций. Астрономия отсутствует: вечная облачность, слой, поглощающий видимый свет и переизлучающий так, что все небо кажется равномерно освещенным. Бешеная борьба с мыслью о неединственности и неизбранности. Метафоричность и детерминизм, доведенный до абсурда.

Бенни приземляется на загородной вилле одного из правителей. Развлечения деток. Его принимают за служителя. Охрана принимает за гостя. Живет там некоторое время и приживается. Чудовищное самодурство. Неприкрытая коррупция. Газеты полны радостных известий. Идея всеобщей предопределенности. Все известно, и человек лишь следует управляющим им импульсам. Людям и в голову не приходит, что они живут и действуют самостоятельно. Атмосфера практически не пропускает радиоволн. Имеющиеся окна перекрыты глушилками. Огромный институт, изучающий причины непрекращающегося гула в «окнах». Его ракету принимают за абстрактную скульптуру. Толкуются рядом детки и восхищаются: он ставит анализатор и изучает язык.

Скука. Канонизированные удовольствия. Это должна быть страна мещан. Поголовных. Не желающих знать и думать. На любую идею вопрос: «А зачем мне это?» История Бенни — история попытки связи с кораблем, крутящимся вокруг и ждущим его.

Уровень цивилизации — ниже. Машины не останавливаются. Примерно наше время.

Есть другие государства, о которых известно только, что там мор, глад, притеснения, угроза.

Резкий контраст между тем, что видит и слышит Бенни на вилле (свобода высказываний, разнообразие мнений, веселая, хотя и жестокая жизнь) и снаружи: скука, благонамеренность и здравомыслие.

Мещанский рай: чистота, культура, вежливость, скука, сытость и стимул только один — сохранить состояние, в котором находишься. Общество, зашедшее в тупик. Мутанты и ненависть к ним. Охоты за мутантами.

Он выбирается за пределы виллы, и его принимают сначала за беглеца и долго его оберегают и прячут.

Единственный вид литературы — фантастика.

Контора по прокату машин времени. Воскресные прогулки в недалекое будущее. Только с экскурсоводом. (Гигантский блеф?)

Управляет чудовищная машина, давно уже вышедшая из подчинения, и ее жрецы ни черта не могут, не знают, как ее остановить и чем все это кончится.

Великий чрезвычайно популярный поэт — в жутком одиночестве.

Люди стыдятся обнаружить способности и найти что-нибудь новое. Это считается дурным тоном, чем-то вроде пьянства на людях.

Был великий ученый, который все это предсказал, и так оно и вышло.

Аркадий Стругацкий. Дневник, 1961–1965

6 января 1963 года (воскресенье)

Дома. Квартира отремонтирована отлично. И комната — великолепно. Сегодня приводил в порядок ефремовский стол.

Вышла «Фантастика, 1962 год». Всем нравится «Попытка к бегству». Альманах «Мечта и наука» еще не сдан. Статья Громовой вызвала в семье разногласия.

Был у Севера <Гансовского>, у Олежки Соколова, вчера — у Ефремова на новой квартире. Он живет совсем рядом с Нелькой и Витькой <Гайдадымовыми>.

Хочется писать «Кракен». «Стажеров» и «Фантастику» отослал Борису, письма — маме и Борису.

9 января 1963 г. (среда)

С Борисом в расчете. Отослал ему все книги и экземпляр «Дал<екой> Радуги». Андреев все дни пьян, его кладут в неврологическую клинику. Звонил, терзал меня неразборчивыми речами и упал у телефона. Жена подхватила трубку и сказала, что договорим после.

Сегодня нужно было ехать в «Знание», да я не поехал, не хочется. Собственно, номер уже почти готов, осталось только несколько рецензий. Сидел сегодня, перечитывал «ДР» — ничего, только как-то плоско. Был у Нины <Берковой>. Обговорили условия моего ухода из Детгиза, побеседовали о нашей вещи для Детгиза.

Прочитал «Дракулу» Брэма Стокера — сначала было жутко, потом из-за соплей и многословия впечатление исчезло. Последние страницы читал уже кое-как.

Вчера вечером крепко выпили с Крыской. Она все уговаривает взяться за «Кракена», да я и сам знаю, но нужно еще много думать.

И еще нужна повесть о конкистадорах на другой планете.

22 января (вторник) 1963 г.

О «Далекой Радуге» — неясные и разноречивые мнения. Андреев написал рецензию какую-то бестолковую, безо всякого позитивного элемента. Н. Беркова говорит, что хорошо, однако не напечатает. Говорит, даже всплакнула, когда читала. В «Мол<одой> гв<ардии>» еще не читали.

С альманахом какая-то моча, никак не выберемся на прямую дорогу. Статью Дмитревского мы с Борисом требуем вставить при любых обстоятельствах. Сейчас Дмитревский приехал, но его статью там потеряли. Я уж расстараясь и помогу ему ее довести — ему жена пришлет.

Приехал Варшавский, мы с ним хватили коньячку, а засим (18.1) ходили на обсуждение «Мира приключений». Обсуждение прошло хорошо, Стругацких хвалили.

Сегодня звонил Феликс Дектор, говорит, что в следующем № «Лит<ературной> газ<еты>» будет рецензия на «Возвращение». Поглядим.

Прочитал Кингсли Эмиса «New Maps of Hell». Читать очень трудно, но одолел. Ничего. Пишу «Кракена» — две главы по 6 стр. уже есть. И начало третьей.

Говорил с Зыслиным. Обещал к октябрю повесть о конкистадорах. Черт, надо ее назвать как-нибудь, а то неудобно как-то.

17 февраля (воскресенье) 1963

Вкальваю в Детгизе. Едва-едва половина Чижевского готова, а впереди еще Пальман!

Выходные и домашние дни упорно, по три страницы в день пишу «Кракена». Теперь 50 стр. Восемь глав. Книга растягивается. Читал Ленке, говорит, что очень хорошо. А я не могу судить. Впрочем, мне нравится.

«Мечта и наука» все еще не в производстве. Теперь там «Далекая Радуга».

Никаких рецензий, конечно, не было. Надоело все это. Рецензии, по слухам, надо организовывать. Ну это уж дудки. Таким дерьмом заниматься мы не будем.

«Седьмое небо» надо писать, и переводить надо, а времени нет. И с Севером общаться надобно зело.

11 марта (понедельник) 1963 г.

Первый день на воле. Штык в землю. Будем корпеть дома.

«Мечта и наука» все еще не в производстве!

«Дни Кракена» все еще 50–55 страниц!

«Седьмое небо» все еще надо писать!

Переводить все еще надо!

Будто ничего не сдвинулось за это время. Но все же сдвинулось. «Кракен» переписан на 3-е лицо. «Пионовый фонарь» отдан на черновик Рахиму Зея Харуну аль Каири.

20 апреля (суббота) 1963 г.

«Кракена» написал 86 стр. Прочитал Гансовскому. Север одобрил, но покритиковал. 12–16 был в Ленинграде. Борис «Кракена» разгромил, падонок. Составили приличный план «Наблюдателя» (бывш<ее> «Седьмое небо»).

Вчера подрядился писать сценарий для диафильма по «Частным предположениям».

Сейчас собираюсь переделывать «Кракена».

Дел много:

- 1) «Кракен».
- 2) «Пионовый фонарь».
- 3) Сценарий.
- 4) Японская фантастика.

Прочитал «Хулио Хуренито» и «Трест ДЕ» и «13 трубок».

«Хулио» — необычайно умная проза, изумительная вещь. Читал насквозь.

«Трест» — немного наивно сейчас, но тоже здорово.

«Трубки» — хорошо. Молодчина Илья Эренбург.

Да, было расширенное совещание секции фантастов. Скандал с Казанцевым. Писать лень.

12 августа 1963 (понедельник)

Вес 92,4.

13 августа 1963 г. (вторник)

Вес 92,05.

Тоже мне дневник.

В июне написано «Трудно быть богом». Сейчас колеблемся, неизвестно, куда давать. В «Детгиз» не возьмут. М<ожет> б<ыть,> попробовать в «Новый мир»?

В июле всей семьей были в Прибалтике, на о<стро>ве Булли, за мостом от Val der Aa. Загорел, похудел. Сейчас продолжаю худеть, сижу на диете. Жокейская диета: ни супов, ни каш. Немного мяса, овощи, арбуз, коньяк.

Регулярно и методически делаю «Пионовый фонарь» — по 5 страниц в день. Вдохновлен статьями Чуковского. Беда в том только, что неизвестно, какие слова японские жаргонные, какие простые, какие пышные. Действую инстинктом.

На 1964 год у нас два сборника: «Далекая Радуга» в «Мол<одой> гв<ардии>» и «Попытка к бегству» в «Знании». Это я так разделил, вернее, мы с Борисом. Хотим <в> молодоговардейский сборник дать все о Горбовском, а в «Знание» — тема антифашистская. Можно тогда будет и предисловие сделать.

Сегодня в военкомат.

«Мечта и наука»:

1-й вып<уск> — сверка.

2-й -" — производство.

3-й -" — готовится.

14 августа (среда) 63

Вес 91,1.

В военк<ома>те дали новое предписание.

Вчера с Крысью выпили, читали старые письма.

Как я быстро худею на жокейской диете!

17 августа (суббота) 63

вес 92,0

Вчера зарубил блинчиков с вареньем. Письмо от Бориса. Жму «Пионовый фонарь». Нынче идем провожать Валентину <Глухову>. Завтра — к И. А. Ефремову.

Самое главное — «Мечту и науку» в 1963 г. запретили. Дерьмо.

21 августа (среда) 63

Вес 91,8.

6 сентября (пятница) 63

Сентябрь, а погода совершенно летняя. 20–25°.

Сижу над «Пионовым фонарем», вышел во 2-ю половину.

Приезжал Борис, три дня сидели, кое-что переделали в «ТББ», составили план на «Суету вокруг дивана», попробовали представить сюжет «Крысы» — дневник писателя, попавшего в соседство с новыми наркоманами — электронного типа.

Борьке необходимо уйти с работы, иначе у нас многое пропадает. Славно мы проводили вечера — читали о генетике, спорили о философии, о л<итерату>ре.

В «Знании» какая-то ерунда. Говорят, альманах все же будет. ЦК якобы обязал этих трусов работать. Так они, чтобы ответственность с себя снять, послали на утверждение в ЦК список редколлегии. Смех!

21 сентября 63 г. (суббота)

Уезжаю в Ленинград, мама еще на юге, будем опять вдвоем с Борькой добывать «ТББ».

Сегодня отнес 1-й вариант в «Мол^одую» гв^{ар}дию». Есть проект издать ДР не с ПкБ, а с ТББ. На мой вкус, это будет хорошо.

Сегодня же отнес в Гослитиздат «Пионовый фонарь». Сегодня же Витя Санович отнес его Вере Николаевне <Марковой>.

А на днях история с кинообъединением при студии Довженко.

5 октября 1963 г. (суббота)

Позавчера вернулся из Л^{енингра}да. Поработали отлично. Окончательно закончили «Трудно быть богом» и наметили новые работы. Написали заявки на «Понедельник начинается в субботу» и «Хищные вещи века».

Пока не был в Москве, пришло мне и Бобу приглашение участвовать на встрече с киноработниками в Одессе. Встреча будет в конце ноября.

Бела <Клюева> уезжает в отпуск. ТББ в первом варианте в редакции не понравился. Ну, ничего, пусть почитают окончательный. Пока Жемайтис будет читать и ждать Белу, попытаюсь сунуть ТББ в «Москву».

Что же у нас есть?

- 1) «Далекая Радуга» в сборнике «Знание» должна вот-вот выйти.
- 2) «О странствующих и путешествующих» в «Фантастике-63», вторая сверка.
- 3) «Пионовый фонарь» сдан в Гослитиздат.
- 4) План ближайший — «Суэта вокруг дивана».
- 5) План на 64-й — «ПНвС», «ХВВ».

22 октября (вторник) 63 г.

Нынче под «Пионовый фонарь» получил по одобрению 458 ру. А налогов взяли 22 ру.

27 октября (воскресенье) 63 г.

На руках еще 3 экз ТББ.

Борису разрешили переход на полставки.

Не работается.

«The darkness of the mind, the bleakness of the thought, the shallowness of purpose. These were the werewolves of the world».

(«Time is the simplest thing». Clifford Simak)

«Темнота ума, холодность мысли, мелочность цели. Таковы они были, оборотни нашего мира».

(«Нет ничего проще времени». Клиффорд Саймак)

«Темный ум, холодная мысль, мелкая цель. Вот какие они были — оборотни нашего мира».

16 ноября (суббота) 1963

Со вторника сажу с флюсом, что-то затянулось, а надобно ехать в Л^{енингра}д. Еду 20-го — удобно во всех отношениях.

<...> Надоели эти слезы и сопли смертельно, работать невозможно, линия Москва — Л<енингра>д перегружена. Одновременно другая трагедия: Алексей <Фортунатов> проваливается в школе и жаждет уйти работать. Я его понимаю. Балбесу 19-й год, а ему двойки за неграмотность.

Но это все г... В каком положении главное?

Один экз. ТББ — в «Москве». Кто-то уже прочел, полюбил, но боится.

Один экз. ТББ в «Знании». Дубровскому нравится. Всем там пока нравится. Сегодня просили принести еще один.

ТББ в «Мол<одой> гв<ардии>». Бела еще не читала. Она сдает Полещука, а с 20-го принимается за нас.

Я за последний месяц набросал «Суету вокруг дивана» почти всю, осталось две главы, черновики для которых у Борьки.

Встречался у Ариадны <Громовой> с Нудельманом. Отличный парень, умница каких мало. Люблю его.

В конце этого месяца состоится, наконец, встреча в ЦК ВЛКСМ у Камшалова. Я, поразмыслив, основной задачей этой встречи считаю отвоевание «Искателя». Только навряд ли выйдет.

А последние дни ничего не делаю. Должен буду, правда, переводить Абэ Кобо — для «НФ» или для «30 дней» — по заданию Кима.

Аркадий Стругацкий **Дневник приездов в Ленинград, 1962–1970**

14.04.63. Приезжал с Крысой на четыре дня. Составляли план «Наблюдателя».

Приехал 21.11.63 писать СВД. Нынче 27.11.

28.11. Сделано 8 стр. III главы СВД. Спор о беспокойном коммунизме. Кровавые конфликты против розовости.

4.12. Бебс приехал из Пулково.

5.12. СВД — осталась последняя глава.

6.12. «Козара»

7.12. СВД окончена.

13.12. После 3-дневн<ой> побывки в Л<енингра>де Гор читал про кольцо. Написали главу про Арату.

14.12.63. Начата чистовая работа СВД.

19.12.63.

20.12.63. Пирушка: И<лья> И<осифович> <Варшавский>, Брускин, Травинские.

23.12.63. Остался рассказ «1-е люди на 1-м плоту».

24.12.63. Работа закончена. Завтра отъезд.

25.12.63. Конец.

1) Суета.

2) Арата.

3) БЗЛ.

4) КВоЦ.

5) ПЛнПП.

Аркадий Стругацкий. Дневник, 1963–1970

1963 год, ОКТЯБРЬ

7, понедельник

А. К 10.00 в «Знание» к Этингофу.

8, вторник

А. Звонить в «Знание» относительно названия альманаха.

Б. К Марковой за рукописью «Фонаря» и предисловием и рецензией. [Пункт вычеркнут.]

9, среда

А. В Детгиз за рукописью ТББ.

Б. В Гослитиздат с рукописью «Фонаря» и прочим. [Пункт вычеркнут.]

В. Встретиться с Севером.

Г. К Марковой за рукописью «Фонаря» и предисловием с рецензией. К 19.00.

10, четверг

А. Отвезти в «Мол<одую> гв<ардию>» экземпляр ТББ. [Пункт вычеркнут.]

Б. Связаться с Громовой относительно ТББ в «Москву».

В. Вечеринка у Соколова? [Пункт вычеркнут.]

Г. В Гослитиздат с «Фонарем» и прочим. [Пункт вычеркнут.]

Д. С 14 до 17 в «Диафильм» (Галина Яковлевна <Калашникова>).

Е. Отправить ТББ Борису. [Пункт вычеркнут.]

11, пятница

А. Зайти в Детгиз, отнести заявку на «Понедельник», взять на рецензию у Мальковой.

Б. Отправить ТББ Борису и письмо.

[План на предстоящие дни]

Закончить сценарий для короткометражки.

Работать с «Суемой вокруг дивана».

Продолжать с Лемом.

12, суббота

А. Отвезти ТББ Жемайтису, взять днепровский сценарий. [Пункт вычеркнут.]

Б. Вечеринка у Соколова.

В. С 9.30 В. Санович придет с переводом.

13, воскресенье

- А. Рецензия на «The Sands of Mars».
- Б. Обработать диафильм.

14, понедельник

- А. Встреча фантастов в «Мол<одой> гв<ардии>».
- Б. Забросить ТББ Громовой для передачи в «Москву».
- В. Отвезти в З–С пародию (ок<оло> 16.00).
- Г. Отвезти ТББ Жемайтису, взять Днепровский сценарий.
- Д. В 13.00 Санович. [Пункт вычеркнут.]

15, вторник

- А. 9.30 — Санович с «Фонарем».

[План на предстоящие дни]

- Написать рецензию на «The Sands of Mars».
- Рецензия на «Лезвие бритвы».
- «В мире книг», ул. Маркса-Энгельса 14, Прокопенко, Б–2–83–73.

17, четверг

- а) Отправить обратно на «Диафильм» исправленный сценарий. [Пункт вычеркнут.]
- б) Подготовить рецензию на «Лезвие бритвы».
- в) Сходить к Ефремову за черновиком рецензии.
- г)

18, пятница

- а) Подготовить и отправить рецензию на «Лезвие бритвы».
- б) Отнести исправленный сценарий «Диафильма».
- в) Зайти в Детгиз и в «Знание».

19, суббота

- а) В гости к Джереми <Парнову>.

20, воскресенье

- а) Будет звонить Мих<аил> Федорович <Карюков>?

21, понедельник

- а) Съездить к Нине за ТББ в Детгиз.
- б) К Коротееву в «Мол<одую> гв<ардию>» за Голубевской вещью на рецензию.

[План на предстоящие дни]

Сценарий для диафильма.
«Суета вокруг дивана».

25, пятница

а) 18.00. Гостиница «Юность», 30-летие «Техники — молодежи».

26, суббота

а) У тети Мани <Теселько>.

27, воскресенье

а) Будет звонить Карюков.

28, понедельник

а) Совещание фантастов, 17.00.

29, вторник

а) 12.00, Мосфильм, 2-е объединение, Скидоненко, ком<ната> 508.

НОЯБРЬ**2, суббота**

- 1) Ответить на письма Закладного и Блока. [Перенесено на следующий день.]
- 2) Написать Ляпунову смысл «Возвращения» и «Стажеров».
- 3) У Громовой с Нудельманом в 20.00.

3, воскресенье

- а) Приедет Север <Гансовский> вечером?
- б) Перепечатать статью Нудельмана.

4, понедельник

- а) Вернутся из Киева Дубровский и Малинина (?). Зайти и настоять на том, чтобы поместили статью Громовой.
- б) Встретиться с Рафаилом <Нудельманом> у Громовой по поводу его статьи. По поводу ТББ.

5, вторник

- а) Письма Борису и Ляпуну.
- б) Купить вино на завтра.
- в) Манин придет.

г) Придет курьер с Голубевым.

[План на предстоящие дни]

Продолжать «Суету вокруг дивана».
Чтение японщины.

6, среда

а) Вечер у Ариадны, к 18.00.

10, воскресенье

- а) Встреча фантастов в «Мол<одой> гв<ардии>». Не забыть коротеевский материал.
- б) Разговор с Малининой о статьях Громовой. Вплоть до ухода из редколлегии.
- в) Разговор с Белой.
- г) Отвезти в Гослитиздат считанный «Фонарь».

11, понедельник

а) Встреча фантастов в «Мол<одой> гв<ардии>». Не забыть коротеевский материал. 17.00.

14, четверг

1) К 17.00 в больницу к Кириллу <Андрееву>.

[План на предстоящие дни]

Продолжать «Суету вокруг дивана».
Выехать в Л<енингра>д.

16, суббота

а) В «Знание». Проверить, как дела у Дубровского, выполнены ли «4 пункта». Не забыть сказать Дубровскому о том, что принесу свой сборник в первых числах января, и не забыть захватить журнал с Абэ Кобо для поездки в Л<енингра>д.

18, понедельник

- а) Взять деньги в сберкассе.
- б) Зайти в «Знание» (см<отри> субботу), не забыть «ТББ», журнал с Абэ Кобо, сборка. [Далее идет стрелка к схеме предотъездных поездок и последовательности:
  - «1. Деньги.
  - 2. «Знание».
  - 3. «Мол<одая> гв<ардия>».
  - 4. Вокзал.
  - 5. Гослитиздат.
  - 6. Ариадна».]
- в) Взять билет в Л<енингра>д.

- г) Зайти к Ариадне.
- д) Зайти к Жемайтису по поводу нашего «тето» для ЦК.
- е) В Гослитиздат, отдать деньги.

19, вторник

- а) К Жемайтису относительно встречи в ЦК.
- б) Зайти к Коротееву.

20, среда

- а) К ЦДЛ в кино.
- б) Отъезд в Л<енингра>д.

[План на предстоящие дни]

Взять в Л<енингра>д черновик СВД, старый ТББ.
Захватить что-нибудь японское.

ДЕКАБРЬ 63

29, воскресенье

- 1) Письма: Войскунскому, Киму, Ефремову, Закладному.
- 2) К Ариадне — отвезти заявление в ССП РСФСР.
- 3) В Гослитиздат.
- 4) В «Знание».

30, понедельник

- 1) Позвонить в «Мол<одую> гв<ардию>» насчет художника и поздравить там всех.
- 2) Зайти в Детгиз с поздравлениями.
- 3) Письмо Борису, телеграмму маме.

Аркадий Стругацкий. Записная книжка, 1962–1963

8.01 <1963>

Нина Матвеевна <Беркова> — 12 ч<асов>.

24.01

У меня <в> 18.00 — Варшавский, Дмитревский.

26.01

К Ефремову.

28.01

10.30 — Рябкину «Стажеры».
 Зайти: в «Знание», в Инокомиссию.
 Сборище в «Мол<одой> гв<ардии>».

7.02

Встреча с Мишей Маяковским, Соловьевым, Вольновым и др<угими>. [Помета:] Не сост<оялась>.

8.02

Детская библиотека.

14.02

Встреча в 18.00 в «Пекине» с Маяковским и др.

20.02

Выступл<ение> в шк<оле> № 1164. Писцовая 7а. «Динамо», автоб<ус> 22.
 [Перенесено стрелочкой на 22.02 с пометой «17.00».]

25.02

Собрание фантастов в «Мол<одой> гв<ардии>».

6.04

Кудиново, школа № 65.

20.04

Свадьба у Чуканова Мих<аила>.

[Записи без дат:]

Люди чистые — не потому, что их не коснулось разложение, но потому, что они прошли через разложение, и это показалось им скучным.

Inventing the Future¹
 Dennis Gabor
 (для ХВВ)

tenacem propositi virum²

---

¹ Изобретая будущее (*англ.*).

² Неуклонно идущего к цели (*лат.*).

К Ефремову:

- 1) По поводу ответа на статью Альтова.
- 2) По поводу перевода Жемайтиса в подростковую литературу.

Аркадий Стругацкий. Записная книжка, 1962–1965

Рудольф П.
Лев бен Бецалель.

— Это тоже одна из ваших странностей, — заметил префект, называвший странным все, что превышало его понимание, и потому живший среди бесчисленных «странностей». Э. По «Украденное письмо».

Сплошная облачность, но светит ясная круглая луна. Шок!

Эти писаки возводят все новые этажи глупости и невежества.

Описать мещан в коммунистическом обществе, к их услугам вся техника, но они неправильно воспитаны. Недалекий коммунизм. Скажем, 90-е годы.

Только что открыты границы. Дело за границей. Не обязательно США. Пусть как на другой планете. «Вы еще картофельную шелуху жрали, а у нас уже все было!» Презрение к прошлому, тоска перед будущим, только настоящее — необходимо наслаждение.

Восстание материи против человека приняло в наше время необычайные формы. Но уже мелкие, а не крупные вещи ведут с нами войну и, нужно признать, одолевают нас. Честертон «Жуткий смысл визита викария».

Дай мне руку, я потом верну ее.

Греческая статуя примерно без одной ноги.

Подумайте о том, какую дрянь выдают подчас эти «сверхлюди» за возвышенный образ мыслей! «Право на жизнь», «все дозволено», «право сильного»... Вздор и чепуха, тем более страшная, что она может совершить неискнутого!

Честертон «Алиби актрисы».

«Нужно быть богом»

Земляне решили действовать в открытую. Создали открытую базу Богов, назвали Неведомым Народом, стали судить и сурово карать. Во главе базы поставили Румату.

Сначала все хорошо, а потом чудовищный бунт, все страны ополчились на них, простой люд смел дворянство, объединился, пошел на приступ базы. Дворяне бегут под защиту землян. Все получилось навыворот.

Приходится бежать, но, как это ни странно, цель достигнута: население впервые ощутило солидарность, начинается феодальный социализм.

Там, где про спринтеров, сделать вставку:

1) Такой-то устроил тайную школу а la Марк Твен. Обучил по-современному двадцатка юношей и девушек. Часть их запросились на Землю от этого ужаса, часть бесславно погибла в попытке уравниваться с угнетателями.

2) На другой гуманоидной планете открыто установили миссионерские посты, проповедуют коммунизм. Пользуясь плохим знанием обстановки, всякие прохвосты их обманывают.

Только медленная воспитательная работа! Революцию на штыках не приносят!

«То были дни, когда я познал, что значит: страдать; что значит: стыдиться; что значит: отчаяться».

Пьер Абеляр «История моих бедствий», 11–12 вв.

Гигантское промышленное развитие, вызванное к жизни 2-й пром<ышленной> революцией 50-х годов, имеет следствием две фундаментальные и противостоящие друг другу тенденции в развитии об<щест>ва, за счет борьбы которых об<щест>во сейчас в основном и развивается.

1) Омещанивание об<щест>ва (т. е. поражение индивидуума, еще вчера судорожно борющегося за кусок хлеба) телевизорами, авто, консервами и прочими вещами. Эта атака на обывателя средствами вещей (атакует история) кончается для обывателя плохо: обыватель оскотиневает перед телевизором. Нужно подробно рассмотреть психологию атакованного обывателя.

2) Широкая интеллектуализация об<щест>ва, приобщение к науке и высшим потребностям пр<омышленнос>ти все более больших масс людей, иными словами — рост слоя интеллигенции и немедленная его революционизация в связи с накоплением заряда противоположного знака в отношении дуба-мещанина.

Борьба между этими тенденциями, фронт которой проходит буквально через души людей — лень и предприимчивость, — результатом сказывается прежде всего в психологическом плане. Рассмотреть этот вопрос. Что есть политэкономия в наше время? Как с обнищанием абсолютным?

Злоба, дочь злобы.

Ненависть, дочь ненависти.

Глупость, дочь глупости.

Вовсе не такие уж дураки — те, кто считал, что из-за автомобиля люди разучатся ходить и т. д. Правда, они мыслили метафизически, по старинке, да и оснований для реальных опасений тогда было немного, слишком примитивна и неуклюжа была тогда техника. Но в середине века произошел переворот. Наука-благодетельница показала свой опасный бок, оскал, угрозу. Она дает не только вещи ласковые, помогающие, вещи-слуги, но и вещи-господа, хищные вещи, коварные, готовые впиться нам в горло, если мы заеваемся. И разговоры о бунтах машин и грядущей власти роботов — это смутное, инстинктивное понимание этой угрозы, хотя она далеко не так примитивна. Люди, будьте бдительны!

Тексты подготовлены: В. Курильский

IV. Приложения

Необходимые пояснения

Этот том собрания сочинений содержит следующие приложения: Комментарии и примечания, Библиография, Указатель имен, Указатель заглавий произведений и их аббревиатур.

Комментарии и примечания касаются специальных терминов, реалий прошлых лет, явных и скрытых цитат, авторских неологизмов и пр. Прослежены пересечения между дневниковыми записями и собственно художественными произведениями Стругацких. Отдельно даются примечания к помещенным в том фотографии и рисункам.

В примечаниях использован ряд ранее опубликованных материалов из следующих источников:

Миры братьев Стругацких. Энциклопедия: В 2-х тт. / Сост. В. Борисов. — М.: ООО «Фирма “Издательство АСТ”»; СПб.: Terra Fantastica, 1999.

Курильский В. Комментарии / Стругацкий А., Стругацкий Б. Собрание сочинений: В 10 тт. — М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2006, 2007.

Составители комментариев выражают благодарность за помощь в атрибуции цитат других авторов в этом томе Владимиру Борисову, Константину Душенко, Михаилу Назаренко, Юрию Флейшману, Мари Шютце-Кобурн, Илье Юдину.

Подробная информация о библиографии, очередной фрагмент которой предлагается вниманию читателей, содержится в томе 1. Здесь же упоминается лишь самое существенное, что следует знать для поиска нужной информации.

Библиография разделена на фрагменты в соответствии с периодом времени, охватываемым тем или иным томом. Фрагмент может включать до четырех разделов: первый рассматривает художественные произведения Стругацких, второй — их статьи, интервью, выступления и т. п., третий — работу в качестве переводчиков, а четвертый — редакционно-составительскую деятельность. В первых двух разделах произведения, созданные Стругацкими вместе и по отдельности, находятся в разных подразделах. Если фрагмент библиографии охватывает несколько лет, то материал в соответствующих разделах и/или подразделах разбивается по годам и нумеруется независимо. Таким образом, каждая библиографическая позиция имеет уникальный в пределах данного года, раздела и подраздела номер, состоящий из трех частей, разделенных точками.

Указатель имен относится только к реальным персоналиям, упомянутым в художественной прозе Стругацких, их публицистике и переписке. Характеристики даются вынужденно краткие, но позволяющие заинтересованному читателю отыскать в специальной литературе и Интернете более подробную информацию. Определения «российский», «русский», «советский» опущены.

Братья Стругацкие в переписке предпочитали использовать вместо полных заглавий своих произведений аббревиатуры. Указатель таких аббревиатур и ранних (впоследствии измененных) названий поможет читателю ориентироваться в весьма обширном и сложном их массиве.

Следует также отметить, что в комментариях и указателях всех томов широко используется уже традиционное для любителей творчества Стругацких сокращение имен авторов до аббревиатур: А. и Б. Стругацкие — АБС, А. Н. Стругацкий — АНС, Б. Н. Стругацкий — БНС.

Комментарии и примечания

Художественные произведения

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. *Далекая Радуга*

Рукопись не сохранилась.

Написано в 1962 г.

Первые публикации: сокращенная — Новая сигнальная. — М.: Знание, 1963; полная — в одноименном авторском сборнике: М.: Мол. гвардия, 1964.

С. 3. *Ледяной Сфинкс* — отсылка к одноименному роману Ж. Верна.

С. 4. ...«*tenacet propositi virum*». «*Муж, упорный в своих намерениях*» (Гораций). — «Оды», 3, 3, 1.

С. 4, 40. *Тоска! Предчувствия!; Тоска, предчувствия, заботы...* — Цитата из стихотворения А. Пушкина «Няне».

С. 6. «*По Драмбе*» — **БНС**, онлайн-интервью от 3.12.2000: *Вопрос:* (...) робот Драмба («Парень из преисподней»); Патрик из «Далекой Радуги» подсчитывает мощность по Драмбе; наконец, попугай Фотон(чик) («Понедельник...») в своем монологе также произносит сие имя собственное (...) что такое ДРАМБА, и откуда он в трех разных книгах? *Ответ:* Вы знаете, это, представьте себе, чистейшее совпадение! Ну нравилось авторам почему-то это звуко сочетание! И каждый раз вылетало у них вне всякой связи с предыдущими употреблениями. Так что никакого разумного-рационального-логичного объяснения этому наблюдательному факту я предложить не способен.

С. 8. «*Влюбленный болен, он неисцелим*» — неточная цитата из рубаи О. Хайяма: «В том не любовь, кто буйством не томим, — / В том хворостинок отсырелый дым. / Любовь — костер пылающий, бессонный. / Влюбленный ранен, он неисцелим». Перевод И. Тхоржевского.

С. 9. *Галос* — или гало — цветное кольцо вокруг светящегося объекта.

С. 10. *Нуль-транспортровка, «нуль-Т»* — реалия также ОО, М, ПИП, ЭВП, ЖВМ, ВГВ. Упомянута в ОЗ.

С. 13. *Мне нужна жена, / Лучшие или хуже, / Лишь была бы женщиной, / Женщиной без мужа...* Из «*Переводов*» С. Я. Маршака. — Р. Бернс, «Песня. На мотив народной песни “Покупайте веники”».

С. 14. *Хориола* — **БНС**, онлайн-интервью от 13.05.2009: Не знаю, что такое хориола, и не знал никогда, — просто красивое «музыкальное» название.

С. 15. *Я буду властвовать, предварительно разделив!* — Восходит к крылатой фразе «Разделяй и властвуй», авторство которой по различным источникам приписывается Людовику XI или Н. Макиавелли.

С. 16. *Помните эту (...) книгу, где человека высекали за то, что он не гасил свет в уборной? «Золотой козел» или «Золотой осел»?..* — Отсылка к эпизоду главы 13 части 2 романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок». Автор «Метаморфоз, или Золотого осла» — Апулей.

С. 16. *Нулевик нулевику был друг, товарищ и брат...* — Перефразировка положения Морального кодекса строителя коммунизма: «Человек человеку — друг, товарищ и брат». Кодекс входил в состав Устава КПСС 1961 г.

С. 17. *...похож на пьяного гостя в триклинии у Лукулла.* — Триклиний — пиршественный зал с тремя застольными ложами. Римский полководец и политик, консул Лукулл вошел в историю своим расточительством и обжорством, выражение «лукуллов пир» стало нарицательным.

С. 20. *Вся ваша физика и вся ваша энергия не стоят одной Алиной слезинки.* — Ср. императив из романа Ф. Достоевского «Братья Карамазовы» об истине и слезинке ребенка (ч. 2, кн. 5, гл. 4).

С. 29. *Лже-Нерон* — роман Л. Фейхтвангера.

С. 34. *Массачусетская машина (...)* Она начала вести себя... — Ср. в т. 4 записную книжку БНС 1960 г.: «Машина начинает вести себя».

С. 34. *Чертова Дюжина* — см. упоминание истории с Чертовой Дюжиной в ВГВ.

С. 36. *Куприн, «Если я попаду под поезд, и мне перережут живот, и мои внутренности смешаются с песком и наматываются на колеса, и если в этот последний миг меня спросят: “Ну что, и теперь жизнь прекрасна?” — я скажу с благодарным восторгом: “Ах, как она прекрасна!”»* — Цитата из гл. 21 повести «Поединок».

С. 39. *На голове и на глазах...* — **БНС, 8.01.1996**: Это ритуальная восточная формула того же типа, что и «слушаю и повинуюсь». Из сказок «1001 ночи».

С. 40. *Dig my grave both long and narrow, / Make my coffin neat and strong!..* — Песня из репертуара П. Сигера, альбом «The Pete Seeger Sampler» (Folkways Records, New York, 1955).

С. 49. *Аодзора* — голубые небеса (*япон.*).

С. 51. *One is none, two is some, / Three is a many, four is a penny, / Five is a little hundred...* — Один — ничто, два — кое-что, три — много, четыре — пенни, пять — маленькая сотня (*англ.*).

С. 52. *Шер-Хан* — персонаж «Книги Джунглей» Р. Киплинга.

С. 61. *По бим-бом-брамселям!* — См. в т. 5 рабочие записи БНС 1961–1962 гг. № 3. Использовано также в М, ЖВМ и вариантах ПНА.

С. 65. *Больше жизни!* — «Спортивный марш» из к/ф «Вратарь», слова В. Лебедева-Кумача, музыка И. Дунаевского: «Эй, товарищ! Больше жизни!».

С. 70. «*Подвергай сомнению!*» — Цитируется ответ К. Маркса на вопрос анкеты «Ваш любимый девиз»: De omnibus dubitandum (*лат.*). «Подвергай все сомнению». Последнее, в свою очередь, от мысли Р. Декарта De omnibus dubito (*лат.*). «Во всем сомневаюсь».

С. 70. *Когда, как темная вода, / Лихая, лютая беда / Была тебе по грудь, / Ты, не склоняя головы, / Смотрела в прорезь синевы / И продолжала путь...* Из «Переводов» С. Я. Маршака. — Стихи из подборки «Из лирической тетради» принадлежат С. Маршаку.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Трудно быть богом

Беловая рукопись (за исключением главы 9, дописанной позднее) обнаружена в архиве АНС уже после кончины БНС. На ее основании в 2012–2013 гг. редколлегией настоящего издания был восстановлен авторский текст повести в шести местах, отмеченных в нижеследующих примечаниях.

Написано в 1963 г.

Первая публикация: авторский сборник *Далекая Радуга*. — М.: Мол. гвардия, 1964.

С. 71. «*То были дни, когда я познал, что значит: страдать; что значит: стыдиться; что значит: отчаяться.*» / *Пьер Абеляр* — Л. Фейхтвангер, «Испанская баллада», ч. 3, гл. 3 (М.: Изд-во иностр. лит., 1958). Перевод Н. Касаткиной и И. Татариневой. Обработка Фейхтвангера («Das waren die Tage, da ich erfahren habe, was es heißt: leiden, was es heißt: sich schämen, was es heißt: verzweifeln») перевода «Письма Абеляра другу» или «Первого письма Абеляра» в издании В. Фреда («Die Briefe von Abälard und Heloise». Herausgegeben und eingeleitet von W. Fred. Leipzig: Insel Verlag, 1911): «Das waren die Tage, in denen ich erfahren habe, was Leiden sind, was Schämen heißt, wohin einen Verzweiflung treiben kann». Оригинальная латинская цитата из Абеляра: «Quanto autem dolore aestuarem, quanta erubescencia confunderer, quanta desperatione perturbationer...»

С. 71. «*Должен вас предупредить вот о чем. Выполняя задание, вы будете при оружии для поднятия авторитета. Но пускать его в ход вам не разрешается ни при*

каких обстоятельствах. Ни при каких обстоятельствах. Вы меня поняли?» / Эрнест Хемингуэй — «Пятая колонна», акт 1, сц. 3. Перевод Е. Калашниковой и В. Топер.

С. 71. *С вот такими плавниками?* — Ключевая фраза анекдота.

С. 71. *Вицилопуци* — вариант русской транскрипции имени одного из ацтекских богов. Более распространенная версия имени — Уицилопочтли.

С. 72. *...принялся поправлять красную повязку на голове (...) чтобы узел повязки был точно над правым ухом, как у носатых ируканских пиратов.* — Ср.: «...Петр Алексеевич (...) пунцовый платок (...) повязал на голову по примеру португальских пиратов...» А. Н. Толстой, «Петр Первый», кн. 3, гл. 6, глава 1.

С. 72. *У меня зуб со свистом...* — Скрытая цитата из комедии Н. Гоголя «Ревизор»: «Э, не перебивайте, Петр Иванович, пожалуйста, не перебивайте; вы не расскажете, ей-богу не расскажете: вы пришепетываете; у вас, я знаю, один зуб во рту со свистом...» (действ. 1, явл. 3).

С. 73. *Сайва, приятель, спросит...* — См. в т. 1 записную книжку БНС 1954–1957 гг.: «Тайга, она, паря, спросит».

С. 73. *«Не гнет их ветер, не валит буря».* — Псевдоцитата.

С. 75. *«И здесь он, по-видимому, ляжет — один из тех, что были с ним».* — Отсылка к роману А. Дюма «Три мушкетера»: «Здесь, — сказал он, пародируя стих из Библии, — здесь умрет Бикара, единственный из тех, которые с ним» (ч. 1, гл. 5). Перевод под ред. А. Попова. Издание романа: М.–Л.: Academia, 1936. Библейский источник пародии — Откровение Иоанна: «...Он есть Господь господствующих и Царь царей, и те, которые с Ним, суть званые и избранные и верные» (гл. 17, стих 14).

С. 75. *Когда враг не сдаётся, его уничтожают.* — Заглавие статьи М. Горького: «Если враг не сдаётся — его уничтожают».

С. 76. *«В тридцати шагах промаха в карту не дам (...) Разумеется, из знакомых пистолетов» (...)* *«Право? (...) А ты, мой друг, попадешь ли в карту на тридцати шагах?» (...)* *«Когда-нибудь мы попробуем (...). В свое время я стрелял не худо».* — Диалог из повести А. Пушкина «Выстрел», гл. 2.

С. 77. *«И начинанья, взнесишися мощно, сворачивая в сторону свой ход, теряют имя действия» (Шекспир, «Гамлет»).* — Акт 3, сцена 1. Перевод М. Лозинского.

С. 78. *И скелет фашиста, прикованный цепями к пулемету.* — Ср. параллель в трилогии А. Н. Толстого «Хождение по мукам»: «Сразу стало тихо, только, борясь, хрипел тот, кого он отдирали от пулемета. (...) — Ваше благородие, он прикованный» («Сестры», гл. 16).

С. 78, 79. *Румата; Арканар* — имя персонажа и название страны восходят к раннему творчеству АБС.

С. 79. *Рэба* — **БНС**, офлайн-интервью от 27.05.2002: ...изменена только фамилия министра охраны короны — дон Рэбия стал доном Рэба. Мы сделали это после замечания Ефремова о том, что «дон Рэбия — это уж слишком прозрачно». Мэтр был прав, конечно.

С. 81. *Человек пять (...). Вздор. (...) Вздор!* — Скрытая цитата из романа А. Н. Толстого «Гиперболоид инженера Гарина»: «Восемь человек, вздор, вздор!» (гл. 43).

С. 82, 90. *Киун торопливо пробирался через поле на запад, туда, где в двадцати милях проходила ируканская граница.; На запад от тебя (...) Александр Васильевич, (...) на востоке — Пашка...* — **БНС**, офлайн-интервью от 8.02.2009: *Вопрос:* (...) Учитывая, что Александр Васильевич был резидентом в Соане, а Пашка служил ируканскому герцогу, эти две цитаты противоречат друг другу. (...) *Ответ:* Думаю, это — обыкновенный ляп. Результат торопливости и небрежности авторов. (...) А географию Арканара (молодые неопытные) авторы представляли себе плохо. Увы. **БНС**, 31.03.2009: Что же касается географии, то не проще ли оставить все как есть, снабдив маленьким комментарием с объяснением авторских ляпов? По-моему, это будет даже интереснее. География — наука скучноватая.

С. 82. *Ну, мертвая!* — Цитата из стихотворения Н. Некрасова «Крестьянские дети».

С. 84, 206. *Это мы говорим, будто мы выдумываем. На самом деле все давным-давно выдуманно.; Вероятно, все, что способен вообразить человек, существует где-то в неизвестности.* — Позднее это положение неоднократно использовалось АБС в произведениях (Б, ОУПА, ЗМЛДКС, ХС, ПП) и в публицистике. См., например, ответ БНС в офлайн-интервью от 11.07.2005: «Количество оригинальных идей, касающихся прогресса человечества, мягко выражаясь, конечно, — хотя и велико. Количество путей прогресса конечно тем более. В реальности мы имеем дело с двумя пересекающимися конечными множествами. Процесс этот скорее случайный, а впечатление возникает, как от реализующейся закономерности («предсказание!», «управление будущим!»). Поэтому-то ничего и нельзя придумать: все или было, или будет, или есть где-то на задворках бытия».

С. 85. *...полевой синтезатор «Мидас». (...) посыпались на мятое жестяное дно золотые кружочки...* — По легенде, Мидас — фригийский царь, который превращал в золото все, к чему он прикасался; см. в т. 6 в записной книжке БНС 1962 г. запись имени царя заглавными латинскими буквами.

С. 90. *Базисная теория феодализма* — **БНС**, офлайн-интервью от 22.01.2011: *Вопрос:* Скажите, пожалуйста, базисная теория феодализма в ТББ является чисто теоретической концепцией, наподобие истмата, или она создавалась Институтом Экспериментальной Истории на основе непосредственных наблюдений и экспериментов в «феодальных» мирах? *Ответ:* Так называемая «базисная теория» построена в основном на данных истории Земли и систематически пополняется и корректируется исследованиями «феодальных миров», которых, впрочем, землянам известно немного — два или, может быть, три.

С. 94. *Не вижу, почему бы трем благородным донам...* — **БНС**, офлайн-интервью от 26.12.2006: *Вопрос:* (...) В ТББ дон Сэра часто употребляет слова: «Не вижу, почему бы трем благородным донам...» Как оказалось, точно так же выражался некий персонаж старого черно-белого фильма, по-моему, американского. Отсюда вопрос — кто-то у кого-то заимствовал или в обоих случаях заимствование произошло от какого-то третьего автора? :) Очень уж заметная фраза. *Ответ:* Право, не знаю. Фраза, конечно, «заметная» и даже (без ложной скромности) отличная, но, по-моему, все-таки не из тех, которые обязательно надобно у кого-то заимствовать. Ей-богу, такую можно и самому придумать — без семи-восьми пядей во лбу.

С. 95. *...рассыпаться по двое как бы цепью, опустив притом пики...* — **БНС**, офлайн-интервью от 22.03.2008: *Вопрос:* Скажите, вооруженные пиками пехотинцы — это оттуда же, откуда и люк субмарины, открывающийся **ВОВНУТРЬ**, или Вы так хотели передать необычность, инопланетность, что ли, Арканара? («Ух ты! Пехотинец с пикой!») Ведь пикой (ПИКОЙ, а не копьём) можно пользоваться только с коня. И не замечали ли это редакторы? *Ответ:* Наверное, Вы правы. Наши пики (пики, а не копья и именно у пехоты), несомненно, родом из фильма «Александр Невский» — там они очень эффектно (под отвратительный вой боевых труб) опускаются, встречая бедных русских ратников... Вообще в наши времена (начало 60-х), не то, что сегодня: не было популярной литературы об оружии. Совсем. Со всеми вытекающими из этого последствиями. У нас и арбалеты, заметьте, заряжаются стрелами, — а не болтами, как следовало бы. Что же касается редакторов, то это, как правило, были абсолютно штатские женщины, бесконечно далекие от темы. **Сост.:** Пики использовались в средние века и в качестве оборонительного оружия пехоты.

С. 95. *Умные нам ненадобны. Надобны верные.* — **БНС**, офлайн-интервью от 16.06.2004: *Вопрос:* (...) Каким лично Вашим (БС) абзацем, строкой или даже меткой метафорой Вы по-настоящему гордитесь? *Ответ:* Помню, мне очень нравилась придуманная мной фраза из ТББ: «Умные нам ненадобны — надобны верные».

С. 96. *«Быть или не быть?»* — монолог Гамлета из одноименной трагедии У. Шекспира (акт 3, сц. 1).

С. 103. *Теперь не уходят из жизни... ~ И есть ли у спрута сердце...* — БНС, онлайн-интервью от 29.06.2003: *Вопрос:* (...) кто является автором стихотворения «Теперь не уходят из жизни...» из «Трудно быть богом»? Когда оно написано? *Ответ:* Сочинил его БН. Специально для романа. Примерно в 1963 году.

С. 106. *...один заснет, а другой, рыгнув, скажет: «Это, — скажет, — очень все бла-ародно...* — Восходит к диалогу из повести А. Чехова «Скучная история»: «Медик пьян, как сапожник. На сцену — ноль внимания. Знай себе дремлет да клюет носом. (...) медик вздрагивает, толкает своего соседа в бок и спрашивает: “Что он говорит? Бла-а-родно?” — “Благородно (...)”. — “Браво! — орет медик. — Бла-а-родно! Bravo!”» (гл. 3).

С. 106. *...вечный бой...* — Цитата из стихотворения А. Блока «На поле Куликовом», 1: «И вечный бой!».

С. 107. *Не высокий, но и не низенький, не толстый и не очень тощий, не слишком густоволос, но и далеко не лыс. В движениях не резок, но и не медлителен...* — Восходит к описанию Чичикова из поэмы Н. Гоголя «Мертвые души»: «...не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако же и не так, чтобы слишком молод...» (т. 1, гл. 1).

С. 107. *Гений посредственности* — выражение восходит к очерку К. Маркса «Лорд Джон Рассел» (гл. 1). В оригинале: *Genie der Alltäglichkeit* (нем.).

С. 108. *Теория исторических последовательностей* — видимо, авторы имеют в виду исторический материализм, развившийся в прикладную, практически точную науку. Теория упомянута также в ПХХІВ, ПКБ и ОО.

С. 119. *Лейб-знахарь Тага вместе с пятью другими лейб-знахарями оказался вдруг отравителем, злоумышлявшим по наущению герцога Ируканского против особы короля, под пыткой признался во всем и был повешен на Королевской площади.* — Аллюзия на так называемое «дело врачей-убийц» — уголовное дело против группы высокопоставленных советских врачей, главным образом евреев, обвиненных в заговоре и убийстве ряда советских лидеров.

С. 121, 133. *История коричневого капитана Эрнста Рема готова была повториться.; Ночь длинных ножей* — Э. Рем, глава штурмовых отрядов, соратник А. Гитлера, был арестован по его приказу в так называемую «Ночь длинных ножей» 30 июня 1934 г. и на следующий день убит в камере.

С. 125. *Выстреланы обстряхнутся ~ И пей круг...* — Отрывок из письма БНС румынскому переводчику В. Стойческу от 14.03.1994: «Примерный (очень примерный!) перевод разговора Ваги с доном Рэбой: “ВАГА. Мои ребята подготовятся и ночью ударят по штурмовикам. Это — двадцать отборных моих сотен. Хорошо было бы ударить и по дворцовой страже. Но мои ребята на это не согласятся. Таким вот образом давайте и договоримся. Это — наши условия. РЭБА. Не слишком-то выгодные условия. ВАГА. Это — наши условия. Вам с нами ссориться, вроде бы, ни к чему. По рукам? РЭБА. По рукам. ВАГА. Ну вот и славно”».

С. 128. *И отступила бесконечность, / И уступила первородство!* — Авторский текст восстановлен в 2013 г. Ранее было: «И отступила бесконечность, / И уступило первородство!»

С. 130. *...надрывно, задыхаясь, с подвизгиванием.* — Авторский текст восстановлен в 2013 г. Ранее было: «...надрывно, задыхаясь, с повизгиванием».

С. 144. *Он поднялся по ступенькам и постучал в дверь кулаком.* — Авторский текст восстановлен в 2012 г. Ранее абзац отсутствовал.

С. 145. *Муга принял мечи.* — Авторский текст восстановлен в 2013 г. Ранее было: «Муга принял меч».

С. 146. *Спорамин* — см. в разделе публицистики т. 31 интервью БНС «Готово будущее мне...»: «...спорамин — это не наша выдумка. Мы с Аркадием Натановичем позаимствовали его у Ивана Антоновича Ефремова. То было время (конец 50-х — начало 60-х), когда мы носились с идеей создать общий для всех советских фантастов Мир

Светлого Будущего. Чтобы там использовались одни и те же элементы антуража, одна и та же терминология, — чтобы там были и “скафандр высшей защиты”, и “самодвижущиеся дороги”, и “кохлеарное исчисление”, и “прокол пространства”, и “флаеры” с “птерокарами”...» *Сост.*: Термины «спорамин» и «скафандр высшей защиты» взяты из романа И. Ефремова «Туманность Андромеды».

С. 150. *Дон Пифа вновь издал горловой звук и отошел, разглядывая браслет.* — Авторский текст восстановлен в 2013 г. Ранее было: «Дон Пифа издал горловой звук и отошел, разглядывая браслет».

С. 155. *Румата еще смотрел в переулок...* — Авторский текст восстановлен в 2013 г. Ранее было: «Румата смотрел в переулок...»

С. 158. *Тогда, господи, сотри нас с лица земли и создай заново более совершенными... или, еще лучше, оставь нас и дай нам идти своей дорогой.* — *БНС*, офлайн-интервью от 20.06.2004: *Вопрос*: Наткнулся на интересное совпадение. Цитата номер один: «Если бы бог спросил современного социалиста, — желаешь ли ты, чтобы я немедленно, без всяких усилий со стороны страдающего человечества, даровал ему экономическое блаженство, то социалист ответил бы ему: творец, оставь блаженство себе, а страдающему и мыслящему человечеству, современному пролетариату позволь освободиться собственными силами, дай ему возможность прийти к доступному для него счастью путем борьбы, развивающей его ум и возвышающей его нравственность. Завоеванное такой борьбой, его счастье будет не только несравненно полнее: оно будет также гораздо прочнее» (Г. В. Плеханов). Цитата номер два: «...Тебе виднее, всемогущий. Сделай тогда просто так, чтобы люди получили все и не отбирали друг у друга то, что ты дал им. — И это не пойдет людям на пользу, — вздохнул Румата, — ибо когда получают они все даром, без труда, из рук моих, то забудут труд, потеряют вкус к жизни и обратятся в моих домашних животных, которых я вынужден буду впредь кормить и одевать вечно... — Тогда, господи, сотри нас с лица земли и создай заново более совершенными... или, еще лучше, оставь нас и дай нам идти своей дорогой...» (А. и Б. Стругацкие). *Вопрос*: созвучие приведенных отрывков имеет под собой какое-нибудь объективное основание или является случайным? *Ответ*: Видимо, мировоззрения цитируемых авторов в значительной мере совпадают. Что отнюдь не удивительно: убежденные материалисты, атеисты, марксисты, в конце концов.

С. 159. *...одной лишь свободы достаточно, чтобы уподобить раба богу...* — *БНС*, офлайн-интервью от 26.09.2004: *Вопрос*: (...) а что же (...) нужно, чтобы уподобить даже не человека богу, а хотя бы раба — человеку. Не могу не спросить Вас — одного из тех, кто заставил задуматься меня на эту тему, — как Вы сами отвечали на этот вопрос тогда, и как — сейчас? *Ответ*: И тогда, и сейчас я считал, что свобода — условие необходимое, но отнюдь не достаточное. Кроме свободы, нужно еще знание, понимание, творчество, вообще — Воспитание в самом высоком смысле этого слова. Свободный раб не обязательно становится человеком — он может стать и зверем тоже. «Известны прен-ценденты». *Сост.*: «Прен-цен-денты» — автоцитата из ПНВС.

Из архива

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Бедные злые люди

Машинопись из папки «Неопубликованное законченное (рассказы)».

Написано в 1963 г.

Первые публикации: в любительской прессе — АБС-панорама (Саратов). — 1989. — № 3; в профессиональной — Железнодорожник Поволжья (Саратов). — 1990. — 8 авг.; первое книжное издание — Страна багровых туч; Рассказы; Статьи, интервью. — М.: Текст, 1993. — (Собрание сочинений; Т. 2 дополнительный).

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Первые люди на первом плоту

Машинопись из папки «Неопубликованное законченное (рассказы)».

Написано в 1963 г.

Первые публикации под заглавием «Летающие кочевники»: журнальная — Костер (Л.). — 1968. — № 7; книжная — Гея: Альманах научной фантастики — М.: Мысль, 1990. Первая публикация под авторским заглавием: Страна багровых туч; Рассказы; Статьи, интервью. — М.: Текст, 1993. — (Собрание сочинений; Т. 2 дополнительный).

С. 170. <Заглавие> — строка «Капитанов» (2) Н. Гумилева.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. К вопросу о циклотации

Машинопись из архива Б. Заикина, знакомого АБС.

Написано в 1963 г.

Первая публикация: Полдень XXI век (СПб). — 2008. — № 4.

С. 181. *Например, аппендикс, отросток слепой кишки. Совершенно никчемная вещь.* — Точка зрения, распространенная в медицине XX века. В начале XXI века появились теории, объясняющие полезные функции аппендикса.

С. 182. *...смирного мужчину, бредущего по морю, яко по суху...* — Хождение Иисуса Христа по водам — эпизод Евангелий (от Матфея, гл. 14, стихи 22–32; от Марка, гл. 6, стихи 45–53; от Иоанна, гл. 6, стихи 16–21). Близкая цитата — церковнославянский текст Послания к евреям, гл. 11, стих 29: «Верою перешли они Чермное море аки по суху земли».

Варианты рукописей и изданий

«Далекая Радуга»

С. 185. *По местам стоять* — пригласительная команда корабельного устава перед каким-либо маневром.

С. 188. *Телетактор* — реалия из «Стажеров», прибор на фотонном планетовете.

«Трудно быть богом»

С. 192. *Портос* — персонаж трилогии о мушкетерах А. Дюма-отца.

С. 195. *Честные люди не умирают в воскресенье (...)* Это была старая поговорка. (...) *понеделник начинается прямо в субботу...* — «Старая поговорка» вводит в текст черновика ТББ афоризм Н. Свенцицкой «Понеделник начинается в субботу», предполагавшийся для заглавия этой повести. Афоризм использован Авторами в качестве заглавия другой повести. См. записную книжку БНС 1962 г. (т. 6) и письмо БНС от 28.04.63.

С. 200. *...они начнут варить мыло из пленных и государственных преступников...* — Вероятно, аллюзия на эксперименты гитлеровцев по варке мыла из жира уничтоженных узников концлагерей.

С. 202. *Черносотенцы* — собирательное название представителей консервативных кругов, выступавших против революции 1905 года в России. Именование восходит к нижегородским «черным (низовым) сотням» Кузьмы Минина, которые вывели Россию из состояния Смутного времени начала XVII века. Позднее стало нарицательным для обозначения крайней степени консерватизма и обскурантизма.

С. 204. *Сумно* — грустно (укр.).

С. 206. *«Это можно написать весело и интересно, как «Три мушкетера», только со средневековой мочой и грязью, как там пахли женичины, и в вине была масса дохлых мух»* — цитата из письма АНС от 10.03.63.

С. 206. *Генрих Наварра* — французский король Генрих IV Великий (Наваррский); персонаж трилогии А. Дюма «Королева Марго», «Графиня де Монсоро», «Сорок пять», а также романов других писателей.

С. 206. *Себастиан Перейра, Великий Альвец* — персонажи к/ф 1945 г. «Пятнадцатилетний капитан» по одноименному роману Ж. Верна, реж. В. Журавлев.

С. 210. *«Научимся превращаться в свиней, тем более что в Цирцеях нехватки здесь нет»* — аллюзия на эпизод «Одиссеи» Гомера (песнь 10).

С. 211. *Возражения Брускина, вопросы Брускина* — см. письмо БНС от 2.11.63.

С. 211. *«Весь народ в едином порыве», «гнев народный»* — распространенные в советские времена идеологические клише.

Публицистика

Опубликованное

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. [Предисловие к набору открыток А. Соколова]

Рукопись не сохранилась.

Написано в 1963 г. Упоминается в письмах АНС от 17.03 и 22.03.63.

Публикуется по изданию: Соколов А. Космическая фантазия. — М.: Изогиз, 1963.

С. 213. *Циолковский, «Человечество не останется вечно на Земле, но, в погоне за светом и пространством, сначала робко проникнет за пределы атмосферы, а затем завоюет себе все околосолнечное пространство»* — одна из самых распространенных цитат из К. Циолковского. Источник ее — письмо Циолковского редактору журнала «Вестник воздухоплавания», написанное 12 августа 1911 г.

С. 213. *...будни космических строителей в произведениях Гуревича.* — К примеру, в рассказе «Лунные будни».

С. 214. *...обладающего фантазией, этим «качеством величайшей ценности», как говорил В. И. Ленин.* — Фраза из заключительного слова по политическому отчету ЦК РКП(б) 28 марта 1922 г.

С. 214. *Красноватый отблеск Марса на поверхности его древнего искусственного спутника...* — Гипотезу об искусственном происхождении спутников Марса выдвинул астрофизик И. Шкловский в интервью: Искусственные спутники Марса: Интересная гипотеза советского ученого // Комс. правда (М.). — 1959. — 1 мая. Использовано в ПХХІВ.

Аркадий Стругацкий. [Предложения по работе конференции]

Машинопись (письмо директору Одесской киностудии В. Федорову) из папки «Переписка АНС».

Написано в октябре 1963 г.

Публикуется по тексту первого издания: Бюллетень Одесской киностудии художественных фильмов № 5 (О ходе подготовки к творческой конференции по производству научно-фантастических, сказочных, приключенческих фильмов). [1963.]

Из архива

Аркадий Стругацкий. Кобаяси Такидзи

Рукопись из папки «Черновики статей».

Датировано 18.02.63.

Публикуется впервые.

С. 216. <Заглавие> — ранее АНС публиковал так же озаглавленное послесловие к изданию Такидзи Кобаяси (Избранное. — М.: Гослитиздат, 1957).

С. 216. *Дзайбацу* — бизнес-конгломераты, «денежные кланы», существовавшие в Японии до Второй мировой войны.

С. 216. *Хакурокай, Дзиммукай* — «Общество белого волка», «Общество императора Дзимму» — военно-фашистские организации в Японии в 1920–1940 гг.

С. 216. *Против империалистической войны, за превращение ее в гражданскую!* — Аналогичный лозунг партии большевиков «Превратим войну империалистическую в войну гражданскую» выдвинул В. Лениным в августе 1914 г.

С. 217. *В начале тридцатых годов (...) японская реакция бросилась (...) на Маньчжурию...* — 19 сентября 1931 г. Квантунская армия захватила Мукден.

Аркадий Стругацкий. Рецензия на повесть Н. Разговорова «Четыре четыре»

Машинопись из папки «Рецензии АНС».

Публикуются два варианта. Первый написан предположительно в начале 1963 г., второй датирован 20.02.63.

Первый вариант опубликован — Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1963–1966. — М.: АСТ; Донецк: НКП, 2009. Второй вариант публикуется впервые.

Повесть Н. Разговорова была опубликована в сборнике «Черный столб» (М.: Знание, 1963).

С. 218. *Дискуссия «физика против лирики»* — дискуссия в прессе и в обществе проходила в 1959-м — начале 1960-х гг. Наиболее яркое художественное воплощение дискуссия получила в стихотворении Б. Слуцкого «Физики и лирики» («Что-то физики в почете. / Что-то лирики в загоне»).

С. 218. *...выйдет в лучшем случае добросовестный ограниченный инженер американского типа...* — Ср. образ инженера Ливингтона в «Стажерах».

Аркадий Стругацкий. [Стенограмма выступления]

Машинопись из папки «Черновики статей».

Официальная стенограмма выступления АНС на расширенном заседании секции научной фантастики и приключений Союза советских писателей, состоявшемся 26 марта 1963 г. В стенограмму фактически включена лишь часть выступления АНС, поскольку выступление А. Казанцева и все ответные реплики из стенограммы были изъяты.

См. письма АНС брату от 27.03 и 17.04.63.

Публикуется впервые.

Аркадий Стругацкий. Краткий обзор: Kingsley Amis. New Maps of Hell

Отдельная тетрадь с записями из папки «Рецензии АНС».

Написано в 1963 г. Упоминается в записи от 22.01.63 дневника АНС 1961–1965 гг.

Публикуется впервые.

С. 221. <Заглавие> — «Новые карты ада». Издание: NY: Harcourt, Brace and Company, 1960.

С. 221. «Spectator» — наблюдатель, очевидец, свидетель (англ.). Британский еженедельный журнал консервативного направления.

С. 221. «Beowulf» — «Беовульф», англосаксонская эпическая поэма.

С. 222. «Ядовитый пояс» Конан-Дойла... — Издавался также под названием «Отравленный пояс».

С. 222. «Time Machine» — «Машина времени» Г. Уэллса.

С. 222. ВЕМ — Bug-eyed monsters — жукоглазые чудовища (англ.). Аббревиатура служила эвфемизмом научной фантастики. Это связано с тем, что в 1930-х гг. инопланетяне часто описывались или изображались на иллюстрациях как гротескные создания с огромными глазами.

С. 222. Эскапистская литература — литература, способствующая «бегству» читателя от действительности.

С. 223. Мимеографич<еские> журналы — размноженные с помощью малотиражной множительной техники (например, ротапронта).

С. 224. Общество, где мужчины и женщины перестали видеть друг друга. — Возможно, имеется в виду повесть А. Азимова «Обнаженное солнце».

С. 224. Об<щест>во, где остались лишь женщины, воспроизводящие партеногенетически. — Аналогичное общество описано АБС впоследствии в «лесной» части УНС.

С. 224. ...тем, кто хватается за револьвер, услышав слово «культура»... — Фраза «Когда я слышу слово «культура», я хватаюсь за пистолет!» зачастую приписывалась руководителям нацистской Германии. Фактически это цитата из пьесы Г. Йоста «Шлагетер»: «Когда я слышу слово «культура»... я снимаю с предохранителя свой браунинг!» (действ. 1, сцена 1).

С. 225. Миссис Монтаг — Милдред, персонаж «451° по Фаренгейту» Р. Брэдбери.

С. 225. Версии Морских Раковин — калька с англ. выражения «Versions of the Seashells». В контексте же цитируемого Эмисом романа Р. Брэдбери «451° по Фаренгейту», «Seashells» — «Ракушки» наушников миссис Монтаг. Шире — разрушающее влияние иллюзорного бытия на персонажей фантастических произведений.

С. 225. А. Кларк: «Центры наслаждения в мозгу» (...) Эмис на это замечает: / «Не могу сказать, что это пугает меня больше, чем кризис в Берлине или по вопросу о Формозе, но, мне кажется, пугать это должно больше». — Использовано в ХВВ (последняя цитата — в несколько иной редакции перевода АНС: «Не могу утверждать, что это пугает меня сильнее, нежели берлинский или тайваньский кризис, но должно, по моему, пугать сильнее»).

С. 225. А. Clarke «Patent Pending» — А. Кларк, «Патентная заявка». Popular Publications, 1954.

С. 226. «The Death of Grass» by Джон Кристофер — «Смерть травы». Michael Joseph, 1956.

С. 226. «The Xi Effect» by Ф. Лэтам — «Кси-эффект». Astounding Science Fiction, January 1950.

С. 226. Blish's «A Case of Conscience» — Д. Блиш, «Дело совести». Ballantine, 1958.

С. 226. Katherine MacLean «Pictures don't lie» — К. Маклин, «Изображения не лгут». Galaxy Science Fiction, August 1951.

С. 226. I. Asimov «Little Lost Robot» — А. Азимов, «Как потерялся робот». Astounding Science Fiction, March, 1947.

С. 226. William Golding «Lord of the Flies» — У. Голдинг, «Повелитель мух». London: Faber and Faber, 1954.

С. 226. Nevil Shute «On the Beach» — Н. Шют, «На берегу». NY: William Morrow, 1957.

С. 226. *«The Man in the White Suit»* — англ. к/ф 1951 г. «Человек в белом костюме», реж. А. Маккендрик.

Аркадий Стругацкий. Рецензия на сборник «Мой лучший научно-фантастический рассказ»

Машинопись из папки «Рецензии АНС».

Датировано 4.09.63.

Сборник и входящие в него рассказы упомянуты в записях от 4–12.04.59 в дневнике АНС 1958–1959 гг.

Публикуется впервые.

Переводы произведений, рекомендованных АНС к изданию, публиковались: А. Азимов, «Робот ЭЛ–76 попадает не туда» — в авторском сборнике «Путь марсиан» (М.: Мир, 1966); Дж. Кэмпбэлл, «Слепота» — в 2001 г.; Г. Каттнер, «Только не смотрите» — в 1992 г. Рассказ Дж. Тэйна не был опубликован. Из нерекондованных был опубликован рассказ Э. Гамильтона «Гостиница вне нашего мира» — в 1991 г.

С. 227. <Заглавие> — My Best Science Fiction Story. — NY: Pocket, May 1954.

С. 227. А. Азимов. «Робот АЛ–76 сбивается с пути» — I. Asimov, «Robot AL–76 Goes Astray», 1942.

С. 227. Э. Байндер. «Учитель с Марса» — E. Binder, «The Teacher from Mars», 1941.

С. 228. Р. Блок. «Почти человеческий» — R. Bloch, «Almost Human», 1943.

С. 228. Дж. Кэмпбэлл. «Слепота» — J. Campbell, «Blindness», 1935.

С. 228. Э. Гамильтон. «Гостиница по ту сторону света» — E. Hamilton, «The Inn Outside the World», 1945.

С. 228. Г. Каттнер. «Не смотрите» — H. Kuttner, «Don't Look Now», 1948.

С. 228. М. Лейнстер. «Исчезнувшая раса» — M. Leinster, «The Lost Race», 1949.

С. 229. Ф. Пратт. «Санаторий д<окто>ра Гримшоу» — F. Pratt, «Doctor Grimshaw's Sanitarium», 1934.

С. 229. ...в стране дремучих трав. — «В Стране Дремучих Трав» — заглавие романа-сказки В. Брагина. Издание 1962 г. в Детгизе редактировал АНС.

С. 229. Дж. Тэйн. «Катализатор» — J. Taine, «The Ultimate Catalyst», 1939.

С. 229. А. Ван Фогт. «Проект “Космический корабль”» — A. van Vogt, «Project-Spaceship», 1949.

С. 229. М. Уэллман. «Космическая станция № 1» — M. Wellman, «Space Station № 1», 1949.

С. 229. Дж. Вильямсон. «Ясная звездочка» — J. Williamson, «Star Bright», 1939.

Аркадий Стругацкий. Рецензия на повесть Артура Кларка «Пески Марса»

Машинопись из папки «Рецензии АНС». (Это первая рецензия на повесть А. Кларка; вторую см. в разделе публицистики т. 8.)

Написано в октябре 1963 г. Упоминается в записях за октябрь 1963 г. дневника АНС 1963–1970 гг.

Публикуется впервые.

Перевод повести А. Кларка был опубликован в т. 4 «Библиотеки фантастики и путешествий в пяти томах» (М.: Мол. гвардия, 1965).

С. 230. <Заглавие> — Clarke A. The Sands of Mars. — London, Sidgwick & Jackson, 1951.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Фантастика как метод: тезисы доклада

Машинопись из папки «Переписка АНС». Тезисы доклада для конференции на Одесской киностудии. См. также выше материал АНС [О творческой конференции кинематографистов].

Написано предположительно в декабре 1963 г.

Публикуется впервые.

С. 234. «*Прошвырнемся по Броду*» — фразеологизм, появившийся в молодежной субкультуре 1950-х гг. «Брод» — традиционное место встреч и прогулок; от названия главной улицы Нью-Йорка Бродвей.

Аркадий Стругацкий. Общая рецензия на англо-американские научно-фантастические рассказы

Машинопись из папки «Рецензии АНС».

Написано в 1963 г.

Публикуется впервые.

Переводы произведений, рекомендованных АНС к изданию, публиковались: А. Азимов, «Видеть сны — сугубо личное дело» — под названием «Мечты — личное дело каждого» в авторском сборнике «Путь марсиан» (М.: Мир, 1966); Э. Ф. Рассел, «Тайна мистера Визеля» — в журнале «Вокруг света» (1981, № 2); Р. Хайнлайн, «Присаживайтесь, джентльмены!» — в 1990 г.; Дж. Финней, «О пропавших без вести» — во втором выпуске «Альманаха научной фантастики» (М.: Знание, 1965); Э. М. Форстер, «Машина останавливается» — в антологии «Гости страны Фантазии» (М.: Мир, 1968). Рассказ А. Бичема не был опубликован. Рассказы, по различным причинам не рекомендованные АНС, были опубликованы: А. Азимов, «Всеобщие выборы» — под названием «Выборы» в сборнике «Путь марсиан» (М.: Мир, 1966), «Звездный свет» — в 1990 г.; Г. Голд, «Герой» — в антологии «Современная зарубежная фантастика» (М.: Мол. гвардия, 1964); Б. Чендлер. «Разрозненность» — под названием «Половина пары» в т. 10 «Библиотеки современной фантастики» (М.: Мол. гвардия, 1967).

С. 235. А. Азимов. «*Звездный свет*» — Asimov I. Star Light // Scientific American, October 1962.

С. 236. Х. Л. (а не Х. И.) Голд. «*Герой*» — Gold H. L. Hero // Thrilling Wonder Stories, October 1939.

С. 236. «*Человек с английским*» — Gold H. L. The Man with English // Star Science Fiction Stories, Ballantine, 1953.

С. 236. Б. Чендлер. «*Разрозненность*» — Chandler B. The Half Pair // New Worlds, November 1957.

С. 236. Б. Чендлер. «*Дрейф*» — Chandler B. Drift // Astounding Science Fiction, June 1957.

С. 236. А. Азимов. «*Чувство силы*» — Asimov I. The Feeling of Power // If: World of Science Fiction, February 1958.

С. 236. А. Азимов. «*Всеобщие выборы*» — Asimov I. Franchise // If: World of Science Fiction, August 1955.

С. 237. Д. Мак-Лаклин. «*Человек со дна океана*» — McLaughlin D. The Man on the Bottom // Astounding Science Fiction, March 1958.

С. 237. М. Клифтон, А. Апостолидес. «*Цивилизованные*» — Clifton M., Apostolides A. Civilized // Galaxy Science Fiction, August 1953.

С. 237. У. Марлоу. «*Полет во тьму*» — Marlowe W. Flight Into Darkness // Astounding Science Fiction, February 1943.

С. 238. А. Азимов. «Видеть сны — сугубо личное дело» — Asimov I. Dreaming is a Private Thing // The Magazine of Fantasy and Science Fiction, December 1955. См. запись от 27.07.58 в дневнике АНС 1958–1959 гг.

С. 238. Э. Ф. Рассел. «Тайна мистера Визеля» — Russell E. F. Mr. Wisel's Secret // Amazing Stories, February 1942.

С. 238. Р. Хайнлайн. «Господа, прошу сесть» — Heinlein R. Gentlemen, Be Seated! // Argosy Magazine, May 1948.

С. 239. Дж. Финней. «Исчезнувшие» — Finney J. Of Missing Persons // Good Housekeeping, March 1955. См. запись от 27.07.58 в дневнике АНС 1958–1959 гг.

С. 239. Э. М. Форстер. «Машина останавливается» — Forster E. M. The Machine Stops // The Science Fiction Galaxy, 1950.

С. 239. А. Бичем. «Как алмаз» — Beecham A. Like a Diamond // Authentic Science Fiction, June 1956.

Аркадий Стругацкий. Рецензия [на рассказы П. Андерсона, П. Филлипса, А. Кларка]

Машинопись из папки «Рецензии АНС».

Написано предположительно в 1963 г.

Публикуется впервые.

Рассказ П. Андерсона «Зовите меня Джо» был опубликован в № 4 журнала «Знание — сила» за 1966 г. и в т. 10 «Библиотеки современной фантастики» (М.: Мол. гвардия, 1967). Рассказ П. Филлипса «Сон — дело святое» был опубликован в 1994 г. Рассказ А. Кларка «Часовой» был опубликован в № 12 журнала «Юный техник» за 1973 г.

С. 240. <Заглавие> — произведения из сборника: Spectrum 3. — NY: Gollancz, 1963.

С. 240. «Зови меня Джо», Поль Андерсон. — P. Anderson, «Call Me Joe», 1957.

С. 240. «Наши сны священны», Питер Филлипс. — P. Phillips, «Dreams are Sacred», 1948.

С. 240. «Страж», Артур Кларк. — A. Clarke, «The Sentinel», 1951.

С. 241. «Голоса Времени», Дж. Боллард — G. Ballard, «The Voices of Time», 1962. Перевод рассказа был опубликован в 1994 г.

Аркадий Стругацкий. Научная фантастика в Советском Союзе

Машинопись из папки «Черновики статей».

Написано предположительно в 1963 г.

Публикуется впервые.

С. 243. Паустовский, «Человек с рефлексом вместо души, человек плотоядный, зараженный эгоцентризмом, должен быть уничтожен. Посмотрим, кто кого пересилит. Мы сильнее своим гневом и непримиримостью, они — жадностью и волосатым кулаком» — цитата из романа «Блистающие облака» (гл. «Беззаботный попутчик»).

Письма. Дневники. Записные книжки

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Переписка, 1963

Письма АБС — как машинописные, так и рукописные. Часть писем авторами не датирована. Такие письма датировались составителями, что отмечено в нижеследующих примечаниях. В этом же разделе помещены и несколько писем АНС и БНС матери. Фамилии персоналий, именованных кратко, даются прямо в тексте письма в угловых скобках.

Часть писем публиковалась в издании: Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1963–1966. — М.: АСТ; Донецк: НКП, 2009. Настоящее издание дополнено

публикуемыми впервые письмами, обнаруженными позднее в архиве АБС и М. А. Стругацкой.

С. 244. *Положение с литературой достаточно прочное. Слухи всякие, но в основе — уверенность, что литературы это коснуться не может.* — См. ниже примечание к с. 274.

С. 244. *...имеет место даже сожаление по поводу происшедшего.* — Речь о встрече Н. Хрущева с творческой интеллигенцией 17 декабря 1962 г.

С. 244. *Статья Дмитревского и Брандиса...* — Статья Е. Брандиса и В. Дмитревского «Век нынешний и век грядущий» вошла в альманах «Новая сигнальная» (М.: Знание, 1963).

С. 245, 249. *Я человек простой, незамысловатый...; Я человек простой, простодушный...* — Автоцитата из ПХХПВ.

С. 246. *Гектокотилизированные щупальца* — своеобразно измененные щупальца у самцов головоногих моллюсков, часть аппарата размножения.

С. 246. *P<ost> T<extum>* — АБС использовали это сокращение, поскольку на клавиатуре пишущих машинок не было латиницы. Но в рукописных письмах употребляли обыкновенное «P. S.».

С. 246. *Скажи Ариадне, что «Глеги» ее ненормально растянуты...* — Громова А. Глеги // Фантастика, 1962 год. — М.: Мол. гвардия, 1962.

С. 246. *А Днепров — не засранец, его здесь не было почти два месяца, и в создании этого номера он не участвовал.* — Имеется в виду публикация АНС: Движущей силой будущего общества явится удовлетворение духовных потребностей человека // Техника — молодежи (М.). — 1962. — № 12.

С. 247. *В № 1 альманаха будут опубликованы 4 (а м<ожет> б<ыть>, и сразу б) рассказов Ильи Иосифовича.* — Было опубликовано 7 рассказов.

С. 247. *Я знаю уже двоих квалифицированных читателей, которые полагают эту повесть лучшей в сборнике.* — См. трактовку обычного для публицистики и переписки АБС термина в т. 6 в рабочих записях БНС 1961–1962 гг. № 3: «...я имею в виду квалифицированных читателей, которые отличаются от всех прочих тем, что, во-первых, читают много (...), а во-вторых, любят не только читать, но и перечитывать». См. также в т. 4 эссе АНС.

С. 248. *...хоть бы она понравилась предрежащим!* — Т. е. «властям предрежащим».

С. 248. *Жизнь идет своим чередом, подталкивая отстающих железными плечами.* — Ср.: «История была прищпорена, история понеслась вскачь, звеня золотыми подковами по черепам дураков». А. Н. Толстой, «Гиперболоид инженера Гарина», гл. 112.

С. 248. *Покопайся во всех доступных тебе толковых словарях ~ примеры бывают забавные.* — Многочисленные определения счастья использованы в ПНВС.

С. 248. *...перевел там какого-то допотопного серба, которого ставят рядом с Мицкевичем и Пушкиным...* — Речь о классике сербскохорватской литературы Иване Гундуличе.

С. 249. *«Мечта и наука»* — предполагавшаяся серия альманахов НФ издательства «Знание». В 1963 г. вышло два нумерованных выпуска — «Новая сигнальная» и «Черный столб», а с 1964 г. стали выходить номерные сборники «НФ» (до № 36 в 1992 г.).

С. 249. *Общество по распространению* — Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний в 1963 г. было переименовано во Всесоюзное общество «Знание».

С. 250. *Читаю сейчас (...) Гутенмахера «Электронные информационно-логические машины».* — Гутенмахер Л. Электронные информационно-логические машины. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962.

С. 250. *В 12 номере «Нового мира» есть об этом длинноватая, но неглупая статья.* — Туровская М. Мифология технической эры // Новый мир (М.). — 1962. — № 12.

С. 251. «Гриада», «Оранжевая планета» — романы А. Колпакова и Л. Оношко (точнее, «На оранжевой планете»).

С. 251. «Гость из Космоса», «Кор Серпентис», «Инфра Дракона» — рассказ А. Казанцева, повесть И. Ефремова «Сог Serpentis (Сердце Змеи)», рассказ Г. Гуревича.

С. 251. (*Хорошее название для пародии: «Кость из Космоса».*) — Выше, во фразе «Раскошен был также “Гость из Космоса”» БНС первоначально ошибочно напечатал «Кость», что и вызвало реплику в скобках.

С. 251, 256. *Кстати, вышла статья моя и Поттера «Об асимметрии фигур больших планет».*; *Посылаю научный труд. Можешь хвастаться, как твой брат разложил Козырева.* — Поттер Х., Стругацкий Б. К вопросу об асимметрии фигур больших планет // Изв. ГАО (Л.). — 1963. — Т. 23. — Вып. 1. — № 171. **БНС, 21.08.2012:** В «Труде» доказывалось, что так называемая асимметрия фигур больших планет есть следствие асимметричного расположения темных полос на поверхности планеты. Козырев по гораздо менее точным измерениям пытался доказать, что эта асимметрия есть объективное свойство фигур больших планет, возникающее как результат действия законов «асимметричной механики», которую он придумал и пытался обосновать своими опытами и наблюдениями. Наш труд доказал, что в привлечении к объяснению наблюдений идеей асимметричной механики никакой необходимости нет. Все объясняется и без нее. К сожалению, аналогичная судьба постигла ВСЕ наблюдения и эксперименты Козырева. Все они находили свое объяснение без привлечения асимметричной механики.

С. 251. *Хикари-тика удо!* — Т. е. «Великий и могучий утес». Автоцитата из ПКБ.

С. 252. *Получил деньги из (...) Калининграда.* — За «Глубокий поиск» в сборнике «Капитан звездолета» (Калининград: Кн. изд-во, 1962).

С. 252. *...что сказал Андреев о нашем литпортрете Днепров?* — См. заметку «Анатолий Днепров» в разделе публицистики т. 6.

С. 252. *«Вселенная, жизнь, разум» Шкловского* — Шкловский И. Вселенная, жизнь, разум. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962.

С. 252. *...французского журнала «La Vie Ouvrière» (хрен его знает, что это значит)...* — Описка АНС. Имелся в виду «La Vie Ouvrière» — «Рабочая жизнь».

С. 252. *Журналы №№ 950, 951, 952, за ноябрь прошлого года. Там самая середина повести.* — В парижском журнале «La Vie Ouvrière» (№№ 945–958, 10.10.1962 — 9.01.1963) печатался перевод ПНА, ранее опубликованный в советской антологии «Le chemin d'Amalthee» (М.: Editions en langues étrangères, [1962]; перевод V. Gopner и L. Gaurin).

С. 253. *В журнале «Смена» приводится интервью с Лемом.* — Репин Л. Гость из космоса // Смена (М.). — 1963. — № 3.

С. 254. *Войскунский и Лукодянов прислали наконец мне свою «Операцию “Зубная паста”».* — Повесть была опубликована в 1963 г. под заглавием «Черный столб» в одноименном альманахе издательства «Знание» и в сборнике «Фантастика, 1963 год».

С. 254. *Был у меня Аматауни, (...) работает сейчас над третьей и последней частью своей «Гаяны»...* — Аматауни П. Парадокс Глебова. — Ростов н/Д: Кн. изд., 1966.

С. 254. *Дуся, вы меня озлобляете! Я человек измученный, дуся!* — Приблизительная цитата из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»: «Дуся! — удивился монтер. — Вы меня озлобляете. Я человек, измученный нарзаном. (...) Я же, дуся, человек измученный» (ч. 3, гл. 36).

С. 255. *Я должен рецензировать на заседании секции макрушинский «Первый день на Марсе».* — Макрушин В. Первый день на Марсе // Молодая гвардия (М.). — 1961. — № 5. (Публикация не была завершена.)

С. 256–257. *Был у нас Димка Брускин ~ Прочитал я его перевод в «Искателе», понравилось.* — Лем С. Лунная ночь / Пер. Д. Брускина // Искатель (М.). — 1963. — № 1.

С. 257. *Жировка* — счет-квитанция на оплату коммунальных услуг.

С. 257. *Провались он пропадом, этот СССР, но ведь никуда не денешься: согласно закона гражданин обязан работать в какой-то организации. Совсем неохота на старости лет давать объяснения в милиции.* — Опасения были совсем не беспочвенны. Через год, в марте 1964 года, в Ленинграде был осужден за «тунеядство» и сослан поэт И. Бродский.

С. 258. *...задумал новую повесть. Жуть. На основе идеи Бенни Дурова, но не совсем. Грубо говоря: человек будущего в стране мещан, куда попал случайно и не может выбраться.* — Набросок сюжета повести см. далее: «Рабочие записи, 1963». Бенни Дуров — персонаж, ранее упомянутый в ПКБ. Сюжет частично реализован в ОО.

С. 258. *Дерзну на все, что смеет человек, / Кто смеет больше — зверь. Это из «Макбета»...* — У. Шекспир, «Макбет», акт 1, сц. 7. Перевод С. Соловьева.

С. 258. *Аркадий — брату, 10 марта 1963...* — Датировка составителей.

С. 258. *Горком литераторов* — горкомом или группкомом именовалась профсоюзная организация писателей.

С. 258. *Он мне первому дал роман «Лезвие бритвы», который пойдет предварительно в «Неве».* — Будущая публикация: Ефремов И. Лезвие бритвы // Нева (Л.). — 1963. — №№ 6–9.

С. 259. *Господин Бонасье* — персонаж романа А. Дюма-отца «Три мушкетера».

С. 259. *Найди хорошего критика, хотя бы того же Травинского, и уговори написать для «Знания» рецензию на сборник «Фантастика, 62 год».* — Опубликовано: Травинский В. Раскроем сборник «Фантастика, 1962 год» // Черный столб. — М.: Знание, 1963.

С. 260. *Оф корз* — of course — конечно (англ.).

С. 261. *...бледнопухлый мой брат...* — Аллюзия на обращение «Мой бледнолицый брат» из романов К. Мая о Виннету.

С. 261. *Чтобы женичины плакали, стены смеялись, и пятьсот негодяев кричали: «Бей! Бей!»...* — Приблизительная цитата из романа А. Дюма-отца «Виконт де Бражелон», ч. 2, гл. 4. Перевод под редакцией Н. Таманцева.

С. 261. *Сижу соби...* — **БНС, 14.03.2008**: Это начало малоприличной семейной прибаутки, которую мама привезла из Середины-Буды и которая была у нас в большом ходу.

С. 261. *...перевозжу забавный рассказик Абэ Кобо...* — Первое издание: Абэ К. Тоталоскоп / Пер. С. Бережкова // НФ: Альманах науч. фантаст.: Вып. 1. — М.: Знание, 1964.

С. 261. *«Пилигримы» Бродского* — стихотворение И. Бродского 1958 г.; до середины 1980-х гг. распространялось в машинописи.

С. 261. *...Соколов (...) для переговоров о его книге в изд<ательст>ве «Искусство». Он жаждет, чтобы текст к его альбому написали мы.* — См. в разделе публицистики материал «Предисловие к набору открыток А. Соколова».

С. 261. *...что тебе еще надобно, старче?* — Неточная цитата из «Сказки о рыбаке и рыбке» А. Пушкина.

С. 264. *Французский журнал «Фиксьён»* — «Fiction» — французское издание американского журнала «The Magazine of Fantasy and Science Fiction». Журнал был создан в 1953 г. М. Рено и Ж. Бержье.

С. 264. *Советский сборник «Путь на Амальтею»* — «Le chemin d'Amalthee» (М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1962).

С. 264–265. *...стены зальются кровью, как нос сосуда гнева...* — Реминисценция «Посмертных записок Пиквикского клуба»: «— И для сосуда гнева это тоже великое горе, — добавил мистер Стиггинс. — Сердце у сосуда благодати обливается кровью. / Сын услышал, как мистер Уэллер пробормотал что-то о том, как бы и нос сосуда благодати не облился кровью, но мистер Стиггинс этого не слышал» (гл. 52). Перевод А. Кривцовой и Евгения Ланна.

С. 265. *Видел в верстке пародию И. И. <Варшавского> на «Стажеров».* Она, кажется, идет-таки в «Звезде» номер пять или шесть. — Публикация не состоялась. Пародия была издана лишь спустя четверть века: Варшавский И. Аннигилисты: Глава из научно-фантастической повести «Звездный ревизор» // Сов. библиогр. (М.). — 1989. — № 4.

С. 265. *...на предстоящем съезде писателей...* — Видимо, речь о намечавшемся II Съезде писателей РСФСР, который состоялся лишь 3–7.03.65.

С. 266. *...Альтов выступает против постулата скорости света Эйнштейна. Но в тридцатых годах фашисты мучили и преследовали Эйнштейна именно за этот его постулат. Все вещи Альтова так или иначе играют на руку фашизму...* — Использовано в ХС.

С. 267–268. *...пародий на Казанцева не печатают.* — Пародия на А. Казанцева входила в цикл пародий: Альтов Г., Скворцов А. Из пушки на Луну: Литературные пародии / [среди прочих пародий:] А. Казанцев. Из пушки по пылающей Луне // Знание — сила (М.) — 1959. — № 12.

С. 269. *...по твоему слову...* — Отсылка к Евангелию от Луки, гл. 2, стих 29.

С. 269. *...брат мой, друг мой...* — Ср. с зачином одноименного стихотворения С. Надсона: «Друг мой, брат мой, усталый страдающий брат...»

С. 270. *...секретаря ЦК по пропаганде...* — Речь идет о секретаре ЦК ВЛКСМ по пропаганде А. Камшалове.

С. 270. *...Ляпунов звонил, требует наши биографии для японских издательств, где выпускают наши книги (или книгу, не знаю точно).* — Roppon no macchi / Transl. Ipei Fukuro // Uchuu kakeru mono. — Токуо: Науакэва, 1963. — Япон. яз. — Загл. ориг.: Шесть спичек.

С. 270. *«Обсервацион дё Пулково»* — вероятно, «Bulletin de l'observatoire central à Poulkovo» (французская версия журнала «Известия Главной астрономической обсерватории в Пулкове»).

С. 271. *...брось, это все философия, а не выпить ли нам водки!* — Приблизительная цитата из повести А. Куприна «Колесо времени»: «Впрочем, это все философия. Бросим! Допьем наше вино» (гл. 12).

С. 272. *Проштудировал <Иосифа> Шкловского...* — Шкловский И. Вселенная, жизнь, разум. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962.

С. 272. *...Шепли «Звезды и люди».* — Шепли Х. Звезды и люди. — М.: Изд-во иностр. лит., 1962.

С. 272. *...Халифмана «Пароль скрещенных антенн».* — Халифман И. Пароль скрещенных антенн. — М.: Детгиз, 1958, 1962.

С. 272. *Дж. Уиндем, «Дни триффидов», «Кракен пробуждается», «Куколки», «Кукушки Мидвича»* — «The Day of the Triffids», «The Kraken Wakes», «The Chrysalids», «The Midwich Cuckoos».

С. 272. *...диафильм для ребят о межзвездном путешествии на базе «Частных предположений».* — Договор со студией «Диафильм» на написание сценария «17 лет в космосе» датирован 27 апреля. Диафильм «Девятая планета Тайи» выпускался несколько раз в 1964–1968 гг.

С. 274. *Ходят разговоры, что Союз упразднят, будет нечто вроде общего культурно-творческого союза под управлением непосредственно из ЦК и членство там будет считаться заново, то есть сначала всех исключат, а затем начнут принимать снова.* — В начале 1963 года членом правления Союза писателей СССР В. Кочетовым было предложено вместо трех творческих союзов — писателей, художников и композиторов — создать единую Ассоциацию деятелей всех искусств и объявить новый прием. Председателю СП СССР К. Федину и другим лицам удалось переубедить склонявшегося к этому плану Н. Хрущева, и слияние не состоялось.

С. 274. ...в сегодняшней «Литературке» печатан отрывок из научно-фантастической повести Тендрякова. Она будет печататься в «Науке и жизни». — Тендряков В. Путешествие длиной в век // Наука и жизнь (М.). — 1963. — №№ 9–12.

С. 274. ...итальянский фильм «Мафия»... — Возможно, итал. к/ф 1962 г. «Человек, которого нужно уничтожить» реж. В. Орсини и П. и В. Тавиани.

С. 274. Сейчас читаю Кафку «Судебный процесс»... — Поскольку первое русскоязычное издание «Процесса» было в издании: Кафка Ф. Роман. Новеллы. Притчи (М.: Прогресс, 1965), — можно предположить, что АНС читал Кафку в английском переводе.

С. 275. В журнале «Дружба народов» помещена статья о фантастике. — Черная Н. Через будущее — о настоящем. Заметки о творчестве молодых русских и украинских писателей-фантастов // Дружба народов (М.). — 1963. — № 4.

С. 277. Вчера ездил под Москву в Кудиново, выступал там в школе, где преподает мой приятель Женя Вайсброт... — См. фото на с. 6 вклейки.

С. 277. Учитель Тенин — персонаж новеллы «Злоумышленники» из ПХХПВ.

С. 277. ...преследования по пункту 5... — Пятый пункт или «пятая графа» в анкетах советского времени — национальность.

С. 278. Парнов и Емцев написали повесть «Душа мира». — Издана в следующем году в сборнике М. Емцева и Е. Парнова «Уравнение с Бледного Нептуна» (М.: Мол. гвардия, 1964).

С. 278. Международный кворум — нарочитая шуточная неправильность; нужно «форум».

С. 279. Видел верстку книги Дмитревского и Брандиса «Через горы времени» (о Ефремове). — Брандис Е., Дмитревский В. Через горы времени. Очерк творчества И. Ефремова. — М.–Л.: Сов. писатель, 1963.

С. 279. ...читал в «Юманите» статью А. Стиля о сов<етской> н<аучной> ф<антастике>. — Обзор советской фантастики А. Стиля «Gens de la Lune» опубликован в: L'Humanite (Paris). — 1963. — 11 апр.

С. 279. Аркадий — брату, 16 мая 1963... — Датировка составителей.

С. 279. В № 2 этого же журнала за этот год помещен совершенно полный перевод «Шести спичек». — Roppon no macchi / Transl. Ipppei Fukuro // SF-magazine (Tokyo). — 1963. — № 2.

С. 280. ...мне предстоит огромная работа по переводу с японского. — Будущее издание: Саньютэй Энтё. Пионовый фонарь / Перевод с яп. А. Стругацкого. — М.: Худож. лит., 1964.

С. 281. Исаия, ликуй! — Восклицание из православного свадебного песнопения — ирмоса: «Исаия ликуй, се дева име во чреве, и роди сына Эммануила, Бога же и человека, Восток — имя ему».

С. 281. Эоэлла — персонаж романа А. Казанцева «Внуки Марса» («Планета бурь»).

С. 281. Свобода, свобода, богиня богинь. Свободным он родился, не гнул ни разу спину. — Песни из «Спартака» Р. Джованьоли в переводе Л. Френкель.

С. 281. И солнце благоденствия воссияло над восемью углами вселенной. — Параллель — в статье АБС «Вопросы без ответов» (см. публицистику 1991 г.): «Хакко-итиу! Восемь углов Вселенной — одна крыша!» Японский милитаристский девиз.

С. 282. У меня на рецензии новая повесть Гора — «Уэра». — Будущее издание: Гор Г. Уэра // НФ: Альманах науч. фантаст.: Вып. 1. — М.: Знание, 1964.

С. 282. ...соавтор Юрки Коптева (никак не запомню, как его зовут)... — Невинский Виктор Васильевич, физик, педагог, писатель.

С. 282. О! Раб Машины! Барб аль-Нат эль-Струг! — Пародируется стиль арабских сказок.

С. 283. ...а также на все, что понадобится впредь! — Цитата из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок», ч. 2, гл. 19.

С. 284. *Аркадий — брату, 6 июля 1963...* — Датировка составителей.

С. 285. *«Записки о Шерлоке Холмсе»* — сборник рассказов А. Конан-Дойла.

С. 285. *Аркадий — матери, 14 июля 1963...* — Датировка составителей.

С. 289. *Мунгал* — архаические произношение и написание слова «монгол»; отсылка к трилогии В. Яна.

С. 289. *...безликий сафроновский коммунар...* — Вероятно, имеется в виду повесть Ю. и С. Сафроновых «Внуки наших внуков».

С. 291. *Ничегё* — **БНС, 17.07.2010**: Словечко «ничегё» придумано было и имело хождение у нас в ГАО, в компании 18-й комнаты. Кто придумал, теперь уже и не вспомнить. По-моему, оно плавно перешло в реальность из известного анекдота: «...А не испытать ли нам кофейкЮ, граф?.. ОтчегЁ же...»

С. 291. *«Дети в период реконструкции решают все»* — перефразировка слов И. Сталина «Техника в период реконструкции решает все» («О задачах хозяйственников», речь на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г.).

С. 292. *...читал я книгу генерала Фуллера «Вторая мировая война».* — Фуллер Дж. Вторая мировая война 1939–1945 гг. Стратегический и тактический разбор. — М.: Изд-во иностр. лит., 1956.

С. 294. *...статью о генетике в № 3. (...) заставили перепечатать статью лысенковца Ольшанского, громящую предыдущую статью...* — Медведев Ж., Кирпичников В. Перспективы советской генетики // Нева (Л.). — 1963. — № 3; Ольшанский М. Против фальсификации в биологической науке // Нева (Л.). — 1963. — № 9.

С. 294. *Солженицынская Матрена* — персонаж рассказа «Матренин двор».

С. 297. *Аркадий — брату, 5 октября 1963...* — Датировка составителей.

С. 297. *При сем прилагаю письмо из Одессы.* — Одесская киностудия художественных фильмов приглашала АБС на творческую конференцию писателей, ученых, кинематографистов во второй половине ноября 1963 года. Конференция не состоялась.

С. 297. *Будем надеяться, что из своих эмоций они не станут делать культа.* — Реминисценция романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок»: «Не делайте из еды культа» (ч. 1, гл. 6).

С. 298. *Купил Олдриджа «Последний изгнанник».* (...) Это продолжение «Не хочу, чтобы он умирал». — Олдридж Дж. Последний изгнанник. Т. 1–2. — М.: Изд-во иностр. лит., 1963; Олдридж Дж. Не хочу, чтобы он умирал. — М.: Гослитиздат, 1958.

С. 298. *Прочитай в № 7 «Звезды» «Возвращение к горизонту».* — Повесть В. Краковского.

С. 299. *Когда начинаю думать, лезет в голову отнюдь не «Суета», а бледные слюнявые физиономии на пляже в Булли.* — **БНС**, «Комментарии к пройденному»: «События должны были развиваться на острове Булли, что в Рижском заливе, — там АН отдыхал с семьей в июле 1963-го, и места эти поразили его воображение. Называться новая повесть должна была — «Крысы». (...) Не помню уже всех деталей, помню только, что вещь задумывалась как совершенно реалистическая. Время действия — наши дни. Место действия — Латвийская ССР. Действующие лица — наши современники, только странные и страшные, словно оборотни. Собственно, они и были оборотнями, ночным ужасом острова Булли».

С. 299. *Пусть директор твой подпишет! Пуссау! Куссау! Муссау! Динк!* — **Сост.:** Любопытное заклинание. Не проясните, откуда? **БНС, 1.06.2006:** «Заклинание», похоже, из «Сталки и Ко». Речь же, по-моему, идет о моем заявлении директору Пулково о предоставлении мне отпуска за свой счет. **Сост.:** Возможный источник в «Сталки и Ко»: «Hoosh! Yai! Yaow! Maiow! Ftzz!» (гл. «An Unsavory Interlude»). В сохранившемся

варианте перевода АНС эти междометия переданы близко к тексту Киплинга: «Хуш! Яй! Йоу! Майоу! Физз!»

С. 300. *О, томленье, ожиданье и сортирное сиденье...* — Спародированы строки «Попутной песни» М. Глинки на слова Н. Кукольника: «Пестрота, разгул, волнение, / Ожиданье, нетерпенье...»

С. 300. *...Север написал изумительный рассказ — «День гнева».* — Будущая публикация: Гансовский С. День гнева // НФ: Альманах науч. фантаст.: Вып. 1. — М.: Знание, 1964.

С. 300. *Читал в № 9 «Невы» отзыв читателя о «Возвращении»?* — Акимова А. Будущее человечно // Нева (Л.). — 1963. — № 9.

С. 300. *...сборничек Лема «Формула Лимфатера».* — Лем С. Формула Лимфатера. — М.: Знание, 1963.

С. 301. *...Жак Бержье (кот<орый> писал статью в «На суше и на море», помнишь?)...* — Бержье Ж. Советская научно-фантастическая литература глазами француза // На суше и на море. — М.: Гос. изд-во географ. лит., 1961.

С. 302. *А вот пародию в ЛитГаз читал.* — Слукин В., Карташев Е. Тело молчало // Лит. газета (М.) — 1963. — 19 окт.

С. 302. *Сведения о рецензии в «Фиксьон» — любопытны. (...) Азимов считает «Шесть спичек» самым американским рассказом в сборнике «Кор серпентис».* — Видимо, рецензия на издание: More Soviet Science Fiction / Introduction by I. Asimov. — NY: Collier Books, 1962. «Кор серпентис» — имеется в виду следующий сборник: The Heart of the Serpent. — М.: Foreign Languages Publishing House, [1962].

С. 304. *...на бой кровавый, святой и правый.* — Слова песни «Варшавянка». Музыка С. Монюшко, слова Г. Кржижановского.

С. 305. *Получил от Володьки «Черные судьбы»...* — Травинский В. Черные судьбы. — Л.: Детгиз, 1963.

С. 305. *...«Навстречу гибели» о Ланперузе Чуковского...* — Чуковский Н. Навстречу гибели. Повесть о плавании и смерти капитана Ла-Перуза (издания 1929–1936 гг.).

С. 305. *...«История одного неудачника» Шпанова о Папене...* — Шпанов Н. История одного великого неудачника. — М.–Л.: Детиздат, 1936.

С. 305. *«Шесть гениев»* — опубликовано в одноименном сборнике С. Гансовского (М.: Знание, 1965).

С. 306. *...в ЦО «Правда» от 2 ноября с<его> г<ода> появилась обширная и благожелательная рецензия на его книжку...* — Попов Вен. Цивилизаторы, принесшие рабство // Правда (М.). — 1963. — 2 нояб.

С. 306. *«Как погибли миллионы негров»* — Травинский В. Как погибли миллионы негров. — М.: Соцэкгиз, 1963.

С. 307. *В таком вот аксепте.* — **БНС, 9.08.2012:** Это было обычное у нас словоговорение. Не помню, как это называется «по науке»: нарочито неправильное произношение слов для придания оттенка простонародности, нарочитой безграмотности и пр. Как сейчас в И-нете пишут «аффттар» вместо «автор». **Сост.:** Впоследствии использовано в ПНВС.

С. 307. *Да, прочел в «Звезде» повесть Лема «Крыса в лабиринте» в переводе Брускина. Как-то не очень. Похоже на «Солярис», но существенно хуже. А вот рассказик в заниевском сборнике, тот, о солипсисте-практике, великолепен.* — Лем С. Крыса в лабиринте // Звезда (Л.). — 1963. — № 10; Лем С. Солярис // Звезда (Л.). — 1962. — №№ 8–10; Из воспоминаний Ийона Тихого. I // Лем С. Формула Лимфатера. — М.: Знание, 1963.

С. 307. *...приезжал из своего Мурома Рафка Нудельман и привозил свою статью о творчестве Стругацких.* — Статья опубликована в издании: Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1963–1966. — М.: АСТ; Донецк: НКП, 2009.

С. 307. *Затем сказал, что рад, что не писал о ТББ, — только теперь понял нашу концепцию.* — По всей видимости, «ТББ» — опечатка АНС. Следует читать: «ПКБ».

С. 307. *Толя Днепров разродился в «Искателе» повестью «Тускарора».* — Днепров А. Тускарора // Искатель (М.). — 1963. — № 5.

С. 308. *...наш дорогой Кафка.* — **БНС, 9.08.2012:** Рафку Нудельмана мы называли Кафкой очень часто. Тем более что он был похож на Франца Кафку даже внешне.

С. 308. *«Яков Свердлов»* — к/ф 1940 г., реж. С. Юткевич.

С. 308. *Читаю отличнейшую книгу: «Забавное евангелие, или Жизнь Иисуса Христа» Лео Таксила...* — Таксиль Л. Забавное евангелие, или Жизнь Иисуса. — М.: Политиздат, 1963.

С. 308–309. *Когда-то я писал тебе об одном чуде из Башкирии, который нашел меня в Пулково и предложил писать сценарий по ПкБ. ~ Снимают на репортажной кинокамере.* — Виталий Ковалев из башкирского города Октябрьский.

С. 310. *Шалимов неожиданно для всех разразился очень забавным рассказиком о путешествии в антимир...* — Будущая публикация: Краткий предварительный отчет о путешествии в Антимир // Шалимов А. Странный мир. — Л.: Сов. писатель, 1972.

С. 311. *У Нины Матвеевны неприятности: в «Крокодиле» обругали морские легенды Смурова, а «Комсомолка» набросилась на очерк Горбовского, все это в последнем «Мире приключений».* — Смуров А. Рассказ о плавающем острове. Рассказ о капитане Ван Страатене, прозванном Летучим Голландцем. Рассказ о Дике Долгоносе и о капитане Дэви Джонсе, подписавших морской договор. Рассказ о воздушном корабле // Мир приключений, № 9. — М.: Детгиз, 1963. Отв. редакторы Н. Беркова, А. Стругацкий; Горбовский А. Четырнадцать тысячелетий назад // [там же].

С. 311. *В Детгизе мне передали пришедшую на мое имя бандероль из Японии. Журнал «Эс-Эф магадзин». Там добросовестный и скрупулезный перевод «Частных предположений» под названием «Первая попытка».* — Saisho-no Kokoromi / Transl. Norikazu Iida // SF-magazine (Токио). — 1963. — № 11. — Япон. яз.

С. 311. *В том же журнале статья японского фантаста Комацу Сакё — ответ на статью Ефремова, что в «Фантастике-62».* — Ефремов И. Наука и научная фантастика // Фантастика, 1962. — М.: Мол. гвардия, 1962. Ранее та же статья была опубликована в журнале «Природа» (1961, № 12).

С. 311. *Взялся за Винера — читаю «Кибернетику и общество»...* — Винер Н. Кибернетика и общество. — М.: Изд-во иностр. лит., 1958.

Борис Стругацкий. Письма супруге

Представлены письма БНС Аделаиде Андреевне за 1963 г. Фамилии персоналий, именованных кратко, даются прямо в тексте письма в угловых скобках.

Публикуется впервые.

С. 313. *Мидия* — прозвище Лидии Камионко. Упоминается также в ДЗ.

С. 313. *И всем понравился Лагин...* — Речь о повести «Майор Велл Эндью, его наблюдения, переживания, мысли, надежды и далеко идущие планы, записанные им в течение последних пятнадцати дней его жизни».

С. 313. *...читаю книжку «Столкновение в океане» одного американского журналиста со странной фамилией Москоу...* — Москоу Э. Столкновение в океане. Пассажирские лайнеры «Стокгольм» и «Андреа Дориа». — Л.: Мор. транспорт, 1962.

С. 313. *ВМА* — Военно-медицинская академия.

С. 314. *...единое, мол, счастье — работа.* — Отсылка к зачину стихотворения В. Брюсова «Работа».

С. 314. *...дяденька, работающий в астраханском заповеднике (он поклонник бр. Стругацких, очень приглашал к себе в гости, надо бы воспользоваться, хоть я и забыл, как его зовут)...* — Писарев Юрий Алексеевич.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Рабочие записи, 1963

Машинопись из папки «Разные черновики».

Написано в 1963 г. Упоминается в письме БНС от 8.03.63.

Первая публикация: Неизвестные Стругацкие. Черновики. Рукописи. Варианты. От «Понедельника...» до «Обитаемого острова» — Донецк: Сталкер, 2006.

Аркадий Стругацкий. Дневник, 1961–1965

Фрагмент дневника за 1963 г.

Публикуется впервые.

С. 318. *Едва-едва половина Чижевского готова...* — Чижевский Г. В дебрях времени: Палеонтологическая фантазия. — М.: Детгиз, 1963. Ответственные редакторы Н. Беркова и А. Стругацкий. Повесть написана при фактическом участии АНС.

С. 318. *Штык в землю* — антивоенный лозунг времен Первой мировой войны.

С. 319. *...на о<стро>ве Булли, за мостом от Val der Aa.* — Топонимы варьируются также как «Буллю» и «Vulderaa».

С. 319. *Регулярно и методически делаю «Пионовый фонарь» — по 5 страниц в день. Вдохновлен статьями Чуковского. Беда в том только, что неизвестно, какие слова японские жаргонные, какие простые, какие пышные. Действую инстинктом.* — К. Чуковский анализировал использование переводчиками жаргонизмов и просторечий в следующих статьях: Чуковский К. Бедный словарь — и богатый // Лит. газета (М.). — 1963. — 20 июля; Чуковский К. Вина или беда? // Лит. газета (М.). — 1963. — 3, 10 авг. См. также в т. 8 запись от 5.11.64 в дневнике АНС 1961–1965 гг.: «Только что звонила Вера Николаевна <Маркова>, ей прислал открытку Корней Чуковский, хвалил перевод «Пионового фонаря», написал: «Аркадий Стругацкий — большой мастер». Это лестно».

С. 320. *«Темный ум, холодная мысль, мелкая цель. Вот какие они были — оборотни нашего мира».* — Планировавшийся эпиграф к ХВВ. Упоминается в «Комментариях к пройденному» БНС.

С. 321. *...для «НФ» или для «30 дней»...* — Журнал «30 дней» издавался в 1925–1941 гг. В 1963 году планировалось издание нового ежемесячника под названием «Современник» или «30 дней».

Аркадий Стругацкий. Дневник приездов в Ленинград, 1962–1970

Фрагмент дневника приездов АНС в Ленинград за 1963 г. Дневник представляет собой ряд датированных записей карточных игр АБС и Александры Ивановны с комментариями о работе над произведениями АБС. (Счет игр в настоящем издании опущен.)

Первая публикация — Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1963–1966. — М.: АСТ; Донецк: НКП, 2009.

С. 321. *«Козара»* — югославск. к/ф 1962 г., реж. В. Булаич. Упомянут в ПНВС.

Аркадий Стругацкий. Дневник, 1963–1970

Фрагмент тетради с планами на предстоящие дни 1963 года из папки «Дневники АНС 1960–1970 гг.».

Публикуется впервые.

С. 323. *Рецензия на «The Sands of Mars».* — Рецензию на роман А. Кларка «Пески Марса» см. в разделе публицистики.

Аркадий Стругацкий. Записная книжка, 1962–1963

Книжка включает в себя планы занятий и встреч, выписки из книг, адреса и телефоны знакомых. Для настоящей публикации отобраны записи, предположительно относящиеся к 1963 г.

Выдержки из записной книжки публикуются впервые.

С. 327. *Inventing the Future / Dennis Gabor / (для ХВВ)* — футурологическое исследование Д. Габора «Inventing the Future» (London: Secker & Warburg, 1963) неоднократно упоминалось и использовалось Авторами: ГЛ, ОЗ.

С. 327. *tenacem propositi virum* — строка из «Од» Горация «Justum et tenacem propositi virum» (3, 3, 1) обыкновенно переводится «Человека справедливого и неуклонно идущего к цели <ничто смутить не может>». Цитата использована в ДР со следующим вариантом перевода: «Муж, упорный в своих намерениях».

Аркадий Стругацкий. Записная книжка, 1962–1965

Книжка включает в себя наброски замыслов, выписки и цитаты из книг и статей, заметки по переводам, записи анекдотов, забавные диалоги. Для настоящей публикации отобраны записи, предположительно относящиеся к 1963 г.

Выдержки из записной книжки публикуются впервые.

С. 328. *Рудольф II, Лев бен Бецалель* — персоналии упоминаются в ПНВС.

С. 328. *Это тоже одна из ваших странностей ~ Э. По «Украденное письмо»* — перевод М. Энгельгардта (в части редакций перевода).

С. 328. *Сплошная облачность, но светит ясная круглая луна. Шок!* — Использовано в ГЛ.

С. 328. *Описать мецан в коммунистическом обществе ~ необходимо наслаждение.* — Замысел реализован в ХВВ.

С. 328. *Восстание матери против человека ~ Честертон «Жуткий смысл визита викария».* — Переводчика и публикацию рассказа установить не удалось. Более известен перевод Л. Вайсенберга, озаглавленный «Страшный смысл одного визита».

С. 328. *Подумайте о том, какую дрянь выдают ~ Честертон «Алиби актрисы».* — Перевод В. Стенича (в части редакций перевода).

С. 328. *...устроил тайную школу а la Марк Твен.* — См. гл. 10 и 40 романа «Янки при дворе короля Артура».

С. 329. *«То были дни, когда я познал ~ Пьер Абеляр «История моих бедствий», 11–12 вв.* — Точный источник цитаты см. в примечании к с. 71.

С. 329. *Что есть политэкономия в наше время? Как с обнищанием абсолютным?* — «Относительное обнищание народных масс», «абсолютное обнищание народных масс» — идеологемы экономической теории К. Маркса.

С. 329. *...они мыслили метафизически, по старинке...* — В марксизме «метафизический» — понятие, противопоставленное понятию «диалектический».

С. 329. *Люди, будьте бдительны!* — «Люди, я любил вас, будьте бдительны!» — финальные слова «Репортажа с петлей на шее» героя чешского Сопротивления времен Второй Мировой войны, писателя Ю. Фучика.

Примечания к фотографиям и рисункам

Вкл. С. 6. Событие упоминается в письме АНС от 12.05.63: «Вчера ездил под Москву в Кудиново, выступал там в школе, где преподает мой приятель Женя Вайсброт...»

Вкл. С. 11. Карта упоминается на с. 188 раздела «Варианты рукописей и изданий».

Вкл. С. 13. Карта упоминается на с. 194 раздела «Варианты рукописей и изданий».

В. Курильский, Р. Муринский, Л. Рудман

Библиография. 1963 г.

1. Художественные произведения

1.1. А. и Б. Стругацких

1.1.1. Возвращение (Полдень, XXII век): Фантаст. повесть / Предисл. «Будем ли мы такими?» К. Андреева; Худож. Г. Макаров. — М.: Детгиз, 1963. — 256 с.: ил. — (Б-ка приключений и науч. фантастики). — [1-й вариант].

1.1.2. Далекая Радуга // Новая сигнальная. — М.: Знание, 1963. — С. 50—156. — [Сокр.].

1.1.3. Извне: Повесть в трех рассказах / Худож. В. Кустов // В мире фантастики и приключений. — Л.: Лениздат, 1963. — С. 385—443.

1.1.4. О странствующих и путешествующих // Фантастика, 1963 год. — М.: Мол. гвардия, 1963. — С. 221—232. — (Фантастика. Приключения. Путешествия).

1.1.5. Чрезвычайное происшествие // Рассказы советских писателей: Хрестоматия по русскому языку для иностранцев. — М.: Изд-во Московского ун-та, 1963. — С. 117—124. — [Сокр.].

1.4. Произведения других авторов, созданные при участии Стругацких

1.4.1. В дебрях времени: Палеонтологич. фантазия / Г. Чижевский [при участии А. Стругацкого]; Худож. Г. Чижевский. — М.: Детгиз, 1963. — 158 с.: ил.

2. Статьи, интервью, выступления

2.1. А. и Б. Стругацких

2.1.1. [Предисловие к набору открыток А. Соколова] // Космическая фантазия: [Открытки]: / Худож. А. Соколов. — М.: Изогиз, 1963. — [16 отд. л. в обл.]. — Вкладной листок. — [4] с.

2.3. Б. Стругацкого

2.3.1. О вычислении эфемерид Солнца и планет земной группы на счетно-аналитических машинах с целью обработки меридианных наблюдений / Д. Положенцев, Б. Стругацкий // Труды 15-й астрометрической конференции СССР. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. — С. 113—116.

2.3.2. Применение счетно-аналитических машин для решения некоторых задач астрофотографии / Х. Поттер, Б. Стругацкий // Труды 15-й астрометрической конференции СССР. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. — С. 220—224.

2.3.3. О составлении таблиц для астролябии Данжона с использованием современных вычислительных машин / Е. Крейнин, Д. Положенцев, Б. Стругацкий // Труды 15-й астрометрической конференции СССР. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. — С. 333—335.

2.5. Изложение выступлений А. Стругацкого другими авторами

2.5.1. О ходе подготовки к творческой конференции по производству сказочных, научно-фантастических, приключенческих фильмов / Одесская киностудия худ. фильмов // Бюллетень Одесской киностудии худ. фильмов. — [1963]. — № 5. — С. 3—4. — [Предложения А. Стругацкого по работе конференции].

4. Редакторская и составительская работа

- 4.1. Болдырев В. Гибель Синего Орла / Отв. ред. А. Стругацкий. — М.: Детгиз, 1963.
 4.2. Гансовский С. Шаги в неизвестное / Отв. ред. А. Стругацкий. — М.: Детгиз, 1963.
 4.3. Громова А. Поединок с собой / Отв. ред. А. Стругацкий. — М.: Детгиз, 1963. — (Б-ка приключений и науч. фантастики).
 4.4. Казанцев А. Внуки Марса / Отв. ред. А. Стругацкий. — М.: Детгиз, 1963.
 4.5. Чижевский Г. В дебрях времени / Отв. ред. Н. Беркова и А. Стругацкий. — М.: Детгиз, 1963.
 4.6. Мир приключений. Кн. 9 / Отв. ред. Н. Беркова и А. Стругацкий. — М.: Детгиз, 1963.

В. Казаков, Ю. Флейшман

Указатель имен

- Amis Kingsley — см. Эмис Кингсли.
 Asimov Isaak — см. Азимов Айзек.
 Blish James Benjamin — см. Блиш Джеймс.
 Clarke Arthur Charles — см. Кларк Артур Чарлз.
 Gabor Dennis — Габор Деннис (Гринсберг Денеш), английский физик, футуролог.
 Golding William Gerald — Голдинг Уильям Джеральд, английский писатель.
 MacLean Katherine — Маклин Кэтрин, американская писательница.
 Moscow Alvin — см. Москоу Элвин.
 Shute Nevil Norway — Шют Нэвил Норвей, английский, австралийский писатель.
 Simak Clifford — см. Саймак Клиффорд.
 Абелир Пьер — французский философ, писатель.
 Абызов Юрий Иванович — переводчик, критик.
 Абэ Кобо (Кимифуса) — японский писатель.
 Агрест Маттес Менделевич — математик, физик, уфолог.
 Азимов Айзек — американский писатель, популяризатор науки.
 Айдинов Георгий Иванович — директор издательства «Знание», писатель.
 Акимова Алла Николаевна — литературовед, педагог.
 Альтов (Альтшуллер) Генрих Саулович — писатель, теоретик изобретательства.
 Амагуни Петроний Гай — писатель.
 Андерсон Пол — американский писатель.
 Андреев Кирилл Константинович — критик, рецензент.
 Апостолидес Алекс — американский писатель.
 Араки Садао — японский военный и государственный деятель.
 Архимед — древнегреческий математик, механик, инженер.
 Арцимович Лев Андреевич — физик.
 Бабаевский Семён Петрович — писатель.
 Бабат Георгий Ильич — писатель, популяризатор науки.
 Байндер Э. — см. Биндер Иэндо.
 Баллард Джеймс Грэм — английский писатель.

- Беляев Александр Романович — писатель.
- Бержье Жак (Бергер Яков Михайлович) — французский историк науки, журналист, писатель.
- Беркова Нина Матвеевна — редактор издательства «Детская литература», критик, писательница.
- Бецалель Иегуда Лива (Лёва, Лёба) бен — пражский раввин, талмудист, ученый.
- Биндер Иэндо — псевдоним американских писателей, братьев Биндер — Эрла Эндрю и Отто Оскара.
- Бичем Элис — псевдоним английского писателя и редактора Табба Эдвина Чарльза.
- Блиш Джеймс — американский писатель.
- Блок Александр Александрович — поэт.
- Блок Игорь Генрихович — румынский переводчик.
- Блок Р. — см. Блох.
- Блох Роберт Альберт — американский писатель.
- Бобырь Зинаида Анатольевна — писательница, переводчик, критик.
- Богута Кирилл Константинович — биолог, автор рукописей.
- Боллард Дж. — см. Баллард.
- Борунь Кшиштоф — польский писатель.
- Брандис Евгений Павлович — критик, библиограф, литературовед.
- Браун Фредрик Уильям — американский писатель, журналист.
- Брик Лиля Юрьевна (Лили Уриевна) — литератор, «муза» В. Маяковского.
- Бродский Иосиф Александрович — поэт.
- Брускин Дмитрий Михайлович — переводчик, писатель.
- Брэдбери Рэй (Брэдбери Рэймонд Дуглас) — американский писатель.
- Вайсброт Евгений Павлович — переводчик, педагог.
- Валентина — заместитель коменданта гостиницы-общежития ГАО.
- Ван Вогт Альфред Элтон — американский писатель.
- Ван Фогт А. — см. Ван Вогт.
- Ванцетти Бартоломео — американский участник движения за права рабочих.
- Варшавский Илья Иосифович — писатель.
- Верн Жюль Габриэль — французский писатель.
- Вильямсон Дж. — см. Уильямсон.
- Винер Норберт — американский математик, создатель кибернетики.
- Войскунский Евгений Львович — писатель, друг АНС.
- Вольнов Леонид — участник военных сборов.
- Воскресенская (урожденная Ошанина, фамилия по первому замужеству; домашнее прозвище — Крыса) Елена Ильинична — супруга АНС.
- Воскресенская Наталия Дмитриевна — приемная дочь АНС.
- Гайдадымов Виктор Борисович — ученый, изобретатель.
- Гайдадымова Елена (семейное имя — Неля) Евгеньевна — двоюродная сестра Е. Воскресенской.
- Галилей Галилео — итальянский физик, механик, астроном.
- Гамильтон Эдмонд Мур — американский писатель.
- Гансовский Север Феликсович — писатель.
- Гашков Илья Матвеевич — заместитель директора ГАО по хозяйственной части.
- Генрих IV Великий (Генрих Наваррский, Генрих Бурбон) — король Франции.
- Герман Юрий Павлович — писатель.
- Гернсбек Хьюго — американский писатель, редактор.
- Гитлер Адольф — немецкий политический и государственный деятель.
- Гладков Теодор Кириллович — писатель, историк, переводчик.
- Глухова Валентина — однокурсница Е. Воскресенской.
- Глушнёва Ирина Николаевна — астрофизик, переводчик.

- Голд Гораций Леонард — американский писатель, редактор, издатель.
 Голубев Глеб Николаевич — писатель, журналист, публицист.
 Гор Геннадий (Гдалий) Самойлович — писатель.
 Гораций, Квинт Гораций Флакк — древнеримский поэт.
 Горбовский Александр Альфредович — историк, писатель.
 Горбовский Глеб Яковлевич — поэт, писатель.
 Госачинский Игорь Владимирович — астроном, супруг Л. Камионко.
 Готлибы — Юлий Яковлевич, физико-химик, друг БНС; Бютнер Элеонора Константиновна, физик; супруги.
 Гофман Эрнст Теодор Амадей — немецкий писатель.
 Гранин (Герман) Даниил Александрович — писатель.
 Грин Эльмар (Якимов Александр Васильевич) — писатель.
 Громова Ариадна Григорьевна — писательница, критик.
 Гуревич Георгий Иосифович — писатель.
 Гутенмахер Лев Израилевич — математик, специалист в области компьютерной технологии.
 Де Камп Лайон Спрэг — американский писатель.
 де Кэмп Спрейг — см. Де Камп.
 Дейч Александр Николаевич — астроном.
 Дектор Феликс Адольфович — старший редактор издательства «Детская литература».
 Джекобс Уильям Уаймарк — английский писатель.
 Джером Джером Клапка — английский писатель.
 Дин Норман Ломер — американский изобретатель, страховой агент.
 Дмитревский Владимир Иванович — писатель, литературовед, критик.
 Днепров (Мицкевич) Анатолий Петрович — писатель.
 Дойл Артур Игнатус Конан — английский писатель.
 Дубровский Ефим Вульфович — заведующий редакцией издательства «Знание».
 Дюма Дави де Ла Пайетри Александр (отец) — французский писатель.
 Емцев Михаил Тихонович — писатель.
 Ефимов Анатолий Алексеевич — астроном.
 Ефремов Иван Антонович (Антипович) — писатель, палеонтолог.
 Жданов Лев Львович — переводчик.
 Жемайтис Сергей Георгиевич — заведующий редакцией издательства «Молодая гвардия», писатель.
 Жигарев Лев Викторович — заместитель главного редактора журнала «Знание — сила».
 Журавлёв Василий Николаевич — режиссер.
 Журавлёва Валентина Николаевна — писательница.
 Забелин Игорь Михайлович — писатель.
 Зайцев Вячеслав Кондратьевич — историк.
 Закладный Евгений Михайлович — писатель.
 Захарченко Василий Дмитриевич — главный редактор журнала «Техника — молодежи».
 Зыслин (псевдоним — Саксонов) Владимир Исаакович — редактор журнала «Искатель», писатель.
 Ильичёв Леонид Фёдорович — секретарь ЦК КПСС, председатель Идеологической комиссии ЦК КПСС.
 Кабалевская Эдварда Иосифовна — переводчик.
 Казанцев Александр Петрович — писатель.
 Калакуцкая Мария Михайловна — заведующая редакцией издательства «Детская литература».

- Калашникова Галина Яковлевна — редактор детской редакции студии «Диафильм».
- Калецкая Татьяна Павловна — сценарист, супруга В. Травинского, позднее — драматурга А. Гельмана.
- Камшалов Александр Иванович — секретарь ЦК ВЛКСМ по пропаганде.
- Кан Вениамин Липманович — физик, знаток научной фантастики, критик, переводчик.
- Кант Иммануил — немецкий философ.
- Карамзин Николай Михайлович — писатель, историк.
- Карпелюки — Андрей Иосифович, тесть БНС, генерал в отставке; Антонина Николаевна, теща БНС.
- Карсак Франсис (Борд Франсуа) — французский писатель, геолог, археолог.
- Карюков Михаил Фёдорович — оператор, сценарист, режиссер.
- Каттнер Генри — американский писатель.
- Кафка Франц — австрийский писатель.
- Ким Роман Николаевич — писатель.
- Кларк Артур Чарльз — английский писатель, популяризатор науки.
- Клифтон Марк — американский писатель.
- Клюева Бела Григорьевна — редактор издательства «Молодая гвардия».
- Кобаяси Такидзи — японский писатель.
- Козырев Николай Александрович — астроном.
- Колпаков Александр Лаврентьевич — писатель.
- Колумб Христофор — испанский мореплаватель, первооткрыватель Америки.
- Комацу Сакё (Комацу Минору) — японский писатель, журналист.
- Конан-Дойл — см. Дойл.
- Константинов Борис Павлович — физик.
- Коптев Юрий Иванович — писатель, переводчик.
- Копылов Александр Иванович — инженер ГАО, друг БНС.
- Коротеев Николай Иванович — писатель, редактор журнала «Искатель».
- Косолапов Валерий Алексеевич — писатель, руководитель издательств и периодических изданий, ранее — главный редактор «Литературной газеты».
- Кочетов Всеволод Анисимович — писатель, главный редактор журнала «Октябрь».
- Кржижановский — ошиб., см. Хршановский.
- Криспин Эдмунд (Монтгомери Роберт Брюс) — английский писатель, музыкант, критик, редактор.
- Кристофер Джон (Кристофер Сэмьюэл Йоуд) — английский писатель.
- Крыса — см. Воскресенская Елена.
- Куприн Александр Иванович — писатель.
- Кэмпбелл-мл. Джон — американский писатель, редактор.
- Лагин (Гинзбург) Лазарь Иосифович — писатель.
- Лаперуз Жан Франсуа — французский мореплаватель.
- Латэм Филип (Ричардсон Роберт Ширли) — американский писатель, астроном.
- Лебеденко Александр Гервасьевич — писатель.
- Лейнстер Мюррей (Дженкинс Уилл Фитцджеральд) — американский писатель.
- Лейтес Александр Михайлович — критик, литературовед.
- Лем Станислав — польский писатель, философ.
- Ленин (Ульянов) Владимир Ильич — политический и государственный деятель.
- Лукодянов Исай Борисович — писатель.
- Луконин (дружески — Лукончик) Владимир Григорьевич — историк, археолог, друг БНС.
- Лукулл Луций Лициний — древнеримский военный и политический деятель.
- Львов Владимир Евгеньевич — журналист, популяризатор науки.
- Лэтам Ф. — см. Латэм.

- Ляпунов Борис Валерьянович — писатель, критик, библиограф.
 Майзельс Самилла Рафаиловна — переводчик.
 Макаров Юрий (Георгий) Георгиевич — художник-иллюстратор.
 Мак-Лаклин Д. — см. Маклафлин.
 Маклафлин Дин — американский писатель.
 Мак-Орлан (Дюмарше) Пьер — французский писатель.
 Макрушин Валентин Александрович — писатель, редактор.
 Малинина Галина Николаевна — редактор издательства «Знание».
 Малькова Галина Владимировна — редактор издательства «Детская литература».
 Манин Юрий Иванович — математик, друг АБС.
 Маркова Вера Николаевна — переводчик, поэтесса.
 Марлоу Уэб (Маккомас Фрэнсис) — американский писатель, редактор.
 Мартынов Георгий Сергеевич — писатель.
 Маршак Самуил Яковлевич — поэт, переводчик.
 Маяковский Владимир Владимирович — поэт, драматург.
 Маяковский Михаил — переводчик.
 Мельников Виталий Вячеславович — режиссер, сценарист.
 Михайлов Александр Александрович — директор ГАО, астроном.
 Мицкевич Адам Бернард — польский поэт, публицист.
 Монк Джордж, герцог Альбемарль — английский военный и государственный деятель.
 Морозов Николай Антонович — директор ленинградского отделения издательства «Детская литература».
 Моррис Уильям — английский писатель.
 Москоу Элвин — американский журналист, писатель, сценарист.
 Неккер Жак — французский государственный деятель.
 Некрасов Виктор Платонович — писатель.
 Нерон Клавдий Цезарь — древнеримский император.
 Новопашенный Виктор Борисович — астроном, сотрудник ГАО.
 Носик (Борис Михайлович?) — переводчик.
 Нудельман Рафаил (дружески — Рафка, Кафка) Ильич (Эльевич) — литературовед, критик.
 Олдридж Гарольд Эдвард Джеймс — английский писатель, общественный деятель.
 Ольшанский Михаил Александрович — агроном, селекционер, государственный деятель.
 Орвел — см. Оруэлл.
 Оруэлл Джордж (Блэр Эрик Артур) — английский писатель.
 Ошанин Илья Михайлович — синолог, составитель словарей, тесть АНС.
 Ошанина-Фортулатова Екатерина Евгеньевна — теща АНС.
 Пальман Вячеслав Иванович — писатель.
 Панова Галина Валентиновна — инженер ГАО.
 Папен Дени — французский физик, изобретатель.
 Парнов Еремей (дружески — Джереми, Иереми) Иудович — писатель.
 Пастернак Борис Леонидович — поэт, писатель, переводчик.
 Паустовский Константин Георгиевич — писатель.
 По Эдгар Аллан — американский писатель, поэт.
 Пол Фредерик Джордж — американский писатель.
 Полещук Александр Лазаревич — писатель.
 Положенцев Дмитрий Дмитриевич — астроном, заведующий вычислительной лабораторией ГАО.
 Поттер Хейно Иоганнович — астроном-астрометрист, соавтор БНС по астрономическим публикациям.

- Пратт Ф. — см. Прэтт.
 Прэтт Флетчер — американский писатель.
 Пушкин Александр Сергеевич — поэт, писатель.
 Разговоров Никита Владимирович — писатель, журналист, критик, переводчик.
 Рассел Эрик Фрэнк — английский писатель.
 Рахим Зея Абдулкерим-оглы Харун Аль-Каири — переводчик.
 Рахманов Леонид Николаевич — писатель.
 Рём Эрнст Юлиус — немецкий политический деятель.
 Ришельё Арман Жан дю Плесси — французский государственный деятель.
 Романов Алексей Владимирович — председатель Госкино СССР.
 Рудольф II — король Германии, император Священной Римской империи, король Богемии.
 Рябкин Анатолий Григорьевич — переводчик.
 Савченко Владимир Иванович — писатель.
 Саймак Клиффорд Дональд — американский писатель.
 Сакко Никола — американский участник движения за права рабочих.
 Санович Виктор Соломонович — переводчик, редактор Гослитиздата.
 Сапарин Виктор Степанович — писатель, главный редактор журнала «Вокруг света».
 Сафроновы Юрий Павлович и Светлана Александровна — писатели, супруги.
 Свенцицкая Наталия Александровна — физик-оптик, знакомая БНС, супруга Ю. Чистякова.
 Свердлов Яков Михайлович — политический и государственный деятель.
 Семёнов Николай Николаевич — физик, председатель правления Всесоюзного общества «Знание».
 Скидоненко Елена Степановна — редактор Второго объединения киностудии «Мосфильм».
 Смолян Александр Семёнович — журналист, писатель.
 Смуров А. — писатель.
 Соболев Виктор Викторович — астроном.
 Соболев Леонид Сергеевич — писатель, председатель правления СП РСФСР.
 Соколов Андрей Константинович — художник, иллюстратор.
 Соколов Олег Игоревич — редактор издательства «Знание».
 Солженицын Александр Исаевич — писатель, правозащитник.
 Соловьёв Николай — участник военных сборов.
 Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович — политический и государственный деятель.
 Стивенсон Роберт Льюис Бэлфур — английский писатель.
 Стилль Андре — французский писатель, публицист.
 Стокер Брэм (Абрахам) — ирландский писатель.
 Стругацкая Аделаида Андреевна — супруга БНС, астроном.
 Стругацкая Александра Ивановна — мать АБС, педагог.
 Стругацкая Мария Аркадьевна — дочь АНС.
 Стругацкий Андрей Борисович — сын БНС.
 Сэгава Масао — японский астроном, писатель.
 Таксиль Лео (Жоган-Пажес Мари Жозе Габриэль Антуан) — французский писатель, журналист.
 Твен Марк (Клеменс Сэмюэл Лэнгхорн) — американский писатель, журналист.
 Тендряков Владимир Фёдорович — писатель.
 Теселько Валентин Григорьевич — двоюродный брат АБС.
 Теселько Мария Ивановна — тетя АБС, сестра А. И. Стругацкой.

Тимашкова (дружески — Тимошкина) Галина Михайловна — астрометрист ГАО, супруга В. Новопашенного.

Тимошкина — см. Тимашкова.

Токугава Иэясу — японский государственный деятель.

Толстой Лев Николаевич — писатель, философ, публицист.

Томан (Анисимов) Николай Владимирович — писатель, критик.

Травинский Владилен (дружески — Владимир) Михайлович — писатель, ответственный секретарь журнала «Звезда».

Тушкан Георгий Павлович — писатель.

Тэйн Джон — американский писатель, математик.

Уильямсон Джек — американский писатель.

Уиндем Джон (Харрис Джон Уиндем Паркес Лукас Бейнон) — английский писатель.

Уэллман Мэнли Уэйд — американский писатель.

Уэллс Герберт Джордж — английский писатель.

Фёдоров Александр — корреспондент БНС.

Филлипс Питер — американский писатель.

Финней Джек (Финней Уолтер Брейден) — американский писатель.

Форстер Эдвард Морган — английский писатель.

Фортуатов Алексей Михайлович — племянник Е. Ошаниной-Фортуатовой.

Фрейд Зигмунд (Фрейд Сигизмунд Шломо) — австрийский невропатолог, психиатр и психолог.

Фуллер Джон Фредерик Чарлз — английский военный историк и теоретик.

Фучик Юлиус — чешский писатель, журналист, участник движения Сопротивления.

Хавин Виктор Петрович — математик, сокурсник БНС.

Хайнлайн Роберт Энсон — американский писатель.

Халифман Иосиф Аронович — энтомолог, писатель.

Хейфец Михаил Рувимович — литературовед, историк, друг БНС.

Хемингуэй Эрнест Миллер — американский писатель.

Хойл Фред (Фредерик) — английский астроном, писатель, популяризатор науки.

Хрущёв Никита Сергеевич — государственный и политический деятель.

Хршановский (ошиб. Кржижановский) Андрей Александрович — писатель, редактор, заведующий отделом прозы журнала «Звезда».

Циолковский Константин Эдуардович — основоположник теоретической космонавтики, писатель, философ.

Чаковский Александр Борисович — писатель, журналист, главный редактор «Литературной газеты».

Чендлер Б. — см. Чэндлер.

Чёрная Наталия Ильинична — критик, литературовед.

Честертон Гилберт Кийт — английский писатель.

Чижевский Герман Михайлович — писатель, биолог, популяризатор науки.

Чистяков Юрий Николаевич — астроном, друг БНС.

Чуканов Михаил — сотрудник издательства «Детская литература».

Чуковский Корней Иванович (Корнейчуков Николай Васильевич) — писатель, критик, переводчик.

Чуковский Николай Корнеевич — писатель, переводчик.

Чэндлер Бертрам — австралийский писатель.

Шалимов Александр Иванович — писатель.

Шапиро (псевдоним — Бахтамов) Рафаил Борисович — писатель, популяризатор науки.

Шахбазян Юрий Леонович — начальник отдела астрономической техники ГАО, друг БНС.

Шейкин Аскольд Львович — писатель, сценарист.

Шекли Роберт — американский писатель.
 Шекспир Уильям — английский драматург, поэт.
 Шепли Харлоу — американский астроном.
 Шкловский Виктор Борисович — писатель, литературовед.
 Шкловский Иосиф Самуилович — астроном, астрофизик, популяризатор науки.
 Шпанов Николай Николаевич — писатель.
 Эйнштейн Альберт — немецкий, американский физик, общественный деятель.
 Элина — подруга Т. Калецкой.
 Эмис Кингсли Уильям — английский писатель, поэт, литературовед.
 Эразм Роттердамский Дезидерий — немецкий философ.
 Эренбург Илья Григорьевич (Гиршевич) — писатель, поэт, публицист.
 Этингоф Евгений Борисович — заместитель главного редактора издательства «Знание».

В. Курильский

Указатель заглавий произведений и их аббревиатур

1-е люди на 1-м плоту — Первые люди на первом плоту.
 Б — Беспокойство.
 Бедные злые люди. Варианты заглавия: Молитва, Трудно быть богом.
 Белый конус Алаида.
 Беспокойство.
 БЗЛ — Бедные злые люди.
 БКА — Белый конус Алаида.
 В — Возвращение.
 В дебрях Европы (Три богатыря) — замысел.
 ВГВ — Волны гасят ветер.
 Великий КРИ — см. Загадка задней ноги.
 Возвращение — см. Полдень, XXII век.
 Волны гасят ветер.
 Второе нашествие марсиан. Вариант заглавия: Записки здравомыслящего.
 Гадкие лебеди.
 ГЛ — Гадкие лебеди.
 Далекая Радуга.
 Дебри Европы — см. В дебрях Европы.
 День затмения.
 Десантники — новелла из повести «Полдень, XXII век».
 ДЗ — День затмения.
 Дни Кракена.
 Дорожный знак — рассказ, вошедший в повесть «Трудно быть богом».
 ДР — Далекая Радуга.
 ЖВМ — Жук в муравейнике.
 Жук в муравейнике.
 За миллиард лет до конца света.
 Загадка задней ноги — новелла из повести «Полдень, XXII век». Вариант заглавия: Великий КРИ.
 Записки здравомыслящего — см. Второе нашествие марсиан.
 ЗМЛДКС — За миллиард лет до конца света.
 Извне.
 К вопросу о циклотации. Вариант заглавия: Попущение.
 КВОЦ — К вопросу о циклотации.
 Кракен — см. Дни Кракена.

- Крысы — см. Хищные вещи века.
- Летающие кочевники — см. Первые люди на первом плоту.
- М — Малыш.
- Маги — см. Понедельник начинается в субботу.
- Малыш.
- Машина времени — рассказ, вошедший в повесть «Понедельник начинается в субботу».
- Мигранты — О странствующих и путешествующих.
- Молитва — см. Бедные злые люди.
- Н — Наблюдатель.
- Наблюдатель — см. Трудно быть богом.
- Наблюдатель на Седьмом небе — см. Трудно быть богом.
- Нужно быть богом — замысел продолжения повести «Трудно быть богом».
- О странствующих и путешествующих. Вариант заглавия: Мигранты.
- Обитаемый остров.
- ОЗ — Отягощенные злом, или Сорок лет спустя.
- ОО — Обитаемый остров.
- Отель «У погибшего альпиниста».
- Отягощенные злом, или Сорок лет спустя.
- ОУПА — Отель «У погибшего альпиниста».
- Парень из преисподней.
- Первые люди на первом плоту. Варианты заглавия: Дикие викинги, Летающие кочевники.
- Пионовый фонарь — перевод АНС повести Саньютэя Энтё.
- ПХХПВ — Полдень, XXII век.
- ПИП — Парень из преисподней.
- ПКБ — Попытка к бегству.
- ПЛНПП — Первые люди на первом плоту.
- ПНА — Путь на Амальтею.
- ПНВС — Понедельник начинается в субботу.
- Поиск предназначения, или Двадцать седьмая теорема этики.
- Полдень, XXII век. Вариант заглавия: Возвращение.
- Понедельник начинается в субботу [как повесть]. Вариант заглавия: Маги.
- Понедельник начинается в субботу [как раннее заглавие] — см. Трудно быть богом.
- Попущение — см. К вопросу о циклотации.
- Попытка к бегству.
- ПП — Поиск предназначения.
- Путь на Амальтею.
- Радуга — см. Далекая Радуга.
- С — Стажеры.
- СБТ — Страна багровых туч.
- СВД — Суета вокруг дивана.
- Седьмое небо — см. Трудно быть богом.
- Спонтанный рефлекс.
- СР — Спонтанный рефлекс.
- Стажеры.
- Страна багровых туч.
- Суета вокруг дивана. Первая часть повести «Понедельник начинается в субботу».
- ТББ — Трудно быть богом.
- Трудно быть богом [как повесть]. Варианты заглавия: Наблюдатель, Наблюдатель на Седьмом небе, Понедельник начинается в субботу, Седьмое небо.
- Трудно быть богом [как рассказ] — см. Бедные злые люди.

Улитка на склоне.

УНС — Улитка на склоне.

Фонарь — см. Пионовый фонарь.

ХВВ — Хищные вещи века.

Хищные вещи века. Вариант заглавия: Крысы.

Хромая судьба.

ХС — Хромая судьба.

Частные предположения.

ЧП — Частные предположения.

Шесть спичек.

ЭВП — Экспедиция в преисподнюю.

Экспедиция в преисподнюю.

В. Курильский

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Далекая Радуга	3
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Трудно быть богом	71
ИЗ АРХИВА	
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Бедные злые люди	168
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Первые люди на первом плоту	170
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. К вопросу о циклотации	176
ВАРИАНТЫ РУКОПИСЕЙ И ИЗДАНИЙ	
«Далекая Радуга»	184
«Трудно быть богом»	191

Раздел II. ПУБЛИЦИСТИКА

ОПУБЛИКОВАННОЕ

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. [Предисловие к набору открыток А. Соколова]	213
Аркадий Стругацкий. [Предложения по работе конференции]	215
ИЗ АРХИВА	
Аркадий Стругацкий. Кобаяси Такидзи	216
Аркадий Стругацкий. Рецензия на повесть Н. Разговорова «Четыре четверки»	218
Аркадий Стругацкий. [Стенограмма выступления]	220
Аркадий Стругацкий. Краткий обзор: Kingsley Amis. New Maps of Hell	221
Аркадий Стругацкий. Рецензия на сборник «Мой лучший научно-фантастический рассказ»	227
Аркадий Стругацкий. Рецензия на повесть Артура Кларка «Пески Марса»	230
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Фантастика как метод: тезисы доклада	233
Аркадий Стругацкий. Общая рецензия на англо-американские научно-фантастические рассказы	235
Аркадий Стругацкий. Рецензия [на рассказы П. Андерсона, П. Филлипса, А. Кларка]	240
Аркадий Стругацкий. Научная фантастика в Советском Союзе	241

Раздел III. ПИСЬМА, ДНЕВНИКИ, ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Переписка, 1963	244
Борис Стругацкий. Письма супруге, 1963	312
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Рабочие записи, 1963	316
Аркадий Стругацкий. Дневник, 1961–1965	317
Аркадий Стругацкий. Дневник приездов в Ленинград, 1962–1970	321

Аркадий Стругацкий. Дневник, 1963–1970	322
Аркадий Стругацкий. Записная книжка, 1962–1963	326
Аркадий Стругацкий. Записная книжка, 1962–1965	328

Раздел IV. ПРИЛОЖЕНИЯ

Необходимые пояснения	330
Комментарии и примечания	331
Библиография. 1963 г.	353
Указатель имен	355
Указатель заглавий произведений и их аббревиатур	362